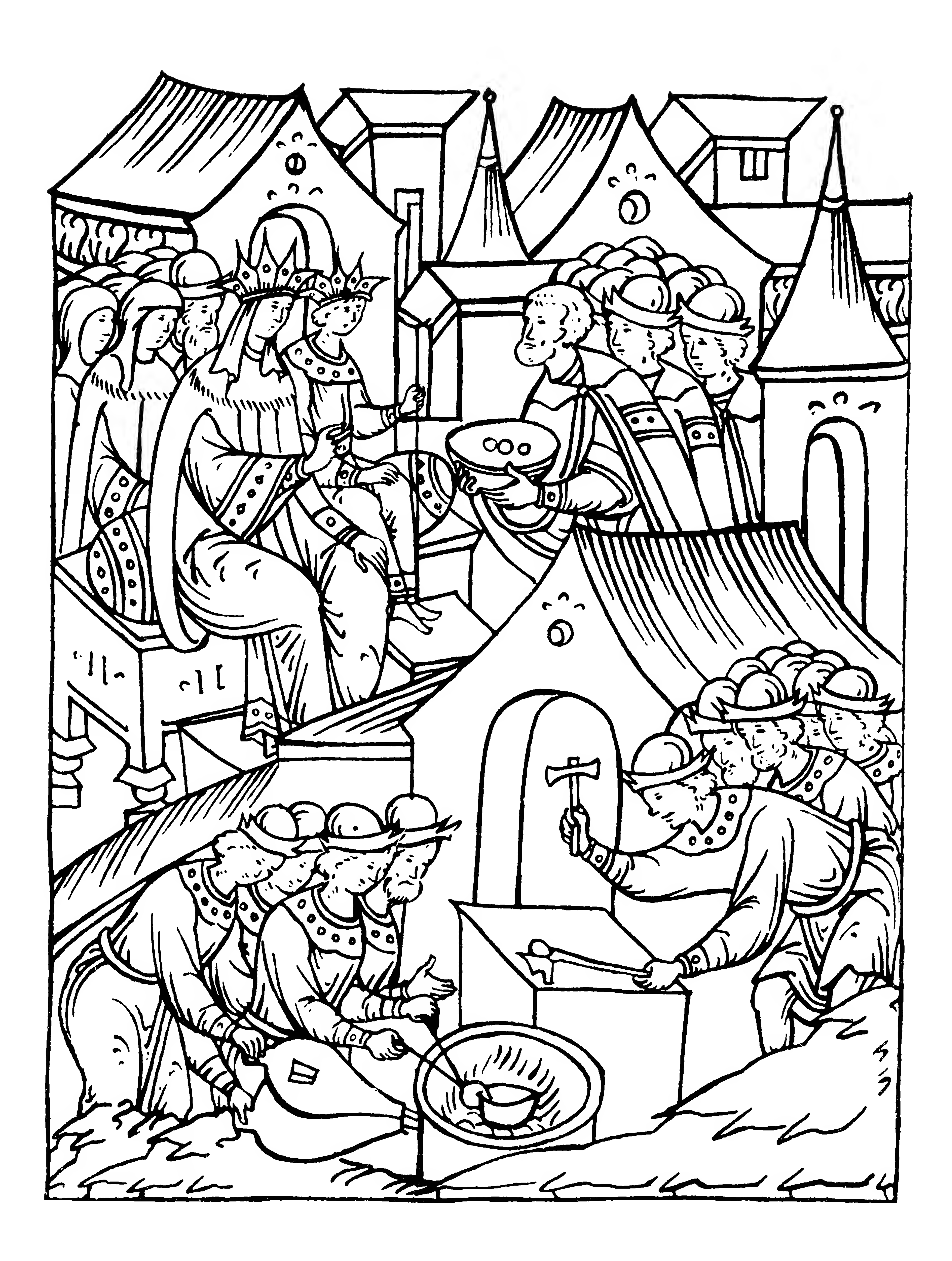
А.С.Мельникова

РУССКИЕ МОНЕТЫ ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО

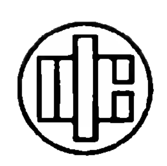

соу́щ лптѣломъ и си́лою :

А.С.Мельникова

РУССКИЕ МОНЕТЫ ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ с 1533 по 1682 год

МОСКВА
"ФИНАНСЫ И СТАТИСТИКА"
1989

ББК 63.2
М48

Рецензент доктор исторических наук *А. И. Юхт*

М $\frac{0502000000-107}{010(01)-89}$ 24—89

ISBN 5-279-00195-3

ВВЕДЕНИЕ

Денежное дело страны является одним из жизненно важных звеньев экономики. Эта область государственного хозяйства находится в теснейшей зависимости от общего уровня развития страны, оказывая в то же время обратное влияние на самые существенные стороны исторического процесса. Денежное обращение представляет собой важнейший компонент социально-экономической жизни общества. Ведомства, занятые производством денежных знаков, находятся на особом положении в системе институтов государственного аппарата.

Определение места и значения денежного дела в социально-экономическом развитии страны необходимо начинать с изучения самих монет. Однако русские средневековые монеты до последнего времени оставались вне сферы внимания историков, так как чисто технические трудности их исследования и отсутствие научной систематизации затрудняли использование данных нумизматики. С другой стороны, нумизматы были слишком замкнуты на узкопрофессиональных проблемах, поскольку колоссальная источниковая база требовала немало времени для ее освоения, а технические трудности, связанные с изучением сотен тысяч слепых, неудобочитаемых монет, делали необходимой разработку продуктивной методики исследования монет. Ныне наступил период, когда количественное и качественное накопление знаний позволило приступить к обобщающим трудам по русской нумизматике и ввести в научный оборот новый вид исторического источника: русские монеты XVI—XVII вв. В сочетании с данными памятников письменности они образуют обширную и богатую информацией источниковую базу, состояние которой на сегодняшний день позволяет решать многие проблемы отечественной истории, ранее изучавшиеся только с помощью традиционного типа источников — письменных.

Задача этой книги — рассказать о том, что представляла собой русская монетная система в XVI—XVII вв., какие этапы развития она прошла, как выполняла русская монета свои основные функции: служить мерой стоимостей, средством обращения, платежа и образования сокровищ, каково было ее положение в системе мировых денег. Поскольку изучение монет базируется на изучении техники их чеканки, организации монетного производства и состояния сырьевой базы, все эти вопросы в той или иной степени нашли освещение на страницах этой книги. Известно, что в средние века монеты служили едва ли не главным средством массовой информации. Русские монеты XVI—XVII вв. ранее не рассматривались с этой точки зрения;

нами сделана попытка изучить прокламативное значение русских монет как средства официальной идеологии.

Советская историческая наука определяет нумизматику как научно-вспомогательную дисциплину, изучающую историю товарно-денежных отношений по их материальным остаткам — монетам. История развития товарно-денежных отношений в Русском государстве в XVI и XVII вв. достаточно полно и всесторонне разработана в отечественной историографии. Однако результаты нумизматических исследований, сопоставленные с известными фактами и схемой экономического развития России, не только дополняют новыми подробностями уже сложившуюся картину. Освещение ряда социально-экономических проблем получает иное толкование благодаря новому источнику; изучение некоторых вопросов экономической истории приобретает совершенно отличный от прежнего аспект. Впрочем, автор этой книги не ставил перед собой задачу рассмотреть (или пересмотреть) социально-экономическую историю Русского централизованного государства с позиций нумизмата. Социально-экономические вопросы попадали в поле зрения автора постольку, поскольку они оказывались необходимыми для изучения хода развития русской денежной системы. Свою главную задачу он видел в обработке нумизматического материала, в создании научной систематизации русских монет 1533—1682 гг., которая делает монеты полноценным историческим источником, предоставленным в распоряжение любого исследователя.

Практическое применение настоящей работы состоит также и в том, что она может быть использована как пособие при определении монет в музейных собраниях и при находке монетных кладов. Имеющиеся в приложении графические таблицы с изображением монет и их фоторепродукции могут быть использованы в качестве каталога-определителя русских монет 1533—1682 гг. Нелишним будет сказать, что подобного определителя, где каждый монетный тип атрибутирован по времени и месту чеканки, до сих пор не было, что в немалой степени способствовало гибели монетных кладов, остававшихся без должной оценки их исторического значения (монеты клада не только расхищались в момент находки, но даже в случае передачи клада в музей зачастую не сохранялись как единый комплекс). Отсутствие определителя русских монет XVI—XVII вв. исключало возможность грамотной обработки нумизматических собраний в музеях. Вместе с тем предложенный каталог должен способствовать дальнейшим исследованиям монет этого периода и выявлению новых типов в кладах и коллекциях. Поскольку научное изучение русских монет XVI—XVII вв. делает только первые свои шаги, открывается широкая возможность для дальнейшего уточнения и расширения знаний об этих монетах. Новые находки и исследования будут служить критерием правильности предложенной нами методики и в свою очередь способствовать дальнейшему ее совершенствованию.

Настоящая работа была выполнена в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея. Сотрудники центральных и краеведческих музеев неизменно шли навстречу автору при изучении собраний монет. Автор глубоко благодарен коллегам из Псковского, Новгородского, Вологодского, Ярославского, Костромского, Солигаличского, Калининского, Ивановского, Владимиро-Суздальского, Рязанского, Тульского, Смоленского, Брянского, Дмитровского, Звенигородского музеев, Музея истории Латвийской ССР,

Краеведческого музея г. Пярну, Института истории АН Эстонской ССР, московских музеев — Оружейной палаты, Музея истории и реконструкции Москвы, Коломенского музея-заповедника. Работа велась более двух десятилетий, и состав хранительских отделов за это время изменился, поэтому автор не имеет возможности поименно перечислить и поблагодарить всех тех, кто так или иначе ему помогал. Большую помощь в работе над материалом оказали его коллеги в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа: В. М. Потин, В. А. Калинин, М. П. Сотникова. Особая благодарность автора обращена к И. Г. Спасскому. Автор также многим обязан советам и участию А. Л. Хорошкевич, Г. А. Федорова-Давыдова, В. Б. Кобрина, В. В. Бартошевича, М. Б. Горнунга, А. И. Юхта, Д. Б. Шелова, Е. И. Каменцевой.

* * *

По удачному выражению русского экономиста И. И. Кауфмана, повторенному первым современным исследователем русских монет XVI—XVII вв. И. Г. Спасским, «царский период» (так называют монеты, заключенные в хронологические рамки между 1547 г. и денежной реформой Петра I) стал «диким полем» русской нумизматики, настолько отстало его изучение по сравнению с другими ее разделами[1].

Сравнение русской нумизматики XVI—XVII вв. с «диким полем» было сделано в 1961 г. За прошедшие после этой даты годы в данной области нумизматической науки было сделано очень много благодаря изысканиям и самого И. Г. Спасского, и его последователей. На сегодняшний день можно с удовлетворением констатировать: «дикое поле» русской нумизматики уже возделано. Пришла пора, образно выражаясь, собирать плоды с этого поля. Предложенная в трудах советских исследователей научная систематизация «царских» монет в целом отражает объективное развитие денежного хозяйства русского государства в XVI—XVII вв. Однако создание научной систематизации монет не должно являться самоцелью: она только вводит в научный оборот нумизматический источник, подобно тому как археографы и текстологи подготавливают к изданию рукопись. Но если последние могут быть уверенными в том, что обработанный и опубликованный ими источник найдет применение в исторических исследованиях, у нумизматов, занимающихся русским средневековьем, такой уверенности быть не может. Специфика нумизматического памятника, даже соответствующим образом обработанного, такова, что требуются специальные знания и навыки, чтобы «прочитать» его в соответствующем контексте исторического процесса. Поэтому нумизматы вынуждены становиться и историками, и экономистами, чтобы не только утвердить место и значение своего источника, но и самим производить исторические исследования на нумизматической основе.

Перед советской нумизматикой стоит теперь задача, подготовленная всем объемом и характером нумизматических изысканий в области изучения русских монет XVI—XVII вв., — на основе научно систематизированного фонда монет разработать историю денежного обращения Русского централизованного государства. Методологической основой такого исследования должны стать известные высказывания В. И. Ленина о содержании исторических процессов в России XVI и XVII вв.: «...в средние века, в эпоху московского царства... о национальных связях в собственном смысле слова едва

ли можно было говорить... государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»[2].

Источниковой базой настоящего исследования являются нумизматические коллекции Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа и собрания кладов ряда краеведческих музеев РСФСР и союзных республик.

Основная коллекция и клады монет XVI—XVII вв. в собрании ОН ГИМ насчитывают в общей сложности около 100 000 экз. Клады ОН ГИМ, по преимуществу происходящие из центральных областей европейской части РСФСР, наиболее полно представляют денежное обращение московского ареала. Также важны для изучения денежного обращения этого ареала были клады Музея истории и реконструкции Москвы, Музеев Московского кремля и музея-заповедника «Коломенское». Клады собрания ОН ГЭ представили денежное обращение северо-западных районов европейской части РСФСР. К этому комплексу примыкают клады Псковского музея, клады Эстонии (собрания кладов, хранящиеся в Институте истории АН Эстонский ССР и в Пярнуском музее), клады Латвии из Музея истории Латвийской ССР. Особое место среди монетных комплексов северо-запада России занимает собрание кладов Новгородского музея, характеризующих денежное обращение Новгородской земли. Денежное обращение Тверской земли отразилось в кладах Калининского музея; к ним присоединились другие находки из Калининской области собраний ОН ГИМ и ОН ГЭ. Клады Вологодского, Ярославского, Костромского, Галичского, Солигаличского и Ивановского музеев охарактеризовали денежное обращение поморских городов. В собраниях кладов Смоленского и Брянского музеев нашло отражение денежное обращение северских городов. Помимо этих более или менее компактных групп кладов в собраниях центральных и краеведческих музеев обнаружились отдельные клады, позволяющие судить об особенностях денежного обращения к востоку и юго-востоку от Москвы (клады Рязанского и Тульского музеев, находки из Пензенской, Тамбовской, Курской и Воронежской областей).

Общее количество использованных в работе монет, включая основную коллекцию ОН ГИМ, составляет цифру, близкую к 200 000 экз., общее число выявленных кладов — около 1000, из которых 234 клада удалось изучить визуально. Источниковая база предшествующих исследований была значительно меньше; особенно это относится к монетам XVI — начала XVII в., для первоначального варианта систематизации которых в 50-х годах было привлечено всего 18 кладов и около 10 000 монет.

Нумизматические источники, на основании которых написана работа, по существу можно приравнять к неопубликованным материалам, извлеченным из архивов и впервые введенным в научный оборот.

К числу собственно архивных материалов, использованных в настоящей работе, следует отнести Дела Археологической комиссии, хранящиеся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Там содержатся сведения о составе кладов, поступивших в Археологическую комиссию. Сведения эти очень неконкретны, но некоторые данные — указания на место находки, величину, примерный состав и время захоронения клада — извлечь из них можно. В архиве Псковского историко-художественного музея-заповедника нашлись интересные материалы о работе Псковского денежного двора в середине XVII в. Такие же данные удалось получить из остатков делопроизводства Московского Нового («Английского») денежного двора середины XVII в., хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Там же в фонде Разрядного приказа встречаются отдельные документы о чеканке фальшивых монет и борьбе с фальшивомонетчиками, о ходе проведения денежной реформы 1654—1663 гг., о характере денежного обращения и соотношении русской серебряной копейки с иноземной монетой в «порубежных» областях.

Наибольшую ценность среди опубликованных источников представляет Торговая книга — практическое руководство для торговых людей, своеобразная торговая инструкция, сложившаяся около 1575 г.[3] Использование Торговой книги продолжалось до начала второго десятилетия XVII в. Она называет русские денежные единицы, сообщает данные о системе денежного счета, приводит размеры государственных закупочных цен на сырье для чеканки монет, размеры и порядок взимания пошлин на денежном дворе[4].

Следующим по значению среди опубликованных памятников денежного дела являются Записные книги Новгородского денежного двора 1610 — 1617 гг. Книги хранятся в Стокгольмском государственном архиве; часть сведений из них была издана в 1864 и 1890 гг.[5] В наше время группа советских исследователей, обследовав весь комплекс документов по истории русско-шведских отношений в Стокгольмском архиве, микрофильмировала их, в том числе и Книги Новгородского двора; микрофильмы хранятся в ЦГАДА[6]. Частичное издание и обработка сведений из этих книг были предприняты в 1983 г. в США[7]. Книги Новгородского денежного двора дают представление об организации денежного производства в XVI — начале XVII в., позволяют вычислить нормы угара сырья, размеры плавильной и золотничной пошлин, взимаемых «на государя», установить размер платы мастерам с гривенки переработанного сырья. По Книгам вырисовывается круг заказчиков и устанавливается объем заказов, исходящих от основного контингента заказчиков Новгородского двора — торговых людей. Хотя Книги отражают деятельность Новгородского денежного двора, однако, надо полагать, организация труда была сходной на других дворах Русского государства в XVI — начале XVII в. Предоставляя общие данные о денежном производстве, Книги являются также важным источником для изучения состояния денежного дела в Новгороде в период шведской оккупации 1611 — 1617 гг. О Новгородском и Псковском денежных дворах 80-х годов XVI в. имеются краткие сведения в Новгородской и Псковской писцовых книгах[8]. Совсем недавно был опубликован очень интересный документ — опись состояния, помещения и оборудования Новгородского денежного двора после освобождения его от шведов в 1617 г. Вместе с известным указом 1617 г. о возобновлении деятельности Новгородского двора новые данные дают важную информацию и о состоянии этого денежного

производства, и о тех переменах, которые произошли в русском денежном деле в начале и середине второго десятилетия XVII в.[9]

Иностранцы, посетившие Россию в XVI—XVII вв., составили весьма точные наблюдения о русских монетах и организации денежного производства, о соотношении ценности русских и иностранных денег, о ценах на монетное сырье — ефимки и сырое серебро, на медь в годы денежной реформы 1654—1663 гг., об использовании в русской торговле в качестве средства платежа иноземной монеты. Для XVI — начала XVII в. — это англичанин Д. Гесс, побывавший в России в 1554 г.[10], итальянец Рафаэль Барберини (1565 г.)[11], Даниил Принц из Бухова (1576 и 1578 гг.)[12], французский капитан на русской службе Маржерет (1580—1606 гг.)[13]. Для XVII в. — это Мейерберг[14], Кильбургер[15], Иоган де Родес [16], Павел Алеппский [17], Юрий Крижанич[18], Адам Олеарий[19].

Наш соотечественник Г. К. Котошихин также оставил чрезвычайно интересные сведения о ходе денежной реформы 1654 — 1663 гг. и о денежном деле в России во второй половине XVII в.[20]

Очень интересным и достоверным источником для изучения русского денежного обращения являются иностранные словари XVI—XVII вв. Это немецкий словарь Томаса Шрове, составленный до 30-х годов XVI в., словарь Берлинской библиотеки, относящийся к середине XVI в., французско-русский словарь Жана Соважа (или купцов Коласа и дю Реналь) 1586 г., русско-немецкий словарь Тённиса Фенне 1607 г., торговавшего в Пскове, словарь англичанина Ричарда Джемса, составленный в 1618—1619 гг. на русском севере[21]. Авторы словарей в большинстве своем — люди, знавшие русский язык и знакомые с условиями русской жизни, предназначались эти словари для обслуживания торговли, поэтому в них помещались сведения, относящиеся к русскому денежному счету и системе денежных номиналов. В целом эти сведения совпадают с данными Торговой книги, но есть в словарях и ряд новых терминов, названий денежных единиц, видимо, употребительных в разговорной речи.

Большое значение для изучения условий торговли драгоценными металлами в России имеют данные о русско-шведской торговле, которые объединены в специальных сборниках документов[22]. В Сборник документов по монетному делу, изданный еще в конце прошлого века, входят наиболее значительные указы, относящиеся к организации денежного производства начиная с 1649 г.[23] Для более раннего времени подобные сведения приходится искать в различных других сборниках документов, в летописных известиях. В частности, летописи содержат интересные, хотя и запутанные сведения о денежной реформе 1535—1538 гг.; сведения о состоянии денежного дела в Москве во время оккупации ее поляками мы находим в «Отчетах расходов царской казны после разгрома Москвы поляками в 1611 — 1612 гг.»[24] и т. п. Разумеется, такие законодательные документы, как Судебники, Уложение 1649 г., Новый Торговый Устав 1667 г., Таможенный Устав 1653 г., также нашли применение в работе.

То обстоятельство, что в основу настоящего исследования положены вещественные источники, определяет важность выбора правильной методики обработки материала. Методы работы со средневековыми русскими монетами развивались и совершенствовались параллельно с изучением денежного обращения. За последние десятилетия сложилась целая система методов исследования русских монет XVI—XVII вв., которая вкратце сводится к

следующему. Источниковедческий анализ монет предполагает прежде всего изучение внешних признаков: техники чеканки, веса, пробы, формы и содержания рисунков и надписей, названия денежных единиц, времени выпуска монеты. Данные источниковедческого анализа желательно связать с показаниями письменных источников и извлечь из этого необходимую информацию. Однако эта логически оправданная методика упирается в крайнюю трудность, с которой сталкивается исследователь, приступая к анализу монет XVI—XVII вв., и которая обусловлена их эпиграфической и изобразительной бедностью, плохой сохранностью и подавляюще огромными количествами монет этого периода, требующих визуального изучения. Но именно это последнее обстоятельство — массовость источника — является непременным условием разработки методики исследования этого материала и в то же время причиной успеха этой методики.

Необходимость получения массовой стандартной продукции породила еще в XV в. важное усовершенствование в технике чеканки. Рисунки и надписи стали наносить не на штемпеля (чеканы), а на особо прочную матрицу (маточник), и уже с нее оттискивать на чеканы. Для лицевых и оборотных сторон резались отдельные маточники. Русские источники называют их «исподниками» и «вершниками». Каждый маточник мог служить для производства определенного количества совершенно идентичных штемпелей (чеканов), которые в свою очередь давали жизнь серийному выпуску монет одного типа. При изнашивании чеканов их вновь продуцировали с маточника, пока последний не изнашивался сам.

Когда в распоряжении исследователя имеется большое количество монет одного типа, можно проследить по изменениям на монетах все стадии жизни маточника — от его изготовления, разрушения в процессе работы до полного уничтожения. Уничтожались лишь изображения и рисунки, а сам маточник сохранялся как основа для нового. Поскольку износ верхнего и нижнего маточников происходил неравномерно и скорее изнашивался тот, где было много мелких и хрупких деталей, вместо сносившегося маточника вводился в действие новый, который вместе с сохранившимися маточниками давал жизнь новой серии монет одного типа. Оборотные маточники с именем и титулом царя заменялись при смене правления; лицевые могли использоваться на протяжении нескольких правлений, так как в большинстве своем не имели датирующих признаков.

Тщательно изучая мельчайшие детали рисунка и надписей на монетах, или, как говорят нумизматы, оформление монетного поля, необходимым условием для чего является наличие большого количества монет одного типа, можно установить последовательность замены маточников в пределах одного центра чеканки на протяжении ряда лет. Эти наблюдения создают основу для создания *относительной* хронологии недатированных русских монет. Для получения *абсолютных* дат привлекаются данные кладов, монеты которых разобраны по штемпелям, хронологически и топографически определены. Количество привлекаемых кладов не ограничивается, так как в данном случае необходимо иметь гарантию того, что состав кладов полностью отражает состав денежного обращения в момент сокрытия клада. Сравнительный анализ кладов, зарытых в разное время, в разных местах, корректирует относительную хронологию и позволяет выявить последовательность смены маточников, нашедшую отражение в смене типов монет. Уточняет хронологию также изучение их индивидуальных весов.

Несмотря на огромные количества привлекаемых к исследованию монет, для определения объективно правильной весовой нормы каждого типа следует произвести взвешивание каждого экземпляра. Результаты взвешиваний наносятся на диаграммы, где на нижней оси указываются весовые показатели, а на боковой — количество монет. Кривая веса в высших своих точках фиксирует весовую норму, практически существующую; теоретическая весовая норма обычно на 1 — 2 сотые грамма бывает выше. Разница получается за счет износа монеты и утери веса в процессе обращения. Диаграммирование весовых показателей каждого типа делает возможным уловить изменение весовой нормы внутри одного типа монет на протяжении того времени, когда он выпускался на том или ином денежном дворе. Данные среднего веса монет одного типа в этом случае могут только указать на тенденцию изменения весовой нормы, и их оказывается недостаточно для выявления объективной картины. В подавляющем большинстве случаев изменение весовой нормы сопровождается изменением типа монет, заменой старых маточников новыми. Эти наблюдения также составили один из отправных критериев систематизации.

Однако выявление хронологической последовательности смены типов монет без точной датировки оказывается вне конкретной истории, обусловливающей все изменения в денежном деле. Выявленные схемой соотношения штемпелей группы сопряженных по штемпелям монет, свидетельствующие о чеканке их в одном центре, остаются абстрактным понятием, пока не связываются с определенным географическим центром. Нумизматические данные грозят оказаться мертвой условной схемой с весьма ограниченными возможностями для использования их как исторического источника. Схема оживает, когда на нумизматические данные наслаиваются данные письменных источников. Эти источники называют абсолютные даты, они дают материал для определения места чеканки, позволяют связать замеченные изменения в денежном хозяйстве с конкретными историческими обстоятельствами.

Таким образом создается объективный критерий для научной систематизации монет, уточняется их датировка в пределах одного — двух лет, что весьма существенно для недатированных русских монет, определяются центры чеканки, прослеживаются эволюция весовой нормы и развитие стилистики изображений.

Изучение техники чеканки находит графическое выражение в таблицах соотношения штемпелей. Каждая монета изображается в виде двух кружков, соединенных между собой чертой. Нижний кружок соответствует лицевому штемпелю, верхний — оборотному. Соединенные одной линией изображения лицевого и оборотного штемпелей представляют монету, чеканенную одной парой чеканов (штемпелей), снятых с идентичных маточников. Соединительные линии между кружками показывают разнообразные типы монет, образованные комбинациями различных лицевых и оборотных штемпелей. Схема соотношения штемпелей отражает хронологическую последовательность смены маточников. Размещение изображений на схеме и их нумерация соответствуют этой последовательности. Лицевые и оборотные маточники имеют каждый свою нумерацию, и отдельный тип монеты обозначается двумя цифрами: например, *1 — 2*, где *«1»* обозначает первый в ряду изображений снизу лицевой маточник (штемпель), а *«2»* — порядковый номер изображенного в верхнем ряду оборотного маточника (штемпеля). Названия денежных дворов даются сокращенно, например Московский — «М.» и т. д.

Графическая схема соотношения штемпелей несет сама по себе важную информацию. Тесная взаимосвязь монет по соотношению штемпелей, как правило, является объективным свидетельством о чеканке монет в одном центре. Благодаря этому удается разделить монеты со знаком одного и того же денежного двора на группы, действительно чеканенные на государственном денежном дворе, и группы, только подражающие подлинным монетам, поскольку они не связываются общими штемпелями с последними; чаще всего они оказываются фальшивыми, «воровскими» монетами. Монеты, чеканенные в непродолжительные отрезки времени, на схеме обычно тесно группируются, что дает дополнительный критерий для установления последовательности монетных типов. Лишь в исключительных случаях, вызванных особыми обстоятельствами, можно обнаружить использование какого-либо штемпеля, появившегося в начале правления, в сочетании со штемпелем, завершающим это правление. Но случаи использования разновременных штемпелей, зафиксированные схемой, являются тем «сигналом», который только подтверждает общее правило использования орудий чеканки и дает исследователю материал для поисков причин этого отклонения от правил. Нумизматический источник, организованный в схему соотношения штемпелей, становится важнейшим инструментом исследования.

Материал кладов является основным средством для корректировки показаний таблиц соотношений штемпелей. Главным условием для получения корректных выводов при работе с кладами должно выступать то обстоятельство, что выводы эти должны базироваться только на *сравнительном* изучении данных. Репрезентативность этого источника находится в прямой зависимости от количества привлеченных кладов и от того, насколько полно представлены кладами все ареалы денежного обращения.

Дополнительным компонентом исследования становится количество кладов, относящихся к определенному отрезку времени и найденных в определенной местности; сравниваются не только состав и топография кладов, но и их количества с учетом причин, побудивших изъять клады из обращения.

Результаты систематизации монет изучаемого периода (1533 — 1682 гг.) представлены в 13 таблицах соотношения штемпелей, которые одновременно могут служить и определителями типов монет. Схемы дополняют фототаблицы, где представлены фотоизображения типов монет, графически воспроизведенных на таблицах соотношения штемпелей. Графические воспроизведения изображений и надписей на монетах выполнены автором, который реконструировал полные штемпеля по массовым подборкам однотипных монет. Фотоизображения и графические прорисовки помимо прямого назначения — быть своего рода «наглядным пособием» исследования — могут быть использованы, как уже говорилось, как каталог-определитель монет. Он содержит самый полный на настоящее время перечень типов монет, выпускавшихся с 1533 по 1682 г. В работе также приводятся диаграммы веса этих монет. Они строились на основе весовых данных каждого типа монет, а в сводных диаграммах монет отдельных царствований запечатлелась общая тенденция изменений весовой нормы определенного отрезка времени.

РАЗДЕЛ I

ГЛАВА 1

Денежная реформа Елены Глинской

ридцатые годы XVI в. открывают новый период в русском денежном обращении, знаменующий оформление общерусской денежной системы Русского централизованного государства. Создание общерусской денежной системы было длительным процессом, начало которого следует искать еще в 20-х годах XV в.[1] Денежную реформу Елены Глинской принято считать заключительным этапом этого процесса, а созданную в результате реформы денежную систему — полностью освобожденной от пережитков феодальной чеканки, денежное производство, сложившееся после реформы, — централизованным[2].

Накопление знаний о монетах XVI в. после 1533 г., дальнейшее расширение источниковой базы за счет монетных кладов и выявления неизвестных ранее типов монет значительно поколебали эти представления[3]. Сложные условия русской действительности середины и второй половины XVI в. сказывались на характере и темпах создания общерусской монеты, а традиционная зависимость русского денежного производства от привозного сырья для чеканки делала его крайне чувствительным к изменениям внешнеполитической конъюнктуры. Изучение монет Ивана Грозного и Федора Ивановича невозможно без учета конкретных исторических условий жизни русского общества в этот сложный и противоречивый период русской истории.

Денежная реформа Елены Глинской в ряду социально-экономических явлений первой половины XVI в. представляет собой весьма знаменательное событие. Ее значение заключается не только в том, что она за короткий срок покончила с монетами периода феодальной раздробленности, оформила и закрепила национальную денежную систему, являющуюся естественным развитием и завершением веками существовавших в русских землях счетно-денежных понятий. Она характеризует политику русского правительства 30-х годов XVI в. и свидетельствует о незаурядных способностях инициаторов и исполнителей реформы, имена которых пока неизвестны для потомков. Нумизматический материал времени реформы представлен в табл. 1 соотношения штемпелей монет Ивана IV, фототабл. 1 — 4, а также на диагр. веса монет 1 и 2.

Чтобы должным образом оценить замысел реформы, продуманный и четкий план ее осуществления, нужно разобраться в датировке ее этапов, определить начальную и конечную даты ее проведения, немало запутанные про-

тиворечивыми летописными свидетельствами. Эти вопросы неоднократно служили предметом исследования русских и советских нумизматов. Впервые представил в виде каталога монеты, выпущенные в ходе реформы, крупнейший русский нумизмат рубежа XIX—XX вв. А. В. Орешников[4]. Его современник И. И. Кауфман, не обращаясь непосредственно к монетам, анализировал летописные свидетельства о реформе[5]. Из советских нумизматов к этой теме обращались Г. Б. Федоров, И. Г. Спасский, А. А. Зимин, Г. Г. Яковлев, В. Л. Янин и автор этих строк[6].

И. Г. Спасский, пересмотрев систему взглядов, разработанную А. В. Орешниковым и И. И. Кауфманом и поддержанную Г. Б. Федоровым, предложил новую датировку основных этапов проведения реформы и выделил типы монет, выпуск которых соответствовал каждому этапу реформы. Однако окончательные его выводы были далеко не бесспорны, и это доказал А. А. Зимин, подвергнув источниковедческой критике использование И. Г. Спасским летописных данных. Г. Г. Яковлев, опираясь на нумизматические данные, выступил с некоторыми поправками и уточнениями предложенной И. Г. Спасским схемы. В конечном результате у всех этих исследователей трактовка основных этапов проведения реформы оказалась различной, а в ряде существенных вопросов они разошлись во мнениях. В. Л. Янин и автор настоящей работы предложили практически одинаковую датировку, но при рассмотрении содержания этапов проведения реформы их выводы не совпали.

Причина, определившая разнобой в представлениях об этом важнейшем событии в истории русского денежного обращения, заключается, с одной стороны, в противоречивости летописных сведений о реформе, и с другой — в специфических особенностях русских монет XVI в., лишенных дат и указаний на место чеканки. Ввиду последнего обстоятельства целые группы монет датировались весьма приблизительно, и это не давало возможности связать время их выпуска с теми хронологическими вехами, указания на которые содержались в летописных рассказах о реформе.

Единственно надежным и объективным критерием достоверности датировки монет и правильности прочтения летописных сведений в данной ситуации могли служить монетные клады времени проведения денежной реформы. И. Г. Спасским были собраны сведения о десяти таких кладах, но для визуального изучения доступным оказался только один клад (ГЭ—IX; И. Г. Спасский называет его кладом неизвестного происхождения, хотя топография его известна — он происходит из с. Павловского Одоевского р-на Тульской обл.). Этих сведений, конечно, было мало для воссоздания научно объективной истории денежной реформы Елены Глинской, что констатировал сам автор спустя много лет[7].

В настоящее время круг нумизматических источников значительно расширился. Известно шесть визуально изученных кладов Ивана IV, зарытых до 1547 г. Вместе с тремя кладами, состав которых известен по литературе, общее число кладов, по которым можно изучать структуру денежного обращения 1533—1547 гг., равняется 9. А вообще известно 30 кладов, относящихся к 1533—1547 гг., к сожалению, без точных данных об их составе[8]. Можно надеяться, что сведения о кладах, которые в будущем попадут в научный оборот, будут публиковаться с учетом результатов поштемпельного анализа. Это послужит надежной гарантией для проверки правильности высказанных гипотез и поможет окончательно ответить на ряд неясных вопросов.

При изучении летописных сведений о реформе, на наш взгляд, следует различать сообщения, содержащиеся в разных областных летописных сводах.

Хотя И. Г. Спасский, а вслед за ним В. Л. Янин полагают, что все денежные дворы Русского государства в 30-х годах XVI в. управлялись единой волей из Москвы и работали на единое, не признававшее местных особенностей денежное обращение[9], знакомство с нумизматическими памятниками времени Ивана Грозного говорит об обратных явлениях: не было ни единого руководства денежными дворами, ни единого денежного обращения, хотя, разумеется, черты централизации в денежном деле уже давали о себе знать[10]. Тем более проведение денежной реформы в 30-х годах XVI в. имело свои особенности и свой темп в каждом из центров чеканки — в Москве, Новгороде, Пскове и Твери, и это не могло не отразиться в местных летописных сводах.

Поскольку общие распоряжения о переустройстве денежного обращения исходили от великокняжеской власти, центром происходящих событий была Москва и от московских летописей следует ждать самых ранних сведений о денежной реформе. В Воскресенской летописи имеется первая запись о реформе, датируемая мартом 7043 (1535) г.: «Того же месяца марта князь велики Иван Васильевичь всеа Руси и его мати великаа княгини Елена велели переделывати старые денги на новои чекан того деля, что было в старых денгах много обрезаных денех и подмесу, и в том было христианству великаа тягость; в старои гривенке было полтретиа рубля*, а в новых гривенках велели делати по три рубли; а подделщиков, которые люди денги подделывали и обрезывали, тех велели обыскивати, и иные, обыскав, казнили; а старым денгам впрок ходити не велели»[11].

А. А. Зимин, возражая И. Г. Спасскому, который считал эту запись неточной, полагал, что сведения Воскресенской летописи, напротив, наиболее достоверны, поскольку они содержатся во второй редакции летописи, составленной в 1537 г. современником событий 1535 г.[12] Эта запись содержит как бы самую общую программу реформы: наказание «подделщиков», запрет «старых денег» и переделку старых денег на новый чекан по пониженной стопе**. Указание на новый чекан может быть расценено как свидетельство о новом оформлении лицевого поля монеты, хотя ни о каких конкретных деталях оформления здесь не сообщается.

Позднейшая обработка этого рассказа содержится в Никоновской летописи, в записи, тоже датируемой 7043 (1535) г.: «Тоя же зимы князь великий и мати его великая княгини, видев неправду в людех, денег умножися подделных и резаных, и въсхоте то лукавъство из своего государьства вывести, и посъветовал о том з боляры, и повелел государь и его мати делати денги новые из гривенки по три рубли, а старые денги и подделные и резаные переделывати, а подделным и резаным не ходити; а в старых денгах в добрых, в новъгородках и в московъках, в гривенке полтретиа рубля з гривною, и великая княгини велела прибавити в гривенку новых денег, чтобы было людем не великой убыток от лихых денег, от подделных и от обрезаных, и впредь не велела лихым денгам ходити и подделщиков и обрезъщиков велела обыскивати и казнити»[13].

---

* В текст Воскресенской летописи вкралась ошибка — переписчик пропустил указание на гривну (счетная единица, составляющая 1/10 часть рубля), которое следовало после слов «полтретиа рубля». Следовательно, эту часть текста следует читать: «в старои гривенке было полтретиа рубля с гривной» (2,6 рубля или 260 денег). Такое чтение реконструируется по всем другим редакциям этой летописной записи.

** Стопа — характеристика, определяющая уставной вес монет данного выпуска. Обозначается количеством монет одного номинала, получившихся из определенного количества металла (здесь — из гривенки весом в 204,756 г).

В Царственной книге[14] и Львовской летописи[15] содержится тот же рассказ с незначительными изменениями.

В отличие от этих поздних редакций рассказа о денежной реформе, в Вологодско-Пермской летописи запись сделана московским современником[16]. Летопись описывает события, связанные с денежной реформой, под 7044 и 7046 (1536 и 1538) гг., разделяя ее как бы на два этапа. Под 7044 (1536) г. летопись сообщает: «Князь великии Иван Васильевич велел заповедати, не ходити старым денгам Ноугородкам, а велел делати денги Ноугородки новое кузло* в Новегороде и во Пьскове по три рубли из гривенки, а старое было кузло по полутретья рубля з гривною из гривенки»[17]. В. Л. Янин уточняет дату записи этого события мартом — августом 1536 г.[18] В 7046 г. (апрель — август 1538 г.[19]) летопись продолжает: «Князь великий Иван Васильевич велел заповедати, не ходити старым денгам Московкам, а велел делати денги Московки новое кузло на Москве по три рубли из гривенки, а старое было кузло по полутретья рубля з гривною из гривенки»[20].

Таковы записи современников, очевидцев событий, о реформе. Они называют три даты: март 1535 г., март — август 1536 г. и апрель — август 1538 г. Все записи сообщают, что начало реформе положили массовые казни фальшивомонетчиков, затем были запрещены старые деньги и началась чеканка новых, по облегченной, трехрублевой стопе. Новые монеты называются старыми названиями: в Вологодско-Пермской летописи — «Ноугородки новое кузло» и «Московки новое кузло», причем разделяется время их выпуска: первые — в 7044 (1536) г. и вторые — в 7046 (1538) г. Что особенно важно для дальнейшего изучения чекана Ивана Грозного, в этой летописи различаются места их чеканки — новгородки должны чеканиться в Новгороде и Пскове, московки — в Москве. В более ранних записях Воскресенской летописи (март 1535 г.) подобных сведений не содержится. Заметим, что в указанных записях современников пока новых названий номиналов не встречается; речь идет исключительно только о новой стопе, хотя из текста летописей совершенно очевидно, что новые деньги визуально должны отличаться от старых — их делают «на новый чекан».

Новые сведения о реформе содержатся в группе Псковских летописей. Псковское летописание сообщает о реформе под 7046 и 7045 (1538 и 1537) гг. Как уточнил В. Л. Янин, запись в 1-й Псковской летописи по Погодинскому списку датируется серединой мая — началом июня 1538 г.[21]: «Того же лета отставиша всякими денгами не торговати и старыми и начаша торговати денгами новыми, копеиками, не токмо в Пскове, но и везде; и бысть людем вельми убыток велик в старых денгах»[22]. В Строевском списке 3-й Псковской летописи запись датируется 7045 (1537) г.; однако эта запись является вторичной, сокращенной записью 1538 г. из свода 1547 г.[23]; В. Л. Янин датирует запись 3-й Псковской летописи тоже 1538 г.[24]: «да тогды же резаныя денги перековаша, да коваша копеики денги»[25].

Как явственно следует из контекста записей в псковском летописании, сообщения о денежной реформе имеют здесь констатирующий характер, они сообщают об уже хорошо известном факте — известно, что новые деньги распространились «не токмо в Пскове, но и везде», но здесь называется новый номинал — «копеика», в отличие от «Ноугородок новое кузло» Вологодско-Пермской летописи. 1538-й год в псковских летописях и в Вологодско-Пермской

* Здесь то же, что и стопа.

летописи, по всей видимости, является завершающей датой реформы. Характерно, что псковские летописи ничего не сообщают о новой стопе, они только говорят об «убытке в старых денгах»; нам кажется, это тоже может служить доказательством того, что к 1538 г. «новое кузло» получило достаточно широкое распространение и вошло в быт.

Более всего подробностей о реформе содержится в новгородском летописании, хотя в сообщениях новгородских летописей нет единообразия ни в датировке, ни в полноте описания событий. Наиболее краткая запись содержится в Новгородской 2-й летописи под 7043 (1535) г.: «Тое же зимы февраля в 24 день заповедал князь великии Иван Васильевичь денгам ходити обрезаным, а велел новыми денгами торговати с копьем»[26]. Путаные датировки других событий, среди записей о которых помещены сведения о реформе, заставляют с недоверием отнестись к указанной здесь дате реформы — 24 февраля 1535 г. В. Л. Янин пишет, что ее с равным основанием можно отнести и к 1535, и к 1536 г. «Важным для нас, — заключает он, — здесь оказывается то, что какой-то касающийся реформы указ отнесен к 24 февраля»[27].

В «Сокращенном Новгородском летописце» (Летописце Н. К. Никольского) появляется новая дата: «...Лето 7042-го. Месяца апреля повелел князь великыи Иван Васильевичь в Москве и в Великом Новегороде и по инем градом старыми московками не торговати, но сливати их в сребро, понеже безумнии человеци денги и московки резали; и повеле из гривенкы скаловои сребра быти по три рубля Московская; равно и по инем градом. (В) лето 7043. Повеле торговати новыми денгами: денга с копьем»[28]. А. А. Шахматов установил, что «Сокращенный летописец» представляет собой сокращенную выборку сведений из Новгородского владычного свода 1539 г., а А. А. Зимин показал, что московские события здесь изложены по устным сообщениям, хронология их весьма перепутана и датировать этот рассказ следует апрелем 7046 г. (а не 7042 г., как указано в летописи)[29]. В. Л. Янин также считает возможным датировать этот рассказ 7046 (1538) г., поскольку видит в нем парафраз сообщения 7046 г. Вологодско-Пермской летописи, сообщающей о запрещении старых московок[30].

Разумеется, нельзя не признать сомнительность датировки записи о реформе в «Сокращенном летописце». Однако вряд ли следует так безоговорочно сбрасывать со счетов указание на какие-то два этапа реформы, о которых четко говорит летопись: запрещение торговать старыми московками (почему-то говорится только о московках!) в 7042 (1534) г. и повеление торговать новыми деньгами с копьем (копейками) в 7043 (1535) г., тем более что нумизматический материал, как будет видно из дальнейшего изложения, проливает свет на эту летописную информацию.

Наиболее подробной записью о реформе представляется Новгородская Софийская летопись, которую обычно используют при рассказе о денежной реформе. «Того же лета 7043 государь князь велики Иван Васильевич всеа Руси, в третье лето государьства своего, по преставлении отца своего великого князя Василья Ивановича всея Руси, повеле делати денги сребряные новые на свое имя, без всякого примеса из гривенки и(з) скаловые триста денег Новгородских, а в Московское число три рубля Московская ровно. А по указу отца его великого князя Василья Ивановича всея Руси ис тое же гривенки делали полтретья ста денег Новгороцких 10, а в московское число полтретья рубля з гривною; а при великом князе Василье Ивановиче бысть знамя на денгах князь велики на коне, а имея мечь в руце; а князь велики Иван Васильевич учини знамя на денгах

князь велики на коне, а имея копье в руце, и оттоле прозвашеся денги копеиные. Понеже при державе великого князя Василья Ивановича начаша безумнии человеци, научением дияволим, те прежние деньги резати и злыи примес в сребро класти, и того много лет творяху, и государь князь велики много о том мысля с своими бояры и много повинных казни различными казньми, чтобы злыи сии корень искоренити; они же безумнии друг от друга вражьим навожением сему злому обычаю учахуся и в толико безумие пришедше, яко половину у всякои денги отрезати и в ту же гривенку доспети на пятсот денег и болши; тем злым обычаем клятвы злых словес и инпрея злаго всю землю наполниша, понеже сие худые денги ови хвалят, а инии хулят, и того ради в людех клятвы и злых словес без числа наполнися. А прелсти бо их враг, яко от того безумия инии в мале обогатеша, а вскоре погибоша, мнози напрасными и безгодными смертими изомроша. И государь князь велики Иван Васильевичь и мати его благочестивая великая княгиня Елена, помысля с своими бояры, повелеша те резаные денги заповедати и не торговати ими, а сливати (и)х в сребро, и делати новые денги без всякого примеса. А своему богомолцу архиепископу Макарию Великого Новагорода и Пскова и своим наместником и дияком повелеша те новые денги накрепко беречи, чтобы безумнии человеци ни мало не исказили, и стары бы злы обычаи отставили, и на покаяние пришли; и начаша делати новые денги месяца июня 20 день*. А во дворе денежном велел князь велики ведати, смотрити накрепко делщиков денежных и мастеров своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Курюкова с товарыщи, чтоб во дворе было без всякоя хитрости»[31].

Вся эта запись представляется цельным рассказом, в котором содержится описание тех же событий, что и в московских летописях, и который датирован 1535 г. и снабжен большим числом подробностей. Вряд ли можно усматривать в этом рассказе «ряд сведений, заимствованных из разных источников», как полагает И. Г. Спасский[32]. Текст этот, как и другие тексты новгородских записей, происходит из Новгородского владычного свода 1539 г.[33]

Столь же необоснованным кажется предложение И. Г. Спасского относить дату «20 июня» не к 1535 г., как можно судить по дате всей записи, а к 1534 г. Спасский так объясняет свою точку зрения: год, который должен был стоять перед датой «20 июня» был «пропущен или по небрежности переписчика, или вследствие непонимания ряда обстоятельств реформы». «Непонимание» заключалось в том, что, по мнению И. Г. Спасского, в начале записи шла речь о чеканке новых денег с именем Ивана («на свое имя»), а в записи, следующей далее в тексте летописи о начале чеканки денег в Новгороде с 20 июня, речь шла о чеканке денег без имени князя[34]. Действительно, среди ранних монет Ивана Грозного есть и именные денги (с легендой «Князь великий Иван») и безымянные (с легендой «Князь и великий государь всея Руси»). Безымянные денги И. Г. Спасский считал, «бесспорно, наиболее ранней группой»[35] на основании их стилистической близости с монетами предшествующих княжений Василия III и Ивана III. Однако эта датировка не подтверждается данными монетных кладов (об этом будет подробнее сказано ниже), поэтому данный аргумент отпадает, так же как и попытка увидеть в летописном сообщении два эпизода, записанных в обратном порядке. А. А. Зимин тоже категорически отрицает предложенную Спасским датировку летописной записи 1534 г.: «...весь

* В одной из записей о реформе, приведенной в ПСРЛ. — Спб., 1853. — Т. 6. — С. 296—297, вместо «июня 20 день» читается «июля 20 день».

контекст летописного рассказа о монетной реформе делает невозможной его датировку 1534 г.: он помещен непосредственно перед сообщением о постройке города Себежа, что произошло 25 июля 1535 года. Рассказ никак не может относиться к выпуску «безымянных» монет, как это думает И. Г. Спасский: в нем четко говорится об изготовлении денег «на свое имя», то есть именных»[36].

Итак, если свести воедино все летописные известия и учесть все коррективы, которые вносят в датировку летописных рассказов особенности составления областных сводов, получится следующая картина. В феврале — марте 1535 г. в Московском государстве началось проведение денежной реформы; возможно, летописи под этой датой подразумевают только рассылку на места великокняжеских указов о реформе. Летописное сообщение о том, что в Новгороде «новые денги» начали делать 20 июня 1535 г., т. е. приступили к выполнению великокняжеского указа, подтверждает это предположение. Точный срок начала изготовления «новых денег» на других денежных дворах — Московском, Псковском и Тверском — в летописях не зафиксирован. Летописные сообщения 1536 г. (Вологодско-Пермская летопись) и 1538 г. (Вологодско-Пермская, Псковская и Новгородская (Летописец Н. К. Никольского) летописи) отмечают последовательные этапы осуществления денежной реформы. Самое раннее сообщение Воскресенской летописи не называет еще нового номинала — копейки или денги копейной — и указывает только на чеканку монет по трехрублевой стопе. Название «денга копейная» появляется в более поздних записях. Можно предположить, что копейки были не самыми первыми номиналами, выпущенными в начале реформы, и им предшествовали какие-то иные монеты, чеканенные тоже по трехрублевой стопе.

Из летописных сообщений можно также извлечь некоторые данные о порядке запрещения старых денег. В сообщениях московских летописей 1535 г. говорится о «заповедании» «денег подделных и обрезаных», без уточнения их номинала; новгородские летописи (запись Новгородской Софийской летописи) говорят в 1535 г. о запрещении «резаных» денег. И лишь Вологодско-Пермская летопись под 1536 г. точно указывает, что заповеданы были «старые денги Ноугородки». И наконец, в 1538 г. та же Вологодско-Пермская летопись сообщает, что были запрещены «старые денги Московки». Одновременная запись Псковской летописи говорит о запрещении торговать «всякими денгами... и старыми». Видимо, в первую очередь изымались из денежного обращения резаные и низкопробные монеты, затем пришла очередь старых новгородок, и уже на завершающем этапе реформы были запрещены старые московки — может быть, последние как более мелкие номиналы могли еще некоторое время участвовать в денежном обороте наряду с новыми монетами, с которыми они были более сопоставимы по весу.

Из летописного сообщения в Софийской летописи можно узнать о внешнем виде нового номинала: на монете изображался «князь велики на коне, а имея копье в руце, и оттоле прозвашеся денги копейные». Этот номинал следует отождествить с новгородками «новое кузло» Вологодско-Пермской летописи. «Московки новое кузло» этой летописи были другим номиналом, внешний вид которого выявляется не по письменным источникам, а по нумизматическому материалу. Это были монеты с изображением всадника с саблей, продолжившие традицию оформления монетного поля конца XV — первой трети XVI в. Существовал еще один номинал, в летописях не упомянутый, — полушка. Монеты «нового кузла» имели следующие весовые

нормы: копейка — 0,68 г.; новая московка, или просто денга, — 0,34 г; полушка — 0,17 г. Как можно убедиться, эти номиналы находились между собой в рациональном отношении — копейка была равна двум новым московкам-денгам, денга — двум полушкам.

Вологодско-Пермская летопись четко указала, что копейки чеканились в Новгороде и Пскове, а новые московки (денги) — в Москве.

Располагая летописными сведениями и имея представление о внешнем виде и весовой норме новых номиналов, обратимся к нашему главному источнику — монетным кладам времени реформы. Путем сопоставления данных летописей и нумизматики можно попытаться не только установить последовательность событий, но и определить порядок появления различных выпусков монет в ходе проведения реформы.

К самым ранним кладам времени Ивана IV относятся клады из Арзамаса и из с. Павловского Тульской обл. Ранними они считаются на том основании, что в каждом из них более 90% составляют «старые» монеты, «заповеданные» во время реформы. Состав кладов свидетельствует, что к моменту их захоронения запрещение старых монет и выпуск новых только начались. Сам факт появления кладов говорит об обычной реакции населения во время проведения монетных реформ — стремлении припрятать старые, привычные деньги, которые кажутся надежнее новых, да и по ценности они действительно бывают в большинстве случаев выше.

«Новыми» монетами в кладе из Арзамаса оказались так называемые «мечевые копейки» — монеты с изображением всадника с саблей (мечом), по весу соответствующие копейке 0,68 г. На оборотной стороне этих монет помещалось имя великого князя Ивана, а в конце легенды стояли три буквы — ПСК (табл. 1, М., *1 — 1*). В кладе этих монет насчитывалось 11 экз., что составило всего 4% общего количества монет в кладе. В кладе из с. Павловского ассортимент «новых» монет увеличился: кроме уже знакомых нам мечевых копеек, составляющих здесь 8% монет клада, появляется новый номинал — новые московки, или денги, т. е. монеты с изображением всадника с саблей (мечом) и весом 0,34 г. Оборотная сторона монеты, подобно реверсу мечевой копейки, имела легенду «Князь великий Иван»*, но без букв ПСК в конце (табл. 1, М., *2—2, 2—3, 2—5*). Денги составили 1,5% монет клада. Таким образом, в двух самых ранних кладах были встречены оба основных номинала пореформенных денег — копейка, впрочем, оформленная как денга, и новая московка — денга. Оба вида монет были именными — легенда на этих монетах содержит имя князя великого Ивана.

Следующий известный по литературе клад из д. Карташиха Татарской АССР по времени захоронения примыкает к первому и второму кладам. Однако состав его известен только по недостаточно подробным описаниям: на 340 монет клада новые представлены 7 экз., которые описаны как «именные деньги Ивана IV». «Именными деньгами» в равной степени могут быть названы и собственно денги, и мечевые копейки; возможно, авторами описания имелись в виду и те и другие.

Клады из д. Симоново Палкинского р-на Псковской обл., из г. Устюжны Вологодской обл. и из с. Микулино Городище Лотошихинского р-на Московской обл. иллюстрируют следующий этап реформы. Во всех

* Текст легенд передается в современной транскрипции.

этих кладах резко сокращается количество старых монет: в симоновском кладе их нет совсем, в устюжненском кладе они составляют 5%, в кладе из Микулина Городища тоже отсутствуют. Следовательно, клады сложились уже после 1538 г., когда все старые деньги были не только «заповеданы», но и изъяты из обращения. Их место заняли новые деньги.

Клад из Симоново, найденный на месте старого высохшего болота и хранящийся в кожаном кошельке (все это говорит о том, что монеты были не спрятаны, а потеряны), насчитывает 53 экз. монет. 90% из них составляют новые по виду монеты: копейные денги, или копейки, или «Ноугородки новое кузло» — монеты, несущие изображение всадника с копьем. Под ногами всадника помещена буква А. Оборотная сторона монеты имеет легенду «Князь великий и государь всея Руси». Другой тип копейки, встреченный в Симоновском кладе и составляющий 3% его состава, не имеет букв под ногами коня, а оборотную его сторону занимает легенда аналогичного содержания. Эти два типа новой монеты в табл. 1 обозначены как П., *8—11* и Н., *9—12*. Около 7% состава клада представляют именные деньги. Мечевых копеек в кладе нет.

Состав устюжненского клада известен только по описанию, не очень подробному[37]. В нем указано, что 5505 монет клада составляют именные деньги; видимо, по традиции описания ранних монет Ивана IV, сложившейся после выхода книги А. В. Орешникова «Русские монеты до 1547 г.», в их число включались как мечевые копейки, так и денги. Из числа «новых московок», т. е. денег, в кладе выделены денги, не носящие имени царя, с легендами «Государь всея Руси» и «Осподарь всея Руси»; монеты эти составляют 9% (табл. 1, Т., *11—13*) и 0,02% (*11—14*). Следовательно, клад демонстрирует появление нового типа безымянных денег. В этом же кладе зафиксированы и безымянные копейки, уже встреченные в симоновском кладе. Они насчитывают 1000 экз. и описаны без разделения на типы. Общий состав устюжненского клада, следовательно, выглядит следующим образом: 72% составляют именные денги, 9 и 0,02% — два типа безымянных денег и 12% — два типа безымянных копеек, остальное приходится на долю старых денег и монет плохой сохранности.

Клад из Микулина Городища, хранящийся в ОН ГИМ, был изучен визуально. В нем оказалось 62% именных денег, мечевые копейки среди них отсутствуют. Среди именных денег выделился новый тип, изолированный по штемпелям от прочих типов, со своеобразным написанием слова «великий» в легенде через «и» десятиричное (табл. 1, Т., *12—15*). Эта монета оказалась связанной общим лицевым штемпелем с группой безымянных монет. Последние представлены в кладе 7%. Безымянная копейка с буквой А в кладе составляет 5%, без букв под конем — 7%.

Состав трех последних кладов свидетельствует о том, что безымянные денги и копейки появились в денежном обращении не на первом этапе реформы, как полагал И. Г. Спасский, а спустя некоторое время после выпуска именных денег и мечевой копейки. В целом нумизматические материалы совпадают со сведениями летописей, которые пишут о копейке как о номинале, появившемся уже в ходе проведения реформы. Видимо, в Москве появился первый выпуск новых денег — мечевые копейки, и именно этот номинал открыл денежную реформу. По буквам ПСК в конце легенды эти монеты всегда относили к псковскому чекану. Однако наблюдения за внешним оформле-

нием монет, чеканившихся на Псковском денежном дворе с 1510 по 1533 г., после утраты Псковом самостоятельности, свидетельствуют, что обозначение места чеканки при помощи буквенных сочетаний там не практиковалось. По традиции чеканки периода самостоятельности на монетах 1510—1533 гг. еще помещалась формула «Деньга псковская», иногда дополненная именем мастера (?): «Деньга псковская Заманина», «Деньга псковская Иван». Не следует ли считать буквы ПСК в конце легенды мечевой копейки Ивана Грозного тоже обозначением какого-нибудь имени собственного, с чем мы сталкиваемся при изучении буквенных обозначений на других монетах того времени? Да и трудно объяснить, почему в провинциальном Пскове начали бы обозначать название денежного двора, в то время как Московский и гораздо более мощный, чем Псковский, Новгородский дворы до самого конца XVI в. не имели собственных знаков. В. Л. Янин также не склонен считать буквы ПСК на мечевой копейке обозначением места чеканки; он полагает, что это было искажением обычного титула «всея Руси»[38] в последней строке легенды.

О выпуске мечевых копеек на Московском денежном дворе убедительно свидетельствует статистический материал кладов. В кладах 50-х годов XVI в. московского ареала доля мечевых копеек достигает 23 — 34%; далее следуют клады новгородского ареала, где мечевые копейки встречены также в больших количествах. Однако в псковских кладах доля их ничтожна[39]. Уже одно это наблюдение говорит в пользу московского происхождения копейки с изображением всадника с мечом. О чеканке на Московском денежном дворе говорят также и стилистическая близость данного изображения с московскими монетами Ивана III и Василия III (присущие им плавность и округлость очертаний в отличие от угловатых, резких контуров изображений на новгородских монетах этого же времени), сходство с рисунками «новых московок» — денег времени Ивана Грозного, место чеканки которых — Московский денежный двор — подтверждается документальными свидетельствами (Вологодско-Пермской летописью, Торговой книгой). И оборудование, и традиционные навыки мастеров Московского денежного двора создавали благоприятные условия для чеканки денег, столь похожих по оформлению на дореформенные московки, где всегда изображался всадник с саблей или мечом. Московские денежники, поставленные в 1535 г. перед задачей изготовить новый номинал — копейку, пошли по привычному и более легкому для них пути: они сделали копейку в обличии «сабельницы». Возможно, такое оформление первого выпуска было продиктовано тактическими соображениями: монета с новым весом выходила в привычной «одежде», что облегчало ее восприятие населением.

Если Новгородская Софийская летопись сообщила, что в Новгороде с 20 июня 1535 г. началась чеканка копейных денег, т. е. копеек, а Вологодско-Пермская летопись в 1536 г. зафиксировала, что чеканка «Новгородок новое кузло», т. е. тех же копеек, производится в Новгороде и Пскове, это не следует понимать как противоречие факту чеканки мечевых копеек в Москве. Для современников «копейкой» были монеты с изображением всадника с копьем — именно оно было отличительной чертой новых монет. Видимо, мечевая копейка — монета с изображением всадника с саблей и с весом копейки — не была в их глазах копейкой; не случайно московские летописи, содержащие сведения о начале реформы, ничего не говорят о новых номиналах и только указывают, что начали чеканить монеты по новой стопе и «на новый чекан».

Поэтому, с нашей точки зрения, существует натяжка в предположении В. Л. Янина отнести чеканку мечевых копеек к Новгороду с 20 июня 1535 г. по февраль 1536 г. и объяснить преобладание мечевых копеек в кладах московского ареала тем обстоятельством, что это был государственный заказ и продукция Новгородского денежного двора на первом этапе реформы должна была преимущественно поступать к государю[40]. Не следует преувеличивать степень централизации денежного производства в Московском государстве в 30-х годах XVI в., и тем более маловероятным кажется возможность размещения «государственного заказа» из Москвы на Новгородском денежном дворе. Денежные дворы в этот период обслуживали по преимуществу частных владельцев серебра, главным образом торговых людей, а казенные заказы, коль скоро они случались, попадали на Московский денежный двор. Во всяком случае, так обстояло дело в первой половине правления Ивана Грозного, как будет видно из дальнейшего изучения нумизматических источников.

Именные деньги («новые московки») из павловского клада, видимо, появились вскоре после начала чеканки мечевых копеек. Возможно, эти первые выпуски именных денег и мечевых копеек еще не были регулярными, чем можно объяснить, в частности, отсутствие мечевых копеек в кладах из Симоново и Микулина Городища. Скорее всего, массовая чеканка «новых московок» началась позднее, о чем и сообщила под 1538 г. Вологодско-Пермская летопись.

Сообщения летописей об изъятии из денежного обращения старых монет убедительно иллюстрируются кладами: в первых трех кладах содержится еще преобладающее количество старой монеты, хотя новая уже начинает ее вытеснять, а более поздние клады показывают, что изъятие старой монеты уже произошло и ее заменили новые номиналы. Следующим этапом реформы после чеканки мечевой копейки стал выпуск настоящей копейки с изображением всадника с копьем. Но и этот шаг инициаторы реформы осуществляли с осторожностью. Первыми копейками были монеты, легенда которых имела привычную для рубежа XV—XVI вв. формулу — «Князь великий и государь всея Руси». Новый номинал — копейка — входил в жизнь тоже в маскировочной одежде: необычный, непривычный глазу современника рисунок лицевой стороны искупался привычной легендой. Выпуск безымянных копеек, как показал состав более поздних кладов, был дополнен выпуском безымянных денег, которые по своему внешнему виду были и вовсе привычны для населения — с рисунком всадника с саблей и с легендой «Государь всея Руси». Клады из Устюжны и Микулина Городища показывают, что в годы проведения реформы (1535—1538) ведущее место в денежном производстве занимал выпуск «новых московок»: они составляют большую часть в этих кладах. Инициаторы реформы проявили большую предусмотрительность, предложив населению на первых порах в качестве основной денежной единицы «новую московку», имевшую много общего в оформлении с дореформенной монетой и близкую к ней по весовой норме («новая московка» имела весовую норму 0,34 г, «старая московка» — 0,39 г).

Следующий по времени захоронения клад (место находки неизвестно) показывает дальнейший ход реформы. Старые монеты составляют в нем менее 1%. Именные деньги, которые значительно увеличились по количеству новых типов по сравнению с кладами из Павловского и Микулина Городища,

занимают в кладе 56%, мечевые копейки — 2,4%. Безымянные денги обеих разновидностей составляют 7,4%. Среди именных денег появился тип, где на лицевой стороне под ногами коня была помещена буква ω. Увеличилось количество безымянных копеек: копейки с буквой А представлены в кладе 8%, копейки без букв — 12%. В этом кладе появился совершенно новый тип копейки: это копейка с буквами ФС под ногами коня, с изображением всадника, который, в отличие от всадника безымянных копеек, имеет много бытовых реалий: голова его увенчана трехчастным венцом, в миниатюрном изображении просматриваются детали одежды всадника — перепоясанный кафтан, сборчатые, длинные рукава, плащ, развевающийся за спиной, намечено изображение сбруи коня. Но главной особенностью данной копейки является легенда, которая содержит имя и краткий титул великого князя: «Князь великий Иван всея Руси» (табл. 1, Н., *14—17*). По стилю рисунка и характеру формулы легенды эта копейка явно сближается со всеми более поздними копейками Ивана Грозного. Надо полагать, ее выпуск открывает чеканку Грозного после реформы и служит свидетельством того, что проведение реформы успешно завершилось. Все три пореформенных новшества — новое изображение всадника с копьем, новый тип легенды с именем царя, новая весовая норма — находят материальное воплощение в этой монете.

Легенда данной копейки не содержит царского титула; между тем все прочие более поздние типы именных копеек Ивана IV начинают легенды со слова «царь». Иван IV был коронован 16 января 1547 г., и появление царского титула на копейках следует датировать этим годом; отсутствие его на копейке с буквами ФС свидетельствует о том, что она была выпущена до 1547 г. Ее датировка укладывается между 1538 г., когда была завершена вся серия мероприятий денежной реформы (последовательное запрещение старых денег и введение в оборот новых номиналов — именных денег и мечевых копеек, безымянных копеек и денег), и 1547 г., после которого копейки и денги Ивана Грозного дополнились в легенде новым титулом.

Клады из пос. Лакинский Владимирской обл. и из Москвы (или ее окрестностей) характеризуют новый этап в денежном обращении. В этих кладах наряду с уже знакомыми монетами впервые встречены монеты с царским титулом. Это — «новые московки» — денги, легенда которых имеет формулу «Царь и князь великий Иван» (табл. 1., М., *15—18, 15—19, 16—19, 16—20*). Денги с царским титулом вначале не имели никакого знака под конем, как и основная масса денег до 1547 г., затем на лицевой стороне их появились буквы ДЕ. Никаких других новых типов копеек или денег в кладах после 1547 г. не зафиксировано, и это дает основание считать, что денежная реформа была окончательно завершена в 1538 г., а выпуск копейки с буквами ФС между 1538—1547 гг. и денег с царским титулом после 1547 г. начал новый этап в чеканке Ивана Грозного.

Завершая изучение круга нумизматических памятников времени реформы, обратимся к самому мелкому номиналу — полушкам. Они были встречены в трех из перечисленных кладов. Наличие их в ранних кладах говорит о том, что выпуск полушек входил в число пореформенных мероприятий. Впрочем, по данным кладов датировать полушки трудно. Полушки времени Ивана Грозного, хранящиеся в музейных собраниях, подразделяются на четыре группы (см. фототабл. 3, *а, б, в;* 4, *г, д;* 5, *е, ж*): полушки с надписью вязью «Государь» и с изображением летящей птички; два типа полушек с надписью «Псковская» и с изображением летящей птички, из которых на одной из них птичка держит в

клюве цветок; два типа полушек с грубым изображением летящей птички и с надписью «Великого Новагорода» или «Новагорода»; и наконец, очень близкая по стилю полушке с надписью «Государь» монета с надписью «Тверская». В трех этих кладах встречены только полушки с надписью «Государь». Этот тип, судя по музейным коллекциям, был самым многочисленным и, вероятно, данным обстоятельством объясняется его присутствие в кладах; делать выводы о том, что он был самым ранним, только на этом основании было бы неосторожным. Вообще, полушки изучены мало, в кладах они встречаются крайне редко, чеканились они, видимо, эпизодически — Торговая книга сообщает: «А затем полушек не делают, что им расход мал»[41], поэтому систематизация их — дело будущего, когда будет накоплена достаточная источниковая база.

Заканчивая изложение событий денежной реформы, следует остановиться на одной загадочной группе монет, до сих пор не имеющей точной атрибуции, но несомненно связанной с событиями 1535 — 1538 гг.

В музейных собраниях и кладах второй половины XVI — начала XVII в. встречаются иногда монеты, имеющие своеобразные внешнее оформление и вес. Первым обратил на них внимание Г. Г. Яковлев[42]. Эти монеты кажутся очень близкой разновидностью безымянных копеек Ивана Грозного и именных денег с великокняжеским титулом. Однако при сличении штемпелей монет данной группы с прочими копейками и денгами Ивана IV, чеканенными до 1547 г., выясняется ряд существенных отличий между ними. Прежде всего бросается в глаза небрежность рисунков и надписей на монетах, а также обилие вариантов штемпелей лицевых и оборотных сторон. На сегодняший день, по данным коллекций ОН ГИМ, ОН ГЭ и по пяти кладам собраний ОН ГИМ, ОН ГЭ и ПСК, выделено 37 экз. этих загадочных монет. 8 экз. из них имеют изображение всадника с копьем, весьма похожее на изображение на безымянных копейках Грозного. Надписи на оборотных сторонах этих монет встречаются в двух вариантах: «Князь великий и государь всея Руси» и «Князь великий Иван» (фототабл. 1, I — I, II — II, III — II, IV — III). 29 экз. из 37 монет загадочной группы имеют изображение всадника с саблей; на их оборотной стороне помещена легенда «Князь великий Иван» (фототабл. 1, 1 — 1 и следующие). Монеты с копеечным и денежным изображением объединены между собой общими оборотными штемпелями, что свидетельствует о чеканке их в одном центре.

Внимательное изучение рисунка и надписей на этих монетах убеждает, что чеканились они посредством штемпелей, изображения на которых не оттискивались с заготовки-маточника, а резались на самом чекане. На монетах, чеканенных такими штемпелями, а не переведенными с маточников, концы букв не располагаются на одной линии, строчки неровные, неровен и рельеф самого изображения — следствие неравномерного заглубления линий на рабочей поверхности штемпеля, резанного от руки. Характерно также обилие вариантов рисунка и надписей: ведь штемпеля быстро снашивались в процессе эксплуатации, а новый штемпель не снимали с образцового маточника, но резали заново или подправляли старый рисунок, который вследствии этого должен был обязательно отличаться от первоначального образца множеством мелких изменений при сохранении общей стилистической близости.

Чеканку этих монет, столь сходных по внешнему виду с великокняжескими копейками и денгами Ивана IV, вполне можно было бы отнести к одному из эпизодов пореформенной чеканки, когда по каким-то причинам была использована архаичная техника чеканки штемпелями, резанными от руки. Однако ве-

совая норма этих монет вынуждает искать другое объяснение их появления. Она не укладывается в норму монет трехрублевой стопы, но полностью тождественна весовым показателям монет, чеканенным по стопе 2,6 рубля, предшествовавшей чеканке с 1535 — 1538 гг. и свойственной чекану Ивана III (1462 — 1505 гг.) и Василия III (1505 — 1533 гг.). Монеты с изображением всадника с копьем имеют две весовые нормы — 0,78 и 0,39 г; денги с изображением всадника с саблей — весовую норму, близкую 0,20 г. Это весовые нормы «старых», дореформеных новгородок, московок и полушек (диагр. 1).

Как объяснить сочетание пореформенных изображений с дореформенным весом? Когда и зачем могли чеканиться эти монеты, имеющие вес дореформенных новгородок, московок и полушек?

Г. Г. Яковлев, обнаруживший связь по штемпелям между великокняжескими денгами Ивана IV и монетами с изображением денги, имеющими вес дореформенной полушки, пришел к выводу, что выпуском этих денег была начата реформа[43]. В. Л. Янин считает, что эти «гибридные» монеты были естественным следствием перемены княжения, чеканились в 1533 — 1534 гг., а реформа унаследовала уже возникший тип и пренебрегла тем обстоятельством, что какое-то сравнительно небольшое количество монет нового типа оказалось чеканенным по старой стопе[44].

С нашей точки зрения, Г. Г. Яковлев ближе к истине. В предложенном В. Л. Яниным толковании этого эпизода чеканки после 1533 г. не находит объяснения применение архаичной для этого времени техники чеканки резанными от руки штемпелями. Маточники уже широко применялись на денежных дворах, и отказ от них должен был иметь достаточно веские основания. В конкретных условиях 1533 — 1534 гг., когда денежное обращение переживало кризис, страна была наводнена резаными и неполноценными монетами, начались массовые казни фальшивомонетчиков, и подготовка к перестройке денежного хозяйства стала самой актуальной задачей, могла возникнуть идея выпуска полноценных монет, выпущенных по старой стопе, но оформленных как новые монеты, резание маточников для которых уже шло полным ходом. Этот выпуск с самого начала должен был иметь временный характер: его целью было насыщение денежного обращения полноценными деньгами, пока не началось проведение денежной реформы, и в то же время выработка у населения привычки к внешнему виду новых выпусков — копеек и денег. Вспомним, как осторожно вводились новые монеты: первые выпуски, имевшие новую весовую норму, которая была ниже дореформенной (вместо 2,6 рубля из гривенки она составляла 3 рубля), были оформлены как дореформенные сабельницы (мечевые копейки, именные денги), а последующие выпуски нового номинала с новым оформлением — всадником с копьем — «уравновешивались» традиционным оформлением оборотной стороны. «Гибридные» монеты, по удачному выражению В. Л. Янина, «вписываются» в стиль проведения реформы. Для этого выпуска, который с самого начала задумывался как временный, не было резона готовить маточники, технология изготовления которых была и трудоемкой, и дорогостоящей, и долговременной; изготовить резаные штемпеля, которые в процессе эксплуатации можно было наскоро подправлять тоже от руки, было проще и быстрее*.

Можно попытаться найти в летописных известиях о реформе косвенные указания на недолгое обращение перед выпуском основных номиналов каких-то

* И. Г. Спасский также допускал возможность существования дореформенного чекана. Таким выпуском он считал несколько монет собрания ОН ГЭ, изображающих всадника с копьем в крупнобусовом ободке[45].

иных монет. Выше указывалось на запись в «Сокращенном Новгородском летописце», где под апрелем 7042 (1534) г. сообщалось о запрещении торговать в Москве, Новгороде и «по иным градом» старыми московками и о начале выпуска новых номиналов: «денег с копьем» в лето 7043 (1535) г. А. А. Зимин и В. Л. Янин сочли возможным отнести дату о запрещении торговать старыми московками не к апрелю 7042 (1534) г., а к 7046 (1538) г. Но, может быть, летописное сообщение зафиксировало запрет торговать в 1534 г. московками выпуска 1533 — 1534 гг., составлявшими, судя по дошедшим до нас монетам, в этом выпуске основную массу? Тогда дата «7042 (1534) г.» в контексте всей записи кажется вполне допустимой.

Впрочем, все приведенные соображения являются не более чем гипотезами и таковыми они останутся до тех пор, пока не получат убедительного подтверждения данными кладов, зарытых в первые месяцы и годы реформы. Указанные выше ранние клады, обследованные визуально, пока не обнаружили в своем составе «гибридных» монет. Однако самые ранние клады, особенно арзамасский, карташихинский и огромный устюжненский, известные только по литературным описаниям и где больше всего могла быть возможность обнаружить эти монеты, в данном смысле потеряны для нас безвозвратно. Нужно ждать новых счастливых находок.

В заключение следует сказать, что, несмотря на ряд белых пятен в истории денежной реформы Елены Глинской, ее основные этапы, начальная (1535 г.) и конечная (1538 г.) даты вполне убедительно определяются совокупными сведениями летописных и нумизматических источников. Можно также отметить, что осуществлялась эта реформа крайне осторожно и продуманно, новые номиналы вводились постепенно и последовательно. Это предупредило негативную реакцию населения на непривычные монеты и понижение монетной стопы. Кризис монетной системы 30-годов XVI в., выразившийся в массовой порче и обесценивании монет, был полностью ликвидирован благодаря реформе, столь умело осуществленной. Клады времени Ивана Грозного отражают вполне благоприятную картину: денежное обращение Русского централизованного государства после 1535 — 1538 гг. очень скоро полностью очистилось от старых монет, и новые монеты, имевшие единообразное оформление и единую весовую норму, заняли господствующее положение в русской экономике.

ГЛАВА 2

В едином государстве

Рубль, копейка, ефимок

Денежная реформа 1535 — 1538 гг. покончила с монетами периода феодальной раздробленности, оформив и закрепив национальную денежную систему. Русское централизованное государство получило единую по внешнему виду и весовой норме монету, которую чеканили государственные денежные дворы. Письменные источники свидетельствуют, что денежные дворы работали в Москве, Новгороде и Пскове. По нумизматическим данным устанавливается возможность существования в тот период еще одного денежного двора — в Твери.

Монеты, выпускавшиеся во время и после проведения денежной реформы, представлены в табл. 1 соотношения штемпелей, фототабл. 2 — 5, диагр. веса 2, 3.

С 30-х годов XVI в. денежное обращение Русского государства обслуживалось тремя видами денежных знаков: серебряными копейками с весовой нормой 0,68 г, денгами с весовой нормой 0,34 г и полушками, весовая норма которых составляет 0,17 г. Система денежного счета зафиксирована Торговой книгой (70-е годы XVI в.): «В рубле 10 гривен, в гривне 10 новгородок, в новгородке две денги, в алтыне 6 денег; в рубле 2 полтины, в полтине 5 гривен, в гривне 20 денег, в денге 2 полуденги»[1].

Следовательно,

рубль = 2 полтины = 10 гривен = 100 новгородок = 200 денег = 400 полуденег;
полтина = 5 гривен = 50 новгородок = 100 денег = 200 полуденег;
гривна = 10 новгородок = 20 денег = 40 полуденег;
алтын = 3 новгородки = 6 денег = 12 полуденег;
денга = 2 полуденги.

«Новгородкой» Торговой книги была копейка, «полуденгой» — полушка. Наименование нового номинала — копейки — прививалось с трудом и окончательно укрепилось в лексике только к концу XVII в. Другой номинал — полушка — в текстах источников часто заменялся названием «полуденга». И лишь традиционное название русской основной денежной единицы — «денга», или «деньга», — оставалось неизменным и в XVI в., закрепившись за более мелким, чем копейка, номиналом. Данные Торговой книги свидетельствуют, что русская денежная система была по преимуществу счетной: денежные единицы — рубль,

полтина, гривна, алтын — реально не существовали и были счетными понятиями, выражавшимися определенными количествами мелких серебряных монет — копеек, денег, полушек. Следуя типичному для средневековья слиянию денежных и весовых единиц, Торговая книга, перечисляя основные весовые единицы — берковец, четверть, ансырь, гривенку, почку, полупочку, весовое выражение их определяет в денежных единицах. Вес малой скаловой гривенки, которая чаще всего употреблялась для взвешивания драгоценных металлов, выражался 3 рублями. Вес двух самых мелких весовых единиц — почки и полупочки — Торговая книга определила равным полушке и полуполушке: «Почка тянет 1 полушку, а полпочки — полуполушку»[2].

Совпадение веса самого мелкого номинала денежной системы — полушки — с весовой единицей — почкой — позволяет установить важный факт, имеющий принципиальное значение для изучения денежной метрологии: весовые нормы монет по реформе 1535 — 1538 гг. были приведены в рациональное соответствие с современными единицами веса, т. е. полушка приравнивалась к почке, денга — к 2 почкам, копейка — к 4 почкам[3]. Серебряные монеты выступали в роли разновесов, а почка и ее половина — полупочка — стали, по всей видимости, теми весовыми эталонами, которые были положены в основу весовой нормы денежной системы и которыми в дальнейшем определялись все изменения этой нормы. Изменения весовой нормы в дальнейшем образовывались путем снижения веса копейки на доли почки — от 1/4 до 1/2.

Современные Торговой книге источники представляют собой иностранные словари, где имеются данные о русской денежной системе. Словари свидетельствуют, что даже к началу XVII в. сохранялись следы разделения русского денежного обращения на новгородское и московское. Три словаря, сложившиеся в новгородско-псковском округе, отразили местную терминологию и особенности денежного счета. Это самый ранний словарь Томаса Шрове, составленный еще до денежной реформы Елены Глинской, словарь Берлинской библиотеки Q-14, датируемый В. М. Потиным серединой XVI в., и словарь ганзейского купца Тённиса Фенне, торговавшего в Пскове, относящийся к 1607 г.[4]

Словарь Берлинской библиотеки представляет денежную систему в следующем виде:

рубль = 100 новгородских денег;
гривна новгородская = новгородская марка = 14 денег;
гривна московская = московская марка = 10 денег;
полгривны новгородской = половина новгородской марки = 7 денег;
московские полмарки = 5 денег;
алтын = 3 денги;
полтина 50-денежная = 1/2 рубля;
новгородка = денга;
московская денга = полуденга;
четверетца = четвертая часть денги[5].

Иностранные словари ориентировались на копейку, денгу и полушку Торговой книги, но в них эти единицы не только получают новые наименования, но и складываются в новые счетные понятия: гривну и полугривну новгородскую, гривну и полугривну московскую. В словаре Берлинской библиотеки специально оговорена полтина 50-денежная — элемент московского денежного счета. Полушку здесь именуют четверетцей. Денга Торговой книги назы-

вается московской деньгой и приравнивается к половине новгородки, которую словарь называет деньгой. Новгородской деньгой названа копейка.

Словарь Тённиса Фенне 1607 г. фиксирует дальнейшую эволюцию местной терминологии:

«рубел новгратской» = 210 денег*;
«рубел мусковской» = 100 денег;
«гривен новагратской» = 14 денег;
«гривен мусковской» = 10 денег;
алтын = 3 денги;
полтина = 50 денег;
грош = 2 денги;
копейка = 1 денга;
московка = 1/2 денги;
полушка = 1/4 денги;
«ефимка» = даллер;
«пула» = 1/24 денги[6].

В словаре Тённиса Фенне из числа счетных единиц исчезли полугривны, но появились новые названия: грош, пуло. Место новгородки заняла копейка (ее словарь называет деньгой), место четверетцы — полушка. В перечень попал и «ефимка» — талер, западноевропейская монета, получившая такое название на Руси. 100-денежный рубль, обозначенный в словаре Берлинской библиотеки «новгородским», здесь назван «московским». Зато как устойчивый пережиток деления денежного обращения на московский и новгородский ареалы в словаре фигурирует новгородский рубль, равный 210 деньгам.

В отличие от памятников государственного делопроизводства с их застывшими формулами и традиционным использованием одних и тех же терминов иностранные словари благодаря их функциональному назначению гораздо более чутко реагировали на изменения конъюнктуры рынка. Словарь Тённиса Фенне отразил и распространение терминологии общерусской денежной системы.

Еще заметнее это сказалось в русско-английском дневнике-словаре Ричарда Джемса, который был членом английского посольства Томаса Финча в 1618—1619 гг., жил в Холмогорах и, возможно, побывал в Москве[7]. В его словаре отчетливо прослеживаются особенности московского ареала денежного обращения, но все же черты общерусского счета заметно преобладают. В. М. Потин приводит следующие данные из дневника-словаря:

рубль = 33 алтына и копейка;
гривна = 3 алтына и копейка;
алтын = 3 копейки;
копейка = немного меньше двух английских пенсов;
московская денга = пенсы английские;
грош = 2 копейки;
пирог = фартинг[8].

---

* По мнению В. М. Потина, здесь автор словаря ошибочно называет размер старого новгородского рубля, равного на самом деле 216 деньгам. Эти сведения он почерпнул, видимо, из старых письменных или устных источников.

Здесь налицо все элементы московского счета — приравнивание рубля и гривны к алтынам, отсутствие деления денежных единиц на московские и новгородские. В словаре Джемса упоминается новая единица — пирог, по весу соответствующий четверти московской денги или полупочке Торговой книги — 0,085 г*. Видимо, «пирог» был местным, северным названием денежно-весового понятия. Оно зафиксировано в приходо-расходных книгах Николо-Карельского и Кирилловского монастырей, актах Холмогорско-Устюжской епархии конца XVI—XVII вв.[10], в сошном письме Холмогорской волости[11]. В. М. Потин пишет: «Название «пирог» ... было распространено на довольно точно определяемой территории Северо-Востока Русского государства, от Белого моря до устья Северной Двины. Здесь же был, как известно, составлен Р. Джемсом и его дневник»[12]. Д. И. Прозоровский считал пирог самой мелкой единицей монетного веса в системе XVI в. и приравнивал его к четвертой части почки или $^1/_{16}$ копейки. Впрочем, он отмечал: «...сомнительно, чтобы он (пирог. — *А. М.*) принадлежал системе веса, потому что в Торговой книге мелкая дробь выражается полупочкою, а не пирогом. Скорее всего, пирог был единицей действительной пробы»[13].

По словарю Р. Джемса, пирог составлял половину почки или $^1/_8$ копейки. Письменные источники конца XVI и XVII вв. называют еще более мелкие единицы денежной системы. Так, рукописный памятник конца XVII в. «Книга, рекома по-гречески Арефметика, а по-немецки Алгориза, а по-русски Цыфирная счетная мудрость» сообщает, что «в рублю 400 полушек, 800 полуполушек, 1600 пирогов, 3200 полупирогов, 6400 четвертей пирогов»[14]. Здесь пирог составляет не половину, а четверть почки, или $^1/_{16}$ копейки, что совпадает с мнением Прозоровского. Скорее всего эти разночтения объясняются тем, что пирог и его фракции были элементами народного и, видимо, местного счета, представляли собой величины неустойчивые и непостоянные. Вероятно, по этой причине они и не попали в Торговую книгу, зафиксировавшую только почку с реальным воплощением ее в виде полушки с весом 0,17 г** и полупочку.

Как полагает большинство исследователей, реальными пирогами, полупирогами и прочими фракциями этой единицы, а также пулами во второй половине XVI и XVII вв. могли служить медные пулы XV — начала XVI в., чеканка которых прекратилась уже в начале XVI в. Об обращении медной монеты в середине и второй половине XVI в. свидетельствуют иностранцы — Джон Гесс в 1554 г. и Даниил Принц в 1576 и 1578 гг. Впрочем, помимо медных пул могли употребляться и какие-либо другие суррогаты, которые выполняли роль мелкой разменной монеты. Материальная сущность их пока не определена доступными источниками.

После денежной реформы 1535—1538 гг. чеканка монеты сосредоточилась на государственных денежных дворах, а право откупа, которое частично бытовало на рубеже XV—XVI вв., было ликвидировано окончательно[16]. Видимо, с

---

* Равенство пирога весу $^1/_4$ московской денги или полупочке Торговой книги обосновывается В. М. Потиным[9].

** В. М. Потин, желая проверить правильность расчетов Д. И. Прозоровского, допускает ошибку, сравнивая выведенный им вес пирога — 0,04 г с весом полушки времени Михаила Федоровича — 0,125 г[15]. Сравнивать его нужно с полушкой Торговой книги, нумизматические данные которой соответствуют трехрублевой стопе. В таком случае, действительно, 4 пирога соответствуют весу полушки трехрублевой стопы.

30-х годов XVI в. денежные дворы находились в ведении такого многофункционального ведомства, как Казна (или Казенный двор). Управление ими, по всей вероятности, передавалось дьякам в качестве приказа-поручения, как это практиковалось тогда во многих отраслях государственного управления[17]. Администрацию денежного двора возглавлял обычно торговый гость, назначаемый в порядке очередности на один год из числа городского купечества. Такой порядок зафиксирован в письменных источниках середины XVII в.[18], но сложился он значительно раньше. Об этом свидетельствует Новгородская Софийская летопись, описывающая порядок проведения денежной реформы в Новгороде в 1535 г.: указ великого князя предписывал «накрепко беречи» денежное дело в городе архиепископу, наместникам и дьякам, а «во дворе денежном велел князь велики ведати, смотрити накрепко делщиков и мастеров своему гостю московскому Богдану Семенову сыну Курюкова с товарыщи, чтоб во дворе было без всякоя хитрости»[19].

Однако твердого статуса в системе государственных учреждений в середине и второй половине XVI в. денежные дворы еще не имели. Судьбы всех четырех государевых денежных дворов при Иване IV очень сильно зависели от его воли, и колебания внутренней политики заметно отражались на состоянии денежных дворов, снабжении их сырьем, объеме продукции и даже на самом их существовании.

Денежные заказы обеспечивались сырьем как через систему государственных заказов, которые исходили главным образом от Казенного двора, приказов, таможни, так и посредством частных заказов — от торговцев и ремесленников, монастырей, любого частного лица, имевшего серебро. Существовало право свободной чеканки, согласно которому каждый обладатель серебра имел право сдать его на денежный двор для передела в деньги с уплатой соответствующих пошлин в пользу государства и с вычетом металла, сгоревшего в процессе плавки. Техника чеканки серебряных монет на проволоке обусловливала высокую пробу сырья, поскольку низкопробное серебро плохо вытягивалось в проволоку.

Сырьем для чеканки были преимущественно западноевропейские монеты — талеры, в изобилии поступавшие на русский рынок начиная с XVI в., а также серебро в слитках, в отдельных случаях — серебро в изделиях. Промышленной добычи серебра в России не было до середины XVIII в.

Торговля серебром была предметом особого внимания русского правительства. К концу XVI в. выработались система закупочных цен на талеры и порядок приема их на денежных дворах, определились нормы выхода готовой продукции из сырья. Эти правила зафиксированы в Торговой книге, в специальной главе «О ефимках»[20]. В Уставной таможенной грамоте 1571 г. о «взимании в Великом Новегороде на Торговой стороне в государеве опричнине всяких пошлин» указывается, что при покупке серебра («серебро немецкое, ефимки и пол'ефимки, и всякие немецкие денги, корки серебряные с немецкими клеймы») или при обмене его на товары необходимо «то серебро» предъявлять таможенникам для уплаты таможенной пошлины «на государя»; за уклонение от уплаты серебро подлежало конфискации с уплатой сверх того таможенной пошлины и «заповедей с голов» (т. е. штрафа). Облагалась пошлиной также и сдача серебра на денежный двор: «А кто променит гроши или серебро на денги сделати, и таможенником у них имати тамга по тому ж, как емлют с которого города людей»[21]. Пошлина с иностранных купцов нередко взималась в талерной монете, которая шла на переплавку и перечеканку в русские копейки.

2 Заказ № 977

Необходимость обеспечения русских денежных дворов сырьем определяла государственную политику цен на ефимки. Казна стремилась обеспечить высокую прибыль от торговли ефимками и последующей переделки их в русскую монету. Глава Торговой книги «О ефимках» раскрывает механизм ценообразования в пределах России. Ефимки необходимо было различать по сортам в зависимости от веса и пробы: «надобе всякие ефимки в вес имати, не плошась, и имая, испытывати, чтобы в чем не обманули». По данным Торговой книги, высокопробный талер весом около 29 г соответствовал русским 43,5 либо 44 или 44,5 копейкам: «иной тянет 14 алтын 3 денги, иной 14 алтын 4 денги, иной 14 алтын 5 денег». Это была выраженная в русских денежно-весовых единицах *объективная* стоимость талера, определенная количеством и качеством заключенного в нем серебра. *Государственная* (уставная) цена талера определяется Торговой книгой в 36 - 36,5 копейки. К понятию уставной цены относилось также то количество копеек, которое выдавал денежный двор за каждый талер при размещении заказов на чеканку.

По данным Торговой книги, заказчик после передела получал 38 — 38,5 копеек за талер. Из одного талера, по сведениям Маржерета, получалось 42 копейки[22]. Сумма, равная 38 или 38,5 копейки, получалась после вычета угара серебра при переплавке талеров и вычета плавильной и золотничной пошлин, взимаемых «на государя». Угар в высокопробных талерах составлял 6 — 8%, в низкопробных — от 20 до 25% веса талера, золотничная и плавильная пошлины — 5,4%. Из золотничной пошлины выплачивалась сумма «мастером за дело», составлявшая приблизительно 0,58% пошлины[23].

При переделе серебра заказчик получал больше, чем при его продаже. Здесь проявлялась определенная политика, направленная на то, чтобы основная масса поступавшего в страну серебра шла на денежные дворы. Разрыв между действительной стоимостью талера (от 43,5 до 44,5 коп.) и уставной ценой (при продаже 36 — 36,5 коп., при переделе 38 — 38,5 коп.) составлял в среднем 6 — 8 копеек. Следует также учитывать, что пошлины, взимаемые с заказчиков, шли в пользу казны и переделывались в монету.

Заказчики тоже не оставались в убытке, хотя и теряли известное количество серебра в процессе плавки. И. Г. Спасский считает, что прибыль клиентов денежного двора составляла 12%[24]. Маржерет заметил, что «купцы иноземные привозят множество рейхсталеров и ефимков, которые русские принимают с выгодой»[25]. Для русского купечества выгода от торговли талерами лежала в колебаниях *рыночной* цены ефимка. Торговая книга называет рыночную цену в Нарве (Ругодиве), где в 60 — 70-х годах XVI в. сосредоточилась торговля серебром: «На Ругодиве со всех земель с Немецкими людми и за товар ходят, по 3 ефимка емлют за московский рубль». Близкую цену — 33 копейки за ефимок — называет Даниил Принц. По его данным, в 70-х годах XVI в. талер стоил 66 или 69 крейцеров, что приравнивалось к 33 или 33,5 копейки[26]. Торговая книга в главах, относящихся к нидерландской торговле на Мурманском берегу, тоже приравнивает ефимок к 33 копейкам или к 11 алтынам. Маржерет определяет цену ефимка на рубеже XVI — XVII вв. в размере уставной: «Каждый ефимок идет за 12 алтын или 36 денег»[27].

Источники о рыночной цене талеров в изучаемый период очень скудны, поэтому вопрос о величине торговой прибыли купца на русском внутреннем рынке остается открытым. Но даже по имеющимся данным можно убедиться, что уставная цена в большинстве случаев или превышала рыночную, или совпадала с ней. Купцу было выгоднее сдавать талеры на денежный двор или про-

давать их в казну, чем использовать во внутренней торговле. В этих условиях возможность проникновения талеров в русское денежное обращение сводилась к минимуму. Приведенные в работе В. М. Потина «Талеры на территории Русского государства» сведения об обращении талера в России свидетельствуют о том, что хотя талер и его разновидности были хорошо известны русскому населению, все же обращение его в качестве монеты, а не товара было удобно только для жителей «порубежных» городов, да и то в середине — второй половине XVII в. Для изучаемого периода, по всей видимости, характерной была иная картина, замеченная Даниилом Принцем в 70-х годах XVI в.: «От наших монет чернь, особенно в небольших городах, очень удерживается из боязни быть обманутой. Итак, приходящие туда (в Россию. — *А. М.*) наши земляки испытывают с этой стороны немалое затруднение. А купцы соблюдают древний обычай, и с москвитянами по большой части ведут меновую торговлю, выставляя товар за товар, что для тех и других очень удобно»[28].

Невозможность пользоваться в России для расчетов собственной монетой и даже талерами — международной валютой — вынуждала иностранцев не только обращаться к меновой торговле, но и вела их на русские денежные дворы, где они могли получить за сданные талеры нужное им количество русских денег. Право свободной чеканки на русских денежных дворах для иностранцев зафиксировано еще в конце XV в.[29] Уставная новгородская грамота 1571 г., упоминавшаяся выше, подтверждает, что это право сохранилось в XVI в. Разумеется, иностранцы теряли некоторое количество серебра при уплате пошлин «на государя», однако продажа талеров по уставной цене была бы для них еще менее выгодной. Право беспошлинной чеканки на русских денежных дворах, полученное Московской Английской компанией в 1569 г., было одной из выгодных привилегий, и после ее отмены англичане немало хлопотали в 1588 — 1589 гг. о возобновлении привилегии.

Использование талеров в качестве сырья для чеканки собственной монеты было не только русским явлением. Многие страны Европы ввозили испано-американские песо или немецкие рейхсталеры и нидерландские талеры и перечеканивали их в собственную монету с известной долей прибыли. Однако ни в одной стране Европы талер не ценился так высоко, как в России. К тому же, как отметил В. М. Потин, исследовавший этот вопрос, «качество русских денег, чеканившихся из высокопробного серебра, а также значительные выгоды, получаемые от реализации при приобретении русских товаров, давали возможность более дешево приобрести на них талеры, чем на голландские стойверы или польские гроши»[30]. Широко практиковалась перепродажа русских товаров на рынках Европы по ценам более высоким, чем покупные. Продавцами здесь выступало западноевропейское купечество, преимущественно нидерландское и ганзейское[31].

Все это в целом увеличивало выгоду от торговли талерами в России и способствовало стремлению иностранных купцов к ввозу талеров в пределы Русского государства. Русское государство, вынужденное закупать огромное количество серебра как для чеканки монет, так и для нужд ювелирного дела, возмещало затраты высокой прибылью от государственной чеканки на денежных дворах. В XVI — начале XVII в. каждый перечеканенный на денежном дворе талер приносил не менее 8,5% дохода государству. В русской экономической политике средством привлечения и сохранения денег в стране было обеспечение активного денежного баланса во внешней торговле, а в решении внутренних экономических задач ведущее значение придавалось тщательному и мелочному

контролю над движением денег, что, в частности, достигалось учреждением государственных денежных дворов и монопольным правом государства на чеканку монет.

На государевых денежных дворах

Становление централизованного государства требовало укрепления государственного аппарата, усиления элементов стандартизации в управлении и законодательстве, в организации делопроизводства. Общий смысл реформ в системе феодальной государственной надстройки в XVI — начале XVII в. сводился к борьбе за централизацию государственного управления. Эти глобальные тенденции эпохи явственно сказались и в денежном хозяйстве. Развитие экономики централизованного государства и его территориальный рост, углубление и расширение товарно-денежных отношений в стране, включая рост торгового капитала, распространение денежных повинностей, развитие внешней торговли, особенно в связи с овладением Волжским путем после присоединения Казани и Астрахани, требовали увеличения денежной массы. Неуклонный рост цен в течение XVI в. также усиливал потребность в деньгах. Вовлечение русской экономики в сферу общеевропейской торговли, о чем, в частности, свидетельствовали неоднократные предложения русскому правительству со стороны торговых контрагентов о введении в России общеевропейских денежных единиц, неизбежно ставило перед русским денежным хозяйством новые требования.

В конкретных условиях России середины и второй половины XVI в., когда феодализм продолжал развиваться по восходящей линии и элементы буржуазных отношений находились в зачаточном состоянии, а отдаленность русского рынка от общеевропейских торговых путей к тому же значительно сужала масштабы получения сырья для чеканки монет, возможности русского денежного хозяйства были весьма ограничены. В ответ на требования времени оно могло только увеличить продуктивность денежных дворов, чтобы насытить внутренний рынок денежными знаками, и избавиться от пережитков феодальной раздробленности, чтобы экономика централизованного государства обслуживалась единой по всем показателям монетой. Главной задачей в этих обстоятельствах стало привлечение в страну драгоценных металлов и недопущение утечки золота и серебра за пределы страны.

Правительственный аппарат стремился регламентировать торговлю золотом и серебром, что нашло отражение в соответствующих статьях Торговой книги и ряде таможенных грамот. Так, например, рисует эту регламентацию Таможенная псковская грамота 1594 г.: «...А золото б и серебро всякое купцы (речь идет об иноземцах. — *А. М.*) меняли на псковские товары или б продавали псковичам на деньги, да и на те б деньги товар же во Пскове покупали. А денег бы русских и золота и серебра явленого изо Пскова не возили... Да у кого деньги или серебро или золото вымут, и у тех гостей у торговых людей деньги и серебро и золото и животы их имати на государя»[32]. Иноземные купцы могли вывозить из России только товары. В то же время наиболее эффективным способом удержания в стране драгоценных металлов служило учреждение государственных денежных дворов и утверждение монопольного права чеканки монет государством. Крупные светские и духовные феодалы не имели права чеканки собственной монеты.

Увеличение объема чеканки на денежных дворах могло быть достигнуто только в результате беспрепятственных и постоянных торговых связей со странами Европы, откуда в Россию поступало серебро. Однако прямого выхода на Балтику русская торговля не имела, а прибалтийские города-посредники — Дерпт, Рига, Ревель, Таллинн — меньше всего были заинтересованы в выгоде для русской экономики. Борьба за выход к Балтийскому морю, начатая Русским государством в середине XVI в., как нельзя больше отвечала интересам русского денежного хозяйства.

Денежная реформа Елены Глинской сделала первый принципиально важный шаг: она оформила общерусскую денежную систему, утвердила монопольное право государства на чеканку монеты и окончательно ликвидировала систему денежных откупов. Она дала толчок и направление дальнейшему развитию денежного дела при Иване Грозном.

По классификации монет Ивана IV, осуществленной И. Г. Спасским в 50-х годах, копейки были распределены между тремя денежными дворами, причем ведущим признавался Московский денежный двор, Новгородскому же были приписаны лишь два выпуска, с большим интервалом следовавших друг за другом. Денги, по мнению автора, чеканились в Москве. Чеканка Тверского двора признавалась с большой натяжкой и никаких убедительных доказательств ее существования приведено не было. Нерегулярный характер чеканки в Новгороде И. Г. Спасский объяснял «суровым и подозрительным отношением к Новгороду» со стороны Ивана IV, хотя и признавал значение Новгорода как «чрезвычайно важного центра внешней торговли Русского государства в годы Грозного»[33]. Но, рассуждал он далее, из-за событий внутриполитического характера и Ливонской войны торговая деятельность новгородского купечества приостановилась, серебро на денежный двор не поступало, и он мог не работать годами.

Ведущее значение, по мнению исследователя, во все годы занимал Московский денежный двор, на котором перерабатывалась основная масса серебра, поступавшая в Россию главным образом через казенные заказы. Из 47 типов монет Ивана IV (денег и копеек, не считая полушек) на долю московского чекана, по классификации И. Г. Спасского, приходилось 36 типов, на долю новгородского — 6, псковского — 4 и тверского (?) — 1.

Сведения письменных источников времени Ивана Грозного дают некоторые основания для сомнения в этой классификации. Прежде всего кажется неправильным представление о слабом участии в денежном обращении Новгородского денежного двора. Известно, что Новгородский денежный двор значительно расширил свою территорию к 1586 г., в начале 80-х годов присоединив к основному своему помещению на Ярославовом дворище, между церквами Николы и Святых Отцов, бывший двор Федосеева на Рогатицкой улице. Спустя несколько лет вместо него был приобретен бывший двор Язычкова, превосходящий федосеевскую усадьбу почти втрое[34]. Если Новгородский двор так слабо функционировал, то зачем ему было расширять помещение?

При рассмотрении позиции И. Г. Спасского вызывает недоумение также то обстоятельство, что деятельность именно Новгородского (а не Московского!) двора оставила наибольшее количество сведений в письменных источниках середины и второй половины XVI в. Это, во-первых, пространное сообщение Софийской летописи 1535 г. о проведении денежной реформы, где помимо сведений о ходе реформы содержится первое упоминание об организации государевых денежных дворов[35]. Вологодско-Пермская летопись под 1536 г. го-

ворит о чеканке «Ноугородок новое кузло» в Новгороде и Пскове. В 1565 г. иностранец Р. Барберини сообщал о существовании в Московии Новгородского и Псковского дворов. Текст соглашения 1569 г. с Английской торговой компанией о праве чеканить монету на русских денежных дворах называет казенные денежные дворы в Москве, Новгороде и Пскове[36]. В 1571 г. в Уставной таможенной грамоте о взимании пошлин на Торговой стороне в Новгороде прямо говорится о чеканке монет на монетном дворе[37]. Наконец, о Новгородском денежном дворе сообщают писцовые книги 1581 — 1582 гг. и книги, составленные до 1586 г.[38]

О Московском денежном дворе рассказывается в летописных известиях 1535 г.; в Вологодско-Пермской летописи под 1538 г., свидетельствующей, что «Московки новое кузло» чеканятся в Москве; в записи Торговой книги, где говорится о том, что «на Москве из ефимков добрых» чеканятся московки (т. е. денги)[39]. Немец-опричник Генрих Штаден в своих записках указал, что Московский денежный двор был расположен на Варварке[40]. К этим данным присоединяются упомянутые выше сведения Р. Барберини и текст соглашения 1569 г. с Английской компанией.

О работе Псковского денежного двора сообщают псковские и Вологодско-Пермская летописи, рассказывает писцовая книга по Пскову 1585 — 1586 гг.[41]

О Тверском денежном дворе в указанный период сведений в письменных источниках пока не встречено.

Разумеется, бо́льшее по сравнению с другими денежными дворами количество письменных сведетельств о Новгородском денежном дворе можно объяснить случайным стечением обстоятельств, не отражающих истинное состояние денежного дела при Иване Грозном. Проверить это можно данными классификации монет, единственными объективно достоверными свидетелями работы денежных дворов.

В момент создания классификации монет Ивана Грозного ее автор И. Г. Спасский выражал некоторые сомнения в правильности ее результатов: «...отсутствие подходящих кладовых и других материалов вынуждает к большей осторожности в окончательных выводах и оставляет некоторые из них под большим или меньшим сомнением»[42]. За время, истекшее с момента написания этих строк, источниковая база заметно расширилась. Если в 1955 г. исследователь располагал всего 18 кладами времени Ивана Грозного и Федора Ивановича, доступными для визуального изучения, то сейчас количество таких кладов увеличилось до 55. Эти клады позволили предпринять попытку проверить классификационную схему, правильность разбивки монетных типов по времени появления и местам чеканки*.

Клады показали, что основная масса денег сосредоточивалась в московских и тверских кладах, а основная масса копеек — в псковских и новгородских.

---

* Подробная и аргументированная хронологическая и топографическая систематизация монет Ивана Грозного, основанная на сравнительном изучении кладов его времени, обоснована в работе: Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. — С. 77 — 137. Предпринятое в 1985 г. изучение монет Грозного в связи с внутриполитическими событиями его царствования и развитием идеологических воззрений самодержавной власти (Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти//ВИД. — 1985. — Т. XVII. — С. 121 — 133), а также находка и изучение по штемпелям новых восьми кладов времени Ивана Грозного и Федора Ивановича уточнили ряд моментов в нашей систематизации и в целом подтвердили объективную правильность тех ее контуров, которые были намечены в 1980 г.

Вряд ли такое разделение кладовых комплексов можно объяснить случайностью. По всей видимости, в этом нашла выражение устойчивая традиция, зародившаяся в XV в., — разделение русского денежного обращения на два ареала: московский и новгородский, ведущее положение в которых заняли монеты московского и новгородского чеканов. К концу XV в. эта традиция закрепилась в названиях основных номиналов денежной системы — «московки» и «новгородки» с соотношением 2:1. Денежная реформа 1535 — 1538 гг. заменила «новгородку» копейкой, «московку» — деньгой, понизив их весовое содержание, но сохранив соотношение, при котором на одну копейку приходилось две деньги. Однако в официальном делопроизводстве и в живой речи, как показывают иностранные словари, до конца XVII в. вместо названий «копейка» и «денга» употреблялись «новгородка» и «московка»; сохранялся счет на «новгородское число» со стоденежным рублем и на «московское число» с двухсотденежным. Клады XVI в. показали, что эти пережитки имели прочную материальную основу: московские земли более охотно принимали денгу, новгородские и псковские — копейку. Деление русского денежного обращения на московский и новгородский ареалы сохранялось, следовательно, и в середине, и во второй половине XVI в.

Анализ процентного содержания двух основных номиналов русской денежной системы в кладах XVI в. позволяет не только увидеть «живые следы прежней автономии»[43] в денежном обращении XVI в., но и дает основание утверждать, что между русскими денежными дворами после 1535 г. закрепилось своеобразное «разделение труда»: Новгородский и Псковский дворы чеканили только копейку, Московский и Тверской — только денгу (об этом прямо говорит Вологодско-Пермская летопись, которая заявила, что в Новгороде и Пскове чеканятся новгородки «новое кузло», а в Москве — московки «новое кузло»).

Это разделение продолжалось и после реформы, о чем свидетельствует высказывание Р. Барберини (1565 г.) о том, что в России талеры тотчас перечеканиваются в монету, которая называется денгой; чеканят ее только в двух местах — в Москве, где на монете изображается всадник с мечом, и в Новгороде, где на монете изображается святой Георгий (т. е. всадник с копьем. — *А. М.*)[44]. Высказывание Барберини, конечно, имеет весьма общий характер — он ничего не говорил о работе двух других денежных дворов — Псковского и Тверского; оно может быть истолковано произвольным пониманием ходячего названия русских монет — «московки» и «новгородки», которое он мог понять как указание на место их чеканки. Однако заслуживает внимания сам факт четкого подразделения русской монеты по локальному признаку на два вида — деления, которого не мог не заметить в 1565 г. даже иностранец.

Согласно новой классификации монет Ивана Грозного, разработанной в указанных выше исследованиях последних лет, распределение их между денежными дворами оказалось совершенно иным, чем это предполагалось раньше. К чекану Московского двора отнесены 34 типа денег и мечевая копейка; Псковского — 8 типов копеек, Новгородского — 16 типов копеек, Тверского — 7 типов денег (см. табл. 1).

Разделение монет между этими четырьмя денежными дворами может быть оспорено, так как и источниковая база пока недостаточно обширна (в нашем распоряжении, например, мало кладов новгородского и тверского ареалов), и формальные признаки, которыми приходилось руководствоваться при построении классификационной схемы, не всегда дают однозначные ответы. Но главный вывод — отнесение денег к продукции Московского и Тверского дворов, копеек —

Новгородского и Псковского дворов — кладами подтверждается без сомнений. Ясен и второй вывод — изменение наших представлений о производственных возможностях денежных дворов. Монеты показывают, что денежные дворы работали очень неравномерно, а значение каждого из дворов в денежном производстве не было величиной постоянной, неоднократно менялось на протяжении правления Ивана Грозного.

Московский денежный двор действительно занимал ведущее положение в первой половине его правления. Здесь чеканился основной номинал реформы (денги — «московки»), до 50-х годов XVI в. игравший главную роль в системе номиналов, введенных реформой (копейка — денга — полушка). Возможно, там же чеканились все типы полушек (повторим, что чеканка полушек еще ждет своего изучения). После 1547 г. на Московском денежном дворе продолжалась чеканка «царских» денег, т. е. денег с легендой «Царь и князь великий Иван». Скорее всего, других номиналов в Москве не чеканили (исключая «мечевую копейку», по оформлению аналогичную денге). Об этом свидетельствуют данные московских кладов, неизменно показывающие самый малый процент копеек в их составе, и прямое указание Торговой книги: «а выходят ефимки добрые на Москве в московки»[45].

Со второй половины XVI в. обнаруживается значительный спад производственной активности Московского двора. Процентное содержание «царских» денег в кладах второй половины правления Грозного выше 34% не поднималось (даже в кладах московского ареала), в то время как великокняжеские денги в кладах, зарытых до 50-х годов, достигали 50—60% состава клада. Отсутствие или резкое сокращение количества «царских» денег в кладах 50-х — начала 60-х годов приводит к убеждению, что вскоре после 1547 г. чеканка их была прервана или резко сократилась на какое-то время. Денги вновь появляются в кладах 70 — 80-х годов. По-видимому, в сокращении (или прекращении) чеканки денег сыграли роковую роль опустошительные пожары апреля и мая 1547 г., когда выгорели Китай-город, дворы за Яузой и Москвой-рекой, в Кремле, на посаде от Арбата до конца Тверской, на Дмитровке, Мясницкой, Покровке и Варварке[46]. Денежный двор, по свидетельству немца-опричника Генриха Штадена и более поздних письменных источников, находился на Варварке (совр. ул. Разина). На то, что денежный двор или сгорел, или серьезно пострадал, косвенным образом указывает строительство Гостиного двора на пожарище, образовавшемся между современными улицами Разина, Куйбышева, Рыбным и Хрустальным переулками[47].

Однако причиной упадка двора были, очевидно, не только и не столько пожары. После введения в 1565 г. опричнины и разделения московской территории на земскую и опричную Московский денежный двор оказался на той части, которая отошла к земщине. Вероятно, управление двором и получение доходов от чеканки вошли в компетенцию земских властей. Принадлежность денежного двора к кругу учреждений земщины определила, надо полагать, и характер отношения Ивана IV к его деятельности. Согласно своей последовательно враждебной политике по отношению к земщине и ее институтам царская власть в лице Ивана Грозного, видимо, предпочитала отныне обращаться с казенными заказами на иные денежные дворы. Другой источник серебра — заказы от частных лиц — в 50—60-х годах должен был резко сократиться, поскольку значительная часть московских потенциальных заказчиков («лучших людей») была в эти годы разорена или физически истреблена, да и все население Москвы уменьшилось почти в три раза.

Запустение Московского денежного двора во второй половине XVI в. находит объяснение и еще в одном внутриполитическом событии. Дело в том, что в середине 50-х годов на Московском дворе был приготовлен новый лицевой маточник денги с весьма своеобразным оформлением. Всадник, сидящий на коне, в качестве головного убора имел не обычный для денег Ивана Грозного трехчастный венец, а великокняжескую шапку — такую, как ее изображали на миниатюрах, — со сферическим верхом и с меховой опушкой (табл. 1, М., *17—21*). Такое же изображение головного убора было на царской денге Тверского денежного двора с буквами IВ (Т., *18—22*) и на копейке с буквами Я/ДМ, которую мы отнесли к чекану Новгородского двора (Н., *25—26*). Все эти изображения появились на копейках и денгах, чеканка которых производилась приблизительно в одно и то же время — в середине 50-х годов.

Изображения головных уборов и на монетах, и на миниатюрах выражали понятие о ранге в системе феодальной иерархии. Так, в миниатюрах Лицевого свода князь неизменно изображался в великокняжеской шапке, а царь — в пятилучевой короне[48]. Обращение к русским монетам XV в. показывает, что и в денежном деле существовала своя система знаков, обозначавшая различные понятия, которые дополняли или раскрывали содержание легенд. Форма головных уборов в этой системе занимала едва ли не ведущее место. Трехчастный венец обычно использовался в тех случаях, когда возникала необходимость обозначить верховную власть. Комбинации изображений трехчастного венца и великокняжеской шапки на монете служили средством передачи характера междукняжеских отношений[49].

На монете Ивана IV трехчастный венец впервые появляется на копейке ФС (табл. 1, Н., *14—17*), которую мы относим к Новгородскому денежному двору и датируем ее появление 1542 г., связывая ее чеканку со всей системой мероприятий по пропаганде идей самодержавной власти, осуществлявшейся митрополитом Макарием (он оставил архиепископскую кафедру в Новгороде, стал с 1542 г. митрополитом и вместе с кругом единомышленников разработал целую систему идеологических взглядов, развивавших идею самодержавной власти)[50].

Изображение на монете всадника в трехчастном венце стало отождествляться с образом царя-самодержца, юного Ивана IV. Изображение трехчастного венца, появившееся после 1542 г., сохранялось до 60-х годов XVI в., после чего его сменила пятилучевая корона. В эти же годы осуществилась целая серия изменений государственной атрибутики: в геральдике произошло слияние родовой эмблемы — ездеца — с государственной — двухглавым орлом, к старым царским регалиям — бармам и кресту — прибавился скипетр, атрибут королевской власти. Причина этих изменений связана с тем, что в 1561 г. произошло событие, которое ожидалось Иваном IV и его сподвижниками 15 лет: патриарх Константинопольский и Собор восточных святителей утвердили акт венчания на царство Ивана IV в январе 1547 г.

Появление пятилучевой короны вместо трехчастного венца на монетах Ивана IV следует рассматривать в контексте этих событий. Лишь после утверждения акта венчания на царство в 1561 г. Ивана Грозного стали изображать в пятилучевой короне, как это следовало по канонам древнерусского изобразительного искусства.

Учитывая ту смысловую нагрузку, которую несли рисунки головных уборов на монетах, нужно обратить особое внимание на изображение великокняжеской шапки на некоторых типах монет Ивана Грозного. Всего вероятнее, это оформление монет следует связывать со временем конфликта между Иваном IV и Из-

бранной радой, который имел место в 50-х годах (вспомним, что клады датируют денги и копейку с великокняжеской шапкой тоже 50-ми годами). Историки спорят, был ли действительно в 1553 г. боярский «мятеж» или же он возник в воображении автора приписок к Царственной книге, сделанных спустя более десятка лет. Но если учесть, что в Лицевом своде в великокняжеской шапке изображался после 1547 г. только один персонаж — великий князь Владимир Андреевич Старицкий, а также то обстоятельство, что Владимир Андреевич был знаменем боярской оппозиции, можно предположить, что изображение всадника в великокняжеской шапке символизировало великого князя Старицкого и было завуалированным вызовом Ивану Грозному. Оппозиция, возникшая в среде Избранной рады, видимо, смогла использовать в своих интересах денежные дворы. Судьба после разгрома оппозиции денежных дворов, участвовавших в выпуске монет с великокняжеской шапкой, на наш взгляд, весьма красноречиво об этом свидетельствует.

Московский денежный двор больше не готовил новых маточников, и тип денги с великокняжеской шапкой был его самым последним выпуском, видимо, завершившимся в середине 50-х годов. Возобновление чеканки в конце правления Ивана Грозного, которое имело незначительные масштабы, скорее всего, производилось уже другими штемпелями, с традиционным изображением всадника с венцом. Впрочем, следует заметить, что выпуск денги с великокняжеской шапкой был довольно обильным и, если принять высказанную выше гипотезу, с точки зрения царской власти, Московский двор действительно весьма сильно «провинился». Тверской денежный двор после выпуска «крамольной» денги с буквами IВ и с великокняжеской шапкой прекратил свое существование навсегда.

Впрочем, прекращение или сокращение деятельности денежных дворов, выпускавших мелкий номинал — денгу, следует объяснять и гораздо более существенным обстоятельством. Экономическое развитие, расширение и углубление торговых связей внутри страны в течение XVI в. поставили перед денежным обращением необходимость пользоваться копейкой как самым крупным и удобным номиналом денежной системы. Неуклонный рост цен на протяжении XVI в. требовал более крупных единиц денежного счета, реально существующих в виде монет. Ими становились копейки, а полушки и денги постепенно отодвигались на положение разменной монеты. Рост значения копейки в денежном обращении делается еще более заметным в первом десятилетии XVII в., когда чеканка денег была прекращена до 1613 г., а после 1613 г. возобновилась в скромных масштабах. Полушки чеканились тоже не в очень больших количествах — уже приводилось свидетельство Торговой книги о том, что из-за малой потребности в полушках их мало чеканили в конце XVI в. Чеканка этой монеты была не только трудоемка, но и невыгодна для заказчиков, много терявших «в крохах» и в процессе плавки своего серебра.

По мере падения в денежном обращении роли денги как самостоятельной денежной единицы сокращалось и число заказов на ее чеканку.

Торговые люди предпочитали переделывать свое серебро на копейки, что можно было сделать только в Новгороде или в Пскове, поскольку в Москве копеек не чеканили. Лишенный притока серебра, находившийся в опальном городе, да еще в ведении земщины, Московский денежный двор медленно хирел. Возрождение его наступило лишь в самые последние годы XVI в., во время царствования Федора Ивановича, при правителе Борисе Федоровиче Годунове, что было связано с рядом важных перестроек во всем русском денежном деле.

Псковский и Новгородский денежные дворы, в отличие от Московского, судя по монетам, переживали пору своего расцвета как раз во второй половине XVI в. Этому способствовали многие обстоятельства. Прекращение или сокращение деятельности Московского денежного двора должно было поставить перед периферийными денежными дворами задачу бесперебойного снабжения денежного обращения, а возросшая к тому времени роль копейки привлекла на эти дворы большую часть запасов серебра, владельцы которого стремились получить на руки крупные номиналы, более удобные для торговых сделок. Однако главную роль в возвышении этих дворов, по-видимому, играли внешнеполитическая конъюнктура и внутриполитические события.

Присоединение к России в 1558 г. Нарвы вызвало оживление русской внешней торговли и, разумеется, участия в ней новгородского купечества, издавна активно торговавшего с западными странами. Первоначальные успехи России в начале Ливонской войны (1558—1583 гг.), вернувшие стране Полоцк и открывшие западноевропейские рынки для русской внешней торговли, способствовали процветанию последней в 60—70-х годах XVI в. Это вызвало приток серебра на денежные дворы, которые соответственно увеличили производственные мощности, т. е. число одновременно находившихся в производстве маточников и снятых с них штемпелей. Возрос и объем чеканки. Расцвет деятельности Новгородского двора, судя и по обилию новых типов монет, и по данным кладов, приходится как раз на 60—70-е годы.

Разгром Новгорода в 1570 г. в результате похода Ивана Грозного, после чего город был поделен между опричниной и земщиной, имел непосредственное влияние на судьбу Новгородского денежного двора, причем благоприятное. Торговая сторона Новгорода, где находился денежный двор, отошла к опричнине. Уставная таможенная грамота 1571 г. свидетельствует, что двор попал под непосредственный контроль опричных властей. В грамоте, в частности, говорится о порядке взимания пошлин за чеканку монеты. Под опекой и защитой опричных властей, для которых денежный двор стал источником постоянного и прочного дохода, он мог интенсивно работать, не испытывая серьезных затруднений с сырьем. Одним из наиболее солидных заказчиков, очевидно, выступала царская казна, которая была заинтересована в бесперебойной работе двора.

Вполне естественно, что размах деятельности Новгородского двора в 60—70-х годах требовал расширения производственных помещений. Писцовые книги 1581—1582 гг. засвидетельствовали, что такое расширение уже произошло, писцовые книги 1586 г. тоже показали, что первоначально присоединенное помещение заменили на более обширное[51]. Понятно также, почему двор Язычкова, взятый в 1586 г. под денежный двор, оказался неосвоенным. Последующие неудачи Ливонской войны лишили Русское государство недолгого преимущества во внешней торговле с Западом, опорные пункты внешней торговли на западной границе — Нарва, Ям, Корела, Копорье, Ивангород, Полоцк — отошли к врагу, Смоленск и Псков были разрушены. В этих условиях Новгородский двор сократил производство.

Выпуск копейки с изображением великокняжеской шапки (Н., *25—26*) не оказал заметного влияния на судьбу Новгородского денежного двора. Возможно, его последствия (если они были) заслонила крайне благоприятная конъюнктура поступления серебра на денежный двор, сложившаяся сразу же после присоединения Нарвы к России в 1558 г. Впрочем, на рубеже 60—70-х годов наблюдаются некоторые изменения в оформлении лицевой стороны копейки: многообразие буквенных сочетаний, свойственное новгородским копейкам (буквы

АЛ, Юр, ГД, Я/ДМ, С/ВАЯ, ВАЯ), после 50-х годов заменила устойчивая комбинация трех букв — к/ВА. Четыре типа копеек, для чеканки которых использовались четыре разных лицевых маточника, отмечены этими буквами (Н., *28, 29, 30, 31*). Копейки с буквами к/ВА очень многочисленны, особенно это относится к типу *29—26*. Такую перемену в оформлении копеек, может быть, следует связывать с переходом Новгородского двора в опричнину и попыткой опричных властей унифицировать внешний вид копейки хотя бы в пределах продукции одного двора.

Однако позднее тенденция к унификации оформления монет исчезла. Резкое ухудшение состояния внешней торговли, связанное с неудачами в Ливонской войне, потеря Нарвы в 1581 г. обескровили внешнюю торговлю, серебро стало поступать на денежные дворы в небольших количествах, и объем их продукции резко сократился. На Новгородском дворе вновь вернулись к прежней практике использования разнообразных буквенных сочетаний: копейки 80-х годов имеют буквы под конем к/МНХ, к/АН, ф/АН (Н., *32—26, 33—26, 34—26*), а количество их в кладах и коллекциях значительно сокращается по сравнению с копейками к/ВА. Следует также помнить, что к этому времени опричнина окончательно изжила себя и денежный двор в Новгороде опять вернулся к прежней системе управления.

Псковский денежный двор по сравнению с Московским и Новгородским был небольшим. Об этом прежде всего свидетельствуют писцовые книги по Пскову 1585 — 1587 гг. Из описания следует, что Псковский денежный двор находился «в большом городе, надо рвом, промеж Трупеховских и Петровских ворот». Он состоял из нескольких помещений, обнесенных забором. В двух избах делали «мастеры денги», в одной из них сидели в отдельной комнате приказчик «с товарищи» — администрация денежного двора. В сарае, где находились четыре каменные печи, «тянули серебро», т. е. вытягивали проволоку, из которой чеканили монету. В другом сарае было пять каменных печей, в которых серебро плавили, а в постройке по соседству делали «гнезда, в чем плавят серебро», — готовили слитки серебра для волочения их в проволоку. Посреди двора стоял погреб дворников, а у ворот — два колодца. Общий размер двора составлял 24 сажени в длину и 23 сажени «поперег». Рядом с двором жили дворники. Писцовая книга называет их имена и сообщает о размере жалованья, которое они получали от денежного двора. Это были Мамонко Денисьев, «сын извощика», и Кондрашко Федоров, а жалованья они получали по рублю на человека в год. Названы имена приказчиков. Ими в 1585 — 1587 гг. были Михайло Иванов, сын Дедков, «с товарищи». Денежными мастерами, «что серебро делают», названы Гаврило Матвеев и Остафий Иванов, сын Кладов. Первый жил на Полонище у Нового Вознесенья в монастыре, второй — в Завеличье, в дворцовой деревне у Крестов[52].

Это описание дает представление не только о размере двора и характере его построек, но и об организации денежного дела. Двор был небольшим. Невелик был и его штат. Писцовые книги называют только двух главных работников — денежных мастеров и упоминают двух дворников (в данном случае дворник выступает как лицо, ответственное за состояние двора*). Подсобные рабочие, о существовании которых мы знаем по более поздним источникам, —

---

* Дворник — содержатель постоялого двора, хозяин заезжего дома. Работник и сторож при всяком доме. Стар. — смотритель над торговым двором, рядской староста[53].

волочильщики, бойцы, подметчики и кузнецы* — в писцовых книгах по Пскову не названы.

Администрация двора в писцовых книгах по Пскову представлена в лице приказчика «с товарищи». Во главе двора ставился голова — выборная должность из представителей верхушки торгово-ремесленного населения посада; голова был высшей администрацией двора, а следующее административное звено составляли целовальники, осуществлявшие повседневное руководство двором[54]. Видимо, приказчиков Псковского двора можно отождествить с целовальниками, а умолчание писцовых книг по Пскову о наличии помещения для головы скорее всего следует объяснять тем, что на территории двора не было специального помещения для головы, в отличие от приказчиков, обязанных быть при денежном производстве постоянно. Вряд ли организация денежного дела в Пскове могла отличаться от ее организации на других денежных государевых дворах.

Продукцию Псковского денежного двора составляли копейки и, возможно, полушки. В первой половине правления Ивана Грозного Псковский двор работал довольно умеренно. По нашей классификации с 1535 г. по начало 50-х годов здесь выпускались только три типа копеек: копейки великокняжеские безымянные с буквой А, затем, после 1547 г., царские именные копейки с буквами IВЯ и ГР (см. табл. 1, 11., *8 — 11, 20 — 24, 21 — 25*). Наибольшее количество в этом перечне приходится на копейку ГР, выпуск которой, видимо, был начат ближе к 50-м годам.

Оживление деятельности Псковского денежного двора в 60-х годах следует связывать с ролью Пскова как базы для развертывания военных действий русских войск в Прибалтике на протяжении первой половины Ливонской войны. Виднейшие государственные деятели часто бывали в Пскове, город активно отстраивался и укреплялся. Непременным следствием этого должно было стать оживление торговой деятельности в городе и, соответственно, усиление притока сырья на денежный двор. После присоединения к России Нарвы и Дерпта, возвращения Полоцка купечество получило свободный выход на западноевропейские рынки, и Псков как крупнейший торговый центр на западных границах России должен был богатеть.

Псковский денежный двор ответил на оживление торговой деятельности в городе так же, как и Новгородский, — значительным увеличением объема продукции и количества орудий чеканки — маточников и снятых с них штемпелей. Свидетельством расцвета города в конце 60—70-х годах служат копейки с буквами с/МН, МА, IВ—р (П., *35 — 27, 36 — 28, 37 — 29, 37 — 27*). Но все же по сравнению с Новгородским размах деятельности Псковского двора был скромнее. Это сказалось и в меньшем количестве вновь приготовленных маточников, и в практике использования старых, лишь слегка исправленных маточников (например, оборотного маточника *27*, переделанного на *28*) и лицевого с буквами IВ — р, переделанных затем на буквы Ф — р.

Неудачи второй половины Ливонской войны имели непосредственное влияние на судьбу Пскова. Псковская земля стала театром военных действий, а в

* Волочильщики волочили проволоку из серебряного сырья, бойцы плющили эту проволоку и делали заготовки для монет, подметчики подкладывали эти заготовки под чеканы, которыми работали денежные мастера — чеканщики. Кузнецы отливали серебро в специальные формы — гнезда. Все работники объединялись в производственные артели — станицы, в каждой из которых были представлены все специальности.

1581—1582 гг. Псков был осажден войсками Стефана Батория. Военные и дипломатические поражения русского правительства, потеря Нарвы, Дерпта, Полоцка и других пограничных городов положили в 80-х годах XVI в. конец процветанию псковского купечества. Захирел и денежный двор, лишившись притока сырья для чеканки монет. Подсчет количества поздних псковских копеек Ивана IV в кладах псковского ареала показывает, что после 1580 г. объем местной чеканки заметно сократился, новые маточники больше не резались, а лишь подчищались и подправлялись старые.

О количестве рабочих на русских денежных дворах достоверные сведения имеются только для середины и второй половины XVII в. Для более раннего периода можно лишь приблизительно подсчитать число рабочих, отталкиваясь от книг Новгородского денежного двора и псковских писцовых книг.

В Новгороде работали «Гаврила Репин с товарищами»; это была, по всей видимости, одна станица, насчитывающая вместе со старостой (Гаврилой Репиным) 11 человек; еще работали там два мастера (Иван Брага с сыном Филькой). В общей сложности денежных мастеров здесь было человек 13 и, видимо, столько же рабочих других специальностей, всего около 30 человек. В Пскове же работали только два денежных мастера, и, видимо, общее число работников денежного двора составляло цифру около 10—15 человек. О Московском дворе никаких данных не имеется; скорее всего, численность рабочих здесь должна была быть близкой новгородской. Тверской денежный двор, видимо, был самым маломощным и малочисленным.

ГЛАВА 3

Важные перемены

После Ливонской войны

Иван VI умер в марте 1584 г., а 31 мая состоялось венчание на царство его сына Федора Ивановича (1584—1598 гг.). Новое правительство получило тяжелое наследство. Ливонская война была проиграна. Историческую задачу — пробиться к Балтийскому морю — решить не удалось. Хозяйственное разорение 70—80-х годов, массовое запустение и разорение центральных и северо-западных районов, резкое сокращение количества населения, упадок внешней и внутренней торговли поставили страну на грань катастрофы. Вместе с разоренной страной правительство Федора Ивановича получило в наследство от Ивана Грозного полностью расстроенные финансы.

Денежное дело не избежало общей участи. Денежное производство на всех трех денежных дворах резко сократилось. В монетных кладах конца XVI в. монеты Федора Ивановича встречаются единичными экземплярами. Лишь в кладах, зарытых после 1596 г., появляются его монеты в бо́льшем количестве. Но в целом число монет Федора значительно меньше по сравнению с монетами других правителей. Например, от времени царствования Бориса Федоровича Годунова, период царствования которого был почти вдвое короче, чем Федора, в кладах и коллекциях осталось очень большое количество монет (собрание ОН ГИМ насчитывает их около 3 000 экз.), а от времени Федора сохранилось значительно меньше копеек и денег (в собрании ОН ГИМ их всего около 1 000 экз.). От семи лет правления Годунова осталось 130 учтенных в настоящее время кладов, а от четырнадцати лет правления Федора — всего 20.

Из этих 20 кладов доступными для визуального изучения оказались девять. Еще четыре клада, захороненные в первые годы царствования Годунова, были привлечены при изучении чекана Федора. Благодаря кладам удалось уточнить и скорректировать классификационную схему чекана Федора Ивановича, впервые разработанную И. Г. Спасским. Клады также дали возможность составить представление о характере и основных этапах развития денежного хозяйства России в последние два десятилетия XVI в.

Монеты царствования Федора Ивановича представлены в табл. 2 соотношения штемпелей и фототабл. 6—8, весовые показатели монет даны на сводной диагр. веса копеек 4.

Самые ранние клады Федора (из г. Жуковский и с. Золотилово Московской обл., с. Подлипки Псковской обл.), а также клад из с. Большое Красино Тульской обл., известный только по литературе[1], содержат лишь денги с именем Федора и копейки одного типа с буквами НЕ под конем. В кладе из Жуковского на 386 монет Ивана IV присутствует только одна денга Федора, в кладе из Золотилово — четыре монеты Федора на 295 монет Грозного, в кладе из Подлипок — три копеики Федора с буквами НЕ на 883 монеты Грозного, в большекрасинском кладе — одна монета Федора на 1 007 монет Грозного. Видимо, эти монеты кладов следует признать самыми ранними выпусками Федора.

В коллекциях и кладах в общей сложности выявлены четыре типа денег с именем Федора; два из них несут на лицевой стороне буквы НС и ПЕ, один — не имеет знака (см. табл. 2, М., *1—1, 1—2, 2—2, 3—3, 3—1*). Соотношениями штемпелей денги Федора объединены в одну группу. Оборотная сторона имеет две формулы написания титула: «Царь и князь великий Федор» и «Царь и великий князь Федор». Стилистическое сходство денег Федора с денгами Ивана IV дает основание считать, что при Федоре чеканка денег по-прежнему производилась на Московском денежном дворе.

Копейка с буквами НЕ имеет изображение всадника на идущем шагом коне, появившееся на новгородских копейках с 60-х годов XVI в. На оборотной стороне легенда гласит: «Царь и великий князь Федор всея Русии». Поскольку эта копейка связывается общим оборотным штемпелем с более поздними заведомо новгородскими монетами, мы так же, как и И. Г. Спасский, относим ее к новгородскому чекану (табл. 2, Н., *1—1*).

Монеты Псковского денежного двора в ранних кладах Федора не встречаются, но продукция двора первых лет царствования Федора может быть определена без труда. Это копейка с буквами Ф — р на лицевой стороне, с легендой «Царь и князь великий Федор всея Руси» — на оборотной (табл. 2, П., *1—1*). Лицевой штемпель — тот же штемпель, который появился в конце царствования Ивана Грозного в Пскове и был переделан из более раннего штемпеля с буквами IB — р. Копейки Федора Ф — р встречаются редко и в кладах, и в коллекциях.

Следовательно, ранний чекан Федора представлен продукцией всех трех денежных дворов государства, но продукцией весьма скудной как по числу штемпелей, так и по дошедшему до нас количеству монет. Видимо, такая картина сохранялась до 1595 или 1596 г., поскольку клады, в которых наблюдается заметное увеличение общего количества монет Федора и появляются новые типы копеек, датируются 1596-м и последующими годами. Чекан Федора 1584—1595 гг. сохранил все характерные особенности монетного дела, определившиеся при Иване Грозном: разделение функций между денежными дворами, при котором Московский двор специализировался на чеканке денег, а Псковский и Новгородский — копеек; внешнее оформление монет следовало старым традициям — легенды на монетах писались без отчества царя, денежные дворы не имели специальных знаков для выделения своей продукции, а буквы или сочетания их на лицевых сторонах монет обозначали, по всей видимости, имена собственные.

И малое количество ранних кладов времени Федора, и ничтожное число его монет в этих кладах — все говорит о том, что в первом десятилетии правления этого царя объем чеканки был очень невелик. Причину сокращения чеканки следует искать в экономическом и политическом положении страны после правления Ивана Грозного. Непосредственным поводом для сокращения чеканки стал острый недостаток сырья.

Условия внешней торговли резко ухудшились после неудачного исхода Ливонской войны, когда Ям, Копорье, Ивангород, расположенные близ Финского залива, и города Орешек и Корела на берегу Ладожского озера, а также Гдов на берегу Чудского озера перешли к Швеции. Россия оказалось отрезанной от Балтийского побережья. Нарва в 1581 г. была возвращена Швеции. Псков и Смоленск были разорены в результате военных действий, Новгород к тому же очень пострадал после разгрома его Иваном IV в 1570 г. Свободными для внешней торговли оставались в этот период только Мурманский берег с городом Колой, откуда в Россию проникало некоторое количество серебра с Запада[2], а также узкая полоска земли в устье Невы на побережье Финского залива, заключенная между реками Стрельней и Сестрой[3]. Но путь в Россию вдоль побережья Норвегии находился под угрозой, так как примкнувший к антирусской коалиции датский король Фридрих II направил к берегам Баренцева моря эскадру боевых кораблей, которая должна была перехватывать все торговые суда, не имевшие разрешения на проезд от датского правительства[4]. Оживленные внешнеторговые связи с западными странами через Белое море только начинали развиваться — в значительной мере под влиянием потери Балтийского побережья. Архангельск был заложен в 1584 г. и расцвет его был делом будущего столетия.

Анализ содержания Торговой книги показывает, что глава 3, в которую входят правила и условия торговли ефимками, включена в так называемую «нарвскую часть», где говорится о торговле в Ругодиве (Нарве). В главах, связанных с торговлей на Мурманском берегу («нидерланская часть»), упоминание о ефимках как о товаре отсутствует. Это может служить косвенным свидетельством того, что основная масса серебра в виде ефимков поступала в Россию через Нарву (не случайно первоначальная редакция Торговой книги относится к 1575 г. — времени расцвета «нарвского плавания» с 1558 по 1581 г.) и потеря этого порта в 1581 г. очень чувствительно сказалась на русском денежном деле.

Положение изменилось после заключения Тявзинского мира в мае 1595 г. Часть побережья Финского залива с городами Ям, Копорье, Ивангород была возвращена России, и Нарва, расположенная напротив Ивангорода, на другом берегу р. Нарова, вновь стала пограничным городом. Это положение, конечно, не восстанавливало во всем объеме нарвскую навигацию 1558—1581 гг., когда Россия впервые за свою историю получила собственный порт на Балтике. Согласно условиям Тявзинского мира, западные купцы могли свободно торговать исключительно в Выборге и Ревеле. В Нарве (Ругодиве) торговали только шведские и русские купцы и лишь по специальному разрешению шведских властей — купцы других стран Европы. В Ивангороде торговля русских купцов со шведскими подданными запрещалась вообще: «А торгу быти на ругодивской, а не на ивангородской стороне», — гласили условия договора. По Тявзинскому договору предусматривалась свободная торговля шведских купцов по всей Русской земле — «восточной и западной, и северной, и полуденной, и на Москве, и в Новегороде, и во Пскове и в ыных местех». Русские купцы получали право «без задержки ездить во все места в Свейскую, в Финскую и в Чюхонскую землю, где сами захотят ехати, торговати и промышляти тем обычаем, как исстари бывало». Право свободного проезда в Россию получали только западные купцы с «узорочными» товарами, которые «годны его царского величества х казне», но и те они должны были обязательно «объявлять и записывать» в Колывани (Ревеле) или в Выборге[5].

Швеция тщательно оберегала «прибалтийский барьер» между Россией и западноевропейскими странами, желая сохранить право на посредническую прибыль от торговли с Россией. И тем не менее, условия Тявзинского мира при всей их ограничительной направленности не могли обеспечить полного контроля шведской стороны над прибалтийской русской торговлей. В руках России вновь оказалось морское побережье — Ижорская земля, где можно было осуществлять прямые торговые сношения с западноевропейскими купцами. Русская торговля на Балтике, хотя и не смогла подняться до уровня 1558—1581 гг., все же заметно выросла за 1595—1610 гг. По данным шведского исследователя А. Аттмана, в 1598 г., например, вывоз из Нарвы достиг наибольших за 1559—1589 гг. размеров: его стоимость определялась суммой в 284 271 талер[6].

К концу XVI в. поколебалось монопольное положение англичан, которых начали активно вытеснять голландские купцы. Во время переговоров английского посольства Е. Флетчера в 1588—1589 гг. русское правительство заявило, что разрешает торговать в Холмогорах «всяким торговым людем из всех государств», поскольку «Ругодивское пристанище от государевой вотчины отошло»[7]. Русское правительство пыталось привлечь к участию в беломорской торговле тех иностранных купцов, которые участвовали в «нарвском плаваньи» 60—70-х годов XVI в. и торговые связи которых были потеряны после взятия Нарвы шведами (голландцев, французов, ганзейских купцов)[8].

Все эти события вызвали заметное оживление русской торговли со странами Северной и Западной Европы. На 90-е годы приходится и улучшение хозяйственного положения страны. Внутренний рынок вступил в процесс стабилизации, снизились цены на предметы первой необходимости, в первую очередь на сельскохозяйственную продукцию[9].

В исторической литературе принято считать, что Тявзинский мир, отложив действительное решение балтийской проблемы, смог дать лишь очень скромные результаты, ни в коей мере не соответствовавшие государственно-политическим и экономическим потребностям России. Однако при оценке этих результатов совершенно не учитывается значение событий 1595 г. для русского денежного хозяйства. Между тем анализ нумизматических данных свидетельствует, что после 1595 г. обозначился резкий перелом в состоянии этого хозяйства.

Образование Денежного приказа

Оживление внешней и внутренней торговли после 1595 г., стабилизация внутреннего рынка вызвали усиление притока серебра на государственные денежные дворы, что повлекло за собой увеличение объема чеканки. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас клады: от первых десяти лет царствования Федора Ивановича сохранилось всего четыре клада, а от 1596—1598 гг. — пять кладов. Возрастает в кладах после 1595 г. и количество монет Федора, хотя монеты Ивана Грозного по-прежнему составляют в них большинство. Если в кладах первого десятилетия доля монет Федора не превышала 1%, то более поздние клады содержат их от 4 до 15%. Заметно увеличивается количество новых типов монет в чекане всех трех денежных дворов. Однако изменения не ограничиваются количественными показателями, в чем можно убедиться, последовательно рассматривая каждый новый тип, появившийся после 1595 г.

Первым известным нам кладом, датированным 1596 г., является находка из Яжелбиц Новгородской обл. Поскольку клад принадлежит к новгородскому ареалу, здесь преобладают монеты Новгородского денежного двора. 20 экз. (30% общего количества монет Федора) в кладе составляют уже знакомые по более ранним кладам копейки с буквами НЕ (табл. 2, Н., *1—1*). Большое количество монет этого типа в кладе 1596 г. свидетельствует о продолжительности их чеканки — доказательство того, что этот тип чеканился с самого начала правления Федора. Но в этом же кладе появляется новый тип новгородской копейки. На лицевой ее стороне изображен скачущий всадник, под ногами которого размещены буквы В/НО.РД. Эти буквы расшифровываются всеми исследователями одинаково: «Великий Новгород. 104». Цифра 104 (в буквенном выражении РД) представляет собой дату без указания тысячелетий, которая в переводе на современное летоисчисление означает 1596 г. Так в русское денежное обращение впервые входят копейки с датой и знаком Новгородского денежного двора. Знак В/НО и даты, выраженные буквами, становятся после 1596 г. отличительной особенностью новгородских копеек. Оборотной стороной копейка с датой 1596 г. связывается с более ранней копейкой НЕ (табл. 2, Н., *2—1*).

Очевидно, копейки этого типа чеканятся недолго, так как в том же кладе обнаружены новгородские монеты новых типов, более многочисленные. Это копейки с лицевой стороной В/НО.РД, но с иным оборотным штемпелем (Н., *2—2*). В легенде его впервые в русской чеканке после 1535 г. имя царя употреблено с отчеством, и это становится почти непременным признаком изготавливаемых в дальнейшем оборотных штемпелей. Новый тип копейки с отчеством в кладе представлен 14 экз. (20,6%). Новый оборотный штемпель с отчеством взаимодействует не только с датированным лицевым штемпелем, но и со старым, с буквами НЕ. В кладе из Яжелбиц встречены три такие монеты (Н., *1—2*).

Монеты свидетельствуют, что Новгородский денежный двор стал активно работать сразу же после изменения внешнеторговой конъюнктуры: были приготовлены новые лицевой и оборотный маточники с принципиально новым оформлением монетного поля, снятыми с них штемпелями начали чеканку монет нового типа, одновременно используя старые штемпеля во взаимодействии с новыми, что в целом способствовало резкому возрастанию объема чеканки. Сказывались близость города к опорным пунктам западноевропейской торговли на русской границе, прочные торговые контакты новгородского купечества с западным.

В яжелбицком кладе найдены 24 копейки с буквами ПС на лицевой стороне и с именем Федора без отчества на оборотной. Этот тип оборотной стороны уже встречался в ранних выпусках псковской чеканки с буквами Ф — р на лицевой стороне. Псковские копейки встречены в двух вариантах: на лицевой стороне одного из них изображен скачущий всадник (П., *3—2*), на другом — всадник на идущем шагом коне *(6—2)*. Появление в кладе 1596 г. двух новых лицевых маточников со знаком ПС, связанных общим оборотным штемпелем, свидетельствует о том, что Псковский денежный двор тоже оживил свою деятельность после 1595 г. Общая направленность изменений в Новгороде и Пскове была одинаковой: в Пскове тоже появился знак денежного двора — ПС, расшифровывается как Псков по аналогии с В/НО — Великий Новгород.

Самой, пожалуй, значительной находкой в этом кладе оказалась копейка с именем Федора без отчества, на лицевой стороне которой появилась неизвест-

ная ранее монограмма из букв М и С (М., *9—5*). Надо полагать, что и Московский денежный двор обзавелся собственным знаком — с/М, который расшифровывается как слово «Москва». Здесь важен и другой факт — появление нового для Московского двора номинала — копейки. Видимо, к концу XVI в. денга окончательно перешла на положение разменного номинала и чеканка копеек стала основной формой деятельности всех трех денежных дворов государства.

Возрождение Московского денежного двора началось, по всей вероятности, при непосредственной помощи Новгородского двора. Об этом свидетельствуют три монеты яжелбицкого клада. На лицевой стороне они несут уже знакомый по новгородской чеканке знак НЕ, а оборотную их сторону занимает легенда с именем Федора с отчеством (М., *4—5*). Этот штемпель с отчеством отличен по написанию букв от новгородского, хотя оба штемпеля явно следовали одному стандарту.

Обнаруженная в яжелбицком кладе монета *4—5* оказалась по данным более поздних кладов тесно связанной с оборотным московским штемпелем, где имя Федора употреблено без отчества (М., *4—4*). Это дает основание считать, что Новгородский двор, как имеющий опыт и традицию изготовления копеечных маточников, после перехода в Москве на чеканку копеек прислал сюда свой лицевой копеечный штемпель НЕ.

Вероятно, первыми выпусками московских копеек были эти монеты с буквами НЕ, пока готовились маточники со знаками Московского денежного двора. В более поздних кладах Федора и в ранних кладах следующего царствования — Бориса Годунова — появляются новые типы московских копеек. Эти копейки с буквами МО под конем, с монограммами с/М, о/М, с целой комбинацией букв — под конем МО, а по сторонам изображения всадника — ГД РЬ, что следует читать как слово «государь»; наконец был встречен и лицевой штемпель без букв под конем (М., лицевые штемпели *5, 6, 7, 8, 10*). Оборотные маточники для московских копеек известны в двух вариантах: один (М., *4*) — без отчества и два — с отчеством (М., *5* и *6*); последний, 6-й оборотный маточник, появился, видимо, в самом конце правления Федора. Копейки с его употреблением очень редки.

На Новгородском денежном дворе после 1596 г. каждый год готовились новые датированные лицевые маточники: с буквами В/НОРЕ (В. Новгород, 105), В/НОРЅ (В. Новгород, 106) — этот маточник встречен в четырех вариантах. Оборотный маточник с отчеством, приготовленный в 1596 г., использовался до конца царствования Федора (Н., *2*). С 1597 по 1598 г. чеканились типы *3—2, 4—2, 5—2, 6—2, 7—2* и *8—2*. Лицевой новгородский маточник *7* имеет странное сочетание букв с датой — ПРЅ, где вместо В/НО употреблена буква П. Являлся ли этот маточник заготовкой, предназначенной для Псковского двора, или это был просто брак производства — судить трудно. Монеты с этими буквами встречаются довольно редко. Все лицевые новгородские маточники объединены стилистическим сходством — видимо, резал их один мастер. На Псковском денежном дворе после 1596 г. в работе была основная пара маточников (П., *3—2*), которые в процессе эксплуатации несколько видоизменялись, хотя генетическое сходство маточников, получившихся в результате постепенного разрушения первого, исходного образца, проследить можно (см. лицевые маточники: *4*, где буквы ПС получились не полностью, а плащ за спиной всадника утратил один завиток, и *5*, где от букв ПС остались только верхние линии, а плащ превратился в едва заметный бантик). Два других

лицевых маточника с буквами ПС (*2* и *6*) использовались гораздо меньше, особенно штемпель 2, который встречается довольно редко. Оборотный штемпель без отчества тоже представляет собой видоизменение одного маточника, который в процессе использования менялся — буквы делались тоньше и некоторые из них меняли форму (см. П., оборотные маточники *1, 2*). Архаичная форма маточника без отчества должна была смениться новой, с отчеством, для чего был приготовлен оборотный маточник *3*. Но он был вырезан, видимо, накануне смерти Федора и в работе находился очень мало. Копейки с этим оборотным маточником встречаются чрезвычайно редко.

Таким образом, при Федоре Ивановиче чеканка монет отчетливо распадается на два этапа. Первый, заключенный между датой начала царствования Федора — 31 мая 1584 г. и появлением первой датированной монеты — 1596 г., оставил следующие типы монет: в Новгороде чеканились копейки с буквами НЕ и с именем Федора без отчества; в Пскове — копейки с буквами Ф—р и с именем Федора тоже без отчества; в Москве — денги с буквами НС, ПЕ, без букв и с именем Федора без отчества. В Новгороде и Пскове работали по одной паре маточников, в Москве — три пары. Второй этап приходится на период с 1595 по 1598 г. За эти годы в Новгороде были приготовлены семь лицевых датированных маточников и один оборотный с отчеством; в Пскове — три лицевых и два оборотных маточника (один без отчества, второй с отчеством); в Москве использовался лицевой штемпель НЕ, присланный с Новгородского двора, и были вырезаны шесть лицевых маточников; оборотных маточников было три, из которых один имел архаичную формулу легенды без отчества, два других — с отчеством. Денги при Федоре, вероятно, продолжали чеканить на всем протяжении его царствования, но новых маточников для них не готовили. Денги Федора часто встречаются в кладах рубежа XVI—XVII вв., а их лицевой штемпель без букв использовался в чеканке после 1613 г., когда была возобновлена чеканка денег.

Что же знаменовали собой столь заметные перемены в денежном деле, которые обнаруживают монеты после 1596 г.?

Прежде всего заслуживает внимания то обстоятельство, что прекратилось деление денежных дворов на «копеечные» и «денежные». Тем самым ликвидировалась материальная основа традиционного деления русского денежного обращения на московское и новгородское, хотя в устной речи и в делопроизводстве следы этого деления сохранялись до конца XVII в. Словарь Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) отразил эти перемены: название «новгородка» уступило там место термину «копейка», а в пояснении к термину «новгородская копейка» автор написал: «В Новгороде была в древности чеканка монеты, тогда на ней было изображение всадника с саблей, а на некоторых с булавой, которую они называли меч, и монета тогда называлась не копейка, а сабляница. Позже чеканка была перенесена в Москву, и по изображению копья уже называли копейкой, а другие монеты — деньги московки»[10]. Более ранний словарь Тённиса Фенне (1607 г.) тоже употребляет вместо «новгородки» название «копейка».

Переход к чеканке копейки на всех трех денежных дворах был неизбежным следствием повышения цен, укрупнения и расширения торговых связей внутри страны, роста торгового капитала. Мелкие номиналы — денги и полушки, поскольку потребность в них как в разменной монете не отпала, продолжали чеканиться, но, видимо, в небольших количествах. Если при Иване Грозном в производстве находились в общей сложности 14 лицевых и 18 оборотных

денежных маточников, то при Федоре были приготовлены только три лицевых и три оборотных маточника. Маточники для полушек, не имеющие имени царя в легенде, вероятно, использовались на протяжении всего времени существования трехрублевой стопы; возможно, на денежных дворах практиковалась эпизодическая чеканка полушек копеечными штемпелями. В кладах изредка встречаются копейки, чеканенные в весе полушки (например, в кладе № 1180 из Брянского музея, в кладе № 26 новой серии из ОН ГЭ).

Изменения в денежном хозяйстве страны после 1596 г. сказались также в появлении знаков денежных дворов, которыми отныне дворы начали маркировать свою продукцию. В Москве это были монограммы о/М, с/М, буквы МО, в Пскове — ПС, в Новгороде — В/НО в сочетании с датой.

На монетах Федора Ивановича после 1596 г. наблюдаются также трансформация образа ездеца на монете и смена стилистических приемов в рисунках и легендах. Если монеты времени Ивана Грозного пропагандировали идеи самодержавия теми средствами, которые были выработаны традициями русского денежного дела[11], то после 1596 г. прокламативное звучание изображения на монете заметно снижается. Исчезают элементы иконографического сходства ездеца с царем: лицо всадника на монетах лишено бороды, черты лица на всех изображениях переданы одинаково условно. Схематически изображены одежда всадника и сбруя коня. Голову всадника венчает трехчастный венец, иногда — корона из пяти зубцов, но в их чередовании не удается проследить какую-нибудь закономерность.

Особенно схематичны и условны изображения на копейках Новгородского и Псковского дворов. Лишь один тип копейки Московского двора выпадает из общей картины: здесь изображен всадник в развевающемся пышном плаще, в изображении одежды всадника и сбруи коня можно уловить стремление передать какие-то конкретные реалии парадной одежды, рядом с конем буквы, ГД—РЬ; под ногами коня — МО (*М.*, *7—5*). Нет сомнения, что это был специально приготовленный лицевой маточник, изображающий правителя, о чем недвусмысленно оповещало слово «государь». Этот тип московской копейки был выпущен как престижный, имеющий прокламативное назначение в пропаганде идеологии самодержавия. Все прочие типы копеек использовали более скромные и лаконичные средства изображения. Рисунок на монете приобрел чисто служебное, утилитарное назначение: служить прежде всего обозначением номиналов (копейки и денги).

Легенда на оборотной стороне монеты тоже несколько изменилась. После 1596 г. получило всеобщее распространение обозначение имени царя с отчеством. Запоздавший в этом Псковский денежный двор успел приготовить новый оборотный маточник с отчеством (неумело выполненный) лишь в самом конце правления Федора.

Середина XVI в. служит важной вехой в развитии искусства мелкой пластики Московского государства. Художественные особенности оформления монетного поля могут дать выразительные характеристики этого вида декоративно-прикладного искусства. Следует отметить, что нумизматический материал никогда ранее не рассматривался в этом плане.

Монеты Ивана Грозного по их художественным достоинствам распадаются на две группы. Копейки Новгородского и Псковского денежных дворов представляли собой высокохудожественные образцы мелкой пластики. Денги Московского и Тверского дворов заметно уступали им и по сложности рисунка, и по искусности изображения. За этими различиями стояли традиции денежного

дела и особенности местных художественных школ. Москва как общерусский культурный центр приобрела ведущее значение в развитии прикладного искусства только к концу XVI в., а ведущее положение на всем протяжении XVI в. сохраняли новгородская и псковская художественные ремесленные школы, достигшие высоких вершин мастерства[12].

Копейки Новгородского денежного двора начиная с 40-х годов XVI в. представляют собой миниатюрные картины, где реалистически передано изображение всадника, сидящего то на скачущем, то на торжественно выступающем коне и одетого в кольчугу, доходящую до бедер, в высокие сапоги, перехваченные у колена; за спиной всадника развевается плащ, застегнутый у горла пряжкой. Правой рукой всадник держит копье, левой рукой он либо придерживает копье, либо прижимает ее к груди. Лаконичными и выразительными штрихами на монете передавалось изображение безбородого или бородатого лица, волосы, то короткие, то спадающие почти до плеч и прикрывающие уши, горбатый нос, брови (табл. 1, Н., лицевые штемпеля *14, 19,* с *22* по *34*). Каждое из изображений на этих копейках отмечено индивидуальностью, сочным, выразительным, рельефным рисунком. Характеризуя новгородское ювелирное искусство и, в частности, новгородскую чеканку, М. М. Постникова-Лосева отмечала ее поразительную четкость, «которая придает орнаменту большую рельефность и вместе с тем легкость и изящество»; она говорила об изделиях новгородских мастеров, «поражающих как исключительной виртуозностью исполнения, так и большой стройностью композиции, в которой все осмысленно и логично, каждая деталь, каждый отросток стебля имеет начало и завершение»[13].

Изделия Новгородского денежного двора вполне оправдывают такую характеристику художественного ремесла Новгорода и расширяют существующие представления о прикладном искусстве новгородских художников XVI в.

Мастера Псковского денежного двора тоже достигли высокого мастерства, которое особенно проявилось в серии монет 60—80-х годов. На них с изяществом были изображены скачущие всадники и довольно точно переданы детали одежды и сбруи коня. В изображении этих деталей нет тяжеловесного реализма новгородских мастеров, рисунки всадников более обобщены; в целом псковичи создали легкий, исполненный движения силуэт всадника, с удивительным мастерством и соблюдением пропорций вписанный в круг. М. М. Постникова-Лосева отмечает, что именно в резьбе по серебру псковские мастера достигли высоких вершин мастерства, с большим художественным тактом располагая на поверхности металла сложные, порой многофигурные композиции[14]. Изделия псковских резчиков монетных штемпелей также отличают художественный такт и мастерство. Мастерски исполнены были и надписи на оборотной стороне монет. Изящные, легкие буквы, удачно расположенные в круге, создают красивый узор.

На фоне новгородских и псковских копеек денежки Московского и Тверского денежных дворов выглядели весьма непрезентабельно. Изображения всадников были мало выразительны и схематичны. Однако характерные для московского искусства мягкость и плавная округлость линий все же проявились на миниатюрных изображениях всадников с саблей на изделиях Московского двора.

Монеты первого десятилетия царствования Федора Ивановича продолжили прежние традиции оформления монет, хотя число участвовавших в работе маточников резко сократилось. Но с 1596 г. все меняется. На новгородских

монетах появляется изображение скачущего всадника, разительно отличающееся от всадников на копейках Ивана Грозного: сухие, рвущиеся линии рисунка схематически изображают ездеца; совершенно отсутствуют свойственные новгородской школе черты реализма и тщательной проработки деталей, что говорит о смене мастера.

Псковские копейки выглядят более изящными по рисунку, но в них совершенно исчезла декоративность, присущая псковским монетам 60—80-х годов.

Зато московские копейки поражают своим художественным совершенством. Это кажется тем более странным, что для выпуска первой серии московских копеек 1595—1596 гг. пришлось использовать новгородские штемпеля с буквами НЕ. Однако за 1596—1598 гг. здесь были приготовлены шесть (!) лицевых маточников и два оборотных. И количество, и качество маточников кажутся невероятными для Московского двора, не имевшего традиции чеканки копеек и изготовления копеечных маточников. Объяснение этому факту может быть только одно: на Московский двор срочно были переведены мастера Новгородского и Псковского дворов, которые за короткий срок приготовили копеечные маточники со знаком Московского двора. Возможно, и московские мастера тоже пробовали свои силы в роли резчиков копеечных маточников.

Наличие трех ярко выраженных по стилистическим особенностям групп московских копеек, выпущенных после 1596 г., может косвенно свидетельствовать о трех мастерах-резчиках. Представляется, что мастер, приготовивший рисунок с изображением торжественно выступающего коня, отличающийся сочными, размашистыми линиями, крупным изображением, не вмещающимся иногда в круг рабочей поверхности маточника, и отмечающий свою работу знаками о/М и с/М, пришел в Москву из Новгорода (табл. 2, М., лицевые штемпеля *6, 8, 9*). Эти копейки обнаруживают ряд сходных черт с новгородскими копейками Ивана Грозного 60—80-х годов. Другой мастер, приготовивший маточники с буквами МО и словом «Государь» по сторонам изображения (М., лицевой штемпель *7*) и маточник без букв (М., *10*), скорее всего происходит из Пскова. Как и изображения на псковских копейках Грозного, эти рисунки тоже отличаются изяществом пропорций, тщательной проработкой мелких деталей и, что особенно подчеркивает их сходство, умением правильно разместить рисунок в круге. Сходство подчеркивается манерой помещать буквы не только под конем, но и по сторонам изображения. Третий мастер, по-видимому, происходил из Москвы. К его продукции относится не очень умело выполненный рисунок всадника с буквами МО под конем (М., лицевой штемпель *5*). Мастер явно испытывал затруднения, столкнувшись с новыми для него приемами изображения на плоскости, превышающей привычные размеры денежного маточника. Рисунок грубоват, схематичен, хотя чувствуется, что мастер старался следовать образцам изображения всадника с копьем, сидящего на шагающем коне.

Перевод мастера (или мастеров?) из Новгорода в Москву в 1595 г. вполне объясняет резкое изменение стилистики новгородских монет 1595—1598 гг. Видимо, произошла смена мастеров и в Пскове, причем новый резчик (или резчики) не имел того высокого уровня мастерства, который отличал псковские маточники времени Ивана Грозного. В Пскове были приготовлены три новых лицевых маточника, из которых два маточника оказались более удачными и использовались еще спустя много лет после смерти царя Федора Ивановича (П., *3* и *6*). В дальнейшем на Псковском денежном дворе своих резчиков уже не было.

Вышеперечисленные особенности изображений на монетах Федора после 1596 г. и появление единообразных элементов оформления, введение на всех денежных дворах своих знаков позволяют утверждать, что между 1595 и 1596 гг. имели место какие-то организационные изменения в управлении денежным производством. Отчетливо прослеживается направленность всех этих нововведений, осуществлявшихся одновременно на всех денежных дворах государства, к дальнейшей централизации, к устранению пережитков феодального чекана, к стандартизации монетной продукции.

Надо полагать, что перемены в организации денежного производства заключались в первую очередь в создании единого центра, ведающего всем денежным делом в стране. Закономерность такого явления очевидна — конец XVI в. характеризуется энергичными мероприятиями правительства по образованию приказов и централизации системы управления. Имеются конкретные указания письменных источников, позволяющие судить о том, что такая важная отрасль государственного хозяйства, как чеканка монет, не могла оставаться вне общей тенденции.

Документы начала XVII в. сообщают о перемещении Московского денежного двора с Варварки, где он находился при Иване Грозном, на территорию Кремля. В записках киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. рассказывается о московском человеке, который вносил в Кремль через Никольские ворота мешок угля «майстерам денежным»[15]. Это сообщение можно принять за косвенное указание на расположение денежного двора в Кремле в это время. Уже вполне определенно говорит об этом «Запись о Царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах, приказах, войске, городах и пр.», относящаяся к 1610—1613 гг. В перечне приказов, помещения которых находились на территории Кремля, упомянут «Приказ, где денги делают»; в другом месте сказано: «... да в городе учинен двор, палаты каменны, а делают денги государевы»[16].

Точная топография нового расположения Московского денежного двора названа в более поздних источниках. «Указ о неприезде на лошадях в Кремль» от 26 апреля 1670 г. сообщает: «многие ... приезжают в Кремль-город мимо денежного старого двора к лестнице, что подле церкви Сретенья Господня». Эта церковь находилась возле «Благовещенья, позади хором», вместе с церковью Рождества, куда «хаживали царицы и сами иногды государи»[17]. В 1699 г. был составлен документ, где содержались результаты обследования «ветхостей Старого денежного двора, что в Кремле». Здесь указывается, что двор был расположен вблизи от Боровицких ворот Кремля, на Боровицкой улице, на откосе берега, спускающегося к реке[18].

Точную дату строительства нового здания денежного двора установить не удалось. По всей видимости, это событие следует связывать с активной градостроительной деятельностью Бориса Годунова на территории Кремля. Здесь он возвел для себя каменный дворец, новые здания приказов, надстроил в 1600 г. колокольню Ивана Великого. Для поощрения частного строительства он повелел выдать Каменному приказу 200 000 рублей серебряными деньгами с правом расплачиваться за ссуду в течение 10 лет равными суммами ежегодно. Интенсивное возведение новых зданий в Кремле происходило после пожара 1595 г.[19] Создание нового помещения для денежного двора относится, вероятно, к этому времени.

Эта дата совпадает с нумизматическими данными, свидетельствующими о переменах в денежном деле после 1595 г., в частности о начале чеканки копеек на

Московском денежном дворе. Напомним, что «Запись о царском дворе...» 1610—1613 гг., где встречено указание о расположении Денежного двора в Кремле, говорит о строительстве его как о недавнем прошлом: «... да в городе учинен двор...».

О создании «специального ведомства на правах Приказа — Денежного двора» писал Н. В. Устюгов, и относил он это событие к ноябрю 1613 г.[20] На самом же деле в ноябре 1613 г. это ведомство было не учреждено, а только восстановлено после московской разрухи 1610—1612 гг.

Нумизматический материал и показания письменных источников позволяют сделать заключение, что в 1595—1596 гг. был создан центральный орган руководства денежным производством — Денежный приказ, функции которого стал выполнять Московский денежный двор. Как в «Записи о Царском дворе...», документе 1610—1613 гг., так и в более поздних документах начала второго десятилетия XVII в. он называется то Московским денежным двором, то Денежным приказом.

Образование Денежного приказа в середине 90-х годов XVI в. следует признать важнейшим событием в истории русского денежного обращения периода трехрублевой стопы; после денежной реформы Елены Глинской это был второй по значению правительственный акт, направленный на оформление общенациональной денежной системы и окончательное преодоление пережитков феодальной раздробленности в денежном деле.

«Английские гости» и русская чеканка

Среди русских монет второй половины XVI в. время от времени в кладах и коллекциях встречаются очень своеобразные монеты. На первый взгляд, они ничем не отличаются от обычных копеек Ивана Грозного и Федора Ивановича. Часть копеек имеет буквы ПС на лицевой стороне, на некоторых не встречается никаких букв, а на ряде копеек под ногами коня стоит сочетание букв к/ХХ. Между собой эти монеты связываются общими лицевыми и оборотными штемпелями и образуют довольно компактную группу. По весу они не отличаются от обычных копеек трехрублевой стопы. Заключая их характеристику, отметим, что ни с монетами Грозного, ни с монетами Федора общих связей они не имеют и стоят среди монет второй половины XVI в. изолированно. Копейки эти представлены на табл. 7 соотношения штемпелей и на фототабл. 9.

Впервые эти монеты были выделены из чекана Грозного и Федора И. Г. Спасским. Он выделил пять типов таких монет; в настоящее время число их увеличилось: выявлено в общей сложности 15 типов, а число известных в настоящее время монет этой группы приближается к 40 экз.

Весовая норма этих монет выдержана в пределах трехрублевой стопы, хотя следует отметить большой диапазон колебаний веса отдельных монет (от 0,57 до 0,85 г).

При всем типологическом сходстве этих монет с обычными копейками отличия от последних бросаются в глаза. Различается стилистика изображений и надписей: реалистическое изображение всадника мало похоже на условные рисунки на обычных русских монетах, в легенде используется латинский шрифт, буквы расположены в строчках надписи не по прямой линии. Но более всего отличает группу этих монет использование при их чеканке техники пунсонов, в рус-

ском денежном деле не применявшейся. Изучение изображения показывает, что оно не резалось целиком на рабочем конце маточника, а наносилось в несколько приемов при помощи пунсонов, несущих отдельные детали рисунков: отдельно заднюю и переднюю части коня, отдельно — всадника, далее — плащ и, наконец, буквы под конем. Надпись тоже не резалась целиком, а выбивалась отдельными буквами — пунсонами. Роль маточника в данной технике чеканки играли пунсоны, которые наносили изображение и надпись на штемпеля. По мере изнашивания этих штемпелей они или подправлялись пунсонами, или при их помощи готовились новые рабочие штемпеля. Поэтому при небольшом количестве монет, известных на сегодняшний день, выявлено шесть штемпелей лицевой и десять штемпелей оборотной сторон.

И. Г. Спасский отнес эти монеты к продукции мастера-иноземца, прибывшего в Россию по приглашению Ивана Грозного в 50-х годах. Монеты чеканились в Пскове (со знаком ПС), затем — в Москве (со знаком к/ХХ). Чеканка была вскоре прекращена из-за нарушения законного веса монеты, и штемпеля этих монет более не использовались в русской чеканке[21]. Но в более поздней работе И. Г. Спасский отказался от этой точки зрения, отнеся, впрочем, выделенные им монеты к «явно нерусской, западной работе». Окончательное решение вопроса он связал с находками «западных» монет в кладах, «подходящих по дате, составу и месту находки»[22].

В настоящее время зафиксировано 196 кладов времени Ивана IV и Федора Ивановича, из которых 55 удалось изучить по составу, поскольку они дошли до исследователей как сохранившиеся комплексы. Однако ни в одном из этих кладов «западные» копейки не были обнаружены. Они были найдены в кладах более позднего времени, относящегося к первому и второму десятилетию XVII в. Самый ранний клад с «западными» копейками датируется 1600 г.

Эти клады и оказались теми «подходящими по дате, составу и месту» находками, которые помогли разобраться в происхождении таинственных монет. По времени захоронения эти клады никак не могут быть отнесены к периоду царствования ни Ивана IV, ни Федора Ивановича. Места находок приходятся главным образом на западные и северо-западные окраины Русского государства: три клада были обнаружены в Эстонии, два клада — в Новгородской и Смоленской областях. Два клада найдены на торговых путях, связывающих Москву с Белым морем через Архангельск: это клады из Вологодской обл. и из г. Солигалича Костромской обл. И наконец, два клада происходят из Москвы и Московской обл. «Западные» монеты из Эстонии были обнаружены в составе смешанных кладов, где основную массу составляли западноевропейские монеты; остальные клады помимо интересующих нас монет имели в своем составе только русские копейки.

Находка этих редких монет в кладах, зарытых спустя более полувека после их предполагаемого выпуска в 50-х годах XVI в., делает эту датировку очень сомнительной. Не меньше сомнений вызывает возможность их чеканки мастером-одиночкой вне денежных дворов в эпоху, когда русское денежное дело было уже централизовано и вся чеканка монет сосредоточилась на государевых денежных дворах.

С наибольшей долей вероятности «западные» копейки следует отнести к категории так называемых «воровских», т. е. фальшивых, монет, подражающих распространенным типам копеек Ивана IV и Федора Ивановича. «Воровскими» они были прежде всего потому, что чеканились вне государевых денежных дворов. Это противоречило всей сути политики правительства в денежном деле.

Однако ни весом, ни пробой* «западные» копейки не отличались от русских копеек трехрублевой стопы, и это обстоятельство вынуждает искать более сложное объяснение причин появления «западных» монет в русском денежном обращении.

И анализ самих монет, и места находок содержащих их кладов на путях торговли Русского государства с Западом не оставляют сомнения в западном происхождении этих выпусков. Логично искать эмитентов среди западноевропейских купцов, торговавших на внутренних рынках России и заинтересованных в русской монете.

Как известно, наиболее активную роль во внешней торговле России во второй половине XVI в. играли английские и голландские купцы. Англичане, объединенные в могущественную Московскую компанию, пользовавшуюся покровительством Ивана Грозного, находились в более выгодном положении, чем голландцы, которые либо группировались в мелкие товарищества, либо выступали в одиночку, страдая от взаимной конкуренции[23]. Англичане пользовались монопольными правами на русском рынке до 80-х годов XVI в. В 1569 г.[24] они были единственными иностранцами, получившими от Ивана IV привилегию на беспошлинную чеканку русских монет из своего серебра: «Государево величество велел своим денежным мастерам во всяких местах на тех гостей ефимки переплавляти и денги делать беспошлинно, только б гости платили за уголье и мастером за дело»[25]. Плата «за уголье и мастером за дело» была чисто символической, и английские заказчики получали на руки с каждого сданного талера немногим меньше 42 копеек — сумму, которую называют источники, сообщающие о норме выхода копеек из талера при перечеканке его на русских денежных дворах. Вспомним, что при продаже талеров в казну по уставной цене продавец получал за каждый талер 36 или 36,5 коп., а при сдаче их для перечеканки в копейки на денежный двор — 38 или 38,5 коп. за талер. Эта привилегия приносила англичанам, видимо, большие выгоды, так как посольство Е. Флетчера очень хлопотало о ее возобновлении в 1588—1589 гг. Однако привилегия не была восстановлена**: «Государь денги делать поволит англинским гостем, а пошлину имать с них по указу, как с своих, так и с них»[27]. Это было вызвано как тяжелым положением русского денежного дела в результате поражения в Ливонской войне, так и общим охлаждением в русско-английских отношениях, изменением основных направлений русской внешней политики[28].

Разумеется, из массы русских монет второй половины XVI в. невозможно выделить экземпляры, чеканившиеся для Московской компании, поскольку при изготовлении они ничем не отличались от монет, заказанных русскими заказчиками. Но надо думать, что англичане все же оставили свой след в русском денежном обращении, так как, по нашему мнению, таинственные «западные» копейки имеют непосредственное отношение к Московской компании, занявшейся среди прочих дел и денежным «воровством». На это их мог толкнуть отказ возобновить привилегию 1569 г., высказанный посольству Флетчера.

---

* Протокол № 718 Московской инспекции пробирного надзора Минфина СССР от 3 ноября 1976 г.: проба «западных» копеек равна 960, что полностью соответствует пробе русских монет второй половины XVI — первой четверти XVII в.

** И. Г. Спасский утверждал, что Московская компания вообще не получала права беспошлинной чеканки, основываясь на отказе, полученном Флетчером[26], однако его мнение не подтверждается всем комплексом письменных источников по истории Московской компании.

Исследователями русско-английской торговли установлено, что с 80-х годов XVI в. доходы Московской компании от торговли в России резко сократились по сравнению с периодом ее процветания в 50—70-х годах. Правление компании начало выдвигать различные планы повышения доходов: предлагалось то сократить объем торговли в России, то перенести ее в Нарву, то сконцентрировать все торговые операции в порту Св. Николая, прекратить торговать в Москве и других русских городах[29]. Именно в этот тяжелый для Московской компании период вышел из ее состава и начал вести самостоятельную торговлю купец Антон Мерш; дело о его задолжености русским купцам и самому правителю Борису Федоровичу Годунову было предметом разбирательства английского посольства Флетчера.

В поисках выхода из тяжелого положения, в котором оказалась русская внешняя торговля после Ливонской войны, правительство Федора Ивановича посягнуло на монопольные права англичан в торговле на беломорском побережье. Разрешалось торговать в Холмогорах «всяким торговым людем из всех государств», ибо «Ругодивское пристанище от государевой вотчины отошло»[30]. Это разрешение вызвало резкие протесты англичан, не желавших расставаться с монополией.

Непосредственной причиной отказа русского правительства возобновить привилегию на беспошлинную чеканку, видимо, послужило резкое сокращение доходов казны от чеканки, которая с начала 80-х годов до заключения Тявзинского мира в 1595 г. очень страдала от нехватки привозного серебра, и разрешение на беспошлинную чеканку кому бы то ни было ущемляло интересы казны.

В этих общих условиях ухудшения состояния русской внешней торговли, поколебавшегося монопольного права англичан на торговлю в России и сокращения доходов Московской компании ее правление должно было выискивать дополнительные источники доходов. Отказ вернуть привилегию на беспошлинную чеканку, полученный посольством Флетчера, мог толкнуть предприимчивых английских купцов на попытку возместить утраченные прибыли организацией чеканки «воровских» копеек из собственного сырья. По привилегии 1586 г. английские товары на русских таможнях принимались по списку без осмотра[31]. Это могло весьма облегчить провоз поддельных монет в Россию. Опорными пунктами торговли англичан в Русском государстве были места «в Ругодиве, в Новегороде и иных Лифлянских городах», а также «морское пристанище у Колмогор»; имелись торговые дворы компании в Москве, Ярославле, Вологде и Холмогорах, что составляло исключительное право компании: «а иных земель гостем... по городам Московского государства дворов никому не давывано»[32]. Места находок кладов с «западными» копейками идеально накладываются на топографию «торговых мест», которыми располагала английская компания в Русском государстве.

Все вышеперечисленные обстоятельства торговой деятельности англичан в России в 80-х годах XVI в. и анализ нумизматического материала, а также кладовые находки позволяют выдвинуть гипотезу об организации английской Московской компанией чеканки фальшивых русских копеек, подражавших наиболее распространенным типам монет. В русских письменных источниках об этом факте искать сведений, надо полагать, бесполезно, но в архивах компании, может быть, и сохранились следы этой операции. Впрочем, акции подобного рода обычно строго засекречивались и всякие упоминания об этом тщательно уничтожались, поэтому наиболее надежным и достоверным источником здесь выступают

сами монеты. Как покажет дальнейшее изложение, английская чеканка была первым, но не последним опытом выпуска подделок под русские монеты со стороны иностранных государств и во всех случаях «разоблачали» их только монеты.

Чеканка английских «воровских» монет могла начаться, вероятнее всего, вскоре после 1589 г., а закончиться в 1595—1596 гг. Такую датировку подсказывает выбор типов монет, послуживших прототипами для английской чеканки. Поскольку чекан Федора Ивановича с 1584 по 1595 г. был очень незначителен по масштабам и количеству типов монет, естественно предположить, что образцами для подделок более всего могли служить копейки Ивана IV. Видимо, чеканка «западных» копеек началась выпуском копеек с буквами к/XX, ПС и без букв, с именем «Иван». Поскольку после 1596 г. на Псковском денежном дворе начался обильный выпуск копеек с буквами ПС и именем «Федор», то очевидно, тогда же появились и подделки, очень похожие на копейки ПС с именем и отчеством «Федор Иванович». После 1595—1596 гг. на Московском, Новгородском денежных дворах появляются новые типы копеек с буквами о/М, с/М, МО, В/НО.РД, В/НОРЕ, В/НОРS, но эти монеты в чеканке англичан отражения уже не нашли. После заключения Тявзинского мира в 1595 г. русская внешняя торговля значительно оживилась, и общее ее улучшение не могло не распространиться на Московскую компанию. Видимо, вскоре после 1595 г. чеканка «воровских» монет — операция, сама по себе сомнительная, — стала ненужной и была прекращена.

ГЛАВА 4

Расцвет денежного дела

(Монеты Бориса Федоровича Годунова)

Чекан Бориса Федоровича Годунова занимает особое место в истории русского денежного обращения. Несмотря на то что чеканка копеек с его именем продолжалась семь с небольшим лет, они составляют наиболее значительную в количественном отношении группу денежных знаков, выпускавшихся в период существования трехрублевой стопы. После монет Ивана Грозного они занимают второе место по количеству во всех кладах, сложившихся до 1613 г. С полным основанием можно назвать время Бориса Годунова классическим периодом русской серебряной копейки, когда все характерные черты денежного дела централизованного государства нашли наиболее законченное выражение, а сами монеты как нельзя лучше выполняли свои функции. В то же время монеты Бориса Годунова в своем оформлении, масштабах чеканки, последовательности выпусков отразили многие сложные обстоятельства его царствования. Они явились своеобразным зеркалом не только экономических условий этого периода, но и сложных политических обстоятельств, которыми так изобиловало его недолгое царствование. И наконец, монеты Бориса могут в известной степени дополнить некоторыми любопытными деталями характеристику этого политического деятеля, личность которого неизменно привлекала и историков, и деятелей искусства.

На первый взгляд изучение и систематизация монет Бориса Годунова не представляют большой сложности. Все монеты снабжены знаками денежных дворов, что позволяет без труда распределить их по местам чеканки; новгородские и один тип псковской копейки имеют даты. Ориентируясь на их присутствие в кладах, можно попытаться датировать московские и псковские копейки, лишенные дат. Отсутствие в чекане Бориса мелких номиналов — денег и полушек* — также облегчает систематизацию, поскольку копейки легче поддаются систематизации.

Первая систематизация монет Бориса Годунова была предложена И. Г. Спасским в его работе «Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.». Источниковой базой для нее послужила в основном коллекция монет Бо-

* Отсутствие датирующих признаков на полушках не дает возможности точной датировки их выпуска.

риса в собрании ОН ГЭ. Исследователь не мог использовать монетные клады, во время написания работы известные ему только по литературе (в общей сложности было выявлено 15 кладов), так как сведения о них были слишком лаконичны — указывались лишь место находки и общее количество монет. Два клада времени Бориса поступили в собрание ОН ГЭ уже после выхода работы[1] и, естественно, не могли быть привлечены для уточнения данных систематизации.

В настоящее время число известных кладов Бориса Годунова значительно увеличилось: их насчитывается 130, а доступными для визуального изучения оказались 36 кладов. Это создало возможность проверить данные систематизации И. Г. Спасского с помощью кладового материала. Проверка эта внесла некоторые поправки в существующие представления о монетах Бориса. Не изменяя их в целом, она дала возможность более определенно датировать выпуски московских и псковских копеек, благодаря чему удалось проследить основные тенденции политики правительства Бориса Годунова в денежном деле. Клады позволили высказать новые соображения по спорному вопросу о чеканке монет сыном Годунова — Федором Борисовичем.

Предлагаемая ниже уточненная классификация и систематизация монет Бориса Годунова основана на данных 36 кладов собрания ОН ГИМ, ОН ГЭ, Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Брянского краеведческого музея, Великолукского музея, ОН ГМИИ им. Пушкина и собрания кладов Института истории АН ЭССР, а также на коллекциях собраний ОН ГИМ, ОН ГЭ. На табл. 3 соотношения штемпелей представлены графические изображения копеек Годунова, расположенных в хронологическом порядке. Все известные в настоящее время типы копеек Годунова зафиксированы на фототабл. 10—14. Весовые данные представлены на диагр. 5.

Несмотря на сравнительно недолгий срок царствования Бориса Годунова, история чеканки его монет может быть разбита на несколько этапов. Каждый из них отличается существенными особенностями, за которыми кроются как организационные и технические изменения, так и важнейшие события внутриполитической жизни страны, оказавшие, безусловно, свое влияние на чеканку государственной монеты.

Царь или не царь?

Первый этап чеканки монет Бориса Годунова наступил после смерти Федора Ивановича 7 января 1598 г. и закончился датой венчания на царство Бориса Годунова в Успенском соборе в Москве в начале сентября (1598 г.). Как известно, все эти восемь месяцев Борис, оставаясь фактически правителем страны, формально не мог считаться царем до утверждения его кандидатуры Боярской Думой и официальной коронации. Это создавало весьма щекотливую ситуацию при решении вопроса о чеканке государственной монеты, обязательным атрибутом которой было помещение царского имени и титула. Монеты с именем Бориса, или, как требовала формула надписей на русских копейках, «Царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси», датированные 7106 г., неизвестны.

Самые ранние датированные монеты Бориса относятся к 7107 г.: это новгородские копейки с буквами В/НО. РЗ (Новгород, 107 год) и псковские с буквами ПСРЗ (Псков, 107 год). Такие монеты датируют самые ранние известные нам

клады Бориса из г. Великие Луки (1599 г.), из д. Кузяево Дмитровского р-на Московской обл. (1599 г.) и из г. Пскова или окрестностей (1599 г.). Все эти три клада содержат очень малое количество монет Бориса (в кладе из Великих Лук из общего количества 2263 экз. на долю монет Бориса приходится всего 2 экз., в кладе из Кузяево на 394 экз. — 4 монеты Бориса, в псковском кладе на 38 монет — 14 монет Бориса). Клады были зарыты уже во второй год царствования Бориса, и такое малое количество монет с его именем вызывает удивление.

Возникает вполне закономерный вопрос: чеканились ли вообще монеты с января по сентябрь 1598 г.? Трудно представить, однако, чтобы государство могло обходиться без чеканки монет в течение восьми месяцев. Видимо, монеты чеканились, и столь же очевидно, что чеканка монет, эта важнейшая государственная акция, должна была ориентироваться на внутриполитическую ситуацию в стране. Борис Годунов шел к царскому трону с соблюдением черезвычайных мер предосторожности. Чеканка монет с легендой «Царь и великий князь Борис Федорович всея Руси» весной или летом 1598 г. прозвучала бы как вызов Боярской Думе, которая не поддержала решения Земского собора 17 февраля 1598 г., выдвинувшего кандидатуру Бориса на царский трон, и предложила избрать царем Симеона Бекбулатовича. Дипломатическая борьба сторонников Бориса и Боярской Думы длилась всю весну и лето 1598 г. В конечном итоге победила партия Бориса, прежде всего потому, что он сумел обеспечить поддержку себе со стороны среднего дворянства и городского населения, а также значительной части боярской аристократии. Не меньшую роль сыграла поддержка Бориса высшей церковной иерархией.

Если Борис Годунов не мог рискнуть на чеканку монет от своего имени до официальной коронации, а не чеканить монету не позволяли государственные соображения, логично допустить, что денежные дворы осуществляли чеканку штемпелями, сохранившимися от предыдущего царствования. Имеются все основания полагать, что копейки с именем Федора Ивановича продолжали чеканиться уже после его смерти на всех трех денежных дворах Московского государства: на Московском, Новгородском и Псковском. Об этом свидетельствует прежде всего анализ кладов, зарытых в годы царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова. В кладах времени Федора даже конца его царствования монет самого Федора встречается сравнительно немного. Количество их заметно возрастает в ранних кладах времени Бориса.

Предположение о чеканке монет с именем Федора после его смерти подтверждает изучение датированных копеек Федора. Он скончался в начале января 7106 г., следовательно, монеты с его именем и датой «106» могли чеканиться всего четыре месяца — с сентября по январь. Однако монеты с датой «106» (PS) встречаются почти в таком же количестве, что и монеты предыдущего года (с датой PE), хотя последние чеканились на протяжении целого года. Лицевой маточник с датой «105» (PE) известен только в двух вариантах (табл. 2, Н., *3, 4*), причем один из них (*4*) употреблялся очень редко. В то же время известно четыре типа маточника 106 г. с буквами PS (табл. 2, Н., *5, 6, 7, 8*). Из этого следует, что маточники Федора, как оборотный, с его именем, так и лицевые, с датой «106», использовались на Новгородском дворе дольше, чем четыре месяца при жизни Федора. Нет оснований сомневаться, что ими чеканились монеты при Борисе до 1 сентября следующего, 107 (1598) г.

Любопытны данные, полученные при изучении московских копеек, дат не имеющих. В кладах времени Федора эти копейки представлены почти исключительно только одним типом (табл. 2, М., *9—4*). Между тем известно в общей

сложности тринадцать типов московской копейки Федора, образованных сочетанием семи лицевых и трех оборотных маточников. Встретить все эти типы удалось только в кладах времени Бориса. Отметим также, что все лицевые маточники времени Федора широко использовались при Борисе на Московском денежном дворе (пять из восьми московских лицевых маточников). Видимо, все известные типы московских копеек Федора были выпущены в обращение не столько в годы его правления, сколько уже после его смерти.

Сходная картина прослеживается при рассмотрении псковского чекана Федора. Среди псковских копеек Федора наиболее многочисленным представляется тип, обозначенный на табл. 2 как П., *4—2*. Эти характерные копейки очень распространены во всех кладах рубежа XVI—XVII вв. Обилие их скорее всего следует объяснять не необыкновенным размахом деятельности этого самого маломощного денежного двора при Федоре, а просто более продолжительным использованием маточника с его именем после завершения царствования, уже при Борисе Годунове.

Все эти наблюдения говорят о том, что значительная масса монет с именем Федора появилась уже после его кончины, и первый этап чеканки монет при Борисе Годунове, следовательно, характеризуется чеканкой монет с именем последнего представителя династии Рюриковичей — Федора Ивановича.

Второй этап чеканки монет Бориса Годунова охватывает всего четыре-пять месяцев, с сентября 7107 (1598) г. по январь 7107 (1599) г.

После коронации в сентябре 7107 (1598) г. было бы естественным ожидать массового выпуска монет с именем и царским титулом Бориса и с датой «107» (РЗ). Однако ранние клады времени Бориса Годунова содержат его монеты в единичных экземплярах. Весьма характерно, что в этих кладах нет так называемой «портретной» копейки Бориса, которая по логике должна была бы открыть чекан нового царя и которая в последующие годы чеканилась в очень больших количествах.

Перелом в составе денежного обращения отражают клады 1601—1602 гг. Количество монет Бориса в них резко возрастает, и первое место среди них занимают датированные новгородские и псковские копейки 107 г. и «портретная» копейка (табл. 3, Н., *1—1;* П., *1—1;* М., *4—2*). Из этих наблюдений можно сделать только один вывод: после коронации Бориса чеканка монет с его именем началась не с сентября 1598 г. или же велась тогда в очень ограниченных размерах. В этом факте можно увидеть проявление осторожности «неурожденного» царя, присущей ему и после коронации. Исследователи, изучавшие события 1598—1599 гг., спорят о том, был ли в начале 1599 г. созван новый Земский собор, где произошло окончательное утверждение «выборного» царя всея Руси Бориса Федоровича Годунова[2], или же в январе — феврале 1599 г. имело место только вторичное подписание утвержденной грамоты об избрании Бориса на царство[3], окончательная редакция которой была составлена 1 августа 1598 г.[4] В любом случае бесспорным является то, что внутриполитическая ситуация после смерти последнего Рюриковича была крайне сложной и понадобилось соблюдение самых строжайших формальностей при утверждении на престоле новой династии*.

* Р. Г. Скрынников полагает, что положение Бориса после коронации оставалось неустойчивым. В начале января 1599 г. в Польше и Литве стали ходить слухи о том, что Борис убит своими подданными, и в этом могли отразиться отзвуки неутихавших раздоров Бориса со знатью. Стремясь заручиться поддержкой бояр, Борис щедро жаловал высшие думные чины, демонстративно не преследовал своих недавних политических противников, давая тем самым гарантии против возобновления казней[5].

Выпуск монет с именем нового царя был важнейшей правительственной акцией, имевшей международное значение, и акция эта, судя по данным монет, осуществлялась в начале царствования Бориса Годунова далеко не просто. Об этом свидетельствует весьма оригинальная группа монет, особенность которых заключается в том, что лицевые стороны копеек относятся ко времени царствования Бориса, а оборотные — ко времени Федора Ивановича. Более того, для чеканки этих монет были выбраны такие штемпеля лицевых сторон, где наиболее ярко выражены датирующие признаки. Это были уже упоминавшийся штемпель с портретным изображением Бориса (табл. 3, М., *4—2*) и датированные 107 г. новгородский (Н., *1*) и псковский (П., *1*) штемпеля. Использовался также лицевой штемпель со знаком Московского двора — о/М, изготовленный в самом начале царствования Бориса (М., *1*).

Эти копейки впервые были замечены и выделены из чекана Федора Ивановича И. Г. Спасским. Поскольку были обнаружены лишь те типы копеек, оборотные стороны которых несли имя Федора без отчества, исследователь счел возможным отнести этот чекан к кратковременному царствованию Федора Борисовича Годунова, наступившему после смерти Бориса 13 апреля 1605 г. и трагически оборвавшемуся в начале июня того же года. По мнению И. Г. Спасского, в той тревожной обстановке, когда к столице подходили войска Лжедмитрия и решалась судьба новой династии, у правительства не было ни времени, ни средств, ни смысла делать новые маточники с именем Федора Борисовича. На денежных дворах были отобраны штемпеля, где имя Федора употреблялось без отчества, а лицевые штемпеля взяли из запаса, приготовленного при Борисе. Первоначально было выделено пять таких типов монет Федора Годунова[6]. В последующих работах И. Г. Спасский высказывался уже более осторожно: он выделил только два сочетания — «портретную» лицевую сторону времени Бориса с оборотной стороной Федора (без отчества) и псковскую копейку 107 г., сочетавшуюся с оборотной стороной, несущей имя Федора (тоже без отчества). «Эти сочетания заставляют предположить, — констатирует исследователь, — возникшую если не после Бориса, то при нем, потребность в копейках с именем Федора»[7].

Гипотеза И. Г. Спасского о кратковременном чекане Федора Годунова показалась вполне убедительной и быстро вошла в научный оборот. Однако новые находки в кладах и музейных коллекциях вызывают сомнение в предложенной атрибуции группы копеек, чеканенных разновременными штемпелями. Прежде всего не находит объяснения то обстоятельство, что предполагаемые копейки Федора Годунова, срок чеканки которых мог продолжаться около двух месяцев, оставили столь заметный след в денежном обращении. Во многих кладах первого — начала второго десятилетия XVII в. эти копейки встречаются неоднократно. Но это не единственное сомнение. Копейки «Федора Годунова» обнаружены в двух кладах, зарытых до 1604 г. Имеются и другие аргументы, более весомые. Среди копеек «Федора Борисовича» встречены монеты, на которых имя Федора употребляется с отчеством «Иванович» (табл. 3, М., *4—б;* Н., *1—г*). Такие копейки уже никак не могут быть отнесены к чекану Федора Борисовича Годунова.

Чисто логические рассуждения также показывают малую вероятность возможности чеканки при Федоре Годунове. Выше уже высказывались сомнения в возможности организации чеканки Федора Годунова за месячный срок его пребывания на царстве, изобиловавший драматическими обстоятельствами. Кроме того, кажется непонятным, почему из всех чеканов Псковского денежного двора был выбран именно тот, который имел дату. Ведь остальные типы псковских ко-

пеек помечались только буквами ПС, и использование этих лицевых штемпелей без даты было бы более рациональным в данном случае. Далее, непонятно, почему из всех датированных штемпелей Новгородского двора был избран штемпель 107 г., хотя в данном случае более уместным был бы, например, штемпель с датой 113 (1605) г., который был и лучшей сохранности, и соответствовал дате правления Федора Годунова.

Имеются основания дать иную атрибуцию этой группе копеек. Часть копеек «Федора Годунова» (по И. Г. Спасскому типы Б и В) следует отнести или к чекану самого Федора Ивановича, или к первому этапу чеканки Бориса, когда использовались маточники времени Федора (табл. 2, М., *5—4, 7—4, 10—4*). Тип Д, представляющий собой сочетание оборотного штемпеля Федора (табл. 2, П., *2*) с псковскими лицевыми маточниками Бориса (табл. 3, П., *5*), датируемыми не ранее 1604 г., отнесен нами к 1612 г., когда Псков примкнул к освободительному движению против польских и шведских захватчиков (подробнее об этом ниже)*. Остальные типы (по И. Г. Спасскому А и Г, по табл. 3, М., *4—а,* П., *1—б* и неизвестные И. Г. Спасскому М., *1—а, 4—б,* Н., *1—г*) отнесены ко второму этапу чеканки Бориса, заключенному между 1 сентября 1598 г. — началом января 1599 г.

Начальные месяцы 1599 г. все исследователи называют как время, когда царская власть Бориса Годунова получила окончательное формальное утверждение. По всей видимости, администрация денежных дворов до начала 1599 г. не получала указаний на выпуск монет с именем и титулом Бориса Федоровича, царя всея Руси. Денежный приказ вынужден был действовать в соответствии с ситуацией.

Согласно существовавшим тогда порядкам денежные дворы должны были сразу после смерти правителя приступать к изготовлению новых оборотных маточников с именем нового царя. Процесс изготовления их был довольно длительным, не менее месяца. За те восемь месяцев, которые отделяли дату смерти Федора Ивановича от коронации Бориса Годунова, денежные дворы, разумеется, могли успеть приготовить полный набор маточников как лицевых, так и оборотных, необходимых для организации чеканки монет нового царя. Если согласиться с мнением, что после сентября 1598 г. новое правительство еще продолжало соблюдать осторожность и не рисковало выпускать монеты с именем Бориса, то можно предположить, что Денежный приказ дал распоряжение начать чеканку новыми лицевыми маточниками, но в сочетании со старыми оборотными, несущими имя Федора Ивановича.

В таком оформлении монет можно усмотреть свой особый смысл, которым руководствовалось правительство Бориса в начале своей деятельности. Помещение имени Федора на монетах с отличительными знаками царствования Бориса могло расцениваться современниками как стремление подчеркнуть преемственность и законность новой династии. Именно эта мысль прослеживается в ранней редакции утвержденной грамоты об избрании на царство Бориса Годунова, где говорится, что царь Иван Васильевич, «отходя от сего света», приказал душу свою, сына Федора, его супругу Ирину и «все великие государства» Борису Федоровичу[9].

---

* В нашей работе «События 1598 года и монеты Бориса Годунова» мы неверно отнесли этот тип к чекану, имевшему место после 1 сентября 1598 г. до начала 1599 г.[8]

Успехи дипломатии и денежные дворы

Третий этап, основной в чеканке монет Бориса Годунова, приходится на 1599 — 1603 гг. включительно. Это период расцвета денежного дела при Борисе. С 1599 г. осуществляется массовый выпуск монет с именем царя и великого князя всея Руси Бориса Федоровича на всех трех денежных дворах государства. Основная масса продукции была выпущена именно в эти годы. Этому способствовали благоприятная внешнеполитическая обстановка и успехи в развитии торговых отношений со странами Западной Европы. Правительство Бориса Годунова пыталось найти разрешение балтийской проблемы путем различного рода дипломатических акций. В частности, большие усилия были затрачены на привлечение симпатий к России прибалтийского купечества. Так, в 1599 г. были выделены значительные средства для улучшения положения русских торговых колоний в прибалтийских городах. Были предоставлены деньги и привилегии «московским немцам», живущим в Москве и Нижнем Новгороде, которые благодаря своим родственным и иным связям в Прибалтике должны были способствовать росту популярности русского правительства в прибалтийском обществе. Русское правительство выплатило старые долги купцам из Таллинна (Ревеля), прибывшим в Москву со своими жалобами.

Все эти мероприятия нашли самый благоприятный отклик. Некоторые купцы Нарвы, Таллинна, Риги пытались добиться перехода этих городов под власть России. Из Таллинна в Москву выехала значительная часть горожан, принадлежавших к видным бюргерским семьям.

В 1601 — 1602 гг. в поисках возможного союзника против Швеции русское правительство обратилось к старому сопернику Швеции на Балтике — Дании. Хотя планы России образовать военно-политический и династический союз с Данией не увенчались успехом, торговые отношения с этой страной были упрочены. Датским купцам было пожаловано право свободного проезда в Россию (вопреки условиям Тявзинского мира) и разрешено учредить торговые дворы в Новгороде, Пскове и Ивангороде.

На протяжении 1600—1603 гг. произошло сближение с другой политической силой, чьи экономические интересы были затронуты Тявзинским договором, — с северогерманскими городами, которые вели торговлю с Россией через Прибалтику. В программу торговых соглашений с ганзейским купечеством входили пункты о беспошлинной и свободной торговле по всей территории России, об устройстве немецких дворов в Москве, Новгороде, Пскове и Ивангороде, о предоставлении права чеканки монеты на русских денежных дворах без уплаты пошлин. В результате переговоров часть этих прав была предоставлена только Любеку, в котором русская дипломатия видела наиболее надежного союзника против Швеции, но право свободной чеканки не было предоставлено и Любеку[10].

С начала XVII в. все более возрастает роль беломорской торговли и нового морского порта — Архангельска. Впрочем, в целом размеры беломорской навигации в первое десятилетие XVII в. все еще не намного превышали уровень, достигнутый беломорской торговлей в 70—80-х годах XVI в. Исследователь архангельской торговли Б. Н. Флоря, сравнивая данные за 1612, 1613 и 1616 гг. — годы глубокого упадка Нарвы — показал, что Архангельск посетили 29 торговых кораблей, а Нарву в 1612 г. — 21 корабль,

в 1613 г. — 43, в 1616 г. — 32 корабля[11]. Однако важными в архангельской торговле были не столько количественные, сколько качественные сдвиги. Если в XVI в. основными торговыми контрагентами русских на Белом море были англичане, то в XVII в. их потесняют голландцы и французы (в 1604 г. английский экспорт составил 40,25%, голландский — 54,66, французский — 5,09%[12]). Это влекло за собой изменение состава экспорта. Отмечено, что в архангельской торговле большой удельный вес стали занимать драгоценные металлы в виде западноевропейских денег, которые ввозили главным образом голландцы*. Так, по данным 1604 г., англичане привезли 30 564 талера, голландцы — 75 564, французы — 11 986 талеров[13]. Все эти благоприятные перемены в состоянии русской внешней торговли, умелая дипломатия правительства Бориса Годунова в целом способствовали значительному притоку сырья на русские денежные дворы. Именно этими обстоятельствами в первую очередь следует объяснить резкое возрастание объема денежной продукции на всех трех денежных дворах государства.

Подъем денежного производства был также в немалой степени обусловлен переменами в организации денежного дела. Образование Денежного приказа вело к лучшей организации денежного производства, его централизации и повышению продуктивности всех трех денежных дворов.

Монеты Бориса Годунова являются пока единственным достоверным источником, который может дать объективное представление о характере и организации денежного дела на рубеже XVI—XVII вв.

Ведущим центром в системе денежного производства России после 1596 г. был Московский денежный двор. Составление схемы московского чекана Бориса представляет немалые сложности. Они заключаются не только, в том, что московские копейки в отличие от новгородских не имели дат или в отличие от псковских были представлены многочисленными типами. Основная сложность — чрезвычайно тесное переплетение между собой связей между лицевыми и оборотными штемпелями, которые, судя по данным кладов, появились за очень короткий срок с 1599 по 1603 г. Тем не менее в этих хаотичных на первый взгляд связях удается проследить определенную закономерность и выделить последовательность введения в эксплуатацию маточников лицевых и оборотных сторон, на основании чего можно построить систематизацию монет Бориса.

В 1599 г. чекан Бориса открыла в Москве пара маточников, обозначенная в табл. 3 как М., *1—1*. В коллекции ОН ГИМ, которую мы рассматриваем как случайную выборку из общей массы монет Бориса, находившейся в свое время в обращении, насчитывается 246 экз. монет этого типа, что значительно превышает количество монет большинства других типов. В кладах 1599 г. эти монеты являются первыми московскими копейками Бориса, а в более поздних кладах они неизменно составляют сравнительно высокий процент от общего числа московских монет Бориса. Видимо, эта пара маточников несла основную нагрузку в московском чекане 1599 г.

В помощь ей, вероятно, в том же 1599 г. были добавлены еще два лицевых маточника времени Федора (М., *2, 3*). Они образовали типы *2—1* и

* Б. Н. Флоря неверно полагает, что высокий удельный вес драгоценных металлов в архангельской торговле является свидетельством пассивного характера западноевропейской торговли. Вывод этот не учитывает того, что западноевропейские талеры выступали на русском рынке в качестве товара, и колоссальной нужды в серебряном сырье русского денежного дела.

3—1. Эти монеты в коллекции ОН ГИМ составляют всего 82 и 16 экз. В кладах они также встречаются реже и в меньших количествах, чем тип *1—1*.

В 1600 г. готовится новая пара маточников. Изображение всадника на лицевой стороне отличается особой тщательностью, рисунок композиционно уравновешен и точно вписан в круг (М., *4—2*). Два момента в оформлении этой копейки особенно обращают на себя внимание. Это форма венца на голове всадника и буквы Б и О по сторонам изображения. Если на копейках Ивана Грозного в изображении трехчастного венца на голове ездеца и сменившей его пятилучевой короны, безусловно, заключался свой смысл и за этой системой знаков скрывалось намерение возвеличить образ самодержца, то на копейках Федора Ивановича и Бориса Годунова этот атрибут власти превратился в чисто декоративный символ, не несущий смысловой нагрузки. Однако на рассматриваемом лицевом маточнике форма венца заметно отличается от всех изображений на копейках Федора и Бориса. По очертаниям она очень напоминает так называемую шапку Мономаха с ее меховой опушкой и сферическим верхом. Видимо, изготовление этого лицевого маточника преследовало конкретную задачу: изобразить не абстрактный образ правителя, а царя Бориса Федоровича, с атрибутами царской власти — с царским венцом на голове, в пышно украшенной одежде. И чтобы не оставалось никаких сомнений в том, кто изображен на монете, по сторонам изображения были помещены буквы Б и О. Их следует читать, без сомнения, как начальные буквы слов «Борис» и «Осподарь».

Этот тип копейки (его можно назвать «портретным») следует считать вариантом другого типа «престижной» копейки, появившейся при Федоре Ивановиче между 1596 — 1598 гг., где по сторонам изображения ездеца были помещены буквы ГД—РЬ — «Государь» (табл. 2, М., *7—5*). Видимо, оба маточника резал один и тот же мастер, пришедший в Москву из Пскова; его работы отличали особое изящество рисунка и умение правильно вписать изображение в круг, а также манера размещать буквы не только под ногами всадника, но и по бокам изображения.

Буква Б на лицевой стороне «портретной» копейки обозначала, что мастер-резчик получил приказание увековечить имя Бориса не только на оборотной стороне монеты, что соответствовало традициям оформления монет, но и на лицевой. Возможно, этот факт можно поставить в связь с повелениями Годунова, о которых сообщает Иван Тимофеев, рассказывая о крайнем честолюбии Бориса Федоровича. Так, он говорит о том, что царь потребовал «вопреки правилам первых самодержцев» писать свое имя «полным именованием», выписывая его в каждой строке, где имя его хотя бы и кратко будет упомянуто, и приказал «отнюдь не погрешить в таком полном наименовании, если в строках оно будет и часто повторяться»[14].

Маточник оборотной стороны «портретной» копейки также отличался тщательностью и мастерством исполнения.

Особое значение, какое, несомненно, имел в денежном чекане Бориса Годунова этот «портретный» маточник, сказалось в том, что он стал самым употребительным в работе Московского денежного двора. В коллекции ОН ГИМ монеты этого типа по количеству составляют самую большую цифру — 839 экз. В кладах начиная с 1600 г. монеты с «портретной» лицевой стороной постепенно вытесняют все остальные типы московских копеек Бориса, неизменно занимая первое место по количеству. Несмотря на то что

«портретный» лицевой маточник нес основную нагрузку в московском чекане Бориса и, следовательно, с него снималось гораздо больше чеканов, чем с других маточников, он прекрасно сохранился. Монеты не отражают практически никаких дефектов маточника, которые могли бы появиться в нем от долгого употребления. Если его и «почищали» в процессе эксплуатации, то очевидно, делали это очень бережно и искусно. В полной мере это относится и к оборотному маточнику «портретной» копейки. Видимо, не только художественные, но и технические качества этих орудий чеканки были выдержаны на высоком уровне. Безусловно, все это объяснялось особым декларативным звучанием «портретной» копейки, которая продолжала чеканиться до 1605 г.

Помимо пары маточников *4—2* в 1600 г. в производстве участвовали прошлогодние маточники (лицевые *1, 2, 3* и оборотный *1*), которые образовали типы *1—2, 2—2, 3—2, 4—1*.

В 1601 г. был приготовлен новый оборотный маточник — *3* и новый лицевой — *5*. Эта пара, образовавшая тип *5—3*, составила в коллекции ОН ГИМ всего 19 экз.; в кладах этот тип встречается редко. Основную нагрузку в 1601 г. по-прежнему несла пара *4—2*.

В 1602 г. в работу включились два лицевых маточника времени Федора — с буквами с/М и МО (*6* и *7*) и оборотный *4*. Наиболее устойчивым и употребительным оказалось сочетание лицевого «портретного» маточника *4* и нового оборотного — тоже *4*. В коллекции ОН ГИМ монеты типа *4—4* представлены 175 экз.

В 1603 г. появился очередной новый оборотный маточник — *5*, и привлекался старый лицевой маточник времени Федора Ивановича с буквами ГДМОРЬ *(8)*. Этот маточник используется также в сочетании со старым оборотным маточником 1600 г. (тип *8—2*). Из прежних лицевых маточников работал только «портретный» *(4)*. В 1603 г. количество выпускавшихся типов сократилось, что, однако, не обозначало сокращения объема чеканки на Московском денежном дворе.

Отметим одно важное обстоятельство: выбор для чеканки лицевых маточников обнаруживает определенную тенденцию — используются только наиболее престижные лицевые маточники — с именем и титулом царя (Б—О) или со словом, его заменяющим, — «Государь». Все значение этих совсем не случайных моментов в полной мере проявится в следующих, 1604—1605 гг.

Обратимся к Новгородскому денежному двору. Централизация денежного производства и образование Денежного приказа, безусловно, отразились на деятельности и этого двора, занимавшего в недавнем прошлом ведущее положение. Эти изменения выразились в новом оформлении новгородских копеек начиная с 1596 г. Уже при Федоре Ивановиче появляются первые датированные копейки со знаком денежного двора (копейки с буквами В/НО. РД, т. е. Великий Новгород, 104 г.). Для новгородских копеек отныне характерными становятся сухой рисунок, выполненный прерывистыми линиями, изображение скачущего во весь опор всадника, мелкая, небрежная надпись на оборотных сторонах.

Возможно, помещение дат на монетах было обусловлено близким знакомством новгородских денежников с традициями западноевропейского денежного дела, поскольку в Новгороде довольно частыми заказчиками

выступали западные купцы со своими монетами, которые они приносили на денежный двор для перечеканки их в русские копейки. Однако, перенимая прием датировки монет, новгородские денежники оставались верными отечественной технологии: даты резались вместе с изображением на маточнике и каждый год вместе с датой приходилось менять весь маточник. Этим обстоятельством следует объяснить еще одну характерную особенность новгородских копеек — их крайне плохую сохранность. Происходило это потому, что монеты чеканились штемпелями, количество и качество которых было ограничено сохранностью маточника, а последний на всем протяжении его эксплуатации ни разу не подчищался, поскольку срок его использования укладывался в один год.

Новгородские копейки 1596—1603 гг., сохраняя стилистическую близость между собой, тем не менее по соотношению штемпелей резко делятся на две изолированные группы, не имеющие общих поштемпельных связей. В первую входят монеты 1596 — 1599 гг., во вторую — монеты 1600 — 1603 гг. Первый выпуск новгородских копеек Бориса — копейки с буквами В/НО. РЗ (1599 г.) — оказывается изолированным от прочих копеек Новгородского денежного двора, появившихся позже. С новгородскими же копейками Федора его связывает использование общего оборотного штемпеля (табл. 3, Н., *1—г*). Копейки 1600—1603 гг. образуют группу, тесно связанную между собой общностью штемпелей, переходивших из одного года в другой. Обычно каждый год в производстве участвовали два лицевых и два оборотных маточника; однако основную нагрузку несла обычно одна пара, вторая использовалась, видимо, как вспомогательная.

Заметная грань, разделяющая новгородские монеты 1596 — 1599 гг. и 1600—1603 гг., заставляет думать, что около 1600 г. какие-то перемены произошли и на Новгородском дворе. Уже приходилось говорить, что размах денежного производства в Новгороде в 60—70-х годах XVI в. вызвал необходимость расширить помещение старого денежного двора на Торговой стороне, для чего был приобретен большой двор на Рогатице. Однако упадок экономики и резкое сокращение объема чеканки, последовавшее в 80—90-х годах, сделали новое помещение ненужным, и оно оставалось неиспользованным. Тем не менее более поздние источники свидетельствуют, что Новгородский двор все же переместился на Рогатицу. Произошло это, судя по всему, на рубеже XVI и XVII вв.

После изгнания из Новгорода шведских интервентов было произведено обследование денежного двора, место расположения которого указано «в Рогатицы». Опись, составленная в результате обследования, сообщает, что на денежном дворе хранились 15 маточников «вершников» и 14 маточников «исподников прежних государей»[15]. Названы также два «полуденежных матошника... верхней да исподней», т. е. маточники для чеканки полушек. Это указание оказывается чрезвычайно важным, так как благодаря ему можно установить содержание перемен на Новгородском дворе в интересующий нас период. В 1617 г. «прежними государями» были Иван IV, Федор Иванович, Борис Федорович, Дмитрий Иванович, Василий Иванович и Владислав Жигимонтович. Известно, что на Новгородском дворе чеканились монеты с именами этих царей. Однако если подсчитать все известные по монетам маточники, то число их намного превысит указанное в описи количество. Если же начать подсчет в обратном порядке, с новгородской копейки Владислава, то указанные в документе 15 «вершников», т. е. лицевых маточни-

ков, и 14 «исподников», т. е. оборотных маточников, как раз закончатся на копейке 1599 г., не включая ее*.

Вряд ли такое совпадение может быть случайным. Видимо, оно свидетельствует о том, что на Новгородском денежном дворе, который помещался в Рогатице, хранились датированные маточники начиная с 1600 г. Более ранние маточники в Опись не попали. Логично допустить, что они оставались на старом денежном дворе на Торговой стороне вместе со всем оборудованием. Из этого следует, что первый выпуск новгородских копеек 1599 г. мог быть сделан в старом помещении, а начиная с 1600 г. денежный двор переводится на Рогатицкую улицу, где готовятся новые маточники. Весь штат денежного двора, включая резчика монетных штемпелей, тоже переводится на новый двор; об этом говорит отсутствие различий в стилистике новгородских копеек после 1600 г. Однако какие-то технические изменения в денежном производстве все же имели место. Об этом позволяет судить тот факт, что до 1600 г. восемь датированных маточников обслуживались всего двумя оборотными, а после 1600 г. на каждый год стали готовить по два оборотных маточника.

Следовательно, третий этап чеканки монет Бориса Годунова для Новгородского двора ознаменовался переводом его в новое помещение и рядом технических усовершенствований. Известны копейки 1599 г. с буквами В/НО. РЗ (табл. 3, Н., *1—1*), приготовленные на старом дворе, и серия копеек нового, Рогатицкого двора: копейки 1600 г. и последующих годов (табл. 3, Н., *2—2* и след. типы).

1603-й год составляет особую веху в новгородском чекане. Появившиеся в этом году новые лицевые и оборотные маточники представляют собой две резко отличающиеся группы, разделенные и различием стилистических приемов, и отсутствием связей по штемпелям. Первая группа образована двумя парами маточников (*8—7* и *9—8*), выполненными в традиционной новгородской манере (скачущий всадник, рвущийся рисунок, мелкие, сухие буквы) и примыкающими по стилю к копейкам 1600—1602 гг. Отсутствие связей по штемпелям между копейками 1603 г. и предыдущими выпусками объясняется тем обстоятельством, что обе пары маточников были в производстве недолго — и в кладах, и в коллекциях эти монеты встречаются сравнительно редко, — из-за чего не успела возникнуть потребность в использовании дополнительных прошлогодних штемпелей, как это случилось в предыдущие годы.

Другая группа копеек 1603 г. образует совершенно новое явление в новгородском чекане. Непохожие на новгородскую манеру сочные, округлые линии дают выразительное изображение всадника, который скачет, но не так стремительно, как это свойственно всадникам на остальных новгородских копейках. Другой характер приобретает и надпись. Буквы делаются крупнее и выразительнее, хотя приемы написания наиболее характерных букв Ф, Я, В остаются свойственными для палеографии новгородских монет. Оба типа копеек 1603 г., в сущности, образованы практически одной парой маточников *(10—9, 11—9)*. Лицевой маточник *10* имел в первоначальном виде под конем буквы ГЕ/НРАI, но, видимо, из-за бессмысленности сочетания ГЕ эти буквы убрали, и под конем

* Мы еще вернемся к этому важнейшему документу при рассмотрении вопроса о работе Новгородского двора при шведской оккупации в первые годы царствования Михаила Федоровича. Здесь же считаем нужным заметить, что при подсчете количества лицевых и оборотных новгородских маточников лицевые маточники Н., *10, 11* и *12, 13* следует считать не за четыре, а за два, так как в обоих случаях использовался только один из маточников, на котором менялась лишь дата.

остались только буквы НРАІ (лицевая сторона *11*). Парой *11—9* было отчеканено большинство монет 1603 г. Эти копейки, изолированные и от более ранних новгородских монет, и от другой группы копеек 1603 г., оказываются тесно связанными общими штемпелями с более поздними копейками Годунова, датированными 1604 и 1605 гг. Обнаруживается и стилистическая близость копеек 1603 г. (*10—9* и *11—9*) с новгородскими копейками 1604 и 1605 гг.

Это наблюдение позволило И. Г. Спасскому в свое время выдвинуть предположение о том, что перевод Новгородского двора на Рогатицу произошел в 1603 г.[16] Однако события 1603 г. имели гораздо более глубокий смысл, принципиально важный для судеб не только новгородской, но и общерусской чеканки, а перевод двора «в Рогатицы», как показали данные нумизматики и письменных источников, совершился несколькими годами раньше. Конечно, можно связать появление нового стиля изображений и надписей с началом работы нового резчика, как это делает И. Г. Спасский. Но важно отметить, что и изображения, и надписи новых маточников с 1603 г. подражают московским образцам. Нет никаких данных о том, был ли новый мастер москвичом, присланным с Московского двора в Новгород, или же это был новгородский мастер, с какого-то момента начавший работать в московской манере, может быть, по готовому образцу. Учитывая положение Московского двора, который являлся одновременно центральным органом управления всеми денежными дворами в стране, переход к московскому стилю в оформлении монет на Новгородском денежном дворе представляется весьма многозначительным фактом. В полной мере значение этого события раскроется в следующем, 1604 г.

Имеется еще одно обстоятельство, свидетельствующее о принципиальном характере перемен 1603 г. На всех новгородских монетах начиная с 1596 г. знак денежного двора обозначался буквами В/НО: буква В помещалась над остальными. Эти буквы расшифровывались как название города — Новгород Великий. С 1603 г. буква В навсегда исчезает с монет. На лицевом маточнике *10* вместо нее помещены буквы ГЕ, которые можно прочесть как испорченное «Господин» (нередкое наименование города — «Господин Великий Новгород», что и отразилось в монетах 1603 г.). Но и эти буквы были счищены, и в работу пошел маточник, который содержал только начальную букву названия города и дату: НРАІ. Представляется, что в сочетании с заменой новгородского стиля московским урезанное, «непрестижное» название города на монете, обозначающее только место чеканки — Новгород, было направлено на борьбу с остатками сепаратизма новгородцев и утверждало московское влияние.

Третий денежный двор Московского государства — Псковский, судя по монетам, занимал самое скромное место в системе монетного производства во время царствования Бориса Годунова. Если на Московском дворе взаимодействовали 8 лицевых и 6 оборотных маточников, на Новгородском — 13 лицевых и 11 оборотных, то в Пскове — только 5 лицевых и 5 оборотных маточников. Совершенно очевидно, что Псковский денежный двор не имел своего мастера-резчика. Наиболее популярный в псковском чекане тип единственной датированной копейки 1599 г. с буквами и датой ПСРЗ (табл. 3, П., *1—1*) происхождением своим был обязан, безусловно, новгородскому мастеру, который резал маточники для монет 1596—1599 гг. Это сходство обнаруживается не только благодаря наблюдениям над стилистикой рисунка и надписи. В коллекциях и кладах изредка встречаются копейки, лицевые стороны которых чеканены штемпелем ПСРЗ, а оборотные — штемпелем новгородской копейки В/НО. РЗ, и наоборот, копейки с лицевой стороной В/НО. РЗ и оборотной

псковской. Объясняется появление этих копеек, видимо, тем, что Псковский двор обслуживался Новгородским двором некоторое время после перевода последнего «в Рогатицы». Или пару маточников 1599 г. передали в Псков, или же в Новгороде оставили чеканы, снятые с маточников ПСРЗ, но где-то на одном из этих денежных дворов были чеканены эти «новгородско-псковские» или «псковско-новгородские» копейки с датой 1599 (РЗ).

После использования маточника ПСРЗ на Псковском дворе (он использовался не только в 1599 г., но много дольше) был взят лицевой маточник ПС времени Федора, который в сочетании с оборотным маточником 1599 г. образовал тип *2—1*. Это произошло, видимо, в 1600 г., а в 1601 г. вновь привлекается лицевой маточник времени Федора (табл. 3, П., *3*). В 1600 г. был вырезан оборотный маточник — *2*, где имя Бориса было написано в архаичной манере — без отчества. В 1601 г. был вырезан еще один новый оборотный маточник — *3*, где имя царя получило отчество; судя по характеру надписи, этот последний оборотный маточник делал местный, псковский резчик, плохо владевший профессиональным мастерством. Этот маточник выполнен очень беспомощно по сравнению с оборотными маточниками *1* и *2*, которые, видимо, делал новгородский или московский мастер.

1603-й год в Пскове тоже отмечается важными изменениями. В этом году появляется новая пара маточников *4—4*. Лицевой и оборотный маточники 1603 г. обнаруживают заметные стилистические особенности, присущие московскому стилю. Оборотный маточник к тому же использовался в московском чекане (М., *6*). Лицевой маточник *4* имеет большое сходство с московскими маточниками *5* и *7*. Все это позволяет думать, что псковские маточники *4—4* готовил московский мастер.

Таким образом, и в Пскове с 1603 г. появляется московский стиль, причем здесь прямо используется московский оборотный маточник, а для изготовления лицевого маточника привлекается московский мастер, который готовит маточник специально для Псковского двора. Чеканкой монеты типа *4—4* в Пскове, как и в Новгороде в том же, 1603 г., начинается господство московского стиля в оформлении монетного поля.

Еще один шаг на пути к унификации монеты

Можно с уверенностью констатировать, что 1603-й год составляет определенную веху в чекане Бориса Годунова. Оба провинциальных денежных двора переходят к выпуску монет, стиль изображений и надписей на которых явно восходит к московскому образцу. В самой Москве этот год характеризуется отказом от приготовления новых маточников. Единственный новый оборотный маточник (табл. 3, М., *6*) практически не участвовал в московском чекане, так как предназначался для Псковского денежного двора. Смысл всех этих явлений очевиден: в 1603 г. был сделан очередной шаг к созданию единой по стилю оформления государственной монеты и к ликвидации разнообразия монетных типов. События 1604—1605 гг., как показано ниже, будут развивать и закреплять начинания 1603 г.

По данным кладов и коллекций с монетами Бориса Годунова очевидно, что 1603-й год был самым обильным по количеству монет, выпускаемых на всех трех денежных дворах. Увеличение масштабов чеканки было обусловлено в пер-

вую очередь благоприятными условиями для внешней торговли, обеспеченными дипломатическими усилиями правительства Бориса Годунова после заключения Тявзинского мира 1595 г. Рост притока серебра в Россию предоставлял возможности для обильной и бесперебойной чеканки на денежных дворах, выполняющих заказы казны и частных лиц — владельцев серебра. Не исключено, что на увеличение масштабов чеканки в значительной мере повлияли события 1601—1603 гг. — голод и вызванная им дороговизна съестных припасов. Цены на хлеб уже в 1601 г. повысились в несколько раз, а к 1603 г. возросли еще выше*. Необходимость иметь деньги для закупки продовольствия гнала владельцев серебряного сырья на денежные дворы.

Следует учитывать, что в «голодные» годы значительно увеличилось число лиц, спекулировавших хлебом и наживавших на этом огромные богатства. Крупные светские и духовные феодалы, обладатели огромных хлебных запасов, многие зажиточные крестьяне, посадская верхушка, спекулируя на хлебе, богатели**. Государственная регламентация цен на хлеб по указу от 3 ноября 1601 г. не смогла приостановить ни спекуляцию, ни дальнейший рост цен. Оживленная спекуляция хлебом требовала свободных денежных сумм, что также заставляло обращаться с заказами на чеканку монет на денежные дворы.

И наконец, должны были значительно увеличиться казенные заказы на чеканку монет, так как правительство Бориса Годунова в «голодные» годы, пытаясь предотвратить взрыв классовой борьбы, раздавало милостыню. Ежедневно на четырех больших площадях столицы от имени правительства выдавалось беднякам в будний день по полушке, в воскресенье — по денге. Казна расходовала на нищих по 300—400 руб. в день и выше. Деньги раздавали в Москве, в охваченном волнениями Новгородском уезде, в Смоленске, где голод дополнился эпидемией чумы[19].

Четвертый этап в чеканке монет Бориса Годунова включает 1604 (7112) г. и заканчивается в апреле 1605 (7113) г. В этот последний, заключительный этап чеканки Бориса проявились результаты мероприятий 1603 г. и отчетливо наметились перспективы дальнейшего усовершенствования русской денежной системы, завершить которые помешали трагические события смутного времени.

На Московском денежном дворе, как уже говорилось выше, ни в 1604, ни в 1605 г. новых маточников не делали. Вероятнее всего в течение этих лет в производстве участвовал только «портретный» маточник *4*. Об этом свидетельствует то огромное число монет этого типа, которое дошло до нас в кладах и коллекциях. Выбор именно «портретного» маточника для лицевой стороны монеты объясняется не только и не столько его прокламативным содержанием. Играло роль, видимо, и то обстоятельство, что это изображение обладало характерными особенностями, определяющими тип московской копейки: на лицевой стороне мы видим всадника на идущем шагом коне, на оборотной — четкую, крупную надпись, букву Ф в форме ферта в отчестве «Федорович». Обращают на себя внимание сочные, плавные линии рисунка и тщательная проработка мелких деталей.

---

* В. И. Корецкий считает, что цены выросли в 80—120 раз по сравнению с «доголодными» годами; Р. Г. Скрынников полагает, что цены возросли примерно в 25 раз[17].

**В. И. Корецкий приводит любопытные данные об участии в спекуляции хлебом монахов Соловецкого монастыря, где в 1602 г. келарем был небезызвестный Авраамий Палицын, имя которого сохранилось в приходо-расходных книгах, зафиксировавших покупки партий хлеба по низким ценам и продажи его же крестьянам по ценам в два раза выше покупных[18].

На Новгородском денежном дворе в 1604 г. появилась пара превосходно выполненных маточников с датой Н/РВІ (Н., *12—10*). Эту пару, возможно, резал тот же мастер, который работал в 1603 г. Однако черты московского стиля здесь выражены гораздо ярче. Всадник уже не скачет, а сидит на торжественно выступающем коне — признак, характерный для московских копеек и чуждый для новгородского чекана. Сухой, рвущийся контур рисунка, свойственный новгородскому стилю, сменяют плавные, чисто «московские» линии. Надпись оборотной стороны тоже вполне выдержана в московских традициях: слово «Борис» завершается несвойственной для Новгорода концовкой — буквой Ъ (в Новгороде ее заменяла буква Ь или не употреблялось никакого знака, и сразу после имени начиналось отчество «Федорович»); вместо фиты в отчестве здесь употреблен ферт, никогда более в новгородских копейках Бориса не встречающийся, но привычный для московского чекана.

В 1604 г. чеканятся копейки типов *12—10, 12—9, 11—10.* Чекан этого года обнаруживает тесную связь с парой маточников, изготовленных в 1603 г., на которых впервые стали проявляться черты московского стиля. В 1605 г. в работу вступает новая пара маточников. Заново готовится только оборотный, обнаруживающий черты разительного сходства с маточником 1604 г. Лицевой же маточник переделывается из прошлогоднего — буква В заменяется на Г и тем самым дата РВІ превращается в новую дату — РГІ *(13—11).* Заметим, что с 1603 г. это уже второй случай повторного применения маточника, который приспосабливался для дальнейшего использования посредством незначительных подчисток в буквах, помещенных под изображением. Надо думать, что за этим стоит стремление упростить трудоемкую и длительную операцию резания маточников на денежных дворах. Подобная практика будет продолжена в 1606 и 1607 гг.

Группа монет 1603—1605 гг. полностью изолирована от предыдущих выпусков новгородских копеек. Из Описи 1617 г. известно, что все старые маточники продолжали сохраняться на денежном дворе. То обстоятельство, что в чекане 1603—1605 гг. не использовался ни один маточник 1600—1602 гг. и первой половины 1603 г., свидетельствует о новом этапе в развитии денежного хозяйства страны, которое отныне должно было обслуживаться единой по стилю «московской» монетой.

Об этом свидетельствует также чекан 1604—1605 гг. Псковского денежного двора. В кладах 1604 г. появляется новая псковская копейка (П., *5—5*), автор маточников которой легко узнается по новгородской копейке 1604 г. Для обоих изображений характерными являются силуэт всадника на идущем шагом коне, одинаковое оформление головы и левой руки всадника, рисунок плаща в виде пальметки и, наконец, идеально правильное размещение рисунка в окружности рабочей поверхности маточника. Очень сходны по стилю и надписи. Новой парой маточников, появившейся в 1604 г., Псковский денежный двор ограничивался до конца царствования Бориса. Характерно, что и здесь наблюдается отказ от использования старых маточников «домосковского» стиля. Лишь московский оборотный маточник 1603 г. (П., *4*) привлекался к работе; в сочетании с новым лицевым штемпелем *5* была отчеканена монета типа *5—4*, впрочем, довольно редко встречающаяся.

Итак, в 1604 и 1605 гг. выпускались только три типа копейки, чрезвычайно схожие между собой по внешнему виду: московская копейка с буквами о/М Б—О, новгородская с датами РВІ и РГІ и псковская ПС (М., *4—2, 4—4;* Н., *12—10, 13—11, 13—10;* П., *5—5*). Их внешнее сходство позволяет предполо-

жить, что начиная с 1604 г. производство маточников приобретает централизованный характер. Вероятнее всего, отныне они готовятся на центральном, Московском денежном дворе, в Денежном приказе и оттуда рассылаются в Псков и Новгород. Относительно Пскова сомнений в таком порядке быть не может, так как там не было собственного профессионального резчика, с Новгородом вопрос обстоит сложнее. Резчик (или резчики?) там, безусловно, был, но с 1604 г. его (или их) деятельность не прослеживается. Местные мастера используются, видимо, только на подсобных работах — на подчистке маточников и штемпелей, а также при необходимости изменять на маточнике даты, как это имело место, например, в 1605 г., когда дата РВІ на маточнике была поправлена на РГІ. Вновь новгородские мастера были допущены к изготовлению маточников только в 1608 г., о чем свидетельствуют копейки этого года, снова выполненные в ярко выраженном новгородском стиле.

Унификация внешнего вида русской копейки после 1603 г. имела большой практический смысл. Примитивная техника чеканки открывала широкие возможности для деятельности фальшивомонетчиков — «денежных воров». Фальшивые копейки и денги начинают встречаться уже в кладах времени Ивана IV; ко времени Бориса Годунова к ним добавились фальшивые копейки с его именем. Пестрота типов русской копейки, которая выражалась в различных вариантах написания знаков денежных дворов, в ярко выраженных различиях в изображении всадника и начертании букв в легенде, создавала возможность для маскировки фальшивых монет. Обслуживание денежного обращения однотипной копейкой должно было бы облегчить выявление последних. Разумеется, понадобился бы не один год, чтобы однотипная копейка вытеснила из обращения ранее выпускавшиеся монеты. Частично этого удалось достичь уже при Годунове. В кладах первого десятилетия XVII в., сложившихся уже после 1605 г., среди московских и псковских копеек заметно выделяются по количеству типы 1604—1605 гг.; в меньшей степени это относится к новгородским копейкам этих лет — среди них преобладают копейки 1603 г. московского стиля.

Выпуск унифицированной копейки не был единственной целью мероприятий 1603—1605 гг. Есть основания полагать, что они подготавливали и другое важное нововведение: закрытие обоих провинциальных денежных дворов и сосредоточение чеканки в Москве. Об этом говорят следующие наблюдения.

Среди лицевых маточников, приготовленных в Москве при Федоре Ивановиче после 1596 г., имелся один, лишенный знака денежного двора (табл. 2, М., *10*). По своим стилистическим особенностям он сходен с «портретным» маточником Бориса. При Федоре и Борисе этот маточник практически не использовался. Зато в чекане Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) и Василия Шуйского он выполнял основную нагрузку. Почему не спешили использовать его при Борисе? Предположение, что причиной могло служить отсутствие знака двора, следует отвести, так как при Борисе в 1601 г. был сделан новый лицевой маточник тоже без знака (табл. 3, М., *5*). Поскольку это был последний из трех вырезанных при Борисе в Москве лицевых маточников, видимо, его изготовление преследовало определенную цель. Можно предположить, что оба маточника без знака должны были бы сменить маточники прежних типов, со знаками денежных дворов, когда в этом возникла бы необходимость. Необходимость эта могла возникнуть только в одном случае — при переходе к чеканке на единственном в государстве денежном дворе, которым в данном случае был бы Московский.

Как подгонка изображений на псковских и новгородских копейках под московский тип, так и переход к чеканке копеек без знака должны были, по

нашему мнению, служить вехами на пути полной централизации денежного производства в стране. Благодаря этому снабжение сырьем, распространение готовой продукции, управление и контроль над денежным производством значительно упрощались. Разумеется, задача централизации денежного дела не могла решаться изолированно: ее выполнение требовало введения монополии на торговлю серебром и прекращения права свободной чеканки. Надо полагать, что правительство начало серию мероприятий по окончательной централизации издалека. На первом этапе были поставлены цели — постепенно приучать население к единому типу копейки, лишенному каких-либо отличительных знаков, обозначающих место чеканки, и вытеснить этой копейкой прочие виды монет из денежного обращения.

Все намеченные в 1603—1605 гг. изменения действительно осуществились, хотя и не совсем так, как они были задуманы. Их реализация оттянулась на длительный срок из-за полосы многолетних экономических и политических потрясений смутного времени, породивших в денежном деле хаос и разруху.

В заключение следует остановиться на вопросе о возможности чеканки монет при сыне Бориса Годунова — Федоре Борисовиче. Срок пребывания его на престоле укладывается между датой смерти Бориса 13 апреля 1605 г. и 10 июня того же года, когда сын и вдова Бориса были убиты сторонниками самозванца. Это время было заполнено беспомощными попытками немногих сторонников династии Годуновых пресечь движение самозванца к столице и сохранить спокойствие в стране. Разумеется, в подобной обстановке спешить с изготовлением маточников «на имя» Федора Борисовича было бы преждевременно, да и за такой короткий срок их просто не успели бы подготовить. Вероятно, на денежных дворах продолжали чеканить монеты штемпелями времени Бориса так же, как в свое время использовали чеканы времени Федора. Отделить монеты, чеканенные при Федоре Борисовиче, от копеек, чеканенных при Борисе, видимо, невозможно.

В 1605 г. закончился сравнительно недолгий, но очень насыщенный период в истории русского денежного дела. Этот период начался в 1595 г. следующим после реформы Елены Глинской утверждением принципов централизации в организации денежного производства, что нашло выражение в образовании Денежного приказа, который отныне стал руководить денежным делом в стране. Последующее развитие отечественной чеканки пошло по пути дальнейшей централизации, последовательного устранения пережитков феодальной раздробленности в денежном производстве и создания общегосударственного стандартного типа монеты. В одно и то же время — в 1595—1596 гг. все денежные дворы обратились к чеканке наиболее необходимого на рубеже веков номинала — копейки. В 1595 г. были введены единые типовые знаки для обозначения продукции трех денежных дворов государства — для Московского это были комбинации букв М, О, С, для Псковского — ПС, для Новгородского — букв В, НО в сочетании с датой. Имя царя стало писаться с отчеством. В этот же период происходит переосмысление принципа оформления монетного поля. Форма подчиняется функциональному назначению денежного знака — служить в первую очередь средством денежного обращения. Рисунок ездеца превращается в обезличенный образ правителя, статус которого передается посредством принятого в русском денежном деле атрибута — венца или короны на голове всадника, а также самим выбором сюжета — изображения ездеца. Помещение знака денежного двора под ездецом снижало престижность этого изображения, придавало ему служебный, функциональный характер в отличие от монет

Грозного, которые изображали конкретное лицо — «Царя и великого князя Ивана всея Руси» во всем блеске и пышности самодержавной власти.

В 1603—1604 гг. делается следующий шаг в упорядочении денежного дела. В оформлении монет как лицевой, так и оборотной стороны вводится единый стиль, который характеризуется как московский. В оформлении монет Новгородского двора происходит небольшая, но многозначительная перемена: убирается буква В при знаке двора, который отныне всегда выражается одной только буквой Н. Это нововведение тоже следует отнести к стремлению ограничить элементы оформления монеты служебными моментами. Буква Н обозначала лишь место чеканки — Новгород; торжественное наименование города — Великий Новгород, в котором звучали отголоски прежней независимости города и которое отражалось в знаке денежного двора — В/НО, исчезает из употребления в денежном деле. Изготовление и последовательное введение в эксплуатацию новых лицевых маточников, не имеющих никаких знаков денежного двора, позволяют предположить, что следующей задачей правительства была полная унификация денежного производства. Это должно было выразиться в сосредоточении чеканки в одном центре — в Москве, в закрытии обоих провинциальных дворов, в отказе от права свободной чеканки. Единый денежный двор должен был выпускать единый, стандартный тип монеты. Таковы были намерения правительства, желавшего упорядочить русскую денежную систему, сохраняя незыблемым внутреннее достоинство монеты — ее вес и пробу. «Умная правительственная работа» (по выражению С. Ф. Платонова) Бориса Годунова, по всей видимости, распространялась и на эту сферу государственной деятельности.

Внутриполитические потрясения 1605—1612 гг. не только задержали процесс упорядочения денежного дела, но и поставили его на край гибели. Правительству удалось частично выполнить свои намерения только в первой трети XVII в., когда состояние денежного дела требовало уже других, более кардинальных мер.

Первые симптомы неблагополучия в русском денежном хозяйстве обнаружились вскоре после смерти Бориса Годунова.

ГЛАВА 5

Первые испытания «доброты» русской копейки

Начало смуты и Лжедмитрий I

Лжедмитрий венчался на царство в июле 1605 г. — «7 числа июля месяца, в воскресенье»[1], а восстание в Москве, положившее конец его правлению, произошло 17 мая 1606 г. Царствовал он менее года. От этого времени до нас дошли довольно разнообразные и обильные нумизматические памятники в виде монет (копеек) и медалей. Они представлены в табл. 4 соотношения штемпелей, на фототабл. 15, 16 и диагр. веса 6, 7 и 8.

Монеты с именем Дмитрия Ивановича, царя и великого князя всея Руси — так именовал себя самозванец — в кладах и коллекциях музеев представлены довольно большим количеством экземпляров. В коллекциях музеев хранятся также золотые и серебряные медали, предназначенные для коронационного и свадебного обрядов. В ОН ГИМ, к примеру, насчитывается более 1100 экз. серебряных копеек, две золотых и одна серебряная медаль* времени Дмитрия. Для сравнения укажем, что монеты царя Владислава Жигимонтовича, формальное время правления которого составляло около двух лет, в собрании ОН ГИМ представлены всего 114 экз. серебряных копеек и 24 экз. золотых.

Наиболее интенсивно работал при самозванце Московский денежный двор. Об этом можно судить по большому количеству копеек московского чекана. Не последнюю роль здесь должно было играть оживление польско-русской торговли в те годы: самозванец разрешил свободно торговать в Смоленске польско-литовским торговым людям и «пущати из Смоленска во все Государства и городы» этих торговцев[2]. Сказывались также результаты внешнеполитических усилий предшествующих лет, направленные на развитие внешней торговли со странами Европы. Присутствие в столице множества иностранцев, пришедших с самозванцем, также должно было способствовать усиленному притоку заказов на чеканку, поскольку иноземная монета в русской торговле не принималась. В дневнике польских послов отмечен любопытный эпизод, рассказывающий о ссоре между литовскими людьми и русским целовальником, который «не хотел брать литовских монет»[3]. Но, разумеется, основным заказчиком высту-

* Серебряная медаль представляет собой новодел XVIII в.

пала казна, ибо новый царь не скупился на различные милости, в том числе и денежные.

Источники сообщают о щедрых вознаграждениях наемникам, которые помогли Дмитрию занять русский трон. Разовые выплаты отдельным лицам нередко превышали суммы, которые русские дворяне могли получить за год службы. Польские гусары, например, получили от 200 до 800 руб. — оклады, которые имели лишь высшая знать и члены Боярской Думы. К тому же самозванец по пути к Москве щедро раздавал долговые расписки, которые казна должна была оплачивать уже от имени царя Дмитрия Ивановича. Известно, что Лжедмитрий велел заплатить все те деньги, которые были взяты взаймы еще при Иване Грозном и не отданы, удвоил жалованье служилым людям[4]. Средства самозванец черпал в той же казне, не смущаясь крупными поборами и с духовенства. В казну были отобраны некоторые участки церковной земли в Москве; с одного только Троице-Сергиева монастыря было взято 30 тыс. руб., с других монастырей тоже взыскивались различные суммы[5]. Секретарь самозванца Ян Бучинский писал в январе 1606 г., обращаясь к царю: «Ваша царская милость роздал, как сел на царство, полосма милеона, а милеон один по-русски тысеча тысеч рублев»[6].

Медали времени Дмитрия Ивановича делятся на две категории. К первой следует отнести медали, приготовленные для коронации. Коронационные медали не были в обычае у русских. Факт заимствования их из Польши не вызывает сомнения. По всей видимости, и сделаны они были в Польше, поскольку русские денежные дворы не были знакомы с принципами оформления подобных медалей и не имели соответствующего оборудования. Известны два вида серебряных коронационных медалей Лжедмитрия.

На одной из них (единственный известный экземпляр хранится в ОН ГЭ, № 150040, вес 32,96 г, размер 3,5 см, фототабл. 15, *1*) помещено изображение Дмитрия в русской одежде, но с королевской короной на голове, со скипетром и державой в руках. Вокруг изображения размещалась латинская надпись, которая в переводе обозначала: «Дмитрий Иванович Божиею милостию император России. Год жизни его 24». На оборотной стороне медали изображался двуглавый орел, увенчанный тремя коронами, со щитом на груди, несущим изображение ездеца. Круговая надпись оборотной стороны была написана «по-русски»: «ДМИТРЕЙ ИВАНОВИЧЪ. БЖ. МЛ. ЦЕСАРЬ. РОСКИЙ. ЛЕ. ЦРСТВА. СВОГ. А.», что означало следующее: «ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ЦЕСАРЬ РУССКИЙ. ЛЕТА ЦАРСТВА СВОЕГО 1-ГО». Другой тип серебряных коронационных медалей Дмитрия до нас не дошел, но мы имеем полное представление о нем по новоделам, чеканенным в конце XVIII в. подлинными штемпелями, вывезенными из Кракова Петром I. На этих серебряных медалях, один экземпляр из которых имеется в ОН ГИМ (ОН ГИМ, 91533/КП 70023, вес 26 г, фототабл. 15, *2*), помещалось изображение царя в профиль, с обнаженной головой, со скипетром в правой руке, в горностаевой мантиии, накинутой на плечи. Круговая легенда, расположенная на двух концентрических лентах, идущих от спины и от груди, и начертанная русскими буквами, но имеющая явные полонизмы, читается после расшифровки следующим образом: «ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РОССИИ И ВСЕХ ТАТАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ И ИНЫХ МНОГИХ ГОСУДАРСТВ». На оборотной стороне медали изображался двуглавый орел со щитом на груди, где помещался ездец, и продолжалась легенда в круговой надписи: «МОСКОВСКОЙ МОНАРХИИ ПОДЛЕГ-

ЛЫХ ГОСПОДАРЬ КОРОЛЬ И ОБЛАДАТЕЛЬ И ЦЕСАРЬ РОССИИ И САМОДЕРЖЕЦ».

Обе эти медали, по мнению их исследователя А. Карзинкина[7], предназначались для раздачи иностранцам, поскольку и изображения, и язык их не были понятны для русских. Но в оформлении медалей содержалась определенная политическая программа, равно рассчитанная как на русских подданных Дмитрия, так и на его иноземных покровителей. «Дмитрий Иванович» не случайно был изображен в королевской короне и назван «королем» и «цесарем», что было никак не свойственно для титулатуры русских царей. Самозванец стремился в дипломатических отношениях к признанию за ним права на королевский титул. Дневник польских послов приводит такую аргументацию самозванца в споре о титуле: «Королю польскому уже известно, что мы не только князь, не только царь, но также император в своих обширных владениях ... Мы не можем довольствоваться титулом княжеским или господарским, ибо не только князи и господари, но и короли состоят под скипетром нашим и нам служат». Известно, что самозванец выражал «укоризны» Сигизмунду III за то, что тот употреблял титул по отношению к «Дмитрию царю Московскому», умалявший достоинство последнего[8].

Требования самозванца отнюдь не следует рассматривать как легкомысленное зазнайство новоявленного русского царя. В сношениях России с Англией, например, титул «царь» воспринимался равнозначно титулу «император». Английский хронист Хауэс писал в XVII в., что великий князь Иван Васильевич «был первым, кто принял звание царя, которое означает то же, что и название «император», и подтвердил свое право на этот титул завоеванием Казани и Астрахани, царей которых он привел в качестве пленников во время триумфа в Москву, свой главный город»[9]. Как известно, вопрос о составе и полноте царского титула в дипломатических сношениях с европейскими государствами не принадлежал к числу формальных моментов: это был вопрос об определении места России в системе европейских государств, о признании самостоятельного существования России и целостности ее государственных границ[10]. Для самозванца, который отлично понимал свою зависимость от польских покровителей, вопрос о титуле, разумеется, приобретал особое значение. Коронационные медали «Дмитрия Ивановича», безусловно, носили ярко выраженный декларативный характер и составляли одно из средств в борьбе за признание за ним королевского титула.

Иной вид и назначение имели золотые медали, предназначенные для свадебной церемонии и венчания на царство Марины Мнишек. Эти золотые, по существующей русской традиции, разбрасывали в толпу при шествии через нее торжественной процессии, ими осыпались венчаемые во время обхода кремлевских соборов и на их ступенях. Незнакомые с этим обычаем иностранцы единогласно отметили его в своих записках о свадьбе и венчании Марины. Так, Паэрле заметил «несколько золотых монет, ценою в 1, 5, 10 и даже 20 червонцев», которые «бросал народу Мстиславский, взяв их из золотого сосуда, подле него стоявшего»[11]. Взору присутствовавшего на церемонии Петрея они представились как «несколько тысяч золотых монет, нарочно для того приготовленных, с изображением на обеих сторонах орла двуглавого». Стоимость их он определил в «2 венгерских червонца» или же меньше[12]. В дневнике Марины Мнишек они описываются как «золотые деньги», из-за которых русские дрались палками, или же «португальские червонцы», брошенные знатным польским панам, «к коим никто из них не притронулся»[13]. Польские послы писали, что это

были португальские монеты в 20, 10 и 5 червонных золотых, которые бросал князь Мстиславский из золотого блюда[14]. Маржерет видел золотые монеты ценою в пол-экю, в экю и в два экю, «нарочно приготовленные для того случая, так как в России вовсе не делают золотой монеты»[15]. В записках голландского купца Исаака Массы вся церемония описывается более подробно: «Дьяк Сутупов, Афанасий Власов и Шуйский по многу раз полными горстьми бросали золото по пути, по коему следовал царь, державший за руку свою супругу... Золото было самое лучшее, (от монет) величиною в талер и до самых маленьких в пфеннинг»[16].

Современники, наблюдавшие свадьбу и коронацию, называют свадебные медали монетами, что было естественно для европейцев, привыкших к свободному обращению золотой монеты. «Червонцы», «венгерские червонцы», «экю», «португальские червонцы», золотые монеты величиною от талера до пфеннинга, о которых пишут очевидцы, были действительно специально «для этой цели приготовленные» золотые монетовидные знаки, которые на Руси чаще всего называли угорскими или просто золотыми. Чеканились эти знаки в различных достоинствах, как больше, так и меньше угорского, весовым эталоном для которого служил венгерский дукат весом в 3,4 г. Устойчивой системы номиналов русских золотых не существовало, поскольку чеканка их производилась эпизодически и они имели характер наград или «поминков»; или же они, как в данном случае, входили в число церемониальных атрибутов[17]. Свидетельства иностранцев позволяют судить, что к маю 1606 г. были приготовлены монеты в 1/2, 1, 2, 5, 10 и 20 угорских; возможно, были отчеканены и меньшие номиналы.

В коллекциях музеев сохранились два образца из серии этих золотых: ценой в 1 угорский (ОН ГИМ, 91533/Р-12, вес 3,94 г) и 10 угорских (ОН ГИМ, 91533/Р-11, вес 34,33 г и ОН ГЭ, А364, вес 34,00 г, см. фототабл. 15, *3, 4*). Монета в 1 угорский имеет изображение двуглавого орла на обеих сторонах и круговую легенду, переходящую с лицевой стороны на оборотную: «БЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ЦРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЗЬ — ДМИТРЕЙ ИВАНОВИЧЬ ВСЕЯ РОУСИИ». Монета в 10 угорских тоже имеет на лицевой и оборотной сторонах изображение двуглавого орла, но с единорогом на щите, расположенном на груди орла с лицевой стороны, и с ездецом на щите — на оборотной. Круговая легенда здесь более пространна: «БЖИЕЮ МЛТИЮ ЦРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЗЬ ДМИТРЕЙ ИВАНОВИЧЬ ВСЕЯ РУСИ ВЛАДИМЕРСКИЙ МОСКОВСКИЙ — НОВГОРОДСКИЙ ПСКОВСКИЙ ТВЕРСКОЙ ПОЛОЦКИЙ ЦРЬ КАЗАНСКИЙ ГДРЬ АСТРАХАНСКИЙ».

В отличие от коронационных оформление этих медалей было выдержано полностью в русских традициях, и чеканились они на Московском денежном дворе — традиционном месте чеканки золота после 1595—1596 гг. Если коронационные медали имели явно западную ориентацию, то знаки с изображением двуглавого орла и русской надписью были рассчитаны целиком на русских подданных и имели цель нейтрализовать то неблагоприятное впечатление, которое должна была произвести на русское население свадьба царя с католичкой. Этот факт, в частности, весьма способствовал падению авторитета самозванца в России. Современники говорили: «До конца хотя разорити нашу непорочную христианскую веру, прияв себе из Литовской земли невесту, лютерския веры девку, и введе ея в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и венча царским венцом, и повеле той своей скверной невесте прикладыватися и в царских дверях святым миром ея помазал»[18].

Не только угорские были предназначены для смягчения непримиримости ревнителей православия. В дневнике Марины отмечено, что короновалась она в русской одежде и лишь на четвертый день праздничных церемоний царь и царица появились перед народом одетыми по-польски, с коронами на голове. Еще до свадьбы самозванец весьма беспокоился о том, чтобы Марина хотя бы внешне соблюдала русские и православные обряды. В наказе невесте, доставленном в Самбор, требовалось, чтобы в субботу она ела мясо, а в среду постилась по русскому обычаю, чтобы убирала голову по-русски. Он хотел, чтобы будущий тесть его, Юрий Мнишек, выпросил разрешение у папского легата Марине, оставшейся втайне католичкой, ходить в православную церковь. Решительный отказ креститься в православную веру, исходивший и от самой Марины, и от ее родни и папского нунция, поставил самозванца в весьма затруднительное положение. Он вынужден был объединить чин коронования с чином венчания, нарушив тем самым ряд традиций православной церкви[19]. Ропот недовольства он надеялся заглушить пригоршнями золота. Соблюдение этого русского обычая, равно как и сугубо «русское» оформление монетовидных знаков, не оказали желаемого действия и не предотвратили восстания 17 мая, последовавшего вскоре после свадьбы и коронования Марины.

Чеканка большого количества золотых монет на Московском денежном дворе дает некоторую возможность для уточнения датировки серебряных монет. Свадьба и коронация Марины состоялась в начале мая 1606 г. Для подготовки нескольких типов штемпелей и чеканки золотых требовалось время. Вряд ли мы допустим большую ошибку, если будем датировать время подготовки к свадебной церемонии на денежном дворе апрелем или даже мартом этого года. Из этого следует, что резчики Московского денежного двора, будучи заняты резанием штемпелей для чеканки золотых, не могли работать над новыми маточниками для серебряных копеек уже практически с ранней весны 1606 г.

Хронологическая систематизация серебряных копеек Дмитрия, казалось бы, не должна составлять особого затруднения, поскольку недолгое время его царствования оставило немногочисленные типы копеек. К тому же подавляющее большинство при чеканке представляли лицевые маточники предшествующего времени, включая и маточники его политического врага — Бориса Годунова. Денежки с именем Дмитрия неизвестны. Впервые обратившийся к систематизации монет Дмитрия И. Г. Спасский, исходя из факта преемственности и использования маточников прошлых царствований, к числу первых выпусков монет самозванца отнес те, которые непосредственно примыкали к царствованию Бориса Годунова.

Известны семь кладов времени Лжедмитрия, но в этих кладах встречены только единичные экземпляры массовых выпусков его монет. Однако и по этим скудным данным удается установить, что, например, в псковском чекане не встретился тот тип, который согласно систематизации И. Г. Спасского должен был открыть чекан самозванца (у И. Г. Спасского это тип д в табл. II), но, напротив, всегда присутствует копейка, которая согласно той же систематизации должна была выпускаться только в конце его правления (тип е в табл. II)[20]. Однако более всего вынуждает пересмотреть эту систематизацию обращение к монетам Новгородского денежного двора. Именно они в первую очередь свидетельствуют, что монетная политика самозванца была совсем не так проста, как это кажется на первый взгляд.

В Новгородском чекане известны два датированных лицевых маточника с датами НРГI (113 г.), Н/РДI (114 г.) и два оборотных, с именем Дмитрия Ивановича. Их сочетания образуют два типа новгородских копеек (у И. Г. Спас-

ского это типы ж и з на табл. III, в нашей табл. 4 — типы Н., *1—1* и *2—1*). Удивляет здесь одно обстоятельство. Почему приготовленный при Борисе Годунове лицевой новгородский маточник 113 г. (Н/РГІ, табл. 3, Н., *13*) не был использован в новом чекане Дмитрия, но был заменен новым, имеющим ту же дату? Привлекает внимание еще одна характерная деталь: новый лицевой новгородский маточник 113 г. (НРГІ) по стилю является прямой противоположностью новгородским копейкам московского типа, утвердившимся в чекане Бориса после 1603 г. На этом маточнике изображены скачущий во весь опор всадник, дата и знак двора, вытянутые в одну строчку, как на монетах 1596—1602 гг. Однако не вызывает сомнения и то, что резал этот маточник тот же мастер, который готовил в 1604—1605 гг. маточники московского типа. Для него характерны плавные линии, законченный рисунок, изображение плаща в виде изящной пальметки. Оборотный маточник новгородских копеек Дмитрия тоже близок по стилю оборотным сторонам поздних копеек Годунова.

Однако копейка следующего, 114 (1606) г. полностью возвращается к московскому типу. Опять здесь появляются торжественно выступающий конь, знак двора и дата, написанные в две строки и заполняющие пространство между передней и задней ногами коня. По приемам изображения и общему стилю рисунка эта копейка разительно напоминает копейки Годунова 112 и 113 гг. (с буквами Н/РВІ и Н/РГІ). Основная масса копеек 114 г. имеет оборотную сторону, общую с копейкой Дмитрия 113 г. Встречена пока единственная монета с другим вариантом оборотной стороны. Этот другой тип маточника, по всей видимости, выполнен рукой иностранца, пытавшегося воспроизвести тип русской надписи. Слово «Дмитрий» здесь передано набором знаков, механически воспроизводящих начертание русских букв, но иногда сбивающихся на латинский шрифт (например, буквы Р). Вес копейки — 0,67 г, она связана лицевым штемпелем с чеканом Дмитрия, следовательно, не имеется оснований считать ее фальшивой (табл. 4, Н., *2—2*).

Взгляд на новгородский чекан самозванца в целом дает возможность увидеть одну крайне выразительную деталь. Монеты 113 г. выполнены в явно архаичной манере. И отказ от использования вполне пригодного маточника 113 г. времени Бориса, и то обстоятельство, что новый маточник по рисунку тяготеет к стилю новгородских копеек 1596—1602 гг., — все это говорит о том, что Новгородский денежный двор в первый год царствования самозванца возвращается к практике денежного дела, характерной для 1596—1602 гг. Однако лицевой маточник следующего, 114 г. демонстрирует возвращение денежного дела на позиции 1603—1605 гг., которые характеризуются как утверждение московского стиля.

Не пытаясь пока давать какую-либо оценку этим наблюдениям, обратимся к монетам Псковского денежного двора.

Известно, что на Псковском дворе не было собственного резчика монетных маточников. Новый оборотный маточник с именем Дмитрия Ивановича, сделанный на этом дворе, по стилю отличается от всех известных нам псковских маточников, предшествующих времени Дмитрия. Некоторые особенности написания букв М, А, Ч, З, Ь, Д позволяют предположить, что готовил этот маточник мастер, привыкший к латинскому шрифту (табл. 4, П., *1*). Это предположение не кажется столь уже невероятным, если учесть, что две коронационные медали резались в Польше, где наряду с латинским шрифтом употреблялся и русский. Конечно, сравнение мелкого шрифта копеечного маточника с крупными, рельефными буквами на медалях дает не очень много материала для

каких-либо выводов, однако можно заметить черты некоторого сходства в начертании букв М и особенно Ч. Если вспомнить также загадочный оборотный маточник Новгородского двора (Н., *2*), можно предположить, что при самозванце на Новгородском и Псковском дворах использовался труд иностранного мастера, возможно, поляка.

Для лицевых сторон псковских монет были привлечены два старых маточника. В ход пошел самый популярный при Федоре Ивановиче лицевой маточник с изображением скачущего коня и с остатками букв ПС под ногами коня, а также маточник с буквами ПС, приготовленные в 1604 г. (П., *1—1, 2—1*). Сравнение обоих лицевых маточников показывает, что один из них — тип *1* — относится к архаичному типу псковских копеек. Второй тип псковской копейки самозванца — тип *2* — относится к монетам московского стиля. Сопоставляя подборку лицевых маточников, участвующих в псковском чекане, с чеканом новгородским, нельзя не обратить внимание на присущую им общую закономерность: в работе используются два типа маточников — архаичный и московский. По аналогии с новгородской чеканкой можно и здесь предположить следующую последовательность в подборе орудий чеканки: в 1605 г. используется архаичный тип, а в 1606 г. — московский. Следовательно, архаичной новгородской копейке с буквами Н/РГІ соответствует архаичная псковская копейка, а новгородской копейке московского типа Н/РДІ — псковская копейка московского типа.

Смысл и значение этих наблюдений становятся окончательно ясными при изучении монет Московского денежного двора. Московский денежный двор использовал при самозванце вдвое больше лицевых маточников, чем другие дворы, и один оборотный (М., *1—1, 2—1, 3—1, 4—1*). Оборотный маточник с именем Дмитрия Ивановича обнаруживает стилистическое сходство с поздними копейками Бориса Годунова 1604—1605 гг. Лицевые маточники представлены четырьмя разновидностями. В немногих экземплярах в коллекциях и кладах встречаются копейки со знаком Московского двора с/М, лицевой штемпель которых был изготовлен еще при Федоре Ивановиче после 1595—1596 гг. (М., *1—1*). Столь же немногочисленны копейки с буквами МО, восходящие по лицевому штемпелю к времени Федора (М., *2—1*). Чаще встречаются копейки с буквами МО и словом ГД—РЬ по сторонам всадника (штемпель тоже времени Федора — М., *3—1*). Основная же масса копеек самозванца, сохранившаяся не только от московского чекана, но и вообще от его правления, представлена копейками без знака двора (М., *4—1*).

Этот лицевой маточник по нашей систематизации отнесен ко времени Федора Ивановича. И. Г. Спасский датировал его приготовление последними месяцами правления самозванца[21]. Простой расчет времени показывает, что в последние месяцы правления самозванца Московский денежный двор, занятый работой над штемпелями для чеканки золотых монетовидных знаков и их чеканкой ввиду предстоящих торжеств, практически не мог готовить новый лицевой маточник (кстати, выполненный на очень высоком техническом и художественном уровне). Копейки Дмитрия, чеканенные с помощью маточника без букв (М., *4—1*), составляют около 90% всех его копеек московского чекана. Следовательно, маточник этот должен был находиться в работе бо́льшую часть времени из 11-месячного правления самозванца, но никак не в последние месяцы его правления, как полагает И. Г. Спасский. В силу этих соображений можно сказать, что маточник без букв был введен в эксплуатацию еще в первой половине царствования самозванца.

Сравнительно недавно, в кладе 1613 г., найденном в Солигаличе (СГ — № 840), была обнаружена любопытная московская монета самозванца. Лицевая сторона ее обычна — это тип копейки без знака, но оборотная сторона имеет имя и титул царя, написанные необычно крупными буквами. Видимо, это оформление оборотной стороны следует считать работой иностранного мастера, который не имел навыка в резании мелких букв на рабочей поверхности орудия чеканки. Возможно, им был приготовлен не маточник, а лишь чекан — не случайно пока встречена единственная монета с такой оборотной стороной.

Нет точных данных для того, чтобы определить хронологическую последовательность использования всех четырех московских маточников. Однако общее обозрение копеек московского чекана Дмитрия Ивановича обнаруживает, что и здесь соблюдается принцип подбора архаичных маточников, к 1603 г. вышедших из употребления (с буквами с/М и МО), и новых, ярко выраженного московского типа, утвердившегося в Москве в 1603—1605 гг. (со словом «Государь» и без букв). В Москве после 1603 г., как можно было убедиться, при Борисе Годунове использовались только два типа лицевых маточников — «портретный» и со словом «Государь». Разумеется, при самозванце возможность употребления «портретного» маточника Бориса исключалась, но маточник со словом «Государь», как и близкий ему по стилю маточник без знака, были использованы. По аналогии с Новгородским и Псковским денежными дворами можно заключить, что и здесь вначале использовались маточники архаичного типа, а затем — московского, нового.

Если принять предположение о такой последовательности подборки маточников на денежных дворах, то выясняется следующая закономерность. В самом начале царствования самозванца на всех денежных дворах одновременно наблюдается возвращение к архаичному типу монет. Но затем, видимо, с осени 1605 (7114) г. этот рецидив прошлого сменяется возвращением к стандартному московскому типу, начало распространения которому было положено при Борисе Годунове в 1603 г. Такая синхронность и однозначность действий всех трех денежных дворов государства не могут восприниматься как простое совпадение или, тем более, как случайное обстоятельство.

Эти явления в денежном деле при самозванце следует рассматривать в общем контексте его внутренней политики. Не касаясь всех ее аспектов, отметим одну из наиболее характерных особенностей этой политики — тенденцию к восстановлению порядков «отца» — царя Ивана Грозного, нарушенных узурпатором Борисом Годуновым. Лжедмитрий I как «законный сын» считал себя призванным восстановить попранную справедливость. В своей крестьянской политике Лжедмитрий восстановил статью 88 Судебника Ивана Грозного 1550 г. о крестьянском выходе; в сводном Судебнике, составление которого относится большинством исследователей к периоду после 1 февраля 1606 г., реставрируются догодуновские порядки, разрешавшие крестьянский выход. К государственному управлению были призваны люди, которые находились в оппозиции Борису и были при нем отстранены от активного участия в политической жизни. Об этом свидетельствует, в частности, «Поименная роспись духовным и светским чинам», составленная в царствование самозванца, где в перечне государственных деятелей называются имена Мстиславских, Воротынских, Куракиных, Шуйских, Голицыных, Романовых, Морозовых, Нагих, Богдана Бельского[22]. В состав Думы при самозванце вошли также «худородные» люди, уже за одно только это возвышение обязанные новому царю.

Некоторые из этих деятелей приняли самое непосредственное участие в управлении финансами страны. Так, бывший дьяк Посольского приказа Афанасий Власьев[23] стал в 1605 г. окольничим и «подскарбием надворным», а также «секретарем великим». Дьяк Богдан Сутупов получил должность печатника и кравчего великого. Поскольку Посольский приказ по характеру своей деятельности был связан с ведомством казначеев, новая должность «подскарбия» А. Власьева имела непосредственное отношение к его прежней службе. В «товарищи» к нему попал Богдан Сутупов, получивший чин печатника, так как печатники, стоявшие во главе государственного архива, одновременно были «товарищами» казначеев[24]. Следует также напомнить, что высший думный чин «конюшего великого» получил политический враг Бориса Годунова Михаил Нагой.

Прямых указаний источников о вмешательстве упомянутых лиц в денежное производство не имеется, так же как неизвестны лица, руководившие в это время Денежным приказом. Однако характер монетной продукции показывает, что денежным делом с начала царствования самозванца управляли люди, которые были вполне подготовлены к выполнению требований, направленных на реставрацию догодуновских порядков.

Нумизматический материал свидетельствует, что архаичный стиль в денежной чеканке восторжествовал ненадолго и уже с осени 1605 г. в дело пошли маточники московского стиля. Нельзя ли связать этот вопрос с проявлением вначале скрытой, а затем и прямой оппозиции самозванцу в среде боярской и приказной верхушки? Возврат к московскому стилю в чеканке можно было бы отнести к явлениям того же порядка, что и тайное письмо вчерашних покровителей самозванца — Шуйских и Голицыных к королю Сигизмунду III, в котором они жаловались на легкомыслие и недостойное поведение Дмитрия Ивановича и просили возвести на русский престол сына польского короля[25].

С этим поворотом внутренней политики русского правящего класса против самозванца можно, по всей видимости, связывать и изменение политики в денежном деле на рубеже 1605—1606 гг. Оно нашло выражение в возврате к системе мероприятий по унификации монетного типа, прерванной июньскими и июльскими событиями 1605 г. Политика самозванца в денежном деле отличается теми же чертами противоречивости, что и его политика по крестьянскому вопросу. С одной стороны, правительство Дмитрия Ивановича готовило сводный Судебник 1606 г., где содержались некоторые уступки крестьянству; с другой стороны, в интересах дворянства были изданы указы от 6 января и от 1 февраля 1606 г. об удлинении срока урочных лет. В. И. Корецкий объясняет эту противоречивость тем, что самозванец был вынужден лавировать: вначале он пытался удовлетворить дворянские требования, но видя, что в стране, особенно на юге, весной 1606 г., зреет новый взрыв крестьянской войны, он пошел на значительные уступки народным массам[26]. Эти метания самозванца между социальными полюсами русского общества, от позиции которых прямо зависела его собственная судьба, находят аналогию в его подходе к денежному делу: вначале самозванец решительно отказывается от системы мероприятий Бориса Годунова, но затем столь же решительно их возобновляет.

Разумеется, дело было не только и не столько в личности самозванца и отношении к нему правящей верхушки. Вся совокупность действий Денежного приказа, начало которым было положено в 1603—1604 гг., была органически

необходима для русского денежного хозяйства. Централизация страны и аппарата управления логически требовала полной унификации монетного типа и централизованного управления денежным производством.

«Природный наследник» российских царей

Монеты Василия Ивановича Шуйского (1606—1610 гг.) стали предметом полемики еще в дореволюционной историографии. С. Б. Веселовский и С. И. Чижов, основываясь на данных письменных источников и на понижении среднего веса копеек Василия Шуйского, полагали, что переход к четырехрублевой стопе произошел в его царствование[27]. На иной позиции стоял И. И. Кауфман, который считал, что событие это произошло при Михаиле Федоровиче, но не предавалось огласке до 1620 г.[28]

Спор оставался нерешенным, пока уже в наше время к нему не обратился И. Г. Спасский. Он указал на методическую ошибку спорящих сторон: их подход к монетам без учета конкретных показателей эволюции веса каждого типа, манипуляцию средним, обезличенным весом всех копеек Шуйского. Основываясь на данных кладов, которые он сопоставил со сведениями письменных источников и монетами Шуйского, систематизированными по соотношению штемпелей, И. Г. Спасский пришел к выводу, что монетная стопа, введенная реформой Елены Глинской, при Шуйском оставалась неизменной, а некоторое снижение веса дает основание говорить лишь о небольших упущениях в работе денежного двора, вполне понятных в такое тяжелое время. «Можно удивляться, — заключает исследователь, — что в отчаянных обстоятельствах, в каких находилось Московское государство перед падением Шуйского, правительство не посягнуло на «доброту» денег и продолжало соблюдать старую стопу...»[29].

И. Г. Спасским была предложена систематизация монет Шуйского, которая в общих чертах выдерживает проверку ее новыми материалами кладов. Это тем более замечательно, что И. Г. Спасский располагал крайне скудной источниковой базой. В обзоре кладов времени Шуйского, насчитывающем всего восемь кладов, только два — смоленский и старицкий, хранящиеся в ОН ГЭ, — были визуально изучены автором, поскольку об остальных имелись в литературе лишь самые общие сведения[30]. Но и эти два клада содержали малое количество монет Шуйского: в смоленском кладе 1607 г. их было 27, а в старицком 1608 г. — 49 экз. Точность и объективность методики работы с монетами, в свое время обоснованной И. Г. Спасским, предопределили возможность их систематизации даже при таких скудных данных.

В настоящее время визуально изучен 51 клад, сложившийся между 1606 и 1613 гг. Общее же число известных кладов этого периода достигает более полутора сотен. Известные нам клады рисуют чрезвычайно своеобразную картину состояния денежного обращения страны. Локальные особенности его обозначились по данным кладов со всей четкостью: оно перестало быть единым. За этим стояли экономическая разруха, ослабление внутриторговых связей и раскол страны на изолированные военные лагеря. Указанные особенности кладов, дающие выразительную характеристику экономического состояния России на рубеже первого и второго десятилетий XVII в., в то же время значительно затрудня-

ют использование их данных для систематизации. Монеты распределены в кладах очень неравномерно, так как нарушение правильного товарооборота и регулярных сношений денежных дворов со столицей затрудняло равномерное распределение монет по территории Русского государства; в ряд областей, отрезанных от денежных дворов, они не доходили вообще.

В силу неполного насыщения монетами Шуйского кладов различных ареалов по кладовым находкам не удается проследить последовательность появления типов монет, как это можно было сделать по более ранним комплексам. Приходится искáть другие пути создания систематизационной схемы. Очень много в этом отношении дала сама схема соотношения штемпелей, закономерности построения которой определили в ряде случаев хронологическую последовательность появления типов. Построение схемы соотношения штемпелей копеек Шуйского позволило выделить из их числа группы монет, обладающих всеми видимыми признаками чекана Василия Ивановича Шуйского, но не имеющих непосредственных связей с продукцией денежных дворов. Клады позволили определить предполагаемое место чеканки этих таинственных монет. Количественное увеличение данных и более дифференцированный подход к весовым показателям каждого монетного типа дали возможность уловить некоторые любопытные нюансы в эволюции веса монет Шуйского. Эти наблюдения показали, что спор о весе копеек царя Василия Шуйского не был окончательно решен в 50-х годах нашего века. Следует признать, что из всех монет периода существования трехрублевой стопы (1533—1612 гг.) чекан Шуйского является наиболее запутанным и сложным для изучения.

Разработанная ныне систематизация монет Шуйского нашла графическое выражение в табл. 4 соотношения штемпелей, а также в фототабл. 17—19. Весовые показатели представлены на диагр. 9—17.

Чеканка Шуйского делится на два этапа: 1) монеты 1606—1607 гг., когда внутриполитическая обстановка не нашла еще заметного отражения в состоянии денежного хозяйства; 2) монеты 1608—1610 гг., когда положение самой страны и денежного дела становятся критическими.

Этап 1606—1607 гг. Дмитрий Самозванец был убит 17 мая 1606 г., а 1 июня того же года состоялась коронация Василия Ивановича Шуйского, выдвинутого и поддержанного членами боярско-княжеской партии, объединявшей наиболее аристократическую часть феодальной верхушки русского общества. Новый царь воспринимался современниками и считал себя сам в создавшихся обстоятельствах «природным наследником прародителей наших великих государей российских царей». «Запись» царя, по которой он целовал крест, содержала довольно обширную программу нового правительства, общий смысл которой сводился к тому, что он будет править так, как правили его прародители, чтобы «православное христианство было нашим доброопасным правительством в тишине, и в покое, и в благоденстве»[31]. По областям и городам была разослана грамота от имени бояр, окольничих и всяких людей московских, извещающая, что Лжедмитрий есть «прямой вор Гришка Отрепьев... а тот вор называется царевичем ложно», и что он «скончал живот свой злою смертию». Сходного содержания грамоты были разосланы и от самого Василия Шуйского, и от имени царицы Марфы, мнимой матери Лжедмитрия[32]. Все эти декларации обещали восстановление законной династии и старого порядка «великих государей», нарушенных правлением Бориса Годунова и кратковременным успехом самозванца. Новый царь в Успенском соборе публично отрекся от «грубости», бывшей при Борисе, и торжественно обещал реставрацию доопричного правительственного режима[33].

Для денежного хозяйства эти заявления имели следствием сохранение уже устоявшейся практики чеканки монет, оформления изображений и надписей на маточниках. Фактически же это означало продолжение годуновской политики в денежном деле, хотя при Шуйском официально исключалось даже воспоминание о «рабоцаре» Борисе Годунове. Тот факт, что новое правительство в денежном деле последовательно продолжало проведение серии мероприятий, направленных на дальнейшую централизацию и станадартизацию денежного производства, начатую при Годунове, политическом враге царя, лишний раз свидетельствует о жизненной необходимости такой политики для государства в этот период.

Царствования самозванца и Василия Шуйского разделяет двухнедельный срок. За это время денежные дворы должны были приготовить новые оборотные маточники с именем Василия, для чего этот срок был явно недостаточным. Для резания нового маточника требовалось не меньше месяца. Возможно, чеканка монет на денежных дворах была временно приостановлена на две-три недели, а может быть и дольше. И. Г. Спасский полагал, что в этот момент могли чеканиться копейки лицевыми штемпелями без букв (маточник этот автор относил ко времени самозванца) в сочетании с оборотными штемпелями Федора Ивановича[34]. Это представляется маловероятным, так как кажется неоправданным возврат к имени Федора в этот конкретный отрезок времени. К тому же копейки с именем Федора, как с отчеством, так и без отчества, чеканенные лицевым штемпелем без букв, слишком часто встречаются в кладах и коллекциях, чтобы можно было отнести их к кратковременному периоду чеканки, заключенному между убийством самозванца и коронацией Василия Шуйского.

От царствования самозванца на денежных дворах оставались оборотные маточники с его именем и вырезанные при нем лицевые маточники Новгородского двора. После срочного изготовления оборотных маточников с именем Василия чеканка копеек возобновилась. Были использованы лицевые маточники прежних царствований, и выбор их выразительно характеризует направление политики Денежного приказа в денежном деле. По данным 26 визуально изученных кладов 1606—1607 гг. выясняется, что чеканку в Москве открыл тип, представляющий сочетание лицевого маточника времени Федора без букв и нового оборотного маточника с именем и титулом Василия, выполненный в той же изящной московской манере, что и оборотный маточник монет самозванца и поздних монет Бориса Годунова (табл. 4, М., *1—1*). Этот первый выпуск был самым обильным. В ОН ГИМ насчитывается 260 экз. монет этого типа, в кладах также преимущественно встречается этот самый ранний тип копеек Шуйского.

В псковском чекане был использован лицевой маточник 1604 г. московского типа, «работавший» во второй половине царствования самозванца, в сочетании с оборотным маточником с именем Василия, по стилю очень близким московскому, и, видимо, выполненный той же рукой (П., *1—1*). Эти копейки тоже сравнительно многочисленны.

В Новгороде чеканка началась с использования датированного маточника 114 г. (Н/РДI), резанного при самозванце, и оборотного с именем и титулом Василия Ивановича, имеющего тоже характерный московский стиль надписи, но с типичными новгородскими особенностями — наличием лигатур во второй и третьей строках легенды (Н., *1—1*).

Как можно убедиться, на всех трех денежных дворах чеканка Василия Ивановича начиналась выпуском монет московского типа.

Систематизация монет следующего года основывается на данных кладов. Они показывают, что в 1607 г. на всех денежных дворах появились новые типы

копеек. В Москве были сделаны три новых оборотных маточника, один из которых (М., *2*) по стилю примыкает к маточнику 1606 г. (М., *1*), а два других (*3* и *4*) составляют новую группу, отличительными чертами которой являются написание буквы А в форме Я и удлиненные буквы. Лицевой маточник без букв (М., *1*), которым пользовались в предыдущем году, продолжал «работать» и в этом году.

Для Псковского денежного двора в 1607 г. был приготовлен новый оборотный маточник (П., *2*). По стилю он резко отличался от всех предшествующих. Необычайно крупные и широкие буквы лишь частично смогли разместиться в маленькой окружности монетного поля. Штемпелями, переведенными с этого маточника, чеканились копейки в сочетании с прошлогодними лицевыми штемпелями (П., *1—2*). Копейки этого типа также многочисленны.

Новгородский денежный двор встретил 1607-й год новой парой маточников, из которых лицевой представлял собой маточник 114 г., передатированный на 115 г. (дата РДІ была перегравирована на РЕІ), а оборотный был сделан заново (Н., *2—2*). По стилю новая пара была московского типа. Обе пары маточников 1606—1607 гг. активно взаимодействовали; они образовали в общей сложности четыре типа монет (Н., *1—1, 2—2, 1—2, 2—1*).

Обобщая наблюдения над чеканом Василия Шуйского в 1606 и 1607 гг., следует отметить, что это были годы, сравнительно благополучные для денежного дела. Объем чеканки на всех трех денежных дворах выдерживался в обычных пределах; количество взаимодействующих и вновь приготовленных маточников тоже вполне укладывалось в те нормы, которые установились при Борисе Годунове, в пору расцвета русского денежного производства. Сохранение в оформлении монет московского стиля также свидетельствует о том, что правительство Шуйского продолжило в денежном деле политику Бориса Годунова.

Тем не менее некоторые изменения в денежном деле произошли и на этом, наиболее благополучном этапе чеканки Шуйского. Они касались весовой нормы монет. Пики кривых диаграмм веса копеек трехрублевой стопы обычно указывают веса от 0,65 до 0,67 г (при весовой норме 0,68 г). Три типа московских копеек Василия (М., *1—1, 1— 2, 1—3*) в целом не выпадают из этой картины (диагр. 10 и 11). Однако еле заметная тенденция в сторону снижения веса все же намечается — обе диаграммы как бы сдвигаются чуть влево. Вполне определенно показывает снижение веса копейки диаграмма многочисленного типа копейки, появившегося во второй половине 115 (1607) г. (М., *1—4*, диагр. 12). Преобладающий вес копеек данного типа колеблется между показателями 0,60—0,62 г. Видимо, за этим стояло снижение весовой нормы до 0,64 г. Копейка трехрублевой стопы с весовой нормой, равной 4 почкам (0,68 г), стала легче на $^{1}/_{4}$ часть почки (0,0425 г), т. е. вес ее стал составлять $3^{3}/_{4}$ почки.

Снижение веса затронуло только московский чекан. Ни псковские (диагр. 14), ни новгородские (диагр. 15) монеты 1606—1607 гг. не обнаруживают никаких изменений и отклонений от нормы трехрублевой стопы.

Видимо, это первое незначительное снижение веса копейки совпало с началом чеканки монет типа М., *1—4* во второй половине 115 г. и лишь затем распространилось на прочие московские выпуски, чеканившиеся тогда же ранее приготовленными штемпелями (М., *1—1, 1—2, 1—3*). Этим можно объяснить некоторую, очень незначительную, деформацию весовых диаграмм ранних московских копеек Василия, отражающих веса копеек, выпущенных на протяжении 114—115 гг.

Первые трудности

Уже в начале царствования Василия Шуйского правительство начало испытывать серьезные затруднения в связи с разразившейся крестьянской войной под руководством Болотникова, подавленной правительственными войсками в декабре 1606 г. Войска восставших осаждали столицу на протяжении пяти недель с октября по декабрь 1606 г. Главные очаги восстания охватывали территории, расположенные к югу и к юго-западу от Москвы. Пути внешней торговли оставались свободными, что было весьма важно для того, чтобы приток серебра в страну не прекращался. Не были затронуты крестьянской войной и основные производительные и торговые области государства. Поэтому события 1606 г. еще не сказывались заметно на состоянии экономики страны, и серебро продолжало исправно поступать на денежные дворы как в виде казенных частных заказов, так и в виде таможенных пошлин, взимаемых талерной монетой. Именно этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что денежное производство в 1606 — первой половине 1607 г. обнаруживает стабильность. Но уже с осени 1607 г. у московского правительства появляется новый враг — Лжедмитрий II, который при прямой военной поддержке поляков соединился с остатками отрядов Болотникова и казачьими отрядами Заруцкого и направился к Москве. Это было началом открытой польско-литовской интервенции. В конце июля 1608 г., после неудачного для правительственных войск сражения, под Москвой, в селе Тушино расположилась резиденция нового самозванца.

Страна очутилась под властью двух правительств: Василия Ивановича Шуйского в Москве и «Дмитрия Ивановича» — Тушинского вора в Тушине. Под властью тушинцев оказались не только южные области государства, но и основная часть замосковных и поморских городов. Польские отряды под руководством Сапеги и Лисовского заняли все Замосковье; с сентября 1609 г. началась осада Троице-Сергиева монастыря. Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Тотьма, Галич с уездами целовали крест Тушинскому вору. Дорога на север к Архангельску и Белому морю оказалась в руках тушинцев и поляков. Весь иностранный привоз летней навигации 1608 г., который был, по обычаю, направлен к Москве, был блокирован тушинцами, и все иностранные купцы со своим товарами провели зиму 1608—1609 гг. в Вологде[35].

В тяжелом положении оказались северо-западные области страны. 2 сентября 1608 г. Псков «отложился» от Москвы и присягнул самозванцу. Псковское восстание повлекло за собой переход на сторону Лжедмитрия II ряда городов на северо-западе: Яма, Копорья, Ивангорода, Корелы, Орешка, Ладоги. К Новгороду, где также обнаружилось социальное брожение, направился из Тушина отряд под руководством Кернозицкого.

В Поволжье не утихли еще отголоски движения Болотникова, на первом этапе которого к нему примкнули местные служилые люди[36], на реках Суре и Вятке поднялись мордва и черемисы[37].

Второй этап денежного обращения при Шуйском начался в 1608 г., когда хозяйство страны стало испытывать самые серьезные затруднения. Связь между Москвой и опорными пунктами западноевропейской торговли, откуда поступало серебро, нарушилась, и денежные дворы ощущали острый недостаток сырья. Между тем деньги были необходимы, прежде всего для уплаты жалованья войску и «немцом» — шведским наемникам, которые по договору между Шуйским и королем Швеции Карлом IX в феврале 1609 г. пришли в Новгород на помощь

московскому правительству. Поиски средств для государевой казны становятся едва ли не главной заботой правительства Шуйского начиная с 1608 г.

Литературные памятники времени смуты помещают традиционный рассказ о расхищении сокровищницы московских государей при Василии Шуйском. У Ивана Тимофеева этот рассказ превращается в гневную филиппику против недостойного царя: «Он, растленный умом, царь по собственному умыслу, до верха наполненные сокровищницы прежних царей так опустошил, что при его скотской жизни их ему уже было недостаточно, и он, нечистивец, не постыдился перелить в деньги (в оригинале — «в сребреницах разлияти не устыдеся». — *А. М.*) на потребности своего распутства (отобранные) в соборах и святых монастырях по всем городам своего царства священные сосуды, которые даны были прежними царями и их родными на вечное поминовение в память их душ, допустив обман, что будто бы (это) он сделал ради выдачи воинам годового их жалованья, так как все действительное их жалованье, назначенное для этого прежними царями, все деньги он ранее прожил с блудницами»[38].

Разумеется, не только и не столько собственное корыстолюбие и «скотская жизнь» царя вынуждали его обращаться в сокровищницу за средствами. За этим стояла острая нужда в деньгах казны, лишенной в этот период большинства доходных статей. Переплавка «священных сосудов» и чеканка из них денег («в сребреницах разлияти») — не литературный прием красноречивого автора, а историческая реальность, ибо острее всего ощущалась нехватка серебра для чеканки монет, которыми нужно было платить жалованье ратникам — как своим, так и наемным. В челобитных 1613 г., поданных в первые месяцы царствования Михаила Романова, постоянно упоминается, что челобитчики перестали получать жалованье с 1606—1607 гг., а иногда и с более раннего срока[39].

Как показывает изучение кладов и монет, деятельность денежных дворов продолжалась, но количество выпускаемых монет было меньше, чем в предыдущие годы. Если от первой половины царствования Шуйского до нас дошли 26 кладов, то 1608—1610 гг. дали всего 10 кладов, причем три из них относились к новгородскому ареалу, снабжавшемуся Новгородским денежным двором, который в эти годы находился в сравнительно благоприятном положении. В 1608—1610 гг. создается множество локальных сфер обращения с характерными особенностями в каждой из них. Так, в кладах московского ареала и Заоцких и Украинных земель новгородские и псковские монеты Василия Шуйского 1609—1610 гг. не встречаются вообще. Такая же картина наблюдается в кладах, сложившихся к северу и северо-востоку от Москвы. В кладах псковского и новгородского ареалов преобладают копейки местного чекана последних лет царствования Шуйского при резком сокращении числа московских копеек. Лишь в кладах Смоленщины сохраняется относительно равномерное представительство всех трех денежных дворов. В коллекции ОН ГИМ монеты Шуйского 1606—1607 гг. насчитывают в общей сложности более тысячи экземпляров, а монеты 1608—1610 гг. — немногим более полутора сотен.

Естественно, что в создавшихся условиях, когда непосредственные связи с Москвой были затруднены, Денежный приказ не имел возможности регулировать деятельность Псковского и Новгородского денежных дворов.

В этих условиях Псковский двор был вынужден самостоятельно резать маточники. Видимо, на рубеже 1607—1608 гг. такая попытка была сделана.

Мастер, резавший лицевой маточник, явно не имел профессиональных навыков в изготовлении денежных «снастей». Он попытался воспроизвести популярный московский лицевой маточник, но сделал это крайне неумело. И. Г. Спасский, описывая этот маточник, заметил, что конь здесь изображен в непривычном ракурсе — прямая передняя нога у него левая, а поднятая — правая[40].

Этот маточник взаимодействовал с оборотным маточником 1606 г. (табл. 4, П., *2—1*). Копейки этого типа встречаются очень редко, что говорит о непродолжительности их чеканки. После псковского восстания 2 сентября 1608 г. чеканить здесь копейки с именем Василия Ивановича не могли — Псков целовал крест «Дмитрию Ивановичу» — Тушинскому вору. И. Г. Спасский полагает, что в Пскове еще некоторое время после 2 сентября 1608 г. могли чеканить монеты старыми лицевыми штемпелями Федора Ивановича и оборотными Дмитрия Ивановича[41] (при Лжедмитрии I — это тип *1—1*). Мысль И. Г. Спасского находит подтверждение в том, что в кладах 1606—1607 гг. оба типа псковских копеек Лжедмитрия I (П., *1—1, 2—1*) представлены примерно равным количеством экземпляров, но в более поздних кладах эта пропорция нарушается: в них преобладают копейки типа *1—1*.

Наглядно демонстрирует это огромный клад, насчитывающий 6782 экз., найденный в Пскове и хранящийся в Псковском музее. Весь комплекс датируется временем после сентября 1608 г. Связывать его захоронение, видимо, следует с приездом из Тушина в Псков сборщиков, которые собрали «казны много гостиной». Тушинское правительство не преминуло воспользоваться теми возможностями, которые раскрылись при переходе на его сторону богатого торгового города. В псковском кладе на 1436 копеек Василия Шуйского, чеканенных в Пскове, приходится только 78 копеек московского чекана и 6 — новгородского. Такая диспропорция могла быть связана с тем, что приток копеек с других денежных дворов был значительно затруднен, а это могло иметь место именно после сентября 1608 г., когда Псков «отложился» от Москвы. Наиболее интересен в этом кладе состав монет Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I). На 57 экз. псковских копеек типа *2—1* приходится 193 экз. псковских копеек типа *1—1*. Это соотношение подтверждает версию И. Г. Спасского о чеканке в Пскове после сентября 1608 г. копеек подлинными штемпелями Дмитрия Ивановича и дает возможность более точно датировать клад. Видимо, клад был зарыт несколько позже сентябрьских событий 1608 г., когда в денежном обращении оказалась довольно значительная масса копеек, чеканенных «на имя» Лжедмитрия II — Тушинского вора. Скорее всего клад был зарыт в начале 1609 г. и оказался «невостребованным» из-за огромного псковского пожара 15 мая 1609 г., когда выгорел почти весь город.

Известен еще один псковский клад, найденный летом 1983 г. во время археологических раскопок. В нем наблюдаются иные соотношения типов монет с именем Дмитрия Ивановича: насчитывается 25 экз. копеек типа *1—1* и 34 экз. копеек типа *2—1*. Этот клад, видимо, был зарыт раньше описанного выше клада, вскоре после 2 сентября 1608 г., когда копейки типа *1—1*, выпущенные «на имя» нового «Дмитрия Ивановича», еще не оставили столь заметного следа в местном денежном обращении.

В собрании ОН ГИМ наблюдается та же пропорция количества типов копеек Псковского двора времени Дмитрия Ивановича, что и в первом

из упомянутых псковских кладов. Копейки типа *1—1* здесь представлены 594 экз., типа 2—1 — 210 экз. Таким образом, данные коллекции ОН ГИМ подтверждают версию И. Г. Спасского.

Изучение весов псковских копеек Дмитрия позволяет предположить, что на Псковском денежном дворе не только чеканили копейки для Тушинского вора, но и сделали попытку изменить весовую норму. Диаграмма веса копеек типа *1—1* (диагр. 7) показывает, что основной массив монет имеет веса от 0,69 до 0,71 г, а часть копеек оказалась выдержанной в нормах веса обычной копейки трехрублевой стопы (от 0,64 до 0,66 г). Из этих наблюдений следует, что копейки типа *1—1* чеканились по двум весовым нормам: одна была обычной нормой четырехпочечной копейки — 0,68 г, другая — повышенной, видимо, составляющей 0,72 г, равной весу $4^1/_4$ почки (0,68 + 0,04). Диаграмма веса копеек типа *2—1* показывает четкую весовую норму четырехпочечной копейки трехрублевой стопы (диагр. 8). Из этих наблюдений можно сделать однозначный вывод — Псковский денежный двор после перехода на сторону Тушина начал чеканить копейки по повышенной стопе. Вспомним, что в это же время в Москве началась чеканка по пониженной стопе (четырехпочечную копейку трехрублевой стопы сделали легче на четверть почки). Разумеется, переход на сторону Тушинского вора богатого торгового города, да еще с денежным двором, был огромной удачей для тушинского правительства, которое не замедлило этим воспользоваться.

Повышение весовой нормы копеек правительством Лжедмитрия II в противовес понижению ее в Москве Василием Шуйским было достаточно действенным аргументом в пользу Тушина. Надо полагать, что массовый выпуск монет с повышенной весовой нормой предназначался по преимуществу для выплаты жалованья казакам и польским наемникам, заинтересованным именно в такой форме вознаграждения за свое участие в движении Лжедмитрия II. Эта акция тушинского правительства перекликается с демагогическими действиями Лжедмитрия II по крестьянскому вопросу, которыми он пытается привлечь на свою сторону крестьян и холопов, обещая им вернуть право выхода, верстая некоторых из них в служилые люди и отдавая им поместья бежавших к Шуйскому дворян. В то же время Лжедмитрий II широко раздавал своим приверженцам из класса феодалов поместья и вотчины «со крестьяны», которым предписывал слушаться своих господ[42].

Не следует сбрасывать со счета и чисто местные, псковские обстоятельства. Организуя чеканку монет с повышенной весовой нормой, Тушинский вор, видимо, хотел привлечь симпатии псковичей, взбудораженных сомнительными действиями администрации московского правительства в денежном деле. Эти действия имели место накануне восстания псковичей 2 сентября 1608 г., и не исключено, что само восстание частично было ими спровоцировано. Одной из возможных причин восстания могла быть попытка возродить в городе тайные откупа на чеканку монет. Об этом свидетельствуют косвенные указания письменных источников, а нумизматические находки последних лет позволяют расшифровать эти намеки совершенно однозначно.

В уже упоминавшемся втором псковском кладе обнаружены две одинаковые копейки, довольно точно копирующие оформление популярной псковской копейки Бориса Годунова с буквами ПСРЗ (табл. 4, П., *3—3*). Отнести их к чекану Годунова никак нельзя, так как они не встречены ни в одном из кладов его времени. Присутствие их в кладе, зарытом сразу после 2 сентября 1608 г., когда изоляция Пскова от Москвы и Новгорода

стала свершившимся фактом, свидетельствует о том, что, во-первых, появились они не позже этого срока и, во-вторых, местом чеканки их следует считать Псков.

Эти копейки не могут быть отнесены к обычным «воровским» копейкам. В собрании ОН ГИМ хранятся еще 32 экз. копеек точно такого же типа (к сожалению, их происхождение осталось неизвестным). Большое количество дошедших до нас монет этого типа говорит о более или менее массовом их выпуске, что совершенно исключается для ремесленных «воровских» изделий. Изучение веса этих подражательных монет показывает, что чеканились они по совершенно определенной весовой норме, близкой к 0,60 г (диагр. 17). Это также служит аргументом против отнесения их к категории фальшивок с их произвольным весом. И наконец, идеальная сохранность этих монет, за которой стоит высокое качество орудий чеканки, профессиональный уровень рисунка и надписи приводят к мысли, что если это и фальшивые монеты, то, несомненно, какого-то особого, необычного типа. Чеканка таких монет была под силу только официальным властям, но никак не одиночке-ремесленнику, который «заворовал» и начал делать «воровские» копейки.

От кого же могла исходить инициатива выпуска этих необычных «воровских» монет в Пскове накануне 2 сентября 1608 г.? Ответ, видимо, следует искать в тех событиях, которые происходили в Пскове в 1606 и 1607 гг.

Псковские летописи сообщают, что в конце 1606 или начале 1607 г. в Псков обратилось правительство Шуйского с просьбой собрать деньги «з гостей славных мужей и великих, мнящихся перед богом и человека, богатьством кипящих, хто сколько порадеет царю Василию». Однако «славные мужи» обратили добровольный заем в принудительный, «по раскладу» обложив «болших и менших» и даже «вдовиц». Удалось собрать только 900 рублей. Эти деньги были высланы в Москву в сопровождении пяти человек «менших людей». Псковские делегаты собирались рассказать в Москве «о градском житии и строении и за бедных сирот», но их опередили богатые псковские гости: они написали «отписку» о том, что они, гости псковские, радеют царю Василию Шуйскому, но «мелкие люди казны ... не дали» и что «сии пять человек тебе государю добра не хотят». В Москве доносу едва не поверили и псковичей даже собрались повесить. Об этом стало известно в Пскове, «весь Псков» восстал против доносчиков и заставил воеводу посадить в тюрьму семь человек гостей. Все эти события вызвали обострение классовой борьбы в Пскове. Как пишет летописец, «развращение бысть велие во Пскове, болшие на менших, меншие на болших; и тако бысть к погибели всем». Псков волновался весь 1607 г., а между тем Тушинский вор старался привлечь псковичей на свою сторону, прислав в город «грамоту мудрым словом зело, не о крестном целовании»[43]. «Большие люди держались Шуйского ожидая от него управы на чернь, а чернь тянула в сторону ласкового Вора», — резюмирует С. Ф. Платонов[44].

Внимание псковских летописей было сосредоточено в основном на внутриполитических событиях в городе, но нетрудно заметить, что волнения горожан в основе своей имели экономическую подоплеку. Обнаруженные псковские «воровские» копейки, происхождение которых имеет явные черты массового организованного выпуска, не связанного однако с денежным двором, дают основание для догадки о том, что московское правительство не ограничилось попыткой организовать добровольный заем у псковских

богатых людей, но попыталось выпустить неполноценные копейки. Наиболее доступным способом для этого был бы денежный откуп, который мог получить кто-либо из псковских гостей или «славных мужей». Под этот откуп можно было выпустить облегченные деньги. Уж не потому ли московское правительство удовлетворилось 900 рублями, собранными в Пскове, что оно смогло получить гораздо большую сумму от богатых псковичей под денежный откуп? Хотя система денежных откупов отмерла еще при Василии III (1505—1533 гг.), чрезвычайные обстоятельства, в которых оказалось московское правительство, могли вновь возродить эту практику. Разумеется, это событие — как сам факт откупа, так и выпуск «легких» денег, — держалось в тайне.

Выпуская облегченные копейки, подражавшие монетам Годунова, инициаторы чеканки исходили и из факта популярности этой копейки, и из возможности сделать виновником «воровства» Бориса Годунова. Однако псковичи, видимо, все же разгадали, кто и когда выпустил неполноценные монеты. Может быть, семь псковских гостей, посаженных по требованию «всего Пскова» в тюрьму, были также и откупщиками? Не раз случалось, что ухудшение монеты служило поводом для народных волнений. Может быть, «воровские» копейки ПСРЗ (табл. 4, П., *3—3*), выпущенные с ведома и по инициативе московского правительства, тоже сыграли свою роль в развитии классовой борьбы в Пскове?

Присяга Пскова 2 сентября 1608 г. «царю Дмитрию Ивановичу» означала смену администрации в городе и изменение политики. Псков теперь «послушно служил новому царю», — пишет С. Ф. Платонов. Из Тушина прибыл некий «Бегичев и поимал казны много гостиной». Затем население города было обложено налогами («была поголовщина», — отмечает летопись[45]). Для тушинского правительства Псковский денежный двор должен был стать правительственным, центральным двором. И. Г. Спасский высказал предположение, что в Тушине, где был создан свой правительственный аппарат, мог быть организован и собственный денежный двор. Доказательством возможности этого он считал одну копейку с именем Дмитрия Ивановича, изолированную по штемпелям от всех других известных его копеек. На монете, сведения о которой опубликованы И. Г. Спасским[46], знак денежного двора не сохранился. В собрании ОН ГИМ нашлась такая же копейка, но лучшей сохранности; она имела знак ПС и несуразный вес 0,74 г. По всей видимости, эта была обычная «воровская» копейка, выпущенная в подражание псковским копейкам Дмитрия Ивановича (фототабл. 43, *р, у, ф*). Вес и непрофессиональное качество рисунка и чеканки изобличают ее «воровское» происхождение. Этим подтверждается мысль о том, что тушинцам незачем было создавать денежный двор в Тушине, если в их распоряжение попало налаженное денежное производство в Пскове.

Уже говорилось, что тушинская чеканка в Пскове ознаменовалась выпуском копеек по повышенной весовой норме, чеканенных сохранившимися штемпелями Лжедмитрия I. Здесь, как и в других случаях, в денежном производстве нашли выражение политические мотивы. Выпуск монет по повышенной стопе должен рассматриваться как своеобразная реакция на попытку правительства Василия Шуйского занизить весовую норму. Видимо, не случайно был выбран тип штемпелей для чеканки копеек «Дмитрия Ивановича»: это был архаичный лицевой маточник с изображением скачущего всадника, изготовленный еще при Федоре Ивановиче и порядком обветшавший к 1608 г. На денежном дворе хранился другой маточник московского типа, гораздо

лучшей сохранности, приготовленный в 1604 г., однако его не сочли нужным использовать после 2 сентября 1608 г. Тушинское правительство выбором архаичного маточника, так же как и изменением весовой нормы, открещивалось от политики в денежном деле, осуществлявшейся в это время московским правительством.

Чеканка копеек с именем Дмитрия Ивановича в Пскове могла продолжаться до тех пор, пока денежный двор снабжался серебром. Осенью 1608 г. тушинское правительство еще имело достаточно средств для организации собственной чеканки. Тушинскому вору целовали крест все города, лежащие на большой дороге от Москвы к Белому морю. Эти богатые города облагались большими поборами деньгами и натурой. В самом Пскове продолжалась торговая деятельность, чему немало способствовало то обстоятельство, что ближайшие порубежные города — Ивангород, Ям, Копорье, а также псковские пригороды целовали крест Тушинскому вору. Но уже с конца 1608 г. города, целовавшие ему крест, начали восставать и перестали подчиняться тушинской администрации. В Пскове все более обострялась внутренняя борьба между «болшими» и «меншими» людьми. До августа 1609 г. верх в городе был у «менших» людей, затем их потеснили «болшие», но весной 1610 г. новая вспышка классовой борьбы вынудила их бежать из Пскова[47]. Гости и торговые люди были разорены, торговать стало нечем. Тушинское правительство лишалось источников пополнения казны и все более становилось на путь прямого грабежа. В этих условиях Псковский денежный двор, не получавший регулярных заказов, неминуемо должен был свернуть производство. Видимо, так и случилось. Больше мы не находим никаких монет, которые можно было бы отнести к псковскому чекану, вплоть до конца 1610 — начала 1611 г.

Если Псков в 1608—1610 гг. был в изоляции от остальных городов государства, то Новгород, напротив, в эти годы оказался в центре борьбы с польско-литовскими захватчиками. В середине 1608 г. в Новгород был послан князь М. В. Скопин-Шуйский, который был должен «строить рать» для борьбы с тушинцами. Он вел переговоры со шведами о помощи наемными войсками и собирал средства и военные силы с городов северного Замосковья, Заволжья и Поморья. Скопин-Шуйский пытался приобщить к общерусскому освободительному движению Псков, но в его действиях псковичи усматривали посягательство на свою независимость и на протяжении 1609—1610 гг. неизменно давали отпор объединенным шведско-новгородским силам. Польско-тушинский отряд Кернозицкого, осаждавший Новгород, вынужден был снять осаду в начале 1609 г., и организаторская деятельность Скопина-Шуйского далее могла развиваться беспрепятственно. Новгород Великий в зиму 1608—1609 гг. стал организационным центром национально-освободительной борьбы.

Материальной базой, главным источником средств для казны в этот период стала Вологда. Потеря опорных торговых пунктов на Балтике поставила северный торговый путь на Белое море через Вологду и Архангельск в исключительное положение. Вологда была не только узловым пунктом северных торговых путей, но и богатейшим торговым складом в зиму 1608—1609 гг. Из-за военных действий здесь задержались со своим товаром и казной иностранные купцы и русские торговые люди, которые выехали из Москвы на север.

Скопин-Шуйский обращался с грамотами через Вологду и Каргополь в другие местности от Перми до Соловецкой обители. Василий Шуйский

также рассылал грамоты по городам, объясняя полномочия Скопина-Шуйского и призывая помогать ему казной и людьми. В царской грамоте от 29 ноября 1609 г. в Соловецкий монастырь сообщается, что Скопин-Шуйский переправил из Новгорода в Москву полученные из монастыря 3550 рублей, 150 ефимков и серебряную ложку «на корм ратным немецким людем», и что в предыдущем году прислано из монастырской казны 2000 рублей[48]. Видимо, были и другие крупные пожалования на общее дело, но организационная деятельность Скопина-Шуйского оставила мало следов в источниках.

Казна, поступившая в Новгород в 1608 и 1609 гг., разумеется, в какой-то своей части не могла миновать Новгородского денежного двора, чтобы затем превратиться в денежное жалованье ратникам. Об интенсивной работе двора в эти годы свидетельствуют три клада, зарытые между 1608—1609 гг. и найденные в самом городе и его окрестностях. Об этом же говорит ежегодное изготовление лицевых и оборотных маточников, обеспечивавших бесперебойную чеканку.

В 1608 г. был приготовлен новый датированный маточник с буквами Н/PSI, который в сочетании с оборотным штемпелем 1607 г. образовал новый тип копейки (Н., *3—2*). Видимо, в этом же году был вырезан новый маточник для оборотной стороны (Н., *3*), но получился он плохо и употреблялся мало: известны только две монеты, изготовленные с его помощью (Н., *2—3*).

В 1609 г. вырезана новая пара маточников (Н., *4—4*). Лицевой маточник не имеет даты — там ставятся буквы НРД, которые расшифровываются как слово «Новгород». Лицевой маточник НРД найдет дальнейшее применение в чекане Владислава Жигимонтовича, а затем, подправленный, будет использоваться при Михаиле Федоровиче. И. Г. Спасский отнес копейку НРД с именем Василия к январю — июлю 1611 г.; но ему был известен единственный экземпляр такой копейки[49]. Однако за последнее время число известных копеек этого типа значительно увеличилось. В новгородском кладе 1613 г. они представлены 16 экз., в ОН ГИМ — 3 экз. Эти находки дают основание считать копейки НРД с именем Василия Ивановича чеканенными в 1609 г.

В 1610 г. вновь приготовлен датированный маточник (впрочем, с искаженной датой — вместо PHI здесь были вырезаны буквы в ином порядке — PIH). Этот лицевой маточник использовался с оборотными маточниками 1607 и 1609 гг. (Н., *5—2, 5—4*).

В новгородских кладах копейки 1608 г. с буквами Н/PSI по количеству соответствуют копейкам 1606 и 1607 гг. С 1609 г. объем чеканки здесь резко сократился. Это объясняется тем, что в Новгород, ставший военным и организационным центром в 1608 г., стекались материальные ценности и денежный двор получал достаточное количество сырья для чеканки. Но в мае 1609 г. Новгород опустел — Скопин-Шуйский со значительными военными силами начал свое медленное, но победоносное продвижение к Москве. Сокращение притока средств в Новгород вызвало уменьшение объема чеканки на денежном дворе. Видимо, чекан 1610 г. был тоже весьма скромным. И. Г. Спасскому удалось доказать, что основная масса копеек 1610 г. (с буквами PIH) была выпущена позже обозначенной на них даты — между июлем 1611 и 1615 г., когда Новгород оказался в руках шведов, которые наладили чеканку монет на денежном дворе подлинными штемпелями Шуйского. Выделить эти монеты помог их заниженный

вес[50]. Среди копеек с датой PIH встречено очень немного экземпляров, имеющих вес нормальной копейки трехрублевой стопы и время выпуска которых соответствовало указанной на монете дате. На этом основании можно заключить, что в 1609 и 1610 гг. чеканка монет в Новгороде велась в очень незначительных масштабах. Весовая норма новгородских копеек Шуйского выдерживалась в пределах трехрублевой стопы (диагр. 15).

Все новгородские копейки, появившиеся после 1607 г., демонстрируют переход к старой стилистике оформления монетного поля: они возвращаются к характерному для новгородской чеканки 1596—1603 гг. сухому, рвущемуся рисунку, изображающему скачущего во весь опор всадника, к надписям, выполненным угловатыми, приземистыми буквами, так отличающимися от легких, изящных букв московского чекана. Отказ от московского стиля в оформлении новгородских монет в 1608 г. был окончательным, и новгородская чеканка до конца своего существования в 1627 г. уже не возвращалась к нему никогда. Денежный приказ не мог руководить денежным производством из осажденной Москвы. Маточники для новгородской и псковской чеканки, которые после 1603 г., по всем данным, делались в Москве московскими мастерами, перестали поступать на эти денежные дворы.

Новгородские резчики (или резчик?), которым после 1603 г. приходилось заниматься только подсобными работами по подчистке или подгравировке маточников, вновь должны были вернуться к собственноручному их изготовлению. Одно это объективное обстоятельство должно было способствовать изменению стиля новгородских монет в 1608 г. Но не меньшее значение, надо полагать, имели и субъективные моменты: возвращение к старому, традиционному типу новгородских монет выражало столь живучие в Новгороде сепаратистские стремления. Выполненный неумелыми руками псковский лицевой маточник 1607 г. все же подражает московскому стилю. Для опытного новгородского мастера такое подражание не составило бы особого труда, однако лицевые и оборотные новгородские маточники начиная с 1608 г. готовятся в ярко выраженном новгородском стиле. Ослабление центральной власти, возрождение сепаратистских настроений — отзвуки традиций феодальной раздробленности, ярко проявившейся в годы смуты, сказались и на денежном производстве.

События в Москве

Из всех денежных дворов Российского государства в 1608—1610 гг. в самом тяжелом положении, несомненно, оказался Московский двор. Из-за сложившейся к 1608 г. политической и экономической обстановки он не имел возможности ни осуществлять свои функции Денежного приказа, ни обеспечивать необходимый объем собственной чеканки. Между тем именно Московский двор как основной исполнитель заказов казны, как главный поставщик денежных знаков для страны должен был обеспечивать все расходы казны, прежде всего на военные нужды. Лишь к марту 1610 г. освободительное движение поморских и заволжских городов, возглавляемое из Новгорода Великого князем М. В. Скопиным-Шуйским, очистило северо-западные и северные районы от тушинцев и привело к распаду тушинского лагеря. Однако ряд событий весны и лета 1610 г. — внезапная смерть в апреле Скопина-Шуйского, которого не без основания считали отравленным, измена в июне шведских наемников под Клушиным, открывшая польским войскам

путь на Москву, активизация действий польского короля Сигизмунда III, убедившегося в бесперспективности пассивной поддержки самозванцев, — обусловили падение правительства Василия Шуйского. 17 июля в Москве вспыхнул мятеж, Василия Шуйского насильно постригли в монахи, и власть в стране временно перешла в руки Боярской Думы.

Изучение чекана Шуйского на фоне этих драматических событий позволяет раскрыть весьма интересные аспекты экономической политики правительства. Зависимость русского денежного хозяйства от привозного сырья в условиях полной изоляции Москвы в 1608—1609 гг. и прекращение внешнеторговых операций поставили денежный двор перед угрозой полного бездействия. Сокращение притока в казну ефимков, поступавших в значительной степени из пошлинных сборов, не только лишало денежные дворы сырья, но и ликвидировало значительную статью доходов казны. Из каждого талера, как уже говорилось выше, в процессе перечеканки получалось 42 копейки, в то время как казенная (уставная) покупная цена его составляла 36—36,5 копейки. Эта разница в 6 копеек при колоссальных масштабах чеканки на денежных дворах приносила немалые выгоды казне. Источники мало конкретизируют, в каком виде получал казну Скопин-Шуйский. Известно, что Владимир дал 12 000 ефимков[51], и отмечалось выше, что Соловецкий монастырь послал 2000 рублей в один год и 3550 рублей и 150 ефимков — в другой. По всей видимости, основные пожертвования монастырей составляли различного рода золотые и серебряные изделия, которые переливали в деньги. Авраамий Палицын писал, что у Троице-Сергиева монастыря «взаймы на ратных людей» Борис Годунов брал 15 400 рублей, «еретик розстрига Григорий Отрепьев» — 30 000 рублей, а Василий Шуйский, взявший в монастыре в несколько приемов 20 235 рублей, после снятия осады монастыря в январе 1610 г. забрал «последнюю казну» — «сосуды златыя и серебряня позлащены, иже велицей достойны»[52].

На Московский денежный двор, по всей видимости, в качестве сырья поступали ефимки и серебряная «ветошь», полученная из монастырей. Частные заказы, скорее всего, обеспечивались серебряными изделиями. Некий Пятунка Михайлов, московский мелкий торговец, помимо торговли кормился в эти годы тем, что «торговал своим животишком ... а скупал серебро мелкое ветошь и сливал на Денежном дворе ис прибыли»[53]. В собрании ОН ГИМ обнаружена московская копейка Шуйского, на лицевой стороне которой хорошо просматривается рисунок «портретной» копейки Бориса Годунова, а на оборотной — следы легенды с именем Бориса Федоровича. Видимо, монеты политического врага Шуйского — Годунова — перечеканивались в монеты с именем Василия Ивановича. Акция эта помимо ее политического значения имела и экономический смысл — копейки Бориса служили в этих обстоятельствах заготовками для чеканки. Некоторые экземпляры московских копеек Шуйского 1608—1610 гг. по диаметру кажутся бóльшими по сравнению с копейками 1606—1607 гг. Видимо, они были чеканены на копейках Бориса.

Все эти источники поступлений сырья для чеканки не могли достаточно полно обеспечить Московский денежный двор, и объем чеканки на нем неуклонно сокращался. В собрании ОН ГИМ на тысячу монет 1606—1607 гг. приходится лишь немногим более полутора сотен монет 1608—1610 гг. Из 12 кладов 1608—1610 гг. лишь два клада приходятся на Москву (с ул. Обуха и из Пестовского пер.) и два — на Подмосковье. Остальные клады найдены в отдалении от столицы.

На общем фоне сокращения чеканки очень странным кажется то обстоятельство, что в эти годы на Московском денежном дворе готовилась новая серия лицевых и оборотных маточников. Лицевые маточники представляли собой два типа без букв, изображающие традиционного московского всадника на выступающем шагом коне; два других типа имели знаки Московского двора — одним из них был старый лицевой маточник времени Федора Ивановича с монограммой с/М, другой — с рисунком скачущего во весь опор всадника и буквами МО. Все они были резаны заново. К этим четырем лицевым были сделаны три оборотных маточника. В сочетании с прежними штемпелями 1606—1607 гг. они образовали новые типы копеек (табл. 4, М., *2—5, 2—6, 3—5, 3—6, 3—7, 4—7, 5—1, 5—4*).

Приготовление новых маточников само по себе еще не вызывает особого недоумения. Можно предположить, что при Шуйском не сочли возможным использовать лицевые маточники времени Бориса Годунова из политических соображений, а старые маточники Федора Ивановича в большинстве своем уже пришли в негодность. Обращает на себя внимание здесь другое, а именно, изменение стилистики новых орудий чеканки. Если два заново приготовленных лицевых маточника (М., *2, 3*) имеют рисунок всадника на торжественно выступающем коне и лишены знака денежного двора — в соответствии с установившимся с 1605 г. типом изображения на русских копейках, то два других маточника (М., *4, 5*) имеют другой тип оформления: маточник *4*, относящийся ко времени Федора Ивановича, отмечен знаком денежного двора с/М, а на маточнике *5* изображен скачущий всадник с буквами МО под ногами коня. Но особенно заметно изменение стиля на оборотных маточниках с их широкими, крупными буквами с утолщенными мачтами, с надписью, не умещающейся в поле монеты (М., *5, 6, 7*). Разумеется, можно было бы отнести изменения стиля рисунка и надписей за счет смены мастеров, имеющих свой собственный «почерк», если бы не одно обстоятельство. Вместе с изменением стиля в 1608 г. наблюдается другая значительная перемена: монеты, чеканенные после 1608 г., оказываются легче копеек 1606—1607 гг. Выше уже отмечалось, что весовые диаграммы московских копеек Шуйского 1606—1607 гг. обнаруживают некоторое снижение весовой нормы, а самый массовый их тип (М., *1—4*) чеканится явно по заниженной норме, составляющей $3^3/_4$ почки. По заниженной весовой норме чеканятся и копейки после 1607 г. (диагр. 13).

Следовательно, нумизматический материал достоверно свидетельствует, что на рубеже 1607—1608 гг. в Москве произошло снижение весовой нормы копейки с 0,68 до 0,64 г; четырехпочечную копейку трехрублевой стопы сменила копейка с весовой нормой $3^3/_4$ почки. Если в кладах 1606—1607 гг. средний вес московских копеек типов *1—1, 1—2, 1—3, 1—4* укладывается в норму трехрублевой стопы, то в более поздних кладах эти же типы (особенно тип *1—4*) показывают снижение среднего веса. Видимо, понижение весовой нормы вначале не выделялось выпуском новых типов монет и лишь затем были выпущены копейки как с новым оформлением, так с заниженной весовой нормой. В сущности, к такому же выводу пришел и И. Г. Спасский, заметивший, что правительство Шуйского «под давлением отчаянных обстоятельств допустило небольшое снижение веса». Впрочем, он посчитал, что это ухудшение веса было очень далеким от норм четырехрублевой стопы, и назвал его скорее «допущением», чем «упущением»[54]. Дальнейшее изучение московских монет Василия Шуйского показывает, что «допущение» это было

отнюдь не случайным, но вполне последовательным и осознанным этапом в деятельности Денежного приказа, который стремился в этот тяжелый для русской экономики момент не допустить разрушения денежного хозяйства и в то же время извлечь максимум выгоды из эксплуатации монетной регалии.

Все дальнейшие действия Денежного приказа говорят о том, что снижение весовой нормы рассматривалось как временное явление и оформление нового выпуска было явно рассчитано на то, чтобы можно было бы без труда изъять облегченные копейки из денежного обращения.

Нумизматический материал обнаружил еще одно «допущение» в денежном деле. В огромном московском кладе с ул. Обуха, зарытом не позже 1609 г. и насчитывающем 6872 монеты, были обнаружены две необычные монеты с именем Василия Шуйского[55]. Копейки эти не имели общих связей с московским чеканом Шуйского, хотя отсутствие знака под конем свидетельствовало о московском их происхождении. «Воровскими» эти монеты нельзя было назвать прежде всего из-за высокого художественно-профессионального уровня рисунка и надписи. Новые находки в коллекциях и кладах увеличили количество этих странных копеек до 15 экз.; они образовали 8 типов, связавшихся между собой общими штемпелями в одну группу. Этот последний признак также не свойственен «воровским» монетам, которые чеканились ремесленниками-одиночками, имевшими в распоряжении одну-две пары штемпелей. И наконец, выяснилось, что эти копейки чеканены по определенной весовой норме, которая не превышает 0,60 г и составляет, следовательно, три с половиной почки. На табл. 4 эти монеты выделены в особую группу, входящую в московский чекан, но не связанную непосредственно с Московским денежным двором. Условно мы назвали эту группу «особый чекан» (табл. 4, фототабл. 18, весовая диагр. 16).

Монеты эти, вне всякого сомнения, копируют московские копейки Василия Ивановича 1606—1607 гг. — мы видим здесь того же шагающего коня, отсутствие букв под всадником, сходные очертания рисунка плаща, некоторых деталей одежды. Но копирование это носит ремесленный механический характер: он придал рисункам и надписям подражательных копеек особую сухость и жесткость линий. Это позволяет безошибочно выделить их из массы подлинных копеек Шуйского. Находка двух монет этой серии в московском кладе 1609 г. с ул. Обуха датирует «особый чекан» временем не ранее 1609 г. и дает основание считать местом их чеканки Москву. Видимо, мы не рискуем ошибиться, если свяжем этот московский «особый» выпуск с подражательной псковской копейкой ПСРЗ с именем Бориса Федоровича, выпущенной в Пскове по такой же весовой норме (табл. 4, П., *3—3*). И здесь, и там налицо попытка выпустить фальсификаты, подражающие популярным полноценным копейкам, но имеющие весовую норму значительно ниже законной. Учитывая, что в Пскове подлинные копейки Бориса ПСРЗ были очень распространенным типом, можно понять, почему именно этот тип стал объектом фальсификации при Шуйском.

На фоне всех, вполне логически оправданных действий Денежного приказа кажется труднообъяснимым выпуск серии копеек с весовой нормой, заниженной на половину почки, и с оформлением, подражающим типам ходячих копеек. Акция эта, судя по всему, была тщательно замаскирована. Вполне возможно, что производилась она вне денежных дворов, так как трудно понять, почему пришлось прибегать к помощи ремесленников, не

имеющих профессиональных навыков в резании монетных маточников, когда Московский денежный двор располагал достаточным штатом квалифицированных резчиков. Однако столь же очевидно и то, что выпуск этих монет не мог быть делом обычных фальшивомонетчиков — для этого он был слишком обильным, носил черты правильной организации и централизации.

Не имея никаких документальных доказательств, кроме самих монет, мы рискуем высказать предположение, что Денежный приказ не имел отношения к «особому выпуску» и что организован он был в строжайшей тайне Василием Шуйским, который обратился к давно забытой системе денежных откупов. Ибо ничем другим нельзя объяснить возникновение чеканки, явно не связанной с денежными дворами и столь же явно организованной на профессиональной основе (чеканка сопряженными штемпелями, ее высокий технический уровень, сравнительно большой тираж). Снижение весовой нормы на четвертую долю почки по сравнению с законной тоже косвенно указывает на откупной тип чеканки: откупщики всегда занижали уставную весовую норму ради прибыли. В организации этой таинственной чеканки наблюдается откровенное стремление замаскировать выпуск легковесных монет внешним сходством их с полноценными монетами 1606—1607 гг., что резко отличало эту акцию от выпуска лекговесных монет самим денежным двором.

Строя дальше догадки в цепи предположений, можно допустить, что первое снижение веса копеек, для чеканки которых использовались штемпеля 1606—1607 гг., произошло вопреки воле Денежного приказа, который затем все же сумел упорядочить это отступление от правил изготовлением специально оформленных маточников для легковесных монет. Твердая позиция Денежного приказа, стремившегося всеми силами сохранить неприкосновенность денежной стопы, могла толкнуть Василия Шуйского на поиски обходных путей в эксплуатации монетной регалии. Исследование экономической политики правительства Василия Шуйского, возможно, поможет выявить круг лиц, обеспечивших монетный откуп. Однако сам факт возрождения откупов в 1608—1609 гг. в Пскове и Москве должен быть принят во внимание при изучении и характеристике внутренней политики Шуйского.

В мае 1610 г. правительство Шуйского принимает решение о чеканке золотых монет, предназначенных для денежного обращения. Сохранившийся указ от 27 мая 1610 г. к Строгановым гласит: «...делати новгородки и московки золотые, плавя начисто, и то золото давати служивым людем в наше жалованье, и немцом и всяким иноземцом в наем и на корм, чтобы московские и приезжие гости и торговые люди у служивых людей и иноземцев и меж себя за взятие товаров в место денег имали новгородку золотую за гривну, а московку за десять денег; и по сему нашему указу золотой угорской станет по полтине, а серебряными деньгами торговати по прежнему; и велели есмя новгородки и московки золотыя имати в нашу казну во всякие наши подати и с их товаров в таможню пошлины, и с лавок, и с судных дел пошлины, и меж себя бы торговые и всякие люди золотыми торговали»[56].

Впервые в истории русской денежной системы XVI—XVII вв. золотые копейки и деньги, а также угорские вводились в денежное обращение наряду с серебряными денежными знаками. Факт этот можно было бы расценить как важный шаг в развитии русского денежного хозяйства, знаменующий собой новый этап: введение нового металла в качестве сырья, появление крупных, реально существующих денежных единиц, поставленных в рациональные

отношения с существующими серебряными монетами. Объективно эти меры приближали русскую денежную систему к современной западноевропейской. На пороге XVII в. это было бы весьма своевременно. Однако в данном случае Денежный приказ, по всей видимости, руководствовался вполне конкретными сиюминутными расчетами, вытекающими из сложившейся обстановки. Обстановка же требовала денег для выплаты жалованья служилым людям, но в казне не было ни денег, ни серебра для их чеканки. В этих условиях нужно было либо продолжать дальше снижать качество монеты, либо искать новый вид сырья. Денежный приказ пошел по второму пути. Золото, видимо, в казне было, и к тому же его требовалось меньше, чем серебра, так как оно приравнивалось к серебру по нормам Торговой книги как 1:10.

Первый выпуск золотых монет, видимо, имел целевое назначение. Указ об их чеканке последовал в мае, а в июне 1610 г. в Можайске стали собираться главные силы русских войск вместе с вспомогательным отрядом шведов для похода к Смоленску, осажденному Сигизмундом III. Можно допустить, что выпуск золотых монет предназначался для обеспечения этой кампании. Столь же справедливым нам кажется предположение, что этим выпуском правительство пыталось утвердить свои пошатнувшиеся акции у «немцов», для которых, безусловно, золотые монеты предназначались в первую очередь. Князь Дмитрий Иванович Шуйский, к которому перешло командование русскими военными силами после смерти Скопина-Шуйского, не пожелал выдать жалованье шведским наемникам, которые начали «у нево прошати найму». «Грех же ради наших ничто ж нам успеваше, нача у них сроку просить, будто у него денег нет, а у него в те поры денег было, что им дати», — сообщает Новый летописец[57]. Эти слова были сказаны накануне битвы при с. Клушино 24 июня 1610 г. В Клушинской битве шведы изменили русскому командованию, русские войска были разбиты, и дорога на Москву открылась для польских захватчиков. Не исключено, что золотые монеты, предназначенные для жалованья «немцом», вызвали у князя Д. И. Шуйского приступ корыстолюбия.

Золотые «новгородки» и «московки» (копейки и денги) сохранились в собрании ОН ГИМ в количестве 44 экз. (22 экз. — копейки и 22 экз. — денги). Типы золотых копеек повторяют почти все типы серебряных. Денги чеканились лицевым штемпелем, сохранившимся от времени Федора Ивановича, а для оборотных сторон были приготовлены два новых маточника, по стилю близких копеечным маточникам 1606 г. и, видимо, выполненных одним и тем же мастером (табл. 4, М., *6—8* и *6—9*). Вес золотых монет выдержан в нормах трехрублевой стопы*.

И содержание указа о чеканке золотых монет, где говорится о соотношении ценности золотых монет с серебряными как 1:10, что соответствовало нормам Торговой книги, и веса сохранившихся золотых копеек и денег свидетельствуют о сохранении в неприкосновенности в мае 1610 г. трехрублевой стопы. Денежный приказ совершал поистине героические усилия, чтобы сохранить «доброту» русской монеты в сложившейся обстановке. Вынужденное снижение веса серебряной монеты воспринималось лишь как временная мера и компенсировалось, по-возможности, выпуском полноценных золотых монет.

---

* Вес золотых копеек: 0,53 — 2 экз., 0,61 — 2, 0,63 — 3, 0,65 — 3, 0,66 — 2, 0,67 — 6, 0,68 — 2, 0,69 — 2. Вес золотых денег: 0,31 — 2 экз., 0,32 — 3, 0,33 — 12, 0,34 — 4, 0,38 — 1.

Несомненно, принималось во внимание и то обстоятельство, что сырьем для чеканки в этот момент стали служить не только и не столько талеры, а серебряная и золотая «ветошь» и в этих условиях золотой «ветоши» требовалось бы в 10 раз меньше. В конкретных русских условиях 1610 г. золотые монеты приобрели своеобразный характер «нотгельдов» — «денег нужды», к выпуску которых прибегали правительства в чрезвычайных условиях и о которых говорили русские послы в 1620 г.: «Во многих государствах то бывало в воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже или легче прежнего, во многих государствах торговали медными или кожаными деньгами»[58].

Подводя итоги изучению чекана Шуйского, мы должны констатировать, что, несмотря на тяжелейшие условия, денежное производство хотя и с трудом, но удерживало чеканку по нормам трехрублевой стопы. Сводная диаграмма веса копеек Шуйского свидетельствует о том, что основная масса монет имела вес в пределах нормы (диагр. 9). Однако следует признать, что первый шаг к снижению веса был сделан именно в его «злополучное царствование», как это интуитивно почувствовал С. Б. Веселовский и подтвердил С. И. Чижов. Этот шаг был сделан на Московском денежном дворе после 1608 г. Однако следующий шаг — выпуск монет по еще более заниженной норме, предпринятый в Москве и Пскове в 1608—1609 гг., следует рассматривать как действие, совершенное без ведома и участия Денежного приказа. Возможно, чеканка монет из золота была своеобразной реакцией на эту акцию, которая не могла долго оставаться в тайне и которая должна была способствовать еще большему падению авторитета Шуйского*.

* Не исключено, что одновременно с выпуском полноценных золотых копеек и денег в 1610 г. Денежный приказ приступил к чеканке серебряных копеек по трехрублевой стопе. Об этом свидетельствует вес копеек с буквами МО (табл. 14, М., *5—1, 5—4*), которые появляются в кладах только после 1610 г. Из 11 известных в настоящее время копеек МО вес 5 экз. составляет 0,65 г, остальные экземпляры тоже тяготеют к нормам трехрублевой стопы. Однако на основании веса 11 экз. делать окончательные выводы было бы некорректным.

ГЛАВА 6

В разгар смуты

«Литва» и Московский денежный двор

Политическая карьера Василия Шуйского закончилась 17 июля 1610 г. В сентябре этого же года Москва присягнула сыну польского короля Сигизмунда III — королевичу Владиславу. Приглашение королевича на русский престол состоялось в тот момент, когда единственной реальной силой в стране оказались польские интервенты. Польский король осаждал Смоленск и не скрывал своих намерений занять русский трон, войска гетмана Жолкевского в июле подошли к Москве и осадили ее. В руках поляков была вся Смоленщина, а в июне 1611 г. они взяли и Смоленск, а также заняли Северские земли, Можайск, Верею, Борисов. В северо-западных районах страны хозяйничали шведы, которые стремились захватить Новгород и Псков. Лжедмитрий II после распада тушинского лагеря бежал в Калугу, вновь собрал военные силы и в июле двинулся к Москве. В этих условиях «седмочисленные» бояре во главе с князем В. В. Голициным решились впустить в Москву поляков. Это произошло в ночь с 20 на 21 сентября. В ожидании Владислава, который должен был, согласно договору от 17 (27) августа 1610 г., прибыть в Москву, креститься и найти русскую невесту в обмен на «вечный мир» с Польшей, власть в стране перешла к польскому командованию.

В сентябре 1610 г. польские политики оказались очень близкими к осуществлению идеи «унии» Речи Посполитой и России. Эта идея вынашивалась в Польше в последние десятилетия XVI в. Смерть последнего представителя правящей династии в России, взрыв гражданской войны и кризис власти создавали вполне реальные предпосылки для превращения России в неполноценный политический придаток Речи Посполитой. Социальная верхушка русского общества склонялась к идее династической унии в надежде на то, что при помощи Речи Посполитой можно будет сохранить существующий строй и стабилизировать положение в стране.

Договоры русского боярства с польско-литовской стороной (февраль, сентябрь 1610 г.), а также наказ великому посольству, отправленному из Москвы для переговоров с Сигизмундом III под Смоленск осенью 1610 г., содержали ряд условий, не отвечавших планам Речи Посполитой сделать Россию неполноправным членом унии. Вместо стремившегося к русскому трону Сигизмунда русские пожелали ввести на престол его

сына Владислава, которому в тот момент было 14 лет. Основная часть помещенных в договорах статей обусловливала возможность существования России как отдельного государства во главе с особым правителем и лишь в перспективе допускала возможность объединения России и Речи Посполитой под властью одного монарха. Королевича Владислава обязывали соблюдать православие, административный порядок и сословный строй русского общества. Все эти условия тем самым сохраняли без изменений существовавшие денежную систему Русского государства и порядок управления денежным производством.

Поляки, войдя в Москву, расположились в центре города, заняв Кремль и Китай-город. Денежный двор, расположенный на территории Кремля, оказался полностью под их контролем. Казначеем был назначен Василий Петрович Головин, член Думы Лжедмитрия II, а в «товарищи» к нему был поставлен Федор Андронов, бывший тушинец, «торговый мужик», получивший звание думного дворянина от Сигизмунда III к немалому негодованию боярской знати.

Князь М. Г. Салтыков жаловался на Андронова королю: «Московские люди крайне скорбят, что королевская милость и жалованье изменилось и многие люди разными притеснениями и разореньем оскорблены по приговору торгового человека Федора Андронова, а с Мстиславского с товарищи и с нас дела посняты, и на таком человеке правительство и вера положены... Как такому человеку знать правительство? Отец его в Погорелом Городище торговал лаптями, а он взят в Москву из Погорелова, по приказу Бориса Годунова, для ведовства и еретичества, а на Москве был торговый мужик... Много казны в недоборе, потому что за многих Федор Андронов вступается и отпускает для посулов в суд с правежа; других не своего приказа насильно берет к себе под суд и сам государевых денег не платит»[1].

Федор Андронов забирал из казны сокровища и передавал А. Гонсевскому для отправки королю, но и сам не гнушался ничем для пополнения собственного богатства. Когда после очищения Москвы от поляков велось следствие по делу Андронова, один из привлеченных к ответу, Пятунка Михайлов, рассказал случай, выразительно характеризующий «казначея». После прихода поляков в Москву он, Пятунка, попросил у Федора Андронова, приходившегося ему родственником, убежища и дал ему на сохранение свои сбережения, где кроме 400 рублей, принадлежащих Пятунке, были еще 300 рублей, переданных ему другим лицом. «И те денги взял у него Федор Ондронов все», а самого Пятунку «прибил»[2]. После освобождения Москвы Федор Андронов был арестован правительством ополчения, бежал из-под стражи, но в марте 1613 г. был снова схвачен и казнен в 1614 г. Такой человек ведал в 1610 — 1612 гг. финансами страны.

Денежным двором «при Литве» руководил дьяк Ефим Григорьевич Телепнёв[3]. Политическая карьера и сама фигура этого человека также весьма любопытны. Впервые его имя упоминается в 1604 — 1605 гг., когда он был дьяком в Великом Новгороде, и в 1606 г. вместе с боярином М. П. Катыревым-Ростовским и дьяком В. Оладьиным верстал и давал жалованье служилым людям[4]. Более известно его имя в связи с событиями 8 сентября 1608 г., когда он и двое новгородских воевод — М. В. Скопин-Шуйский и М. И. Татищев — пытались бежать из Новгорода, захватив с собой государственную казну. Причиной побега был страх перед новгородским восстанием, которое назревало в связи с псковскими событиями 2 сентября

1608 г. Беглецов вернули, и по доносу Телепнёва М. И. Татищев как инициатор и организатор бегства был казнен.

Очевидец этих событий дьяк Иван Тимофеев очень нелестно пишет о Ефиме Телепнёве: «самописчий некто», который был во всем подобен коварному Михаилу Татищеву, «был ему собеседником и особенно близок был ему по лукавству. Дни его жизни у царя были тогда светлыми (он пользовался расположением царя) по причине тайной; законопреступной заслуги и из-за временного приближения (к царю) его родственников; частью он малым чем отличался от того коварного, потому что тайно наушничал царю»[5]. Туманные намеки Ивана Тимофеева о «тайной, законопреступной заслуге» перед царем дают известное основание подозревать, что в Новгороде, как и в Москве и Пскове, была сделана попытка организовать денежный откуп и выпустить ухудшенные деньги, для чего был привлечен Ефим Телепнёв. Возмущение новгородцев не дало осуществить этот замысел, и, захватив казну, воеводы и Телепнёв бежали из Новгорода 8 сентября. Сам факт захоронения трех кладов 1608—1609 гг. в Новгороде и его окрестностях свидетельствуют о беспокойстве новгородцев, причиной которого могло служить и состояние денежного дела в момент захоронения кладов. Разумеется, такое толкование событий 8 сентября 1608 г. в Новгороде может быть предложено лишь как одна из версий объяснения этого взрыва классовой борьбы в городе.

В 1610 г. Ефим Телепнёв оказывается в Москве, где становится головой денежного двора и руководителем Денежного приказа[6]. Он вошел в члены великого посольства, направленного из Москвы к Сигизмунду III в сентябре 1610 г. В Москву он вернулся, видимо, в декабре 1610 г. вместе с частью посланников. Дневник похода в Россию короля Сигизмунда III (1609 — 1611 гг.) называет Ефима Телепнёва «канцлером». После освобождения Москвы от поляков он был обвинен в присвоении казны и осенью 1612 г. сидел «за приставом» и у него «было описано много казны»[7]. Однако уже с февраля по август 1613 г. он ведает «по боярскому приговору» Печатным приказом. Тогда же ему был подчинен опустошенный при поляках и не имевший самостоятельного управления Казенный двор. А в ноябре 1613 г. он опять становится во главе Денежного приказа и Московского денежного двора[8]. Прочие «друзья великого короля» поплатились за службу королю более серьезно: как уже говорилось, Ф. Андронов был казнен, а приказные дьяки «при Литве» Иван Безобразов, Иван Чичерин, Степан Соловецкий, Тимофей Савин и Бажен Замочников были арестованы и пытаны, причем трое из них погибли после пыток[9]. Уцелел Ефим Телепнёв, видимо, и потому, что на фоне худородных «людишек», выдвинувшихся в Тушине, он был думным дьяком еще с времени Бориса Годунова, и потому, что знал денежное дело. Не следует исключать и его способности к «лукавству», о которых писал Иван Тимофеев.

О работе Московского денежного двора при поляках имеются сведения в «Отчетах расходов царской казны после разгрома Москвы поляками в 1611—1612 гг.»[10]. Из этих сведений следует, что денежный двор в эти годы работал и выдавал значительные суммы «по королевским грамотам». Он действовал, по-видимому, даже в дни осады Москвы летом и осенью 1612 г. Об этом свидетельствуют записки киевского мещанина Божка Балыки, который прибыл в Москву вместе с киевскими купцами «для торговых дел» в июне 1612 г. и попал вместе с ними в осаду «в нещастливый

час». Видимо, в сентябре произошел описанный им страшный случай людоедства в Кремле, жертвой которого стал московский человек, который нес уголь «майстерам денежным у ворота Микольские»: выскочившие со стен гайдуки «порвали и зараз забили и зъели» этого человека[11]. Денежный двор должен был работать, так как деньги были нужны, прежде всего для уплаты жалованья наемникам и русским ратным людям. Нарушение хозяйственной жизни в стране в годы смуты вынуждало массу служилых людей либо покупать съестные припасы и предметы первой необходимости, либо становиться на путь прямого грабежа. Внутренняя торговля, которая, разумеется, испытывала серьезные затруднения в связи с общей разрухой и военными действиями, тем не менее не замерла окончательно, приспособившись к создавшимся условиям. Торговые люди собирались группами, примыкали к военным отрядам и под их защитой двигались от города к городу.

Божка Балыка описывает такой путь торговых людей от Киева к Москве с отрядом Струся. Он рассказывает об одном весьма характерном эпизоде: отряд Струся заманил в засаду «шишей» — одну из воровских шаек, рыскавших в те времена по дорогам, — следующим образом. Воины улеглись на торговые возы купцов, ехавших в обозе, накрылись рогожами; «шиши», полагая, что перед ними беззащитные купцы, напали на них и были разбиты. По словам того же Божка Балыки в Москве в 1612 г. в осаде оказалось несколько сот купцов[12].

О характере торговли в этот период сообщают также «роспросные речи» родственников Федора Андронова. Сестра его рассказывала, что ее муж «заезжал с товаром в Великий Новгород до взятия новгородцкого и после де взятия и нонечи живет в Великом Новегороде». Отправляясь к нему, жена его «съехалась... на дороге, не даяждая Твери, с торговыми людми с беляны, с осташковцы... и иные многия торговыя люди ехали с ними же; и нас де на дороге мешь Тверью и Торжку ограбили всех». И далее, в тех же «роспросных речах» рассказывается, что «из Новгорода торговые всякие люди с товары ездят беспрестанно в Осташков и в Торжок, и во Тверь, и во Ржеву и в Старицу и в Погорелое и в Ярославль, и ис тех городов в Великий Новгород всякие торговые люди с товары ездят же»[13]. Эта циркуляция торговых людей по дорогам между воюющими группировками, между разбойничавшими отрядами «шишей», разумеется, должна была разносить по стране и денежные знаки.

Согласно закономерностям образования кладов во время общественных потрясений клады должны были в изобилии оседать в тайниках. И действительно, от двух лет правления Владислава Жигимонтовича сохранились сведения о находке двадцати с лишним кладов. Топография их, состав и размеры иллюстрируют характер денежного обращения в 1610 — 1612 гг. Видимо, основная масса кладов была зарыта в 1611 г.; впрочем, датировка кладов этого периода — дело нелегкое, так как все монеты Владислава представлены в кладах лишь одним-единственным, наиболее многочисленным типом (табл. 4, М., *2—2*). Исключение составляет клад из Смоленска[14], который удалось точно датировать первой половиной 1611 г.

Клады по преимуществу встречаются в районах, захваченных «Литвой», или по пути следования польско-литовских отрядов. В Москве и ее окрестностях было зафиксировано четыре клада. Большая часть находок приходится на западные районы: клад из-под Мозыря, четыре клада из Смоленщины, по одному из под Брянска и из Латвии. К югу от Москвы найдено

три клада: два из-под Тулы и один из Черниговской обл. Происхождение и принадлежность этих кладов очевидны: они или оставлены польскими солдатами и состоят из польских и русских монет, или же являются сбережениями местного населения, спрятанными в момент опасности. В клады вместе с монетами попадали предметы утвари или украшения. Так, в одном кладе из Москвы вместе с монетами были спрятаны медная полуженая ендова, сковородка и стопка; в кладе из Смоленска находились несколько свернутых в трубочку серебряных копеек, которые использовались как украшения.

Часть находок происходит из районов, оказавшихся в 1611 — 1612 гг. свободными от поляков и шведов. Это клады из окрестностей Гдова, из Лодейного Поля, Осташкова, Мурома и Мордовии. Любопытно, что наиболее крупные по размеру клады относятся именно к данной группе. Видимо, это была в большинстве случаев казна торговых людей, которые отваживались в те годы передвигаться со своими товарами по стране. И наконец, три клада из Новгорода и Новгородской области относятся ко времени шведской оккупации Новгорода в 1611 — 1617 гг.

Своеобразие монетных комплексов в 1610 — 1612 гг. заключается в том, что при сравнительно больших объемах кладов собственно монеты 1610 — 1612 гг. насчитываются единицами. Причина здесь заключалась в сокращении монетного производства даже по сравнению с самыми тяжелыми временами при Василии Шуйском в 1608—1610 гг. Это было обусловлено почти полным прекращением притока серебряного сырья в Москву. Вряд ли можно говорить о полном прекращении архангельской торговли в эти годы, да и северо-западные города, несмотря на военные действия, сохранили какой-то объем внешнеторговых операций. Но ни привозные товары, ни торговые пошлины, взимаемые талерной монетой, в создавшихся условиях практически не могли дойти до Москвы. Недостаток серебряного сырья на Московском денежном дворе мог быть возмещен только серебряной «ветошью». Эту «ветошь», или «рухлядишку», несли на денежный двор частные лица (как уже упомянутый Пятунка Михайлов[15]), но основным заказчиком попрежнему должна была выступать казна. Уж если правительство Василия Шуйского, нуждаясь в монетном сырье, посягнуло на сокровища Кремля и серебряную и золотую утварь монастырей, то, разумеется, ничего другого нельзя было ждать от интервентов, которые зашли в этом много дальше.

Наемникам выплачивали жалованье не только деньгами, но «судами», «всей рухлядью», не утруждаясь перечеканкой их в деньги, — об этом неоднократно сообщали «Отчеты расходов царской казны...». Но, конечно, в деньги переделывались и «суды, что взяты с Казенного двора и всякое серебро, которое сымано с поясов», и многие другие сокровища*. «На немцы» с денежного двора с 1611 г. по 10 мая 1612 г. было выдано «золота и серебра делати в денги» из церкви Благовещенья церковных сосудов «с большого наряду риз, с потрахели да с поручей, снято в дробницах золота 10 гривен 24 золотника. Из церкви Архангела Михаила с трех покровов, которые были на гробех вели-

---

* Источники сообщают, что во время осады Кремля войсками ополчения поляки добывали пропитание следующим образом: «Мнози же рустии людие приходиша нощию к стене града Кремля, и серебра и жемчюгов и свешиваху з града. Рустии же людие емлюще сия и в то место вяжуще тóлько же хлеба и дающе им. Егда же сия уведана быша, и пойманы мнози и наказаны. По сем начаша им вместо злата навязываху за хлеба место камения и кирпичи. И сие им злохитрьство преста»[16].

кого князя Василья и царя и великого князя Ивана и царевича Ивана в дробницах золота 17 гривенок 2 золотника. Из Чюдова монастыря выдано потир да двое блюдечка, да лжица, да кандило, да к евангилию сделано было, а еще недоделано... Да от Казны выдано, с государева посоха снято было 6 гривенки.... да с конского наряду, с ошейник и с огловли и с лысин, и с похвей... Да от образов Донские пречистые, и с Вознесенского монастыря, из церкви Архангела выдано прикладных 420 угорских»[17].

Зависимость русского денежного дела от привозного сырья — одна из наиболее уязвимых его сторон — обернулась непоправимыми потерями для национальной культуры.

Те условия, на которых состоялось объединение России с Речью Посполитой в 1610 г., оставили, как уже выше говорилось, без изменений всю систему русского государственного устройства. Это, разумеется, в полной мере распространилось и на денежное дело. Любопытно, однако, что в планах польско-литовских политиков о создании восточноевропейской федерации в целях поощрения экономических контактов между Россией и Речью Посполитой имел место пункт об установлении в обоих государствах монеты «одинаковой цены и веса»[18].

В 1610 г. эта тема вообще не поднималась. Русские денежные дворы приступили к чеканке монет с именем Владислава Жигимонтовича, сохранив в неприкосновенности все традиции русского денежного дела (чекан Владислава представлен в соответствующей части табл. 4 соотношения штемпелей, фототабл. 20 и весовой диагр. 18). Впрочем, анализ монет показывает, что на Московском дворе начали частично использовать пунсонную технику, принятую в западноевропейском денежном деле. Маточники оборотных сторон копеек Владислава различались между собой только расположением букв, сами же буквы были абсолютно идентичны (табл. 4, М., фототабл. 20, типы *1 — 1* и *2 — 2*). Видимо, в роли маточника здесь выступали отдельные строки надписи, которые переводились на штемпеля, и на последних оттискивались леґенды, отличавшиеся друг от друга только смещением строчек. Возможно, типы оборотных строк копеек Владислава, маточники для которых изготовлялись описанным образом, отличались бо́льшим разнообразием; пока же удалось выделить только два варианта. Иной характер имел маточник оборотной стороны третьего типа московской монеты Владислава: здесь надпись была выполнена очень мелкими, аккуратными буквами. Однако можно заметить, что буквы этой надписи по начертаниям очень близки двум другим оборотным маточникам времени Владислава (табл. 4, М., оборотный маточник *3*) и тоже выполнены в пунсонной технике.

Монеты Владислава свидетельствуют, что на первых порах Денежный приказ пытался сохранить вес копейки трехрублевой стопы. Следует учитывать, что провозглашение царем Владислава воспринималось московским обществом в 1610 г. как конец междоусобицы, восстановление государственного порядка с «законным» царем во главе. Выпуск доброкачественной монеты служил залогом государственного порядка.

По данным монет, работа на Московском денежном дворе при поляках развертывалась следующим образом. Вначале был использован старый лицевой маточник без букв времени Шуйского. Он сочетался с новым оборотным штемпелем с именем Владислава Жигимонтовича (табл. 4, М., *1—1*). В собрании ОН ГЭ сохранились две монеты этого типа с весом 0,65 г. Затем был приготовлен новый оборотный маточник (при помощи пунсонной техники)

и появился новый тип *1 — 2*. Копейки этого типа встречаются очень редко. Три монеты собрания ОН ГИМ имеют веса 0,52, 0,64, 0,66 г. Наконец, московским резчиком был приготовлен лицевой маточник, предназначенный для чеканки Владислава. В сочетании с оборотным маточником *2* новый лицевой маточник дал жизнь самому обильному типу копеек Владислава (*2 — 2*). В собрании ОН ГИМ их имеется 107 экз. Весовые данные копеек типа *2—2* располагаются в очень широком диапазоне: от 0,34 до 0,67 г*. По всей видимости, тип *2 — 2* чеканился дольше других.

Скорее всего, уже в самом конце пребывания поляков в Москве началась чеканка двух новых типов, имевших заметные отличия от предыдущих копеек Владислава. Был приготовлен новый оборотный маточник — 3, о котором уже говорилось выше. Для лицевой стороны использовали очень старый маточник времени Федора Ивановича, отмеченный буквами МО под конем. Монеты этого последнего типа (табл. 4, М., *3 — 3*) очень редки. В ОН ГИМ хранятся три экземпляра таких монет с весами 0,37, 0,41 и 0,54 г; в ОН ГЭ их тоже три с весами 0,45, 0,47 и 0,49 г. Лицевой штемпель с буквами МО был использован также в сочетании со старым оборотным маточником Владислава (М., *3 — 2*), известны пока только две монеты из собрания ОН ГИМ, чеканенные сочетаниями этих штемпелей. Веса их составляют 0,40 и 0,45 г.

Как можно убедиться, монеты Владислава обнаруживают ни с чем не сравнимую весовую пестроту (диагр. 18). Однако в этой пестроте можно выделить четыре весовые нормы, по которым чеканились копейки на протяжении царствования Владислава, с сентября 1610 г. по сентябрь 1612 г. Безусловно, какая-то часть монет чеканилась по трехрублевой стопе. Такой вес имеют самые первые выпуски — типы *1 — 1* и *1 — 2*. Основной массив копеек Владислава, как уже говорилось, составляет тип *2—2*. В нем выделяется группа копеек, тоже чеканенная по трехрублевой стопе. Из этого следует бесспорный вывод о том, что чеканка Владислава в 1610 г. началась с выпуска полноценных монет по трехрублевой стопе. Денежный приказ, судя по этому факту, счел понижение веса копейки при Шуйском на четверть почки временным эпизодом и восстановил «доброту» русской копейки.

Однако возможностей для чеканки полноценной копейки у казны не было. Редкость полноценных копеек Владислава в собраниях и кладах не случайна; они были быстро вытеснены легковесными монетами этого правителя. Чеканка облегченной монеты началась, видимо, с сентября 1611 г. Об этом свидетельствуют письменные источники. В «Отчетах расходов царской казны...» приводятся данные о чеканке монет с сентября 1611 г. по май 1612 г. За эти месяцы было сделано «в денги на Денежном дворе 378 гривенок, а денег вышло из дела за угаром и за всякими и мастерскими росходами 1318 рублей»[19]. По этим данным, средний вес одной копейки составляет 0,56 г. Но в основе этого среднего веса лежали по меньшей мере три, а может быть, и четыре весовые нормы, которые обнаруживаются при индивидуальном взвешивании копеек Владислава. Поэтому мы не рискуем принимать во внимание показатели среднего веса при выведении весовых норм и монетной

---

* Вес копеек типа *2—2*: 0,34, 0,37, 0,42 — 2 экз., 0,43 — 3, 0,46, 0,47 — 6, 0,48 — 8, 0,49 — 2, 0,50 — 5, 0,51 — 7, 0,52 — 6, 0,53 — 7, 0,54 — 8, 0,55 — 10, 0,56 — 11, 0,57 — 4, 0,58 — 10, 0,59 — 6, 0,61, 0,62 — 3, 0,63, 0,64, 0,65, 0,67 — 2.

стопы копеек Владислава, как это сделал И. Г. Спасский (у него средний вес оказался равным 0,565 г, а монетная стопа — 3,6 рубля из гривенки)*.

Видимо, новый, 7120-й год (сентябрь 1611 г.), начался ухудшением монеты. Монеты пониженного веса не выделялись новыми маточниками: новая, отныне законная, стопа составляла 3,4 рубля из гривенки с весом копейки в 0,60 г ($3^1/_2$ почки). Но на этой норме, судя по данным монет, в Москве не удержались. Диаграмма монет Владислава (диагр. 18) показала, что помимо монет, чеканенных по весовым нормам трехрублевой стопы и по стопе в 3,4 рубля, выделяется еще группа монет с весом, тяготеющим к 0,51 г. Это копейки, чеканенные по четырехрублевой стопе. И наконец, просматривается еще одна группа монет с весом, заниженным в диапазоне 0,37 — 0,47 г. Эта последняя группа чеканилась из расчета веса копейки в $2^3/_4$ почки (0,47 г).

Копейки самого массового типа (*2 — 2*) чеканились по всем четырем весовым нормам, сменившимся во время двухлетнего царствования Владислава Жигимонтовича. Копейки с буквами МО (М., *3—3* и *3—2*) показали веса: 0,37, 0,40, 0,41, 0,45 — 2 экз., 0,47 и 0,49 г. Разумеется, по семи имеющимся экземплярам трудно составить представление об их весовой норме, но совершенно ясно, что монеты эти легче копеек не только трехрублевой, но и 3,4-рублевой стопы. Видимо, копейки этого типа чеканились по двум самым низким весовым нормам (0,51 и 0,47 г). Здесь важно другое — использование новых, отличающихся от прочих монет Владислава, штемпелей как лицевого (с буквами МО), так и оборотного (М., *3*, с мелкими, четкими буквами). Скорее всего, чеканка этих легковесных копеек, дошедших до нас считанными экземплярами, была предпринята уже в самом конце пребывания поляков в Москве, летом и в начале осени 1612 г. Можно предположить, что в этот момент Денежный приказ попытался вернуться к прежней практике выделения облегченных монет специальными штемпелями, как это было при Василии Шуйском начиная с 1608 г. Но если при Шуйском такими монетами оказались копейки с весовой нормой, составлявшей $3^3/_4$ почки (0,64 г), то при поляках сочли нужным выделить только совсем легковесные копейки, равные $2^3/_4$ почки (0,47 г). Из этого может последовать вывод, что при поляках официальной весовой нормой после сентября 1611 г. стали $3^1/_2$ почки (0,60 г), затем 3 почки (0,51 г).

Вывод И. Г. Спасского о введении четырехрублевой стопы поляками во второй половине 1612 г. подтверждается[20]. Уточняя его наблюдения, мы полагаем, что чеканка по четырехрублевой стопе началась после мая 1612 г., а к осени 1612 г., незадолго до освобождения Москвы, денежный двор перешел к чеканке еще более легковесных монет, выделив их специальными штемпелями.

Московский денежный двор продолжил начатую при Шуйском чеканку золотых монет. Об этом, помимо сохранившихся копеек с именем Владислава Жигимонтовича, сообщают также упомянутые выше «Отчеты расходов царской казны...»: «И всего золота отдано на Денежный двор в дело, в денги, для немец 75 гривенок золота 47 золотников; а денег сделано из того золота 2755 рублев»[21]. Средний вес золотой копейки по этой записи составлял

* Кстати, средний вес всех типов копеек Владислава коллекции ОН ГИМ (117 экз.) составил 0,51 г — цифру, близкую норме копеек четырехрублевой стопы!

0,56 г. Вес золотых копеек собрания ОН ГИМ выдержан в трех весовых нормах — трехрублевой стопы с весовой нормой 0,68 г, стопы в 3,4 рубля с нормой 0,60 г и четырехрублевой стопы с нормой 0,51 г*. Легковесных копеек по $2^3/_4$ почки (0,47 г) среди них встречено мало (имеется, правда, единственная копейка типа *2 — 2* с весом 0,36 г). Отсутствие легковесных золотых копеек Владислава свидетельствует об особом назначении этого выпуска, предназначенного для выплаты жалованья наемникам. Об этом же говорит текст записи в «Отчетах» — деньги из золота делались «для немец».

Помимо Московского при Владиславе Жигимонтовиче некоторое время работал и Новгородский денежный двор. В октябре 1610 г. боярин И. М. Салтыков привел к присяге новгородцев, а в январе новгородцы восстали против польского ставленника, казнили Салтыкова и установили, по образцу Пскова, самоуправление. Новгородские копейки с именем Владислава могли чеканиться в короткий отрезок времени между октябрем 1610 г. — январем 1611 г. Новгородские копейки Владислава очень редки. В собрании ОН ГИМ, например, хранится их всего 4 экз., в уже упоминавшемся смоленском кладе 1611 г.[22] — 5 экз., в одном из новгородских кладов — 7 экз.

Для чеканки этих монет был использован лицевой маточник времени Василия Шуйского без даты, с буквами НРД и приготовлены два оборотных штемпеля (табл. 4, Н., *1—1, 1—2*). Выбор недатированного лицевого маточника понятен: маточник 1610 г. с буквами РІН (118 г.) мог служить только до сентября 118 (1610) г. Новый маточник с датой 119 приготовить в Новгороде уже не успели. Оборотный маточник *1* выполнен в традициях новгородского стиля — надпись сделана приземистыми, неряшливыми буквами, напоминающими оборотные новгородские маточники Василия *3* и *4*. Однако оборотный маточник *2* (он пока известен по единственному экземпляру из смоленского клада[23]) отличается по стилю от этого маточника Владислава. На маточнике *2* мы видим признаки, характеризующие московскую манеру: написание «князь» вместо обычного новгородского «кнзь», имя Владислава, написанное через «І», характерное для московского стиля монет Владислава начертание буквы М.

Не следует исключать возможность того, что с воцарением Владислава Денежный приказ попытался возобновить нарушенную практику руководства денежными дворами вне столицы и вернуться к использованию московского стиля в провинциальном чекане. Вес единственного экземпляра типа *1 — 2* нам не известен, и мы не можем судить, была ли связана попытка возрождения московского стиля в Новгороде с введением иной весовой нормы. Вес других копеек Владислава, чеканенных на Новгородском дворе, тяготеет к нормам трехрублевой стопы. Средний вес семи монет из новгородского клада, имеющих, кстати, отличную сохранность, составляет 0,67 г. Копейки собрания ОН ГИМ весят 0,62, 0,64 — 2 экз., 0,66 г. Если Москва и пыталась снизить весовую норму новгородских копеек, то это ей явно не удалось.

Псковских копеек с именем Владислава мы не знаем. Псковские летописи сообщают, что псковичи не целовали крест королевичу[24]. В марте 1611 г. в Ивангороде появился новый самозванец, объявивший себя Дмитрием Ивановичем. «Новый летописец» называет его «Сидоркой, Псковским вором»

* Веса этих копеек: (М., *2 — 2*) — 0,36, 0,46, 0,48, 0,52, 0,57, 0,59 — 3 экз., 0,60 — 2, 0,61, 0,62 2, 0,64 – 2, 0,65 — 2, 0,66 — 3, 0,68; (М., *3 — 2*) — 0,56; (М., *3 — 3*) — 0,48, 0,51.

и полагает, что под его именем скрывался московский дьякон Матюшка. Псковичи признали нового самозванца и 4 декабря этого же года целовали ему крест, а в марте 1612 г. признали его и в таборах Первого ополчения под Москвой: «Под Москвою ж воеводы и казаки поцеловали тому вору крест»[25]. Карьера самозванца закончилась уже в начале лета: 1 июня 1612 г. он был привезен «к Москве» и казнен. Однако какое-то время «Сидорка, Псковский вор» воспринимался как реальная политическая сила.

Нумизматические данные дают основание полагать, что Псковский денежный двор даже чеканил монеты Лжедмитрия III. В собрании ОН ГИМ хранятся две монеты, оборотные стороны которых представляют хорошо известный тип псковской копейки 1605 г. с именем Дмитрия Ивановича. Однако лицевые стороны их чеканены при помощи маточника, до сих пор встречавшегося только в псковском чекане Михаила Федоровича. Вес этих необычных копеек (табл. 4, П., *А — А*) выдержан в норме трехрублевой стопы (0,61 и 0,70 г), поэтому они не могут быть отнесены к времени Михаила. Остается предположить, что новый лицевой маточник был приготовлен на Псковском денежном дворе задолго до воцарения Михаила, может быть, между 1608 — 1610 гг., когда Псков пытался самостоятельно готовить орудия чеканки, «отложившись» от Москвы и Денежного приказа. Этот лицевой маточник, так же как и лицевой маточник Василия Шуйского *2*, резанный незадолго до событий 2 сентября 1608 г. на Псковском денежном дворе, видимо, местными мастерами, не отличался ни художественными, ни техническими достоинствами. Сухой, очень схематичный рисунок, низкий рельеф резко контрастируют с изображениями на прочих псковских копейках, особенно на маточнике 1604 г., широко использовавшемся в псковском чекане. События в Пскове после 1608 г., как уже говорилось выше, не благоприятствовали деятельности денежного двора, и приготовленный лицевой маточник мог оставаться без применения.

После признания в Пскове Лжедмитрия III чеканка копеек с именем Дмитрия Ивановича, по всей видимости, была санкционирована правительством Первого ополчения, приславшего осенью 1611 г. в Псков двух воевод: Никиту Хвостова и Михаила Милославского. По примеру тушинского правительства, использовавшего Псковский денежный двор после присяги Пскова Лжедмитрию II 2 сентября 1608 г., подмосковное ополчение также могло попытаться наладить здесь чеканку монеты с именем Дмитрия Ивановича после марта 1612 г. до 1 июня 1612 г. Выбор весовой нормы, которая, судя по двум известным экземплярам, была не ниже трехрублевой стопы, говорит о том, что и здесь правительство Первого ополчения следовало тушинскому: весовая норма копеек Лжедмитрия III так же, как в свое время копейки Лжедмитрия II, была выше московской, в этот период опустившейся уже до четырехрублевой стопы.

Копейка типа *А — А* является уникальным памятником, не только свидетельствующим о недолгих притязаниях на русский трон Псковского вора Сидорки, но и являющимся документальным подтверждением попытки правительства Первого ополчения организовать собственную регулярную чеканку.

Мы надеемся, что в будущем новые находки в кладах и коллекциях смогут внести окончательную ясность в атрибуцию этого необычного типа псковской копейки.

* * *

В 1612 г. русское денежное хозяйство очутилось на грани катастрофы. Московский денежный двор из-за недостатка сырья не смог выпускать копейки даже по самой низкой весовой норме в $2^3/_4$ почки. Псковский денежный двор практически не работал в 1608 — 1611 гг. В Новгороде с лета 1611 г. чеканка монет становится регалией шведского командования. Единое русское денежное обращение, по существу, распалось. Оно разделилось на несколько изолированных ареалов, граница между которыми пролегла по территориям к югу от Москвы, занятым поляками, шведами, казацкой вольницей, и уездам, расположенным к северо-востоку от Москвы.

Возрождение русского денежного дела оказалось тесно связанным с национально-освободительным движением русского народа.

«Корм и казна» Второго земского ополчения

Первое земское ополчение, возникшее в начале 1611 г. и возглавлявшееся П. Ляпуновым, Д. Трубецким и И. Заруцким, частично распалось после убийства Ляпунова 22 июля 1611 г. Осадившие Москву силы ополчения не могли уже составлять сколько-нибудь серьезной угрозы для интервентов. Среди причин, которые привели ополчение к такому финалу, не последнее место занимали отсутствие прочной материальной и хозяйственной базы, невозможность обеспечить регулярным жалованьем казаков. Приговор 30 июня 1611 г. запрещал казачьи приставства — передачу в кормление определенных территорий. Пытаясь организационно оформить свою деятельность, руководители Первого ополчения создали центральную администрацию, которая сделала попытку наладить регулярное обеспечение ополченцев поместными и денежными окладами, хлебным жалованьем. Финансами должны были ведать вновь организованные Дворец, Большой Приход, четверти, как это было при «прежних российских прирожденных государях». Правительство «всей земли» (так именовали себя деятели Первого ополчения) старалось наладить регулярный сбор денежных средств, однако средства эти поступали не в хорошо отлаженный механизм государственного аппарата, а в плохо организованную систему управления ополчением.

Грамоты Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого от ноября и декабря 1611 г. в Переяславль-Залесский, Ярославль, Кострому и костромские пригороды, в Переяславль Рязанский, Владимир, Арзамас предписывали сборщикам собрать «с сохи по двадцати по семи шуб бараньих, а с черных волостей собрать с трех вытей по шубе», а также «сошныя всякие доходы и кабатцкие и запросные деньги». Помимо этого к посадским людям и гостям посылались грамоты о запросных деньгах, «чтобы оне всяким ратным людем для подмосковные земские службы денег дали, сколко кому мочно».

Сборы эти, судя по содержанию грамот, успеха практически не имели. Причинами этого послужили и сами сборщики, которые не спешили отдавать казенные сборы («а сборщики заворовали, шуб не собрали ж и к Москве по ся место не приваживали»), и отсутствие средств на местах, разоренных военными

действиями и грабительскими походами казаков и поляков. Например, в Переяславле Рязанском были недобраны окладные деньги за 7118 и 7119 гг. Под Москвой складывалась трагическая обстановка. В тех же грамотах сообщается: «А дворяня и дети боярские и Казаки и Черкасы и стрельцы и всякие служивые люди, будучи на земской службе под Москвою, боярам бьют челом о жалованье беспрестанно, а дати им нечево, и оне без жалованья и с стужи от Москвы хотят итти прочь»[26].

Свою роковую роль в распаде Первого ополчения сыграли и признание весной 1612 г. Лжедмитрия III, обострившее противоречия между основными социальными группировками ополчения — казачеством и дворянством, и сокращение территорий, признававших власть правительства «всей земли», и уменьшение в связи с этим доходов в казне ополчения, и попытка искоренить практику приставств[27]. К этому следует присовокупить еще одну существенную причину: отсутствие в казне ополчения средств для выдачи денежного жалованья, которое после ликвидации приставств стало практически единственной формой вознаграждения за службу казаков. Эфемерный чекан Лжедмитрия III в Пскове может служить доказательством того, что правительство Первого ополчения пыталось решить экономические проблемы путем организации собственной чеканки. Однако организовать правильную и регулярную чеканку ему так и не удалось. Решающую роль в этой неудаче, должно быть, сыграло отсутствие сырьевых ресурсов в казне Первого ополчения.

В осенние и зимние месяцы 1611 г., когда Первое ополчение постепенно распадалось «без жалованья и с стужи», в Нижнем Новгороде набирало силу Второе ополчение, гораздо более однородное по составу, опиравшееся на первых порах почти исключительно на посадских людей, практичных и деловых уже по своей природе. Второе ополчение начало сразу с организации регулярных принудительных сборов средств, не довольствуясь добровольными пожертвованиями. Приговор о сборе пятой денги «с пожитков и промыслов» должен был обеспечить финансовую базу создавшегося ополчения. Призывая ратных людей, руководители Второго ополчения обещали давать им «корм и казну» и обещание свое выполнили.

Известны размеры верстанья служилых людей, которые были довольно значительными по тогдашнему времени. Приходилось на первых порах довольствоваться только денежными и хлебными окладами, так как земельных раздач ополчение предоставить пока не могло[28]. Форма вознаграждения за службу в виде денежного жалованья в деятельности ополчения, видимо, играла значительную роль. Однако вскоре обнаружился недостаток денежных средств. «В Нижнем же казны становится мало», — сообщает Новый летописец[29]. К добровольным пожертвованиям и принудительным сборам прибавились займы у иногородних людей Нижегородского посада и у Строгановых, а затем руководители ополчения обратились к понизовым и поморским городам. Новый Летописец констатирует, что «в городах... же слышаху в Нижнем собрания рада быша и свезоша к нему из городов многую казну»[30].

В феврале 1612 г. ополчение перебазировалось в Ярославль. Четырехмесячное пребывание ополчения в Ярославле окончательно укрепило патриотическое движение как организационно, так и материально. Четыре месяца прошли в напряженной работе над восстановлением порядка в стране, над созданием центральных правительственных учреждений, над собиранием сил и средств для самого ополчения. Наряду с оформлением правительственных учреждений, в точности воссоздававших структуру государственного аппарата, видимо,

вскоре по прибытии ополчения в Ярославль, здесь был создан денежный двор.

Организация собственной чеканки не была изобретением правительства Второго ополчения. Как можно было убедиться выше, пытались наладить регулярную чеканку и тушинское правительство в 1608 г. в Пскове, на Псковском денежном дворе, и Первое ополчение в 1612 г. в том же Пскове. Второе ополчение воспользовалось уже готовым опытом. Однако оно оказалось в более сложном положении. Во-первых, у него не было в распоряжении налаженного денежного производства, каким был Псковский денежный двор. Во-вторых, если чеканка 1608 и 1612 гг. велась от имени царя Дмитрия Ивановича и выбор имени царя для легенды монет не представлял затруднений для организаторов чеканки, то у правительства Второго ополчения такой возможности не было. Помимо этих трудностей перед ярославским правительством так же, как перед тушинским и правительством Первого ополчения, очень остро стояла проблема снабжения сырьем денежного производства. Тем не менее чеканка монет Вторым ополчением не только оказалась гораздо более счастливой, но и смогла вывести русское денежное хозяйство из того кризиса, в который повергли его события 1610 — 1612 гг.

Создание Вторым ополчением денежного двора в Ярославле трактуется обычно однозначно: это было мероприятие, характеризовавшее правительственную деятельность ополчения, его «устроение» государственного аппарата. Значение монет ополчения более всего расценивалось в плане прокламативном[31]. Не останавливаясь сейчас на этой стороне вопроса, без сомнений, очень существенной для раскрытия замыслов ополчения, обратимся прежде всего к экономической сущности организации чеканки.

По приходе в Ярославль средства ополчения были на исходе. Д. М. Пожарский в грамоте от 7 апреля жаловался, что деньги уже «розданы дворянам и детям боярским и всяким ратным людем» и прочим нуждающимся «дати нечего»[32]. Ополчение принялось энергично собирать средства: ускорили и ужесточили текущие государственные сборы, стали взыскивать, по возможности, недоимки прежних лет, убедительно просили добровольных пожертвований и прибегли к принудительному займу у Соловецкого монастыря.

Постепенно налаживалась торговая жизнь: за 7120 (1612) г. торговые обороты в стране значительно выросли по сравнению с предшествовавшими годами; одна из крупнейших таможен — нижегородская — дала в полтора раза больше сборов, чем в 7119 (1611) г.[33] Сам Ярославль был одним из важнейших пунктов внутренней и внешней торговли. Он стоял на пересечении торговых путей между Архангельским портом и Москвой, на пути в Астрахань, на Кавказ и в страны Азии. Еще с XVI в. в Ярославле размещались конторы английских, голландских, а позже и других иноземных купцов. В годы смуты Ярославль стал единственным центром русской торговли с Западом, поскольку северо-западные города оказались отрезанными от Русского государства военными событиями. Богатые ярославские купцы — Григорий Никитников, Михаил Гурьев, Надея Светешников, Василий Лыткин — принимали деятельное участие в создании материальной базы ополчения[34]. Доходы в виде таможенных пошлин, появление потенциальных заказчиков — торговых людей, энергичный сбор средств в казну создавали объективные предпосылки для организации собственной чеканки.

Не следует также забывать, что чеканка монет сама по себе должна была приносить известный доход казне. Выше приходилось говорить о фискальной

стороне денежного производства во второй половине XVI — начале XVII в. В 1612 г. нормы Торговой книги еще оставались в силе. Правительство ополчения могло рассчитывать на дополнительный доход от эксплуатации монетной регалии и за счет снижения весовой нормы монет.

Немаловажную роль в организации чеканки в Ярославле играло то обстоятельство, что город славился своими ремесленниками-серебряниками, число которых было велико по сравнению с мастерами прочих специальностей. Исследовательница русского золотого и серебряного дела М. М. Постникова-Лосева отмечает, что среди городов Поволжья Ярославль по праву можно считать одним из самых ярких, значительных и интересных местных центров серебряного дела. Расцвет серебряного дела в Ярославле приходится на XVII в.; более ранних изделий ярославских серебряников не сохранилось. Возможно, в этом повинен страшный пожар 1658 г., уничтоживший почти всю деревянную часть города, городскую стену, торговые ряды, три монастыря и двенадцать церквей вместе с древними книгохранилищами и церковной утварью[35]. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что многие ярославские серебряные изделия могли погибнуть в тиглях денежного двора. Разумеется, расцвет ярославского серебряного дела в XVII в. имел более ранние местные традиции и возник он не на пустом месте. Исследователи отмечают, что в городе существовали потомственные семьи ремесленников-серебряников[36].

Весьма важным кажется и тот факт, что в Ярославле до конца XV в. действовал денежный двор. Князь Александр Федорович был одним из немногих удельных князей, сохранивших право чеканки собственной монеты при Иване III[37]. Память поколений мастеров-серебряников не могла не сохранить воспоминания о наличии в городе денежного производства.

Таким образом, организация денежного двора в Ярославле в 1612 г. не только основывалась на солидной материальной базе, но и опиралась на известную традицию. Большое количество искусных серебряников, проживавших в городе, обеспечило кадры для денежного двора на первых порах его существования.

Чеканка монет, организованная правительством Второго ополчения в Ярославле, представляет собой чрезвычайно сложное и многозначное явление. Помимо чисто экономической целесообразности этой акции в создавшихся конкретных условиях факт этот в сознании современников приобретал особый морально-политический аспект. Правительству ополчения, начинавшему собственную чеканку, необходимо было перешагнуть через своего рода нравственный барьер. Чеканка в Русском государстве, как известно, могла осуществляться только от имени законного государя (кем бы на самом деле он ни являлся). Государственная монополия на чеканку монет, окончательно закрепленная при Грозном, исключала практику чеканки крупнейшими церковными и светскими феодалами. В основе этого порядка стояли и политика меркантилизма на ее простейшей стадии, и зарождавшийся абсолютистский строй. «Совет всея земли» (ярославское правительство) в собственном сознании и сознании современников был временной властью, главной и конечной целью которой было восстановление в стране законной власти.

Решившись на выпуск собственной монеты, ополчение должно было найти форму и способ дать понять современникам, что оно не узурпирует монопольное право на чеканку монет, и в то же время раскрыть свою политическую программу. Именно монетам, этим важнейшим средствам массовой информации в средние века, предназначалась наряду с грамотами, отправленными в города, орга-

низационная и пропагандирующая роль в национально-освободительной борьбе русского народа. Следовало найти единственное правильное решение оформления поля монеты в пределах традиционного типа русской копейки; нужно было правильно выбрать и весовую норму. Разумеется, «Совет всея земли» мог пойти по самому простому пути — наладить массовый выпуск, подражающий популярному типу ходячей монеты, но с заниженной весовой нормой. Экономическая выгода от такой чеканки была бы гарантирована. Ополчение нашло иное решение, которое принесло прекрасный и экономический, и политический эффект. Об этом убедительно и наглядно свидетельствуют монеты.

О существовании денежного двора в Ярославле в 1612 г. сообщает опубликованный в 1915 г. документ — челобитная некоего Максимки Юрьева, написанная, видимо, в первой половине мая 1613 г., где указано, что он был «в Ерославле на Денежном дворе у ... государева дела в бойцех»[38]. Монеты Ярославского двора были выявлены только в середине нашего столетия И. Г. Спасским[39]. В 1960 г. автором этих строк были опубликованы еще три типа этих монет[40], а в 1970 г., благодаря новым находкам в кладах и коллекциях, в общей сложности оказались известными 10 типов копеек Ярославского двора[41]. В настоящее время число их увеличилось до 15.

Основанием для выявления монет ополчения послужили редкие копейки с именем Федора Ивановича и с буквами с/ЯР, обозначающими знак денежного двора, которые могли быть расшифрованы только как слово «Ярославль». Эти копейки не обнаружили обычных связей по штемпелям с прочими монетами Федора Ивановича и к тому же показали средний вес, равный 0,58 г, т. е. значительно меньший, чем вес копеек трехрублевой стопы.

С помощью монет прояснились многие аспекты политики ополчения, в частности такой важный момент, как определение кандидатуры будущего царя. Кандидатами на московский престол в 1611—1612 гг. были и Владислав Жигимонтович, коронованный в Москве, и «Воренок» — сын Марины Мнишек, и Псковский вор Сидорка, которому присягнули в таборах Первого ополчения, и шведский королевич Карл-Филипп — кандидатура, выдвинутая новгородскими послами на переговорах с правительством ополчения в июне — июле 1612 г. Король Сигизмунд III также претендовал на московский трон. В нижегородских грамотах, посланных в начале декабря 1611 г. в Вологду и Соль Вычегодскую, изложена программа ополчения на тот момент: «Маринки и сына ея, и того Вора, который стоит под Пьсковым, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, также что и литовского короля»[42]. Относительно кандидатуры шведского королевича правительство ополчения уклончиво отвечало, что неправославного государя на Московское царство избирать нельзя и нужно дождаться, чтобы сам королевич прибыл в Новгород[43]. Ни в грамотах 1611 г., ни позже не обсуждалась и даже не упоминалась кандидатура Владислава Жигимонтовича, поскольку это был весьма щекотливый вопрос. Он был официально признанным московским царем, его признавало сидевшее в Москве боярство, его именем чеканились монеты и вершилась государственная власть в той части государства, которая оставалась под властью Москвы. Ополчение не могло не считаться с тем обстоятельством, что в его среде имелись сторонники кандидатуры Владислава и даже Сигизмунда (например, братья Иван и Василий Шереметевы)[44].

На первых порах ополчение главную свою задачу видело в объединении всех земских людей на платформе, как пишет П. Г. Любомиров, «не вполне определенной в некоторых частях, не особенно широкой и недостаточно конкретной

в отдельных пунктах, но зато общей для всей земщины, устраняющей возможность борьбы между различными в ней направлениями и оттенками политических настроений»[45]. Эта политическая программа, которая на первом этапе сводилась к объединению всех жизнеспособных патриотических сил страны и освобождению территории от польских и казачьих отрядов, обусловила и выбор типа монеты. Ополчение остановилось на имени Федора Ивановича, а на лицевой стороне монеты было решено поместить знак нового денежного двора — с/ЯР.

Выбор имени Федора Ивановича, последнего Рюриковича, в сознании современников окруженного ореолом святости, вполне отвечал политической программе ополчения. Это имя придавало монетам законную силу — они чеканились «на государево имя», но в то же время оно становилось политическим лозунгом, декларирующим программу ополчения — избрание царя из числа православных государей, русского по происхождению и «царского корени». Монеты с именем Федора Ивановича должны были служить платформой, объединяющей всю земщину и нивелирующей все существующие в тот момент политические споры и разногласия.

Помещение знака с/ЯР, обозначавшего место чеканки — Ярославль, тоже было само по себе достаточно многозначительно. «Совет всея земли» решился на этот шаг, видимо, вполне сознательно и преследуя далеко идущие цели. Выпуском собственных монет, отмеченных особым знаком, в котором читалось название центра национально-освободительной борьбы, правительство ополчения декларировало и свою политическую власть, и финансовые возможности. Ярославские монеты более грамот и словесных призывов должны были действовать на сознание ратников, впервые за несколько лет получивших, наконец, регулярное жалованье от правительства.

Клады с монетами ярославского ополчения показывают, как быстро распространились они на достаточно широкой территории. Известно 12 кладов* с монетами ополчения, сложившихся между весной 1612 г. — весной 1613 г. Они происходят из Архангельской, Вологодской, Костромской обл., из Москвы и Московской обл., а также из Рязанской, Тамбовской, Тульской обл. и из Житомирской обл. УССР. За исключением клада из Архангельской обл., который, по непроверенным данным, состоял из нескольких тысяч экземпляров, остальные клады имеют обычный для этого времени объем: от 6—8 до 30 рублей; размеры основной их массы находятся в пределах 10—18 рублей. Это довольно большие суммы. Размеры кладов, сложившихся на рубеже 1612—1613 гг., свидетельствуют об активном насыщении новыми монетами истощенного денежного обращения.

Систематизация монет ополчения основывается на данных поштемпельного анализа и весовых показателях. Самой многочисленной в чеканке ополчения является первая группа монет (насчитывает около 200 экз.), имеющая один общий лицевой штемпель со знаком с/ЯР и два оборотных с именем Федора Ивановича (табл. 5, Я., *1—1, 1—2*). Именно эти монеты стали известны исследователям в первую очередь. Их весовая норма выдержана в пределах $3^1/_2$ почки (0,60 г)**. Чекан ополчения начался именно с этих копеек, о чем свидетельствует

* Число кладов времени ополчения, безусловно, должно быть бóльшим, но в ранних публикациях монеты ополчения включались в число монет Федора Ивановича, из-за чего датировка кладов искажалась.

** Веса копеек типов *1—1* и *1—2* собрания ОН ГИМ: 0,39, 0,50, 0,51, 0,53, 0,54 — 2 экз., 0,55 — 2, 0,56 — 5, 0,57 — 4, 0,58 — 3, 0,59 — 3, 0,60, 0,62.

прежде всего весовая норма. Она совпадает с весом монет Владислава Жигимонтовича, установленным в Москве с сентября 1611 г. по май 1612 г. Правительство ополчения уже не делало попытку вернуться к чеканке монет по трехрублевой стопе, ибо в создавшихся условиях, когда денежное обращение было наводнено копейками облегченного веса, возвращение к полновесным монетам было бы экономически нецелесообразно — тяжелые копейки не смогли бы удержаться среди ходячей монеты.

Не исключено, что к моменту начала чеканки на Ярославском денежном дворе весовая норма в Москве уже снизилась с 3,4 до 4 рублей. Однако ярославская чеканка ориентировалась на 3,4-рублевую стопу. В данном случае правительство Второго ополчения придерживалось предшествующей практики тушинцев и, по-видимому, Первого ополчения, которые чеканили свои монеты по более высокой весовой норме в сравнении с чеканом их политических врагов. Во всех этих действиях был правильный расчет — повысить популярность у населения собственных выпусков монет. Впрочем, разница в весе московских и ярославских копеек была не так уж велика — она составила всего около половины почки (весовая норма первого выпуска ярославских копеек — 0,60 г, а московские копейки весной 1612 г. весили 0,51 г).

Рисунок и надписи на монетах первого выпуска ополчения выполнены на вполне профессиональном уровне. По характерным стилистическим приемам можно узнать руку мастера, готовившего маточники при Василии Шуйском в 1608 г. (табл. 4, М., *3—6*) и Владиславе Жигимонтовиче в 1611 г. (табл. 4, М., *2—2*). Поза всадника, проработка складок на одежде и рисунок сбруи тоже обнаруживают большое сходство. Особенно характерным индивидуальным признаком, присущим манере этого мастера, является наличие крупной точки под коленом всадника, играющей роль композиционного центра рисунка. Похожи и надписи с характерной лигатурой Ц Р в слове «царь», буквы У и Я, сходно расположение строчек.

Профессиональное качество рисунка дополнялось высокими техническими достоинствами новых маточников: размещение изображений здесь соразмерно размерам рабочей поверхности маточников, а прочность их характеризуется тем, что с помощью одной пары маточников (табл. 5, Я., *1—1*), в основном находившейся в работе, была отчеканена бóльшая часть монет ополчения. Совершенно очевидно, что в изготовлении этих орудий чеканки принимал участие профессиональный мастер-резчик Московского денежного двора. В условиях весны 1612 г. факт этот заслуживает особого внимания и требует объяснения.

Изготовление московским мастером маточников для Ярославского денежного двора вполне вписывалось в практику русского денежного дела, установившуюся с 1604 г., когда Москва готовила маточники для Новгородского и Псковского дворов. Однако весной 1612 г. эта практика уже не могла иметь места, так как ни о каком централизованном управлении денежным производством в стране, разделенной на воюющие группировки, не могло быть и речи. Видимо, мы должны рассматривать изготовление ярославских маточников в Москве как отражение отношения основного населения Москвы к польским захватчикам, которые к весне 1612 г. не только окончательно потеряли всякую популярность, но и перестали внушать страх. Свое будущее москвичи прочно связывали с той национально-освободительной силой, которая собралась в Ярославле. Находясь в Москве, в непосредственной близости от правительства поляков, русский мастер-ремесленник приготовил орудия чеканки для их поли-

тических врагов и сумел переправить их в Ярославль. К сожалению, нет и вряд ли могут быть какие-либо сведения, по которым можно было бы узнать, как осуществлялась эта акция, стояла ли за ней инициатива самого мастера или же в этом деле принимал участие Денежный приказ. Остается ориентироваться только на конечный факт — появление в Ярославле великолепного комплекта маточников, с помощью которых была организована и налажена чеканка монет ополчения.

Этот комплект, состоявший из одного лицевого (Я., *1*) и двух оборотных маточников (Я., *1, 2*), послужил тем образцом, с которого местные ярославские мастера-серебряники впоследствии скопировали новые орудия чеканки, продолжая выпуск монет на Ярославском дворе (Я.,*2—3, 2—4, 2—5, 2—6, 3—6, 4—7, 5—7, 5—8*). Эти монеты относятся ко второй группе Ярославского чекана. С лицевого маточника *1* были скопированы два — один без букв (*2*) и другой с буквами с/ЯР (*3*). Близость к оригиналу сказывалась здесь в сходной композиции рисунка, в характерной композиционной точке, расположенной под коленом всадника. Ярославские мастера с большим мастерством сумели изобразить пышные складки одежды всадника, развевающийся плащ, царский венец, напоминающий по очертаниям шапку Мономаха, впервые на монетах появившийся на «портретной» копейке Бориса Годунова.

В то же время высокие по художественным достоинствам новые маточники были, видимо, весьма несовершенны по их техническим качествам. Рисунки были непропорционально большими и не умещались целиком на рабочей поверхности маточника. На монете оттискивалась только средняя часть изображения. Да и сами маточники оказались недостаточно прочными, чем и следует объяснить необходимость неоднократной подчистки и подновления лицевого маточника *2*, который затем повторился в маточниках *4* и *5*. Очевидно, местные искусные мастера-серебряники не были знакомы со спецификой денежного дела.

Любопытно, что ярославские мастера внесли некоторые новые для русского денежного производства технические приемы, например использование пунсонов. Основное изображение — силуэт всадника — резалось на маточнике целиком, а плащ и буквы наносились пунсонами: об этом говорит различное положение этих элементов по отношению к основному изображению на лицевых маточниках *2, 4, 5, 6, 7, 8*.

Оборотные маточники тоже делались руками искусных мастеров-серебряников, но неопытных денежников. Ровные, красивые буквы надписи неравномерно размещались на рабочей поверхности маточников, и на монете отпечатывалась только средняя часть легенды. Для короткого срока чеканки копеек с именем Федора Ивановича, который укладывался самое большее в шесть месяцев 1612 г., понадобилось в общей сложности четыре лицевых и шесть оборотных маточников. До нас дошли только десять экземпляров копеек, чеканенных посредством этих маточников, — свидетельство хрупкости и недолговечности последних (вспомним, что первые выпуски, за которыми стояли всего один лицевой и два оборотных маточника, дошли до нас в количестве 200 экз.).

Следует отметить одно существенное обстоятельство. Этот второй выпуск ярославских копеек так же, как и первый, послуживший для него образцом, имеет характерные черты московского стиля: всадник изображен на выступающем шагом коне, знак денежного двора помещен между передней и задней ногами коня, рисунок и буквы выполнены плавными, сочными линиями.

Второй выпуск ярославских копеек открывает монета с именем Владислава Жигимонтовича (Я., *2—3*). Единственный известный экземпляр этой копейки

из Вологодского музея имеет вес 0,54 г, что говорит о чеканке его по стопе в 3,4 рубля. Объяснить использование имени политического врага ополчения на монетах можно только соображениями сугубо практического порядка. По времени монета датируется июлем — августом 1612 г., когда воинские силы ополчения двинулись к Москве. Правительство ополчения могло опасаться, что за пределами Ярославля монеты ополчения с невиданным знаком с/ЯР могут вызвать недоверие. Логично допустить, что с целью избежания ненужных осложнений было решено выпустить монеты, подражающие массовому типу московской копейки Владислава без знака двора (ярославская копейка с именем Владислава знака не имеет), по стопе в 3,4 рубля.

В дальнейшем в Ярославле вернулись к имени Федора, но знак с/ЯР (Я., *3—6*) был заменен на М (Я., *4—7*) или на сочетание каких-то букв под титлом (Я., *5—7*); на сохранившихся двух экземплярах копеек типа 5—7 знак под конем не виден. Все это объясняется стремлением приблизить ярославские копейки к массовым типам копеек, имевшим хождение в центральных районах в 1612 г. Весовая норма ярославских копеек также следовала весу московских копеек 1612 г. Типы *2—3* и *2—4* имеют вес стопы по 3, 4 рубля — 0,54 г. Начиная с типа *2—5* весовая норма ярославских копеек снижается до нормы четырехрублевой стопы: тип *2—5* имеет вес 0,45 г; типы *2—6* весят 0,40 и 0,49; *3—6* — 0,50 (2 экз.), 0,51; *4—7* — 0,51; *5—7* — 0,50; *5—8* — 0,45 г.

Как уже говорилось, московские копейки Владислава перешли к четырехрублевой стопе, возможно, весной 1612 г., а к осени 1612 г. вес их снизился еще больше. Ярославль удержался от этого последнего понижения и сохранил вес копейки четырехрублевой стопы без изменений. Переход к четырехрублевой стопе в Ярославле произошел, по всей видимости, в сентябре 1612 г. — по сравнению с Москвой со значительным запозданием.

При изучении чекана Ярославского денежного двора обращают на себя внимание продуманность и целесообразность политики Второго ополчения в денежном деле. «Совет всея земли» сумел наладить чеканку полноценной, вполне доброкачественной монеты, которая быстро сумела завоевать популярность у населения и способствовала росту авторитета ополчения и сплочению патриотических сил вокруг него. Организация собственной чеканки дала дополнительный доход казне ополчения, что в свою очередь способствовало улучшению положения служилых людей. Как говорили с завистью казаки Трубецкого во время борьбы за освобождение Москвы в октябре 1612 г. о ярославском войске, они «богати пришли из Ярославля»[46]. По единодушному мнению исследователей, экономическими успехами ополчение было обязано Кузьме Минину, который внес в организацию финансового дела ополчения свой практический ум купца и твердую волю. Блестящая организация денежного производства в Ярославле, надо полагать, не обошлась без его участия.

ГЛАВА 7

Конец испытаниям

Московский и Ярославский денежные дворы

В августе Второе земское ополчение и остатки Первого ополчения осадили сидевших в Кремле и Китай-городе поляков. После двухмесячной осады измученные голодом поляки и московские бояре, сидевшие в Кремле в осаде с «Литвой», сдались на милость победителей. Это произошло в конце октября, а 1 ноября 1612 г. в Москве состоялся торжественный крестный ход с благодарственным молебном. Во главе объединенного войска Первого и Второго ополчений с сентября 1612 г. «стали во единачестве» Д. М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой; И. М. Заруцкий ушел со значительной частью казаков в Коломну 28 июля 1612 г., еще до подхода войск Второго ополчения[1]. После окончания военных действий в Москве оба воеводы возглавили правительство, действовавшее до избрания законного царя.

Воеводы объединили свои «приказы» и прочие административные ведомства и поставили на нейтральном месте — «на Неглимне». Вся текущая административная работа велась от имени Трубецкого и Пожарского.

Первоочередной задачей в этот момент стало обеспечение жалованьем ратных людей; в противном случае можно было ожидать взрыва возмущения от голодных и полураздетых казаков Трубецкого. Но и земская рать тоже нуждалась в регулярном жалованье. Денег в казне ополчения не было. В начале октября оказалось, что «которые деньги были в привозе, и те розданы ратным людем на жалованье», и воеводам «дать нечего», из-за чего ратные люди грозили «итти с земския службы розно»[2]. «Новый летописец» сообщает, что сразу же после освобождения Москвы казаки начали просить жалованье «у начальников», не считаясь с тем, что уже получили («а то себе ни во что поставиша, что всю казну Московскую взяша»). Между «начальниками» и дворянами, с одной стороны, и казаками — с другой, видимо, произошло столкновение, в результате которого у казаков «немного государевой казны отняша»[3].

Правительство Трубецкого и Пожарского предприняло энергичные меры для розысков государственной казны, спрятанной во время пребывания поляков в Москве. О самом факте существования этой казны и о сокровищах, ее составлявших, имеются подробные сведения в дневнике Самуила Маскевича: «Было чем заплатить из казны, но бояре не хотели трогать сокровища, необходимые для торжественного венчания королевича, коего с часу на час ожидали. Там хранились всякие вещи, употребляемые для коронации: царские одежды, утварь

золотая и серебряная, драгоценные каменья, сверх того дорогие столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчуг и многое тому подобное. Все это я видел собственными глазами»[4]. Были арестованы и подвергнуты пыткам «возлюбленные друзья великого короля» — казначей Федор Андронов и доверенные лица казначея и короля, тоже стоявшие «у царской казны» — дьяки Тимофей Савинов, Степан Соловецкий, Замойский, Иван Безобразов. Они «под пытками» были вынуждены указать «великую казну и сокровища и открыли (место хранения) государственной короны... драгоценного скипетра царя и великого князя Ивана Васильевича и двух драгоценных ожерелий... княгини Анастасии, матери благочестивейшего царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси... Указали они и многие другие драгоценнейшие предметы... Итак, открытые посредством пытки деньги и сосуды положили в царскую ризницу и из этих денег много раздали воинам и весь народ успокоился»[5].

Единовременная раздача денежного жалованья ратным людям не могла разрешить всех финансовых проблем временного правительства, самой сложной из которых по-прежнему оставалось удовлетворение требований казачества. Как показали последние исследования А. Л. Станиславского, политика временного правительства и сменившего его правительства Михаила Федоровича имела четкую классовую направленность на усмирение и полную ликвидацию «вольного» казачества на основной территории России. Казачество, сыгравшее значительную роль в годы смуты, продолжало оставаться угрозой существующему порядку. Осенью 1612 г., после освобождения Москвы, правительство Трубецкого и Пожарского произвело «разбор» казаков, служивших в ополчениях. Получение при «разборе» жалованья юридически закрепляло право казаков и в дальнейшем оставаться на службе. «Разбор» 1612 г. закрепил сословную принадлежность к казакам большого количества участников крестьянской войны и освободительного движения. В крепостную зависимость возвращались лишь те казаки, которые не вошли в разборные списки[6].

«Разбор» 1612 г. ставил правительство перед необходимостью регулярной выплаты жалованья казакам прежде всего для того, чтобы удержать их в повиновении. Казачество в 1612—1613 гг. представляло собой грозную военную и политическую силу, с требованиями которой нельзя было не считаться. «Повесть о Земском соборе 1613 г.»[7], составленная в Москве в 1613 г., свидетельствует о бурных выступлениях казаков во время заседания Земского собора, требовавших ускорения избрания царя, который выплатил бы им жалованье за службу. До этого события казаки отказывались покинуть Москву. В «Повести» рассказывается также о щедрых пирах, которые давал казакам во время заседаний Земского собора 1613 г. один из претендентов на русский престол князь Д. Т. Трубецкой, «моля, чтоб быти ему на Руси царем»[8]. В воцарении Михаила Федоровича Романова, видимо, значительную роль сыграло то обстоятельство, что его сторонники вели успешную агитацию среди казаков и посадского населения.

Поиски средств для выплаты жалованья казакам в 1612 и последующих годах становятся, по существу, одним из центральных вопросов внутренней политики правительства, от успешного разрешения которого зависело его дальнейшее существование.

В тревожной обстановке осени 1612 г., когда вооруженные казаки, численность которых в объединенном ополчении превосходила число дворян, требовали с угрозами жалованья у временного правительства, идея создания допол-

нительного денежного двора в Москве была вполне оправданной. Ярославский двор, судя по выпускам монет лета и осени 1612 г., был маломощным, и его продукции было недостаточно для массовых выдач денег. Московский денежный двор после «литовского разоренья» был, по всей видимости, в таком состоянии, что о его регулярной работе не могло быть и речи.

О положении Московского денежного двора можно судить по аналогии с Серебряным приказом, тоже находившимся в Кремле. Он восстанавливался в 1612 г. в первую очередь, поскольку там должны были готовиться облачение и знаки царского достоинства к предстоящему царскому венчанию. В Серебряную палату нужно было доставить «лес на месты и на скамейки и на лавки... на чем делати серебряным мастером золотые и серебряные дела, что старые места и чюланы из серебряной палаты выношены, а также для воротов волочильных»[9].

О факте создания в Москве осенью 1612 г. временного денежного двора письменных документов не сохранилось. Но двор этот был создан, о чем убедительно свидетельствуют сами монеты, представляющие, несомненно, именно его продукцию: копейки, на лицевой стороне которых под ногами коня читается знак Московского двора о/М, а оборотная сторона которых несет имя Федора Ивановича (табл., 5, В. М., *1—1*). С подлинными монетами Федора Ивановича эти копейки не имеют общих связей и, следовательно, не могут быть отнесены к его царствованию. Неряшливый рисунок, небрежная, плохо читаемая надпись делают эти монеты похожими на типичные «воровские» копейки. Но для «воровских» монет их слишком много. Они часто встречаются в кладах и коллекциях, поэтому редкими нумизматическими памятниками их назвать нельзя. Весовая норма этих копеек кажется на первый взгляд совершенно хаотичной*.

При внимательном изучении, однако, здесь можно выделить две весовые группы, одна из которых тяготеет к копейке с весом в $3^1/_2$ почки (весовая норма 0,60 г), другая — к трехпочечной копейке, т. е. к монете четырехрублевой стопы с весовой нормой 0,51 г. Широкий разброс вокруг указанных весовых норм следует объяснить, по всей видимости, общей небрежностью, которая отличает чеканку этих копеек.

Эти копейки, чеканенные по двум весовым нормам, со знаком Московского двора о/М, с именем Федора Ивановича, отличающиеся крайне небрежным оформлением, являются первым выпуском Временного денежного двора в Москве, учрежденного осенью 1612 г., видимо, вскоре после освобождения Москвы.

Первый исследователь этих монет И. Г. Спасский считал их чеканенными ополчением в Ярославле после его выхода к Москве. По мере успехов освободительного движения руководители ополчения, по мнению Спасского, сменили знак денежного двора на московский[10]. Однако не обнаружено ни стилистических, ни поштемпельных связей этих монет с ярославскими, в то время как Московский денежный двор, восстановленный осенью 1613 г., широко использовал многие маточники Временного денежного двора. На это последнее обстоятельство обратили внимание В. Л. Янин и А. С. Мельникова[11]. Непрезентабельный вид этих копеек позволяет думать, что производством их занималась какая-то наспех оборудованная мастерская, где работали профессиональные денежники, но не было квалифицированного резчика маточников.

---

* Вес монет типа *1—1*: 0,40, 0,43, 0,44 — 3 экз., 0,45, 0,46 — 2, 0,47 — 3, 0,48 — 4, 0,49 — 5, 0,50 — 4, 0,51 — 3, 0,52 — 3, 0,53 — 4, 0,55 — 8, 0,56, 0,57 — 3, 0,58 — 2, 0,59, 0,60 — 3, 0,64 — 4.

Этот вывод основывается на том, что несмотря на неумелые, небрежные рисунки и надписи копеек Временного двора, сами маточники оказались прочными и долговечными. Для интенсивной чеканки копеек с именем Федора Ивановича, продолжавшейся с ноября 1612 г. по февраль 1613 г., понадобилась всего одна пара маточников, в то время как за этот же период на Ярославском денежном дворе были приготовлены минимум два лицевых и два оборотных маточника. Причем следует заметить, что продукция Временного денежного двора этого периода (тип *1—1*) насчитывается сотнями экземпляров, сохранившихся в кладах и коллекциях, а продукция Ярославского двора представлена единичными монетами.

Видимо, до ноября 1613 г. резчики Московского денежного двора были заняты подготовкой новых маточников для восстанавливавшегося Московского двора. Действительно, при открытии этого двора в ноябре 1613 г. первый выпуск сразу базировался на лицевых и оборотных маточниках, выполненных на очень высоком техническом и художественном уровне.

Первый выпуск монет Временного Московского двора может быть отнесен к ноябрю 1612 г. — марту 1613 г. (табл. 5, В. М., *1—1*). Видимо, в эти же осенние и зимние месяцы 1612—1613 гг. в Ярославле начали помещать на монетах московский знак. Тогда же там, вероятно, осуществился и переход к четырехрублевой стопе (Я., *4—7, 5—7*). Единовременный переход Ярославского и Московского дворов к единообразному оформлению монет и к чеканке по четырехрублевой стопе позволяет предположить, что в Москве, освобожденной от поляков, возобновил свою деятельность Денежный приказ как центральный орган управления денежным производством в стране. Осенью — зимой 1612—1613 гг. Денежный приказ восстанавливал Московский денежный двор в Кремле и одновременно направлял деятельность двух временных денежных дворов в Москве и Ярославле.

В январе 1613 г. в Москву стали съезжаться выборные люди для участия в Земском соборе, собравшемся для выборов царя. 21 февраля Москва целовала крест царю Михаилу Федоровичу Романову. 25 февраля 1613 г. считается днем окончания истории нижегородского ополчения и концом правления Трубецкого и Пожарского. Начиная с 26 февраля все делопроизводство велось уже «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу»[12]. Имя законного царя Михаила Федоровича должно было появиться на монетах и вместе с грамотами о состоявшемся избрании нового царя известить народ об этом событии. Ярославский и Московский временные дворы приступили к чеканке копеек с именем Михаила Федоровича, видимо, в марте после событий 21 февраля.

На Ярославском дворе был использован старый лицевой маточник, приготовленный местными мастерами летом 1612 г., без букв под ногами коня (Я., *2*). Маточник был почищен, подгравирован и на штемпеля, снятые с него, нанесли слово МОСКВА (Я., *6, 7*) или букву М (Я., *8*). На некоторые штемпеля поместили букву О перед изображением. Эта буква, а также тип рисунка на монете, изображение царского венца на голове всадника сближают выпуск монет Ярославского двора после февраля 1613 г. с «портретной» копейкой Бориса Годунова и убеждают окончательно в том, что в 1600 г. был выработан эталонный тип парадного изображения самодержца на монете. На ярославских копейках Михаила Федоровича буква О должна читаться как начало слова «Осподарь» (по аналогии с «портретной» копейкой, где буквы Б—О по сторонам всадника расшифровываются как «Борис Осподарь»).

На Ярославском дворе были приготовлены также два оборотных маточника с именем Михаила Федоровича (Я., *8, 9*). Известны пять типов ярославских копеек Михаила: *6—9, 7—9, 8—9, 8—10* и *3—10* (фототабл. 21, 22). Монета типа *3—10* со знаком с/ЯР сохранилась в единственном экземпляре; остальные типы копеек оказались более многочисленны. Только в собрании ОН ГИМ их насчитывается около двух десятков. Вес копеек Ярославского двора с именем Михаила выдержан в норме четырехрублевой стопы (диагр. 19).

Временный Московский денежный двор тоже начал чеканку копеек с именем Михаила Федоровича. Здесь были приготовлены два новых лицевых маточника и два оборотных с именем Михаила (В. М., *2—2, 2—3, 3—2, 3—3*). Один из лицевых маточников (В. М., *2*) повторяет тот же набор знаков, что и «парадная» копейка Михаила Ярославского двора (Я., *8*): буквы М под конем и О перед лицом всадника. Новые лицевые и оборотные маточники Временного Московского двора, так же как и первый выпуск монет с именем Федора Ивановича, отличаются невысокими художественными качествами, хотя, как уже выше отмечалось, по прочности эти орудия чеканки оказались значительно выше ярославских. Монеты Михаила, чеканенные на Временном Московском дворе, известны в коллекции ОН ГИМ в количестве до 100 экз., что намного превышает число ярославских копеек Михаила. Их весовая норма тоже выдержана в пределах четырехрублевой стопы (диагр. 20), хотя следует заметить, что и ярославские, и московские копейки обнаруживают очень заметные отклонения от нормы в 3 почки (0,51 г). Может быть, какая-то часть выпусков этих монет чеканилась по более заниженной весовой норме — $2^3/_4$ почки (0,47 г)? Для окончательного ответа на этот вопрос нужно располагать более широкой источниковой базой, которую, вне сомнения, обеспечат в дальнейшем новые кладовые материалы.

Довольно высокая продуктивность Временного Московского двора требовала сырьевых ресурсов, которых не было в разоренной, опустошенной столице. Видимо, какое-то количество сырья давали старые копейки трехрублевой стопы, которые шли в переплавку. Постепенно налаживалась торговля, и уже с мая 1613 г. в столбцах Печатного приказа встречаются отдельные сведения о покупке у торговых людей серебра в ефимках и, по всей вероятности, в изделиях. 16 мая «у смольнянина торгового человека Овросима Кошкина» было куплено серебра 15 гривенок 3 золотника «по 3 рубли по 16 алтын по 4 денги гривенка, а денег дано 52 рубли 32 алтына з денгою. Майя в 17 день торговому человеку Ивану Горбуну за 238 ефимков денег дано по 14 алтын за ефимок, а весу в них 34 гривенки и 18 золотников по 3 рубли гривенка, итого 99 рублев и 32 алтына»[13]. По нормам Торговой книги гривенка чистого серебра оценивалась «без дву гривен за 3 рубли» (280 коп.), а ефимок покупали «на Москве... — 12 алтын и в 12 алтын с денгою» (36 или 36,5 коп.). В мае 1613 г. гривенка чистого серебра стоила 350 копеек, а один ефимок — 14 алтын (42 коп.). Закупочные цены серебра корректировались копейкой четырехрублевой стопы, и нормы Торговой книги оказались непригодными в новых условиях.

По всей видимости, в первые месяцы после освобождения Москвы от поляков и в первой половине 1613 г., пока восстанавливался государственный аппарат, в том числе и Московский денежный двор с его функциями Денежного приказа, денежным производством ведал Печатный приказ, во главе которого с февраля 1613 г. был поставлен Ефим Телепнев; ему же был подчинен в это время Казенный двор. К «печатнику Е. Г. Телепневу да дьяку Ивану Мизинову» передавались из Челобитного приказа многочисленные челобитные с просьбами

о выдаче задержанного за несколько лет жалованья, денег на похороны близких, на покупку боевого коня. Удовлетворялись лишь самые незначительные просьбы; на большинстве челобитных помета дьяка сообщала, что просители получат желаемое лишь тогда, «как деньги будут». Ефим Телепнев и Иван Мизинов руководили восстановительными работами в Серебряном приказе, где готовились облачение «к царскому поставлению» и диадема с золотым крестом, две золотые цепи, три серебряных блюда, «стоянец серебрян под царское яблоко», посох, обложенный серебром. Известно, что Е. Г. Телепнев находился во главе Печатного приказа до 12 августа, а в ноябре 1613 г. он уже называется головой Денежного двора, который также именуется Денежным приказом. Он ведал Московским денежным двором до 17 января 1626 г. Видимо, ноябрь 1613 г. следует считать датой восстановления этого двора и началом регулярной чеканки монет с именем Михаила Федоровича. До этого срока денежное обращение обслуживали Московский и Ярославский временные денежные дворы.

Уже упоминавшаяся челобитная бойца Ярославского двора Максимки Юрьева была подана в Челобитный приказ, судя по помете дьяка Ивана Булыгина, в первой половине мая или в конце апреля 1613 г. (помета датирована 15 мая). В челобитной сообщается: «По твоему государеву указу велено из Ерославля Денежный двор перевести к Москве и мы, холопи твои прибрели сюда же к Москве з женишком и детишками и волочюся меж двор и помираю голодной смертью. Милостливый государь царь... смилуйся, государь, пожалуй меня холопа своего, вели, государь мне быти у своего государева дела на Денежном дворе в бойцех по прежнему, штоб я, холоп твой, волочася меж двор вконец не погиб и голодною смертью не умер и твоей б царской службы не отбыл...». На обороте челобитной помета дьяка Ивана Булыгина (с 18 февраля по 3 августа 1613 г. он был дьяком Челобитного приказа)[14]: «121 маия в 15 де(нь) Е. Г. Телепневу да дьяку И. Мизинову. Государь... пожаловал, будет надобет, велел ему быть»[15].

Из челобитной следует, что Ярославский денежный двор уже в мае 1613 г. был закрыт. Вскоре на Московском денежном дворе появился самый первый ярославский маточник, на котором буквы с/ЯР были переправлены на с/МО; этот лицевой маточник некоторое время использовался в чекане Михаила Федоровича на Московском дворе. Другие ярославские маточники, даже имеющие знаки Московского двора МОС/КВА и М, в работе Московского двора не участвовали. Возможно, в этом случае сыграло роль то обстоятельство, что первый ярославский маточник был единственным профессионально выполненным орудием чеканки в Ярославле; остальные кустарные, как сказали бы сейчас, изделия ярославских мастеров не могли найти применения в столичном производстве. Может быть, здесь также имело место своеобразное авторское чувство — ведь исполнителем первого ярославского маточника был московский мастер-резчик, продукция которого легко узнается среди монет Василия Шуйского и Владислава Жигимонтовича, а также первой половины царствования Михаила Федоровича.

Временный Московский двор работал, видимо, до ноября 1613 г. Восстановленный Московский двор на первых порах использовал пару маточников Временного двора (В. М., *3—3*). Как только была приготовлена партия новых оборотных и лицевых маточников, неказистые орудия чеканки Временного двора были уничтожены и никогда более не применялись. Временный денежный двор исполнил свое целевое назначение: он наряду с Ярославским двором обеспечил

срочный массовый выпуск монеты для выплаты жалованья казакам в 1612—1613 гг. и дал возможность полностью восстановить Московский двор.

Нумизматический материал свидетельствует, что правительство ополчения в 1612—1613 гг. сделало попытку организовать чеканку на Псковском денежном дворе.

Псковская летопись и другие письменные источники не сообщают о попытках Пскова снестись с руководителями Второго ополчения. Тем интереснее является нумизматическое свидетельство того, что Псков во второй половине 1612 г. примкнул к общерусскому движению. В кладах и коллекциях музеев попадаются копейки, которые могут быть отнесены к псковскому чекану, организованному осенью 1612 г. — зимой 1613 г. Эти копейки чеканены лицевым псковским штемпелем, приготовленным в 1604 г. при Борисе Годунове; для оборотной стороны был использован популярный псковский штемпель с именем Федора Ивановича (табл. 4, П.; фототабл. 22, *Б—Б*). Вес четырех монет этого типа в собрании ОН ГИМ составляет 0,49, 0,50—2 экз., 0,51 г.

Этот тип копейки И. Г. Спасский отнес в свое время к чекану Федора Борисовича Годунова в 1605 г., а автор этих строк — к чеканке его отца, Бориса Федоровича Годунова, выпустившего эти монеты во время своего утверждения на престоле между сентябрем 1598 г. — январем 1599 г.[16] Оба эти определения сейчас кажутся неверными. Поскольку лицевой маточник этой монеты появился в 1604 г., возможность использования его в выпуске 1598 г. исключается. Чеканка копеек при Федоре Годунове штемпелями Федора Ивановича также подвергается серьезным сомнениям, о чем шла речь выше. Против существующей атрибуции этих копеек говорит также их вес, не укладывающийся в норму трехрублевой стопы. Вес копеек этого типа тяготеет к четырехрублевой или же 3,4-рублевой стопам, которые были характерны для второй половины 1612 — начала 1613 гг.

Наличие этих псковских копеек 1612—1613 гг. с именем Федора Ивановича дает основание следующим образом реконструировать события в Пскове. После освобождения Москвы в октябре 1612 г. Псков признал власть правительства Трубецкого и Пожарского, и в городе была возобновлена деятельность денежного двора. Псковичам должно было импонировать имя последнего представителя законной династии Федора Ивановича, помещенное на монетах ополчения: ведь в Пскове упорно удерживалась традиция использования имен «природных государей» (в число которых попадали все три самозванца, поскольку они выступали под именем «Дмитрия Ивановича»). Псковский денежный двор никогда не чеканил монет с именем польского королевича — Владислава Жигимонтовича. По образцу Ярославля и Москвы здесь тоже началась чеканка копеек с именем Федора по стопе, принятой в это время в Москве и Ярославле. Не исключена возможность того, что в данном случае проявилась воля Денежного приказа, который осенью 1612 г. начал восстанавливать свое положение центрального руководящего органа. Об этом, в частности, свидетельствует выбор для чеканки в Пскове лицевого маточника московского стиля. Этот же маточник в дальнейшем использовался в псковском чекане Михаила Федоровича.

Имеются пока лишь глухие намеки на то, что на Псковском дворе производилась чеканка копеек с именем Михаила после избрания Михаила Романова (февраль 1613 г.) и до лета 1615 г., времени осады Пскова войсками Густава-Адольфа. В кладе из с. Лукинское Ленинградской обл. (ОН ГЭ, № XIX), зарытом в 1645 г., обнаружена копейка весом 0,45 г, чеканенная лицевым штемпе-

лем времени Бориса Годунова со знаком Псковского двора и с датой 107 год — ПСРЗ (табл. 3, П., *1*), и очень популярным в псковском чекане Михаила оборотным штемпелем (табл. 10, *1*). Может быть, в Пскове были приготовлены оборотные маточники с именем Михаила сразу после февраля 1613 г.? Но пока псковские копейки ПСРЗ с именем Михаила не обнаружатся в подходящих по времени кладах, затруднительно давать заключение о судьбе Псковского денежного двора между 1613—1617 гг.

Шведы в Новгороде

16 июля 1611 г. шведские войска под командованием Якоба Делагарди заняли Новгород. Заключив в феврале 1609 г. договор в Выборге с царем Василием Шуйским, шведы обязались помочь русскому правительству в борьбе с поляками. Восьмитысячный отряд шведских наемников присоединился к войску М. В. Скопина-Шуйского и двинулся из Новгорода к осажденной Москве. За эту помощь Швеция получала г. Корелу; правительство Шуйского обязалось выплачивать шведским наемникам каждый месяц по 100 000 ефимков. Выборгский договор давал право шведскому королю вмешиваться во внутренние дела Русского государства и открывал заманчивую перспективу для проникновения шведского влияния.

В июне 1609 г. Карл X дал инструкцию Делагарди в случае поражения Шуйского захватить Новгород и удержать его в руках шведов. После поражения войск Шуйского под Клушиным 24 июня 1610 г. и последовавшего вскоре падения Шуйского Делагарди двинулся к Новгороду, но, не имея сил для открытого захвата города, взял Ладогу и несколько раз пытался захватить Орешек и Корелу (хотя Корела и была передана Швеции по Выборгскому договору, но горожане не пускали в город захватчиков). Зимой и весной 1610—1611 гг. шведское командование вело усиленную дипломатическую деятельность с целью захватить Новгород мирным путем, представляя захват северо-западных городов и посылку войск под Новгород выполнением Швецией ее обязательств по Выборгскому договору.

Внутриполитическая ситуация в Новгороде в первой половине 1611 г. была весьма своеобразной. В конце января 1611 г. Новгород «отложился» от Москвы, отказался целовать крест Владиславу Жигимонтовичу (хотя в конце 1610 г. Новгород присягнул ему); власть в городе осуществляли воевода Иван Никитич Большой-Одоевский и митрополит Исидор. В мае 1611 г. новгородские власти завязали сношения с Первым земским ополчением, откуда был прислан воеводой Василий Бутурлин. И сами новгородцы, и руководители Первого ополчения в шведах видели серьезную силу, способную помочь в борьбе против польских интервентов. Совет Первого ополчения принял решение о призвании одного из сыновей короля на русский трон.

Умелая дипломатия шведского командования принесла свои плоды. Опираясь на поддержку новгородской верхушки и прямую помощь Василия Бутурлина, шведские власти почти без сопротивления заняли Новгород 16 июля 1611 г. Видимо, накануне этого события был разработан, а после захвата Новгорода заключен договор между шведским правительством и новгородскими властями. По этому договору Швеция устанавливала протекторат над Новгородом до того времени, пока шведский королевич не станет русским царем.

Власть в городе передавалась Делагарди и новгородскому правительству: суд и управление вершились от имени шведского королевича Карла-Филиппа «Бояриным большим и ратным воеводой Яковом Пунтосовичем Делагарди», «бояриным и ратным воеводой Эверт Карлусовичем Горном», бояриным и воеводой Иваном Никитичем Большим-Одоевским, секретарем (дьяком) Моншей Мартыновичем[17]. Весьма существенной частью договора было условие, поставленное шведским правительством, о сохранении шведского протектората и в том случае, если «Владимирского и Московского государства всякого звания люди не захотят соединиться с Новгородским государством»[18].

После заключения договора шведы оккупировали к началу 1612 г. города Ям, Копорье, Ивангород, Гдов, Орешек, Ладогу; Корела была, наконец, взята незадолго до событий 16 июля 1611 г. Псков шведам взять не удалось. Однако и Новгород, и все северо-западные города присоединялись к Швеции «не яко порабощенные, но яко особное государство, яко же Литовское Польскому», сохраняя свои права, обычаи и законы. На правах самостоятельного политического образования Новгород вступил в переговоры с руководителями Второго ополчения. Переговоры и обмен послами велись с мая по июль 1612 г. Руководители Второго ополчения подтвердили решение о призвании на русский престол шведского королевича и о совместной борьбе против общего врага — поляков. Впрочем, обсуждение кандидатуры шведского королевича было не более чем дипломатической уловкой. Князь Д. М. Пожарский выигрывал время — не связывая себя конкретными обязательствами, он хотел сохранить со шведами добрые отношения, «чтоб не помешали немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в душе не было, что взять на Московское государство иноземца»[19].

Таким образом, после июля 1611 г. в Новгороде образовались две противоборствующие друг другу силы: с одной стороны, новгородцы, стремившиеся внести свою лепту в устроение расшатанного смутой Русского государства, опираясь на военную силу шведов, которых они рассматривали не как завоевателей, а как союзников; с другой — шведские власти, считавшие Новгород своей военной добычей и плацдармом для освоения и захвата всего северо-запада России.

Шведские захватчики, разумеется, должны были использовать налаженное денежное производство в Новгороде. У шведов были свои намерения в отношении Новгородского денежного двора, которые они довольно последовательно осуществляли (шведский чекан в Новгороде представлен в табл. 6 соотношения штемпелей, фототабл. 23 и весовых диагр. 21—23). Как теперь хорошо известно благодаря исследованиям И. Г. Спасского, шведы с 1611 г. чеканили в Новгороде копейки, используя подлинные маточники и чеканы Василия Ивановича Шуйского. С 1611 г. по февраль 1615 г. копейки выпускались посредством пары маточников 1610 г. (с буквами PIH) по стопе, равной 3,6 рубля (табл. 6, Н., Шв. оккупация, *1—1*). С марта 1615 г. по февраль 1617 г. использовались другие маточники: лицевой — времени Дмитрия Ивановича, приготовленный в 1605 г. (с буквами НРГI), оборотный — времени Шуйского, 1607 г., по стопе 3,9 рубля[20] (табл. 6, Шв. оккупация, *2—2*).

За последние годы источниковая база изучения шведского чекана значительно расширилась за счет находок новых нумизматических[21] и архивных[22] данных, что позволило заметно продвинуться вперед в исследовании этого своеобразного эпизода в истории русского денежного обращения.

Ныне история шведской чеканки в оккупированном Новгороде реконструируется следующим образом. Шведы, овладевшие Новгородом 16 июля 1611 г.,

застали денежный двор «на ходу» — 13 июля там начался очередной передел. Он закончился только 29 июля, так как военные события прервали его на несколько дней. По объему заказов и готовой продукции он был самым небольшим из переделов первой половины 1611 г. Во время четырех переделов этого года монеты чеканились по трехрублевой стопе, о чем совершенно определенно свидетельствуют книги Новгородского двора за этот период[23]. По мнению И. Г. Спасского, посланник Владислава Жигимонтовича в Новгороде И. М. Салтыков, который приводил город к присяге польскому королевичу в октябре 1610 г., не решился установить здесь чеканку по облегченной стопе, хотя в Москве она была уже в действии. Восставший против поляков в январе 1611 г. Новгород, вернувший на время былую независимость, не пожелал учреждать новую стопу и до прихода шведов оставался последним оплотом трехрублевой стопы*. Шведы же, заняв город, «без проволочек ввели монетную стопу в 3,6 рубля»[25].

В предложенной исследователем схеме не учитываются по меньшей мере два момента. Во-первых, поляки ввели облегченную стопу не в конце 1610 г., а скорее всего в середине 1611 г., возможно с 1 сентября, начав новый, 7120-й год, чеканкой легких монет. Поэтому следует думать, что Новгород, как и Москва, в конце 1610 г. — первой половине 1611 г. еще придерживался трехрублевой стопы. Шведские интервенты, захватив город 16 июля 1611 г., могли бы действительно немедленно изменить стопу. Но здесь следует учитывать второе обстоятельство. До 1614 г. шведы вели себя крайне осторожно, не желая вызывать неудовольствия новгородцев в связи с предстоявшими переговорами об избрании королевича на новгородский и в перспективе — на русский престол. Налоги брали вполне умеренные, не выше прежних. Делагарди следил, чтобы шведские войска не обижали население[26]. Снижение веса монеты сразу после захвата города не способствовало бы популярности шведских властей, и они это должны были понимать. Шведы на первых порах последовательно выступали в роли защитников Русского государства, призванных на помощь царем Василием Шуйским, верность которому они всячески подчеркивали. Во время переговоров в Дедерино в 1616 г. Делагарди упрекал московских бояр: вы, говорил он, «государя своего с государства ссадили; постригли и в Литву отдали», а он сам и его войско служили Василию Ивановичу всегда «прямо, как своему прироженному государю»[27].

Организуя чеканку в завоеванном городе, шведское командование должно было учитывать сразу несколько факторов. Прежде всего необходимо было оставить в неприкосновенности тип русской монеты, что соответствовало договору 1611 г., по которому «все должно итти по старине, согласно книге законов»[28]. Далее, новая монета должна была, конечно, нести определенную декларативную нагрузку. В данном случае ей предназначалось декларировать антипольскую направленность и приверженность общерусским интересам. Выбор типа оформ-

---

* Остается загадкой, какой тип копейки чеканился во время четырех переделов первой половины 1611 г. И. Г. Спасский считает, что в этот период использовались лицевой маточник с буквами НРД, который, по его мнению, был приготовлен в 1610 г. для чеканки Владислава, и оборотный с именем Василия Шуйского[24]. Мы относим этот тип к чекану Василия Шуйского 1609 г. (табл. 4, Н., *4—4*); косвенным подтверждением такой атрибуции может служить присутствие копеек этого типа в таймырском кладе, новгородские монеты которого кончаются 1610 г. Может быть, начав чеканить в январе 1611 г. копейки с именем Владислава Жигимонтовича, Новгородский денежный двор продолжал использовать эти маточники и при остальных трех переделах, руководствуясь в данном случае более практическими, чем политическими соображениями?

ления монетного поля был предопределен этими соображениями. Более всего для шведов подходили копейки Шуйского, единственного законного русского царя в их глазах, которому они в свое время предложили помощь и с которым были связаны договором 1609 г. Шведы продолжили прерванную в 1610 г. чеканку Шуйского: они использовали пару маточников этого года, с датой PIH (118 г.). Надо думать, что, начиная чеканку, шведы оставили в неприкосновенности и трехрублевую стопу, по которой чеканились монеты при Шуйском в Новгороде. Это отвечало бы их политической программе: полновесные монеты с именем Василия, выпущенные шведами, должны были стать одним из инструментов политической борьбы против поляков и способствовать завоеванию симпатий новгородцев, что для шведов в 1611 г. было крайне важным.

Записи о шведской чеканке начинаются в книгах Новгородского двора с декабря 1613 г. Между последней записью в июле 1611 г. и с этой датой нет никаких прямых свидетельств о работе двора, если не считать указания от февраля 1613 г. о выдаче части годового жалованья за 1612 г. подьячим и писцам денежного дела. На этот документ ссылается И. Г. Спасский, утверждая, что Новгородский двор при шведах начал работать с 1611 г., если к 1612 г. уже существовал обширный штат писцов и подьячих денежного дела[29]. Исследователи шведской чеканки в Новгороде А. Берглунд и В. Захаров, напротив, считают, что этот документ не следует принимать во внимание, поскольку имена этих подьячих и писцов более не встречаются в книгах денежного двора. По их мнению, отсутствие сведений, относящихся непосредственно к работе денежного двора между июлем 1611 г. и декабрем 1613 г., служит доказательством того, что денежный двор в этот период не работал и шведы довольствовались конфискацией излишков монет у населения[30]. Однако последнее утверждение никак не соответствует духу политики шведов в Новгороде в 1611—1613 гг., а характер сохранившегося делопроизводства денежного двора за 1613—1617 гг. свидетельствует о том, что уцелела только часть архива, явно вырванная из единого целого. Видимо, до нас не дошли книги, которые велись в 1611—1613 гг.

Следует принимать во внимание еще одно обстоятельство. Известные ныне благодаря публикациям 1983 г. записи 1613—1617 гг. имеют совершенно иную структуру, чем книги 1610—1611 гг. Они только фиксируют отношения с заказчиками по приему сырья; деятельность самого денежного двора отразилась лишь в записях о выдаче сырья денежным мастерам, в отличие от книг 1610—1611 гг., где во всем объеме последовательно освещены все операции по взиманию пошлин и указаны размеры оплаты труда мастеров, а также выход готовой продукции. Не исключено, что где-то между 1611 и 1613 гг. характер и структура книг денежного двора изменились в связи с теми нововведениями, которые привнесли в денежное дело шведские захватчики. Указ 1617 г. о возобновлении работы Новгородского двора после ухода шведов, видимо, не случайно говорит о возобновлении порядка делопроизводства на дворе: «А сколко у ково гривенок и серебра и старых денег возмут и сколко отдадут и сколко золотничные и плавилные пошлины из обменных денег прибыли от денег будет и сколко у плавленья у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно по статьям. А у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей»[31]. Нетрудно заметить, что указ воспроизводит структуру книг 1610—1611 гг., которые велись до шведской оккупации.

Возможно, с сентября нового 7120 г. шведы должны были, начиная чеканку, ориентироваться на качество русской монеты, выпускаемой за пределами

Новгорода, на Псковском и Московском денежном дворах. В Пскове, как известно, в эти годы денежный двор бездействовал. В Москве хозяйничали поляки, которые, как было показано, снизили денежную стопу не позже сентября 1611 г. Шведы, начиная выпуск копеек PIH, могли бы, конечно, вслед за Москвой снизить стопу. Однако такое предположение кажется нам неверным в силу того, что поляки были политическими и военными противниками шведов. К тому же Новгород с 1611 г. был изолирован от Москвы. Вряд ли в этих условиях шведы могли следовать в денежном деле за Москвой. Гораздо более логичным будет допущение, что шведское командование предпочло ориентироваться на иную политическую группировку, с которой их сближали на первых порах общие интересы, — на Второе ополчение. Переговоры с Ярославлем велись в мае—июле 1612 г., Новгород и Ярославль обменивались грамотами и послами, и, конечно, массовый выпуск копеек Второго ополчения на Ярославском денежном дворе не мог остаться незамеченным в Новгороде. Надо полагать, что этот первый выпуск определил весовую норму новгородских копеек и отказ шведского командования от трехрублевой стопы. Видимо, вскоре после июля 1612 г., возможно, с началом нового 7121 г. в сентябре шведы начали чеканку тоже по облегченной стопе. Эта стопа была более низкой, чем в Ярославле: если копейки Ярославского двора чеканились по 3,4 рубля (с весовой нормой $3^1/_2$ почки, т. е. 0,60 г), то в Новгороде чеканка производилась по стопе в 3,6 рубля, весовая норма копейки получалась равной 0,57 г.

Заметим, что эта весовая норма не находит рационального соотношения с весом почки Торговой книги (0,17 г), на которую ориентировалось русское денежное дело с 1535 г. Это нерациональное соотношение становится вполне рациональным, если вместо почки Торговой книги (0,17 г) подставить старую новгородскую почку XV в. М. А. Львов определяет ее размер в 0,2031 г, В. Л. Янин — в 0,196 г[32]. Размер новгородской почки XV в. у обоих исследователей практически совпадает — он колеблется около 0,20 г. В таком случае копейка трехрублевой стопы, чеканившаяся в Новгороде после 1535 г. и равная 4 почкам по 0,17 г, уменьшенная на половину старой новгородской почки (0,10 г), получает вес 0,58 г, что близко соответствует той весовой норме, которая получилась при чеканке по стопе в 3,6 рубля. Копейка НРГI, чеканившаяся в Новгороде после марта 1615 г. по стопе 3,9 рубля, имеет вес копейки трехрублевой стопы, уменьшенной на $^3/_4$ старой новгородской почки (0,15 г). Использование старых весовых эталонов времени самостоятельности Новгорода вполне можно объяснить усилением сепаратистских тенденций в городе, заметно оживившихся в годы смуты, что сказалось еще раньше в отказе от московского стиля в оформлении монет с 1608 г.

Точные размеры стопы, принятой шведами в середине 1612 г., указываются в книгах Новгородского двора: «И всего декабря и генваря (1614 и 1615 гг. — *А. М.*) собрано старых денег 1936 рублев 15 алтын. Давано по 6 рублев на 100 руб., и в тех прибыли* у 100 руб. по 14 руб.» Такая же запись повторяется в феврале 1615 г.: «И всего в феврале собрано старых денег 1264 рубли з гривною. По та места по 6 руб. давано на 100 руб. И в тех прибыли на 100 руб. по 14 рублев»[33]. Из этих записей следует, что 100 старых рублей соответствовали 120 новым. Из гривенки, которая равнялась 300 старым копейкам (3 рублям), следовательно, чеканилось 360 копеек или 3,6 рубля, с нормативным весом копейки 0,58 г. Взвешивание копеек с буквами PIH, чеканившихся по этой ве-

* Под прибылью понимались вся сумма пошлин и производственные расходы денежного двора.

совой норме, показывает несколько более низкий вес, лежащий между 0,54—0,56 г, что объясняется процессом снашивания монеты в обращении (диагр. 21).

В марте 1615 г. в книгах Новгородского двора появляется запись, свидетельствующая о новом изменении стопы: «С тех мест почато на рубль довати по гривне. И всего в марте собрано старых денег 988 рублев 20 алтын и на те денги давано по 10 руб. на 100 руб., а деланы изо ста по 130 рублев. И прибыль у тех денег у 100 по 20 руб.» В июньской записи 1616 г. появляются новые цифры: «По та место давано на рубль по гривне и того прибыль у 100 рублев по 20 рублей. А с сех мест давано по 4 алтына на рубль». В следующем месяце — в июле 1616 г. — записываются последние сведения о денежной стопе: «И всего в июле собрано старых денег 708 рублев 15 алтын. Давано на рубль по 4 алт., и тут о прибыли на 100 руб. по 18 рублев»[34]. Из всех этих записей можно сделать вывод о переходе в марте 1615 г. к чеканке по стопе 3,9 рубля из гривенки, поскольку каждым 100 рублям старыми копейками соответствовали 130 рублей новыми; на гривенку, следовательно, приходилось 390 копеек.

Видимо, эта стопа сохранялась до конца пребывания шведов в городе. Впрочем, в июне 1616 г. вместо 10 рублей наддачи стали давать 12 (на рубль давали 4 алтына — 12 копеек, как сообщает запись в книгах), а прибыль от перечеканки по-прежнему оставалась равной 20 рублям, так что в сумме на 100 рублей старыми копейками приходилось уже 132 рубля новыми. Но в июле 1616 г. прибыль уменьшилась до 18 рублей, и восстановилось прежнее равенство: 100 старых рублей = 130 новым.

Весовая норма копеек 3,9-рублевой стопы равна 0,53 г. Однако взвешивание копеек с буквами НРГІ, чеканка которых началась с марта 1615 г., показало, что их реальная весовая норма составляет около 0,48 г. Обычно нормативный и реальный вес монет расходится на 0,1—0,2 г, здесь же расхождение составляет 0,5 г (диагр. 22). Остается предположить, что шведы чеканили монеты после марта 1615 г. ниже установленной весовой нормы, снизив ее не на $^3/_4$, а на целую новгородскую почку. Не этими ли обстоятельствами были вызваны отмеченные в июне и июле 1616 г. увеличение суммы наддачи с 10 до 12 рублей и уменьшение размера прибыли с 20 до 18 рублей?

По данным записей книг Новгородского двора можно составить представление о составе денежного обращения в Новгороде во время шведской оккупации.

«Книги сплавочные», где записывалось, «что сливано на денежном дворе посадских и митрополичих и монастырских и всяких денег», т. е. серебро, которое поступало на денежный двор не от частных лиц, а от различного рода казенных учреждений, сообщают о поступлениях на денежный двор не только талеров или серебра в изделиях, но также «крох» — серебряных отходов, получающихся при чеканке монет. Большую часть поступлений составляли деньги, которые взимались в виде пошлин, налогов, штрафов и т. п. с населения города и уезда. Основная масса денег была представлена копейками трехрублевой стопы.

В книгах имеются записи о поступлениях «новых» и «смешанных» денег. «Новые» деньги фигурируют в записях от января, февраля и апреля 1614 г., затем следует перерыв до сентября 1615 г., после чего поступления «новых» денег продолжаются вплоть до февраля 1617 г. «Смешанные» деньги встречаются единственный раз — в марте 1614 г.[35] Поскольку в книгах обычно указываются округленная сумма в рублях и вес ее в гривенках и золотниках, создается возможность вычислить реальный средний вес «новых» и «смешанных» монет.

Средний вес первой группы «новых» копеек, записанных в январе, феврале и апреле 1614 г., оказывается равным 0,57—0,58 г. «Новые» копейки второй группы (сентябрь 1615 г. — февраль 1617 г.) имеют более низкий вес — 0,54 г. Весовые показатели первой группы дают основание видеть в «новых» деньгах московские копейки Владислава 1611—1612 гг. и ярославские копейки ополчения 1612 г., нормативный вес которых составлял 0,60 г и был, естественно, несколько выше среднего веса тех монет, которые находились в обращении. В 1614 г. эти монеты были «новыми» для Новгорода. Такое же определение дают этим монетам А. Берглунд и В. Захаров, впрочем, вслед за И. Г. Спасским определяя их стопу в 3,6 рубля[36]. «Смешанные» монеты марта 1614 г. — это скорее всего копейки трехрублевой стопы и «новые», общий средний вес которых в сумме составляет около 0,59 г.

Следовательно, по данным книг, новгородское денежное обращение в 1614 г. обслуживалось копейками трехрублевой стопы, новгородскими копейками PIH, чеканенными по стопе 3,6 рубля со второй половины 1612 г., и в незначительной степени — московскими копейками Владислава и ярославскими монетами ополчения. Видимо, московские копейки четырехрублевой стопы, массовая чеканка которых началась с ноября 1613 г., еще не проникли в новгородское обращение. Данные письменных источников подтверждает клад из Новгорода, зарытый в 1614 г.: здесь встречены в большом количестве копейки трехрублевой стопы, копейки PIH 3,6-рублевой стопы и некоторое количество московских копеек Владислава 1611—1612 гг. Копейки Михаила в кладе отсутствуют.

К сентябрю 1615 г. состав денежного обращения несколько меняется. Исчезают «новые» монеты со средним весом 0,57 г и их место занимают копейки со средним весом 0,54—0,55 г, тоже названные в книгах «новыми»; нет больше «смешанных» денег, но по-прежнему основную массу поступлений составляют копейки трехрублевой стопы. «Новые» монеты 1615—1617 гг., судя по весу, являются новгородскими копейками PIH, чеканка которых прекратилась в марте 1615 г. в связи с переходом к стопе в 3,9 рубля. Записи 1615—1617 гг. свидетельствуют, что они активно изымались из денежного обращения. Господствующее место начинают занимать легковесные копейки с буквами НРГI, чеканенные по стопе 3,9 рубля.

Несмотря на трудности военного времени и сокращение внешней торговли, Новгородский денежный двор при шведах довольно интенсивно снабжался серебром. Сравнение с 1611 г. показывает, что в 1613—1617 гг. приток серебра заметно увеличился. В 1611 г. количество обработанного серебра составило в среднем 121 гривенку в месяц; с февраля 1614 г. по февраль 1615 г. эта цифра увеличилась до 656, а с марта 1615 г. по февраль 1617 г. — до 724 гривенок[37].

В 1611 г. книги денежного двора называют всего приблизительно 13 работающих денежных мастеров: Гаврилу Репина с товарищами (Гаврила Репин был, очевидно, старостой станицы — производственной артели, которая объединяла 9—10 денежных мастеров) и Ивана Брагу с сыном Филькой (эти два мастера почему-то названы в книгах отдельно). Всего, следовательно, накануне шведской оккупации на денежном дворе работали 13 мастеров, не считая рабочих других специальностей (волочильщиков, бойцов и пр.).

По записям книг 1613—1617 гг. («Книги денежного двора что отдавано мастером в дело государевых и всяких денег») можно убедиться, что называются уже 10 различных имен денежных мастеров, за любым из которых, видимо, стояла станица приблизительно из 10 человек. Эти десять мастеров были старо-

стами, которые отвечали за все операции по изготовлению денег. Каждый год работали одновременно шесть или семь станиц. Следовательно, за время шведской оккупации общее число денежных мастеров на Новгородском дворе выросло примерно в пять раз. К этому числу нужно прибавить волочильщиков, бойцов, кузнецов и других, количество которых нигде не указывалось.

Ниже приводится сводка о работе денежных мастеров (и соответственно станиц), составленная по помесячным записям книг денежного двора:

Гаврила работал полные 1614 и 1615 гг. и январь 1616 г.
Постник — январь, октябрь, ноябрь и декабрь 1614 г., полный 1615 г., а также январь 1616 г.
Богдан — с января по август 1614 г., с июня по декабрь 1615 г. и с января по ноябрь 1616 г.
Нефед — полные 1614, 1615 гг. и с января по февраль 1617 г.
Кирилл — полные 1614—1616 гг. и с января по февраль 1617 г.
Федор — полные 1614—1616 гг. и с января по февраль 1617 г.
Томило — с января по сентябрь 1614 г.
Лука — с января по май 1616 г.
Григорий и Исак — только февраль 1617 г.

Книги денежного двора за 1613—1617 гг. дают возможность выяснить источники поступлений серебра на денежный двор и в какой-то степени объяснить причины его интенсивной работы. По всей видимости, с начала 1614 г. на денежном дворе велись раздельные записи для серебра, поступавшего от частных заказчиков и от официальных лиц и учреждений («казенные» заказы).

«Книги покупочные, что куплено серебра» велись с января 1614 г. по февраль 1617 г. В них записывались небольшие партии серебра, поступавшие на денежный двор от самых разнообразных лиц. С начала 1615 г. вводится новый порядок расчетов с заказчиками: денежный двор расплачивается с ними готовыми монетами за вычетом в конечной сумме пошлин, взимаемых при чеканке (плавильной, золотничной и оплаты мастерам). Устанавливается постоянная цена — за гривенку серебра, сданного на денежный двор, заказчик получал на руки 312 копеек. Об этом свидетельствует запись в сентябре 1615 г.: «И всего 123 году з генваря сентября по 15 число куплено серебра 276 грив. 25 золотников по 2 алтына з денгою золотник, гривенка по 3 рубля по 4 алтына»[38].

Книги для частных заказчиков были заведены с декабря 1614 г. и велись до февраля 1617 г. По приказу «боярина и воеводы Ивергора Карлусовича да диака Монши Мартыновича» денежный двор начал скупку у населения старых копеек (т. е. копеек трехрублевой стопы). Владельцы старых денег приносили на денежный двор мелкие суммы — 5, 10, 15, 50 рублей и получали за них новые деньги 3,6-рублевой стопы: за каждый рубль старыми деньгами — рубль и шесть копеек новыми. За гривенку серебра старыми деньгами на руки выдавалось 318 копеек — немного больше, чем за гривенку сырого серебра, которое оценивалось в 312 копеек. Учитывалось то обстоятельство, что старые деньги имели очень высокую пробу и процент угара при их переплавке колебался в пределах 1—1,5%. Твердая цена на старые деньги включала всю сумму пошлин и производственные расходы денежного двора. Изменение стопы в марте 1615 г. не повлекло за собой изменения цены сырого серебра — никаких указаний на это в книгах не содержится.

Весовое выражение общей суммы старых копеек, поступивших на денежный двор от частных лиц с декабря 1614 г. по февраль 1615 г., оказывается почти в три раза больше веса сырого серебра, купленного денежным двором с января 1615 г. по февраль 1617 г. Старые копейки трехрублевой стопы, видимо, до 1615 г. служили основным источником сырья для чеканки монет.

Количество старых копеек и серебра, покупавшегося денежным двором у частных лиц, не идет ни в какое сравнение с теми большими поступлениями, которые шли на денежный двор от казны. В специальных книгах о приеме денег «посадцких и митрополичих и монастырских и всяких» регулярные записи велись с декабря 1613 г. до февраля 1617 г.[39] Здесь записывались поступления таможенных пошлин с городских таможен и из Ивангорода, поступления от шведских должностных лиц (среди сдатчиков серебра встречаются имена Делагарди, Монши Мартыновича Пальма, Эверта Горна и др.), от специальных поставщиков серебра на денежный двор, каким был, по всей вероятности, торговый гость Богдан Шорин. Перерабатывались в деньги так называемые «крохи», а также пошлины самого денежного двора. Все это серебро передавалось денежным мастерам, о чем свидетельствуют «Книги денежново двора что отдавано мастером в дело государевых и всяких денег при Иване Никифорове да при Ждане Игнатьеве» (книги за 1614 г.). В этих книгах фиксировался вес серебра, переданного мастерам в передел. Подсчеты месячных норм серебра, поступившего на денежный двор, и того количества, которое находилось «в деле» у денежных мастеров, чаще всего не совпадают, из чего можно заключить, что существовали не дошедшие до нас книги с записями о взимании государственных пошлин, о размерах угара, о нормах выхода готовой продукции. Поскольку в доходах от чеканки было непосредственно заинтересовано шведское командование, не исключено, что подобные записи могли храниться не на денежном дворе.

По всей видимости, к 1615 г. относится активизация попыток шведского командования извлечь дополнительные доходы от эксплуатации монетной регалии. Шведы явно не остановились на снижении реального веса копейки до 0,48 г (при нормативном весе 0,53 г), о чем свидетельствуют нумизматические и письменные источники.

1615-й год был переломным в новгородско-шведских отношениях. Позиции обеих сторон определились со всей очевидностью. Для шведов не оставалось больше иллюзий относительно добровольного вхождения этого богатого торгового города в состав Швеции, а для удержания его силой оружия у Швеции в тот момент не было возможностей. Неудача под Псковом, развернувшаяся партизанская война, массовые побеги новгородцев в Москву и упорное нежелание присягать королю показывали всю тщетность усилий шведского командования изменить ход событий. Вся энергия шведских захватчиков обратилась на дипломатическую борьбу, на достижение наиболее благоприятных для Швеции условий мирного договора, которые обсуждались с января 1616 г. по февраль 1617 г., результатом чего стало заключение мира с Россией в Столбове.

В отношениях с новгородцами шведы совершенно перестали церемониться. Источники сообщают о грабежах и насилиях, которые чинили оккупанты[40]. Политика в денежном деле была не последним звеном в этих грабительских действиях в годы пребывания шведов в Новгороде.

Данные нумизматики позволяют предположить, что где-то в 1615 г. было положено начало тайной чеканке фальшивых монет. Эти данные, значительно расширившие круг монет, относящихся к шведской чеканке в Новгороде, были опубликованы в 1977 г.[41]. К двум известным типам — копеек с именем Василия Ивановича и с буквами PIH и HPГI на лицевой стороне — добавилось еще более десятка новых типов, явно подражавших монетам Михаила Федоровича со знаками русских денежных дворов. Выпуск этих фальсификатов можно было поставить в непосредственную зависимость от письма Густава-Адольфа

29 июля 1615 г., написанного им во время осады Пскова, где он говорил о соблюдении тайны при закупке серебра для чеканки в Новгороде и рассуждал о возможных выгодах от этой чеканки, предоставляя Государственному казначейству Швеции самые широкие полномочия и свободу действий в ее организации[42].

Впрочем, состояние источников на 1977 г. оставляло нерешенными ряд вопросов. Не было окончательной ясности в определении места чеканки подделок: чеканились ли они в Новгороде в 1615—1617 гг. или же в Швеции после заключения Столбовского мира; нельзя было установить продолжительность и масштабы чеканки шведских фальсификатов; наконец, не были выявлены все типы копеек шведского производства. Находки последних лет в кладах и коллекциях, а также новые архивные данные в некоторой степени позволили разрешить эти вопросы, хотя все еще остается много неясностей. Поскольку сделаны лишь первые шаги в изучении шведских фальсификатов и выделении их из числа подлинных русских монет XVII в., нужно надеяться, что со временем средствами нумизматики эти неясности будут устранены. Однако ряд выводов можно сделать уже сейчас.

После Столбовского мира 1617 года

Летом 1618 г. должна была состояться ратификация Столбовского договора. В Стокгольм было направлено посольство Барятинского из Москвы, в Москву прибыла шведская делегация во главе с послом Стенбуком. Согласно условиям мирного договора шведы возвращали России Новгород, Старую Руссу, Порхов с уездами, Сумерскую волость и Ладогу. Гдов с уездом оставался еще некоторое время у шведов. Шведы получали значительные территориальные приобретения, чрезвычайно важные для них в экономическом отношении. В руки шведов переходила вся Ижорская земля с русским побережьем Балтийского моря, с городами Ям, Копорье, Орешек. К Швеции перешел также правый берег реки Наровы с важным опорным пунктом русско-европейской торговли на Балтике — Ивангородом, который по условиям Тявзинского мира 1595 г. оставался за Россией. Россия оказалась полностью отрезанной от Балтийского побережья. Система политических и экономических отношений между владениями России и Швеции на Балтике, утвердившаяся после Тявзинского мира 1595 г., была изменена в пользу Швеции. Ей удалось, наконец, замкнуть «барьер» перед русской торговлей на Западе[43]. Для русских купцов свободными остались только побережья Баренцева и Белого морей, которые Швеции не удалось захватить в 1611 и 1613 гг.

В руки шведского купечества полностью перешел контроль над всеми основными водными и сухопутными путями в Ижорской земле. Это имело прямым следствием невозможность русским купцам вести прямую торговлю с государствами Западной Европы через Балтику. Монопольное право на посредническую роль в русской торговле с Западом получали города Ревель, Нарва, Дерпт, Стокгольм, Выборг, Рига. Столбовский договор обеспечил получение шведской казне значительных доходов от обложения всей русско-балтийской торговли. Но шведская сторона не удовольствовалась этим. Русское правительство обязалось выплатить Швеции контрибуцию — 20 тыс. руб.; было подчеркнуто, что эта сумма должна быть выплачена «деньгами готовыми, ходячими, безобманными серебряными новгородскими»[44].

В Москве с осени 1613 г. началась массовая чеканка монет четырехрублевой стопы, вполне отвечавших этим требованиям. Однако шведская сторона сочла необходимым специально оговорить пункт о доброкачественности серебряных копеек. Здесь напрашивается мысль о том, что шведы беспокоились не напрасно, хорошо зная состояние денежного обращения новгородской земли, засоренного неполноценными монетами собственного производства. Вопросы, касающиеся русских монет, возникли и во время переговоров в Москве со шведским послом Стенбуком. В проекте союзного договора со Швецией, который привез с собой Стенбук, содержалось предложение ввести в России свободное обращение шведских денег, а в Швеции — русских по существующему курсу монет обоих государств.

Это предложение не нашло дальнейшего развития, и, видимо, даже не обсуждалось[45], однако сам факт его возникновения заслуживает самого пристального внимания. Его следует сопоставить с теми претензиями, которые были предъявлены русской стороной посольству Стенбука. В опубликованном И. Г. Спасским в 1972 г. «Наставлении боярам, назначенным на встречу с шведским послом Стенбуком», датированном 1618 г., сказано, что шведы, невзирая на заключенный 20 ноября 1616 г. договор в Ладоге «из Великого Новагорода и из иных городов, которые царскому величеству отданы и очищены, никаких дел и книг и иного ничего не вывозить и людей сильно не выводить», вывезли печать Новгородского государства, «да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя, и то учинено через мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединение, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего царского величества имянем»[46].

Между претензиями русского правительства и предложениями шведов о свободном обращении русских и шведских денег в обоих государствах существует, на наш взгляд, несомненная связь.

Шведы, чеканившие почти шесть лет русские деньги в Новгороде, разумеется, не только сумели извлечь выгоду из этой чеканки, но и значительно расширили сферу обращения русских монет в прибалтийской торговле. Столбовский мир открыл перед шведскими городами самые заманчивые перспективы обогащения за счет русского купечества — недаром Густав-Адольф говорил в речи на шведском сейме 26 августа 1617 г.: «Наши города благодаря этому миру и торговле, которая благодаря ему же оказалась в их руках, намного увеличат свои доходы»[47]. Свободное обращение русских и шведских денег должно было значительно облегчить торговые операции, так как в этом случае отпадала необходимость обмена шведских ригсдалеров на русские копейки по уставной цене с неизбежными убытками при этом. При уставной цене в 42 копейки за талер в 1613—1615 гг. или же в 50 копеек в 1620 г. один талер по весу в среднем соответствовал 53—56 русским копейкам этого времени.

«Наставление боярам...», где выражались претензии русской стороны по поводу чеканки в Швеции русской монеты, раскрывает тайную подоплеку намерений шведского правительства. Предлагая ввести свободное обращение русских и шведских денег в пределах обоих государств, шведская сторона, надо полагать, была осведомлена о том, что в «Свее» уже велась тайная чеканка русских монет, более выгодная для шведской экономики, чем обмен шведских

денег на русские. Русские с большой точностью перечислили незаконные действия шведов: вывоз из Новгорода, вопреки ладожскому договору от 20 ноября 1616 г., мастеров денежного двора, чеканов, ранее использовавшихся для чеканки копеек, и переделку их на чеканы с именем Михаила Федоровича, организацию в Швеции чеканки русских копеек. Возможно, именно осведомленность русского правительства об организации тайной чеканки русских денег в Швеции сорвала переговоры о свободном хождении русских и шведских монет в Швеции и России. Впрочем, это предложение вряд ли имело бы успех, так как оно противоречило существу русской экономической политики, тщательно ограничивавшей сферу обращения русской монеты пределами Русского государства.

Итак, «Наставление боярам...» 1618 г. прямо указывает на Швецию как на место чеканки подражаний русским копейкам. Об этом же говорят места находок кладов с подделками. Ни в Новгороде, ни в Новгородской обл. не были встречены клады, сложившиеся до 1617 г., содержащие в своем составе эти монеты. Из этого следует вывод, что в годы шведской оккупации 1611—1617 гг. эти монеты не попадали в денежное обращение. Подделки начинают объявляться в кладах 30—40-х годов XVII столетия, причем места находок совпадают с направлением торговых путей, связывавших Россию со странами Западной Европы. Клады происходят из Архангельской, Ярославской, Вологодской, Костромской, Ленинградской и Смоленской обл., из Эстонии и Латвии. Москва и Московская обл., чрезвычайно богатые кладами времени Михаила Федоровича, дали единичные экземпляры шведских фальсификатов, и по одной монете нашлось в кладах из Тамбовской и Тульской обл.[48]

Анализ кладов позволяет заключить, что центр изготовления подделок находился за пределами России и массовое их поступление на русскую территорию началось приблизительно с 20-х годов XVII в. через Архангельск и Прибалтику. Документально подтверждает этот вывод состав большого клада из Пулково Ленинградской обл.[49] В кладе имеются 40 западноевропейских талеров, самый поздний из которых датируется 1645 г., и 1491 экз. русских монет. Клад отражает состав денежного обращения Ижорской земли — той русской территории, которя отошла к Швеции по Столбовскому миру. Особенностью клада является преобладание монет новгородского и псковского чеканов и большое число шведских фальсификатов. Здесь насчитывается 90 экз. копеек PIH 1611—1615 гг., 91 экз. копеек НРГI 1615—1617 гг. и 41 экз. копеек тайной шведской чеканки. Место находки и состав пулковского клада окончательно снимают всякие сомнения в том, что массовое производство шведских фальсификатов началось вне Новгорода после заключения Столбовского мира, а также убеждают в том, что протест русских дипломатов посольству Стенбука в 1618 г. не был удовлетворен шведской стороной и чеканка подделок продолжалась. Видимо, они играли значительную роль в денежном обращении Ижорской земли.

Опубликованная В. Л. Яниным опись Новгородского двора, составленная 14 марта 1617 г. после ухода шведов из Новгорода, и раньше уже привлекавшаяся нами при изучении деятельности Новгородского двора при Борисе Годунове, позволяет восстановить картину работы двора при шведах и проливает свет на организацию тайной чеканки русских копеек в Швеции.

Опись содержит перечень оборудования и орудий чеканки денежного двора. Там было семь больших наковален, на которых работали бойцы, плющившие проволоку гладкими чеканами, и семь малых наковален — на них работали че-

канщики, чеканившие из гладких расплющенных кусочков серебряной проволоки монеты. Упомянуты в описи также семь «волоков» — волочильных станов, при помощи которых волочильщики вытягивали из серебряных «гнезд» проволоку для чеканки монет. Поскольку каждое производственное объединение денежного двора — станица — последовательно производило все операции по изготовлению монеты, из перечня оборудования в описи можно заключить, что при шведах на дворе работали семь станиц. Эти сведения вполне соответствовали вышеприведенным данным книг Новгородского двора за 1614–1617 гг., согласно которым здесь каждый год одновременно работали шесть или семь мастеров «с товарищи», т. е. семь станиц, которые обычно возглавляли старосты, назначавшиеся из числа чеканщиков[50]. Среди предметов, оставшихся на денежном дворе после шведов, опись называет также 15 «матошников вершников», 14 «матошников исподников прежних государей» и два маточника «полуденежных», верхний и исподний, т. е. полушечных. Серебра или денег «после немец» на денежном дворе не оказалось.

15 «матошников вершников» представляют собой 10 лицевых маточников Бориса Годунова начиная с 1600 г., 2 — Дмитрия Ивановича, 3 — Василия Шуйского*, а 14 «матошников исподников» — 10 оборотных маточников Бориса, 2 — Дмитрия, 4 — Василия, 2 — Владислава Жигимонтовича. Оборотных маточников при таком раскладе получилось не 14, а 18, но эти лишние четыре оборотных маточника приходятся на маточники *3* и *6* — Бориса Годунова (табл. 3), *2* — Дмитрия Ивановича (табл. 4) и *2* — Владислава Жигимонтовича (табл. 4). Эти маточники были, видимо, забиты вскоре после их изготовления, ибо монеты, чеканенные при их посредстве, известны в единственных экземплярах; о разовом использовании этих маточников говорит также отсутствие у них поштемпельных связей с прочими маточниками Новгородского двора.

В. Л. Янин насчитал 16 оборотных маточников. Двумя лишними оборотными маточниками были, по его мнению, именные маточники Василия, которыми пользовались шведы в 1611—1617 гг. и которые они увезли с собой после 1617 г.[51] Однако внимательное прочтение текста «Наставления боярам...» 1618 г. показывает, что с Новгородского двора были вывезены не маточники, а чеканы; документ прямо говорит о том, что вывезены были «чеканы, которые деланы были... при... Василье Ивановиче» и что «те старые чеканы» переделали на имя Михаила Федоровича. Следовательно, шведы вывезли чеканы, которые снимались с маточников, а сами маточники «прежних государей», изготовленные после 1600 г., оставались без движения на Новгородском денежном дворе на Рогатице.

В документах XVII в. всегда четко различаются маточники — закаленные стержни с позитивными изображениями и надписями на торце, и многочисленные чеканы (или штемпеля), которые снимались (оттискивались) с каждого маточника и использовались для непосредственной чеканки монет. Чеканы изготавливались из более мягкого, ковкого металла с негативными оттисками изображений и надписей на торце. Даже фальшивомонетчики делали «воров-

---

* Учитываются только маточники *3, 4* и *5* как сделанные заново, а маточники *1* и *2* представляют собой маточник *2* времени Дмитрия Ивановича (табл. 4), на котором выгравировались последовательно даты (на *1* сохранилась прежняя П/РДЦ, на *2* — Н/РЕI). Не учитывается маточник Владислава, так как при нем использовался маточник *4* времени Василия (с буквами ПРД).

ские» маточники и снимали с них чеканы, что нашло отражение в терминологии письменных свидетельств о чеканке фальшивых монет.

Скорее всего вывезенные чеканы были переделаны в маточники на имя Михаила Федоровича, поскольку этого требовала технология нанесения изображений рисунков и надписей на орудия чеканки — позитивные изображения и текст, естественно, было легче вырезать на рабочей поверхности, сбив с нее старые изображения. Разумеется, маточники, сделанные из чеканов, должны были бы стать очень хрупкими и, следовательно, недолговечными. Этим, видимо, и объясняется большое количество различных типов шведских фальсификатов при очень небольшом количестве самих сохранившихся монет.

Исчезновение имени Нефедки со страниц книг денежного двора в феврале 1617 г. подтверждает справедливость обвинения шведов в том, что они вывезли «Нефедка с товарищи» в Швецию насильно после заключения Столбовского мира. Тем большего доверия заслуживает утверждение московских бояр о незаконной чеканке подделок под русские монеты. Нумизматические данные придают этому обвинению полную достоверность. Нетрудно заметить, что шведские фальсификаты делятся на две группы (см. табл. 6 соотношения штемпелей, фототабл. 23 и диагр. 23).

В одну из этих групп входят подражания копейкам Василия Шуйского и Дмитрия Ивановича, снабженные знаком ПС (табл. 6, Н., Шв. оккупация, *3—2, 3—3*), а также тип *2—1*, представляющий сочетание подлинных маточников НРГІ и оборотного *1*. Подлинный оборотный маточник Василия Шуйского *2* объединяет эту группу с массовой чеканкой шведов 1611- 1617 гг. — с копейками РІН и НРГІ. Число дошедших до нас фальсификатов этой группы ничтожно: пока известны только два экземпляра копейки ПС с именем Василия (один экземпляр происходит из клада, найденного в Эстонии, на хуторе Пэнтсаку, второй — из упомянутого выше пулковского клада) и один-единственный экземпляр копейки ПС с именем Дмитрия (из пулковского клада). Копейка *2—1* также известна в единственном экземпляре (коллекция ОН ГЭ).

Выпуск этот следует датировать второй половиной 1615 г. и, возможно, связывать с упоминавшимся выше письмом Густава-Адольфа от 29 июля 1615 г. Может быть, именно в связи с чеканкой указанной группы фальсификатов на Новгородском денежном дворе начиная с июня 1616 г. стали давать за 100 старых копеек не 110, а 112 новых? Эти первые выпуски еще прочно привязаны к шведской чеканке 1611 — 1615 гг., они используют подлинные маточники Шуйского и не претендуют на подражания ходячей в то время монете, которой были в 1615 г. московские копейки Михаила. Экономическая целесообразность подобного выпуска очевидна. Она заключалась в том, что эти легкие копейки с именами «прежних государей» вполне могли сойти за полноценную старую монету трехрублевой стопы, широкое обращение которой в Новгороде фиксируют письменные источники и нумизматические данные.

Вторая группа фальсификатов (табл. 6, чекан Нефедки, *4 — 4, 5 — 4, 6 — 4, 7 — 4, 4 — 5, 7 — 5, 7 — 6, 8 — 5, 9 — 5, 9 — 6, 9 — 7, 7 — 7*), подражающих ходячим в то время монетам Михаила, могла появиться только после 1617 г. Очень убеждает в этом находка большого числа монет данной группы в пулковском кладе, состав которого четко отражает характер денежного обращения Ижорской земли после передачи ее шведам. Именно эти копейки могли чеканить «Нефедка с товарищи», переделав старые чеканы на новые, с именем царствующего в России правителя. Шведами был вывезен, видимо, только один лицевой маточник с буквами ПС *(4)*, ими же приготовленный

для тайной чеканки. Рисунок его обнаруживает большое сходство с новгородским датированным маточником 1617 г. (Н/РКЕ), что косвенно свидетельствует о том, что резал его новгородский резчик на денежном дворе. Этот маточник был сделан вполне профессионально, что и объясняет, почему из всех шведских фальсификатов более всего сохранились копейки ПС, вышедшие из-под этого маточника. Остальные маточники, переделанные из старых чеканов, оказались менее прочными. Рисунки и надписи здесь выполнены много хуже и с художественной, и с технической стороны. Это не удивительно, так как делались они уже в «Свее», вне Новгородского денежного двора, без участия резчика.

Готовя лицевой маточник ПС в 1615 г., шведы предназначали его для чеканки монет, подражавших копейкам трехрублевой стопы. Но после 1617 г. этот же лицевой маточник был использован для чеканки копеек с именем Михаила. Копейки Михаила со знаком Псковского двора только появились в этот период — Псковский двор начал работать после долгого перерыва лишь в результате заключения Столбовского мира. Первый выпуск шведских фальсификатов *(4 — 4)* подражал псковским копейкам Михаила, пока готовились новые лицевые маточники со знаками Московского и Новгородского денежных дворов.

Реальный средний вес шведских подделок составляет 0,46 г (диагр. 23). Нормативный вес их, видимо, лежал в пределах 0,47 — 0,48 г, приближаясь к весу копеек НРГІ 1615 — 1617 гг. Шведские фальсификаты, следовательно, чеканились по стопе, которая была ниже четырехрублевой и которая, очевидно, была образована путем вычитания из копейки трехрублевой стопы новгородской почки (0,68 — 0,20 = 0,48). Апробирование шведских подделок обнаружило, что основная их масса имела обычную для русских монет до 1627 г. высокую, 960 пробу; однако 3 экз. оказались 750 пробы. Видимо, при их чеканке серебро очищалось не с такой тщательностью, как это делалось на русских денежных дворах.

Продолжительность чеканки шведских фальсификатов за пределами Новгорода после февраля 1617 г. установить трудно. В кладах они попадаются начиная с 30 — 40-х годов XVII в. вплоть до начала XVIII в. (например, в кладе 1717 г., хранящемся в ОН ГЭ, № 27 новой серии, на 2756 экз. встречены 257 шведских копеек РІН и НРГІ, а также 8 экз. шведских фальсификатов после 1617 г. — типы *4 — 4, 4 — 5, 7 — 6* и *7 — 7*). Безусловно, с нашей точки зрения, одно — несмотря на протесты русских дипломатов, незаконная чеканка русских монет в Швеции продолжалась, коль скоро русские клады середины и второй половины XVII в. оказываются засоренными эти фальсификатами.

Трудно сказать, в какой мере были повинны в организации этой чеканки официальные шведские власти. Возможно, в этом случае имела место частная инициатива шведского главнокомандующего в Новгороде — «Якова Пунтосовича» Делагарди. На такую мысль наводит история архива, в котором находились книги Новгородского денежного двора. Существует мнение, что часть этого архива, в том числе та, где были книги денежного двора, принадлежала Делагарди. С 1617 по 1628 г. он занимал ведущие государственные должности в Прибалтике и, в частности, в землях, отошедших к Швеции после Столбовского мира. В 1628 г. он переехал в Швецию и перевез с собой весь свой личный архив. Когда в 80 — 90-х годах XVII в. шведский король конфисковывал имения шведской знати и были отобраны имения наследников

Делагарди, архив этот попал в Камер-архив в Стокгольме, а в XIX в. — в Государственный архив Швеции, где он находится и сегодня[52].

Вывоз русских документов из России в Швецию, как пишет И. П. Шаскольский, считался всеми исследователями «актом государственной власти, продиктованным политическими соображениями, — стремлением иметь новгородский архив в Стокгольме для каких-то нужд шведского правительства. Теперь же, — продолжает исследователь, — выяснилось, что это был акт произвола Якоба Делагарди. Воспользовавшись своим положением главнокомандующего, он увез с собой всю документацию за тот период, когда управление Новгородской областью было сосредоточено в его руках... увез для каких-то собственных нужд, не собираясь передавать эту документацию в руки правительства»[53].

Как полагает И. П. Шаскольский, вопрос этот будет окончательно решен только в результате дополнительных исследований, но приведенные им соображения кажутся чрезвычайно интересными при изучении тайной шведской чеканки после 1617 г. Из «Наставления боярам...» 1618 г. известно, что «сильно» были вывезены Нефедка с товарищами и старые чеканы; о книгах денежного двора здесь не говорится. Но факт вывоза книг с Новгородского двора сомнению не подлежит. Если книги вывез Делагарди*, раз они очутились в его частном архиве, логично допустить, что он же вывез и денежников, и старые чеканы и организовал тайную чеканку русских монет. Плохое качество шведских фальсификатов в какой-то степени свидетельствует о кустарной организации чеканки; надо полагать, что на денежных дворах Швеции сумели бы придать русским копейкам более совершенный вид.

---

* Имя Делагарди постоянно упоминается в книгах денежного двора; характер записей дает основание полагать, что в большинстве случаев он выступал с казенными заказами.

РАЗДЕЛ II

ГЛАВА 8

НОВЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ И ДЕНЕЖНОЕ ДЕЛО

Общие тенденции развития денежного хозяйства в XVII веке

Семнадцатый век знаменовал собой начало весьма продолжительного и сложного переходного периода русской истории от феодальной формации к буржуазной. По определению В. И. Ленина, примерно с XVII в. начинается новый период русской истории[1].

Специфика исторического развития России в XVII в. заключалась в том, что раннебуржуазные элементы существовали в рамках феодально-крепостнической формации, которая продолжала свое развитие по восходящей линии. Ведущей тенденцией исторического процесса было дальнейшее укрепление и законодательное оформление крепостного права. «Установление общегосударственной системы крепостного права имело целью максимально возможную концентрацию сил и средств для разрешения задач внутренней и внешней политики на основе феодально-крепостнической системы производства»[2].

Крепостное право задерживало и деформировало формирование буржуазных элементов. Государство, служа господствующему классу феодалов, само выступало как феодальный эксплуататор. Оно настойчиво подчиняло своим фискальным интересам купечество и торговый капитал. Мелочный и жесткий контроль над внутренней и внешней торговлей с целью извлечения максимальных доходов для казны тормозил развитие товарно-денежных отношений и процесс первоначального накопления. Крепостническая политика государства лишала личной свободы все трудящееся население деревни и посада, ограничивала потенциальные возможности развития промышленного производства. Возникшая в XVII в. мануфактура базировалась на крепостном труде. Возможности роста крупного капитала были ограничены слабостью промышленного производства в России и, что было особенно чувствительно, невозможностью вести активную внешнюю торговлю из-за отсутствия удобных и надежных выходов к морю. «Капиталисты-купцы», которые должны были становиться руководителями буржуазного развития страны, еще не оформились как социальная сила, которая смогла бы реально противостоять господствующему феодально-крепостническому строю.

XVII век отмечен дальнейшим расширением государственной территории, что имело немаловажное значение для исторического развития страны.

В результате успешных войн удалось вернуть в состав России часть утраченных в начале века земель. Продолжались освоение Сибири и продвижение линии оборонительных крепостей на Юг, Юго-Восток и Юго-Запад. Начались хозяйственное освоение присоединенных районов и создание новых городских центров.

Как ни велики были объективные трудности по пути формирования и дальнейшего развития буржуазных отношений, ко второй половине XVII в. окрепла экономическая база государственной централизации. Все это не могло не оказать влияния на надстроечные институты. Советская историография выделяет 60 — 90-е годы XVII в. как период, когда происходил процесс изживания сословно-представительной монархии, уже не соответствовавшей назревшим государственным задачам, и получила развитие иная форма государственного устройства — абсолютная монархия. «Становление абсолютной монархии в России растянулось на два века, — писал Л. В. Черепнин. — Тенденция к абсолютизму проявилась еще во времена Грозного, а его оформление относится ко времени Петра I. Это объясняется сложным и мучительным процессом формирования в России централизованного государства в эпоху развитого и позднего феодализма в условиях складывания крепостничества и в то же время зарождения явлений, которым в дальнейшем суждено было его подточить и сломить»[3].

Становление абсолютизма происходило на основе укрепления феодальной собственности на землю и сплочения вокруг царизма дворян-крепостников и верхов посада перед лицом классовой опасности со стороны крестьянства и посадских низов. Крепостническое дворянство и купечество стали социальной основой новой формы государственной власти.

Во второй половине XVII в. назревали и получали определенную устойчивость новые явления в строительстве государственного аппарата, а также определились первые, пока спорадические попытки создания крупной промышленности. Все это потребовало преобразования финансовой системы как в плане укрепления государственного бюджета и изыскания новых доходов, так и в плане реорганизации управления финансами. Серьезная перестройка с целью упрощения и дальнейшей централизации приказной системы была предпринята с начала 80-х годов. Наиболее важной здесь была попытка объединить все вопросы финансового характера в укрупненном Приказе Большой казны[4].

В этих сложных и противоречивых условиях развития Русского государства XVII в. денежному хозяйству было суждено занять особое место.

Широкомасштабные закупки западноевропейских драгоценных металлов и перепродажа их на внутреннем рынке и для денежных дворов обеспечивали высокую торговую прибыль как для казны, так и для купечества. Уже одно это обстоятельство способствовало консервации существовавшего уровня денежного хозяйства. Все политические и военные усилия обеспечить свободный выход к морским торговым путям на протяжении XVII в. успехом не увенчались, и, следовательно, улучшение условий внешней торговли могло осуществляться лишь системой протекционистских мер. Создание максимально выгодных условий для торговли серебром и другими драгоценными металлами было одной из существенных составных частей протекционистской политики русского правительства. Основные тенденции экономической политики русского правительства в XVII в. — покровительство развитию внешней торговли, вытеснение иностранного капитала из сферы русской промышлен-

ности и торговли, содействие развитию отечественных мануфактур, привлечение в страну драгоценных металлов — характеризуются как политика меркантилизма, т. е. экономическая политика государств, вставших на путь буржуазного развития. Однако русский меркантилизм отличался рядом существенных особенностей.

Он возник на базе мелкого ремесленного производства при господстве натурального феодально-крепостнического хозяйства, и меркантилистская политика русского правительства сводилась в основном к системе протекционистских мероприятий в отношении внешней торговли. Русское правительство стремилось не допускать вывоза денег из страны и тщательно регулировало движение денежной массы благодаря организации денежной чеканки только на государственных денежных дворах[5]. В этой связи особое значение приобретала необходимость сохранения архаичного вида русской монеты, что было существенной гарантией от свободного обращения ее на мировом рынке.

Однако консервативные формы русского денежного хозяйства все более и более вступали в противоречие с новыми явлениями в экономике и политике. Развитие товарно-денежных отношений, значительное расширение территории государства, увеличение категорий населения, живущих за счет жалованья, прежде всего армии и бюрократического аппарата, — все это требовало количественного возрастания денежной массы. В XVI в., когда возникали аналогичные потребности, хотя и в значительно меньших масштабах, увеличение денежной массы достигалось усовершенствованием организационных и технологических условий денежного производства. В XVII в. эти меры уже не давали необходимого эффекта, ибо их результаты не удовлетворяли потребности экономики в денежных знаках. Политика правительства в денежном деле в XVII в. становится значительно многообразнее: она включает и активные поиски отечественного сырья для промышленной добычи драгоценных металлов, и серию организационных мероприятий в денежном производстве, и попытки удешевить сырье для чеканки монет; делается даже не увенчавшаяся успехом попытка приблизить русское денежное хозяйство к западноевропейскому (денежная реформа 1654 — 1663 гг.).

Не следует также забывать, что эксплуатация государством денежной регалии была одним из наиболее устойчивых источников казенной прибыли и чеканка монет поэтому была составной частью фискальной политики государства. Реорганизация финансового аппарата, направленная на централизацию финансового управления и налоговой системы, создание более эффективной формы налогового обложения (переход от посошного к подворному обложению) затрагивали и денежное хозяйство. Воздействовал на него также и процесс бюрократизации, что выразилось в создании нового аппарата управления денежным производством.

Тем не менее все правительственные мероприятия в области денежного хозяйства оставляли без изменения русскую денежную систему, которая с каждым десятилетием XVII в. делалась все более архаичной. На фоне западноевропейского денежного хозяйства XVII в. она была явным анахронизмом. Русская экономика все более втягивалась в систему международных экономических связей, но русские монеты не могли выполнять функции мировых денег. Дело было не только в политике правительства, стремившегося не допускать вывоза драгоценных металлов из России: русские деньги на международном рынке не выдерживали никакой конкуренции.

Иностранцы, посещавшие Россию в XVII в., много писали о неудобстве русских денег. Так, Кильбургер замечал, что с русскими деньгами «обращаться неприятно — они маленькие, скользкие и легко падают сквозь пальцы. Между ними подсунуто и много фальшивых посеребреных, медных и свинцовых копеек, поэтому нужно хорошенько этого беречься. Они также бывают более недействительны, если изображение и надпись уже так стерлись от старости и большого употребления, что их нельзя более разобрать»[6]. О том же писал А. Олеарий: «...так как они (русские монеты. — *А. М.*) очень мелки, то ими трудно вести торг: они легко проваливаются сквозь пальцы»[7]. Источники сообщают, что иностранцы с неохотой принимали русские деньги, предпочитая им ефимки. Во время русско-шведских переговоров 1649 г. велись долгие споры между обеими сторонами по этому вопросу: русские настаивали на выплате денежных сумм русскими копейками, шведы требовали любских ефимков[8]. В 1650 г. шведский резидент Иоганн де Родес с неудовольствием сообщил датскому правительству, что он был вынужден получить от русского правительства вместо 20 тыс. дукатов русские деньги, по 100 копеек за дукат; он предполагал эти деньги «выменять на дукаты на нашей границе и в лифляндских городах, где русские деньги в ходу»[9].

Своих торговых агентов казна старалась снабдить ефимками. Об этом имеются сведения у Родеса[10]; в 1653 г. ярославцу, торговому человеку Антону Лаптеву были выданы из Приказа Большой казны 1000 рублей любскими ефимками (по 40 копеек ефимок) — он должен был скупить в Ярославле и Костроме хлеб и просо, чтобы продать эти товары «в немецких и свейских городах»[11]. Агенты денежных дворов, скупавшие в годы денежной реформы 1654 — 1663 гг. медь для денежного дела, также по большей части снабжались ефимками[12].

В XVI — начале XVII в. русские копейки ценились на западе главным образом как высокопробное серебро. «Из Московского государства возят (иностранцы. — *А. М.*) к себе старыя денги чистое серебро» — говорится в указе 1620 г.[13]

Русские монеты не могли, в сущности, выполнять и другую функцию денег — средства образования сокровищ. Хотя вторая половина XVI в. и особенно XVII век поражают обилием монетных кладов, их размеры и места находок свидетельствуют, что монеты (русские копейки и лишь в незначительной степени более мелкие номиналы — денги и полушки) выступали отнюдь не в роли сокровища. Для этого клады были слишком незначительны по размерам. Анализ социально-экономического положения тяглого населения деревни и города, составлявшего основную массу кладовладельцев, свидетельствует, что ни в XVI в., ни тем более в XVII в. у них не было условий для накопления «избыточных», «лишних» денег — этого непременного фактора образования кладов-сокровищ. К. Маркс противопоставлял понятию «клад-сокровище» иную форму существования денежных средств — «монетный резерв», или «отложенная монета»: «Не следует смешивать сокровище с монетным резервом, который сам образует составную часть общего количества денег, постоянно находящихся в обращении, в то время как активное соотношение между сокровищем и средствами обращения предполагает уменьшение или увеличение указанного общего количества денег». Характеризуя понятие «монетный резерв», К. Маркс отмечал, что деньги здесь в сущности только отложенная монета и они представляют собой «лишь технический момент самого денежного обращения»[14]. Совершенно очевидно, что

основную массу русских кладов XVI в. и особенно XVII в. следует квалифицировать как монетный резерв, отложенные деньги, составляющие часть общего количества денежных средств, постоянно находящихся в обращении. Функцию сокровища в русском обществе выполняли иные виды общественного богатства: земельные владения, движимое и недвижимое имущество, драгоценности, «мягкая рухлядь», золотые и серебряные иноземные монеты, не участвующие в русском денежном обращении[15].

В XVII в. русские монеты начинают все более часто обнаруживать свою несостоятельность в функции средства платежа. Крупное купечество, ворочавшее сотнями и десятками тысяч рублей, сталкивалось со значительными трудностями при пересчете колоссального количества мелких монеток. Напротив, для мелочной торговли, которая активизировалась вместе с ростом городов в XVII в., серебряная копейка оказывается слишком крупной денежной единицей с очень высокой покупательной способностью. А. Олеарий писал, например, что в Нижнем Новгороде «молодая курица, а также 15 яиц стоили 1 копейку»[16]. Денежки и полушки не спасали положения, к тому же их не хватало. В челобитной тобольского воеводы (1640 г.) говорится: «В твоих, государь, русских городах для торговли живут твои государевы мелкие деньги — московки и полушки, а в Тобольске и в других сибирских городах мелких денег нет и вследствие того в торговых и во всяких делах бывает медленность и казне убыль... Торговые же люди таких мелких денег в Сибирь не возят»[17].

В быту появились какие-то не уловленные современными средствами источниковедения разменные денежные единицы — «пироги» и фракции «пирога», «пулы», «мортки»; в ходу были также «сеченые деньги» — рассеченные на несколько долей копейки, а также кусочки клейменной кожи — «кожаные жеребьи». О них говорится в указе от 11 марта 1700 г.: «...во многих Низовых и иных городех за скудостью денежек, на размену в мелких торгах, пересекают серебряные копейки на двое, и на трое и торгуют ими вместо денежек на размен; а в Калуге и иных городех вместо серебреных денежек торгуют же кожаными и иными жеребьями»[18].

В XVII в. русская копейка практически перестала быть прокламативным средством. Изображение ездеца-государя, сопровождающееся кратким титулом, настолько схематизировалось, что потеряло все конкретные реалии, вплоть до изображения бороды. Не было на копейках и государственного герба — двуглавого орла. По необъяснимым причинам двуглавый орел вдруг появился на полушках Алексея Михайловича, но скорее всего здесь его следует воспринимать как дальнейшее развитие изображения птицы, обычно употреблявшегося для оформления полушек.

Абсолютистский строй в Европе уже выработал устойчивые каноны оформления монеты. Обязательными его элементами были государственный герб и портрет государя со всеми чертами конкретного правителя. Легенда монеты указывала полный титул правителя и его территориальные владения, дату выпуска, место чеканки и в ряде случаев номинал. Ничего этого не было и не могло быть на крошечной по размерам русской копейке.

Отсутствие прокламативных моментов в оформлении русской ходячей монеты в какой-то мере компенсировалось золотыми донативными знаками, получившими широкое распространение во второй половине XVII в. На них помещались государственный герб — двуглавый орел и полный царский титул, располагавшийся на обеих сторонах знака. «Золотые» по внешнему

виду заметно отличались от серебряных проволочных копеек: это были крупные круглые монеты. Однако «золотые» имели ограниченную сферу действия и во внутреннем денежном обращении не участвовали.

Противоречия и сложности социально-экономического развития Русского государства XVII в. в полной мере отражались на состоянии денежного дела. Оно пыталось приспособиться к менявшимся условиям жизни в рамках тех архаичных форм денежного производства, системы номиналов и оформления монетного поля, которые были выработаны предшествующими веками развития русской национальной денежной системы. «Ростки нового», если так позволительно выразиться в отношении монет, вступали в противоречие с их архаичной формой, и это порождало кризисные явления в денежном хозяйстве страны. Денежная стопа и качество серебра неуклонно ухудшались на протяжении века, появилась масса подделок под русскую копейку, как отечественных, так и зарубежных. XVII век отмечен серией денежных реформ, завершившейся денежной реформой Петра I, которая положила конец целой эпохе в истории русского денежного обращения.

Новый период русской истории сказался на русском денежном хозяйстве, но и денежное хозяйство в свою очередь оказывало обратное влияние на социально-экономическое развитие страны. Изучение явлений, происходивших на протяжении XVII в. в денежном деле, приобретает важное значение: оно входит составной частью в комплекс проблем образования всероссийского рынка, национальных буржуазных связей, процесса первоначального накопления.

После смутного времени (монеты Михаила Федоровича)

Первая попытка дать научную систематизацию монет 1613 — 1645 гг. была сделана в работе «Систематизация монет Михаила Федоровича», вышедшей в 1960 г. В ней была предложена первичная классификация монет Михаила Федоровича, основанная на материалах коллекции ОН ГИМ и девяти кладах коллекции Михаила, выявлен комплекс важных изменений в организации денежного производства в 1626/27 г., приравненных по своему значению к денежной реформе, определена эволюция весовой нормы и пробы серебра на протяжении царствования Михаила. Главное назначение этой работы заключалось в создании возможности ориентироваться в массе монет XVII в., где копейки Михаила составляют значительную часть, а также возможности определять и датировать состав монетных кладов, непрерывно пополняющих фонд нумизматических источников.

За неполные три десятка лет, прошедших после выхода этой работы, на ее базе были обработаны десятки тысяч монет, число кладов с 9 возросло до 70. Наши знания о монетах Михаила значительно расширились. В целом новые нумизматические источники не внесли принципиальных изменений в классификационную схему, разработанную в 1960 г., однако значительно ее уточнили. В ряде случаев выделились новые центры чеканки и комплексы монет. Исследование монет Михаила на новой источниковой базе показало, что 1613 — 1645 гг. оказались тем рубежом, который разделил два этапа в истории русского денежного обращения, условно названные периодами трех- и четырехрублевой стопы. В чекане Михаила встретились и сосуществовали элементы, присущие русскому денежному делу XVI — начала XVII в. и

более поздней эпохи. Монеты Михаила Федоровича представлены в табл. 6, 8 — 11 соотношения штемпелей, фототабл. 24 — 35а и весовых диагр. 24 — 37.

В ноябре 1613 г. возобновил свою работу Московский денежный двор в Кремле, являвшийся в то же время Денежным приказом. Временные дворы — Ярославский и Московский — закрыли, «снасти» с них и, видимо, часть денежных мастеров перевели в восстановленный двор. Е. Г. Телепнев, голова Московского денежного двора при поляках, занял эту же должность после восстановления Московского двора. В 1613 г. Новгородский денежный двор, оставшийся в оккупированном шведами Новгороде, был вне досягаемости власти Денежного приказа. Псковский денежный двор в городе, разрушенном длительной полосой междоусобных войн и военной опасности со стороны шведов, не мог еще работать в полную силу. В 1613 г. денежное обращение Русского государства обслуживал единственный Московский двор.

Перед денежным производством в первую очередь встала проблема сырья. Его не было в разоренной стране, а центры внешней торговли с Западом, откуда должно было бы поступать серебро, были отрезаны: Смоленск находился в руках поляков, Псков с 1615 г. осаждал Густав-Адольф, Новгород был оккупирован шведами и все северо-западные районы Русского государства находились под шведской властью или контролем. Оставались свободными Архангельск и поморские города, но северную торговлю нужно было еще налаживать после длительной полосы военных и гражданских неурядиц смутного времени и обеспечить безопасный проезд по торговым путям до Москвы.

На первых порах выход был найден в активной скупке у населения старых монет трехрублевой стопы с «наддачей»: «У кого будут старые деньги, велел государь возить к Москве к денежному двору и переделывать на новый чекан, а за те старые деньги указал государь давати из своей государевой казны новые деньги с наддачею»[19]. На некоторое время старые тяжелые деньги обеспечили значительную часть сырьевой базы для чеканки. Характерно, что в кладах вплоть до начала 20-х годов XVII в. основную или значительную часть составляли монеты трехрублевой стопы. К середине 20-х годов количество старых монет заметно убывает, а в кладах конца правления Михаила они насчитываются единицами. Старые деньги постепенно исчезли из обращения. По данным С. Б. Веселовского, в 1614 г. было сдано в переплавку только для Казенного приказа старых денег 2920 руб., в 1615 г. для Разряда и Новгородской чети — 4080 руб., а в 1620 г. для Новгородской чети — всего 540 руб., в 1628 г. для нее же — только 148 руб.[20]

Большие суммы старых денег в 1614 — 1615 гг. были, видимо, получены правительством у Строгановых, у Соловецкого монастыря, «Калужских и других городов и уездов», а также от двух чрезвычайных налогов с населения, взятых в 1613 г. («на лошадей» и «за пушечные запасы»); небольшие суммы были получены от иностранцев[21]. Сборы пятинных денег, которые производились в 1614 — 1616 гг. уплачивались уже новыми деньгами, выпущенными к этому времени в достаточном количестве. По мере сокращения доли старых денег в денежном обращении нужда в сырье для чеканки возмещалась из доходов от внешней торговли, которая после заключения в 1617 г. Столбовского мира постепенно восстанавливалась. В эти же годы активизировался Северный морской путь через Белое море и Архангельск, столь обогативший поморские города в XVII в.

В связи с введением новой стопы изменились закупочные цены на ефимки по старым нормам Торговой книги. Уже в мае 1613 г. за ефимок платили не 36 или 36,5 коп., а 42 коп (14 алтынов); за гривенку чистого серебра — не 2 руб. 80 коп., а 3 руб. 50 коп.[22] Цена ефимка, равная 14 алтынам, существовала в Швеции в 1615 г., судя по письмам Густава-Адольфа шведскому казначейству. У нас нет сведений о том, какое количество копеек новой стопы выходило из одного ефимка, но можно вычислить, что одному ефимку по весу соответствовало приблизительно 50 полноценных копеек четырехрублевой стопы. Но уже в 1618—1619 гг. цена ефимка в русских копейках повышается до 48 — 50 коп. и на этом уровне сохраняется приблизительно до 30-х годов XVII в.[23], допуская колебания в сторону как уменьшения, так и увеличения, пока в середине века не устанавливается государственная монопольная цена за ефимок, равная 50 коп.

Объем чеканки при Михаиле Федоровиче был колоссальным — его можно сравнить только с объемом чеканки при Иване Грозном. В любом кладе второй половины XVII в. бо́льшую часть состава неизменно представляют копейки Михаила. Основную массу продукции поставлял Московский денежный двор.

Систематизация московских монет Михаила должна дать наиболее полные и объективные данные о процессах, происходивших в русском денежном хозяйстве первой половины XVII в. Обоснование научной систематизации монет 1613 — 1645 гг. приобретает поэтому особое значение. Для нее существует несколько отправных точек, позволяющих расставить четкие хронологические вехи, что крайне существенно для московских копеек, не имевших по традиции обозначения дат.

Первой вехой является дата возобновления работы Московского денежного двора, которая устанавливается по письменным источникам. Это ноябрь 1613 г. Пять кладов, зарытых на рубеже 1612 — 1613 гг., характеризуют этот начальный этап чеканки*. К ним примыкают еще четыре клада, зарытые в 1614 г. и содержащие первые выпуски монет Михаила**.

Следующей отправной точкой систематизации служат три даты: 1617, 1618 и 1619 гг. В 1617 г. начали работать Новгородский и Псковский денежные дворы после заключения в феврале Столбовского мира, и наличие в кладах новгородских и псковских монет позволяет установить дату захоронения этих кладов — «после 1617 г.» После 1618 г. в денежное обращение влились копейки, чеканенные на возрожденном Ярославском денежном дворе (подробнее об этом см. в параграфе «В поисках средств»), и их наличие в кладовых комплексах уточняет датировку входящих в клады монет. И наконец, в 1619 г. появляются так называемые «деннинги» — монеты, чеканенные в Дании по образцу русских (см. параграф «Корелки худые»).

Знаменитый таймырский клад***, найденный на побережье залива Симса и являющийся казной трагически погибших русских мореплавателей, осваивавших север Сибири, продемонстрировал набор монет, появившихся

---

* ВОКМ 1428 (с. Ивановское Вологодской обл.), С 840 (г. Солигалич Костромской обл.), ОН ГЭ 73 (г. Тамбов или Тамбовская обл.), ОН ГИМ 96373 (д. Добрино Тульской обл.), ОН ГИМ 96577 (д. Хмелевое Архангельской обл.).

**ЗВМ 1960 г. (г. Звенигород Московской обл.), КОК 13966 (с. Сущево Костромской обл.), ОН ГИМ 81057 (г. Бронницы Московской обл.), ОН ГИМ I (д. Татарово Московской обл.).

*** Музей Арктики и Антарктики; ОН ГЭ, XXII.

между 1614 и 1617 гг., поскольку в его составе не было обнаружено ни псковских и новгородских, ни ярославских, ни датских монет. Клад из д. Шосково Костромской обл.* содержал новгородские и псковские и ярославские монеты, что позволило датировать его 1618 — 1619 гг. и выявить в нем новые типы копеек, появившиеся после 1616 г. Клад из с. Пустое Рождество Московской обл.** был зарыт несколько позже, так как в нем значительно увеличилось число типов монет, не встреченных в более ранних кладах. Между 1619 — 1623 гг. были зарыты пять кладов, представивших в своем составе весь набор типов копеек, ходивших в Русском государстве в начале третьего десятилетия XVII в.***

Следующая веха в чекане Михаила — 1626 г. Письменные источники сообщают, что снижение стопы с 400 до 425 копеек из гривенки произошло в августе 1626 (7134) г.[24]; видимо, уже в следующем 7135 г. монеты чеканились по заниженной стопе, с весовой нормой, составляющей 0,48 г (фактический вес при такой норме составлял 0,46 г). В шести кладах, сложившихся после 1626 г., представлены монеты с такой весовой нормой****.

Монеты, заключающие чекан Михаила Федоровича и относящиеся ко второй половине его царствования, выделены по двум признакам. Во-первых, обнаружен общий лицевой штемпель чеканов Михаила и сменившего его Алексея Михайловича; на этом основании он отнесен к числу наиболее поздних в чекане Михаила. Во-вторых, монеты, объединенные вокруг этого позднего типа, обнаружили фактический вес, равный 0,45 г, кстати, характерный для монет Алексея Михайловича до 1654 г. 32 монетных клада***** позволяют последовательно распределить время чеканки новых типов, появившихся в 30—40-х годах.

Построенная по данным кладов таблица соотношения штемпелей московских монет Михаила Федоровича была скорректирована благодаря еще двум

---

* ОН ГИМ 84229.

** ОН ГИМ 95253.

*** ОН ГИМ, временное хранение 240 (д. Рынгу Тартуского р-на ЭССР), ВСМЗ 5022 (г. Владимир), ОН ГИМ 100493 (ст. Григорово Казанской ж/д), ОН ГЭ III (г. Псков или Псковская обл.), ОН ГИМ 98494 (г. Калинин).

**** ОН ГЭ XXI (с. Лукинское Винницкого р-на Ленинградской обл.), КОК 20239 (г. Кострома), КОК 67961 (г. Кострома), ТОКМ 1105 (г. Тула или Тульская обл.), ЯКМ 8362 (г. Ярославль), ОН ГИМ 97619 (совх. «Большевик» Серпуховского р-на Московской обл.).

***** ОН ГИМ 84821 (д. Барановка Московской обл.), ОН ГЭ XXXIV (место находки неизвестно), ОН ГЭ (с. Городелье Рязанской обл.), ВОКМ 1103 (г. Вологда или обл.), ВОКМ 1535 (г. Вологда), ВОКМ 13549 (г. Вологда), ВОКМ 1393 (г. Вологда или обл.), ВОКМ 1392 (г. Вологда или обл.), Устюжский музей 13189/5680 (г. Великий Устюг Вологодской обл.), ОН ГИМ 101855 (д. Якунино Истринского р-на Московской обл.), ОН ГИМ 101843 (г. Москва), ОН ГИМ 87961 (ст. Расторгуево Ленинского р-на Московской обл.), ОН ГИМ 80980 (д. Ясенево Можайского р-на Московской обл.), ОН ГИМ 82413 (д. Крюково Кимровского р-на Калининской обл.), ОН ГИМ 82435 (г. Торжок Калининской обл.), ОН ГИМ 79829 (д. Матвеевка Луховицкого р-на Московской обл.), ОН ГИМ 98391 (с. Хоботово Мичуринского р-на Тамбовской обл.), ВСМЗ (с. Спасское Городище Суздальского р-на Владимирской обл.), ЯКМ 8756 (г. Ярославль или обл.), ТОКМ 3550/1 (д. Ботин Алексинского р-на Тульской обл.), ТОКМ 1090 (д. Лирино Алексинского р-на Тульской обл.), Эст. 69 (хут. Пэнтсаку Тартуского р-на ЭССР), ЯКМ 8376 (г. Ярославль), ЯКМ 8714 (г. Ярославль), ЯКМ 20814 (с. Ивановское Ярославской обл.), ЯКМ 8758 (г. Ярославль), ЯКМ 8370 (д. Куричево Бурмакинского р-на Ярославской обл.), ПСК 4983 (д. Мишуково Островского р-на Псковской обл.), МИРМ 16424 (г. Москва), Галич 2075 (г. Галич Костромской обл.), КОМ 2796 (г. Торжок Калининской обл.), Пафнутьево-Боровский м-рь, Народный музей (Калужская обл., окрестности Пафнутьево-Боровского м-ря).

важным объективным факторам: эволюции веса монет и изменению их стилистики. Между этими двумя факторами существует глубокая взаимосвязь: изменение весовой нормы вызывало изменение стилистики в оформлении монетного поля. Эта взаимосвязь была впервые выявлена на весьма ограниченном материале монет царствования Василия Шуйского. Анализ монет Михаила показал, что имела место устойчивая тенденция отмечать все существенные изменения ценности монет изменением их стилистики при сохранении принципов оформления монетного поля.

По мере того как монеты все более и более теряли свои прокламативные функции, их оформление подчинялось служебным задачам денежного производства: оно информировало об изменении ценности монеты. Эту «информацию» можно уловить только очень опытным глазом. Надо полагать, предназначалась она не для широких слоев населения. По всей вероятности, ее должна была учитывать прежде всего администрация денежного двора, которой следовало иметь точное представление об истинной ценности монеты для контроля над процессом чеканки и учета монетного сырья.

Основываясь на совокупности всех вышеприведенных данных, нами была построена таблица соотношения штемпелей московских копеек Михаила (табл. 8, фототабл. 24—30), денежек и полушек (табл. 9 соотношения штемпелей, фототабл. 33). Весовые данные представлены на диагр. 24—31, 35—37.

Таблица соотношения штемпелей московского чекана Михаила (см. табл. 8) отчетливо демонстрирует наличие пяти этапов, отражающих последовательное развитие денежного хозяйства в первой половине XVII в.

Первый этап (1613—1617 гг.). Упоминание о восстановленном Московском денежном дворе (он называется также иногда «Денежным приказом») и его голове Е. Г. Телепневе впервые зафиксировано в ноябре 1613 г. Но, конечно, это не может служить бесспорным основанием для датировки начала работы восстановленного после поляков Московского денежного двора. Однако анализ монетной продукции — чекана Временного денежного двора в Москве, время работы которого должно уложиться в интервал после освобождения Москвы от поляков в октябре 1612 г. и упомянутой датой — ноябрем 1613 г., свидетельствует, что датировка эта вполне допустима. Во всяком случае можно считать, что осенью 1613 г. Московский денежный двор в Кремле уже возобновил регулярную чеканку монет.

Чеканка началась с изготовления новых оборотных маточников, несущих имя Михаила Федоровича. Были сделаны два новых маточника (табл. 8, *1* и *2*). Для лицевых сторон были привлечены уже бывшие в эксплуатации лицевые маточники Временного Московского двора (табл. 5, В. М., *3*), Временного Ярославского двора (табл. 5, Я., 1, причем знак двора — буквы с/ЯР были переделаны на с/МО) и заново сделан лицевой маточник с буквами с/МО (табл. 8, *1* и *2*). Возможно, последний маточник был сделан еще на Временном Московском дворе — судя по его непрофессиональному рисунку, но не был использован в чеканке из-за прекращения работы этого двора. В 1613 г., следовательно, чеканились монеты типов *1—1, 1—2, 3* (табл. 5, В. М.) — *2*, в общей сложности три типа монет. Это был не очень обильный чекан, но это был чекан не Временного, а регулярного государева Московского денежного двора. Одновременно с чеканкой в 1613 г. готовились новые «снасти» — лицевые и оборотные маточники, которые должны были обеспечить массовую чеканку Московского двора по новой стопе, «на имя» нового государя Михаила Федоровича Романова.

6 Заказ № 977

В 1614 г. начала работать новая пара маточников (табл. 8, *3—3*). Она стала самой популярной в чекане Михаила Федоровича. В рисунке всадника и начертании легенды угадывается «почерк» того виртуозного московского мастера, который готовил маточники для Московского и Ярославского денежных дворов с 1606 г. На лицевой стороне монеты изображен едущий шагом всадник в трехчастном венце, с развевающимся за спиной плащом. Одежда всадника — полы кафтана, высокие сапоги, перехваченные у колена, — сбруя коня изображены со всем возможным реализмом, допускаемым миниатюрными размерами рабочего поля маточника и условными приемами изображения. Однако при всей тщательности и мастерстве рисунка здесь нет и намека на портретное сходство с юным царем. Лицо всадника изображено совершенно условно. Принятая еще в царствование Федора Ивановича система изображения на монетах абстрактного образа правителя была использована и при новой династии. Под ногами коня, там, где обычно помещался знак денежного двора, помещено слово, разбитое на две части, — МОС/КВА. Изображение заключено в точечный ободок, который сохранился на ранних выпусках. Обращает на себя внимание пропорциональность изображения, уместившегося полностью в замкнутый круг и во всех деталях сохранившегося на многочисленных монетах, оттиснутых с чекана. Столь же тщательно и рационально размещена в рабочем поле оборотного маточника легенда «Царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси».

Этой паре маточников, видимо, предназначалась роль эталонного образца чеканки, первого престижного выпуска монет новой династии, так же, как когда-то паре маточников 1600 г., резанных при Борисе Годунове (табл. 3, М., *4—2*), с буквами Б—О. Не только художественные, но и технические качества пары маточников *3—3* были весьма высоки. Лицевой маточник использовался почти десятилетие, но качество оттиска оставалось вполне удовлетворительным.

Помимо пары маточников *3—3*, в 1614 г. был приготовлен лицевой маточник с буквами МОСК/ВА под конем *(4)* и оборотный *(4)* с характерным написанием буквы Ф. И тот и другой маточники эксплуатировались только в течение года. Кроме того, в 1614 г. в работе участвовали лицевые и оборотные маточники 1613 г., а также пара маточников Временного денежного двора (табл. 5, В. М., *3—3*).

В течение последующих трех лет каждый год на денежном дворе готовилось по две пары маточников. Характерно, что лицевые маточники отличались заметным разнообразием. Варьировались как знак денежного двора (в виде слова «Москва» или букв МО, М), так и изображение всадника — он изображался то на идущем шагом коне, в соответствии с традицией московской школы, то на скачущем во весь опор, как это было свойственно новгородской школе резчиков. Каждый рисунок отличали индивидуальность, выразительность, художественное мастерство и «сочность» рисунка — если можно так выразиться в отношении этих миниатюр на металле. Разнообразны и оборотные стороны, но в этом разнообразии выделяются два типа написания легенды: в одном случае имя «Михаил» пишется как «Михаило», в другом — «Михаилъ», причем второе употребление встречается гораздо реже.

Весовая норма монет, чеканенных в 1613—1617 гг., строго выдерживалась в нормах четырехрублевой стопы. На весовых диаграммах все типы монет этого периода показывают норму, равную 0,49 г, что является фактическим весом монет четырехрублевой стопы — при нормативном весе одной монеты, равном

0,51 г (диагр. 26—27). Апробирование монет показало, что они чеканены по той же высокой пробе, что и монеты трехрублевой стопы, и так же неизменно показывают одинаковую, 960, пробу*.

Возникает вопрос: почему новый этап русского денежного обращения, обслуживавшийся монетами, выполненными на высоком профессиональном уровне, отличающимися высокой пробой и выдержанным весом, обнаружил столь заметное отступление от последовательной политики в денежном деле, определившейся в 1603—1604 гг. и неуклонно соблюдавшейся даже в самые трудные времена? Имеется в виду стремление к единообразию и стандартизации монетного типа, к отказу от употребления знаков денежных дворов на монетах. Дело, видимо, не только и не столько в том, что события смутного времени смогли прервать проведение этой последовательной программы в жизнь, сколько в сложившейся конкретной обстановке.

В первые годы царствования Михаила происходила смена состава денежного обращения: монеты трехрублевой стопы сменялись монетами четырехрублевой стопы. Нужны были какие-то отличительные черты, которые позволили бы неграмотному в основной массе населению различать серебряные копейки, оформление которых выдерживалось в одной традиции: всадник на одной стороне монеты, надпись — на другой. Монеты трехрублевой стопы или не имели знака под конем, или имели знаки, для монет Михаила не характерные. Обозначение продукции Московского денежного двора словом «Москва» или буквами МО и М в 1613—1617 гг. должно было в первую очередь выделять монеты четырехрублевой стопы и лишь потом уже определять место чеканки. Поэтому не случайно копейки Ярославского денежного двора с именем Михаила Федоровича тоже обозначались знаком «МОС/КВА» или буквой М. Справедливость этого вывода станет совершенно очевидной, когда на следующем этапе денежного обращения, наступившем в 1618 г., всю пестроту знаков, обозначающих продукцию Московского денежного двора, заменит монограмма о/М, впервые использованная в Москве после 1595 г. и ставшая наиболее употребительным знаком этого двора. Характерно, что к этому же времени в кладах постепенно исчезнут монеты трехрублевой стопы, составляющие в ранних кладах Михаила иногда до 60—80% их состава. Не следует забывать, что казна активно меняла «с наддачею» старые монеты на новые, что основным сырьем в первые годы царствования Михаила были монеты трехрублевой стопы и поэтому оформление новых монет должно было облегчать царской администрации операции по обмену монет.

Восстановление денежного хозяйства в 1613 г. включало в себя и чеканку фракций копейки — денежек и полушек. Судя по тому, что уже около 1615 г. были приготовлены специальные оборотные маточники для денежек (табл. 8, *5* и *6*), а также по использованию в чеканке денежек оборотного копеечного маточника *3* (табл. 8), чеканка денежек началась одновременно с возобновлением деятельности Московского двора. Для лицевой стороны был использован лицевой денежный маточник времени Федора Ивановича (табл. 2, М., *3*). В табл. 9 представлены все известные типы денежек Московского денежного двора; можно убедиться, что для их чеканки использовались как копеечные оборотные маточники *(1, 4, 5, 6, 9)*, так и специально для денежек приготовленные

---

* Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г.

оборотные маточники без отчества *(2, 3, 7, 8)*. Впрочем, эти же денежные маточники использовались и в чеканке копеек (табл. 8, *5, 6, 30*). Судя по соотношению штемпелей, денежки чеканились только в Москве.

Видимо, в начале работы Московского денежного двора возобновилась и чеканка полушек. Полушки были обнаружены в кладе из д. Сущево Костромской обл., датируемом 1614 г. На 1919 монет клада там насчитывается 16 полушек времени Ивана IV и 13 полушек времени Михаила (КОК 13996). Средний вес полушек составляет 0,12 г. В дальнейшем полушки чеканились очень интенсивно. Об этом, в частности, свидетельствует большой клад из Костромы (КОК 6796), в котором на 3177 монет клада приходятся полушки в количестве 771 экз., средний вес которых составляет 0,118 г. Клад датируется 30-ми годами XVII в.

Полушки Михаила Федоровича имеют традиционное для этого номинала оформление — на лицевой стороне их изображен голубь, на оборотной — надпись вязью «государь» (табл. 9, *А—А*). Основная масса полушек чеканилась на Московском дворе — об этом говорит стилистическое единство полушек Михаила с московскими полушками Ивана IV. Но чеканились полушки и в Новгороде. В Описи Новгородского двора 1617 г. указывалось, что здесь хранились маточники полушек «прежних государей». В кладе из Костромы, упомянутом выше, встретились новгородские полушки Михаила; действительно, лицевая сторона их была отчеканена лицевым маточником новгородской полушки Ивана IV, а оборотная — копеечным маточником, изготовленным в 1617 г.

Следовательно, с начала работы Московского денежного двора осенью 1613 г. русское денежное хозяйство было восстановлено во всем объеме, с чеканом трех основных номиналов денежной системы: копейки, денги и полушки. Напомним, что два последних номинала начиная с царствования Бориса Годунова не чеканились. Этот факт представляется чрезвычайно важным.

Выше уже приходилось говорить, что в метрологической системе Торговой книги монеты трехрублевой стопы играли роль весовых эталонов, а самая мелкая единица веса — почка — приравнивалась к самой мелкой единице денежного счета — полушке. С падением трехрублевой стопы должна была измениться вся весовая метрология, основанная на 4-почечной копейке и 2-почечной денге. Однако система счета, при которой почка-полушка составляла $^1/_4$ копейки, осталась, так как это была традиционная русская система, установившаяся еще в XV в.

Массовый выпуск полушек в первые же месяцы окончательного утверждения четырехрублевой стопы в 1613—1614 гг. — убедительное тому подтверждение. Весовая норма новой полушки — приблизительно 0,127 г — составляет $^1/_4$ копейки четырехрублевой стопы. Следовательно, в 1613 г. появилась не только новая копейка, но и новая почка, соответствующая нормам четырехрублевой стопы. Новые полушки, которые служили материальным воплощением весовой единицы — почки, выступали в роли нового весового эталона, и массовый их выпуск, надо полагать, должен был способствовать укреплению и распространению новой метрологической системы.

Заканчивая характеристику первого этапа чеканки московских монет Михаила, следует сказать, что в конце этого периода в денежное обращение влились монеты новых центров чеканки. В 1617 г. это были Новгородский и Псковский денежные дворы, возобновившие работу после заключения Столбовского мира в феврале этого года. О работе этих дворов будет сказано более подробно в следующем параграфе.

Судя по составу и обилию кладов первых лет правления Михаила, истощенное русское денежное обращение с жадностью впитывало новую монету, которая быстро завоевала авторитет у населения благодаря своей полноценности, стабильности веса, высокому качеству оформления. 1613—1617 гг. были годами утверждения и упрочения новой стопы. Наиболее полно характеризует состояние организации денежного дела в этот период указ 1617 г. о возобновлении работы Новгородского денежного двора, посланный в Новгород из Москвы царскими послами в марте 1617 г. «О денежном дворе. 125 году. Государева грамота за приписью диака Ивана Остапова*. Велено в Новегороде учинити денежной двор по прежнему и денги делати в серебре и в старых денгах и въ ефимочном и в ветоши в серебре. А пошлины имать по государеву указу торговым людем, которые учнут серебро и ефимки и ветош приносить, и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавилные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег). А торговым людем за гривенку велено давать по 3 рубля с полтиной. А мастером давать з гривенки и чеканщиком, и волочилщиком, и бойцом, и кузнецом по 10 де(нег) с полуденгой. А сто рублев велено приимать против 16 фунтов. А велено выбирать к денежному двору голов и целовалников лутчих людей. А свершку велено давать на 100 рублев по десяти рублев или как договор учините и как бы государеве казне было прибылнее. А сколко у ково гривенок и серебра и старых денег возмут и сколко отдадут, и сколко золотничные и плавилные пошлины из обменных денег прибыли от денег будет и сколко у плавленья у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно по статьям. А у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей»[26].

Этот документ имел задачей восстановить во всех деталях ту организацию денежного производства, которая была принята на всех государевых денежных дворах и от которой Новгородский двор, видимо, несколько отступил в годы шведской интервенции 1611—1617 гг. Здесь важно увидеть за новгородской спецификой общие правила, по которым строилась работа денежных дворов в период четырехрублевой стопы. В грамоте названы виды денежного сырья: серебро (видимо, в слитках), старые деньги, ефимки, серебро «ветош» — скорее всего серебряные изделия, не годные более к употреблению. Норма плавильной и золотничной пошлин по сравнению с нормами Торговой книги, расчеты которой основаны на трехрублевой стопе, увеличилась довольно значительно. И. Г. Спасский высчитал размеры золотничной пошлины в 1611 г. равными 12,5 денги с гривенки; размеры плавильной пошлины в денежном выражении остались неизвестными[27]. В грамоте 1617 г. плавильная и золотничная пошлина составляет 99,5 денги с гривенки («по 14 алтын по полу 16 денег»).

Размер оплаты мастерам, исчисляемый из золотничной пошлины, по нормам Торговой книги составлял 3,4 или 3,5 денги с гривенки переработанного серебра[28]; в указе 1617 г. оплата составляет 10,5 денги для всех категорий работников денежного двора: чеканщиков, волочильщиков, бойцов, кузнецов. Не названы только резчики маточников, но это была привилегированная группа, на денежных дворах их число исчислялось двумя-тремя (а на некоторых их вообще не было), они получали годовое жалованье. Данные о них относятся уже ко второй половине XVII в. Для рассматриваемого периода сведений о резцах (или резчиках) отсутствуют. Оплата мастерам денежных дворов, равная 10,5 денги с гривенки, названа также в опубликованных С. Б. Веселовским письменных источниках, относящихся к 1626 г.[29] Вычитая сумму оплаты «мастером за дело»

* Дьяк Иван Остапов со 2 июня 1617 г. по ноябрь 1617 г. был дьяком Денежного двора[25].

из суммы плавильной и золотничной пошлин (99,5 денги — 10,5 денги), получаем 89 денег, или 49,5 коп.; эти деньги шли в казну как чистый доход государства от чеканки монеты.

Указ 1617 г. позволяет точно вычислить размеры стопы. При получении переделанных денег заказчик получал на руки «по 3 рубля с полтиной», или 700 денег (350 копеек) с гривенки сданного серебра. Прибавив к этой сумме золотничную и плавильную пошлины (99,5 денги), получаем 799,5 денги, или 399,75 коп. Исходя из нормативного веса копейки 0,51 г, полученное количество денег или копеек точно соответствует норме четырехрублевой стопы без полушки. Сделавший этот расчет В. Л. Янин полагает, что эта полушка компенсировала неизбежное отпадение «крох» при чеканке[30].

К новгородской специфике следует, на наш взгляд, отнести определяемые в указе нормы обмена старых денег на новые, хотя вполне возможно, что аналогичные расчеты делались на Московском денежном дворе. На усмотрение администрации денежного двора указ предлагает за 100 рублей старыми деньгами давать 110 новыми («или как договор учините и как бы государеве казне было прибылнее»). Вес 100 рублей старыми деньгами в указе приравнивается к 16 фунтам, т. е. 6552 г. Однако 100 рублей монетами трехрублевой стопы должны были бы весить если не 6800 г, то хотя бы 6700 или 6600 г, учитывая потери веса при стертости монет. Мне кажется, Денежный приказ, называя этот заниженный вес, учитывал, что в Новгороде с 1612 по 1617 г. обращались легковесные монеты интервентов и на руках новгородцев наряду с копейками трехрублевой стопы могли оказаться монеты, чеканенные по стопе 3,6 рубля (1612—1615 гг.) и по стопе 3,9 рубля (1615—1617 гг.)*. Видимо, исходя из этих соображений Денежный приказ предлагал новгородской администрации самой установить норму «наддачи» при обмене старых денег на новые.

Из текста указа следует, что право частного заказа на чеканку на государевых денежных дворах полностью сохранилось: указ говорит о «торговых людех» как о возможных заказчиках. Видимо, Московский денежный двор все больше переходил на выполнение казенных заказов. В частности, об этом свидетельствуют опубликованные С. Б. Веселовским документы, согласно которым Московский денежный двор чеканил большие партии денег для Казенного приказа (1614 г.), для Разряда и Новгородской чети (1615 г.)[32]; В. Л. Янин приводит очень любопытный документ 1620 г. о присылке на Московский денежный двор партии ефимков, закупленных в Архангельске[33]. Новгородский и Псковский денежные дворы, как будет видно из последующего изложения, обслуживали по преимуществу торговых людей, как русских, так и иноземных.

Указ 1617 г. позволяет представить систему управления денежным производством после смуты. По-видимому, она почти без изменений воспроизводила порядок, определившийся в 1595—1596 гг. вместе с учреждением Денежного приказа (Московского денежного двора), во главе которого стояли голова и целовальники, а также дьяк. Такая же структура управления была на периферийных денежных дворах — из числа лучших людей на год избирались голова и целовальники «с товарищи». Судя по тому, что в Москве денежным делом руководил Ефим Телепнев, довольно крупная политическая фигура, впоследствии возглавивший такое важное ведомство, как Посольский приказ, ру-

* По мнению В. Л. Янина, рассчитанная в указе весовая норма ста рублей старыми деньгами в 6550 г (а не 6800 г) получалась из-за потертости старой монеты в обращении[31].

ководство Московским денежным двором не избиралось, а назначалось царским указом.

Денежный приказ определял размеры стопы, «государевых» пошлин, взимаемых с заказчиков, нормы оплаты «мастером за дело». Однако нумизматический материал свидетельствует, что одна из функций Денежного приказа в 1617 г. восстановлена не была: Москва перестала давать в Новгород и Псков образцы рисунков и надписей для маточников (или же посылать готовые маточники) и следить за соблюдением единообразия стиля оформления монет трех денежных дворов. В этом отношении денежные дворы Новгорода и Пскова были предоставлены сами себе.

Денежным приказом также определялась предполагаемая норма прибыли от чеканки Новгородского и Псковского денежных дворов исходя из размеров годовой прибыли предшествующего года. Прибыль эта складывалась, как уже говорилось, из золотничной и плавильной пошлин за вычетом платы мастерам. Голова и целовальники отправляли в Москву «денежные прибыли», иногда вычитая из них расходы на текущие нужды денежного двора. Например, в 1621 г. администрация Новгородского двора потратила 19 руб. 25 алтынов 3 денги на «дворовую поделку», свечи, бумагу, дрова, чернила, оплату дьячкам «за писмо» и «сторожу, найму» и другие мелкие расходы[34].

Второй этап (1618—1625 гг.) выделен по совокупности нескольких признаков. Прежде всего бросается в глаза перемена внешнего облика монет. Вместо комбинаций слова «Москва» под конем или букв МО, М здесь прочно утверждается традиционный знак Московского денежного двора, впервые появившийся после 1595 г., — монограмма о/М. Встречены только два отступления — лицевые штемпели *11* и *15* (со знаками М и МО/СКВА), которые кажутся случайными отклонениями от общего правила еще и из-за низкого качества рисунка. Монеты с этими знаками не очень многочисленны, особенно со знаком «МО/СКВА» под конем. Наблюдается также полное единообразие и в легендах — утверждается тип легенды с написанием слова «МИХАИЛО». Лишь оборотный маточник *13* выпадает из общего стиля — здесь слово «Михаил» написано в форме «МІХЯІЛЪ», а «почерк» легенды заметно отличается от остальных оборотных маточников. Видимо, пробный характер имел оборотный маточник *23*, отличающийся как своеобразным «почерком», так и формой написания имени царя «МИХЯІЛЪ». Монета с такой оборотной стороной и с лицевой, имеющей знак «МО/СКВА» под конем (табл. 8, *6—23*), встречена в единственном экземпляре в одном из кладов, зарытых в 1625—1626 гг. Во второй половине царствования Михаила оборотный маточник *23* имел очень широкое использование; монета *6—23*, видимо, была пробным экземпляром, случайно попавшим в денежное обращение.

За изменением деталей оформления монеты стояло другое важное новшество: начиная с 1618 г. вес монет начал падать. В 1618—1622 гг. это снижение составило всего 0,01 г — весовая норма монет этого времени равнялась не 0,49, а 0,48 г (см. диагр. 29). К концу периода вес монет снизился еще на 0,01 г и достиг 0,47 г (диагр. 30). Проба монет по-прежнему оставалась высокой (960) и единообразной.

В этот же период снизилась и численность монет. Лишь в начале его отмечается обильный выпуск типов *10—11* и *9—13*, а в конце — типа *20—24*, остальные же типы монет, чеканившиеся между 1618 и 1625 гг., довольно малочисленны. В целом же по данным кладов до нас дошло от восьми лет этого периода меньше монет, чем от первого, продолжавшегося всего пять лет.

Сократилось и количество «снастей» для чеканки, изготавливаемых в течение года. Видимо, с 1621 г. каждый год готовится не два лицевых маточника, как это наблюдалось с 1613 г., а всего один. Норма изготовления оборотных маточников — по два на год — сохраняется.

За всеми этими изменениями стояли серьезные события во внешнеполитической и внутренней жизни страны.

В 1618 г. в Европе началась тридцатилетняя война, постепенно втянувшая в свой водоворот все страны Западной и Восточной Европы. Хотя у Русского государства не было ни территориальных, ни династических споров со странами габсбургско-католического лагеря, сам факт того, что Священная Римская империя была союзником главного врага Москвы — Польско-Литовского государства, определил внешнеполитическую ориентацию русского правительства. «Враждебность Московского государства к Империи была не прямой, а отраженной от враждебности к Речи Посполитой, с которой имелись глубочайшие территориальные, а после польской интервенции и политические споры. Но логика вещей заставляла Московское государство считать своими друзьями в Европе не только врагов Польши, но и врагов Габсбургов», — пишет Б. Ф. Поршнев[35]. Естественными союзниками Русского государства в период тридцатилетней войны стали страны антигабсбургской коалиции: Англия, Франция, Голландия, Дания и даже Швеция, с которой у русского правительства были свои исторически сложившиеся счеты после отторжения Балтийского побережья и Ижорской земли в результате Столбовского мира.

Одним из эпизодов, послуживших прелюдией к тридцатилетней войне, был поход польско-литовских войск на Москву в 1617—1618 гг. Гетман Хоткевич и Владислав Жигимонтович в сентябре 1618 г. вплотную подошли к Москве, но русские отряды под руководством князя Пожарского сумели отстоять столицу, и интервенты были вынуждены отойти. В декабре 1618 г. было заключено Деулинское перемирие с Польшей на 14 с половиной лет. На время Владислав отказался от стремления захватить Москву, хотя не оставил своих притязаний на русскую корону. Однако в руках Польши остались Смоленск, Дорогобуж, Чернигов, Новгород-Северский, Себеж и другие исконные русские города на юго-западе.

Возможность быстрого продвижения интервентов к Москве в 1618 г. в значительной мере была обусловлена поддержкой вольного казачества, мятежные выступления которого против новой династии не прекращались. Одним из главных требований казачества была выплата жалованья за прежние годы, а также увеличение его размеров на будущее.

Эти чрезвычайные события потребовали новых денежных затрат, которые частично были возмещены сбором пятой и шестой пятин (в апреле 1618 г. и сентябре 1619 г.). Последние пятины (четвертая, пятая и шестая) были «перед прежними годами и перед прошлым 124 годом гораздо с убавкой»[36]. Надо полагать, что недостающие средства были получены за счет незначительного понижения веса монет в 1618 г.

В июне 1619 г. в Москву из польского плена вернулся отец Михаила Федоровича, патриарх Филарет Никитич. Он стал фактическим правителем государства, «великим государем» при Михаиле, и отныне внешняя и внутренняя политика стала направляться его волей. Филарет имел свою достаточно четкую программу. Его внешнеполитический курс был направлен на борьбу с Речью Посполитой за возвращение русских, украинских и белорусских земель,

что определило его сближение со странами антигабсбургско-католической коалиции. Во внутренней политике Филарет осуществлял систему мероприятий, которые позволили советской исторической науке рассматривать патриарха как предтечу абсолютизма. В частности, он учитывал интересы торговых людей и если не ориентировался прямо на верхушку «гостей», то во всяком случае стремился привлечь ее к участию в правительственной деятельности. Хотя русская монархия в течение всей первой половины XVII в. продолжала опираться на Земские соборы и сохраняла черты сословно-представительной монархии, патриарх стремился окружать себя кругом доверенных людей, ближайших исполнителей своей воли. В число этих людей, в частности, входил Ефим Телепнев, получивший при Филарете чин думного дьяка и в дальнейшем поставленный им во главе Посольского приказа.

Очень большое внимание уделял Филарет упорядочению финансов и системы финансовых учреждений. Вместо одного финансового приказа Большого прихода были созданы несколько финансовых ведомств — Новая четверть (июнь 1619 г.), Приказ Большой казны (январь 1622 г.); Стрелецкому приказу в 1621/22 г. были присвоены определенные финансовые функции. Исследователь приказного строя русского государства Н. В. Устюгов полагал, что «это было вызвано стремлением путем создания специальных ведомств приблизить налоговый аппарат к налогоплательщикам и тем самым обеспечить быстрейшее поступление денег и хлеба»[37].

При Филарете прекратилась практика сборов запросных и пятинных денег (она возобновилась в 1633/34 г., когда патриарха уже не было на свете). К 1619 г. стало ясно, что эти сборы отрицательно влияли на доходность косвенного обложения и резко сократили внутреннюю торговлю. Торговые люди, «блюдясь» пятин — сборов, равных $^1/_5$ движимого имущества и доходов налогоплательщика, его торгов и промыслов, — не ехали торговать[38]. Прекращение практики пятинных сборов было в интересах торгово-ремесленного населения страны — той социальной прослойки русского общества, к которой Филарет относился с вниманием.

Для пополнения средств казны необходимо было изыскивать иные источники дохода. Есть основания полагать, что одним из направлений финансовой политики «великого государя» была широкомасштабная порча монеты. Этот опыт Филарет мог заимствовать из наблюдений над польским денежным делом во время его десятилетнего пребывания в Польше в качестве заложника.

Действительно, начиная с 1618 г. происходит снижение веса монет — вначале на 0,01 г, а с 1622 г. — еще на 0,01 г. Однако это снижение сопровождалось сокращением объема чеканки на Московском денежном дворе, в то время как продукция Новгородского и Псковского дворов была тоже не слишком обильной; эффективность снижения веса монет поэтому не могла быть особенно высокой.

Нумизматические материалы свидетельствуют, что был найден другой, очень хитроумный способ эксплуатации монетной регалии. Примерно в 1619—1620 гг. в монетных кладах появились монеты ухудшенного качества (с весовой нормой в 3,25 новых почки, т. е. 0,42 г, с пробой монет, имеющей разнообразные показатели — 960, 916, 900 и даже 600). Эти монеты чеканились в Ярославле, где был восстановлен денежный двор, закрытый в 1613 г. Главной особенностью этих выпусков помимо ухудшенного качества было явное стремление подделать их под наиболее популярные выпуски Московского денежного двора 1613—1617 гг. (подробнее об этой правительственной акции

см. в параграфе «В поисках средств»). Заметим, что ярославская чеканка, безусловно, содержалась в тайне и отчеканенные в Ярославле монеты, по внешнему виду столь похожие на полноценные московские, должны были приниматься населением тоже как полноценные. Различие между ними может быть замечено лишь очень опытным глазом. Однако фискальная служба государства получила ориентир для выделения подлинных московских копеек 1617—1625 гг. в виде знака о/М, которым метились все выпуски этих лет, в отличие от различных комбинаций слова «Москва» и букв МО, М, встречающихся на подделках Ярославского двора.

Так, московское правительство в 1619 г. повторило опыт 1608—1609 гг., который мы квалифицировали как кратковременное возрождение откупа на чеканку монет в связи с чрезвычайными обстоятельствами, только повторенный с гораздо большим размахом.

Сокращение объема чеканки в Москве, которое наблюдается с 1619 г., безусловно, было следствием того, что сырье для чеканки приходилось делить между Москвой и Ярославлем.

Ярославль находился на пути следования ефимочной казны из Архангельска в Москву, главного торгового пути с выходом на внешнюю торговлю после Столбовского мира. Новгородская торговля, отрезанная от путей к Балтике, хирела. Об этом выразительно свидетельствуют записи новгородских приходо-расходных книг. Под 1621 г. там записано: «...на денежной двор старых денег и ветоши серебра и ефимков в приносе было мало»; в 1626 г. констатируется та же картина и дается объяснение причин «недобора»: «...на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городах войны»[39]. Военные действия в Европе, развязанные с началом тридцатилетней войны, прямо сказывались на сокращении притока серебра в Новгород. Объем продукции Новгородского денежного двора с 1617 по 1627 г. в среднем составлял около 6,5 тыс. руб. в год[40]. С. Б. Веселовский привел данные об объеме лишь некоторых переделов Московского денежного двора, каждый из которых составлял суммы свыше тысячи руб.[41]; а ведь кроме них Московский денежный двор выполнял и другие казенные заказы на чеканку.

Если новгородская торговля хирела после 1618 г., то архангельская, напротив, развивалась. В. Л. Янин опубликовал интересную запись лишь об одной операции по закупке ефимков в Архангельске в 1620 г. В архангельской таможне собралось таможенных пошлин на 5308 руб. 18 алтынов 1 денгу. Были также куплены из таможенных денег 2833 «ефимька рьялских», по 46 копеек за ефимок. Рыночная цена ефимков составляла в это время 48—50 коп., но здесь закупки производились для казны, по казенной, уставной цене, заниженной по сравнению с рыночной. Ефимки были отправлены на Московский денежный двор, «к Ефиму Телепневу да к диаку к Ивану Поздееву» 19 декабря, а 22 декабря из тех ефимков было отчеканено 1517 руб. 17 алтын 4 денги «опричь того, что мастером от дела дано». «Рьялские ефимьки» — это испано-американские монеты, реалы — талеровая монета в 8 реалов, с весом в 27 г и 931-й пробой; чистого серебра она содержала 25,137 г[42]. К сожалению, о торговле серебром России со странами Западной Европы в XVI—XVII вв. нет серьезных исследований; не изучены состав и объем импорта серебра, условия торговли им внутри страны и приходится пользоваться отрывочными сведениями, подобными приведенной записи 1620 г. Дополняют наши представления о снабжении сереб-

ром русского внутреннего рынка два клада с «рьялскими ефимьками», зарытые около 1627—1628 гг. в Москве и насчитывающие 3398 и 1209 талеров[43]. Можно предположить, что испано-американские монеты составляли значительную долю экспорта серебра в Россию.

Исследования общеевропейской торговли драгоценными металлами установили, что главным распределителем серебра в Европе уже с XVI в. стала Голландия. Именно она разрешала экспорт монеты в балтийские страны как средство платежа за товары. Сами же голландцы получали драгоценный металл из Испании и Португалии, в конечном счете — из рудников Центральной и Южной Америки[44].

Несмотря на изоляцию от западноевропейских торговых путей, русское хозяйство было втянуто в общеевропейские экономические процессы, и приток дешевого испано-американского серебра в Европу в XVI—XVII вв. со всеми его последствиями — «революцией цен», подорожанием хлеба и других сельскохозяйственных продуктов — нашли отклик в русской экономике, в частности в денежном хозяйстве. Рост цен на внутреннем рынке, который не миновал и Россию, хотя и был значительно ниже, чем в Европе, потребовал бо́льшего количества денег в обращении, а следовательно, повышения объема чеканки на денежных дворах. Поскольку начиная с 20-х годов XVII в. Россия стала широко экспортировать хлеб и другие продукты сельского хозяйства, в которых нуждалась Европа, недостатка в серебре казна не должна была испытывать. Денежные дворы в этих условиях снабжались сырьем неравномерно. Были ущемлены Новгородский и Псковский дворы, поскольку балтийская торговля после 1617 г. постепенно замирала, но Московский и Ярославский, напротив, получали достаточное количество сырья через все более расцветавшую архангельскую торговлю. Не исключено, что одной из причин возрождения Ярославского денежного двора стала возможность перерабатывать на месте то серебро, которое шло из Архангельска в Москву через Ярославль.

Увеличение объема чеканки достигалось и снижением веса монет, благодаря чему из гривенки серебра выделывалось не 400, а несколько большее число копеек, и созданием еще одного центра чеканки — в Ярославле.

Необходимость увеличения массы монет в денежном обращении, осознаваемая правительством, отразилась еще в одной акции, связанной с чеканкой монет.

Речь идет о выпуске так называемых деннингов — серебряных монет, чеканенных из серебряной проволоки, с изображением всадника с копьем, но со строчной легендой, несущей имя короля Дании Христиана IV[45]. Нумизматическая историография связывает эту чеканку с необходимостью обеспечить денежными знаками жителей тех районов Кольского полуострова, которые находились на спорной территории — объекте притязаний России, Дании и Швеции. Местное население — саами (или горные лапландцы) — были обложены двойной, а иногда и тройной данью. Для этих спорных территорий в 1619 г. по соглашению русского и датского правительств якобы и были выпущены деньги, по виду похожие на русские копейки, но с именем датского короля. Этого мнения о причинах чеканки деннингов придерживались как русские, так и датские нумизматы[46].

Сам по себе факт разрешения иностранцам чеканить монету для обращения внутри России находился в противоречии со всей монетной политикой русского правительства с ее последовательной меркантилистской программой, не допускавшей чеканки монет помимо государевых денежных дворов. Разрешение

на чеканку русско-датских монет в Дании должно было быть вызвано какими-то особыми обстоятельствами. Если принять версию о чеканке этих монет для нужд лапландского населения, то невольно встает вопрос: почему этого не было сделано раньше? Документы русско-датского архива свидетельствуют о напряженных отношениях между русскими и датчанами в Лапландии: они проявлялись в территориальных спорах, взаимных претензиях к сборщикам дани с населения, в спорах о привилегиях торговым людям обоих государств[47]. Особенно остро стоял вопрос о выплате дани на спорных территориях в 1601—1602 гг., когда русские сборщики собирали датскую дань и направляли эти деньги в московскую казну[48].

Несмотря на наличие спорных лапландских вопросов, Россию и Данию сближала общая позиция по отношению к Швеции. Россию Швеция блокировала на Балтике, контролируя с огромной выгодой для собственного купечества русскую торговлю[49]; Дания мечтала о безраздельном господстве на Балтике, чему, разумеется, главным препятствием была Швеция. Пытаясь изменить соотношение сил на Балтийском море, Дания развязала войну против Швеции («Кальмарскую войну» 1611—1613 гг.). Она попыталась присоединить шведские владения на берегах Зунда, обеспечивавшего контроль над выходом из Балтийского моря. В дело вмешалась европейская дипломатия, и война принесла Дании очень скромные результаты. Христиану IV пришлось отказаться от притязаний на господство над Балтикой[50]. Для России эти события были важны уже хотя бы потому, что у Швеции обнаружился явный враг.

Несмотря на то что в тридцатилетней войне Дания и Россия оказались в одном лагере, противоречия между ними, вызванные лапландскими проблемами, оставались. Когда в 1618 г. Россия обратилась к датскому правительству за помощью — денежной или воинской силой — в связи с войной с Польшей, Христиан IV ответил отказом, сославшись на то, что Дания и Польша живут постоянно в мире, Польша никогда не отнимала у Дании земель, в то время как московские цари отняли Лапландию. Король требовал вернуть спорные территории, угрожая в противном случае прибегнуть к силе[51].

И тем не менее в 1619 г. Россия решается на такой беспримерный шаг, как разрешение чеканки русско-датских монет вне русских денежных дворов, в Дании, из датского сырья, лишающее русскую казну какой бы то ни было прибыли от чеканки. Если разрешение на чеканку действительно имело место, то думается, что эта правительственная акция имела не столько экономический, сколько политический смысл: Россия стремилась привлечь Данию на свою сторону. Об уступке территорий в Лапландии не могло быть и речи, поскольку там проходил один из оставшихся после потери Балтики внешнеторговых путей через Колу на Мурманском берегу. О заинтересованности русского правительства в Дании говорят и последующие события. Когда в 1625 г. Дания начала военные действия против Империи, поддерживаемая субсидиями со стороны Англии, Голландии и Франции, Россия тоже оказала ей существенную помощь. Московское правительство предоставило Дании право покупать русский хлеб не по монопольной царской цене, а по крайне низкой себестоимости. Если учитывать, что в Европе в 20-х годах XVII в. началось резкое повышение хлебных цен (разница в уровне цен в России и на Западе в 1628 г. достигала пропорции 1:10 и выше, доходя до 1:20), предоставление союзникам дешевого хлеба было равносильно оказанию денежной помощи. Выход Дании из числа активных участников войны в 1629 г. привел практически к разрыву отношений между Данией и Россией[52].

Впрочем, чеканка русско-датских копеек в известной степени была выгодна для русской казны в конкретных условиях 1619 г. Эти монеты должны были бы в какой-то мере восполнять нехватку денежных знаков, которую начало ощущать во втором десятилетии XVII в. русское денежное обращение. Имя Христиана IV служило гарантом доброкачественности русско-датских монет. Однако иллюзии сохранялись недолго. Дальнейшая судьба этих монет в России была самой плачевной (см. параграф «Корелки худые»).

Итак, на втором этапе своего развития (1618—1625 гг.) русское денежное обращение начало обслуживаться пятью центрами чеканки. Это были государевы денежные дворы в Москве, Новгороде и Пскове, денежный двор в Ярославле, где была организована тайная, возможно откупная, чеканка и где выпускались монеты ухудшенного качества; пятый центр чеканки находился в Дании. Монеты оттуда поступали в Россию через Мурманский берег и Архангельск. К этому следует добавить, что после 1617 г. в Швеции плененные новгородские денежники чеканили по заказу шведских властей «воровские» деньги, которые имели хождение в основном в Ижорской земле, но оттуда просачивались и на другие русские территории. Началась пока еще незначительная порча денег в государственной чеканке. Новая четырехрублевая стопа продержалась без ухудшения лишь с 1613 по 1617 г.

Третий этап (1626—1635 гг.). Для московской чеканки это было время самых серьезных перемен. На лицевых сторонах копеек вновь появилось слово «Москва», но в иной транскрипции и с добавлением по сторонам изображения букв К и Ц: «князь» и «царь» (табл. 8, *23* и *24*); на монетах, где сохранился традиционный знак московской чеканки о/М, перед мордой коня вдруг появились буквы О и Б, смысл которых расшифровать не удается *(21)*. Только два лицевых маточника (*22* и *25*) имели знак о/М без каких-либо добавлений или искажений.

Произошли перемены и в оформлении оборотных сторон. Примерно с 1629 г. утвердился совершенно новый стиль написания легенды: слово «Михаил» писалось в форме «МІХЯІЛЪ», отчество «Федорович» стало писаться только через фиту. Но самой отличительной чертой оборотных сторон монет рассматриваемого периода была такая форма надписи, при которой почти не варьировалось расположение букв в строках, а сами буквы приобрели удивительно единообразное начертание. Исключение составил только оборотный маточник *33*.

Заключая описание внешнего вида монет после 1626 г., нельзя не отметить еще одной выразительной особенности: рисунок и надпись стали выполняться в совершенно иной манере, в ином «почерке». Для этой манеры характерны сухость и какая-то безжизненная стандартность, отсутствие индивидуальных особенностей, так отличавших каждый маточник предыдущих выпусков. Линии стали тоньше, рисунок — суше, рельеф монеты — значительно ниже, вследствие чего сохранность монет после 1626 г. оказалась значительно хуже, чем более ранних монет. Однако при всем этом уровень оформления монетного поля оставался высокопрофессиональным. Следует также констатировать, что отныне каждый год оборотные маточники стали изготавливаться по одному на год (а не по два, как прежде), а лицевые — по одному на полтора-два года (в первом периоде их было по два на год, во втором — по одному). Объем чеканки в третьем периоде значительно вырос.

Перемены в оформлении монет могли быть результатом смены поколения резчиков на Московском денежном дворе. Те резчики, которые работали здесь

с начала века и чей «почерк» просматривается на протяжении чеканки Бориса, Лжедмитрия, Шуйского, Владислава и Михаила первой половины царствования, должны были уже пройти к 1626 г. отпущенный им жизненный срок; на смену им неизбежно должны были прийти новые мастера (или мастер). Но одной сменой поколений объяснить перемены в оформлении монет нельзя. По традиции русского денежного дела за ними должны были стоять перемены в ценности монеты.

Действительно, взвешивание показало, что с 1626 г. фактический вес копеек снизился еще на 0,01 г и весовая норма монет составила уже 0,46 г (диагр. 31, 35). Нормативным весом, следовательно, нужно считать 0,48 г. Апробирование монет показало, что вместо единообразной 960 пробы монеты обнаружили разные пробы: 960, 925, 916, 900, 875*.

Дата этих серьезнейших перемен устанавливается благодаря показаниям письменных источников, обработанных С. Б. Веселовским. 26 августа 1626 г. из Новгородской чети в Денежный приказ было прислано старых денег 61 рубль 23 алтына, по весу составивших 18 гривенок 33 золотника. При переплавке выгорело 8 золотников, и получившееся серебро в слитках весило 18 гривенок 25 золотников. Процент угара был ничтожным, поскольку сырьем были старые высокопробные деньги. Из получившегося серебра было «зделано и с приделочными из гривенки по четыре рубли по осми алтын по две денги» (т. е. по 425 копеек, а не по 400, как это следовало бы по нормам четырехрублевой стопы), 78 рублей 23 алтына 4 денги. Из этого количества было дано «за дело мастером» с гривенки по 10 денег с полушкой, всего 32 алтына 2 денги[53].

Весовая норма копейки при стопе в 425 копеек из гривенки получается не 0,51, а 0,48 г. Вес копейки уменьшился на $^1/_4$ почки (0,51 — 0,03 = 0,48). Практически такая весовая норма оказывалась равной 0,46 г. Именно такой вес показали монеты рассматриваемого периода чеканки. Связывая данные письменных источников с весовыми показателями монет, мы можем время появления монет с нормативным весом 0,48 г датировать 1626 г.

Однако изменились не только вес монет, но и их проба. Оставаясь достаточно высокой, в среднем она все же понизилась. Пробы монет после 1626 г. полностью совпадают с пробами талеров рубежа XVI—XVII вв., служивших сырьем для чеканки русских копеек. Нидерландские талеры показали пробы 960, 925, 916, 875, брабантские — 925, 916, 875, любские — 960 и 800, брауншвейгские и люнебургские — 960, 925, 916, 875**. Из сравнения этих проб с пробами копеек может следовать однозначный вывод: после 1626 г. технология обработки сырья для чеканки русских копеек изменилась: из талерного серебра перестали выжигать примеси и доводить его чистоту до высшей, 960 пробы. Копейки стали чеканить из серебра талерной пробы. Если раньше процент угара в ефимках составлял 11—13%, то теперь он приблизился к норме угара серебра в слитках (около 1%)[54]. Таким образом, если из очищенного талера получалось приблизительно 48 копеек четырехрублевой стопы, то после повышения веса около 1626 г. из неочищенного талера должно было получиться приблизительно 56 копеек. Кстати, отмеченная сухость, жесткость рельефа на копейках после 1626 г. могут быть объяснены изменением чистоты серебра и новой технологией плавки талеров.

---

* Квитанции Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г. и № 429 от 1.4.1963 г.

** Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 36 от 19.3.1962 г.

Новые монеты ухудшенного качества и пониженного веса, как мы убедились при изучении оформления монет, были выделены деталями оформления монетного поля. Так же, как в 1613—1617 гг., монеты новой, четырехрублевой стопы были выделены знаками денежного двора в форме слова «Москва» в различном написании и буквами МО и М; теперь монеты новой стопы в 4,25 рубля выделялись тем же способом. Опять было использовано слово «Москва» — в форме «МОС/КВА» и «ОС/МК» — по сторонам изображения с буквами К и Ц, а также монограмма о/М, но с буквами О и Б перед изображением. К тому же и оборотная сторона монет своим специфическим начертанием букв и формой легенды выделяла монеты нового типа по сравнению с более ранними.

1626-й год ознаменовал и другие важные перемены во внутренней жизни Русского государства. После кратковременного ослабления партии Филарета при московском дворе, вызванного внешнеполитическими неудачами его дипломатии, направленной на активизацию борьбы с Польско-Литовским государством, в 1626 г. патриарх опять берет ведение всех дел в свои руки[55]. Во главе Посольского приказа вместо политического противника Филарета, сторонника примирения с Польшей, дьяка Ивана Грамотина, который «за непослушание, упрямство и самовольство» подвергся опале[56], был поставлен бывший глава Денежного приказа и Московского денежного двора Ефим Телепнев, получивший чин думного дьяка[57]. Это произошло 22 декабря 1626 г., а накануне назначения Телепнева Московский денежный двор был передан в ведение Приказа Большой казны[58]. Это означало ликвидацию Денежного приказа.

Вскоре последовали другие события. Записи новгородских приходо-расходных книг сообщают, что в 1626/27 г. Новгородский денежный двор прекратил свое существование. Имеются косвенные свидетельства того, что примерно в то же время закрывается и Псковский денежный двор. О судьбе Ярославского двора данных не имеется, но нумизматические материалы позволяют предположить, что в эти же годы систематический выпуск монет здесь сменился отдельными разрозненными выпусками.

Таким образом, в 1626/27 г. все денежное производство сосредоточивается в едином центре — на Московском денежном дворе, находящемся в ведомстве Приказа Большой казны. Этот приказ должен был ведать государственным хозяйством: казенной промышленностью, гостями, торговыми людьми. Передача этому ведомству Денежного двора была естественным следствием развития общегосударственных функций Приказа Большой казны. Во главе его стоял князь И. Б. Черкасский, ближайший сподвижник и родственник Филарета; поскольку он руководил не только этим, но и несколькими другими важными приказами (Стрелецким, Иноземного строя, Аптекарским), под его управлением оказалась значительная часть финансов страны[59].

Централизация денежного производства, сосредоточение управления денежным делом и снабжением сырьем в едином государственном ведомстве — Приказе Большой казны — означали отмирание права частного заказа на чеканку монет. Исполнителями этих заказов были по преимуществу Новгородский и Псковский дворы, т. е. их ликвидация означала и ликвидацию права частного заказа. Источники, относящиеся к середине XVII в., рисуют уже вполне устоявшийся порядок снабжения сырьем денежного производства только через Приказ Большой казны и через него же — распределение готовой продукции.

За всеми этими новшествами стояло осуществление той программы централизации монетного производства, которая была намечена еще правительством

Бориса Годунова. В новом веке необходимость централизации усиливалась потребностями складывавшегося всероссийского рынка, который нуждался в стандартной полноценной монете, единой и по оформлению, и по ценности. В то же время централизация денежного дела открывала перед казной возможность бесконтрольных манипуляций с ценностью монеты.

Ближайшей задачей в 1626 г. была необходимость, с одной стороны, очистить денежное обращение от той массы неоднородных по оформлению и ценности монет, которые вливались в хозяйство страны с 1618 по 1625 г., с другой — извлечь дополнительные доходы от чеканки, чего требовали конкретные обстоятельства исторического развития России в 20-х годах XVII в.

Серия изменений 1626/27 г., которую с полным основанием можно приравнять к денежной реформе, была призвана выполнить эту задачу.

Очищение состава денежного обращения с 30-х годов XVII в. прослеживается по монетным кладам. Большое количество кладов, зарытых на рубеже 20 — 30-х годов, говорит о том, что население чутко среагировало на изменение ценности монеты; клады конца правления Михаила, не говоря уже о кладах более позднего периода, по своему составу гораздо более однородны, чем клады 20 — 30-х годов.

О том, какие доходы казне принес выпуск новых ухудшенных монет, точных данных не имеется и об этом можно только догадываться.

Сразу после Деулинского перемирия Россия начала готовиться к войне с Речью Посполитой. Правительство Филарета, как известно, много внимания уделяло созданию условий для привлечения и использования наемных иностранных войск. Начиная с 1626/27 г. русское правительство закупало оружие и боеприпасы в Англии, Дании, Голландии и Швеции, вербовало наемных солдат и офицеров[60]. Для этого нужны были деньги, и царская казна осуществляла последовательно и настойчиво накопление денежной наличности. Денежная реформа 1626/27 г. должна рассматриваться как одно из важнейших мероприятий, проведенных с этой целью.

Нужда в денежных средствах обозначилась в связи с еще одной акцией правительства, связанной с внешнеполитическими задачами. Речь идет об упоминавшейся выше практике продажи союзникам по антигабсбургской коалиции русского хлеба по дешевым ценам. Этот хлеб перепродавался в Европе по баснословно высоким ценам, установившимся там в результате новой волны «революции цен» с 1626 г. «Предоставляя союзникам дешевый хлеб, Московское государство оказывало им денежную помощь, — писал Б. Ф. Поршнев. — А денежные субсидии в ту эпоху расцвета военного наемничества, когда имеющий деньги мог нанять неограниченное количество интернационального сброда, были равносильны военной помощи. Таким образом, с 1626—1628 гг. перед Московским государством открылись особенно широкие возможности активной внешней политики»[61]. С 1626 по 1629 г. русские субсидии хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами получала Дания, с 1630 по 1633 г. — Швеция. Однако усиленная закупка хлеба внутри страны вызвала подъем цен в России, хотя и не такой высокий, как в Европе, но достаточно тяжелый для тех категорий населения, которые пользовались покупным хлебом, прежде всего для жителей городских посадов. Рост цен внутри страны требовал от казны дополнительных денежных ресурсов для осуществления закупок хлеба, идущего на субсидирование союзников. Это же обстоятельство требовало дополнительного количества денежных знаков, предназначенных для покрытия растущих цен. Чеканка копеек из серебра талерной пробы ускоряла и упрощала процесс

производства монет и давала больший процент выхода готовой продукции на единицу сырья.

Надо полагать, что проблема сырья для чеканки монет в этот период решалась удовлетворительно, поскольку активные действия казны по продаже хлеба за рубеж приносили достаточное количество ефимков. Судя по отрывочным данным документов, через Архангельск в Россию доставлялись огромные количества ефимков. Запись переговоров шведского посла Ф. Шединга о закупке хлеба в Русском государстве от 27 июня 1634 г. сообщает: «В 139 г. ... у приказчика у Ягана Меллера взято у Архангельского города 76 398 ефимков, по 16 алтын ефимок. В 140 году ... в Архангельске довелось за рожь взять 50 773 ефимка, а за просо по рублю по 28 алтын по 2 денги четь, ефимки ценою по 16 алтын по 2 денги ефимок, итого 13 849 ефимков с полуефимком, а по продажной цене четь проса по 2 рубли, и обоего за рожь и за просо 64 533 ефимка с полуефимком, по полтине ефимок, а деньгами ... 32 276 рублев 16 алтын 4 денги ... Да 141 году у Елисея Ульянова взято 41 599 ефимков с полуефимком крестовых и любских; да в том же году у Елисея ж взято у Архангельского города 21 000 ефимков крестовых и любских. И всего взято и зачтено ефимками 64 553 ефимка с полуефимком против отдачи сполна»[62]. Впрочем, известно, что Швеция расплачивалась за русский хлеб ефимками лишь частично, предпочитая поставлять в Россию по монопольной цене казенные товары: плиточную медь, латы, рейтарские шишаки[63]. Сравнение с закупками ефимков через Новгород показывает, насколько значительнее были масштабы поступлений ефимков через Архангельск. В 40-х годах среди шведского товара, привезенного в Новгород, было 1050 ефимков любских. «...И ис того числа отвесили в государеву казну на ефимочные денги 472 ефимка любских». На остальные ефимки купили товары, а с полученными за 472 ефимка деньгами купцы отправились совершать торговые сделки[64].

В июне 1632 г. началась русско-польская война за Смоленск и другие русские земли. Война закончилась неудачей. По Поляновскому миру, подписанному в июне 1634 г., за Польшей остались и Смоленск, и другие русские и белорусские города, кроме Серпейска с уездом. Однако Владислав IV, ставший с 1632 г. польским королем, отказался от притязаний на русский престол. Среди ряда причин, обусловивших неудачу войны, современная историография называет поспешность и незавершенность первой попытки реформирования войск и создания новых полков, на что царская казна так усиленно собирала денежные средства. 29 января 1634 г. на Земском соборе было сказано, что ратным людям, призванным на несение воинской службы, «без государева жалования быти не мочно; а государева денежная казна, которая собрана была в прошлых годах его государским рассмотрением, а не с земли никакими поборы, — и та денежная казна роздана всяким ратным людям, а которая денежная казна есть и ныне, и та идет безпрестанно на жалованье»[65].

Четвертый этап (1636—1643 гг.) чекана Михаила Федоровича характерен тем, что начинает вновь использоваться традиционный знак Московского денежного двора о/М, который отныне прочно утверждается на монетах до конца века. Пять лицевых маточников (табл. 8, *26—30*), отмеченные этим знаком, тем не менее отличаются друг от друга. Если два из них — *26* и *27* — выполнены в манере, напоминающей предыдущие маточники, то *28—30* характеризуются заметным однообразием, из-за чего работа по выделению штемпелей оказалась очень затрудненной. Единообразие сказывается и в композиции рисунка, и в характерных приемах изображения одежды всадника и сбруи

коня, и в общей схематичности рисунка. Оборотные стороны копеек оформлены по типу легенд предшествующего периода (с написанием «МІХЯІЛЪ»), но начиная с 1641 г. вместе с появлением стандартных лицевых маточников меняется тип и оборотных сторон. Вновь утверждается форма написания «МІХЯІЛО», но все шесть оборотных маточников *(43—48)* отличаются удивительным единообразием «почерка», в отличие от маточников *21—29*, изготовленных в 20-х годах с таким же написанием имени царя и имевших гораздо более ярко выраженные индивидуальные черты. Создается впечатление, что такая ровная и стандартная надпись не могла быть получена посредством ручной техники резания маточников. Безусловно, здесь применялась какая-то новая технология изготовления оборотных маточников, но какая именно — средствами нумизматики установить не удается.

При взвешивании монет обнаружилось, что весовая норма монет вновь уменьшилась: монеты стали весить 0,45 г (диагр. 36). Пробы монет не изменились и оказались такими же, как в третьем периоде чеканки (960, 925, 916, 900, 875)*.

По объему чеканки этот период превзошел все предыдущие. Пожалуй, его можно приравнять только к первому периоду (1613—1617 гг.), когда Московский денежный двор так же, как и в четвертый период, был единственным центром чеканки монет в стране. Увеличение объема чеканки достигалось, однако, не за счет увеличения орудий производства: по-прежнему лицевые маточники готовились по одному в полтора-два года, оборотные — по одному в год (до 1641 г.).

Результаты денежной реформы 1626/27 гг. в четвертом периоде сказывались налицо. В оформлении монет была достигнута почти полная нивелировка различий между маточниками. Монеты приобрели стандартный и достаточно безликий вид, хотя и надписи, и рисунки были выполнены виртуозно и на высоком техническом уровне. Подделка таких монет представляла значительные трудности — «воровские» деньги на фоне стандартного вида монет выделялись особенно легко.

Зато скрытая порча монеты государством, которой раньше могло мешать право частного заказа на монеты, продолжалась беспрепятственно. Никаких сведений о снижении веса монет в официальных источниках этого времени не встречено, нормативной по-прежнему считалась стопа в 425 копеек из гривенки, с весом копейки 0,48 г, но со второй половины 30-х годов XVII в. фактический вес копеек составлял уже 0,45 г.

Следует заметить, что смерть патриарха Филарета в 1633 г. ничего не изменила в состоянии денежного дела, хотя именно его мы сочли главным инициатором начавшейся широкомасштабной практики порчи монеты в интересах казны. Дело, видимо, было не только в том, что во главе Приказа Большой казны оставался последователь Филарета князь И. Б. Черкасский; объективные условия развития экономики страны вынуждали правительство прибегать к порче монет все настойчивее и последовательнее. Когда-то Денежный приказ (он же Московский денежный двор) регулировал манипуляции с «добротой» монеты, но после его ликвидации Московский денежный двор превратился в послушного исполнителя правительственных указов.

Во второй половине 30-х годов правительство начало активно укреплять

---

* Квитанции Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г. и № 429 от 1.4.1963 г.

систему оборонительных сооружений и строить новые города на южных границах государства. По приблизительным расчетам расход на это составлял 111,5 тыс. руб. Необходимые средства казна добывала новыми экстренными сборами с населения в 1637—1639 гг.[66] Понижение веса монет с 1635 г., видимо, также следует связывать с названными выше действиями казны.

Пятый этап (1644—1645 гг.). Фактически крайней датой этого этапа следовало бы поставить не 1645, а 1654 г., так как маточники, изготовленные в 1644—1645 гг., обнаруживают теснейшую связь с чеканкой последующего царствования Алексея Михайловича. Лицевой маточник участвует в чеканке первых лет его правления, а оборотные маточники по стилю примыкают к оборотным маточникам 1645—1654 гг. Зато с чеканом Михаила Федоровича у них не обнаруживается никаких общих связей. Лицевой маточник, последний в чекане Михаила *(31)*, связывается только с оборотными *(49—52)*, тоже последними, и ни с какими другими.

С 1644 г. окончательно оформился переход к новой стилистике оформления монет. Ни весовая норма, ни пробы после 1644 г. не меняются. Диагр. 37 сохраняет ту же отметку весовой фактической нормы в 0,45 г, пробы монет тоже остались без изменений*.

Оборотные маточники *49—52* полностью сохранили стилистику маточников, появившихся в 1641 г. с их «машинной» легендой. Видимо, новый лицевой маточник тоже был приготовлен механическим способом. Сравнивая маточник *31* с лицевыми маточниками времени Алексея Михайловича (см. табл. 12), с которыми он обнаруживает удивительное сходство, можно предположить, что рисунок всадника составлен из стандартного набора деталей (отдельно — плащ, туловище всадника, голова коня, различные детали одежды). В конечном итоге получалась серия совершенно стандартных изображений, уловить различия между которыми чрезвычайно трудно. Видимо, в 1644 г. утвердилась новая технология изготовления маточников для лицевых и оборотных сторон, которая давала возможность выпуска серии предельно стандартизированных орудий чеканки. Крайне плохая сохранность монет, чеканенных по новой технологии изготовления маточников, их стертость, низкий рельеф также убеждают в том, что маточники не резались вручную, ибо в этом случае они не давали бы такого низкого рельефа.

С введением новой технологии изготовления денежных «снастей» в 1644 г. старые маточники больше в работе не использовались. Об этом свидетельствует разрыв поштемпельных связей на табл. 8 между монетами 1644—1645 гг. и более ранними выпусками.

Выпуск монет нового типа при Михаиле только начался, и до нас дошло их сравнительно немного. В коллекции ОН ГИМ их насчитывается немногим более двух сотен. Основное развитие новый тип получил при Алексее Михайловиче.

Ряд задач, поставленных перед денежным хозяйством, — увеличение количества денежных знаков в обращении, удешевление и упрощение процесса производства монет, затрудняющие изготовление подделок фальшивомонетчиками, — были решены посредством перехода к чеканке монет из серебра талерной пробы без предварительной очистки и путем упрощения и ускорения изготовления маточников — самой трудоемкой операции в денежном деле.

---

* Квитанции Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г. и № 429 от 1.4.1963 г.

Если учесть, что после 1626 г. денежное хозяйство было полностью централизовано и поставлено под контроль государства, то можно прийти к выводу, что программа усовершенствования русского денежного дела, которая начала осуществляться еще при Борисе Годунове в 1604—1605 гг., была выполнена окончательно в 1644—1645 гг.

Новгородский и Псковский денежные дворы при Михаиле Федоровиче

Вскоре после заключения Столбовского мира, 14 марта 1617 г. в Новгород прибыли царские послы, которые должны были восстановить приходо-расходную систему царской казны в Новгороде. К 23 августа был составлен отчетный документ о состоянии Новгорода после «очищения» от шведов, в том числе — о состоянии Новгородского денежного двора. В Описи, уже неоднократно нами упоминавшейся, сообщаются следующие сведения: «На Денежном дворе всяких запасов марта с 14-го числа по приказу послов околничего князя Данила Ивановича Мезецкого с товарыщи. Зделано наново на государство царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя 2 маточника ноугородочных, верхней да исподней, 2 лохани медных. 4 тазы медных. Пол 7 золотника медных. 3 вески медные. 4 мехи больших и менших. 7 клещей. 10 молотов. 2 излойницы. 7 наковалень больших и менших. 7 волоков. 2 ремни волочильных. 188 гривенок врознь. 42 золотника железных. 15 маточников вершников. 14 матошников исподников прежних государей. 2 матошника полуденежных, верхней да исподней ... А в заводе на Денежном дворе серебра ... никаких денех после немец не осталось. И с марта с 14 числа государевы послы те государевы пошлины завели изнова. На Денежном дворе велели быть прежнему голове вязмитину Ивану Микифорову, да х тому в товарыщи выбрали ноугородца торгового человека Мокея Лысцова. И велели денежные матошники и чеканы зделать ново на государево царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя. И на завод велели дать целовальником Олексею Денисьеву с товарыщи взаймы из соболиные продажи 100 рублев денег до выделки. Те у них денги целовальники Олексей Денисьев с товарыщи взяли на завод*.

При послех при околничем при князе Даниле Ивановиче Мезетцком с товарыщи в Великом Новегороде марта с 14 числа августа по 23 число всяких денежных доходов в приходе.

З Денежного двора денежной прибыли 1040 рублев 7 алтын»[68].

Таким образом, из Описи следует, что с марта Денежный двор начал работу и уже к августу дал солидную прибыль в 1040 руб. 7 алтынов, составленную из «государевых пошлин» — золотничной и плавильной.

Маточники, сделанные по приказу послов и о которых идет речь в Описи, известны. Это пара маточников с датой н/РКЕ — 125 (1617) г. (табл. 6, Н., *1—1*). Судя по тому, что среди новгородских монет Михаила самое большое количество приходится именно на этот тип, следует думать, что использовался он не только в 125, но и в последующем году. Видимо, в 127 (1619) г. были при-

---

* В Описи денежного двора, впервые опубликованной В. Л. Яниным[67], вкралась ошибка — фразу «Те у них денги целовальники Олексей Денисьев с товарыщи взяли назад» следует читать: «Те у них денги целовальники Олексей Денисьев с товарыщи взяли на завод».

готовлены еще два маточника *(2—2)*. В сущности, заново был вырезан только оборотный, а для лицевого был использован старый, сохранившийся еще со времени Шуйского, отмеченный буквами НРД. Его подправили, буквы переправили на НГД и в таком виде пустили в эксплуатацию. Использование недатированного маточника означало, что Новгородский двор был не в состоянии резать каждый год датированные маточники в соответствии с традицией новгородской чеканки.

Отказ от использования датированных маточников породил и следующее нарушение: в качестве лицевых были привлечены старые маточники с буквами PIH и НРГI, которые использовали шведы в годы оккупации (PIH — *2*, НРГI—*3*). Пара маточников *2—2* тоже эксплуатировалась, видимо, два года, а затем в 1621 г. был приготовлен новый оборотный *(3)* и вновь подправлен старый лицевой маточник *(2)*. Теперь буквы НГД переправили на н/ГДО, слегка изменили рисунок ноги всадника и задней части коня *(3)*. Этот ущербный маточник, видимо, тоже использовался в течение двух лет, и где-то в 1623 г. была сделана, наконец, новая пара маточников — и лицевой, и оборотный *(4—4)*. Лицевой маточник имел буквы НОГ. Эта пара маточников «работала», скорее всего, те же два года (1623—1624), а в 1625 г. был вырезан на этот раз новый лицевой маточник с буквами НГ. В сочетании с оборотным маточником *4* он работал не более года или полутора лет, а затем в 1626/27 г. этот же лицевой маточник был «почищен», подправлен (сохранилось то же сочетание букв — НГ) и вновь пущен в эксплуатацию (*6—4*). Больше в новгородском чекане новых маточников не было (см. табл. 6, фототабл. 31, весовую диагр. 33).

Эти новгородские «снасти», из года в год все более и более ветшающие, забвение традиций оформления новгородских монет знаком двора в сочетании с датой, крайне низкое качество и рисунков, и состояния самих маточников, из-за чего новгородские копейки Михаила читаются с очень большим трудом, — все это говорит о том, что Новгородский денежный двор доживал последние дни. Об этом же свидетельствует объем чеканки двора, исчисленный В. Л. Яниным по данным новгородских приходо-расходных книг. Если в 125 (1617) г. было отчеканено 10 242 р. 80 к., то в 127 г. — 6505 р. 13 к., в 128 г. — 6884 р. 90 к., в 129 г. — 6508 р. 33 к., в 133 г. — 7959 р. 82 к., в 134 г. — 5729 р. 42 к., в 135 г. — 13 006 р. 27 к. Сравнивая производительность Новгородского и Московского денежных дворов, В. Л. Янин заметил, что вся годовая продукция Новгородского двора за 129 г. всего лишь в четыре с небольшим раза превосходила дневную продукцию Московского денежного двора за тот же год[69].

Причины сокращения чеканки в Новгороде ясны. «Балтийский барьер», установленный Швецией перед русской торговлей на Балтике после Столбовского мира, самым отрицательным образом сказывался на деятельности купечества Новгорода, занятого внешней торговлей. Пути западноевропейской торговли перемещались в Архангельск, в Поморские города. Новгородская торговля хирела. К тому же Новгород с трудом оправлялся после шведской оккупации. Тридцатилетняя война в Европе также вела к сокращению торговых операций купечества. Приходо-расходные книги сообщают в 1621 г.: «На денежный двор старых денег и ветоши серебра и ефимков в приносе было мало»; в 1626 г. запись констатирует: «На денежный двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городах войны». И наконец, в записи 1628 г. сообщается: «И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии

грамоте и за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новгороде денег делать не велено»[70].

И нумизматический материал, и данные письменных источников показывают одну и ту же дату закрытия Новгородского двора — 1626/27 г., а свидетельства новгородских приходо-расходных книг раскрывают причину низкой продуктивности Новгородского двора — отсутствие заказов от торговых людей, как русских, так и «неметцких».

До нас дошло довольно мало новгородских монет Михаила Федоровича. На 13 000 монет Михаила в собрании ОН ГИМ насчитывается всего 143 экз. новгородских копеек. В кладах они встречаются единичными экземплярами, даже в кладах новгородского ареала. Небольшое число новгородских копеек не дает возможности проследить эволюцию весовой нормы; в целом она выдержана в пределах четырехрублевой стопы, хотя вес отдельных экземпляров очень неровен (диагр. 33). Апробация монет показала одинаково высокую, 960 пробу всех монет*.

О деятельности Псковского денежного двора при Михаиле Федоровиче письменные источники практически молчат, и судить о ней позволяет только нумизматический материал.

Рассказывая о возрождении русского денежного дела после изгнания поляков из Москвы в октябре 1612 г., мы обратили внимание на очень редкую монету, встреченную пока в единственном экземпляре, с буквами ПСРЗ на лицевой стороне и с именем Михаила Федоровича на оборотной. Время ее чеканки предположительно было отнесено к 1613 г.; может быть, это был самый первый выпуск псковских монет Михаила.

Чеканка 1613 г. не могла быть ни продолжительной, ни продуктивной, поскольку Псков оказался в непосредственном соседстве с шведскими оккупантами, обосновавшимися в Новгороде и постоянно угрожавшими Пскову. Москва была еще не в силах помочь Пскову, а в 1615 г. войска Густава-Адольфа осадили город, и затеплившаяся было на Псковском денежном дворе чеканка замерла. До Столбовского мира Псков был практически изолирован от Москвы.

Псковские монеты представлены в табл. 10 соотношения штемпелей, фототабл. 30 и весовой диагр. 34.

В 1617 г. чеканку в Пскове открыла пара маточников, которая была составлена из давно бывших в употреблении. Для лицевой стороны взяли старый маточник Бориса Годунова, резанный в 1604 г. и затем последовательно использовавшийся при Дмитрии Ивановиче (Лжедмитрии I), при Шуйском, при Лжедмитрии II, а также в 1612 г., когда Псков чеканил, по образцу Второго ополчения, копейки с именем Федора Ивановича. Для оборотной стороны был взят тот маточник, который был вырезан псковским мастером в 1613 г. (табл. 10, *1 — 1*). Весовая норма псковских монет типа *1 — 1* составляет 0,49 г, что позволяет с относительной точностью датировать время их чеканки 1617 — 1618 гг. Впрочем, возможно, чеканка этих монет продолжалась и долее, так как они относительно многочисленны. Затем в псковской чеканке появляется новый тип. Лицевую сторону его представляет тот самый маточник, который был вырезан в 1611 г. для чекана Лжедмитрия III (табл. 4, *А*), для

---

* Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г.

оборотной стороны готовится новый оборотный маточник (табл. 10, *2 — 2*). Новый оборотный маточник также взаимодействует с лицевым маточником 1617 г. (*1 — 2*). Видимо, эти новые типы появились уже после первого понижения веса монет, поскольку их весовые показатели колеблются около 0,48 — 0,47 г (диагр. 34). Проба всех псковских монет составляет 960*.

На этом перечень типов псковских монет Михаила Федоровича исчерпывается. Время их появления датирует смешанный клад западноевропейских и русских монет из Латвии (Государственный музей Латвийской ССР, 8866). Клад датируется 1626 г. Русские монеты клада представлены копейками от Ивана IV до Михаила Федоровича; монеты последнего ограничиваются первой половиной правления. На 64 монеты Михаила в кладе встречены 38 псковских и 2 новгородские копейки. В кладе присутствуют все типы псковских копеек, преимущественно *1—1* и *1—2*. Нахождение всех типов псковских копеек в комплексе, датируемом 1626 г., позволяет отнести время их чеканки к 1617 — 1626 гг. И высокая единая проба псковских копеек Михаила, и весовая норма — все это говорит в пользу их датировки указанными годами.

О времени закрытия Псковского двора точных данных не имеется, но оно состоялось раньше начала 30-х годов. В грамоте псковских таможенных голов 1632 г. сообщается как о недавнем прошлом о переделке иноземцами привозного серебра в русские деньги, «как был во Пскове денежный двор». Теперь, когда двора не стало, иноземцам начали давать в таможне взамен серебра деньги «из московской присылки»[71].

Видимо, Псковский денежный двор был закрыт одновременно или почти одновременно с Новгородским. Это еще раз доказывает, что закрытие Новгородского двора произошло не только и не столько в силу местных обстоятельств, сколько диктовалось общими условиями развития денежного дела: его судьбу разделил другой периферийный денежный двор, который тоже работал преимущественно на сырье торговых людей, обслуживая частные заказы, и тоже страдал от изменения направления путей русской внешней торговли.

Объем чеканки на Псковском дворе был немногим больше новгородского. Об этом говорит число дошедших до нас псковских копеек Михаила. В собрании ОН ГИМ их насчитывается 292 экз. Хотя это почти в два раза больше, чем количество новгородских копеек в том же собрании, однако в общем числе монет Михаила составляет ничтожный процент.

Денежный приказ, объединивший в 1617 г. под своим руководством Новгородский и Псковский дворы, на первых порах пытался, судя по дошедшим до нас монетам, возродить единство стиля в оформлении копеек. Видимо, местным резчикам предписывалось готовить новые орудия чеканки в соответствии с требованиями московского стиля: с изображением идущего шагом коня и с характерной формой написания знака двора (для новгородских копеек) в две строки, заполняющих все пространство под ногами коня. Именно так выдержано оформление маточников Новгородского двора 1617 г. (с буквами н/РКЕ). Оборотная сторона копейки 1617 г. тоже повторила утвердившуюся в Москве к этому времени форму написания имени царя «МИХАИЛО». В чекане Псковского двора в 1617 г. был использован тот самый лицевой маточник, с которого в 1604 г. началось внедрение московского стиля в псковскую чеканку.

---

* Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г.

Единство стиля поддерживалось только в первое время после возобновления чеканки в 1617 г. Затем оба двора перестали соблюдать какие-либо правила при оформлении новых маточников или при использовании старых лицевых. Видимо, постепенно начинало складываться отношение к Новгородскому и Псковскому дворам как к неперспективным, убыточным и потому недолговечным. Это вело к ослаблению контроля.

В поисках средств (Ярославский денежный двор в 20-х годах XVII века)

При первой попытке систематизации монет Михаила Федоровича в 1960 г. нами была выделена особая группа подделок, которые отличались не только хорошим внешним видом, что вообще-то несвойственно для подделок, но и большим количеством общих поштемпельных связей — последнее свидетельствовало о чеканке их в едином, хорошо организованном центре[72]. Со временем эта группа значительно поредела. Остались в группе подделок заведомо фальшивые копейки с примитивными рисунками и надписями и одна таинственная группа монет, о которой и пойдет здесь речь. Накопление нумизматических материалов позволило поставить вопрос о месте и времени чеканки этих монет и разрешить часть вопросов, хотя до конца ясности в атрибуции монет этой группы добиться не удалось.

Чем же отличаются эти загадочные монеты? Наиболее характерной их особенностью является чрезвычайно близкое сходство с самыми популярными типами московских копеек Михаила, чеканившимися между 1613 — 1626 гг. Собственно, речь идет даже не о сходстве. Монеты точно копируют эти копейки, воспроизводя все особенности рисунка и надписей. Тем не менее для опытного глаза они различимы: от подлинных их отличает жесткость, даже грубость рисунка, линии которого выдают руку непрофессионала. Рисунок всадника не всегда пропорционален и часто не вмещается в поле монеты. Второй особенностью монет данной группы является отсутствие общих поштемпельных связей с чеканкой всех трех государственных дворов, за исключением связей с самым популярным лицевым штемпелем Московского двора с буквами МОС/КВА (табл. 8, *3*). Следующая особенность — тесная взаимосвязь по штемпелям внутри группы подражательных копеек, что свидетельствует не только о чеканке их в одном центре, но и об использовании маточников, что в свою очередь говорит о высоком уровне производства. Низкий вес — следующая характерная черта подражательных копеек. Весовая норма этих монет оказывается близкой 0,42 г. Это составляет $3^1/_4$ почки (диагр. 32). Проба тоже отличается от высокой, 960 пробы копеек первой половины царствования Михаила. Здесь встречены наряду с монетами 960 пробы монеты 916, 900, 875 и даже 600 пробы*. Сам внешний вид монет свидетельствует об их низкопробности: многие монеты покрыты зеленым налетом, поверхность металла обезображена раковинами.

Подражательные монеты — почти обязательный элемент любого клада времени Михаила, но встречаются они и в кладах второй половины XVII в.

---

* Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 863 от 8.7.1959 г.

В настоящее время выделены 400 с небольшим экземпляров, найденные в коллекциях и монетных кладах. Для сравнения укажем, что шведские и датские копейки гораздо малочисленнее — и. тех и других известно в общей сложности менее 200 экз., и к тому же они практически исчезают из кладов второй половины XVII в.

Итак, среди монет Михаила Федоровича выделена загадочная группа копеек, скрупулезно копирующих московские копейки 1613 — 1626 гг., с низким весом — в $3^1/_4$ почки, с заниженной пробой, чеканенных в одном центре при помощи маточников и снятых с них чеканов. Судя по качеству изображений и надписей, чеканка этих монет была хорошо оснащена профессионально выполненными орудиями чеканки, а также весьма обильна, что свидетельствует о достаточном снабжении сырьем того центра чеканки, который эти монеты выпускал.

Что же это: особый государственный выпуск монет с заниженными весом и пробой, замаскированный сходством с полноценными монетами, или «воровская» чеканка, организованная какими-то злоумышленниками с невиданным размахом? Кто, когда и где мог осуществить эту грандиозную операцию?

Проще всего определить место чеканки подражательных копеек. В кладе из Голутвинского пер. г. Москвы времени Федора Алексеевича (ОН ГИМ 101464) была обнаружена одна подражательная копейка с буквами МОС/КВА, оборотная сторона которой оказалась чеканенной штемпелем Ярославского денежного двора 1613 г. (фототабл. 34, *2 — 9*). В кладе из с. Тимохово Ленинского р-на Московской обл. 1645 г. (ОН ГИМ 87961) нашлась вторая монета с такой же лицевой стороной и оборотной, чеканенной другим ярославским штемпелем 1613 г. (фототабл. 34, *2 — 10*). Внимательное изучение лицевого штемпеля показало, что он переведен со старого ярославского маточника 1612 г. с буквами с/ЯР (табл. 5, Я., *3*). Буквы с/ЯР были счищены, при этом слегка попортили рисунок ноги всадника и его одежды, а на их месте вырезали новый знак — МОС/КВА.

Эти находки уже решают вопрос о ярославском происхождении подражательных монет. Подтверждают это мнение и многочисленные находки копеек данной группы в кладах из Ярославля и Ярославской обл. Если в кладах из других районов европейской части РСФСР подражательные копейки составляют не более 0,5 — 0,7% общего количества монет, то в ярославских кладах этот процент поднимается до 2 — 4%; в кладах из соседней с Ярославлем Костромской обл. процент подражательных копеек тоже довольно высок — до 1 или 1,5%. В ярославских и костромских кладах содержится самый богатый набор типов таких монет.

Из этого следует, что в мае 1613 г. Ярославский денежный двор не был закрыт, хотя челобитная бойца Ярославского денежного двора Максима Юрьева от мая 1613 г. сообщала, что «велено из Ерославля Денежный двор перевести к Москве». Недавно были обнаружены письменные свидетельства о том, что в Ярославле в 1614 г. хранились «Московского государства вся казна и богатства». В сентябре 1614 г. туда намеревались отправиться мятежные казаки, чтобы возместить недоплаченное им правительством Михаила Романова жалованье[73].

Но не следует ли из вышесказанного, что Ярославский денежный двор сразу с мая 1613 г. начал выпускать подражательные копейки и никакого закрытия двора не было? Однако копейки эти никогда не встречаются в

ранних кладах Михаила, зарытых до 1619 — 1620 гг., хотя в кладах, зарытых после этой даты, они составляют целые комплексы, нередко включающие все известные их типы*. В кладах конца правления Михаила, не говоря уже о более поздних, новые типы практически не попадаются. Видимо, между 1619 — 1630 гг. были приготовлены все «мастерские снасти» для чеканки подражательных копеек, и ими чеканили все выпуски.

Выявление прототипов ярославских монет также ограничивает время их чеканки 1619 — 1630 гг. Копировались ярославские копейки с самых популярных московских типов (табл. 8, *3 — 3, 7А — 13, 10 — 14*), которые чеканились с 1614 по 1619 г. Поскольку среди ярославских монет встречены копейки, лицевые стороны которых чеканены подлинным московским штемпелем *3* от 1614 г. (со словом МОС/КВА под конем), можно заключить, что в Ярославль посылались чеканы, снятые с московского маточника, и ими чеканились несколько типов ярославских копеек (фототабл. 34, *10 — 11*, 35, *10 — 7*). Но это были единичные случаи. Все остальные ярославские маточники были старательно, хотя и неискусно, скопированы с московских. Например, в ярославском чекане очень часто употреблялась пара маточников, воспроизводивших тип московской копейки *3 — 3* (фототабл. 34, *6 — 4*) или московской копейки *7А — 13*. Впрочем, не исключено, что некоторые лицевые маточники резали и профессиональные резчики, может быть, даже специально привлеченные для этой цели москвичи (фототабл. 34 — 35, лицевые стороны монет *3, 4, 12, 22* и *23*, оборотные *6* и *7*). Но чем дальше развивалась ярославская чеканка, тем примитивнее и грубее становились рисунки и надписи на монетах. Самые поздние монеты (фототабл. 35а, *37 — 28* и последующие, до *40 — 30*) вообще уже ничем не отличаются от грубых фальшивок. Лишь то обстоятельство, что они объединены в одну группу общими штемпелями и при их чеканке явно использовался маточник, заставляет отказаться от отнесения их к обычным «воровским» деньгам.

Из приведенных нумизматических источников явствует, что чеканка подражательных монет в Ярославле началась, по всей видимости, с 1619 — 1620 гг. на денежном дворе, оснащенном всеми орудиями производства, употреблявшимися в это время на государственных денежных дворах, со штатом денежных мастеров, от резчиков до подсобных рабочих, способных обеспечить выпуск большого количества монет. Разумеется, отпадает сразу предположение о чеканке этих монет злоумышленниками, поскольку денежный двор не мог оказаться в их распоряжении. Очевидно, это могла быть только государственная чеканка. Об этом свидетельствует еще и тот факт, что подражательные монеты не изымались из обращения — в противном случае они не оставались бы в кладах второй половины XVII в.

Однако эта государственная чеканка была, безусловно, засекреченной — не случайно выпускаемые ярославские монеты были замаскированы под полноценные московские копейки. Нет никаких упоминаний о работе Ярославского денежного двора в 1619 и последующих годах, и вряд ли можно надеяться найти их, поскольку тайна должна была охраняться достаточно строго.

Причины, побудившие организовать эту тайную чеканку, надо искать, на наш взгляд, во взаимоотношениях правительства с вольным казачеством.

---

* ОН ГИМ 97619: на 959 экз. — 15 подражательных монет, КОК 6798 на 3177 экз. — 13 монет, ОН ГИМ 98484: на 790 экз. — 2 монеты, ОН ГИМ 84229: на 496 экз. — 3 монеты и т. д.

После заключения Столбовского мира 1617 г. и Деулинского перемирия 1618 г., когда внешнеполитическое положение Русского государства было более или менее стабилизировано, перед правительством возникла новая грозная опасность внутри страны. Это было вольное казачество, которое составляло мощную силу, угрожавшую новыми социальными потрясениями неокрепшей династии. В 1614 — 1615 гг. на обширной территории к северу от Москвы вспыхнуло казацкое восстание, которое удалось подавить, но на протяжении 1616 — 1618 гг. в различных районах страны продолжались казацкие мятежи. Поход Владислава Жигимонтовича к Москве в 1618 г. был поддержан казачьими выступлениями. Главными требованиями казаков были сохранение сильного казацкого войска, невыдача всех вступивших в станицы, в том числе холопов и крепостных крестьян, выплата жалованья за прошлые годы и увеличение его размеров на будущее.

Перед лицом новых социальных конфликтов русское правительство пошло на существенные уступки казачеству. В 1613 г. был создан специальный Казачий приказ, основной обязанностью которого был сбор хлеба на жалованье казакам и другим служилым людям по прибору. К 1621/22 г. все эти сборы сосредоточиваются в Стрелецком приказе, и деятельность Казачьего приказа сначала замирает, а затем прекращается[74]. Недолгая деятельность Казачьего приказа не могла разрешить всех проблем, связанных с казачеством.

9 ноября и 2 декабря 1618 г. состоялись приговоры Боярской думы о казаках. Казакам были обещаны жалованье «перед прежним с прибавкою», превращение казаков в служилых людей по прибору, перевод части казаков на положение верстанных помещиков. Успокоенные казаки в основной своей массе вернулись к месту своей постоянной службы под Ярославль, но значительная их часть ушла в Речь Посполитую и на Украину[75].

Взять дополнительные средства для выплаты жалованья казне было неоткуда. Уже в 1618 г. была начата порча монеты, но портить ее и дальше, видимо, не решались. Как нам кажется, правительство все же обратилось к порче монеты, на сей раз в форме тайной чеканки монет ухудшенного качества и веса в Ярославле с 1619 г. Это было той чрезвычайной мерой правительства, которая заменила изжившие себя к концу второго десятилетия XVII в. сборы запросных и пятинных денег. Единовременная выплата жалованья казакам в 1619 — 1620 гг., надо полагать, была сделана этими неполноценными ярославскими копейками, замаскированными сходством с доброкачественными московскими копейками 1613 — 1618 гг. Не случайно основная масса ярославских ухудшенных копеек очутилась в монетных кладах, зарытых между 1619 — 1630 гг., а топография кладов с этими монетами совпадает с местами расселения неверстанных казаков после боярских приговоров 1618 г. Большая часть казаков расселилась в Ярославле, остальные — на юге или ближе к западной границе, в частности в Вяземском уезде[76].

Заметим, что клады с ярославскими копейками в подавляющем своем большинстве происходят из Ярославской, Костромской, Вологодской и Калининской обл. Монеты эти также встречены в кладах, найденных к югу от Москвы, — в Серпуховском и Ленинском р-нах Московской обл., в Тульской, Калужской, Тамбовской обл. Найдены они и в кладах Можайского р-на Московской обл., и в самой Москве. Любопытно и то обстоятельство, что распространение ярославских монет в кладах было очень неравномерным: они встречаются то многочисленными группами (например, в кладах ЯКМ 8362, 8370, 20814), то по одному — двум экземплярам (ЯКМ 8756, 8376). Может

быть, клады с большим количеством ярославских копеек были зарыты представителями казачества, получившими жалованье «перед прежним с прибавкой» ярославскими неполноценными монетами, а клады с единичными экземплярами этих копеек были спрятаны обычными местными городскими или сельскими жителями?

О работе Ярославского денежного двора после 1618 г. позволяют судить выпуски ярославских монет. В 1619 — 1620 гг. был сделан первый выпуск, самый массовый и представленный основной массой изготовленных по образцу московских орудий чеканки. По мере их изнашивания в процессе чеканки новые маточники копировались с ярославских, представляя собой уже вторичные копии с московских оригиналов. Особенно это заметно на лицевых маточниках *17, 18, 25, 29* и оборотных *13* и *16* (фототабл. 35). Скорее всего, Ярославский денежный двор не был постоянно действующим предприятием, и к его услугам правительство прибегало тогда, когда возникала острая нужда в средствах. Подобно сбору пятинных денег, выпуски ухудшенной монеты играли роль чрезвычайных мер в финансовой политике правительства. Если первый выпуск можно связать с разрешением проблемы успокоения «вольного» казачества, то последующие выпуски могли осуществляться уже и вне зависимости от казачьих дел.

О несистематической работе Ярославского двора говорит наличие нескольких групп ярославских копеек, внутри групп тесно связанных общими штемпелями, но между собой связей не имеющих. Условно мы разбили ярославский чекан на три выпуска, которые, видимо, следовали друг за другом. Впрочем, существует также большое количество копеек с именем Михаила, со знаками Московского двора, не имеющих общих поштемпельных связей ни с одной из групп монет Михаила Федоровича, чеканенных изолированными парами штемпелей, с пониженным весом. Встречаются они единичными экземплярами и по рисунку, довольно небрежному, хотя и подражающему широко распространенным типам монет Михаила, и по весу, всегда значительно более низкому по сравнению с нормой копеек четырехрублевой стопы, могут быть отнесены к ярославским монетам, не приуроченным к известным трем выпускам. Встречаются эти монеты в кладах из Ярославля и Ярославской обл. Схема соотношения штемпелей ярославских монет представлена на рис. 1*.

Видимо, Ярославский двор действовал до 1626 г. Об этом можно судить по подбору прототипов копеек московской чеканки — они ограничены 1613 — 1626 гг. Однако других сколько-нибудь точных данных о времени прекращения ярославской чеканки не имеется. Не исключено, что отдельные партии монет продолжали там чеканить до конца правления Михаила.

Остается ответить на вопрос: как удавалось сохранить в тайне работу целого денежного двора? Но, может быть, из самого факта работы Ярославского двора тайны не делали — тайной была чеканка на нем неполноценной монеты. Нам кажется, попыткой легализировать деятельность Ярославского двора в 1619 — 1620 гг. был выпуск монет со знаком с/ЯР. Пока известны только два типа копеек, лицевую сторону которых представляет обычное изображение всадника со знаком с/ЯР под ногами коня. Оборотные стороны этих копеек чеканены московскими штемпелями *11* и *14* (табл. 8), датированными 1618 и

* В фототабл. 34, 35, 35а изображения монет даются выборочно по отношению к схеме, представленной на рис. 1.

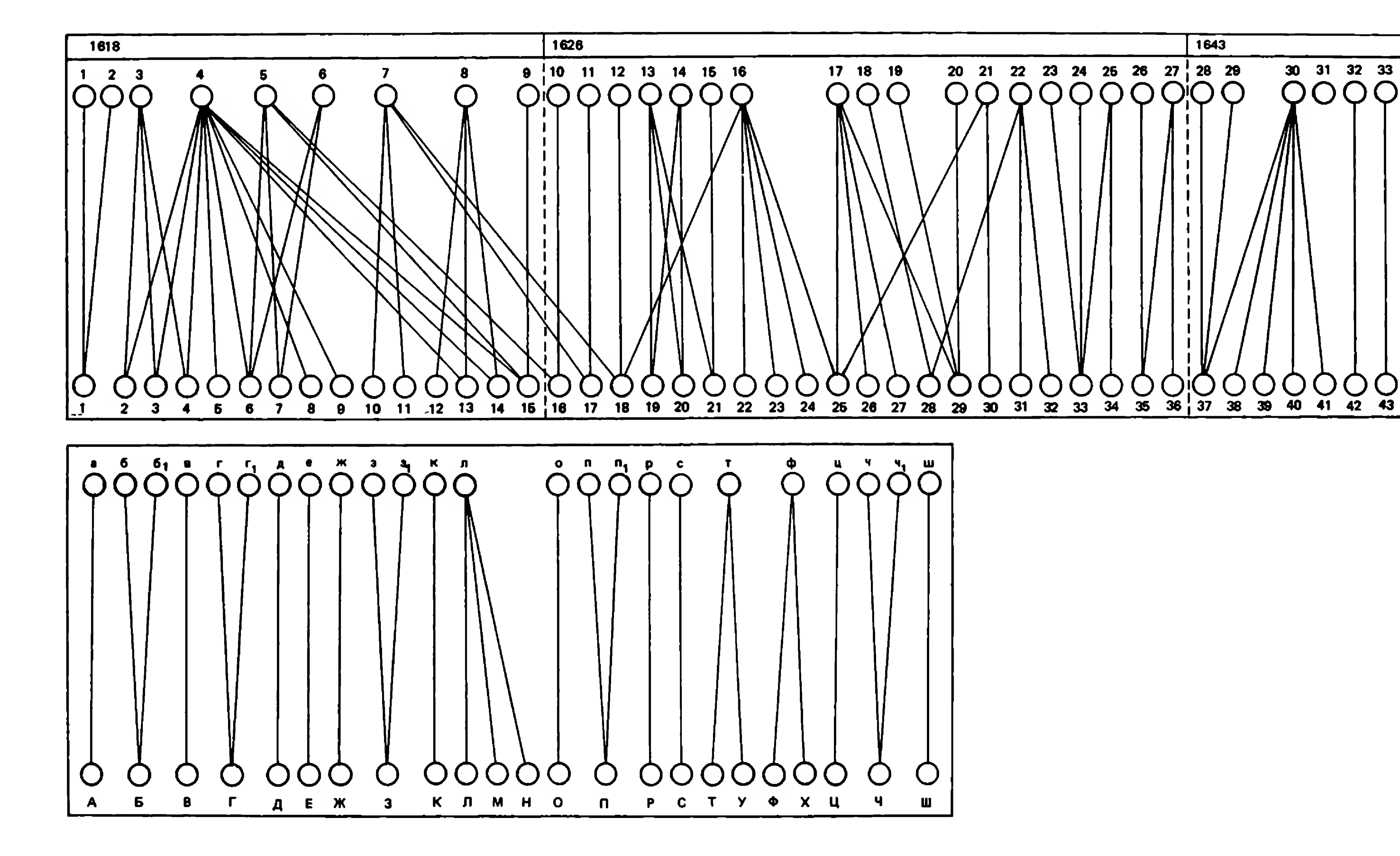

Рис. 1. Соотношение штемпелей монет с именем Михаила Федоровича, чеканенных на Ярославском денежном дворе после 1618 г.

1619 гг. (фототабл. 34, *1 — 1, 1 — 2*). Копейки эти чеканены в норме четырехрублевой стопы. Выпуском небольшого числа этих копеек, возможно, открыли чеканку Ярославского двора в 1619 г. Но, может быть, монеты эти — результат первоначальных намерений правительства организовать в Ярославле дополнительный денежный двор, который был бы, в отличие от Новгородского и Псковского, ближе расположен к источникам поступлений серебра? И лишь под давлением тяжелых внутренних обстоятельств правительству пришлось отказаться от этой идеи и использовать Ярославский двор в иных целях. Однозначный ответ на основании одних только нумизматических данных получить нельзя.

Не может нумизматика ответить и на другой вопрос: была ли чеканка в Ярославле организована на откупных началах или целиком находилась в ведении казны? Вряд ли можно сомневаться в том, что купечество поморских городов, тем более ярославское, оставалось в стороне от организации Ярославского двора. Но эту обширную и сложную проблему тоже нельзя решить одними нумизматическими средствами.

«Корелки худые»

Псковская летопись под 1636 г. сообщала: «Много шкоты монастырем и всяким людем сотворися, и насилству и грабежу достойно, денги корелки худые, и цена неволная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая и вражда несказанная»[77]. Название для денег «корелки худые» нумизматическая историография связывает с г. Корела на берегу Ладожского озера, а «корелками худыми» могли быть русско-датские копейки с именем Христиана IV, чеканка которых началась в Дании в 1619 г. для торговли в пограничных областях на крайнем северо-западе страны[78].

В королевском указе монетному мастеру из Копенгагена Иоганну Посту от 5 апреля 1619 г. предписывалось отчеканить серию монет на сумму 1500 талеров в виде русских копеек (датчане называли их «деннингами») из расчета 48 деннингов на ригсдалер, или 72 000 монет, по материалу и пробе «настолько похожих на русские образцы, что они могли бы пускаться в обращение как русские и быть ходовыми». 7 июля 1619 г. привилегии на чеканку монет, в том числе деннингов, были даны другому монетному мастеру, Альберту Дионису, португальскому еврею, бежавшему в Северную Европу и обосновавшемуся в г. Глюкштадте в Дании. Чеканку монет полагалось начать на откупных началах[79].

Выше уже говорилось об обстоятельствах, вынудивших русское правительство согласиться на чеканку копеек вне государственных денежных дворов, а также о предполагаемом назначении деннингов обслуживать население территории в Лапландии, которая разделялась на владения Швеции, Дании и России. Обратимся к самим монетам (см. табл. 11 соотношения штемпелей, фототабл. 31 — 32).

Деннинги представляли собой проволочные серебряные монеты с изображением на одной стороне традиционного русского всадника с копьем, в короне, с плащом за плечами и с надписью на другой стороне, содержащей имя и титул датского короля Христиана IV или на немецком языке (эта надпись в переводе звучит «Всемилостивейший Христиан IV, король Дании»), или на «русском», с использованием букв какого-то фантастического шрифта («Христианос шетира, королас Денмаркс»).

Деннинги распадаются на две группы. В первую вошли отлично выполненные копейки с изображением всадника в трехчастном венце; два типа копеек не имеют обозначений под ногами коня, на трех помещена буква «М» («Московия»?). Рисунок всадника выполнен в манере, совершенно несвойственной русским мастерам, с применением техники пунсонов. Лицевые стороны монет без знака сочетаются с оборотными, где надпись выполнена на немецком языке, готическим шрифтом (табл. 11, *1 — 1, 2 — 2*). Четыре варианта деннингов с буквой М под конем имеют надпись, выполненную фантастическим шрифтом на «русском языке» (*3 — 3, 4 — 4, 5 — 5, 6 — 6*). Все эти монеты обнаруживают общую генетическую связь, поскольку, несомненно, для изготовления штемпелей здесь применялись одни и те же пунсоны. Монеты этой группы имеют высокую, хотя и не однородную пробу, соответствующую пробам талеров, вес в пределах 0,48 — 0,49 г (по 12 экз. собрания ОН ГИМ). Они имеют четкое, сочное изображение, высокий рельеф, прекрасную сохранность.

Монеты второй группы по внешнему виду резко от них отличаются. Там тоже на лицевой стороне изображен всадник в трехчастном венце на шагающем коне, или с буквой М под конем, или без букв, а на оборотной имеется готическая немецкая надпись того же содержания (*8 — 9, 9 — 10, 10 — 11*). При их чеканке также использована техника пунсонов. Однако у них гораздо более низкое качество рисунка, низкий рельеф, из-за чего монеты этой группы дошли до нас в очень плохой сохранности. Кроме того, эти монеты показывают более низкую пробу (в пределах 875 — 900) и средний вес 0,47 — 0,48 г (по 12 экз. собрания ОН ГИМ).

Эти две различающиеся между собой группы следует отнести к разным центрам чеканки. Исследователь деннингов, датский нумизмат Эрнст Аксель, разделил их между Иоганном Постом и Альбертом Дионисом по формальному признаку: монеты с «русской» надписью он приписал Иоганну Посту, монеты с немецкой готической легендой — чекану Альберта Диониса. Ученый также отметил, что «деннинги Иоганна Поста были лучше деннингов чекана Диониса»: в первых содержание чистого серебра составляло 0,599 г, во вторых — 0,433 г[80]. Изучение и поштемпельный анализ деннингов собрания советских музеев, преимущественно ОН ГИМ и ОН ГЭ, позволили уточнить их систематизацию. К чекану Иоганна Поста, включенному нами в первую группу, были отнесены деннинги и с «русскими», и с немецкими готическими легендами — они оказались связанными между собой общими пунсонами; к чекану Альберта Диониса, включенному во вторую группу, — монеты только с немецкой готической легендой ухудшенного качества.

Долгое время эти типы деннингов считались единственно известными русско-датскими монетами как в России[81], так и в Дании[82].

Классификация русских монет XVI — XVII вв., предпринятая в последние десятилетия, позволила значительно расширить круг русско-датских монет и под новым углом зрения осветить связанную с ними акцию датчан.

В 1957 г. В. Л. Янин, изучая монетные клады Ярославского музея, обнаружил необычные монеты. На лицевой стороне копеек, где был изображен скачущий всадник без плаща, выполненный в непривычной для русских копеек манере, под ногами коня была помещена буква Р. Оборотная сторона несла имя Михаила Федоровича, и хотя легенда была написана по обычной формуле русских копеек, ясно было, что здесь тоже действовала чья-то непривычная рука. Буква М была вырезана только наполовину, в букве Х почему-то отсутствовала одна нижняя черточка, заключительная часть

легенды отсутствовала вообще. Монеты имели вес более высокий, чем монеты четырехрублевой стопы. Янин определил эти монеты как выпуск денежного двора, организованного в Ростове в феврале — апреле 1613 г. (так он расшифровал букву Р под конем) и соперничавшего с Ярославлем, ставшим центром чеканки монет Второго земского ополчения весной 1612 г.[83]

В 1955 г. И. Г. Спасский обнаружил и издал монету с именем Василия Ивановича и с необычной надписью под конем — НРСІ, которую он по аналогии с шведскими монетами 1615 — 1617 гг. с буквами НРГІ тоже причислил к шведским подделкам в Новгороде[84].

В 1960 г. автором этих строк была опубликована статья, где издавались копейки с именами русских царей Бориса Федоровича, Дмитрия Ивановича, Василия Ивановича и Михаила Федоровича, подражающие подлинным копейкам этих правителей, и обосновывалась поштемпельная связь выявленных подражаний с деннингами, чеканенными Альбертом Дионисом. Копейки с буквами Р и НРСІ нашли место среди подражательных монет, которые значительно расширили круг русско-датских копеек[85].

На табл. 11 представлена схема соотношения штемпелей всех выявленных к настоящему времени русско-датских монет. Копейки с буквой Р и с именем Михаила отнесены к чекану Иоганна Поста, расшифровка буквы Р как начальной в имени мастера Post кажется в этой связи вполне логичной (*7 — 7, 7 — 8*). Их оборотные стороны имеют небольшие различия в расположении букв. Они стилистически тяготеют к высококачественным монетам Поста, а по весу соответствуют указу от 5 апреля 1619 г., где говорится, что деннинги должны быть равны русским копейкам по качеству. Средний вес копеек с Р (по трем экземплярам собрания ОН ГИМ: 0,52 г, 0,58 — 2 экз.) соответствовал примерно 48 штукам, получавшимся из одного ригсдалера.

Копейки с именами русских царей (Василия Ивановича, Михаила Федоровича), имеющие общие лицевые штемпеля с копейками, несущими имя Христиана IV на немецком языке, отнесены нами к чекану Альберта Диониса (табл. 11, *8 — 12, 8 — 13, 8 — 17, 9 — 12, 9 — 14, 9 — 15, 9 — 17, 10 — 14*); с этими монетами связываются общими оборотными штемпелями копейки, у которых на лицевой стороне помещены буквы НРСІ или ІС (*11 — 16, 12 — 17, 13 — 17, 14 — 16, 11 — 18, 14 — 18*).

Лицевой штемпель с буквами НРСІ встречается также в сочетании с оборотными сторонами, имеющими имена Бориса Федоровича (*15 — 19*) и Дмитрия Ивановича (*15 — 20*). Копейки Диониса с русскими надписями тоже выполнены при помощи пунсонов, так же, как и немецкие, имеют скверный внешний вид и весовую норму в пределах 0,46 — 0,47 г, причем даже те из них, которые подражают копейкам трехрублевой стопы (т. е. с именами Бориса, Дмитрия и Василия).

Среди русских копеек времени Михаила Федоровича легко выделяются прототипы, послужившие образцом для копеек с его именем. Это московская копейка 1619 г. с буквой М под конем (табл. 8, *9 — 13*). Механически копируя легенду русской копейки, датские мастера перевели на штемпель не полностью отпечатавшиеся буквы М и Х, которыми заканчивалась одна и начиналась другая строчка. Многие буквы легенды русско-датских копеек напоминают латинские, а легенда с именем Дмитрия почти нечитаема, так как Альберт Дионис не сумел справиться с именем «Дмитрий» и написал его как «ДМІКРЕІ». Копейки с буквами НРСІ, видимо, подражали новгородским выпускам шведов 1615 — 1617 гг. с буквами НРГІ и с именем Василия Ивановича.

Как уже говорилось, чеканка русско-датских копеек с именем Христиана IV могла быть санкционирована русским правительством в силу ряда внешнеполитических соображений, причем имя Христиана IV как бы ставило эти монеты вне русских копеек, позволяло выделить их и служило известной гарантией доброкачественности. Но имена русских царей на датских монетах ставили их в разряд «воровских». Следует искать причины, толкнувшие королевских монетных мастеров на эту неблаговидную авантюру.

Возможно, эти причины кроются в одном из эпизодов торговой деятельности датских купцов, заинтересованных в проникновении на русский внутренний рынок.

В марте 1619 г. в Копенгагене была образована Печорская торговая компания. В число членов компании входили король Христиан IV и монетный мастер Иоганн Пост. Компания намеревалась торговать на севере России в районе Пустозерского острога на р. Печоре без посредничества русских купцов. 5 мая 1619 г. Христиан IV обратился к царю Михаилу Федоровичу с посланием, в котором сообщалось: «Некоторые копенгагенские граждане намерены послать уполномоченного на Печору, чтобы завязать с окрестным краем торговые отношения». Король просил разрешения поставить на Печоре купеческий двор, учредить контору и просил русское правительство оказать датским купцам помощь и покровительство. Михаил Федорович ответил решительным отказом, так как эта просьба шла вразрез с протекционистской политикой русского правительства, менее всего заинтересованного в проникновении иноземного купечества на внутренний рынок. В своем ответе от 12 июля 1619 г. царь писал: «В Печору с моря корабельного хода нет, место там пустое и пристани для пустоты и лихого проезду быть невозможно». Датчанам предлагалось ездить в Архангельск и торговать там на общих основаниях с прочими иноземными купцами. Однако датские купцы, «на свой страх», как сообщается в следующем послании Христиана IV от 2 октября 1619 г., снарядили и послали судно на Печору. Во главе этой торговой экспедиции стояли Климент Блум и «англичанин датской службы Матюшка (Марледук)».

В России экспедицию постигла плачевная участь: датских торговых людей задержали, товар и все имущество описали. Это произошло в марте 1620 г., а в июле того же года датчан отправили на родину с сопроводительной грамотой царя, который просил Христиана IV «его датских людей впредь на Пустозеро не пускать»[86].

Так безрезультатно закончилась попытка датских купцов организовать беспошлинную торговлю в России помимо главного морского порта на русском Севере — Архангельска.

Нельзя не заметить хронологического совпадения начала чеканки деннингов в Копенгагене в апреле 1619 г. и времени образования Печорской компании и обращения Христиана IV за разрешением на проезд в Россию (март и май 1619 г.), равно как и того обстоятельства, что Иоганн Пост был членом Печорской компании. Может быть, предназначение русско-датских монет для денежного обращения Лапландии, о чем свидетельствуют официальные датские источники[87], было лишь благовидным предлогом для начала чеканки «воровских» денег? Пример Швеции, организовавшей такую чеканку после 1617 г. для Ижорской земли, мог быть известен в Дании. Не исключено, что монеты с именем Христиана IV действительно были направлены в Лапландию, а с монетами, несущими имена русских царей, Печорская компания намеревалась начать торговлю на Печоре. Неудача экспедиции Климента Блума,

однако, должна была направить использование русско-датских монет в иное русло. Не следует забывать, что в европейских странах одним из распространенных видов денег были так называемые «токены» — деньги, специально предназначенные для колониальной торговли; свои токены, например, выпускала Ост-Индская компания. Русско-датские копейки с именем Христиана IV, возможно, следует относить к категории токенов. Тогда не следует удивляться тому, что в архивах не осталось никаких следов, позволяющих считать, что датское правительство получило разрешение из России на чеканку деннингов — чеканка токенов, видимо, была своеобразным международным правом.

«Воровские» деньги начали чеканить оба датских монетных мастера. Судя по доброкачественности копеек с буквой Р, отнесенных нами к чекану Иоганна Поста, и по их малочисленности, этот выпуск мог ограничиться лишь снабжением экспедиции Климента Блума, а после ее неудачи прекратился. Альберт Дионис пошел много дальше. Его подделки широко распространились в русском денежном обращении, что свидетельствует о достаточно активной деятельности этого монетного мастера. Основная масса находок этих монет происходит из кладов Архангельской, Ярославской, Костромской и Вологодской обл., а также из кладов Новгородчины и Псковщины. Это говорит о том, что деннинги с именами русских царей проникали в Россию через центры торговли с Западом — прежде всего через Архангельск, затем — через Новгород и Псков. Видимо, датские копейки сбывались купцам, ведущим русскую торговлю через Архангельск и на Балтике.

Вместо того чтобы терпеть убытки при обмене талера на русские копейки, иноземцы получали выгоду. Они имели на руках копейки пониженного веса, чеканенные из серебра талерной пробы, которых на талер приходилось больше, чем полноценных русских копеек. Еще большей была выгода, когда купцам удавалось пустить в ход копейки, подражавшие старым монетам трехрублевой стопы (т. е. копейки с именами Бориса, Дмитрия, Василия), которые ценились на русском рынке выше, чем новые.

Шведские подделки, которые после 1617 г. получили распространение на территории Ижорской земли, но также часто встречаются в кладах бассейнов Северной Двины и Верхней Волги, датские деннинги, проникавшие в северо-западные и северные районы европейской части России, очень быстро были замечены русской таможенной службой. Уже в 1618 г. русское правительство выразило протест шведскому посольству, прибывшему в Москву, по поводу чеканки шведами подделок. В 1620 г. таможенным головам ряда торговых городов был разослан царский указ: «...Ведомо нам учинилось, что у Архангилского города на кораблех и в иных украиных городех розных государств иноземци гости и торговые люди привозят с собою денги, а делают их у себя на руской московской чекан, и отдают их руским (всяким торговым) людем, и на старые денги променивают и на товары дают. А те денги их дело худы, смешаны с медью мало не вполы, а иные денги привозят сталные, лише посеребрены с лица, а против того выменивают в нашем в Московском государстве в денгах чистое серебро и возят к себе, а в наши городы привозят худые мешеные денги. И от того нашего Московского государства всяким людем чинятца многие убытки, а государству оскудение...

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас собрал к себе посадцких и волостных старост и целовалников и лютчих всяких людей, которые ездят к Архангелскому городу, и сею нашу грамоту велел им честь вслух, а, вычетчи,

велел на посаде и во всех станах и волостях по торшкам биричем кликат по многие дни. И таможенным головам и целовалником заказал накрепко: у которых торговых немецких людеи в привозе будут денги их дело, а деланы на московскои чекан, и у тех б немец те денги таможенным головам, перепечатав своими печатми, отдават назад тем же людем, хто привезет, а торговат теми денгами им не велет для того, что те денги не прямые. А тем приезжим немец говорит имянно, что б они вперед таких денег на московской чекан не делали и в наши городы не привозили, потому что те их денги не згодятца ни к чему для того, что в них примешано меди мало не вполы, а которые немцы учнут такие денги вперед привозит, и у тех немец те денги велят имат на нас. А московским и Московских городов гостем и всяким торговым людем велети заказати накрепко, что б они денег Московского государства старово дела приезжим немецким людем ни на какие товары одно-лично не меняли, и те старые денги велет привозит к нам к Москве на Денежнои двор, а по нашему указу на Москве от денежного дела за те им денги дадут с наддачею нового дела денгами. А которые люди учнут с немцы торговат или менят на московские на старые денги, а у немец учнут имати новые денги, а после про то сыщетца, и тем людем от нас быт казненым смертью. Писано на Москве лета 7128-го маия в 3 день»[88].

Указ 1620 г. повторялся неоднократно. Последний раз — в 1667 г., что говорит о непрекращавшихся попытках иностранных купцов использовать в целях извлечения прибыли особенности русского денежного хозяйства, обслуживавшегося высокопробной серебряной копейкой. Трудно судить, насколько указ 1620 г. оказался эффективным в деле изъятия и пресечения хождения иностранных «воровских» денег. Сохранился документ 1661 г., который рассказывает о денежном обращении времени Михаила Федоровича, когда объявилось большое количество «воровских» денег. Тогда во все присутственные места назначили подьячих, старост торговых рядов, целовальников, которые должны были проверять деньги у торговых людей. Найденные «корелки» изымали и отправляли в казну, а с владельца брали «4 копейки прямых казенных... И у кого только сыскалось воровских корелок рубль или два, и тому много было его царского величества мстительства и жестокое наказанье». В результате всех этих мер, сообщает далее документ, «те воровские копейки вскоре, менши полугоду, все перевелись»[89].

Действительно, различного рода «непрямые деньги» при Михаиле Федоровиче очень засоряли денежное обращение. О том, какой процент среди них составляли русско-датские копейки, как долго они находились в обращении, сколько времени чеканили их в Дании, точных данных не имеется. Перечисленные в документе 1661 г. меры по очищению русского денежного хозяйства от фальшивок, постепенный переход к чеканке только на Московском денежном дворе монет стандартного внешнего вида — все эти действия правительства были направлены на преодоление тех кризисных ситуаций, которые со все большей силой назревали в русском денежном обращении с 20-х годов XVII в.

ГЛАВА 9

Попытки преобразований

Денежная реформа 1654—1663 годов

После 1626 г. все официальные источники продолжали говорить о русской копейке как о высокопробной. Переход к чеканке из серебра талерной пробы правительство сумело сохранить в тайне. Когда в 1535 г. польские дипломаты предложили ввести в Русском государстве деньги, одинаковые с польскими, русские дипломаты отказались на том основании, что в Польше и Литве обращаются деньги разных достоинств, наряду с золотыми и серебряными ходят и медные, а «в Московском государстве торгуют русскими копейками и московками, хотя и дробны, зато сделаны из чистого серебра»[1]. Во время русско-шведских торговых переговоров 1649 г. русские послы противопоставляли русскую денежную систему шведской: «они (русские копейки. — *А. М.*) деланы из чистого серебра, не так, как у них в Свее, медными шкилевыми деньгами торгуют». Далее они сообщали о технике чеканки русских монет: «Как из ефимков русские денги переделывают, и из ефимков много руды выходит, и в денгах остаетца серебро самое чистое». Впрочем, шведские послы не очень верили этим словам и утверждали, что «русские де деньги ефимков легче, и деньги живут всякие»[2].

Эти слова шведских дипломатов свидетельствуют, что авторитет русской копейки за рубежом, который основывался прежде всего на том, что она ценилась как монета из высокопробного серебра, к середине XVII в. поколебался. К тому же медленное, но последовательное снижение веса русской копейки не могло остаться незамеченным. Это вело к повышению цен на талеры. Если в 1613 г. цена ефимка составляла 42 коп., то к 1619 г. Христиан IV приравнивает ефимок к 48 коп. Цену талера в 48 коп. называет запись 1624 г. в приходорасходных книгах Вологодского архирейского дома[3]. В 1630 г. цена талера попрежнему составляла 48 коп., но в 1634 г. сообщается о новой цене талера в 51—51,5 коп. Формальная причина этого повышения цены объясняется тем, что в 1630 г. торговые пошлины вычитались у приезжих купцов «как ефимки променивали», а в 1634 г. пошлину стали вычитать непосредственно с товаров. Об этом же порядке вспоминает грамота 1649 г.: «А преж сего на Руси уложенье бывало, что когда чюжеземцы торговые люди любские и ефимки меняли, и им давали по 50 копеек, а пошлин не давали, а когда им за любский ефимок давали по 52 копейки, и в ту пору они сами пошлину платили»[4]. В 1683 г. шведские

купцы, также с сожалением о прошлых порядках, вспоминали, что во времена Михаила Федоровича «ригсдалер равнялся 52 копейкам. Когда же за ригсдалер стали давать по 50 копеек, пошлина всё же уплачивалась по старому курсу»[5].

Очевидно, в начале правления Алексея Михайловича был издан указ об установлении торговой цены ефимка в 50 коп. На этот указ ссылается в 1648 г. шведский резидент К. Поммеринг, жалуясь на то, что русские «берут ефимки дешево, а не по полтине, как государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал». В 1649 г. этот указ вновь был повторен: «В нынешнем в 157 году в 15 день ... бирючю государь велили кликать по многие дни и приказывали всяким людем накрепко, которые ... торговые люди учнут свеяном за ефимки денги давать, или которые учнут товары на ефимки менять, и что б они денги им давали по твоему государеву указу, за любский ефимок по полтине, а за крыжовый по штинадцати алтын»[6]. Новый Торговый Устав 1667 г. подтвердил эту цену ефимков.

Однако рыночная цена значительно колебалась вокруг уставной. Например, в 1645 г. в Швеции, в Стокгольме ефимок на русские деньги ценился по 64—63 коп.[7], в Голландии в 1660—1661 гг. за ефимок давали по 60 коп.[8] Кильбургер писал, что в 70-х годах цены рейхсталеров составляли 52—53 коп., повышаясь иногда до 54 коп., а в Москве — до 56 или 57 коп.[9] Шведские послы сообщали 28 июля 1676 г., что «русские почитают ефимок только за полтину, хотя они и ходят везде по 50 и по 5 копеек, и по 20 алтын»[10]. Существовала еще государственная цена на ефимки, по которой снабжались из казенных средств торговые агенты русского правительства, имевшие подряд на продажу казенных товаров. Эта цена была ниже уставной. В 1653 г. 40 копеек за ефимок получил ярославец торговый человек Антон Лаптев, который должен был скупать хлеб и просо в России для продажи «в немецких и свейских городах». О цене «по четыре гривны и по 14 алтын» за ефимки в 50-х годах сообщал Г. Котошихин[11].

Приведенные отрывочные сведения о рыночных ценах ефимка свидетельствуют об их росте в XVII в. — следствии падения ценности копейки.

С середины XVII в. сохранились сведения иностранных путешественников и торговых агентов о соотношении веса талера и русских копеек. В 1654 г. Павел Алеппский приравнивал вес талера к 62 или 64 русским копейкам[12] при фактическом весе копейки около 0,45 г. Де Родес, шведский торговый агент, сообщал о том, что русская казна имеет прибыль от монетной чеканки, равную 30%; она достигается тем, что количество отчеканенных из талера копеек превышает указную цену в 50 коп.[13] Его подсчеты показывают, что из талера получалось 64 копейки. В 1661 г. Мейерберг свидетельствовал, что 64 копейки «по количеству и весу серебра совершенно равняются рейхсталеру»[14]. О том же говорят и русские авторы — например, Г. Котошихин писал, что «в деле московских денег выходит из ефимка по двадцати по одному алтыну и по две денги»[15]. И наконец, во время денежной реформы 1654—1663 гг. ефимок был официально приравнен к 64 копейкам. По всем этим данным вес талера и норма выхода из него русских копеек оказываются совершенно тождественными. В XVI в. вес талера превышал количество русских копеек, получавшихся при перечеканке: если вес талера составлял по данным Торговой книги 43,5 или 44,5 коп., то при перечеканке из него получалось около 42 копеек.

И. Г. Спасский обратил внимание на эти сообщения иностранцев и сделал на их основании вывод о чеканке русских копеек из серебра «ефимочной пробы». Это событие он отнес к началу царствования Алексея Михайловича исходя из того, «что наиболее серьезные перемены (ухудшения) в денежном деле часто

приурочивались к началу нового правления». Он связывает это событие с кругом правительственных экономических мероприятий фискального характера. Впрочем, как пишет автор, «окончательному решению рассматриваемого вопроса более всего может помочь основательное исследование пробы всех видов серебряных копеек Алексея Михайловича и изучение документов, относящихся к 1648 г.»[16] Забегая вперед, скажем, что «основательное исследование пробы всех видов серебряных копеек Алексея Михайловича», равно как и хронологическая их систематизация, результаты которых будут изложены ниже, показали, что на всем протяжении чекана Алексея никаких изменений пробы монет не обнаружено. Изменения — переход к чеканке копеек из серебра «ефимочной пробы», как следует из изучения копеек предыдущего царствования, зафиксированы около 1626 г. Понадобилось двадцать с лишним лет, чтобы этот факт был замечен, несмотря на уверения официальных лиц о прежней чистоте русской копейки. Впрочем, повышение цен на талеры, в котором отразилось снижение ценности русской копейки, свидетельствует, что рынок уловил эту перемену вскоре после ее свершения.

В середине века происходит очень важное событие, связанное с упорядочением торговли серебром: вводится государственная монополия на покупку ефимков и в связи с этим устанавливается твердая монопольная цена на ефимки. Первое сообщение об этом имеется в царском наказе 1649 г. гостям, головам и целовальникам Архангельска: «У которых приезжих немец будут в привозе ефимки, и те ефимки покупать на государя, на товары и деньги имать в таможенные пошлины, а мимо государевой казны ефимков никому покупать не велел, и о том заказать накрепко ... чтоб никто ефимков на себя без государева указу не покупали, а которые русские люди учнут ефимки покупать или менять безъявочно, и гостю Василью и головам с товарищи про то сыскивати накрепко, и по сыску те ефимки отписывать на государя за то, чтоб впредь не повадно было никому мимо государева указу делать»[17].

Торговые люди теперь привлекались только в качестве подрядчиков, которые авансировались правительством для закупки талеров в казну. На ярмарки назначались торговые люди, которые в порядке несения государственной службы должны были принимать ефимочную казну и отвозить ее в Москву. В 1646 г. ярославцы, вологжане, костромичи и «всех городов торговые люди» подали царю челобитную об освобождении их от тягостной службы по приему ефимков на Архангельской ярмарке и отвозе их в Москву[18].

Челобитная датирована 1646 г., следовательно, введение монополии на торговлю ефимками имело место раньше этой даты. В цитированном наказе 1649 г. говорится, что в 1647 г. иностранные купцы — голландцы и «анбурцы» — обратились к царю с просьбой покупать у них ефимки по установленной цене согласно государеву указу, по которому «розных земель иноземцы привозили впредь к Архангельскому городу в государеву казну ефимки многие»[19].

Установление монополии на торговлю ефимками и монопольной цены, возможно, следует связывать с введением в 1646 г. системы новых пошлин, ставивших русских купцов в более выгодное положение по сравнению с иностранцами. Все эти мероприятия закладывали основы протекционистской политики русского государства и должны были служить укреплению торгового баланса. Общая направленность энергичных мероприятий правительства по стабилизации финансовой системы и экономического положения страны в первые годы правления Алексея Михайловича исключали, на наш взгляд, возможность порчи монеты в эти годы.

Все эти меры по упорядочению торговли серебром не затрагивали непосредственно денежного хозяйства, хотя, разумеется, в целом способствовали дальнейшей централизации денежного производства и в первую очередь — снабжения сырьем. Но усовершенствование денежного хозяйства все более становилось насущной необходимостью, одним из важных звеньев в системе социально-экономических преобразований, объективно способствовавших созданию более благоприятных условий для формирования и развития буржуазных элементов. Крупномасштабные торговые сделки затруднялись отсутствием крупных номиналов, необходимостью подсчета тысяч и сотен тысяч мелких серебряных копеек. Мелочную торговлю в городах крайне тормозило отсутствие мелкой разменной монеты. Таинственные «пироги», «пулы» и их кратные, материальная сущность которых пока остается невыясненной, появились как реакция внутреннего рынка на нехватку мелкой разменной монеты. Очень страдали от отсутствия разменной монеты сибирские города, где была развита торговля съестными припасами. Выше уже приводилась челобитная 1640 г. тобольского воеводы о нехватке в Тобольске и в других сибирских городах «государевых мелких денег» — полушек и денежек («московок»). Воевода просил прислать в Тобольск из Москвы тысячи две или три московок и полушек для размена копеек[20].

Политика русского правительства в денежном деле в XVI — начале XVII в., во время существования трехрублевой стопы, была гораздо более последовательной и целенаправленной, чем в XVII в. Она была направлена на ликвидацию пережитков феодальной раздробленности в денежном деле, на последовательную централизацию и стандартизацию монетного оформления и соблюдение нормативных веса и пробы. Когда развитие экономики потребовало увеличения количества денежных знаков, задача эта выполнялась путем совершенствования производственных процессов. XVII век поставил перед денежной системой более сложные задачи. Отсталая русская монета становилась одним из серьезных препятствий, тормозивших развитие экономики в условиях складывавшегося всероссийского рынка. В то же время нужда казны в денежных средствах неизмеримо возросла по сравнению с предшествовавшим периодом. Поэтому в действиях правительства в области денежного хозяйства тесно переплетались и фискальные интересы казны, и осознание несовершенства русской денежной системы, что особенно наглядно сказалось в истории проведения денежной реформы 1654—1663 гг.

Согласно первоначальным замыслам инициаторов реформы предполагалось произвести коренное изменение русской денежной системы. Должна была начаться чеканка крупных номиналов, была введена медь в качестве нового вида монетного сырья. Старые копейки и денги сохранились как самые мелкие номиналы. Тем самым русская денежная система организовывалась по образцу западноевропейских систем с их разнообразными номиналами. Внешняя торговля должна была избавиться от многих неудобств, связанных как с обращением в России копейки, столь непохожей ни на одну из западноевропейских монет, так и с системой счетных номиналов, выражавшихся той же серебряной копейкой. Не могла не сыграть свою роль и необходимость уравнять денежное обращение России с денежным хозяйством только что присоединенной Украины, обслуживавшимся ранее польской монетой[21].

Вес нового рубля 1654 г. был приравнен к талеру, т. е. к 28—29 г. Собственно, новые рублевики чеканились на талерах, с которых сбивалось изображение. Счетный рубль старыми копейками, не изъятыми из обращения, реально весил около 45 г. Следовательно, новый рубль сразу становился неполноценным.

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что государственная цена талера составляла полтину, а перечеканка его в рубль вдвое повышала его ценность.

Серебряными в новой системе были рубль, полуполтина (она чеканилась на разрубленных на четыре части талерах) и проволочные копейки. Рубль и полуполтина чеканились на весовой основе талера, копейка — на основе существовавшей до реформы денежной стопы (примерно составлявшей 445 копеек из гривенки). Таким образом, в одной системе соединились номиналы, имевшие различную ценность. Из меди чеканились полтина, алтын и грошевик. Гривна, названная в письменных источниках среди номиналов, относящихся к реформе, в нумизматических материалах не выявлена. По весу медная полтина приравнивалась к рублю (новому), а весовая норма алтына и грошевика основывалась на весе серебряной проволочной копейки. Рыночная цена меди составляла 6—8 руб. за пуд. Следовательно, медные монеты не были разменными по отношению к серебряным номиналам, а были монетами с принудительным курсом, как, впрочем, и новые рубль и полуполтина из серебра.

Введением медных номиналов правительство намеревалось решить также задачу удешевления монетного сырья путем использования вместе с дорогим серебром более дешевой меди. Впрочем, в грамоте от 12 июня 1654 г. говорится: «Указал ты, государь, для своей государевой службы из меди делать ефимки (так здесь названы рубли. — *А. М.*), полтинники и полуполтинники и гривенники, алтынники». Далее указываются весовые нормы: «ефимки» должны были чеканиться «ис фунта против десяти рублев», полтинники — «20 ис фунта», «весу в них по пяти золотников без четверти», 40 полуполтинников из фунта, 100 гривенников, 333 алтынника с третью из фунта. Согласно этим весовым нормам медный рубль должен был весить около 40 г. Но ниже в грамоте сообщается, что согласно царскому указу от 7 июня на денежном дворе «деньги серебряные ефимки и четвертаки и медные алтынники» чеканятся «наспех, днем и ночью»[22]. Медных рублей, полуполтинников, гривенников нумизматика не знает, но серебряные «ефимки» (рубли), четвертаки (полуполтинники) и медные алтынники хорошо известны. Цитированная грамота — это отписка руководителя денежного дела в 1654 г. боярина М. П. Пронского к Алексею Михайловичу в царскую ставку, в с. Воробьево. В грамоте, видимо, запечатлен первый вариант денежной реформы — делать все номиналы, вплоть до рубля, из меди, по новой весовой норме, однако 7 июня 1654 г. замененный приказом чеканить из меди только часть номиналов.

Для чеканки новых крупных монет был создан специальный денежный двор в Москве, который получил наименование Нового Московского Английского денежного двора («английским» он стал потому, что разместился на бывшем подворье английских купцов). В августе 1654 г. Новый Московский двор еще не освоил чеканку всех номиналов, предусмотренных указом от 7 июня. В грамоте от августа 1654 г., где содержится царский указ оповестить население о новых деньгах, говорится только о трех номиналах: рублях, полуефимках (полтинах) и четвертинах: «Велено кликати бирич не по один день, что торговые всяких чинов люди хто какими товары торгует и у ково какова чину купит лошадь или какую животину, и хлеб, и платья и всякой товар, а учнут давать за деньги ефимки и полефимки, и четвертины ефимошные серебряные, они б, торговые и всяких чинов люди ефимки и полефимки и четвертины ефимочные вместо денег за всякие продажные товары имели. А хто государева указу учнет ослушатца, ефимок и полефимок и четверти ефимошные имать не учнет, и ему от

государя ... быть в опале и в наказанье». И далее следует приписка, сделанная сразу по написании грамоты, но затем зачеркнутая: «...А как государева служба минетца, и им те ефимки и полефимки и четвертины... ефимошные приносить в государеву казну, а им по государеву указу из государевой казны учнут выдавать мелкие деньги»[23].

Как справедливо указывает К. В. Базилевич, занимавшийся историей Медного бунта 1662 г. и денежной реформой 1654—1663 гг., послужившей его причиной, эта зачеркнутая приписка была симптомом проявлявшегося недоверия населения к новым деньгам и носила чисто демагогический характер[24]. Отказываться от проведения денежной реформы правительство не собиралось.

Эта приписка тем не менее свидетельствует, что реформа проходила совсем не по плану. Программа реформы менялась на ходу.

Из грамоты от 1 марта 1655 г. мы узнаем, что в денежном обращении, наконец, появились все пореформенные номиналы. Здесь указывается, что население пользуется ими с неохотой: «...ведомо ... учинилось, что на Москве в Приказы за ево государевы долговые деньги и в таможнях на Москве и в городех за пошлины рублевых ефимков серебряных и четверток полуполтинных серебряных же и медных полтинников и полуполтинников и гривенников и алтынников не емлют и торговые люди ими не торгуют». В грамоте приказано, чтобы «в города... которые ведомы в розряде... послать свои государевы грамоты не замотчав, чтоб теми серебряными рублевыми ефимками и четвертками серебряными и медными полтинниками и алтынниками торговати без всякого сумнения». Такая же грамота была послана в Воронеж, тоже в марте 1655 г.[25] Из текста грамоты можно заключить, что в денежном обращении находились серебряные «рублевые ефимки», т. е. рубли, полуполтинники («четвертки») и медные полтинники и алтынники. Именно эти номиналы известны по нумизматическому материалу. Медные полуполтинники и гривенники, которые названы в перечне тех номиналов, которые «не емлют» и которыми «торговые люди не торгуют», до нас не дошли, вопрос об их чеканке остается открытым.

Серебряные рублевики и медные полтинники, а также серебряные четвертаки, медные алтынники и грошевики описаны и изданы в работах И. Г. Спасского[26]. Мы приводим изображения четырех номиналов на рис. 2.

На рублевиках изображался скачущий вправо всадник в царской шапке и в накинутом на плечи одеянии, длинный рукав которого развевается позади над крупом коня. В правой руке царя — прислоненный к плечу скипетр и поводья, левая прижата к груди. Лицо всадника выполнено весьма реалистично, видны борода, волосы. Изображение замкнуто в кольцо надписи, содержащей титул царя с включением тех изменений, которые произошли в 1654 г. после присоединения Украины: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России». На оборотной стороне, над узорным картушем с изображением увенчанного короной двуглавого орла помещена славянская надпись «лета 7162», а под орлом — название номинала: «рубль».

Изображения на лицевой и оборотной сторонах полтинников очень близки к изображениям на рублевиках. Лишь название номинала здесь другое: «полтинник».

На полуполтинниках (четвертаках) на одной стороне изображался царь со скипетром и в царской шапке, подобный всаднику на рублевике и заключенный в ободок из крупных бусин. В верхней части и по сторонам изображения

Рис. 2. Памятники денежной реформы 1654—1663 гг.

1 — рубль 1654 г. Серебро. 2 — полтина 1654 г. Медь. 3 — полуполтина 1654 г. Серебро. 4 — «ефимок с признаком» — надчеканка штемпеля копейки и даты «1655» на западноевропейском талере. 1655 г. Серебро.

царя среди орнаментальных завитков размещена надпись: «пол — пол — тин». На обороте монеты, тоже в ободке из бусин, шестистрочная надпись: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Вверху и по сторонам разделенная дата (в буквенном выражении): «7—16—2».

Медные алтыны и грошевики, дошедшие до нас, чеканились из проволоки. На лицевой стороне алтына изображен всадник того же типа, что и на прочих номиналах реформы. Сбоку и под конем помещено не очень отчетливое обозначение номинала «алтын». На оборотной стороне читается строчная надпись: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец». Грошевик повторяет оформление алтына, но надпись под ногами коня обозначает «4 денги», что соответствует 2 копейкам или грошу (грошевику).

Как можно убедиться из описания, новые монеты имели принципиально отличное от серебряных копеек оформление. Изображался на монете не ездец или правитель «вообще», а вполне конкретный государь — Алексей Михайлович, по всем канонам изобразительного искусства, употреблявшимся для достижения портретного сходства. На монете появились государственный герб — двуглавый орел, дата выпуска, название номинала. Титул царя был дан в расширенном по сравнению с копейками варианте. Оформление монет было выдержано вполне по образцу монет абсолютистских государств Европы. Уже одно это определяет западную ориентацию денежной реформы, даже не говоря о том, что весовой основой рубля и полуполтинника был талер. Новое оформление отвечало важнейшей политической задаче страны — монеты должны были обслуживать денежное обращение государства, в котором складывался новый государственный строй — абсолютизм, и выполнять насущные декларативные функции.

В дальнейшем ходе реформы зачеркнутая приписка к августовской грамоте 1654 г. оказалась пророческой. Осенью 1655 г. если и не произошло полного отказа от реформы, то все же были внесены значительные изменения в первоначальные планы. Видимо, под влиянием отказа населения принимать новые монеты, а также в связи с техническими трудностями, которые испытывал Новый Московский денежный двор при чеканке крупных монет, чеканка новых номиналов прекратилась. Было принято компромиссное решение: выпускать крупные монеты, но по старой стопе и самыми простейшими техническими средствами.

На Старом Московском денежном дворе, расположенном в Кремле, началась надчеканка талеров копеечным штемпелем и отдельно вырезанной датой «1655». Эти монеты, получившие наименование «ефимков с признаком», приравнивались к 64 копейкам, т. е. к тому количеству серебряных копеек, которое по весу было эквивалентно весу талера. Таким образом, потребность в крупной монете удовлетворялась выпуском в денежное обращение надчеканенных талеров. Для обслуживания внутренней торговли осенью 1655 г. правительство решает начать выпуск проволочных копеек из меди, по оформлению, стопе и технике чеканки совершенно идентичных серебряным. Это были копейки с принудительным курсом. Правительственными указами их обращение ограничивалось пределами европейской части России — ни с зарубежными купцами, ни в Сибири медными копейками торговать не разрешалось. «Тарели» (так население называло новые крупные монеты) и старые серебряные копейки правительство начало активно скупать на медные копейки; с 1658—1659 гг. уплата налогов и пошлин производилась по царскому указу только серебряными

монетами. Таким образом, в 1655 г. практически произошла полная переориентация денежной реформы на чисто фискальные цели.

Несмотря на явную неполноценность медных проволочных копеек, население на первых порах охотно приняло их как привычные по внешнему виду деньги. Однако неумеренное количество медных копеек, которые выпускали пять денежных дворов (помимо двух московских — Нового и Старого — были открыты денежные дворы в Новгороде, Пскове и в крепости Кукенойсе), а также те ограничения, которыми обставлялось обращение медных копеек, привели к обесценению новых монет: к 1662 г. за одну серебряную копейку давали 15 медных.

Обесценение медных копеек вызвало полное расстройство денежного обращения, дороговизну и голод. Вскоре после Медного бунта в Москве, вспыхнувшего в 1662 г. из-за обесценившихся медных копеек, а также ряда народных выступлений против царской администрации в других городах, в том числе в Пскове и Новгороде, был положен конец чеканке медных копеек, денежные дворы «медного дела» были закрыты, и на Старом Московском денежном дворе возобновилась чеканка серебряных копеек. Это произошло в июне 1663 г. Благодаря введению монополии казны на продажу за рубеж ряда товаров удалось создать запас серебра для чеканки проволочных копеек. В течение месяца после отмены реформы казна выкупала медные копейки по курсу 100 медных копеек за одну серебряную.

Так безрезультатно закончилась первая серьезная попытка усовершенствовать русскую денежную систему. Со всеми своими недостатками, еще более усугублявшимися от времени, эта система просуществовала до конца XVII в.

Можно назвать несколько причин, обусловивших неудачу денежной реформы. Разумеется, прежде всего сказалась экономическая и техническая неподготовленность к ее проведению. Для чеканки крупных монет не было ни соответствующего оборудования, ни квалифицированных мастеров. Денежный двор не был обеспечен в достаточной мере серебром. Были допущены и чисто теоретические просчеты: в одну систему были объединены монеты различной и совершенно не соответствовавшей друг другу ценности. Одновременно находились в обращении рубли и фракции рубля на талерной весовой основе, счетные рубли на основе серебряных копеек, по весу значительно превышавшие новые рубли, и медные полтины, алтыны, изготовленные из меди, цена которой составляла на серебряные деньги 6—8 рублей за пуд. Неполноценные «рублевые ефимки» и медные полтины не могли конкурировать с серебряными копейками.

В 1655 г. эти просчеты были исправлены: в качестве крупного номинала вводился полноценный «ефимок с признаком», в качестве ходячей монеты — медные копейки. Сферы их действия разграничивались: серебро предназначалось для международной торговли, медные копейки — для нужд внутреннего денежного обращения. Однако этот этап реформы не был обеспечен сырьем. Изучение надчеканенных талеров показало, что их надчеканка производилась только осенью 1655 г. — талеры с датами более поздними среди «ефимков с признаком» не встречались[27]. Выпуск же медных копеек не был ограничен какими-либо нормами, и стремление получить выгоду от чеканки монет из дешевой меди, имевших хождение по принудительному курсу наравне с серебряными, сыграло роковую роль для русского денежного обращения. Непродуманность этого мероприятия, незнание законов денежного обращения, наивная вера в могущество абсолютистского государства, которое своей волей

может признать неполноценные монеты полноценными, — все это сказалось на результатах чеканки медных копеек. Известно, что горячим сторонником их чеканки был крупнейший отечественный экономист XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин. Он сам, по его словам, произвел несколько очень выгодных операций с медными копейками в бытность его воеводой в Кукенойсе в 1658—1661 гг. Ордин-Нащокин предлагал использовать медные деньги внутри страны для закупки товаров, пользующихся наибольшим спросом на внешнем рынке, — льна, пеньки, поташа, юфти, смольчуга и пр. — и обменивать эти товары у иностранных купцов на драгоценные металлы[28].

Однако главной причиной, обусловившей все неудачи реформы и сковывавшей все попытки совершенствовать русское денежное хозяйство, была зависимость русского денежного дела от привозного сырья, которое могло доставляться в Россию только посредством внешней торговли. Для Русского государства, находившегося в стороне от путей мировой торговли, отрезанного от Балтики, связанного с Европой практически только через единственный морской порт Архангельск во время летней навигации, это была неразрешимая проблема.

Не случайно в системе практических мер по улучшению экономического состояния страны, которую обосновывал А. Л. Ордин-Нащокин, способ увеличения запасов драгоценных металлов занимал не последнее место. Наиболее эффективным путем для этого он считал устройство денежных дворов в наиболее крупных пограничных городах, чтобы на месте перерабатывать привозимое иностранцами серебро в русскую монету.

Когда во время русско-шведской войны, горячим сторонником которой был Ордин-Нащокин, он был назначен воеводой в Кукенойс, завоеванный у шведов и с 1658 по 1661 г. остававшийся в русском владении, по его инициативе там был устроен денежный двор, где чеканились медные копейки. Ордин-Нащокин стремился превратить этот город, расположенный на Западной Двине в 40 км от Риги, в центр русской торговли в Прибалтике, пытался построить там флот, всячески развивал местную промышленность. Устройство денежного двора должно было способствовать еще большему процветанию города. Возвращение Кукенойса Швеции в 1661 г. сорвало все эти далеко идущие планы.

Немного позже, в 1665 г., когда Ордин-Нащокин отправляется воеводой в Псков, он вновь выдвигает идею устройства денежных дворов в пограничных городах. В Пскове воевода подготовил проект городского устройства, в котором использовал свой опыт, накопленный во время воеводства в Прибалтике. Главными пунктами проекта были создание городского самоуправления из «лучших людей», которым должны были быть переданы функции воеводы, сокращение поборов с горожан, покровительство отечественным купцам, установление только двух сроков в году для торговли иностранных купцов, замена всех торговых пошлин с иностранцев взиманием определенного количества ефимков с каждой трети проданного товара, открытие денежного двора в Пскове. На денежном дворе сдаваемые иностранными купцами ефимки должны были бы меняться на русские копейки исходя из существующей рыночной цены на ефимки (7 рублей русскими серебряными копейками за 14 ефимков).

Необходимость создания денежного двора Ордин-Нащокин обосновывал следующими соображениями: «...Для беспомешные торговли и скорые розделки в товарех меж Рускими людми и к великому сбору денежные казны быть во Пскове денежному двору... и сего ради приезжие Руские люди отвозить ефимков

не учнут в розные порубежные городы, а для добрыя цены у кого сколко будет ефимков, и сверх указныя учнут отдавать ефимки во Пскове на денежный двор, и прибыль учинетца из фунтов (ефимочного серебра. — *А. М.*) великого государя казне большая... А не быть денежному двору во Пскове, и торги добрые не будут»[29].

Проект, предложенный Ордин-Нащокиным, осуществлен не был; лишь часть его предложений вошла впоследствии в Новый Торговый Устав 1667 г.

Гораздо радикальней было предложение ученого серба Юрия Крижанича, посетившего Россию в 1661 г. и заставшего самый разгар хаоса в денежном обращении, вызванного выпуском неумеренного количества медных копеек. Он увидел главную беду русской денежной системы в ее архаичности. Юрий Крижанич выдвинул проект создания в Русском государстве денежной системы, организованной по западноевропейскому образцу, с золотым рублем-дукатом, серебряными полтинами-талерами, гривной и шестиной. В качестве монетного металла предлагалось использовать золото, серебро и билон. Предлагалось также допустить свободное обращение в России западноевропейских монет, как это практиковалось в большинстве стран Европы. Крижанич резко критиковал выпуск в России «медных пенязей», выступал против порчи монеты, в полном соответствии с теоретическими воззрениями меркантилистов XVII в.[30] Но напуганное неудачей денежной реформы 1654—1663 гг. правительство не решалось больше ни на какие эксперименты в денежном деле.

Серебряные копейки Алексея Михайловича

Обоснование систематизации серебряных проволочных копеек 1645—1676 гг., предложенное автором этих строк в 1970 г.[31], в настоящее время существенных изменений не претерпело. Новые находки кладов с монетами Алексея Михайловича и поиски в коллекциях музеев не дали сколько-нибудь значительного расширения круга обработанных монет и не прибавили новых типов. Но публикация новых письменных источников позволила внести ряд новых аспектов в изучение денежного обращения этого периода и, в частности, пересмотреть вопрос о весовой норме монет второй половины XVII в.

Серебряных монет и кладов времени Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) дошло до нас гораздо меньше, чем от времени Михаила Федоровича. В собрании ОН ГИМ насчитывается 2,5 тыс. монет и 9 кладов, а всего известно только 19 кладов. Это обстоятельство объясняется тем, что серебряные копейки при Алексее Михайловиче чеканились около 20 лет, на одном денежном дворе; чеканка Михаила Федоровича продолжалась на 10 лет дольше, к тому же монеты чеканились некоторое время на четырех денежных дворах.

Копейки Алексея Михайловича представляют массу однообразных по стилю монет, с одинаковым для всех типов знаком денежного двора о/М. Оборотная сторона повторяет обычный тип легенды царских копеек: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Монеты представлены на табл. 12 соотношения штемпелей, фототабл. 36—39, диагр. веса 38—40.

В начале чеканки монет Алексея Михайловича был использован лицевой штемпель времени Михаила Федоровича (табл. 12, [illegible]).

Для датировки монет Алексея Михайловича основным отправным пунктом является денежная реформа 1654—16[illegible] гг. В 165[illegible] г., на второй год проведения

реформы, были выпущены, как уже говорилось, «ефимки с признаком», с датой 1655 г. Для надчеканки «признака» употреблялся копеечный штемпель только одного типа. Этим же штемпелем чеканена значительная группа монет Алексея Михайловича, которую можно на данном основании датировать временем накануне реформы (1651—1654 гг.). На табл. 12 — это лицевой штемпель *23*. Отсутствие в кладах монет с такими лицевыми сторонами датирует время захоронения их дореформенным периодом (1645—1654 гг.). Нам известно пять кладов, содержащих ранние типы монет Алексея Михайловича. Самыми ранними являются три клада из Москвы: один — хранящийся в ОН ГИМ под № 83168, другой — найденный возле стен Московского Кремля и находящийся в Музеях Московского Кремля, третий — найденный возле ст. Бескудниково Московской обл. (ОН ГИМ 97735). Монеты этих кладов положили начало таблице соотношения штемпелей монет Алексея (лицевые штемпеля *1—17*). В следующем кладе из д. Клинцы Калужской обл. (ОН ГИМ 93961) число типов увеличивается. Здесь встречаются монеты, чеканенные лицевым штемпелем, употреблявшимся для надчеканки «ефимков» в 1655 г. (табл. 12, *23*). Монеты из этого клада включают копейки с лицевыми штемпелями *1—23*. Состав клада из д. Нижние Вологодской обл. (ОН ГИМ 96016) аналогичен предыдущему.

Датировку ранних, дореформенных монет Алексея подтверждает еще одно обстоятельство. При изучении штемпелей золотых наградных монет, приготовленных в 1654 г. для награды войску Б. Хмельницкого, было обнаружено, что для чеканки последних использовались оборотные штемпеля серебряных монет (табл. 12, *21, 24, 25*); они датируются, следовательно, 1653—1654 гг.

И наконец, использование лицевого штемпеля 15 и оборотных 6 и 8 для чеканки медных копеек на Старом Московском денежном дворе во время реформы 1654—1663 гг. еще раз указывает на время изготовления этих штемпелей накануне реформы. Эти штемпеля работают с начала чеканки медных копеек осенью 1655 г.

До сих пор не решен окончательно вопрос о вероятности чеканки серебряных копеек во время реформы. К. В. Базилевич категорически отрицает факт такой чеканки[32]. И. Г. Спасский придерживается иной точки зрения. Он считает, что после 1658 г., когда перед правительством четко вырисовалась перспектива неизбежного возвращения к старой монетной системе, могла иметь место более или менее систематическая чеканка серебряных копеек на всех или на некоторых дворах времени реформы[33].

Серебряные копейки во время реформы были необходимы для внешней торговли, для платежей иностранцам. Однако отправлявшиеся за границу русские купцы в большинстве своем снабжались не серебряными копейками, а талерами. Письменные источники свидетельствуют о том, что русские купцы расплачивались за границей талерами; вообще же в годы реформы правительство поощряло натуральный обмен с иностранными купцами. Запасы серебра в стране были крайне скудны, а нужды войны требовали все увеличивавшихся расходов. Конкретная историческая обстановка в стране, сложившаяся к концу 50-х годов XVII в., не могла способствовать чеканке большого количества монет из серебра в это время. Все силы и средства казны были направлены на чеканку медных копеек, которая временно облегчала тяжелое состояние финансов страны. Надо полагать, что правительство было более заинтересовано в создании запасов серебра в казне в виде талеров, чем в виде серебряных копеек.

Отсутствие каких-либо письменных данных о чеканке серебряных копеек во время реформы ограничивает круг источников одними монетами. Нумизма-

тический материал дает бесспорное доказательство чеканки серебряных копеек в 1655—1663 гг. на открытом на время реформы Новгородском денежном дворе, который должен был чеканить медь. Серебряные копейки Новгородского двора, чеканенные одной парой штемпелей, на лицевой стороне имеют знак денежного двора «НО/ГРД»; на оборотной стороне помещен новый титул царя Алексея Михайловича: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец». Новгородские серебряные копейки широко известны исследователям, факт их чеканки в Новгороде в годы реформы не вызывает сомнений. Но, очевидно, чеканка серебра здесь производилась нерегулярно, отдельными выпусками. Об этом свидетельствуют незначительное количество сохранившихся до нашего времени новгородских серебряных копеек (в собрании ОН ГИМ их всего 4 экз.), а также наличие единственной пары штемпелей, которыми здесь чеканили эти монеты.

Нам известно несколько типов медных копеек московской чеканки, повторяющих тип серебряной копейки. Свидетельствует ли этот факт о чеканке серебряных монет наряду с медными во время реформы или же это совпадение объясняется использованием штемпелей, которыми до и после реформы чеканили серебряные копейки, — сказать трудно. Штемпеля, которые использовались для чеканки серебряных и медных копеек, лишены каких-либо датирующих признаков, не в пример новгородским, где новый титул царя на штемпеле без сомнений позволяет относить время его появления к периоду после присоединения Украины.

Использование штемпелей серебряных копеек для чеканки медных объясняет тот факт, что на таблице соотношения штемпелей серебряных копеек Алексея Михайловича мы не находим никакого разрыва между ранними и поздними монетами, который должен был бы иметь место при девятилетнем (с 1654 по 1663 г.) перерыве в чеканке. Медные копейки связывают дореформенные и послереформенные серебряные копейки в одну группу тесно переплетающихся друг с другом общими штемпелями монет.

Вопрос о чеканке серебряных копеек на всех других, кроме Новгородского, денежных дворах во время реформы 1654—1663 гг. остается открытым. Если их чеканка и имела место на других дворах, то она, без сомнения, производилась спорадически и в очень небольших количествах.

Послереформенные монеты Алексея Михайловича встречены в четырех одинаковых по составу кладах, зарытых в конце его правления: из д. Чурилково Московской обл. (ОН ГИМ 82138), из с. Дубовое Липецкой обл. (ОН ГИМ 94288), из г. Александрово Ивановской обл. (ОН ГИМ 67414), из д. Анциферовская Архангельской обл. (ОН ГИМ 95454). Лицевые стороны монет *31, 32, 33* и *34* (табл. 12) мы встречаем на монетах Федора Алексеевича (1676—1682 гг.) и даже на монетах Ивана и Петра Алексеевичей, чеканившихся с 1682 по 1696 г. Эти лицевые стороны монет следует считать самыми поздними в чекане Алексея Михайловича.

Из всех монет Алексея Михайловича по внешнему виду выделяется группа самых ранних монет (лицевые штемпеля *1—18* и оборотные — *1—15*). Все, сказанное выше о поздних монетах Михаила Федоровича — о сухости и безжизненности их рисунка, однообразии, плоском рельефе и стертости, — относится к этим монетам Алексея Михайловича в еще большей степени. Разборка их по штемпелям представляет очень большие сложности, ибо различать их чрезвычайно трудно. Весовая норма этих монет, видимо, составляла 0,46 г, так как фактический вес их равен 0,44 г (диагр. 38).

Немного лучше выглядят монеты, чеканившиеся непосредственно перед реформой — в 1650—1654 гг. (лицевые штемпеля *19—25,* оборотные *16—26*). Из лицевых штемпелей этой группы выделяется тот, которым надчеканивали ефимки *(23)*. Весовая норма этих монет повысилась до 0,48 г: диагр. веса 39 показывает, что фактический их вес равен 0,46 г.

Монеты, чеканившиеся после реформы, начиная с осени 1663 г., выглядят по-другому (лицевые штемпеля *26—34*, оборотные — *27—42*). Рисунки лицевых и оборотных штемпелей гораздо более индивидуальны, их легче отличить друг от друга. Да и сами монеты имеют лучшую сохранность (хотя и ненамного), более высокий рельеф. Эти наблюдения позволяют предположить, что после реформы были приготовлены новые маточники, возможно, по иной технологии, чем резались маточники начиная с 1644 г.; вполне допустимо предположение, что произошел возврат к прежней технике изготовления, когда изображение и надпись резались, а не составлялись из каких-то стандартизированных элементов.

Улучшение рисунка сопровождалось и улучшением качества монет, хотя чеканились они по-прежнему из серебра талерной пробы*. Реальная весовая норма их составила 0,46 г (диагр. 40); нормативным весом при этом должен был быть вес в 0,48 г, т. е. та весовая норма, которая была установлена денежной реформой 1626 г. и восстановлена после 1650 г.

Недавно была обнаружена и опубликована приписка к Родословцу Лобанова-Ростовского, где во владельческой надписи имеется текст следующего содержания: «В тысече ефимках весу пуд 31 гривенка. В фунте весом 14 ефимков. А в ефимке весу ... золотников (в рукописи оставлено место для цифр. — *А. М.*). А денег выходит из серебра выдел ис полупуда из 2 фунтов 48 золотников 200 рублев. В 10 рублях весу фунт 12 золотников. Во 100 рублях 11 фунтов 24 золотников»[34]. Согласно этой записи «ис полупуда из 2 фунтов 48 золотников», т. е. из 9 кг 214,02 г серебра получалось 200 руб.; один рубль, следовательно, равен 46,07 г, копейка — 0,4607 г. Такая же величина получается при переводе на современные метрологические единицы других цифровых показателей этой записи[35].

Эти наблюдения свидетельствуют, что в XVII в. в денежном деле руководствовались теми же принципами, что и в XVI в.: после ухудшения веса монет, которое совершалось в процессе чеканки в силу разного рода причин, неизменно возвращались к исходной весовой норме. Так было в 1608—1609 и 1610 гг., пока не установилась стабильная пониженная весовая норма четырехрублевой стопы в 1612 г. Однако возвращения к первоначальной норме четырехрублевой стопы — 0,51 г — при Алексее Михайловиче не произошло. В 50-х годах вновь возникла и в послереформенный период закрепилась та весовая норма, которая была введена в 1626 г., — 0,48 г, в практическом воплощении составляющая 0,46 г.

При правлении Алексея Михайловича также чеканились денги и полушки. Денежки на лицевой стороне имели традиционное изображение всадника с саблей, на оборотной — легенду в двух вариантах: одна повторяла обычную краткую формулу легенды денежек «Царь и великий князь Алексей», другая повторяла более пространную формулу, обычную для копеек: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Для их чеканки использовался лице-

---

* Квитанция Московской городской инспекции пробирного надзора Минфина СССР № 36 от 19.3.1963 г.

вой маточник денги времени Федора Ивановича (рис. 3, *а*), «работавший» и при Михаиле; два других были приготовлены заново *(б, в)*. Для оборотных сторон были взяты оборотные маточники копеек Алексея *(б, в)*; впрочем, четыре маточника были приготовлены заново (рис. 3, *а, г, д, е*). Вес 7 денежек собрания ОН ГИМ составляет 0,19 г, 0,22, 0,24, 0,32, 0,33 г — 3 экз.

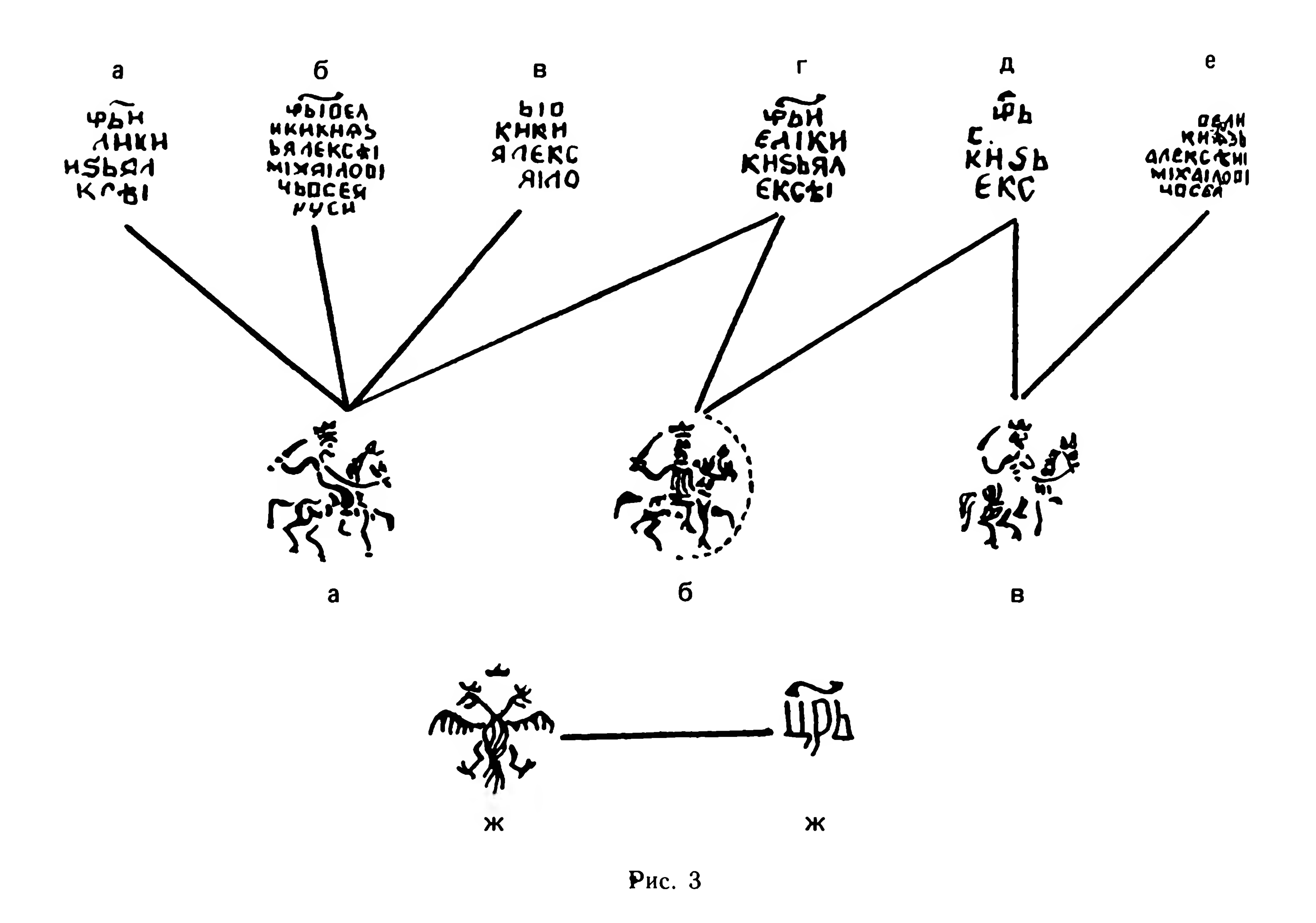

Рис. 3

Описание полушек Алексея Михайловича имеется у Г. Котошихина: «...полушки, четвертая доля копеек, денег половина, на одной стороне голубь, а на другой написано «царь»»[36]. Такое же описание полушки дает Кильбургер[37]. Описание это неточно. Голубь был изображен на полушках Михаила Федоровича, а на полушках Алексея Михайловича изображался двуглавый орел с коронами.

В собрании ОН ГИМ имеется 10 экз. полушек этого времени (рис. 3, *ж—ж*). Средний вес их близок 0,11 г (0,11 г — 6 экз., 0,12 — 2, 0,13 г — 2 экз.).

Время начала чеканки денежек устанавливается довольно точно по кладу ранних монет Алексея Михайловича из Музеев Московского Кремля. На 58 экз. монет Алексея Михайловича приходится 24 экз. копеек и 34 экз. денежек. Следовательно, чеканка денежек началась сразу после вступления Алексея на престол. Об этом же свидетельствует использование для чеканки денежек раннего оборотного штемпеля серебряных копеек Алексея Михайловича (табл. 12, *3*).

Однако датировать другие типы денежек не представляется возможным. Неизвестно, чеканились ли они на протяжении всего царствования Алексея, как во время Михаила Федоровича, или же их чеканка производилась только в начале правления. В других кладах XVII в. денежек Алексея больше не встречалось.

Еще труднее датировать чеканку полушек, которые вообще не попадались в кладах времени Алексея Михайловича. Скорее всего, чеканка всех номиналов — копеек, денежек и полушек — производилась с самого начала правления. Но как долго и в каких масштабах продолжалась чеканка мелких номиналов — сказать нельзя за неимением данных.

Улучшение внешнего вида и качества русской копейки после 1663 г., возможно, следует связывать с важнейшим событием экономической жизни страны — подготовкой и введением в 1667 г. Нового Торгового Устава. Он должен был упорядочить торговые отношения, и улучшение монеты в этой связи было бы мерой вполне закономерной.

Новый Торговый Устав попытался решить наиболее болезненную проблему русского денежного хозяйства — снабжение сырьем денежных дворов. Вследствие безрезультатных в XVII в. поисков серебряных руд решение вопроса о сырье для чеканки упиралось во внешнюю торговлю. Наряду с целой системой протекционистских мер, направленных на регламентацию внешней торговли в пользу русского купечества, Устав вводил одно важное правило: уплата всех пошлин иностранными купцами производилась отныне только в иностранной золотой и серебряной монете. В результате пошлина с иностранных купцов увеличилась на 28%, поскольку казна получала дополнительную прибыль от перечеканки ефимков в русские копейки[38]. Характерно, что пошлины с восточных купцов, греков и молдаван в Астрахани и Путивле были не только ниже, чем в Архангельске и порубежных городах на северо-западе страны, но и не оговаривались как непременным условием выплатой их иностранной монетой.

О том значении, которое придавалось уплате пошлин только иноземной монетой, свидетельствует краткое содержание Нового Торгового Устава, состоящее из семи статей, которое было передано 27 апреля 1667 г. стряпчему иностранцев Г. Николаеву для посылки за границу и для ознакомления с ним иностранцев в России, поскольку этот документ не был еще размножен в достаточном количестве экземпляров. В этой сокращенной редакции Устава в первую очередь были приведены статьи, где говорилось об уплате пошлин иностранной монетой[39].

Введение обязательной уплаты пошлин только талерами или золотыми монетами преследовало двоякую цель. Прежде всего приток талеров в казну теперь должен был значительно увеличиться. Кроме того, этот порядок отвергал уже в зародыше самую мысль о возможности преобразования русской денежной системы, а также идею о свободном хождении в России иноземной монеты, о чем не раз заговаривали с русским правительством иностранные дипломаты и писал в своем проекте преобразования русского денежного хозяйства Юрий Крижанич. Перечеканка ефимков в русские копейки оставалась одной из выгоднейших статей доходов русской казны. Это было воплощением полного торжества идей меркантилизма на русской почве, впрочем, как и весь Новый Торговый Устав.

Порядок взимания пошлин иностранной монетой был, по всей видимости, выгоден и для иностранного купечества. Об этом можно судить по тому, что предложения П. Марселиуса, иностранца, проживавшего в Москве и тесно связанного с русской промышленностью, направленные русскому правительству

в 1669—1671 гг. с целью смягчить наиболее решительные протекционистские тенденции Нового Торгового Устава, целиком поддерживали те статьи, где говорилось о порядке взимания пошлин иностранной монетой. В своих предложениях П. Марселиус заходил еще дальше: он, например, считал, что нужно разрешить свободный провоз по стране золотых монет, их продажу и расплату ими за товары, а также беспошлинную покупку и вывоз за рубеж русских товаров, приобретенных за деньги, полученные от сдачи в казну золотых и ефимков[40]. За этими предложениями крылись далеко идущие планы: свободная продажа на русском внутреннем рынке золота, которое очень охотно скупалось восточными купцами и которого не было у русского купечества, приносила бы иноземцам значительные выгоды. А беспошлинная покупка русских товаров и вывоз их за рубеж была беззастенчивой попыткой использовать тяжелое положение русской торговли, отрезанной от мировых торговых путей и вынужденной принимать дорогостоящее посредничество иноземного купечества, которое по дорогой цене перепродавало русские товары в Европе. Предложения П. Марселиуса в значительной своей части были отвергнуты, но сама их направленность отчетливо свидетельствует о той роли, которую играла в русской экономике торговля иноземной монетой на русском рынке, и о взаимной заинтересованности в ней и иностранных купцов, и русской казны.

Об интересе иноземцев к русской монете, вернее, к тем доходам, которые получала русская казна от перечеканки талеров в проволочную копейку, свидетельствуют приведенные выше акции: чеканка русских копеек из собственного сырья, предпринятая в конце XVI в. купечеством Московской Английской компании, выпуск «воровских» копеек шведами после 1617 г. и, наконец, самая крупная по масштабам операция датского купечества по выпуску деннингов. Все эмитенты строили свои расчеты на выгоде от чеканки русских копеек из собственного, не обложенного пошлинами, непокупного серебра и на том дополнительном доходе, который получался от чеканки «воровских» копеек, подражающих монетам трехрублевой стопы, ценившихся на русском рынке выше, чем монеты четырехрублевой стопы, и выменивавшихся казной «с наддачей».

Медные монеты Алексея Михайловича

В результате денежной реформы 1654—1663 гг. образовалось небывалое для России XVII в. количество денежных дворов. В начале реформы, когда правительство еще питало иллюзии относительно возможности усовершенствования русской денежной системы, дополнительные дворы открывать не собирались. Вся чеканка монет должна была сосредоточиться на Новом денежном дворе в Москве. Необходимость заставила отказаться от первоначальных замыслов и начать чеканку медных копеек по курсу серебряных. Для этого пришлось пустить в ход еще несколько денежных дворов: Старый — в Москве, открыть вновь денежные дворы в Новгороде и Пскове, основать денежный двор в Кукенойсе — крепости на Западной Двине, отвоеванной у шведов в 1656 г.

В собрании ОН ГИМ хранится более 20 000 медных копеек. Паспорт коллекции утерян и восстановить ее происхождение невозможно. Но несомненно, она образовалась за счет нескольких кладов медных копеек, когда-то поступивших в музей. Поэтому состав коллекции в известной степени должен отражать состав денежного обращения во время повсеместного распространения медных копеек после 1655 г.

Медные копейки распределяются по месту чекана. В коллекции ОН ГИМ насчитывается 16 586 экз. копеек Псковского денежного двора, 3 764 московских, 259 кукенойских и 109 экз. новгородских копеек.

Клады медных копеек встречаются сравнительно часто. Краткие сведения о четырех кладах медных денег приводит Н. И. Булычев[41]. Однако использовать их невозможно, так как он делит все медные копейки только на две категории — московские и псковские. Сведения о кладах ограничиваются сообщениями о количественных соотношениях московских и псковских монет. Места находки этих кладов, за исключением одного, найденного в Москве, неизвестны. В настоящее время удалось обработать шесть кладов медных монет*; в общей сложности зафиксированы находки 36 кладов с медными копейками**.

Клады медных монет сложились приблизительно в одно время — около 1663—1664 гг., поэтому использовать их для систематизации довольно затруднительно.

Как известно, в России с 30-х годов XVII в. единственным денежным двором остался Московский двор, чеканивший серебряные копейки. В начале реформы 1654—1663 гг. для чеканки монет нового типа был создан Новый Московский денежный двор («Английский»). В исторической литературе утвердилось мнение, что Старый двор на время реформы был закрыт[42]. Чеканку новых монет крупных номиналов, предусмотренных реформой, нельзя было производить при помощи старой примитивной ручной техники, которой пользовались при чеканке серебряных копеек.

Однако есть все основания считать, что ни в начале реформы, в июне 1654 г., ни в последующее время Старый денежный двор не закрывался, хотя чеканка серебряных монет на нем была прекращена. Он использовался для других целей.

На Старом денежном дворе чеканились копеечными штемпелями наградные золотые монеты, предназначенные для войска Хмельницкого. Оборотные стороны золотых монет достоинством в $^1/_4$ червонца чеканены штемпелями серебряной копейки 1645—1654 гг. (табл. 12, оборотные штемпеля *21, 24* и *25*), а золотые наградные копейки воспроизводят полностью тип лицевой и оборотной сторон серебряных московских копеек. И. Г. Спасский тоже предполагал, что Старый денежный двор мог быть сохранен на время реформы как место чеканки золотых наградных монет[43]. Обнаруженная общность штемпелей золотых и серебряных монет не оставляет в этом сомнений.

Надчеканка талеров копеечными лицевыми штемпелями («признаками») в 1655 г. также, очевидно, производилась на Старом дворе. Выше уже отмечалось, что надчеканенный штемпель (табл. 12, *23*) использовался до реформы для чеканки большой группы серебряных копеек. Надчеканка талеров датируется 1655 г.[44] Следовательно, Старый денежный двор продолжал работать и в 1655 г.

Следующий этап реформы — отказ от чеканки всяких крупных номиналов, в том числе и от надчеканки талеров, и возвращение к старой копеечной системе к концу 1655 г. — тоже теснейшим образом связывается со Старым денежным

* ОН ГИМ 101858, 980 экз., ВОКМ 2791, 2270 экз., НМ 251, 4787 экз., ОН ГЭ XI, 1772 экз., ОН ГЭ 44[а]/519, 2868 экз., ОН ГЭ 583/873, 2763 экз.

** Сводка кладов с медными копейками приведена в работе: Мельникова А. С. Клад русских медных монет XVII в. из Московской области//НС. — 1971. — Т. 4. — Вып. I. — С. 68—73; в настоящее время к списку кладов добавились два клада из Брянской обл. (БОМ 5022-I и БОМ 8187).

двором. В отличие от дореформенных новые копейки должны были чеканиться из меди; никакой другой разницы ни во внешнем виде, ни в технике чеканки между ними не было. Указ от 15 сентября 1655 г. обязывал открыть денежные дворы в Новгороде и Пскове, чтобы «медные деньги грошевики (двухкопеечники, отличающиеся от копеек только по весу. — *А. М.*), двухденежники (копейки. — *А. М.*) и денежники делать наспех, днем и ночью с великим радением». В Москве было велено «о денежных мастерах ... бирючем кликать», набрать их 80 человек и организовать там также чеканку медных монет тех же достоинств[45].

Для чеканки медных копеек уже не требовалось какого-либо нового оборудования, это было возвращением к старой привычной технике. Новый Московский двор, образованный, как выше говорилось, для чеканки новых крупных монет, к чеканке копеек не был приспособлен. Очевидно, в приведенном документе речь идет именно о Новом денежном дворе, на который нужно было дополнительно набрать 80 человек для подготовки двора к чеканке копеек.

Старый денежный двор, с его налаженным производством копеек и многочисленными опытными рабочими (там насчитывалось к середине века одних только квалифицированных мастеров около 200 человек)[46] мог включиться в чеканку медных копеек сразу после указа 15 сентября 1655 г.

Московские медные копейки имеют два знака денежного двора — о/М и МД (рис. 4). По соотношению штемпелей монеты разбились на две не связанные между собой группы: в одну входили монеты со знаком МД, в другую — со знаком о/М. Внутри групп монеты оказались тесно взаимосвязанными. Несомненно, обе группы чеканились в разных центрах. Сразу можно было предположить, что на Старом денежном дворе чеканилась группа монет со знаком о/М — это был традиционный знак Московского денежного двора. Действительно, это предположение подтвердилось тем, что нашлись медные копейки о/М, чеканенные теми же штемпелями, что и дореформенные серебряные копейки. У группы с МД никаких общих связей с серебряными копейками не обнаружилось. Следует думать, что именно эти монеты чеканились на Новом денежном дворе.

Медные копейки *Старого денежного двора* (рис. 4, *а, б, в*) составляют довольно большую в количественном отношении группу. В собрании ОН ГИМ их насчитывается 3589 экз. — цифра, намного превышающая общее количество известных нам монет всех денежных дворов времени реформы, исключая Псковский двор. В кладе медных монет из Новгородской обл. насчитывается псковских копеек 2611 экз., московских копеек со знаком о/М — 1541 экз., со знаком МД — 79 экз., новгородских копеек — 301 экз. и кукенойских — 188 экз.

Один из первых штемпелей, изготовленных на Старом денежном дворе, содержал новый титул царя: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя России самодержец». Впервые такой титул встречается на крупных серебряных монетах 1654 г. Но на медных копейках этот штемпель оказался единственным в своем роде. Очевидно, в дальнейшем для столь тщательной работы не было времени, требование чеканить «днем и ночью наспех» заставляло мастеров Старого денежного двора пойти по более легкому и привычному пути — остальные оборотные штемпеля делаются с кратким титулом, употреблявшимся на серебряных копейках: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Рисунок лицевой стороны на монетах делался все более небрежным, торопливым, новые штемпеля, которыми чеканились монеты, отделывались плохо, не «почищались», они были очень плоскими и быстро стирались.

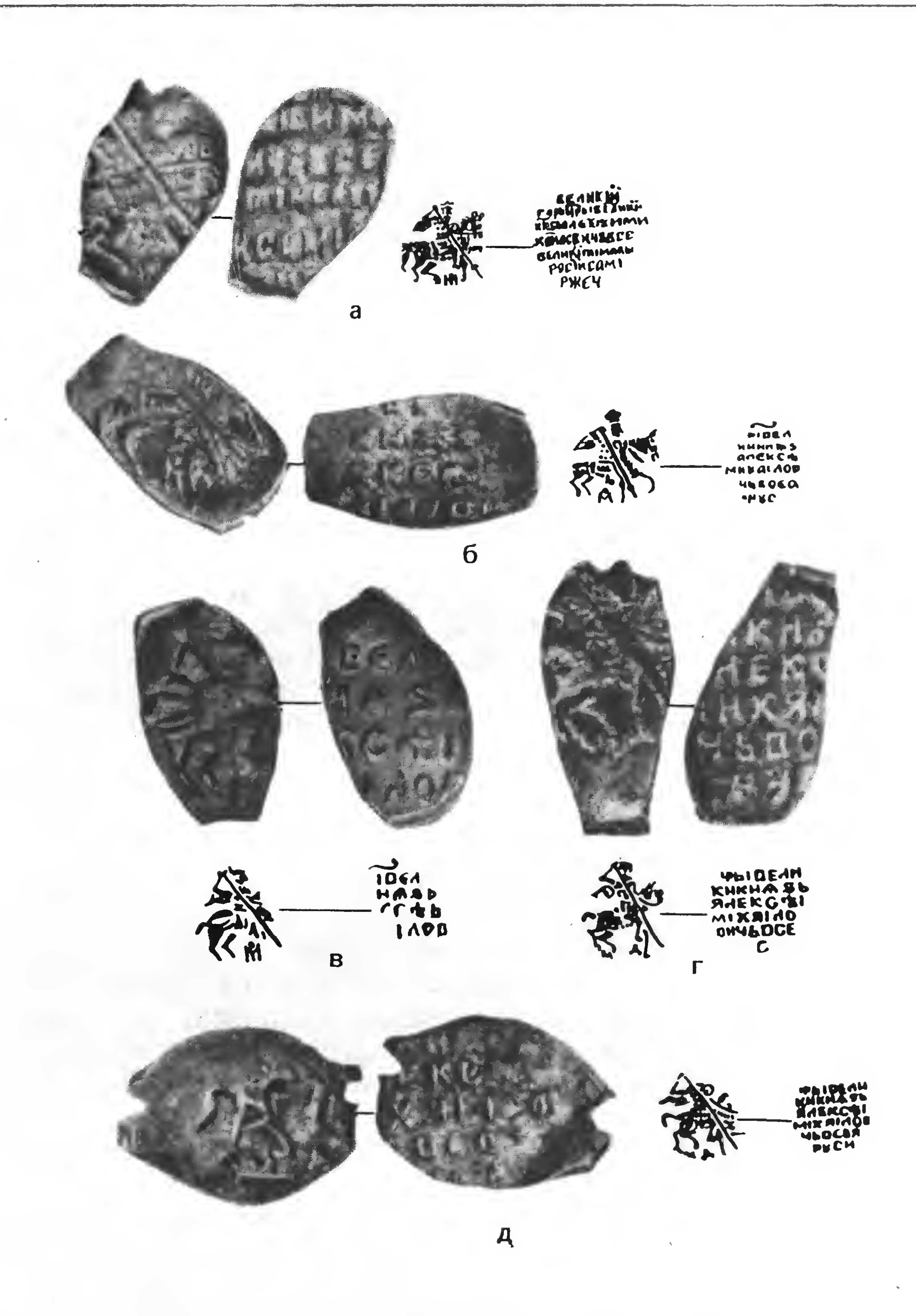

Рис. 4. Медные копейки Алексея Михайловича. Московские денежные дворы

Основная масса монет Старого денежного двора характеризуется очень плохой сохранностью, почти совершенно стертыми изображениями. Медные копейки в этом отношении мало отличаются от серебряных копеек Алексея Михайловича; очевидно, это происходило потому, что при чеканке тех и других использовалась одинаковая техника изготовления штемпелей.

Из всех номиналов, перечисленных в сентябрьском указе 1655 г. о начале чеканки медных монет, нам известны только копейки и денежки, чеканившиеся на Старом денежном дворе. Денежки чеканены старым лицевым штемпелем Михаила Федоровича, употреблявшимся и для чеканки серебряных денежек

Алексея Михайловича. Оборотные штемпеля были сделаны заново. Встречаются два типа надписей: «Царь и Великий князь Алексей» и «Царь и великий князь Алексей всея Руси». В собрании ОН ГИМ хранится 59 экз. денежек Старого денежного двора[47].

Медные копейки со знаком МД, чекана *Нового денежного двора* (рис. 4, *г, д*), насчитываются в сравнительно небольшом количестве. В собрании ОН ГИМ их хранится 175 экз., в новгородском кладе медных копеек — 79 экз. Очевидно, Новый денежный двор, так же как и при чеканке крупной серебряной монеты в 1654 г., не сумел наладить интенсивного производства. Одной из причин небольшого объема продукции Нового двора было недостаточное снабжение его медью.

Монеты Нового денежного двора выгодно отличаются от монет Старого двора. Рисунки лицевых сторон очень изящны, пропорциональны, монеты имеют высокий рельеф, буквы отчетливо видны. Однообразие приемов исполнения рисунков и надписей на основной массе монет свидетельствует о том, что маточники резал опытный мастер.

На копейках с МД легенда с новым титулом не встречается вовсе; там употребляется краткий, дореформенный титул царя, уже знакомый нам по серебряным копейкам и по части медных копеек Старого денежного двора.

Из числа чеканившихся на Новом денежном дворе после 1655 г. номиналов нам известны описанные выше копейки, которые хранятся в коллекции ОН ГИМ и о которых сообщается в письменных источниках; письменные источники упоминают о чеканке на Новом дворе денежек, но в собрании ОН ГИМ их не оказалось, и типы денежек Нового денежного двора нам неизвестны.

Между Старым и Новым денежными дворами существовали тесные производственные связи. Когда в июне 1654 г. Новый денежный двор был открыт, на него было прислано десять человек со Старого денежного двора; голова Нового двора, гость Афанасий Нарбеков, просил Приказ Большой казны, ведавший всеми денежными дворами в государстве, «чтоб к тем людям в прибавку для твоего государева ефимочного дела поспешенья прислать з Денежного двора денежных мастеров»[48]. В 1659 г. на Новый денежный двор было передано 45 человек со Старого денежного двора. Это были квалифицированные мастера: чеканщики, волочильщики, бойцы, кузнецы; несколько раньше были переданы два волочильщика с Нового двора на Старый двор[49]. Однако штемпеля для чеканки монет со двора на двор не передавались. Мы не находим ни одного общего штемпеля монет с о/М и монет с МД. Каждый двор управлялся своей администрацией. Современники отчетливо различали эти два двора. В донесении от 21 ноября 1661 г. из Олонца о большом количестве появившихся там «воровских» медных денег сообщается: «А казенные деньги Вашего царского величества можно с воровскими вскоре разобрать, потому на Москве денежных Вашего царского величества два двора...»[50].

Псковский денежный двор начал чеканить медные монеты с октября 1655 г., после того как он был переоборудован. На Псковском денежном дворе, так же как и на прочих дворах времени реформы, должны были чеканить грошевики, двуденежники и денежники. Документы указывают еще один вид продукции Псковского денежного двора — алтынники[51]. Медные алтынники времени реформы — большая редкость в нумизматических собраниях. Очевидно, их чеканили в ограниченном количестве. И. Г. Спасский опубликовал алтынники Псковского двора, хранящиеся в ОН ГЭ[52], с буквой П под ногами коня — знаком Псковского денежного двора. Псковские грошевики нам неизвестны.

Из всех чеканившихся на Псковском денежном дворе номиналов до нас дошли в большом количестве только копейки (рис. 5, *е*). На лицевой стороне они имели традиционное для копеек изображение всадника, но не с копьем, а с жезлом в руках — по образцу крупных номиналов первых лет реформы. Надпись на оборотной стороне воспроизводила новый титул царя, дополненный включением «Белой Росии»: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец». Другая надпись на псковских копейках «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Росии самодержец» наблюдается всего на четырех типах псковских монет. Под ногами коня на лицевой стороне помещалась буква П, обозначавшая место чеканки. На одном типе монет удалось разобрать буквы ПСК.

Для псковских монет характерны тщательное исполнение, четкие изящные рисунки и надписи.

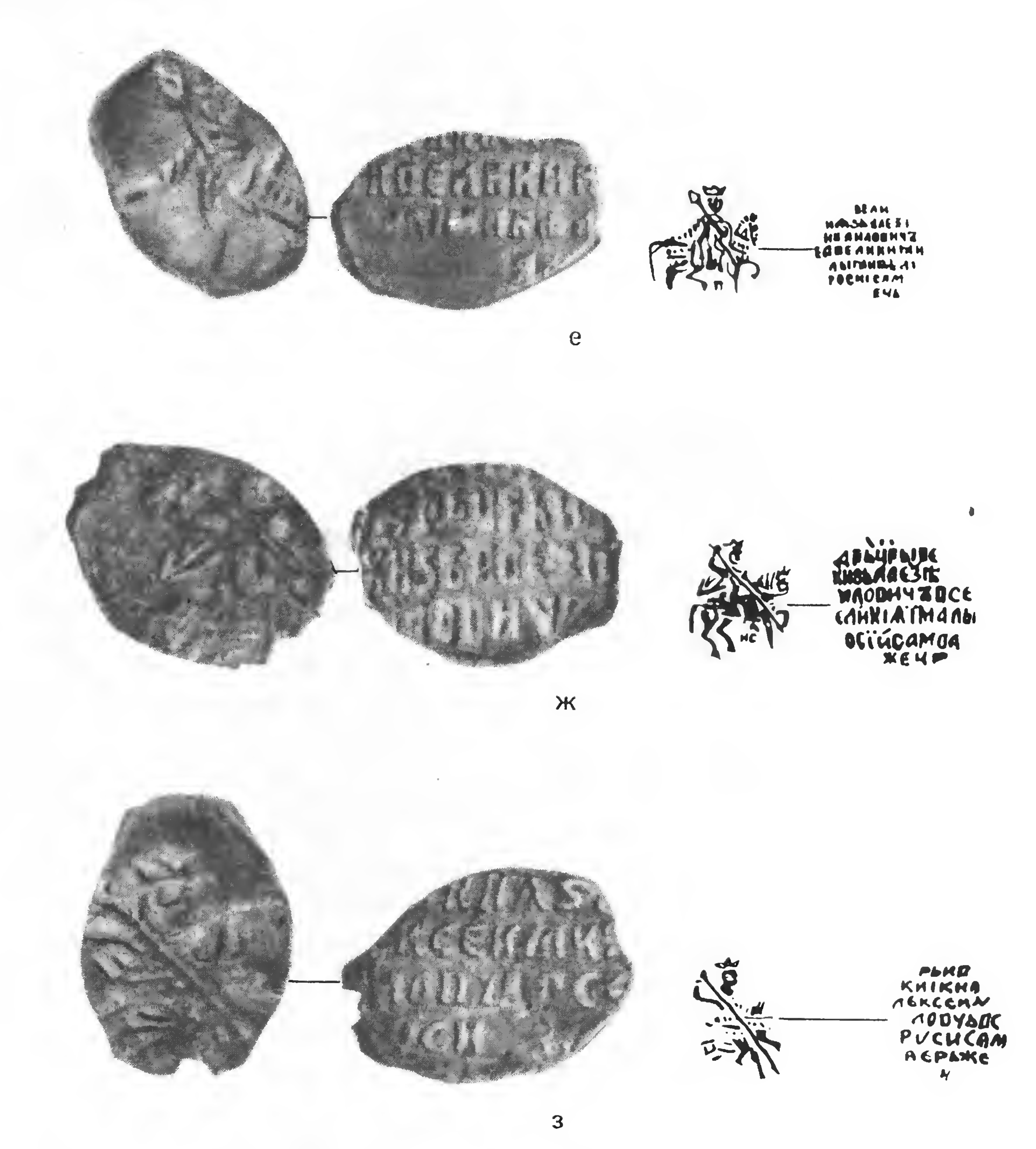

Рис. 5. Медные копейки Алексея Михайловича. Псковский, Новгородский и Кукенойский денежные дворы

Псковский чекан отличается очень большим разнообразием, обилием типов монет. Нами выявлено 107 типов псковских монет, и, разумеется, это не является пределом — новые находки могут увеличить их количество. На Старом денежном дворе, где также наблюдался очень большой размах чеканки, насчитывается всего 71 различный тип. Обилию типов псковских монет соответствует и обилие экземпляров в коллекциях и кладах.

В собрании ОН ГИМ хранятся 4 экз. медных денежек, относящихся, на наш взгляд, к псковскому чекану. Правда, на них не имеется знака денежного двора, но стилистические особенности изображения и надписи очень сближают их с псковскими копейками (рис. 6, *а*).

О начале чеканки медных монет на *Новгородском денежном дворе* точных данных не имеется. Очевидно, чеканка там началась в одно время с псковской. Здесь чеканились те же номиналы, что и в Пскове (рис. 5, *ж*).

На копейках новгородского чекана изображался всадник с копьем, в длинной одежде. Под ногами всадника помещался знак денежного двора — буквы НО. Известны всего две разновидности лицевого штемпеля новгородских медных копеек. Оборотные стороны этих копеек содержат новый титул царя в двух вариантах: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя Росии самодержец» и «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец». На одном типе монет воспроизводится краткий титул: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси». Известно пять оборотных штемпелей медных новгородских копеек. Любопытной особенностью новгородского чекана является использование штемпелей другого денежного двора. Два типа новгородских монет чеканены оборотными штемпелями Старого Московского двора. Оба присланные из Москвы штемпеля разнотипны — один имеет легенду с распространенным титулом (но без включения «Белой Росии»), другой — с кратким титулом. Напрашивается предположение, что эти штемпеля были присланы при организации Новгородского денежного двора в качестве образца для местных мастеров, а затем были использованы непосредственно для чеканки. Третий тип оборотного новгородского штемпеля — с новым титулом и с включением «Белой Росии» — находит аналогию в псковском чекане, однако полного совпадения новгородских и псковских штемпелей не наблюдается. Очевидно, в Новгороде просто скопировали псковскую монету.

Рис. 6

Новгородские копейки — самая малочисленная группа медных копеек.

В собрании ОН ГИМ хранится одна медная денга, без сомнения, относящаяся к новгородскому чекану. На лицевой стороне здесь изображен типичный для новгородских монет всадник в длинной одежде (рис. 6, *б*), оборотная сторона чеканена штемпелем новгородских медных копеек.

Из письменных источников известно, что в Новгороде чеканились алтынники и грошевики, но в нумизматических коллекциях и кладах они не встречены[53].

О чеканке монет на *Кукенойском денежном дворе* времени реформы известно из сообщения Григория Котошихина о денежной реформе: «Царь велел на Москве и в Новгороде, и во Пскове, а потом и в Куконаузе делать на дворах своих денги медные, алтынники, грошевики, копейки, против старых серебря-

ных денег»[54]. Никаких других письменных сведений о чеканке в Кукенойсе пока не найдено; до последнего времени не были известны и монеты Кукенойского денежного двора. Скудность сведений об этом дворе вынуждала исследователей говорить о чеканке в Кукенойсе с некоторой осторожностью, хотя отрицать сообщение Котошихина не было видимых оснований[55].

В настоящее время монеты Кукенойского денежного двора определены. Это — более двух десятков различных типов медных копеек с буквами ЦА под ногами коня (рис. 5, *з*). Они были известны нумизматам давно, но никто не пытался расшифровать, какой именно денежный двор скрывается за этим знаком. И. Г. Спасский предложил читать его как «ЦАРЕВИЧЕВ» и чеканку монет с этим знаком отнести к Кукенойсу на том основании, что Кукенойс был переименован русскими в Царевичев-Дмитриев город; буквы ЦА с полным основанием могут читаться как начало нового названия города[56].

Рисунок лицевой стороны кукенойских монет имеет ряд своеобразных черт, отличающих эти монеты от прочих медных копеек. Изображен всадник с копьем, в большой зубчатой короне, сидящий на большеголовом коне. Под конем буквы ЦА или Ц. Оборотные стороны имеют две разновидности легенды: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец» и «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержец». Связи по штемпелям объединяют эти монеты в единую группу.

Кукенойс — шведская крепость, расположенная на правом берегу Западной Двины, немного юго-восточнее Риги, — был взят русскими войсками во время русско-шведской войны, 13 августа 1656 г. По Кардисскому миру в июле 1661 г. Кукенойс был возвращен шведам. Денежный двор здесь был организован не сразу: весной 1658 г. его еще, по всей вероятности, не было. 9 апреля 1658 г. воевода Кукенойса А. Л. Ордин-Нащокин жаловался царю, что «в Царевичеве-Дмитриеве на апрель месяц кормовых денег нет же, и впредь без присылки денег на корм начальным людем и солдатам дать нечего»[57]. Провинциальные денежные дворы должны были отправлять готовую продукцию в Москву; лишь по распоряжению из Москвы местные власти могли использовать некоторые суммы с денежного двора для местных нужд, в том числе и на оплату регулярной армии, расквартированной близ этих городов. Такой же порядок должен был соблюдаться и в Кукенойсе. В вышеприведенной отписке Ордина-Нащокина нет ни малейшего намека на какой-либо иной источник получения денег, кроме «присылки». Если бы в городе функционировал в это время денежный двор, вряд ли положение было бы столь отчаянным, да и характер жалобы воеводы был бы иным. К тому же указание в письме, что денег для жалованья нет не только в апреле, но не будет и впредь, снимает, на наш взгляд, предположение, что здесь может идти речь о каких-то временных перебоях в работе денежного двора (если считать, что двор работал в 1658 г.), например из-за нехватки меди и т. п. Исходя из этих соображений мы датируем открытие денежного двора в Кукенойсе концом 1658 — началом 1659 г. Закрыт двор был, очевидно, не позднее конца июля 1661 г., когда город был возвращен шведам.

За этот сравнительно короткий срок существования денежного двора он работал довольно интенсивно — об этом свидетельствует гораздо большее по сравнению с новгородским чеканом количество известных нам кукенойских монет, большое количество типов.

О деятельности Кукенойского денежного двора сохранилось очень мало сведений: архив Приказа лифляндских дел, созданного в середине XVII в. для

управления захваченными у Польши и Швеции прибалтийскими городами, не сохранился. Дела этого архива могли бы, очевидно, дать много интересных сведений об экономической и политической жизни Кукенойса в эти годы, о деятельности Кукенойского денежного двора. В настоящее время главным и, по существу, единственным источником по истории денежного двора в Кукенойсе являются сами монеты[58].

* *
*

Организация денежных дворов в Пскове и Новгороде в годы денежной реформы отличалась некоторым своеобразием по сравнению с центральными денежными дворами в Москве.

Это сказывалось прежде всего в ином порядке управления дворами со стороны центральных правительственных учреждений. Все денежные дворы в Русском государстве находились в ведении Приказа Большой казны. Московские денежные дворы были в полной зависимости от него. Через Приказ Большой казны комплектовалась рабочая сила, утверждались голова и целовальники, присылались стрельцы для охраны двора; получением сырья, распределением готовой продукции также распоряжался только Приказ Большой казны. Он же служил высшей судебной инстанцией для работников денежных дворов.

На периферийных денежных дворах все обстояло несколько иначе. Многие функции Приказа Большой казны здесь выполняли воеводы. Через них, очевидно, производился набор рабочих. Так было на Новгородском денежном дворе, когда в августе-сентябре 1660 г. назначенный воеводой для ревизии денежного двора новгородец, посадский человек, избрал 90 новых мастеров. Денежные мастера набирались из вольных торговых людей. Ни в псковских, ни в новгородских источниках нет упоминаний об использовании на денежных дворах принудительного труда, как это имело место на Новом («Английском») денежном дворе. Возможно, использование принудительного труда на денежных дворах XVII в. не было правилом и к нему прибегали только во время реформы, когда в Москве работали два больших денежных двора, которым не хватало рабочей силы.

Не исключено, что штат администрации Псковского и Новгородского денежных дворов был меньше, чем Московских дворов. Сравнивая имеющиеся данные о составе администрации Нового («Английского»), Псковского и Новгородского денежных дворов, можно убедиться в том, что лишь должности головы и целовальников были обязательными; сведения о дьяках и полуголовах встречаются только в источниках о Московском дворе. Надо полагать, дворянин, ведавший всем денежным производством, имя которого встречено в делах Нового («Английского») двора, нес ответственность за работу всех денежных дворов.

Документы Псковского и Новгородского дворов не указывают, на какие категории рабочих делились работники денежных дворов. Все они объединены общим названием «денежные мастеры». Видимо, на этих денежных дворах, где техника чеканки монет ничем не отличалась от техники чеканки на прочих русских денежных дворах XVII в., существовал такой же порядок изготовления монет, работали те же категории рабочих.

Положение денежных мастеров в Пскове и Новгороде в общих чертах не отличалось от положения мастеров, работавших в Москве. Московские денежные мастера при поступлении на работу давали присягу в том, что они будут честно

УПРАВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫМИ ДВОРАМИ ВО ВРЕМЯ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1654—1663 гг.

Должностные лица	7162	7163	7164	7165	7166	7167	7168	7169	7170	7171
	1653/1654	1654/1655	1655/1656	1656/1657	1657/1658	1658/1659	1659/1660	1660/1661	1661/1662	1662/1663
Новый («Английский») денежный двор										
Дворянин	Боярин князь Михаил Петрович Пронский								Михаил Клешнин	Артемий Михайлович Рчинов
Дьяк						Сила Бахтеев	Ефим Плохово		Василий Солохов	Семен Карево
Голова		Гость Афанасий Нарбеков			Кузьма Антонов	Филипп Добронин	Федор Нестеров	Дмитрий Денисов	Петр Облезов	Матвей Антонов
Полголова										Ефим Клюквин
Целовальник		Микишка Малыгин и Мишка Ключарев				Василий Савельев и Иван Прасолов			Юшка Филанин	Афанасий Панкратов и Яков Лабазнов
Псковский денежный двор										
Голова		Иван Дмитриев				Сергей Иванович Поганкин			Никита Михайлов	Федор Торопченин
Целовальник						Михаил Минин и Семен Рыжков	Фома Парфенов и Иван Афанасьев			
Новгородский денежный двор										
Голова				Денис Иванов	Иван Денишин	Василий Никифоров	Андрей Земский			
Целовальник			Гаврила Сидоров			Иван Пискулин	Яков Андрианов		Ульян Пискулин	

Источники: ЦГАДА. Аптекарский приказ. — ф. 361/1; Приходо-расходные книги Псковского денежного двора за 7164 (1655—1656) и 7167 (1658—1659) гг.//Псковский областной историко-художественный музей-заповедник. — № 295/49, 298/49; ЦГАДА. Разрядный приказ. Безгласный стол. — ф. 210. —Стб. 80. — Л. 84—98.

работать; за них ручались поручители; «поручные записи» на каждого денежного мастера хранились на денежном дворе[59]. Хотя в псковских и новгородских источниках нет упоминаний о порядке приема на денежный двор мастеров, нет оснований считать, что в Новгороде и Пскове был какой-либо другой порядок. На этих дворах так же, как и в Москве, денежные мастера должны были подчиняться определенной дисциплине, о чем свидетельствует «отписка» московского служилого человека Никиты Зузина, направленного в 1659 г. «к боярину и воеводе ко князю Григорью Семеновичу Куракину в товарищи» в Новгород[60]. Зузин возмущался нарушением общепринятых правил, когда после уличения в «воровстве» денежные мастера Новгородского двора (60 человек) «из двора сошли самовольством, и записи им выданы и во всем им послабление» вместо того, чтобы «наказанье учинить за их воровство». Он же жаловался на то, что на Новгородском денежном дворе «мастеры ходят из избы в избу повольно и их ни в чем не обсматривают», т. е. и на Новгородском денежном дворе мастера должны были находиться под контролем — правило, которое здесь, правда, не соблюдалось.

Судопроизводством периферийных денежных дворов ведал воевода. Воевода начинал сыскное дело и в его власти было — решать это дело на месте или передавать его дальше, в Москву. Так, в Новгороде воевода начал сыскное дело против головы Василия Никифорова. Так же, как и для московских денежных дворов, высшей судебной инстанцией здесь был Приказ Большой казны.

Нет прямых доказательств утверждения воеводами администрации периферийных денежных дворов, это можно лишь предположить исходя из функций воеводы в городе. Однако нет никаких свидетельств и о том, что в такие дела вмешивался Приказ Большой казны, как это имело место в Москве.

Весьма существенная разница между московскими и периферийными дворами существовала в порядке снабжения дворов сырьем для чеканки монет. Если в Москве денежные дворы получали медь только через Приказ Большой казны, который имел свой штат поставщиков меди, то в Новгороде и Пскове снабжением сырьем ведали денежные дворы — только они имели право покупать медь. Новгородские источники свидетельствуют, что «по великого государя указу меди не велено покупать никакова чину людем наугородцем, кроме денежного двора», под страхом «наказанья без пощады». О правилах медной торговли сообщает также грамота от 12 февраля 1662 г. тихвинскому архимандриту, которому новгородский воевода велит «заказ учинить крепкой у которых людей есть продажная красная медь, и они б на сторону никому не продавали, и в отвоз никуда не возили, а продавали б тое медь целовальнику Ульяшке Пискулину, а деньги за тое медь он, Ульяшка, учнет давать по цене безволокидно: а будет тихвинцы посадские или приезжие люди учнут медь таить и на сторону продавать, или в отвоз возить, а после про то сыщется, и тое медь возьмут на великого государя безденежно, а тем людям, кто медь на сторону продает или в домах таит, и по указу великого государя учинят наказанье без пощады»[61]. Одним из главных преступлений головы Новгородского двора Василия Никифорова, судя по «отписке» Никиты Зузина, была покупка меди «на себя», а не для денежного двора.

Денежные дворы покупали медь в любых количествах. В приходо-расходных книгах Псковского двора, в записях о покупке меди указываются партии меди размером от 2—3 (таких записей большинство) до 160 пудов. Основную массу продавцов меди составляли посадские торговые люди. Крупным купцом был посадский человек псковитин Ананья Меньшиков, продавший 25 сентября 1658 г. на Псковский двор 160 пудов 70 гривен меди. Он торговал медью

с 1655 г., «как завелся во Пскове денежный двор», ездил за медью в Ригу, Колывань, Ругодив, ездил сам и «приказчиков своих посылал»[62]. Среди продавцов меди на Псковский денежный двор несколько раз встречается фамилия псковского стрельца Нефедки Калачника, который по записи в книгах Псковского двора продал в 1658 г. 2 пуда 24 гривенки меди; он же продавал на денежный двор пеньку. В 1663 г. Нефедка Калачник купил в Риге для перепродажи на денежный двор 10 берковцев меди[63]. Много меди — 56 пудов 37 гривенок поступило в 1658 г. на Псковский двор от посадского человека псковитина Анкидина Алексеева. Среди продавцов меди на Псковский двор упоминаются и иногородцы: Василий Челищев из Торопца (продал 10 пудов 38 гривенок), Максим Ушаков из Пустозера (9 пудов 9 гривенок), Василий Юлферов из Ростова (14 пудов 18 гривенок), Семен Худеяров из Ярославля (100 пудов меди). Медь продавали иногда и случайные люди, не торговцы, например приказной избы сторож Филька Хрисанов, сокольничий воевода князь Тимофей Иванович Щербатов, от которого на денежный двор было доставлено 1 пуд 36 гривенок меди, солдаты.

Денежный двор старался регулировать покупку меди. Закупали медь иногда сами целовальники денежного двора, но, очевидно, только в пределах России. За границу — в Ригу, Ругодив, Колывань — главные пункты торговли медью, ездили купцы, «подрядчики» денежного двора. «Как зачался во Пскове Денежный двор, из Денежного двора от верных голов целовальников за свейской неметцкой рубеж в городы медь купить на Псковский денежный двор не посылыван никто, а подряжались де на покупку тое меди на Денежный двор ... псковичи торговые люди ... и там медь покупали на Денежный двор у них, посадских людей»[64].

В сентябре 1663 г., уже после окончания денежной реформы, в Псковской съезжей избе был проведен опрос всех «подрядчиков» с целью выяснить условия торговли медью со Швецией. Было опрошено 24 человека: 8 псковичей, 12 ивангородцев, 3 печерца и 1 новгородец. Большинство «подрядчиков» указывает 1663 г. как время их торговых операций; лишь один Ананья Меньшиков начал ездить за медью за границу с 1655 г.[65] Очевидно, штат «подрядчиков» денежного двора не был постоянным.

О порядке «подряда» сообщает запись в псковских приходо-расходных книгах: ярославцу Семену Худеярову было выдано «вперед на медную покупку» 600 руб. Он должен был поставить «по договору за те деньги медь по последнему зимнему пути в нынешнем 167 году дощатую и шкилевую по шти рублей, а горелую по пяти рублей с полтиною пуд. И тое медь Семен Худеяров отдал на денежный двор дощатые 100 пудов против договору сполна»[66].

Кроме «подрядчиков» и целовальников денежный двор снабжали сырьем и продавцы меди, не связанные с двором специальным договором. Не случайно в книгах Псковского двора при перечне поставщиков меди лишь об одном из них — ярославце Семене Худеярове сообщается как о «подрядчике». Очевидно, денежный двор скупал медь у всякого, кто продавал ее; но регулярное поступление меди на денежный двор должны были обеспечивать подрядчики.

О покупке меди на Новгородском денежном дворе подробных сведений не имеется. Однако в деле головы Василия Никифорова, изложенном Н. Зузиным, есть ряд деталей, позволяющих считать, что порядок приобретения меди в Новгороде был таким же, как и в Пскове. В «отписке» Зузина указывается также, что на Новгородский денежный двор «подряжались многие торговые люди наугородцы» для «медной покупки».

Главными центрами медной торговли в документах называются Рига, Ругодив, Колывань, Выборг, Псков, Новгород. Основным поставщиком меди на русский рынок была Швеция. Русско-шведская торговля медью осложнялась установлением в 1655—1656 гг. королевской монополии на торговлю медью. «Уставная» цена на медь значительно превышала среднюю рыночную цену меди — 100—110 ефимков за берковец, в то время как «на стороне» медь стоила 65—90 ефимков за берковец (или 6 руб. за пуд хорошей меди). Покупка меди помимо королевской казны, «тайным образом», без получения специальных грамот на вывоз меди каралась конфискацией всех товаров купца. «Подрядчики» Псковского денежного двора говорили о затруднениях в торговле медью, о многократных конфискациях у них купленной «тайным образом» меди[67]. Во время русско-шведских переговоров в марте 1661 г. русские купцы жаловались на то, что у многих из них в Риге, Колывани и Ругодиве «покупная медь отымана насильством и иные товары иманы на Свейскую корону»[68].

Медь у иностранных купцов покупалась на серебряные деньги. Очевидно, и денежный двор платил за медь серебром. Названная в документах цена за пуд меди — 6 руб., несомненно, указана в серебряных копейках. На медные деньги пуд меди стоил 7 руб. 50 коп.[69] На Новгородский денежный двор в 1659—1660 гг. подряжались торговые люди новгородцы и «просили по семи рублев медными деньгами»[70]. Но, видимо, покупка меди на медные деньги не могла быть широко распространена, так как медными деньгами нельзя было пользоваться при торговле с иностранцами, а именно они поставляли медь в Россию. «Уставная» королевская цена на медь была несколько ниже той, по которой медь покупали в Пскове и Новгороде.

Для снабжения всех пяти русских денежных дворов требовалось огромное количество меди: покупка меди за границей очень интенсивно поглощала запас серебра в казне. «Царского величества подданные» посылались в страны Европы с товарами и с казной «для ефимочной покупки», но торговля эта была сопряжена с большими трудностями. Во время переговоров в октябре 1662 г. в Посольском приказе по вопросу русско-шведской торговли русское правительство предъявило претензии Швеции в том, что королевские чиновники «ефимков де и золотых царского величества торговым и иным людем вывозить не дают, а только де дают царского величества торговым людем чем бы им до рубежа в провозах и харчах доехать»[71].

Чтобы избежать утечки серебра за пределы страны, русское правительство поощряло в торговле медью натуральный обмен. А. Л. Ордин-Нащокин в одном из своих посланий в Приказ тайных дел широко развивал эту идею[72]. Он предлагал получать у иностранных купцов медь в обмен на лен и пеньку — товары, пользующиеся большим спросом на внешнем рынке. Медные деньги Ордин-Нащокин предлагал использовать для покупки льна и пеньки в пределах России. В качестве примера неудачной торговой сделки он привел покупку новгородскими целовальниками 1000 пудов меди на серебряные деньги, по 6 руб. за пуд. Если бы, по его подсчету, истраченные новгородцами 6000 руб. серебром перевести на медные деньги, «по чему в порубежных городах выменивают серебряные деньги на медные», и полученные медные деньги использовать на покупку льна и пеньки, которые затем обменять за границей на медь, то получилась бы тройная прибыль по сравнению с новгородской покупкой.

Некоторые купцы действительно меняли медь на товар. В 1658—1659 гг. псковский торговец-скупщик Алексей Балаксин менял свои товары на шведскую медь, которую он затем продавал в Пскове на денежном дворе[73]. Так же

поступали ивангородские купцы: Иван Сергеев в 1660 г. в Колывани выменял за свои товары 6 берковцев меди, Филька Шаверов купил в Колывани меди 3 берковца, «а менял на товар», Никита Шелковников в Выборге также выменял на свой товар 10 берковцев меди. Купец Ивашко Выморский из Печер по подряду с Псковским денежным двором выменял на гостином дворе в Пскове медь на товар[74]. В бытность свою воеводой в Кукенойсе в 1660 г. Ордин-Нащокин также менял товары на медь по поручению правительства «купить медь у торговых и у всяких чинов свейских людей, сколько добыть мочно, ценою не в передачю». Ордин-Нащокин купил в Пскове «повольною ценой» лен и пеньку, другую их часть он собрал «по раскладу» с крестьян дворцовых сел «в Лифлянтех». Все купленные и собранные лен и пенька были проданы в Риге, а на вырученные деньги куплена медь. Несколько месяцев спустя Ордин-Нащокин покупает в Пскове на медные деньги 900 берковцев льна и пеньки; часть товаров он продает за ефимки, часть — непосредственно обменивает на медь, «для прибыли на государевы денежные дворы»[75].

В 1660 г. был послан царский указ в пограничные торговые города: «новгородцем и псковичем и русских городов на Двине торговым людем», запрещающий торговать «с немцы льном и пенькой... а торговати б иным всяким русским товаром»[76]. Эта мера должна была способствовать развитию натурального обмена этих товаров на серебро и медь.

Наиболее ярко сказались изменения в денежном хозяйстве России середины XVII в. в порядке распределения готовой продукции провинциальных денежных дворов. Вместе с исчезновением права свободного заказа на денежных дворах исчезает и право денежного двора распределять готовую продукцию без ведома центральных властей. Когда в 1655 г. открывались Псковский и Новгородский денежные дворы, предполагалось, что вся готовая продукция с этих дворов будет посылаться в Москву. В указе от 15 сентября 1655 г., учреждающем открытие этих денежных дворов, сразу определяются взаимоотношения дворов и центральной власти: «...а что будет зделано, и те деньги велети б присылать к Москве», т. е. в распоряжение Приказа Большой казны. Грамота от 9 июля 1656 г. новгородского воеводы Г. С. Куракина требует присылать деньги непосредственно к царю, находившемуся тогда в действующей армии: «...Указал ты, великий государь... мелкие медные деньги, которые деланы на Москве и в Великом Новгороде и во Пскове присылать к тебе, великий государь, на стан тотчас, не замешкав... И впредь на Москве и в Великом Новгороде медные мелкие деньги велено делать наспех, днем и ночью, а что будет впредь денег зделано, и те деньги по тому ж велено присылать к тебе, великий государь, на стан, не замотчав. И о том в твои государевы отчины в Великий Новгород и во Псков велено послать твои государевы грамоты»[77].

Из Новгорода и Пскова отправлялось в Москву огромное количество денег. Псковские приходо-расходные книги сообщают, что 16 января 1659 г. из Пскова в Москву было направлено 36 подвод с медными копейками, 22 марта того же года — 19 подвод, 4 июля — 24 подводы. Среди денег, выданных в 1659 г. из Иноземного приказа, упомянута «государева казна... что прислана из Великого Новгорода денежного двора с целовальником с Гавриилом Сидоровым, медных денег алтынников и грошевиков и двуденежников четырнадцать тысяч двести шестьдесят один рубль пятнадцать алтын»[78]. В тех случаях, когда провинциальные дворы не должны были отправлять в Москву готовые деньги, они получали из Москвы инструкции о распределении готовой продукции. Инструкции получал не сам денежный двор, а местный воевода. Так, в царском указе от 20 апреля

8 Заказ № 977

1662 г. в Новгород приказывается воеводе князю Борису Александровичу Репнину «держать в запасе четыреста тысяч рублей, а что сверх тех запасных денег зделоные, те де деньги присылать к великому государю к Москве. И от запасных денег, что велено оставить в Великом Новгороде... сколько доведется великого государя жалованья твоево полку ратным людем, которым не дано, дать. А что за тем в остатке будет, и тех денег прислать к великому государю к Москве»[79].

В другой царской грамоте — от декабря 1661 г., содержится распоряжение на выдачу денег с Новгородского денежного двора на постройку церкви: «И мы, великий государь... велели церковь Вознесения Господня и святого чудотворца Саввы Вишерского построить из наших, великого государя, дворцовых новгородских доходов, а чего на то церковное строение и на всякие запасы каменщиком и работником, на поденной корм денег не достанет, и те деньги дати с Нового денежного двора» (имеется в виду Новгородский двор)[80].

Очевидно, какую-то часть готовой продукции воеводы могли распределять по своему усмотрению. Книги Псковского денежного двора постоянно сообщают о выдаче с денежного двора «на корм» солдатам действующей армии различных сумм — от 3 до 10 000 руб., «по отписке стольника и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского». Большая часть готовой продукции денежных дворов использовалась для нужд действующей армии, но денежные суммы брались с двора не только на оплату служилых людей. В Псковских книгах за 1656 г. есть запись, где говорится о выдаче с денежного двора по приказу воеводы князя И. А. Хованского «в четвертные расходы» 3000 руб.

Остается неясным один весьма существенный момент в жизни провинциальных денежных дворов — какое учреждение финансировало их. Псковские приходо-расходные книги сообщают, что голова денежного двора регулярно получает определенные суммы для оплаты работников, на мелкие расходы, но от кого он их получает — не указывается. Неизвестно, откуда получали денежные дворы серебряные деньги для покупки меди. В документах нет никаких указаний о порядке финансирования денежных дворов во время реформы. Логичнее всего будет предположить, что этими вопросами ведали воеводы, а необходимые средства получались из Новгородской четверти — ведь четверти, как известно, расходовали собранные деньги на общегосударственные нужды. О каких-то взаимоотношениях Псковского денежного двора с новгородской четвертью очень бегло сообщают псковские приходо-расходные книги (выше упоминалась запись о выдаче с Псковского двора «в четвертные расходы» 3000 руб. по распоряжению воеводы).

Монеты Федора Алексеевича

Чекан Федора Алексеевича завершает 150-летнюю историю проволочной серебряной копейки. Последующие за его царствованием годы регентства царевны Софьи при соправителях Иване и Петре Алексеевичах внесли в организацию производства монет, да и в сам процесс чеканки ряд изменений. Внешне все оставалось по-прежнему: на единственном денежном дворе — Московском — чеканились проволочные серебряные копейки, денги и полушки — обязательные номиналы русской денежной системы. Прежним оставалось оформление монетного поля. Но уже первым нарушением устоявшихся традиций был факт одновременной чеканки монет от имени двух государей — известны серебряные

номиналы как с именем «Царя и великого князя Ивана Алексеевича всея Руси», так и с именем «Царя и великого князя Петра Алексеевича всея Руси». К этому следует присовокупить чеканку очень обширной серии донативных золотых монет, кратных червонцу, с именем и портретом правительницы Софьи на лицевой стороне и обоих соправителей — Ивана и Петра — на оборотной. В чекане значительно увеличивается количество крупных серебряных монет-алтынов, которые в равной степени могли использоваться и как наградные знаки, и как платежное средство. Меняется в 90-х годах традиционный знак Московского двора — вместо о/М появляется слово «Россия», хотя место чеканки не изменилось. Происходят существенные изменения в делопроизводстве: на денежных дворах вводится ежегодная отчетность о количестве выделанных в течение года монет.

Обильная чеканка золотых донативных монет, замена скромного знака денежного двора на целое слово, обозначающее название государства, — все это были робкие попытки, полумеры, целью которых было стремление приспособить архаичную русскую денежную систему к элементам нового государственного строя, утверждавшимся во второй половине XVII в., — абсолютной монархии. Практически денежная реформа Петра I 1700—1704 гг., которая преобразовала русскую денежную систему в соответствии с политическими и экономическими задачами абсолютистского государства, начала вызревать уже после 1682 г., в годы регентства Софьи.

Чекан Федора Алексеевича (1676—1682 гг.) в этой связи приобретает особое значение.

От его царствования до нас дошло сравнительно немного монет. В собрании ОН ГИМ их насчитывается всего 970 экз., а количество известных нам кладов этого времени не превышает десятка. В том, что монет Федора Алексеевича сохранилось так немного, удивительного ничего нет — всю первую половину XVIII в. казна усиленно выкупала у населения старые серебряные копейки, и основная масса монет Федора Алексеевича попала в тигли денежных дворов. Небольшое число кладов его времени (для сравнения напомним, что от Бориса Годунова, который царствовал приблизительно столько же лет, до нас дошло и зафиксировано в настоящее время более 130 кладов) можно объяснить несколькими обстоятельствами. Годы царствования Федора Алексеевича были относительно спокойными, чрезвычайных событий, требовавших срочного захоронения имущества, не возникало, не было и массового уничтожения населения, из-за чего оставались бы невостребованными клады. Другим обстоятельством, видимо, следует считать изменение системы налогового обложения в 1679 г. — переход к подворному налогу. Новая форма обложения могла потребовать мобилизации всех денежных ресурсов населения для своевременной выплаты налогов. И наконец, главное обстоятельство заключалось в развитии товарно-денежных отношений в стране, активизации товарооборота и нехватке денежной наличности. Об отсутствии свободных денежных средств, широко практиковавшейся системе приобретения товаров в кредит, об обилии судебных дел, связанных с несвоевременной расплатой за взятые товары, уже не раз писалось в исторической литературе[81]. Рост элементов буржуазного развития в стране вел к тому, что наличные денежные сбережения активнее вовлекались в различного рода «дела» и реже оседали мертвым сокровищем в кубышках.

К сожалению, не сохранилось достаточно убедительных данных, позволяющих сравнить объем денежного производства в 1676—1682 гг. с ежегодными показателями объема чеканки, которые приводит А. Нартов начиная с 1681 г. За

17 лет, с 1664 по 1681 г., он указал размер общей суммы отчеканенных монет, не разделяя их на годы, — 991 351 руб.; в среднем на год приходится 58 314 руб. по сравнению с 174 317 руб. в 1681 г., 312 661 — в 1682 г., 242 707 — в 1683 г., 214 720 — в 1684 г. и т. д.[82] Однако это сравнение не может быть корректным, так как средние показатели за столь обширный временной отрезок из-за отсутствия полной документации об объеме производства до 1681 г. делают весьма проблематичной правильность выведенной А. Нартовым суммы в 991 351 руб.

Монеты представляют собой компактную группу, образованную сочетаниями 12 лицевых маточников, из которых четыре перешли в новое царствование из предшествовавшего правления, из числа изготовленных после 1664 г. В каждом году использовались 2 лицевых и 4 обороточных маточника (лишь в первый год царствования в работе были 1 лицевой времени Алексея Михайловича и 3 оборотных маточника, а в последний год — 1 лицевой маточник, который использовался в сочетании с маточниками прошлых лет, и 1 оборотный; другие новые оборотные маточники в 1682 г. приготовить не успели — Федор Алексеевич умер в апреле).

Можно различить три различных «почерка», отразившихся в заново изготовленных лицевых и оборотных маточниках: видимо, на Московском денежном дворе в эти годы работали три резчика монетных штемпелей. Монеты представлены на табл. 13 соотношения штемпелей, фототабл. 40 и 41, весовых диагр. 41—43.

По весу монеты Федора Алексеевича распадаются на две группы. Одна группа имеет весовые показатели в пределах 0,45—0,46 г (диагр. 41), другая — в пределах 0,39—0,41 г (диагр. 42).

Четко обозначенные разные весовые группы монет свидетельствуют о том, что здесь имело место не стихийное, беспорядочное ухудшение веса, а последовательная практика ухудшения веса монеты. Основная группа копеек 1676—1682 гг. чеканена по «тяжелой» стопе, перешедшей в новое царствование от времени Алексея Михайловича. Понижение веса произошло, судя по данным систематизации, около 1681 г. Для облегченных монет были использованы 2 лицевых (1 был взят из прошлого царствования) и 4 оборотных маточника. Хотя легкие копейки стали чеканиться в конце правления Федора Алексеевича, по количеству они составляют примерно одинаковое число с тяжелыми копейками. По всей видимости, легкие монеты быстро вытеснили более тяжелые.

В исторической литературе было принято считать, что снижение веса копейки до 0,40—0,41 г произошло только в годы регентства царевны Софьи, хотя А. Нартов прямо указывал на изменение весовой нормы в 1681 г. Нумизматические данные подтвердили правоту Нартова — снижение веса копеек произошло в царствование Федора Алексеевича, в 1681 г.

Отличительной особенностью монет Федора Алексеевича является их очень хороший внешний вид: рисунок тщательно выполнен, чистые, точные линии изображения ясно видны на всех монетах; особенно хороша надпись с ее четкими и тщательно прописанными буквами. Монеты Федора Алексеевича продолжают ту тенденцию к улучшению оформления монетного поля, которая обнаружилась в денежном деле после 1664 г.

Иконография ездеца на монетах 1676—1682 гг. не отличается от утвердившегося после 1626 г. изображения всадника в трехчастном венце, с развевающимся плащом за спиной и схематическим изображением одежды и сбруи. Традиционный знак монетного двора в виде монограммы о/М не претерпел никаких изменений.

В правление Федора Алексеевича чеканились, видимо, все номиналы; в музейных собраниях сохранились копейки и денежки (в собрании ОН ГИМ их всего 4 экз.). Полушки, вероятно, чеканились тоже, поскольку письменные источники, называющие сумму выплат, постоянно оперируют мелочными расчетами на доли копейки. Отсутствие на полушках датирующих признаков не дает возможности точно атрибутировать эти номиналы. Видимо, как и при Алексее Михайловиче, полушки чеканились с изображением двуглавого орла на одной стороне и словом «Царь» на другой.

И. И. Кауфман анализировал известный письменный источник 1680 г. — «Память думному дьяку Лариону Иванову о принятии в Стрелецком приказе 5696 руб. 16 алтын 3 денег, составившихся из переделов на Денежном дворе любских ефимков», согласно которому из гривенки выделывалась 431 коп. Весовая норма копейки, по данным Памяти, составляла 0,47 г[83]. Такую же норму — 0,47 г, получающуюся при выходе 9 копеек из золотника, называет для копеек 1664—1681 гг. в своей сводке А. Нартов. Родословец 1664 г., однако, свидетельствует о другой норме — 0,46 г.

Если Нартов оперирует данными о весовой норме монет 1664—1681 гг., источник которых остается неизвестным, а приписка к Родословцу 1664 г. опирается на сведения о весе ефимков и о количестве копеек, выходящих при перечеканке ефимков, то Память 1680 г. сообщает о чеканке монет и о норме выхода чеканенных денег «против государева указу», т. е. ссылается на какой-то законодательный акт. Скорее всего, этот «государев указ» — указ о реформе 1626 г., до нас не дошедший, который ввел новую стопу в 425 копеек и нормативный вес копейки в 0,48 г. Ведь все последующие документы — и Память 1680 г., и приписка к Родословцу 1664 г., и сводка Нартова — все они говорят о фактической весовой норме, которая колеблется вокруг нормативного веса копейки в 0,48 г.

Весовая диаграмма копеек Федора Алексеевича 1676—1680 гг. (диагр. 41) показывает их фактический вес, равный 0,45 — 0,46 г; от нормативного он отстает на 0,02 — 0,03 г.

Неуклонное понижение весовой нормы, несмотря на попытки ее восстановления, предпринимавшиеся неоднократно после 1626 г., привело в конечном итоге к стабилизации ее в 1681 г. А. Нартов свидетельствует, что в 1681 г. началась чеканка по 10,5 коп. из золотника (4,26 г). Вес копейки должен быть равным в этом случае 0,40 г. Диаграмма веса копеек Федора Алексеевича 1681—1682 гг. (диагр. 42) показывает их весовую фактическую норму 0,39—0,41 г. Ясно, что Нартов указал не нормативный, а фактический вес копейки, полученный эмпирическим путем. Видимо, нормативным весом копейки в 1681 г. стал вес, равный 0,42 г, составляющий вес копейки четырехрублевой стопы, уменьшенный на $^{3}/_{4}$ новой почки, или же стопы в 4,25 копеек, уменьшенный на $^{1}/_{2}$ почки (0,51 — 0,09 = 0,42, или же 0,48 — 0,06 = 0,42).

Копейки Ивана и Петра Алексеевичей чеканились уже по новой весовой норме, теоретической величиной которой был вес в 0,42 г, а фактическим весом — 0,39—0,41 г (диагр. 44).

Снижение весовой нормы в 1681 г. следует, скорее всего, связывать с циклом правительственных мероприятий, направленных на упорядочение управления финансами страны, и с теми результатами, к которым привели эти меры. В 1679 г. была введена подворная система обложения. Основным прямым налогом были признаны «стрелецкий хлеб» и «стрелецкие деньги», Стрелецкий приказ стал главным финансовым приказом. Помимо этой меры правительство

Федора Алексеевича сделало попытку сосредоточить все финансовые вопросы в Приказе Большой казны — вначале в форме объединения разных финансовых ведомств под единым руководством, затем путем их слияния. Приказ Большого прихода и Новая четверть были слиты с Приказом Большой казны. Осенью 1680 г. финансовые функции других приказов (кроме стрелецких сборов), прежде всего сбора таможенных пошлин и питейной прибыли, были также переданы в Приказ Большой казны. Сведения о местных бюджетах и их использовании тоже стали поступать в этот приказ.

Однако эти меры, предпринятые как средство для централизации управления финансами, оказались непродуманными до конца и неэффективными, и в 1683/84 г. в новую систему были внесены существенные поправки, во многом возродившие старую практику[84].

Реорганизация финансовых ведомств в 1680 г. и снижение веса копейки в 1681 г. близки по времени осуществления. Зафиксированные Нартовым ежегодные сведения об объеме чеканки позволяют думать, что с этого года была создана специальная служба, возможно в рамках Приказа Большой казны, ведавшая денежным делопроизводством, в обязанности которой входило составление ежегодных отчетов о количестве отчеканенной монеты. Надо полагать, правительство желало знать точные размеры прибыли от чеканки монет и планировать эту прибыль в рамках государственного бюджета. Связано ли было снижение веса копейки с финансовыми трудностями, возникшими в результате перестройки системы финансовых ведомств в 1679—1680 гг., или же само снижение веса было использовано как одно из средств пополнения финансов — ответ на эти вопросы может дать только специальное изучение истории государственных учреждений и финансов страны последней четверти XVII в. Для исследования истории русского денежного хозяйства важно указать на его взаимосвязь с процессом бюрократизации аппарата государственного управления. Вехами на этом пути были 1595/96 г., когда был создан Денежный приказ, 1626 г., когда денежное дело перешло в ведомство Приказа Большой казны, и 1681 г., когда была сделана попытка реорганизовать систему финансового управления.

Борьба с фальшивомонетчиками

Стремясь оставить неизменным вид архаичной русской копейки, чтобы предотвратить утечку за рубеж драгоценных металлов и сохранить доходы казны от перечеканки талеров в русскую монету, правительство создавало объективную возможность засорения денежного обращения фальшивыми монетами. Примитивная техника чеканки, несложные изображения и надписи на монетах очень облегчали денежное «воровство».

«Воровские» деньги встречались и в XVI в. — известны фальшивые копейки и денги этого времени. Они подражали наиболее распространенным монетам: копейкам и денгам Ивана IV и Бориса Федоровича. Увеличилось количество их в годы смуты — известны фальшивые копейки с именами Дмитрия Ивановича и Владислава Жигимонтовича (фототабл. 42, 43). Нарушение денежного обращения, нехватка денежных знаков из-за резкого сокращения деятельности денежных дворов породили выпуск местных кустарных суррогатов, подражавших копейкам. Однако в XVII в. производство фальшивых

монет достигло гораздо большего размаха. Они становятся буквально массовым явлением: почти в каждом кладе обязательно встречаются одна-две, а то и больше фальшивых копеек.

Фальшивые, или «воровские», деньги XVI—XVII вв. — весьма своеобразное явление. Сделанные с применением ручной техники, которая употреблялась и на государственных денежных дворах, они на первый взгляд ничем не отличались от подлинных монет. Лишь тщательное сличение по штемпелям показывает, что фальшивые монеты стоят особняком от подлинных монет, которые всегда связываются друг с другом взаимоотношением штемпелей. За редким исключением, подделки представляют собой отдельные типы, чеканенные изолированными парами штемпелей, и встречаются в единственном экземпляре. В большинстве своем «воровские» монеты имеют чрезмерно низкий вес, не укладывающийся ни в какие весовые нормы, и чеканены из серебра очень плохого качества. Письменные источники XVII в. часто сообщают о медных и оловянных «воровских» деньгах или о «лехких» копейках. Медные и оловянные подделки современники могли отличить от подлинных монет без особого труда, поэтому в кладах они не встречаются, но другая разновидность фальшивых монет — «лехкие» монеты, чеканенные из серебра пониженной пробы, дошли до нас, так как отличить их от подлинных было гораздо сложнее. «Воровские» монеты подделывались под наиболее распространенные монеты, поэтому основную их массу составляют подделки под копейки с именем Михаила Федоровича с монограммой о/М или буквами МОС/КВА, М, МО. Это не должно означать, что все эти подделки чеканились в годы его правления, хотя это время, действительно, отличается расцветом чеканки фальшивых копеек. Здесь сыграли свою роль пестрота денежного обращения во время его царствования, смена трехрублевой стопы на четырехрублевую, выпуски интервентов в Новгороде в 1611—1617 гг., чеканка подделок под русские копейки шведами после 1617 г. и датчанами после 1619 г., объединенных названием «корелки худые».

В то время существовали два способа чеканки фальшивых денег. Первый способ не отличался от обычной техники чеканки при помощи штемпелей, применяемой на государевых денежных дворах. «Воровские» чеканы делали фальшивомонетчики, иногда «переводя» изображение и надписи с подлинных копеек, но чаще вырезая эти штемпеля самостоятельно. Второй способ был проще — делались литые деньги — металл «лили в опоки». Литые деньги отличить от подлинных было намного легче и за «литье в опоки» фальшивомонетчиков карали с меньшей строгостью, чем фальшивомонетчиков, работающих чеканами. Необходимые для чеканки «снасти денежные» нередко можно было купить.

В сыскном деле 1649 г. описывается целая система организации чеканки «воровских» денег в г. Козлове[85]. Воеводе стало известно о появлении в городе «воровских» монет. «Козловец, гулящий человек» Ивашко Рыжов, поругавшись в кабаке с сыном боярским Никифором Хозяиновым, обвинил последнего в том, что он делает «медяные» деньги. Такое же обвинение предъявил Хозяинову козловский купец Филимонко Седов. Всех вместе, и обвиняемого и обвинителей, посадили «за пристава» и завели на них сыскное дело. В другом случае «воровские» деньги были обнаружены «в торгу» у мальчика Ивашки Данилова, сына Шатилова, когда он вынимал «воровские» деньги «ис платка на покупку». Приведенный в съезжую избу, Ивашка признался, что «те воровские деньги дала ему мать ево, Ивашкова, Онтонидка». Были арестованы отец и мать маль-

чика. Отец, «козловец, сын боярский Данилка Шатилов» признался в том, что он делал «воровские» деньги, но делал их не один, а с «козловцы детьми боярскими з Гришкой Куребоновым, да с Сенкою Романовым, да з гулящим человеком с Карпиком Кислово». Часть денег они делали «чеканом, а иные де лили в опоки». Чеканы делали Данилко Шатилов и Гришка Куребонов в кузнице у Данилки Шатилова. Действительно, при обыске на дворе Шатилова были изъяты «маточник, чем делали воровские денежные чеканы и денежные снасти». Гришка Куребонов при допросе признался, что маточник для чеканки фальшивых денег он купил четыре года назад у шацкого посадского человека Бориса Верещагина. Остальные снасти Данилка Шатилов купил у козловца сына боярского Жданки Лесунова и у брата его Петрушки. Сам Шатилов тоже продавал «воровские» чеканы, которые он, видимо, снимал с маточника. Так, Сенька Романов признался, что он получил у Шатилова денежный чекан. Все арестованные, изъятые фальшивые деньги и воровские снасти, «роспросные» и «пыточные» речи были направлены в Приказ Большой казны. О дальнейшей судьбе этого дела неизвестно.

Приведенный документ свидетельствует, что в 1649 г. в Козлове действовала целая организация фальшивомонетчиков. Братья Лесуновы готовили для продажи денежные снасти, маточники делал в Шацке посадский человек Борис Верещагин, четверо козловцев — Данил Шатилов, Семен Романов, Григорий Куребонов и Карп Кислово — делали в кузнице во дворе у Шатилова фальшивые деньги; Данил Шатилов к тому же, видимо, снимал с маточника «воровские» чеканы и продавал их. Имя другого козловского фальшивомонетчика — Никифора Хозяинова упоминается вне связи с остальными козловцами; видимо, он работал в одиночку.

Существовала категория наемных фальшивомонетчиков, которые делали фальшивые деньги на заказ. О них сообщается в грамоте 1637 г.: «Переиманы в Вологде денежные воры. А в роспросе с пыток в денежном воровстве винились, иные сами денги делали, а иные наймовали воров денги делати»[86].

Письменные источники указывают на 30-е годы XVII в. как на период наибольшего распространения фальшивых денег. Называются самые разнообразные районы их распространения: уже упомянутые Козлов, Вологда, Воронеж[87], Шацк[88], Ростов[89], Новгородский уезд[90], Белоозеро[91]. Немаловажную роль в распространении этого промысла сыграла отмена смертной казни (фальшивомонетчикам заливали горло расплавленным металлом) за чеканку фальшивых монет при Михаиле Федоровиче в первой половине его царствования. Фальшивомонетчиков стали казнить только «торговой казнью»: били кнутом на торгу, выжигали на щеках слово «вор» и ссылали в дальние города на поруки «до государева указу». По «государеву указу» сосланные должны были получать «новые поруки», и после этого их нередко ссылали в другие города уже «на вечное житьё».

В 1637 г. по городам были разосланы царские указы о введении вновь смертной казни для фальшивомонетчиков. «А впередь указал есмя: кто воровское дело заведет, маточники и чеканы резать, или кто деланные купит и учнет воровские денги делать, или учнет воровские денги заведомо покупать в нашем государстве или за рубежом и ими торговать, и тем ворам велим заливать горло по-прежнему, без всякие пощады»[92].

Несмотря на введение в 1637 г. смертной казни за денежное воровство, источники 40-х годов вновь сообщают о большом количестве медных и оловянных «воровских» денег, которые доставлялись в Москву вместе с доходами из

разных городов. Снова рассылаются царские грамоты по городам, приказывающие выбирать эти «воровские» деньги и сдавать в казну в особых ящиках «за печатью», а «про воров, которые ими промышляют» велено «сыскивать»[93].

Уложение 1649 г. подтвердило наказание за чеканку фальшивых монет смертной казнью: «Которые денежные мастеры учнут делать медныя или оловянныя, или укладныя деньги, или в денежное дело в серебро учнут прибавлять медь или олово, или свинец, и тем государеве казне учнут чинити убыль и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертью, залити горло»[94].

Во время денежной реформы 1654—1663 гг. чеканка фальшивых монет получает самое большое распространение, главным образом после введения в денежное обращение медных копеек. Фальшивыми считались в это время и те монеты, которые чеканились на денежных дворах «на себя», из собственного, тайком пронесенного на денежный двор сырья. На Новом Московском денежном дворе в 1662 г. была арестована чуть ли не половина всех денежных мастеров «за денежное воровство». В сыскных делах встречаются сведения о том, что мастера проносили на денежный двор медь в «хлебе запеченном»; рассказывается о деньгах, которые были переброшены через забор денежного двора в глухой переулок[95]. На Новгородском денежном дворе «воровством» занимался сам голова денежного двора. «В свой год», руководя двором, он начеканил для себя несколько тысяч рублей[96].

В денежном «воровстве» были замешаны весьма влиятельные лица. По сведениям Мейерберга, тесть царя Илья Данилович Милославский «постарался выбить ее (монеты. — *А. М.*) для себя на 120 тысяч рублей»[97]. Эта монета чеканилась на денежных дворах и по внешнему виду не отличалась от подлинной.

Очевидно, практиковалась и кража маточников и чеканов с денежных дворов. С их помощью можно было чеканить монету, ничем не отличавшуюся от настоящей, у себя дома.

Но были во время реформы и настоящие фальшивомонетчики. Мейерберг свидетельствует, что «в декабре месяце 1661 г. в Москве содержалось в темницах до 40 тайных литейщиков медных копек»[98]. В донесении 1661 г. из Олонца сообщается, что появились «на Олонце и в Северских и в Заонежских погостах многия воровския поддельные деньги»: «А казенные деньги Вашего царского величества можно с воровскими вскоре разобрать, потому на Москве денежных Вашего царского величества два двора, да в Великом Новгороде, да во Пскове два двора, а всего 4 печати, а воровских печатей на воровских деньгах много и счеть невозможно»[99].

И тем не менее правительство снова отменяет в 1661 г. смертную казнь фальшивомонетчикам. «...Денежным мастером, которые до нынешнего времени объявились в денежном деле и приговорены были к смертной казни, тем учинить казнь перед прежним с пощадою, отсечь по левой руке; а которым велено сечь руки, тем учинить наказанье тож с пощадою: бить кнутом нещадно... А кто после нынятнего его государева указу учнет вперед делать для денежного дела маточники и чеканить деньги, или в иных причинах того дела объявиться, и тем чинить казнь и наказанье по указным статьям, которые писаны ниже сего». Далее перечисляются 27 пунктов, где детально разбираются всякие виды денежного «воровства». Отдельно разбираются преступления денежных мастеров с денежных дворов. За воровство казенных денег виновных полагалось бить кнутом или батогами. Общей судьбой всех преступников после свершения наказания стала не ссылка, как это практиковалось до 1637 г., а только конфискация имущества и отдача «на чистые поруки с записми»[100].

Причиной «либеральных» действий правительства, видимо, послужила боязнь усиления народного недовольства. Введение медных денег и вызванные их обесценением дороговизна и голод крайне обострили классовую борьбу, поэтому правительству следовало соблюдать осторожность.

Фальшивые медные копейки времени реформы встречаются гораздо меньше, чем это можно предположить, судя по данным письменных источников, особенно по правительственным указам. Последние прямо называют фальшивые деньги главной причиной, которая привела к обесценению медных копеек. Без сомнения, это была официальная версия, которая должна была скрыть истинную причину неудачи реформы: перепроизводство медных копеек стараниями самого правительства. Конечно, чеканка фальшивых монет во время реформы имела место, но производилась она в гораздо меньших масштабах, чем по официальной версии. Надо полагать, это обстоятельство также должно было сыграть роль в смягчении наказаний фальшивомонетчикам в 1661 г.

После реформы появилась еще одна любопытная разновидность фальшивых денег: так называемые «луженые» деньги. Происхождение их следующее. После отмены медных денег в июне 1663 г. населению было приказано: «медные деньги сливать, а не слив, деньгами никому у себя не держать». Однако население быстро сообразило, какую выгоду можно извлечь из обесценившихся медных копеек. Их «воровски... посеребривали, лудили и ртутили». По внешнему виду их теперь нельзя было отличить от серебряных. В собрании ОН ГИМ имеются такие «луженые» копейки всех пяти денежных дворов времени реформы. От серебряных они отличаются только более темным цветом, но потемнели они от времени. В момент своего «лужения» они, видимо, были неотличимы от серебряных. Тонкий слой серебра с них легко удаляется и под ним явственно проступает медь, что и позволило выделить их из массы подлинных серебряных копеек.

Появление «луженых» денег очень обеспокоило правительство, так как с такими деньгами «на Москве в привозе в Приказ нашего государя Большой Казны многие люди объявились». В грамоте от 21 января 1664 г. в Псков приказывается «бирючем кликать по многие дни, чтоб всяких чинов люди медныя деньги сливали, а не слив, у себя медных денег никто не держал, чтоб тех денег никто воровски не посеребривали, и не лудили, и не ртутили. А будет кто у себя медныя деньги держать учнет, а про то сыщется, а тем людем за то быть в жестоком наказанье и в ссылке в дальние города»[101]. Очевидно, аналогичные грамоты были разосланы и по другим городам.

История русского денежного обращения показывает, что появление большого количества фальшивых денег было всегда следствием кризисного состояния денежного хозяйства. Так было в 30-х годах XVI в., когда началась массовая порча монет — их обрезали, а также чеканили фальшивые монеты, подражавшие новгородкам и московкам. Денежная система, сложившаяся в период феодальной раздробленности, уже не могла отвечать нуждам экономического и политического развития складывавшегося централизованного государства. В 1533—1535 гг. во многих городах Московского государства казнили большое число фальшивомонетчиков, все старые деньги, оставшиеся от времени феодальной раздробленности, были запрещены и была проведена денежная реформа, заменившая их на новые, единые для всего государства копейки, денги и полушки.

Спустя 100 лет в Русском государстве вновь наблюдалось обилие фальшивых денег. Нельзя сомневаться в том, что их появление было верным симптомом нового кризиса, переживаемого русским денежным хозяйством в XVII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование Русского централизованного государства заложило экономические и политические предпосылки для концентрации сырьевых ресурсов в руках государственной власти и создания общерусской денежной системы. Своими корнями денежное хозяйство централизованного государства уходило в вековые традиции русского денежного дела, откуда были заимствованы техника чеканки, денежный счет, весовая норма, использование в оформлении монетного поля системы знаков, за которыми стояли определенные понятия и символы. Отсутствие собственной добычи драгоценных металлов для чеканки монет определило тесную зависимость состояния денежного хозяйства от внешней торговли, питавшей серебряным сырьем денежные дворы государства. Особенности исторического развития Русского государства и его географическое положение поставили русскую торговлю в изолированное положение по отношению к путям мировой торговли. Жизненно необходимые потребности государства — в частности, обеспечение сырьем отечественной чеканки монет через внешнюю торговлю со странами Европы — неизменно оставались в поле зрения русских государственных деятелей, определяли их дипломатические усилия и направление внешней политики. Историю русского денежного хозяйства нельзя изучать вне зависимости его от внешнеполитической конъюнктуры.

Исследование процесса оформления общерусской денежной системы во второй половине XVI — начале XVII в. показало, что денежное хозяйство стало одним из составляющих элементов в новой системе управления сложившегося централизованного государства, призванным наряду с другими институтами феодальной надстройки выполнять задачи, стоявшие перед феодальным государством.

Нужна была единая по весу, пробе и оформлению монета, которая должна была также служить прокламативным целям укреплявшейся самодержавной власти. Необходимо было уничтожить все «живые следы прежней автономии», по выражению В. И. Ленина, в денежном производстве, все следы организации чеканки периода феодальной раздробленности. Ведущие тенденции в развитии денежной системы во второй половине XVI — начале XVII в. определяли развитие в двух направлениях: полная унификация и централизация монетного производства; необходимость максимально увеличить массу денежных знаков в обращении. Последнего требовали и развивающиеся товарно-денежные отношения в стране, и расширение границ государства — присоединение Казани и Астрахани, дальнейшее продвижение на Урал и в Сибирь.

Эти две ведущие тенденции столкнулись с новой тенденцией, которая обозначилась с вступлением государства в полосу длительных экономических и политических потрясений на рубеже XVI—XVII вв.: стремлением использовать денежное хозяйство в интересах фиска, с хищнической эксплуатацией монетной регалии. Нумизматический материал показывает, как противоборствовали эти тенденции и как в конечном итоге победили первые две. Русская денежная система вышла из испытаний смутного времени, сохранив свое национальное своеобразие и целостность.

Русское денежное хозяйство перед лицом тяжелых испытаний, поставивших государство в критическое положение, оказалось прочным и жизнеспособ-

ным. Это является свидетельством того, что состояние и характер русской денежной системы в XVI — начале XVII в. отвечали уровню экономического и политического развития Русского государства. Примитивная техника чеканки монеты из серебряной проволоки давала тем не менее возможность без особых потерь и сложностей наладить ее выпуск в очень больших масштабах; малое количество реально существовавших номиналов делало простыми денежные расчеты; изоляция русской копейки от международного денежного хозяйства отвечала интересам политики меркантилизма, которой руководствовалось русское правительство. Тип оформления русской копейки давал возможность использовать ее как средство политической пропаганды. После испытаний смутного времени национальная денежная система, организация производства, техника чеканки и принципы оформления монетного поля оставались без изменений. Изменилась весовая норма: трехрублевую стопу сменила четырехрублевая и копейку в 4 почки (по нормам Торговой книги) сменила копейка весом в 3 почки — вместо 0,68 г копейка стала весить 0,51 г. Сохранение старой счетной системы, по которой почка составляла $^1/_4$ часть копейки, определило размер новой почки, которым стал вес в 0,127 г. Материальным воплощением новой почки стала полушка с такой же весовой нормой; ее выпуск начался вместе с массовым выпуском новой копейки после ноября 1613 г.

В XVII в. начинается новый период русской истории. Перед русским денежным хозяйством встали другие задачи.

Рост разделения труда, развитие товарно-денежных отношений в городе и деревне, накопление купеческого капитала требовали более совершенной денежной системы, включающей в себя и крупные, и мелкие разменные номиналы. Русская денежная система, построенная на трех единственных номиналах — серебряных копейке, денге и полушке, не отвечала этим требованиям. Все более активное участие русского купечества в международной торговле, втягивание русской экономики в систему международных экономических связей ставило русскую денежную систему перед необходимостью использования монет, имевших общеевропейское значение, в частности использования золотых монет в качестве платежного средства, а не только донативных знаков, как это практиковалось в России с древнейших времен. Становление во второй половине XVII в. нового государственного строя — абсолютной монархии — требовало от оформления монетного поля более эффективных средств, символизирующих экономическую и политическую власть и могущество абсолютного монарха. Русская копейка с ее более чем скромными средствами оформления не имела даже изображения государственного герба Российского государства — двуглавого орла.

Система использования в качестве единственного монетного металла высокопробного серебра тоже изжила себя. Несмотря на колоссальный размах чеканки, денежных знаков явно не хватало для обслуживания товарного обращения, особенно на окраинах государства, и это обстоятельство породило использование различного рода суррогатов, заменявших государственные денежные знаки. Примитивная техника чеканки создавала широкие возможности для производства «воровских», фальшивых денег, а неустойчивость весовой нормы и пестрота весового состава денежного обращения в XVII в. облегчали их распространение.

Русскому правительству нельзя было отказать в понимании необходимости перемен в денежном хозяйстве. Однако для кардинального решения проблемы нужно было прежде всего решить задачу привлечения в страну драгоценных

металлов — монетного сырья. Получение золота и серебра путем расширения и увеличения товарного производства было не под силу русской экономике, феодальной в своей основе. Оставались чисто феодальные средства: введение в обращение медных монет с принудительным курсом, что было предпринято в 1654—1663 гг. и привело в конечном итоге к полному расстройству денежного обращения, а также увеличение притока серебра через внешнюю торговлю. Последнее было осуществлено через учреждение в 1667 г. Нового Торгового Устава. Все пошлины с иностранцев взимались только в иноземной монете — в золотых и ефимках. Попытка реорганизовать денежную систему в 1654—1655 гг. путем введения системы крупных и мелких номиналов оказалась безуспешной из-за технической неподготовленности денежных дворов и отсутствия сырьевой базы.

Был еще один мощный тормоз, стоявший на пути преобразований в денежном хозяйстве XVII в., — фискальные интересы феодального государства, для которого монетная регалия была одним из наиболее надежных источников дохода. Этот доход обеспечивали широкомасштабные закупки ефимков по монопольным низким ценам и последующая перечеканка их в проволочную копейку. Правительство было экономически заинтересовано в сохранении архаичной русской монеты и примитивной техники чеканки. Увеличение доходов от чеканки в этих условиях достигалось традиционными средствами: уменьшением количества чистого серебра в монете и снижением весовой нормы при сохранении системы счетных единиц.

Несоответствие характера русской денежной системы экономическим и политическим потребностям страны на новом этапе ее развития порождало кризисные явления в русской экономике. Устаревшие, не отвечавшие современным социально-экономическим и политическим требованиям русские монеты XVII в. стали одной из причин, тормозивших развитие русского общества в условиях складывавшегося всероссийского рынка. Не случайно поэтому, что денежная реформа была одной из первых в серии реформ Петра I. Весьма характерно также и то, что в общих чертах денежная реформа Петра I повторяла реформу Алексея Михайловича: вводилась система крупных и мелких денежных единиц из серебра и меди, вес рубля приравнивался к весу талера. Однако эта реформа, проведенная четверть века спустя, была тщательно продумана и подготовлена. Ей предшествовало последовательное снижение веса серебряной проволочной копейки в конце XVII в., после чего в конечном итоге он стал составлять $^{1}/_{100}$ часть веса талера. Рубль в весе талера был отчеканен только в 1704 г. Тогда же появилась медная копейка, столь дискредитированная денежной реформой Алексея Михайловича. Но это была уже не копейка с принудительным курсом, а разменное средство в дополнение к серебряному рублю и его фракциям, которые последовательно вводились с 1700 г. Проволочные старые копейки продолжали чеканиться до 1718 г., пока население окончательно не признало новые деньги.

Успех денежной реформы Петра I в конечном счете обеспечил весь комплекс решительных и глубоких социально-экономических преобразований начала XVIII в. Следует заметить, что проблема монетного сырья всю первую половину XVIII в. продолжала оставаться очень напряженной, но для решения ее использовались уже иные, чем в XVII в., средства. Впрочем, история денежной реформы Петра I требует специального исследования.

Литература

ВВЕДЕНИЕ

1. Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI—XVII вв. Обобщающий доклад по работам, представленным в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Л.: ИА АН СССР, 1961. — С. 4.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.
3. Громыко М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в.//СВ. — 1960. — Т. XVII. — С. 234.
4. Торговая книга//ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 116—117; Сборник Муханова. — 2-е изд. — М., 1866. — Гл. 3.
5. АЮБ. — 1864. — Т. 2; ЧОИДР. — 1890. — Т. I.; 1891. — Т. IV.
6. Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции//ИА. — 1959. — № 6. — С. 126.
7. Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611—1617/Published by the Russian Numismatic Society. — Alexandria: USA, 1983.
8. Сб. Московского архива Министерства юстиции. — М., 1913. — Т. 5. — С. 12—13; Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. — Спб., 1911. — С. 219, 235, 339; Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому конца XVI в. — Спб., 1912. — С. 303.
9. Опись Новгорода 1617 года//Памятники отечественной истории. — М., 1984. — Вып. 3(1)/Под ред. В. Л. Янина. — С. 135—137. См. также: Янин В. Л. Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче//ВИД. — 1983. — Т. XIV. — С. 81—100.
10. Записки Нумизматического отделения РАО. — 1910. — Т. II. — Вып. I—II. — С. 72.
11. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г.//Сын отечества. — 1842. — № 7.
12. Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника императоров Максимилиана II и Рудольфа II, дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя Московского//ЧОИДР. — 1876. — Т. 4. — Отд. IV. — С. 70—71.
13. Состояние Российской державы и великого княжества Московского с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 г. по сентябрь 1606 г. Сочинение капитана Маржерета//Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Спб., 1859. — Ч. I. — С. 275—276.
14. Путешествие в Московию барона Мейерберга//ЧОИДР. — 1874. — Т. 1. — С. 179—180.
15. Курц Б. Г. Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915.
16. Де Родес, Иоганн. Подробное донесение о происходящей в России коммерции//ЧОИДР. — 1915. — Т. II.
17. Алеппский, Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 2. — М., 1897.
18. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времени царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. А. Безсонов. — М., 1861.
19. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию//Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1986. — С. 358.
20. Котошихин Г. К. Россия в царствование Алексея Михайловича. — М., 1906.
21. Нумизматическая часть словарей проанализирована в работе: Потин В. М. Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII вв.//Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. — Л.: Аврора, 1977. — С. 81—88.
22. Русско-шведские экономические отношения XVII в.: Сборник документов. — М.: Изд-во АН СССР, 1960; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. — Москва — Стокгольм: Наука, 1978.
23. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Составлено М. Деммени. — Спб., 1887. — Вып. I.
24. РИБ. — 1875. — Т. II. — № 95. — С. 222—248.

ГЛАВА 1

1. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского (1425—1462)//НС ГИМ. — 1974. - Ч. 3. — С. 7—126.
2. Спасский И. Г. Деньги//Очерки истории русской культуры XVI века. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — Ч. I. — С. 221—225.
3. Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533—1598)//НиЭ. — 1980. — Т. XIII. — С. 77—137.
4. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г.//Императорский Российский исторический музей им. императора Александра III. Описание памятников. — М., 1896. — Вып. I.
5. Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века// Записки нумизматического отделения РАО. — 1910. — Т. II. — Вып. I—II. — С. 62—78.
6. Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 года//ИАН СССР. Серия истории и философии. — 1950. — Т. VII. — № 6. — С. 547—558; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование//МИА. — 1955. — № 44. — С. 214—354; Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской//НиЭ. — 1963. — Т. IV. — С. 245—250; Яковлев Г. Г. К вопросу о денежной реформе правительства Елены Глинской (по нумизматическим данным)// НС ГИМ. — 1971. — Ч. 4. — Вып. I. — С. 43—63; Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской//Россия на путях централизации. — М.: Наука, 1982. — С. 66—76; Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. — С. 78—92.
7. Спасский И. Г. Деньги. — С. 239.
8. Мельникова А. С. Монетные клады времени Ивана Грозного//НС ГИМ. — 1980. — Ч. 6. — С. 25.
9. Спасский И. Г. Деньги. — С. 238; Янин В. Л. Хронология монетной реформы ...— С. 68.
10. Мельникова А. С. Из истории новгородской чеканки в XVI в.//ВИД. — 1981. — Т. XII. — С. 253—271.
11. ПСРЛ. — Спб., 1859. — Т. VIII. — С. 289.
12. Зимин А. А. О монетной реформе ... — С. 248.
13. ПСРЛ. — Спб., 1904. — Т. 13. — 1-я пол. — С. 93.
14. Там же. — 1906. — Т. 13. — 2-я пол. — С. 423.
15. Там же. — 1914. — Т. 20. — Ч. 2. — С. 429.
16. Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи//ПИ. — 1940. — Вып. III. — С. 237; Он же. Русское летописание. — М.: Наука, 1979. — С. 155.
17. ПСРЛ. — М. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 317.
18. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 67.
19. Там же. — С. 68.
20. ПСРЛ. — М. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 323.
21. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 67.
22. ПЛ. — М. — Л., 1941. — Вып. I. — С. 108.
23. Зимин А. А. О монетной реформе ... — С. 246.
24. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 69.
25. ПЛ. — М. — Л., 1955. — Вып. II. — С. 229.
26. ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 30. — С. 203, 204.
27. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 70—71.
28. ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. — Ч. I. — Вып. 3. — С. 616.
29. Зимин А. А. О монетной реформе ... — С. 247.
30. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 71.
31. ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. — Ч. I. — Вып. 3. — С. 570—571.
32. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 277.
33. Зимин А. А. О монетной реформе ... — С. 247.
34. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... С. 277.
35. Там же.
36. Зимин А. А. О монетной реформе ... — С. 247.
37. Орешников А. В. Материалы к русской нумизматике доцарского периода//ТМНО. — 1901. — Т. II. — С. 26—31.
38. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 74.
39. Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. — С. 104—105.
40. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 74.
41. ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 115.

42. Яковлев Г. Г. — Указ. соч. — С. 46—47.
43. Там же.
44. Янин В. Л. Хронология монетной реформы ... — С. 76.
45. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 292.

ГЛАВА 2

1. ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 115.
2. Там же. — С. 114.
3. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского. — С. 19.
4. Потин В. М. Указ. соч. — С. 81—88.
5. Там же. — С. 83.
6. Там же. — С. 83—84.
7. Там же. — С. 83.
8. Там же. — С. 84.
9. Там же. — С. 87.
10. Ларин Б. А. Русско-английский словарь дневника Ричарда Джемса (1618—1619). — Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 254—255.
11. Симсон П. Ф. Не только мортки, но и пироги и даже еще пулы в XVII в. — Тверь, 1909. — С. 3—12.
12. Потин В. М. Указ. соч. — С. 88.
13. Прозоровский И. Д. Монета и вес в России до конца XVII столетия. — Спб., 1865. — С. 371.
14. Симсон П. Ф. Мелочные расценки в допетровской Руси. — Тверь, 1911. — С. 10; см. также: Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. — Л.: Наука, 1977. — С. 110.
15. Потин В. М. Указ. соч. — С. 87—88.
16. Спасский И. Г. Деньги. — С. 229.
17. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. — М.: Изд-во МГУ, 1961. — С. 26—27.
18. Мельникова А. С. Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг.//НиЭ. — 1971. — Т. IX. — С. 144—158.
19. ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. — Ч. I. — Вып. 3. — С. 171.
20. ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 116—117.
21. СГГиД. — 1818. — Т.IV. — № 43. — С. 58—59.
22. Сочинение капитана Маржерета. — С. 276.
23. Прозоровский И. Д. Указ. соч. — С. 265—268; Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 250—259.
24. Спасский И. Г. Деньги. — С. 247.
25. Сочинение капитана Маржерета. — С. 276.
26. Сочинение Даниила Принца. — С. 70.
27. Сочинение капитана Маржерета. — С. 276.
28. Сочинение Даниила Принца. — С. 71.
29. Кляйненберг И. Э. Серебро вместо соли//История СССР. — 1977. — № 2. — С. 120.
30. Потин В. М. Указ. соч. — С. 77.
31. Дорошенко В. В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. — Рига: Знание, 1985. — С. 169—183.
32. Цит. по: Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 г.//АЕ за 1957 г. — М., 1958. — С. 110.
33. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 309.
34. Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в.//ВИД. — 1978. — Т. X. — С. 19—20.
35. ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. 4. — Ч. I. — Вып. 3. — С. 171.
36. Кауфман И. И. Указ. соч. — С. 73.
37. СГГиД. — 1819. — Ч. II. — № 43. — С. 58—59.
38. Майков В. В. Указ. соч. — С. 219, 235, 239; Греков Б. Д. Указ. соч. — С. 30.
39. ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 116.
40. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. — Л., 1925. — С. 105.
41. Сб. Московского архива Министерства юстиции. — Т. 5. — С. 12—13.
42. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 300.
43. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. I. — С. 153.
44. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. — С. 23—24.

45. ЗОРСА. — 1851. — Т. I. — Отд. 3. — С. 116.
46. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы//Труды МИРМ. — М., 1950. — Вып. 1. — С. 53—55.
47. Там же. — С. 55.
48. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. — М.: Изд-во МГУ, 1944. — С. 131.
49. Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным//СА. — 1960. — № 3. — С. 121—140.
50. Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. — М.: Наука, 1972.
51. Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в. — С. 19.
52. Сб. Московского архива Министерства юстиции. — Т. 5. — С. 12—13.
53. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Наука, 1955. — Т. I. — С. 423.
54. Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в.// НиЭ. — 1971. — Т. VIII. — С. 108—122; Она же. Новый («Английский») денежный двор ... — С. 151—152.

ГЛАВА 3

1. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 296—297.
2. Громыко М. М. Указ. соч. — С. 225—258.
3. Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря//ИЗ. — 1950. — Т. 35. — С. 294—303.
4. Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII вв.)//СВ. — 1973. — Т. 36. — С. 129—151.
5. Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. — М. — Л.: Наука, 1964. — С. 27, 213—214.
6. Attman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558—1595. — Lund, 1944. — S. 55.
7. Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера// Временник МОИДР. — 1850. — Кн. 8. — Материалы. — С. 16.
8. Флоря Б. Н. Торговля России ... — С. 136—137.
9. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 99.
10. Цит. по: Потин В. М. Указ. соч. — С. 84.
11. Мельникова А. С. Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти//ВИД. — 1985. — Т. XVII. — С. 121—133.
12. Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. — М.: Наука, 1974. — С. 48.
13. Там же. — С. 64.
14. Там же.
15. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 года//Киевская старина. — Киев, 1882. — Т. III. — Июль. — С. 103—104.
16. АИ. — 1841. — Т. 2. — С. 355, 424, 425.
17. ПСЗ. — 1830. — Т. I. — № 463. — С. 834.
18. Дуров В. А. Денежные дворы Приказа Большой Казны в конце XVII — начале XVIII в.// Памятники русского денежного обращения. — НС ГИМ. — М., 1980. — Ч. 7. — С. 21—22.
19. Сытин П. В. Указ. соч. — С. 413.
20. Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в.// Абсолютизм в России (XVII –XVIII вв.). — М.: Наука, 1964. — С. 144.
21. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 305—306.
22. Спасский И. Г. Деньги. — С. 240.
23. Любименко И. И. Торговля России с Англией и Голландией в 1533—1649 гг.// ИАН СССР. Отд. общественных наук. — 1933. — VI сер. — № 10.
24. Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — Спб., 1865. — С. 9. О дате дарования привилегии английской компании см. также: Willan T. S. The Early History of the Russia Company, 1533—1603. — Manchester, 1956. — P. 128.
25. Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. — С. 16.
26. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 259.
27. Статейный список ... — С. 16.

28. Лурье Я. С. Английская политика на Руси в конце XVI в.//Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1947. — Т. 61.
29. Любименко И. И. Указ. соч. — С. 749—751.
30. Статейный список ... — С. 16.
31. Гамель И. Указ. соч. — С. 118.
32. Статейный список ... — С. 17.

ГЛАВА 4

1. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже//Русская нумизматика XI—XX веков. — Л.: Аврора, 1973. — С. 72 (клады № 21 и 22).
2. Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон//История СССР. — 1977. — № 3. — С. 141—157.
3. Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол//ВИД. — 1973. — Т. X. — С. 206—225.
4. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. — М.: Мысль, 1986. — С. 212—233; Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г.//АЕ за 1968 г. — М., 1970. — С. 138.
5. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — М.: Наука, 1978. — С. 128—137; Он же. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — С. 11—37.
6. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 318—319.
7. Спасский И. Г. Деньги. — С. 241.
8. Мельникова А. С. События 1598 г. и монеты Бориса Годунова//ИЗ. — 1983. — Т. 109. — С. 208.
9. Павлов А. П. Указ. соч. — С. 208.
10. Платонов С. Ф. Борис Годунов. — Пг., 1921. — С. 38; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос. — М.—Л.: Наука, 1964. — С. 73—76, 91, 170—185; Он же. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — нач. XVII вв.//Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. — М.: Наука, 1966. — С. 10—25.
11. Флоря Б. Н. Торговля России ... — С. 142.
12. Там же.
13. Там же. — С. 144—145.
14. Временник Ивана Тимофеева. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 71, 240.
15. Опись Новгорода 1617 г. — Вып. 1 (3). — С. 135.
16. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 316.
17. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М.: Наука, 1975. — С. 122—128; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... — С. 39.
18. Корецкий В. И. Формирование крепостного права ... — С. 138—139.
19. Там же. — С. 145; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... — С. 41—42.

ГЛАВА 5

1. Мемуары Арсения//Тр. Киевской духовной академии. — 1899. — № 4. — С. 462.
2. СГГиД. — 1819. — Т. II. — С. 217.
3. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Спб., 1834. — Ч. IV. — С. 117.
4. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... — С. 321—322; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. IV. — Т. 8. — М.: Соц.-эконом. литература, 1960. — С. 430.
5. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). — 2-е изд. — М., 1937. — С. 221.
6. СГГиД. — 1819. — Т. II. — С. 261.
7. Карзинкин А. О медалях Дмитрия Ивановича. — М., 1889. — С. 78. — Табл. 1. — Рис. 8.
8. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Ч. IV. — С. 132; РИО. — 1912. — Т. 37. — С. 221—223.
9. Цит. по: Никитина Л. Н. Английские хроники о титуле русских царей//Общество и государство феодальной России. — М.: Наука, 1975. — С. 174.

10. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII века. — М.: Наука, 1978; Флоровский Л. В. Страницы истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в.//Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе/Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. — М.: Наука, 1972. — С. 389—396.
11. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Спб., 1859. — Ч. I. — С. 187—188.
12. Сказания иностранных писателей о России. Изд. Археологическою комиссиею. — Спб., 1851. — Ч. I. — С. 350.
13. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Ч. IV. — С. 158.
14. Там же. — С. 150.
15. Сочинение капитана Маржерета. — С. 299.
16. Масса, Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. — М., 1937. — С. 134.
17. Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III//ВИД. — 1976. — Т. VIII. — С. 110—131.
18. ААЭ. — 1836. — Т. II. — № 67. — С. 155.
19. Мемуары Арсения//Тр. Киевской духовной академии. — 1898. — № 3. — С. 587—593.
20. См.: Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве...
21. Там же. — С. 313—320.
22. СГГиД. — 1819. — Т. II. — С. 207—210; Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... — С. 314—317.
23. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М.: Наука, 1975. — С. 98.
24. Леонтьев А. К. Указ. соч. — С. 140, 150.
25. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. IV. — Т. 8. — С. 439—440.
26. Корецкий В. И. Формирование крепостного права ... — С. 238—249.
27. Веселовский С. Б. Понижение веса копеек при царе Василии Шуйском//НС. — 1913. — Т. II. — С. 135—144; Он же. Семь соборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. — М., 1908. — С. 15—16; Чижов С. И. О весе копеек царя Василия Шуйского//НС. — 1913. — Т. II. — С. 144—164.
28. Кауфман И. И. Указ. соч. — С. 80—82.
29. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 298—300.
30. Там же.
31. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. IV. — Т. 8. — С. 459—460.
32. СГГиД. — 1819. — Т. II. — № 140. — С. 298, 299; № 141. — С. 299—300.
33. Платонов С. М. Очерки по истории смуты ... — С. 226—230.
34. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 313—320.
35. Платонов С. М. Очерки по истории смуты ... — С. 288—289.
36. Корецкий В. И. К истории восстания Болотникова//ИА. — 1956. — № 2. — С. 127—128.
37. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты ... — С. 267—282.
38. Временник Ивана Тимофеева. — С. 102—103, 275.
39. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. Столбцы Печатного приказа/Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина//ЧОИДР. — 1915. — Т. XXIV.
40. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 323.
41. Там же.
42. Корецкий В. И. Формирование крепостного права ... — С. 344—351.
43. ПЛ. — М.—Л., 1955. — Вып. II. — С. 268.
44. Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты ... — С. 284.
45. ПЛ. — М.—Л., 1955. — Вып. II. — С. 271.
46. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 320.
47. ПЛ. — М.—Л., 1955. — Вып. II. — С. 271—274.
48. ААЭ. — 1836. — Т. II. — № 144, 145. — С. 259.
49. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 338—339.
50. Там же. — С. 341—345.
51. Акты времени правления царя Василия Шуйского/Под ред. А. М. Гневушева. — М., 1914. — С. 153.
52. Сказание Авраамия Палицына/Под ред. Л. В. Черепнина. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 202—204.
53. Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613)/Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. — М., 1915. — С. 99.
54. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве ... — С. 326.
55. Яковлев Г. Г. Указ. соч. — С. 61. — Табл. VII. — Рис. 3—6.
56. Пермская старина//Сб. статей и материалов преимущественно о Пермском уезде. — Пермь, 1895. — Вып. VI. — С. 139—140.

57. Новый летописец//ПСРЛ. — М., 1965. Т. XIV. - С. 230.
58. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. V. - Т. 9. — С. 142.

ГЛАВА 6

1. Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. IV. — Т. 8. — С. 615.
2. Акты времени междуцарствия ... - С. 99—100.
3. РИБ. — 1875. - Т. II. — № 95. — С. 242.
4. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие ... — С. 510.
5. Временник Ивана Тимофеева. — С. 129, 304.
6. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие ... — С. 510.
7. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — С. XX. — Прим. 3.
8. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. — М.—Л.: Наука, 1946. — С. 43.
9. Любомиров П. Т. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. 2-е изд. — М., 1939. — С. 156.
10. РИБ. — 1875. — Т. II. — № 95. — С. 247 и след.
11. Записки киевского мещанина Божка Балыки ... — С. 103 104.
12. Там же. — С. 100.
13. Акты времени междуцарствия ... — С. 68, 75.
14. Мельникова А. С. Клад русских монет XVI—XVII вв. из Смоленска//Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VI. — М.: Московский рабочий, 1967. — С. 289—294.
15. Акты времени междуцарствия ... — С. 99.
16. Цит. по: Лаврентьев А. В. Оригинальные сведения о «смутном времени» в летописном своде 1652 г.//Исследования по источниковедению истории СССР до октябрьского периода. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. — С. 119.
17. РИБ. - 1875. — Т. II. — № 95. — С. 226, 236, 242, 245—246 и др.
18. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... — С. 253.
19. РИБ. — 1875. — Т. II. — № 95. — С. 247.
20. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 336 - 337.
21. РИБ. — 1875. — Т. II. — № 95. — С. 248.
22. Мельникова А. С. Клад русских монет... — С. 292.
23. Там же. — Рис. 1, б.
24. ПЛ. — М. — Л., 1955. — Вып. II - С. 274.
25. Новый летописец. — С. 115.
26. Забелин И. Г. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. — 2-е изд. — М., 1883. С. 293 — 299.
27. Станиславский А. Л. Движение И. М. Заруцкого и социально-политическая борьба в России в 1600 — 1613 гг.// ИЗ. — 1983. — Т. 109. — С. 308; Долинин Н. П. К разбору версии правительства Михаила Романова о И. М. Заруцком//АЕ за 1962 г. - М., 1963. — С. 138 — 146.
28. Любомиров П. Г. Указ. соч. — С. 67.
29. Новый летописец. — С. 117.
30. Там же.
31. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 345 350.
32. ААЭ. — Спб., 1836. — Т. II. — № 203. — С. 251.
33. Любомиров П. Г. Указ. соч. — С. 123.
34. Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 583.
35. Постникова-Лосева М. М. Указ. соч. — С. 69, 71.
36. Там же. — С. 70.
37. Мец Н. Д. Ярославские князья... — С. 121 140.
38. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. - № 246. С. 99.
39. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... С. 345 350.
40. Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича//АЕ за 1958 г. — М., 1960. С. 76.
41. Она же. Новое о монетах Ярославского денежного двора// Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. — М.: Наука, 1977. С. 274 — 281.
42. Цит. по: Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 76.
43. Платонов С. М. Очерки по истории смуты... С. 421.
44. Любомиров П. Г. Указ. соч. — С. 137 — 138.
45. Там же. - С. 77.
46. Новый летописец. С. 124.

ГЛАВА 7

1. Станиславский А. Л. Движение И. М. Заруцкого... — С. 307, 338.
2. ААЭ. — Спб., 1836. — Т. II. — № 213.
3. Новый летописец. — С. 127.
4. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Ч. 2. — С. 82.
5. Мемуары Арсения//Тр. Киевской духовной академии. — 1898. — № 2. — С. 116 — 117.
6. Станиславский А. Л. Русское казачество в первой четверти XVII в./ Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: МГИАИ, 1984. — С. 26 — 27.
7. Повесть о Земском соборе 1613 г./ Публикацию подготовили А. Л. Станиславский и Б. Н. Морозов// ВИ. — 1985. — № 5. — С. 89 — 96.
8. Станиславский А. Л. Русское казачество... — С. 28.
9. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — С. 28.
10. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 345 — 350.
11. Янин В. Л. Монетные клады Ярославского краеведческого музея// Краеведческие записки. — Ярославль: Ярославский областной краеведческий музей, 1957. — Вып. 2. — С. 24; Он же. Из истории русской монетной чеканки в 1612 — 1613 гг.//НиЭ. — 1960. — Т. I. — С. 78 — 93; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — С. 75 — 77; Она же. Новое о монетах Ярославского денежного двора. — С. 274 — 284.
12. Любомиров П. Г. Указ. соч. — С. 231 — 232.
13. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — С. 18.
14. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... — С. 72.
15. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — № 246. — С. 99.
16. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 318, 319. — Табл. II, Д; Мельникова А. С. События 1598 г. и монеты Бориса Годунова. — С. 346.
17. Черепнин Л. В., Шумилов В. И., Александрова М. И. Указ. соч. — С. 119.
18. Цит. по: Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде// Новгородский исторический сборник. — Вып. III. — Новгород, 1938. — С. 55.
19. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. IV. — Т. 9. — С. 673 — 674.
20. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 341 — 345.
21. Мельникова А. С. Новые данные о чеканке монет в Новгороде в 1611 — 1617 гг.// НС ГИМ. — М., 1977. — Ч. 5. — Вып. 2. — С. 179 — 193.
22. Berglund A., Zakharov V. V. Op. cit. В этой работе издаются записи о работе Новгородского денежного двора с декабря 1613 г. по февраль 1617 г., ранее известные русскому читателю только по выборочным выпискам, опубликованным К. И. Якубовым в 1890 и 1891 гг.
23. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 240 — 251.
24. Там же. — С. 339.
25. Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг.//Новое в археологии: Сб. статей, посвященных 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — С. 164.
26. Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам... — С. 68.
27. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. V. — Т. 9. — С. 80.
28. Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г.// Новгородский исторический сборник. — Новгород, 1937. — Вып. II. — С. 53 — 72.
29. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 242.
30. Berglund A., Zakharov V. V. Op. cit. — P. 29 — 32.
31. Цит. по: Янин В. Л. Новые материалы... — С. 92.
32. Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV века// НС ГИМ. — 1974. — Ч. 3. — С. 140; Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы// ВИД. — 1979. — Т. XI. — С. 256.
33. Berglund A., Zakharov V. V. Op. cit. — P. 47, 48.
34. Ibid. — P. 48 — 49, 51 — 52.
35. Ibid. — P. 13 — 14, 20 — 22, 23 — 24.
36. Ibid. — P. 25.
37. Ibid. — P. 26 — 27.
38. Ibid. — P. 12, 50.
39. Ibid. — P. 13, 24.
40. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. V. — Т. 9. — С. 85.
41. Мельникова А. С. Новые данные о чеканке монет в Новгороде в 1611 — 1617 гг. — С. 179 — 193.
42. Спасский И. Г. Новые материалы о Новгородском денежном дворе 1611 — 1617 гг. — С. 294 — 301.

43. Шаскольский И. П. Столбовский мир... — С. 25 — 28.
44. Соловьев С. М. Указ. соч. — Кн. V. — Т. 8. — С. 86.
45. Шаскольский И. П. Столбовский мир... — С. 141.
46. Спасский И. Г. Новые материалы... — С. 301.
47. Цит. по: Шаскольский И. П. Столбовский мир... — С. 203.
48. Мельникова А. С. Новые данные... — С. 192.
49. Сотникова М. Н., Спасский И. Г. Указ. соч. — С. 73 (клад № 32). Русская часть клада в этом издании представлена неполно и неточно, и мы используем сведения, полученные нами при визуальной обработке клада.
50. Мельникова А. С. Новый («Английский») денежный двор... — С. 144—148.
51. Янин В. Л. Новые материалы... — С. 88.
52. Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме Новгородский архив начала XVII века// Советские архивы. — 1968. — № 3. — С. 114 — 119.
53. Там же. — С. 117.

ГЛАВА 8

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.
2. Сахаров А. М. Россия и ее культура в XVII столетии//Очерки русской культуры XVII века. — Ч. I. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — С. 18.
3. Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. — М.: Наука, 1981. — С. 191.
4. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв.// Абсолютизм в России (XVII — XVIII вв.). — М.: Наука, 1964. — С. 284 — 296; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. — М.: Наука, 1987.
5. Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича// Ученые записки МГУ. История. — М.: Изд-во МГУ, 1940. — Вып. 41. — С. 32.
6. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера... — С. 154 — 155.
7. Олеарий, Адам. Указ. соч. — С. 358.
8. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. — М., 1897. — С. 242.
9. Де Родес, Иоганн. Указ. соч. — С. 17.
10. Там же. — С. 215.
11. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 121. — С. 181.
12. Там же. — № 165. — С. 249 — 254.
13. ДАИ. — 1848. — Т. III — № 55. — С. 190 — 191.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 106, 119.
15. Мельникова А. С. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI — XVII вв.// Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. — М.: Наука, 1984. — С. 158.
16. Олеарий, Адам. Указ. соч. — С. 421.
17. Цит. по: Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Харьков, 1889. — С. 141.
18. Сборник указов по монетному и медальному делу в России... — Спб., 1887. — Вып. I. — № 1776. — С. 30.
19. ДАИ. — 1848. — Т.III. — № 55. — С. 190.
20. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16 — 17.
21. Там же. — С. 11 — 13.
22. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — С. 118.
23. Потин В. М. Указ. соч. — С. 68 — 69.
24. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16 — 17.
25. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... — С. 390.
26. Цит. по исправленному от опечаток тексту указа 1617 г.: Янин В. Л. Новые материалы... — С. 92.
27. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 252.
28. Там же. — С. 255 — 258.
29. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16 — 17.
30. Янин В. Л. Новые материалы... — С. 92.
31. Там же. — С. 96
32. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16.
33. Янин В. Л. Новые материалы... — С. 99 — 100.
34. Там же. — С. 97 — 98.

35. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. — М.: Наука, 1976. — С. 189.
36. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 77.
37. Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 148 — 149.
38. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 86 — 87.
39. Цит. по: Янин В. Л. Новые материалы... — С. 97 — 98.
40. Там же. — С. 99.
41. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16 — 17.
42. Потин В. Л. Указ. соч. — С. 59 — 60.
43. Векслер А., Мельникова А. Московские клады. — 2-е изд. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 184 — 185; Беляков А. С. Коломенский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII века// НС ГИМ. — М., 1980. — Ч. 6. — С. 60 — 167.
44. Дорошенко В. В. Торговля и купечество... — С. 73 — 74.
45. Де Шодуар С. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен/ Пер. с фр. — Спб., 1837. — Т. I. — Табл. 4. — Рис. 10; 1841. — Т. II. — С. 59 — 60.
46. Axel, Ernst. On Goldsmith, Mint-master and Mint-shareholder Johan Post and his Coinages// Nordisk Numismatic Unions Årsskrift. Scandinavian Numismatic Journal. — 1949. — P. 102.
47. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1325 — 1690. — М., 1893.
48. Очерки истории СССР. XVII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 773.
49. Дорошенко В. В. Русский экспорт через Нарву (по данным Ивангородской таможни 1619 — 1620 гг.)// Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972. — С. 339 — 350.
50. Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — С. 39 — 40.
51. Датский архив. — № 679 (631).
52. Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — С. 195.
53. ЗРАО. — 1877. — Т. III. — С. 183—184; Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 16—17.
54. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 225.
55. Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — С. 190.
56. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... — С. 130.
57. Там же. — С. 510.
58. Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 144; Богоявленский С. К. Указ. соч. — С. 43.
59. Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 150—151.
60. Очерки истории СССР. XVII в. — С. 463.
61. Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — С. 195.
62. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 57. — С. 80 — 89.
63. Поршнев Б. Ф. Указ. соч. — С. 226.
64. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 106. — С. 165.
65. Цит. по: Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. — 2-е изд. — Спб., 1905. — С. 47. См. также: Очерки истории СССР. XVII в. — С. 407—476.
66. Милюков П. Указ. соч. — С. 48 — 49.
67. Янин В. Л. Новые материалы... — С. 87 — 88.
68. Памятники отечественной истории. — М., 1984. — Вып. 3(1). — С. 135 — 136.
69. Янин В. Л. Новые материалы... — С. 98 — 99.
70. Цит. по: Янин В. Л. Новые материалы... — С. 97 — 98.
71. Цит. по: Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды Ордина-Нащокина (XVII в.)//Тр. Воронежского университета. Вып. X. — Воронеж, 1950. — С. 14.
72. Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — С. 87 — 88.
73. Эти сведения приведены в тексте диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук А. Л. Станиславского «Русское казачество в первой четверти XVII в.» — М.: МГИАИ, 1984. — С. 210 — 211.
74. Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 142.
75. Станиславский А. Л. Правительственная политика по отношению к «вольному» казачеству (1612 — 1619)// История СССР. — 1984. — № 5. — С. 66 — 79; Он же. Русское казачество в первой четверти XVII в. — С. 38 — 43.
76. Станиславский А. Л. Правительственная политика... — С. 70 — 79.
77. ПСРЛ. — Л., 1929. — Т. IV. — С. 335.
78. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 334.
79. Axel, Ernst. Op. cit. — P. 102.
80. Ibid. — P. 102.

81. Де Шодуар С. Указ. соч. — Т. I. — Табл. 4. — Рис. 10, 11; Т. II. — С. 59—60; Гуттен-Чапский Э. К. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. — Спб., 1875. — С. 155—156.
82. Axel, Ernst. Op. cit. — P. 94—104.
83. Янин В. Л. Монетные клады Ярославского краеведческого музея. — С. 260 — 262.
84. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве... — С. 344.
85. Мельникова А. С. Русско-датские монеты XVII века в собрании Государственного Исторического музея// Ежегодник ГИМ. — М., 1960. — С. 90 — 105.
86. Датский архив. — № 681 (633), 684 (636), 686 (638), 688 (640), 691 (643).
87. Axel, Ernst. Op. cit. — P. 94 — 97.
88. Веселовский С. Б. Семь сборов... — С. 188 — 189: Грамота из Устюжской чети на Тотьму. Этот же указ, пишет С. Б. Веселовский, находится в грамоте от 3 мая 128 г. к Соли Вычегодской.
89. АМГ. — 1901. — Т. 3. — № 540. — С. 461 — 462.

ГЛАВА 9

1. ДАИ. — 1848. — Т. III. — № 55. — С. 190 — 191.
2. Цит. по: Якубов К. Россия и Швеция... — С. 242 — 243.
3. Известия императорского археологического общества. — Спб., 1861. — Т. 2. — С. 244.
4. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 58. — С. 100; № 103. — С. 159.
5. Форстен Г. Сношения России и Швеции во второй половине XVII в.// ЖМНП. — 1890. — Т. IX. — С. 55.
6. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 94; № 100. — С. 156.
7. Там же. — № 91. — С. 127.
8. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера... — С. 402.
9. Там же. — С. 159 — 160.
10. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 228. — С. 401.
11. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 97.
12. Алеппский П. Указ. соч. — С. 116.
13. ЧОИДР. — 1915. — Т. II. — С. 160, 169.
14. Путешествие в Московию барона Мейерберга. — С. 178.
15. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 98.
16. Спасский И. Г. Денежное обращение Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654 — 1663 гг.//АЕ за 1959 г. — М., 1960. — С. 115 — 117.
17. ДАИ. — 1848. — Т. III. — № 55. — С. 189—190.
18. Базилевич К. Б. Элементы меркантилизма... — С. 10.
19. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 100 — С. 156.
20. Буцинский П. И. Указ. соч. — С. 141.
21. См.: Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ...
22. ЦГАДА. Разрядный приказ. Севский стол. — Ф. 210. — Стб. 157. — Л. 71.
23. ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. — Ф. 210. — Стб. 807.
24. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — С. 21—22.
25. ЦГАДА. Разрядный приказ. Приказный стол. — Ф. 210. — Стб. 289. — Л. 13—14, 19 20.
26. Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ... — С. 124—125; Он же. Русские ефимки. Исследование и каталог. — Новосибирск: Наука, 1988. С. 210. — Рис. 1.
27. Спасский И. Г. Русские ефимки. — С. 22—23.
28. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 134. — С. 194—195.
29. ДАИ. — 1853. — Т. V. — С. 7.
30. Русское государство в половине XVII века. — С. 78, 200.
31. Мельникова А. С. Систематизация монет Алексея Михайловича (1645—1676)//ВИД. — 1970. — Т. III. — С. 201—216.
32. Базилевич К. В. Денежная реформа... — С. 16—20.
33. Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ... — С. 141.
34. Цит. по: Янин В. Л. К истории денежной реформы Алексея Михайловича//ВИД. — 1985. — Т. XVII. — С. 157.

35. Там же.
36. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 97.
37. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера... — С. 155.
38. Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства//ИЗ. — 1955. — № 53. — С. 285.
39. Там же. — С. 286.
40. Там же. — С. 288.
41. Булычев Н. И. Опыт классификации медных монет царя Алексея Михайловича. — М., 1910.
42. Базилевич К. В. Денежная реформа... — С. 20.
43. Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ... — С. 129.
44. Там же. — С. 137.
45. ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. — Ф. 210. — Стб. 864. — Л. 263.
46. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 98.
47. О работе Старого денежного двора в годы реформы 1654—1663 гг. см. также: Мельникова А. С. Московский денежный двор в середине XVII в.//АЕ за 1964 г. — М., 1965. — С. 77. — 84.
48. ЦГАДА. Разрядный приказ. Севский стол. — Ф. 210. — Стб. 157. — Л. 135—136.
49. Там же. — Аптекарский приказ. Дела Нового английского денежного двора. — Ф. 361/1. — Ед. хр. 1—6.
50. АМГ. — 1901. — Т. 3. — № 540. — С. 461—462.
51. Архив Псковского музея. — 259/49. — Л. 206; ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. — Ф. 210. — Стб. 864. — Л. 7.
52. Спасский И. Г. Денежное хозяйство России в середине XVII в. ... — Табл. II. — Рис. 9.
53. О работе Псковского и Новгородского дворов см.: Мельникова А. С. Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. — С. 108—122.
54. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 180.
55. Маркевич А. О чеканке русских денег в г. Кокенгаузене в половине XVII в.//Тр. X Археологического съезда в Риге в 1896 г. — М., 1899. — Т. I. — С. 241—244.
56. Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. ... — С. 140.
57. АМГ. — 1894. — Т. 2. — № 1018. — С. 602—603.
58. См.: Мельникова А. С. О чеканке монет в Кукенойсе в середине XVII в.//СА. — 1964. — № 3. — С. 141—148.
59. Котошихин Г. Указ. соч. — С. 98; ЦГАДА. Аптекарский приказ. — Ф. 361/1.
60. ЦГАДА. Разрядный приказ. Безгласный стол. — Стб. 80. — Л. 84—98.
61. ААЭ. — Т. IV. — № 131. — С. 179.
62. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 165. — с. 250.
63. Там же.
64. Там же. — С. 249.
65. Там же. — С. 250.
66. Псковский областной краеведческий музей. — № 298/43. — Л. 479.
67. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 165—166. — С. 249—251.
68. Там же. — № 135. — С. 196.
69. ЦГАДА. Разрядный приказ. Безгласный стол. — Стб. 80. — Л. 86.
70. Там же.
71. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 145. — С. 218.
72. Там же. — № 134. — С. 194—195.
73. Рухманова З. Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в.//Скандинавский сборник. — Т. II. — Таллинн, 1957. — С. 53
74. Русско-шведские экономические отношения XVII в. — № 165—166. — С. 249—251.
75. Там же. — № 134. — С. 194—195.
76. Там же.
77. ЦГАДА. Разрядный приказ. Московский стол. — Стб. 864. — Л. 173.
78. Там же. — Л. 7.
79. Там же. — Новгородский стол. — Стб. 127. — Л. 207—208.
80. ААЭ. — Т. IV. — № 130. — С. 178.
81. Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 204; Тверская Д. И. Москва второй половины XVI века — центр складывающегося всероссийского рынка//Тр. ГИМ. — 1959. — С. 74.

82. Историческое описание, до монетного дела принадлежащее, писаное по 1761 г. действительным статским советником Бергколлегии и Монетного департамента президентом Иваном Шляттером; а с того по 1778 год продолженное и дополненное с показанием числа денег, колико оных в царствование каждого монарха выходило, статским советником и означенных же присутственных мест начальствующим членом Нартовым//Горный журнал. — 1832. — Ч. IV. — Кн. XI. — С. 313—314.
83. Кауфман И. П. Указ. соч. — С. 98—99.
84. Устюгов Н. В. Указ. соч. — С. 159—161.
85. ЦГАДА. Разрядный приказ. Приказной стол. — Ф. 210. — Стб. 268. — Л. 111—112, 151—154, 155—158.
86. Там же. — Белозерский стол. — Ф. 210. — Стб. 294. — Л. 290—291.
87. Там же. — Стб. 338. — Л. 670—688.
88. АМГ. — 1892. — Т. I. — № 317. — С. 336.
89. ЦГАДА. Разрядный приказ. Новгородский стол. — Ф. 210. – Стб. 10. — Л. 154—158.
90. Там же. — Стб. 83. — Л. 297—298.
91. Там же. — Стб. 61. — Л. 75—78.
92. СГГиД. — 1822. — Т. III. — № 106. — С. 360.
93. АМГ. — 1984. — Т. 2. — № 439. — С. 272; ААЭ. — 1836. — Т. IV. — № 7.
94. СГГиД. — 1822. — Т. III. — № 106. — С. 360.
95. ЦГАДА. Аптекарский приказ. Дела Английского денежного двора. — Ф. 361/1.
96. Там же. — Разрядный приказ. Безгласный стол. — Ф. 210. — Стб. 80. — Л. 84—98.
97. Путешествие в Московию барона Мейерберга. — С. 179—180.
98. Там же.
99. АМГ. — 1901. — Т. 3. — № 540. — С. 461—462.
100. АИ. — 1842. — Т. IV. — № 158.
101. ААЭ. — 1836. — Т. IV. — № 147. — С. 195—196.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. — Спб.
АЕ — Археографический ежегодник. — М.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Спб.
АМГ — Акты Московского государства. — Спб.
АЮБ — Акты, относящиеся доюридического быта древней России. — Спб.
БОМ — Брянский областной музей
ВИ — Вопросы истории, журнал. — М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, сборник. — Л.
ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
ВСМЗ — Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Спб.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. — Спб.
ЗВМ — Звенигородский музей-заповедник
ЗОРСА — Записки Общества Русско-славянской археологии. — Спб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. — Спб.
ИА — Исторический архив, журнал. — М.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР, журнал. — М.
ИЗ — Исторические записки, журнал. — М.
КОК — Костромской областной краеведческий музей
КОМ — Калининский областной музей
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. — М.
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских
НиЭ — Нумизматика и эпиграфика, сборник. — М.
НМ — Новгородский музей
НС — Нумизматический сборник. — М.
НС ГИМ — Нумизматический сборник Государственного Исторического музея. — М.
ОН ГИМ — Отдел нумизматики Государственного Исторического музея
ОН ГМИИ — Отдел нумизматики Государственного музея изобразительных искусств
ОН ГЭ — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа
ПИ — Проблемы источниковедения, сборник. — М. — Л.
ПЛ — Псковские летописи
ПСЗ — Полное собрание законов. — Спб.
ПСИХАМЗ — Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПСК — Псковский краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека. — Спб.
СА — Советская археология, журнал. — М.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
СВ — Средние века, журнал. — М.
СГГиД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М.
СГМ — Солигаличский музей
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. — Л.
СОМ — Смоленский областной музей
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества. — М.
ТОКМ — Тульский областной краеведческий музей
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. — М.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М.
Эст. — Нумизматическое собрание Института истории АН Эстонской ССР
ЯКМ — Ярославский краеведческий музей

Таблица 1. ДОРЕФОРМЕННЫЙ ВЫПУСК. 1533–1535 гг.

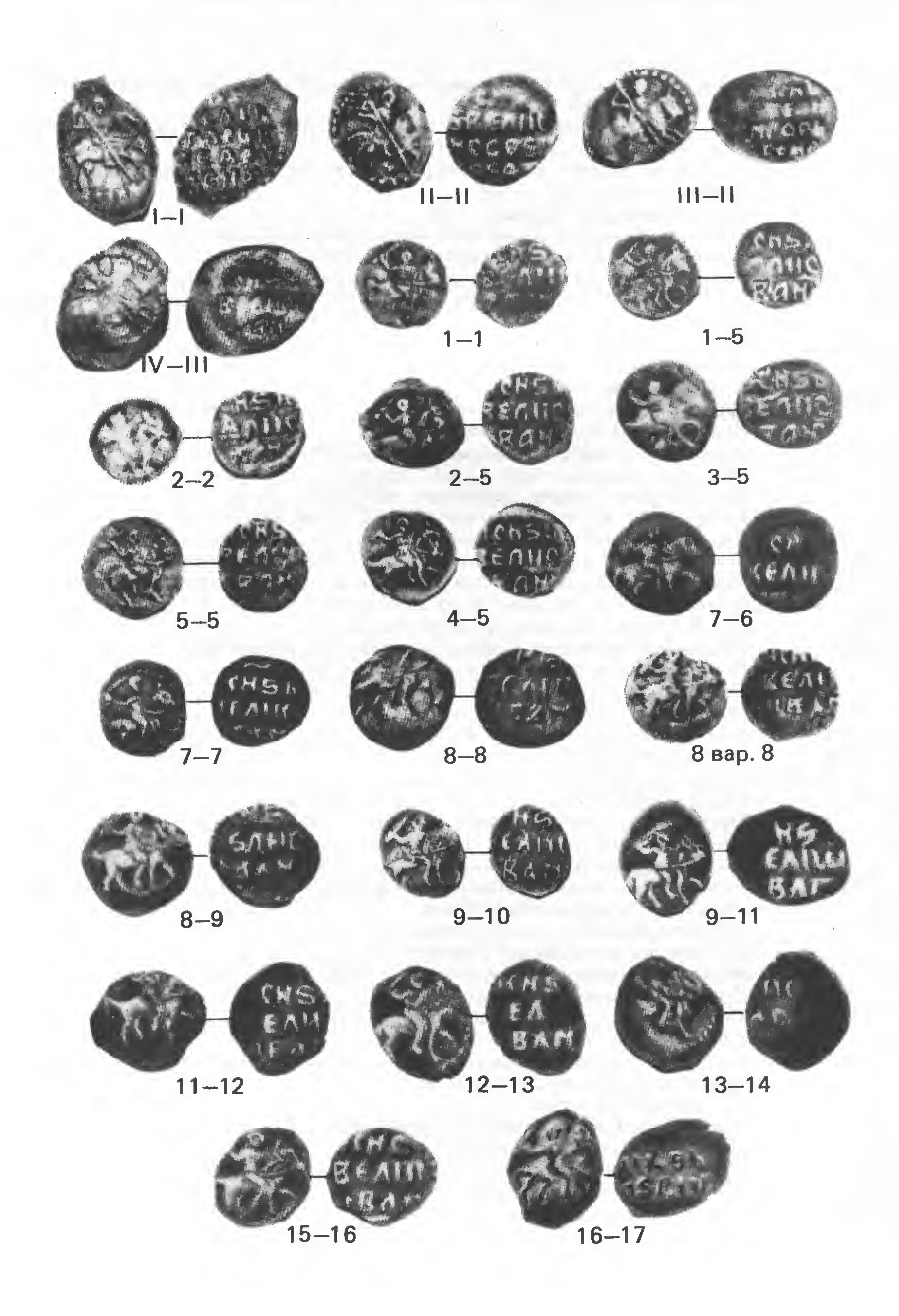

Таблица 2. ИВАН IV (1533–1584)
Московский денежный двор

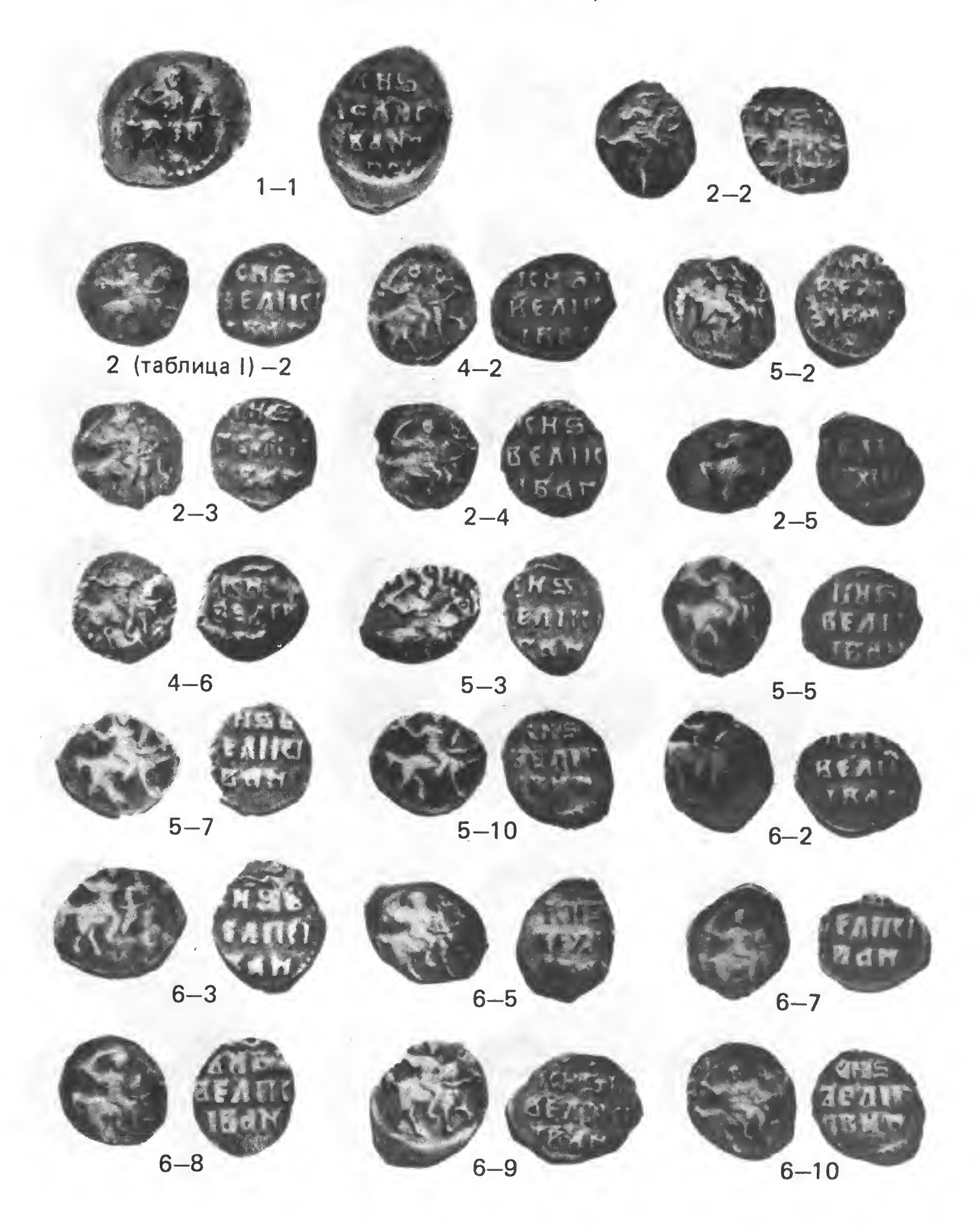

Таблица 3 ИВАН IV (1533–1584)
Московский денежный двор, окончание

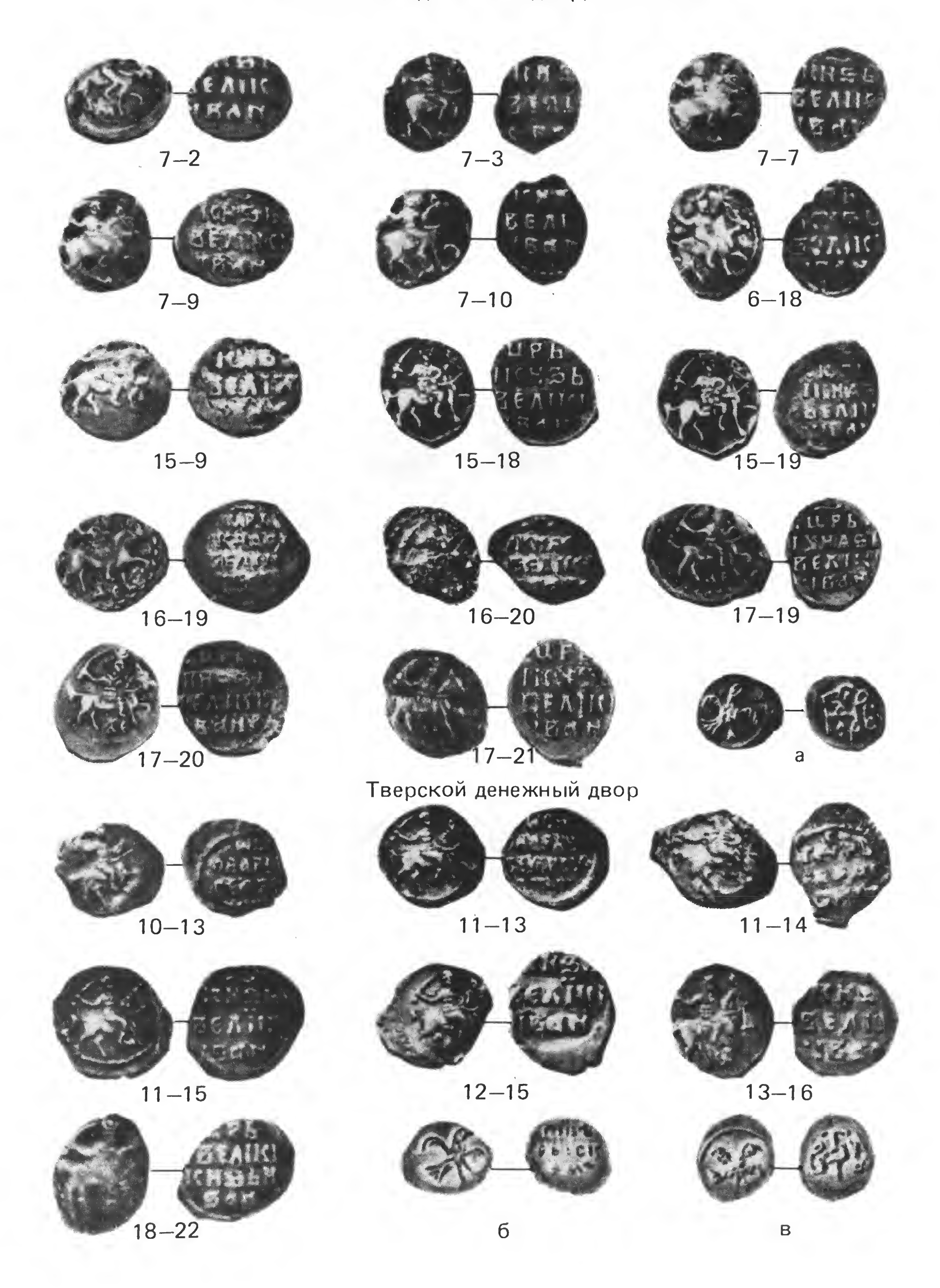

Таблица 4. ИВАН IV (1533–1584)
Псковский денежный двор

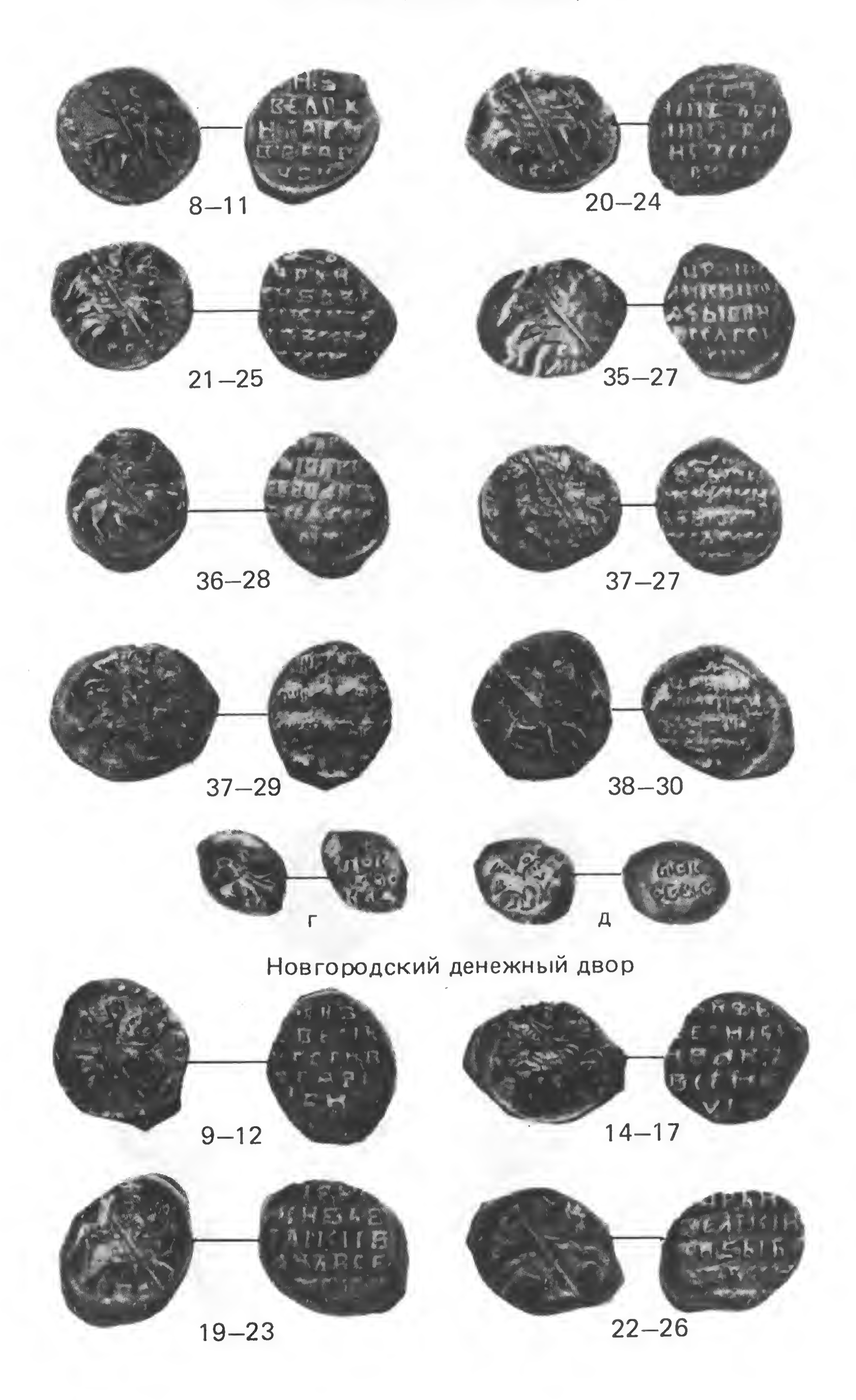

Таблица 5. ИВАН IV (1533–1584)
Новгородский денежный двор, окончание

Таблица 6. ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1584–1598)
Московский денежный двор

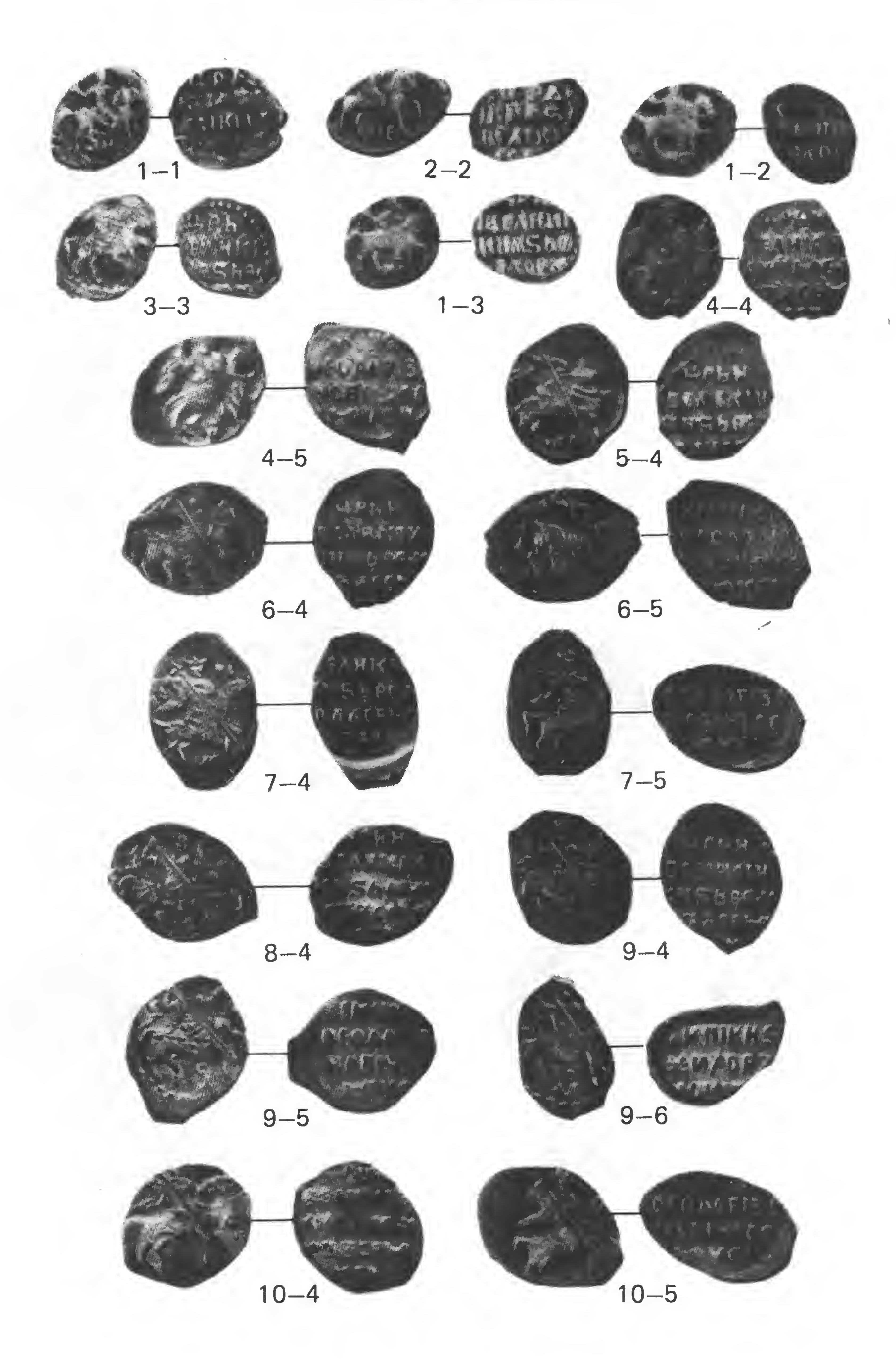

Таблица 7. ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1584–1598)
Псковский денежный двор

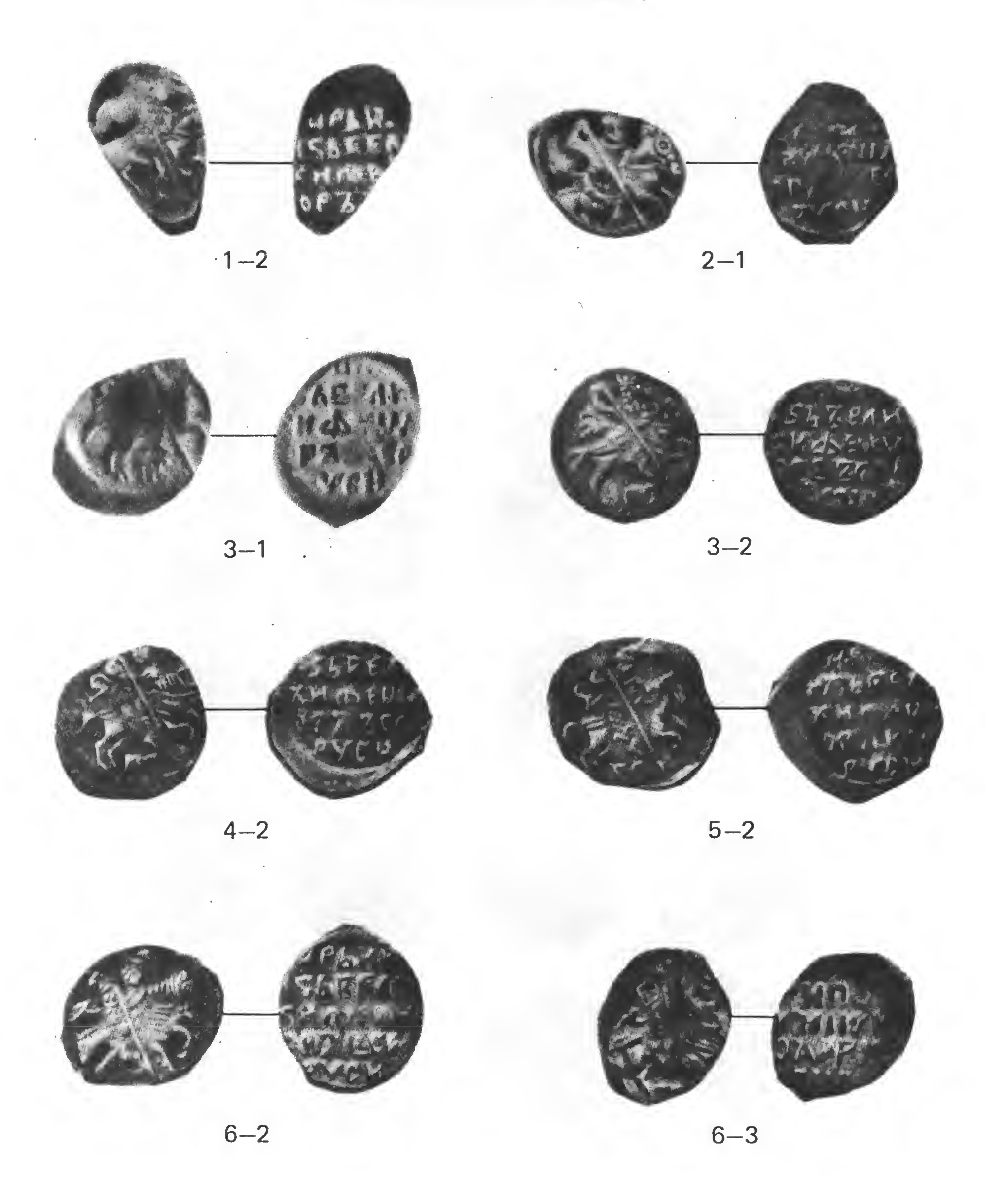

Таблица 8. ФЕДОР ИВАНОВИЧ (1584–1598)
Новгородский денежный двор

Таблица 9. АНГЛИЙСКАЯ МОСКОВСКАЯ КОМПАНИЯ
Подражания русским монетам

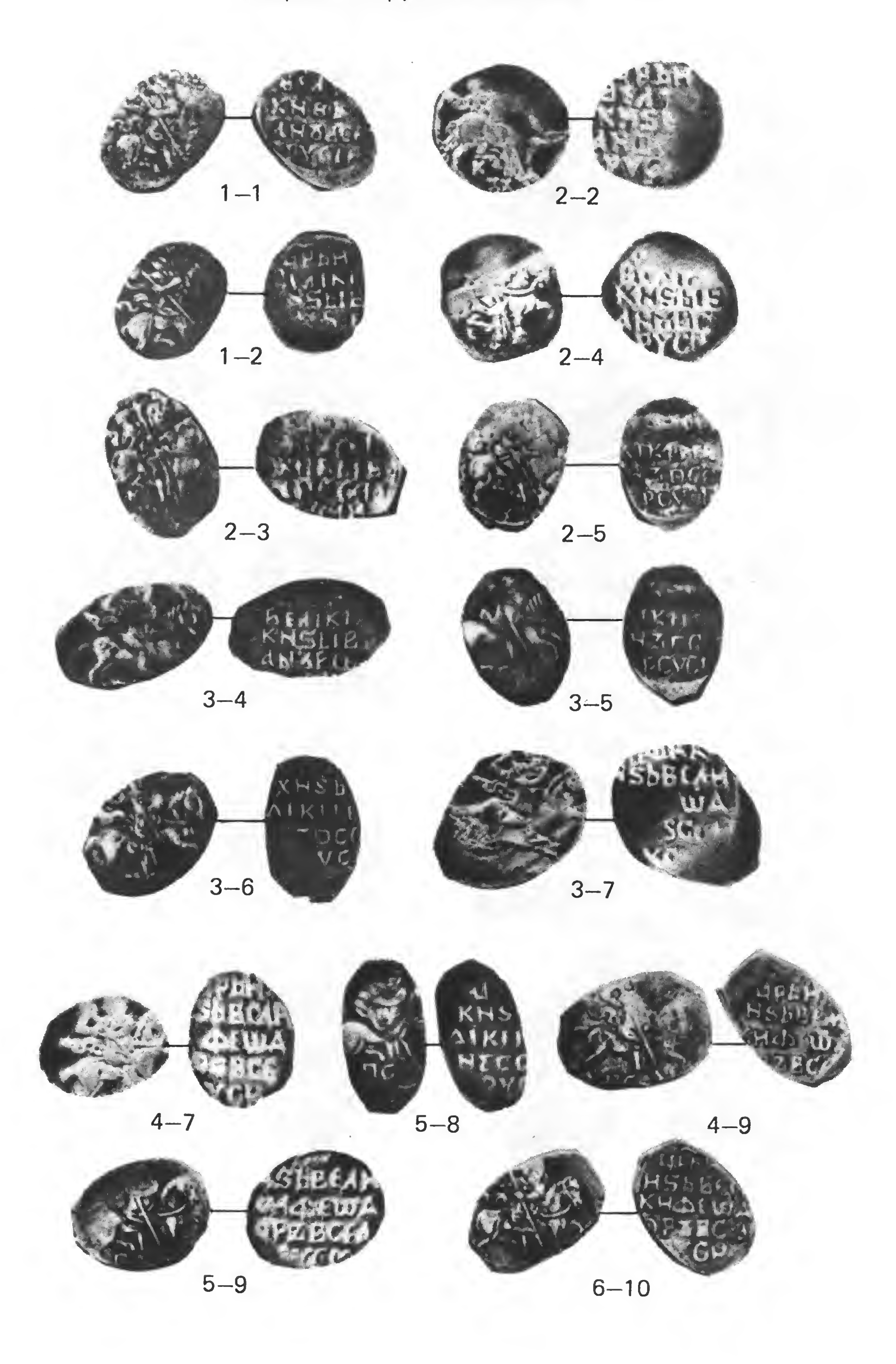

Таблица 10. БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ (1598–1605)
Монеты 1598 года

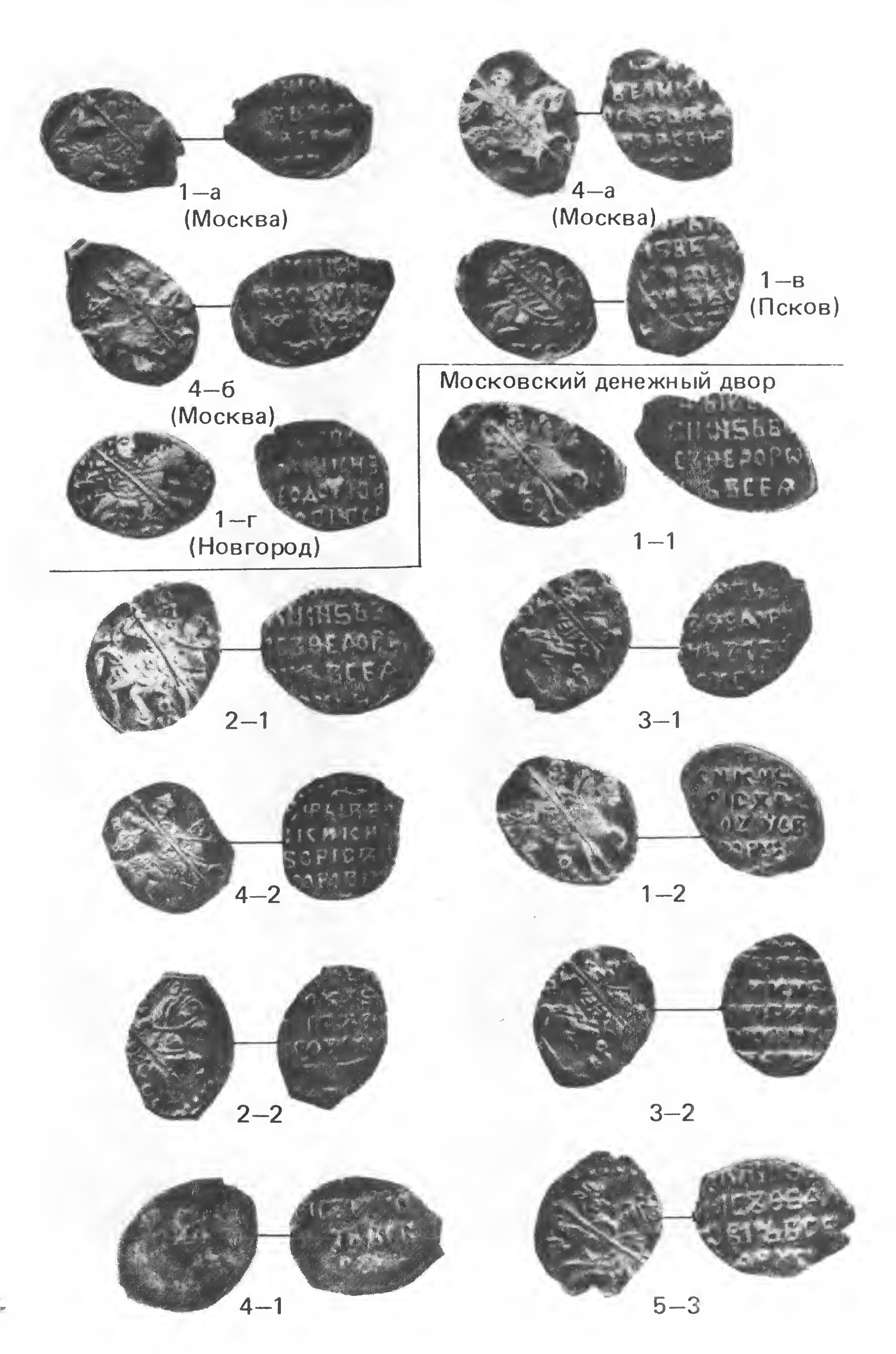

Таблица 11. БОРИС ФЕДОРОВИЧ (1598–1605)
Московский денежный двор, продолжение

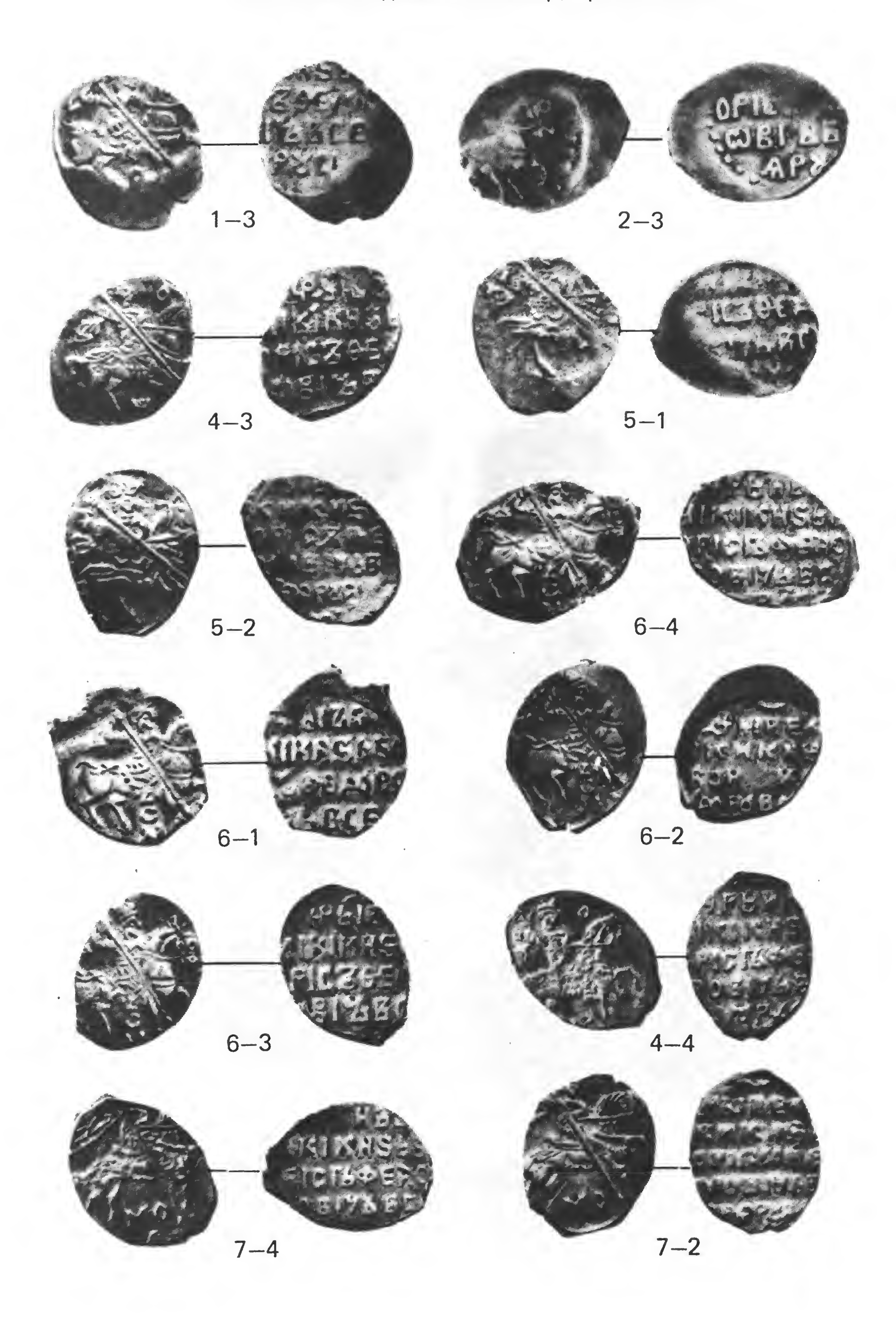
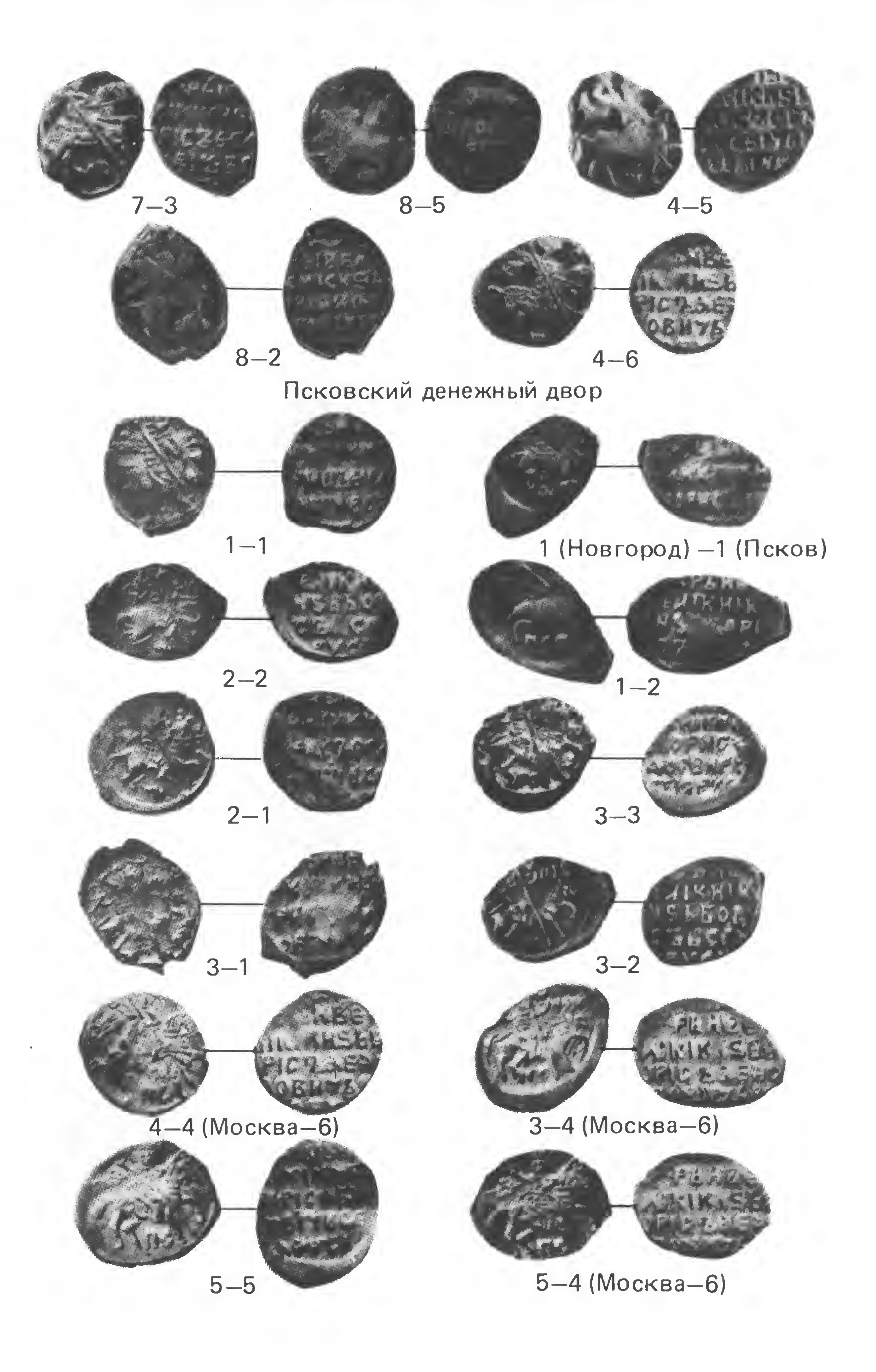

Таблица 12. БОРИС ФЕДОРОВИЧ (1598–1605)
Московский денежный двор, окончание

7–3 8–5 4–5

8–2 4–6

Псковский денежный двор

1–1 1 (Новгород) –1 (Псков)

2–2 1–2

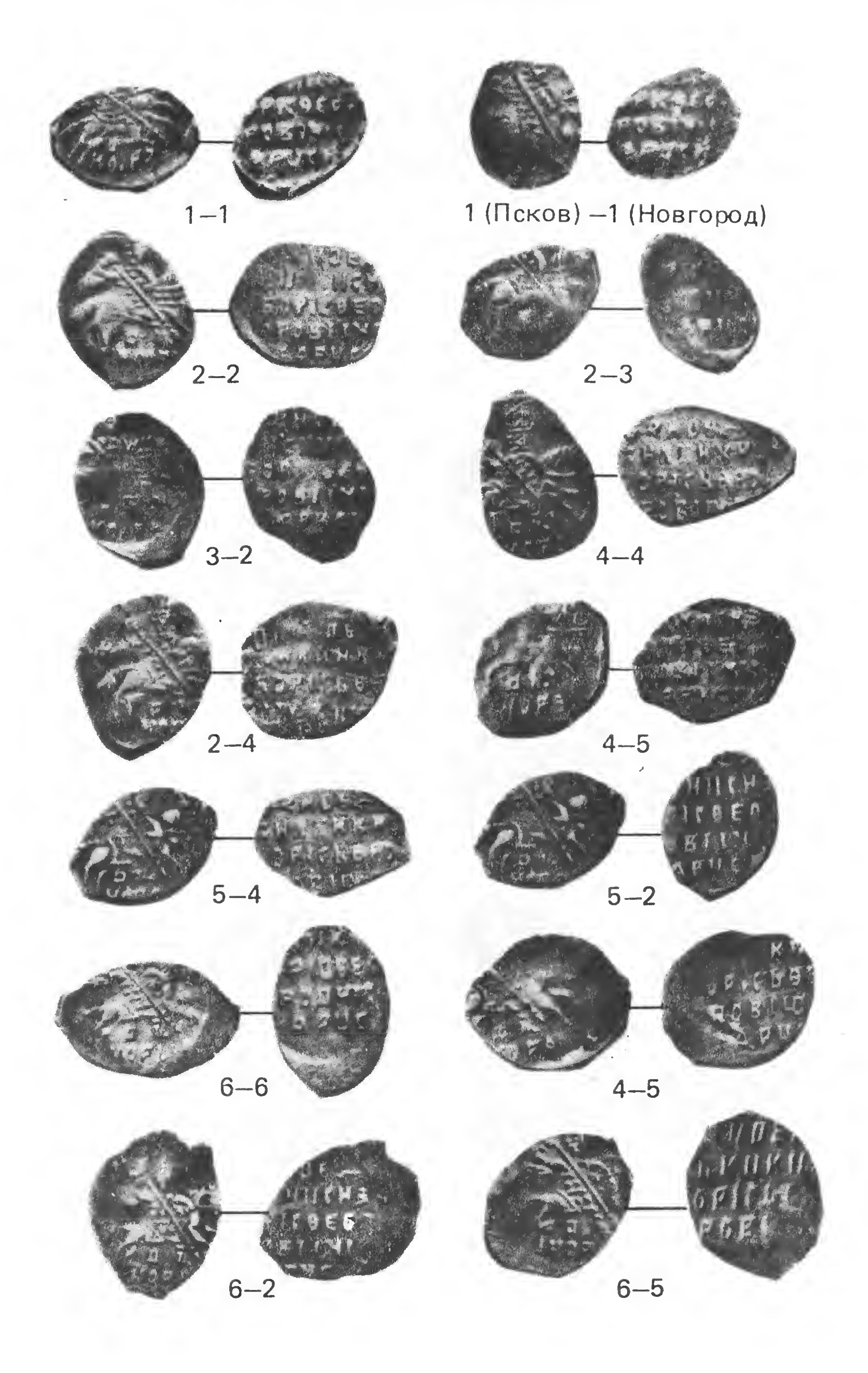
2–1 3–3

3–1 3–2

4–4 (Москва–6) 3–4 (Москва–6)

5–5 5–4 (Москва–6)

Таблица 13. БОРИС ФЕДОРОВИЧ (1598–1605)
Новгородский денежный двор

1–1 1 (Псков) –1 (Новгород)
2–2 2–3
3–2 4–4
2–4 4–5
5–4 5–2
6–6 4–5
6–2 6–5

Таблица 14. БОРИС ФЕДОРОВИЧ (1598–1605)
Новгородский денежный двор, окончание

Таблица 15. ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ /ЛЖЕДМИТРИЙ I/ (1605–1606). МЕДАЛИ

1 (AR)

2 (AR)

3 (AV)

4 (AV)

Таблица 16. ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ /ЛЖЕДМИТРИЙ I/ (1605–1606)

Московский денежный двор

1–1 2–1

3–1 4–1

Псковский денежный двор

1–1 2–1

Новгородский денежный двор

1–1 2–2

2–1

Таблица 17. ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ (1606–1610)
Московский денежный двор

Таблица 18. ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ (1606–1610)

Москва. Особый чекан

1–1 2–1

3–1 3–3

3–2 4–4

4–5 5–6

Псковский денежный двор

1–1 1–2

Особый чекан

2–1 3–3

Таблица 19. ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (1606–1610)
Новгородский денежный двор

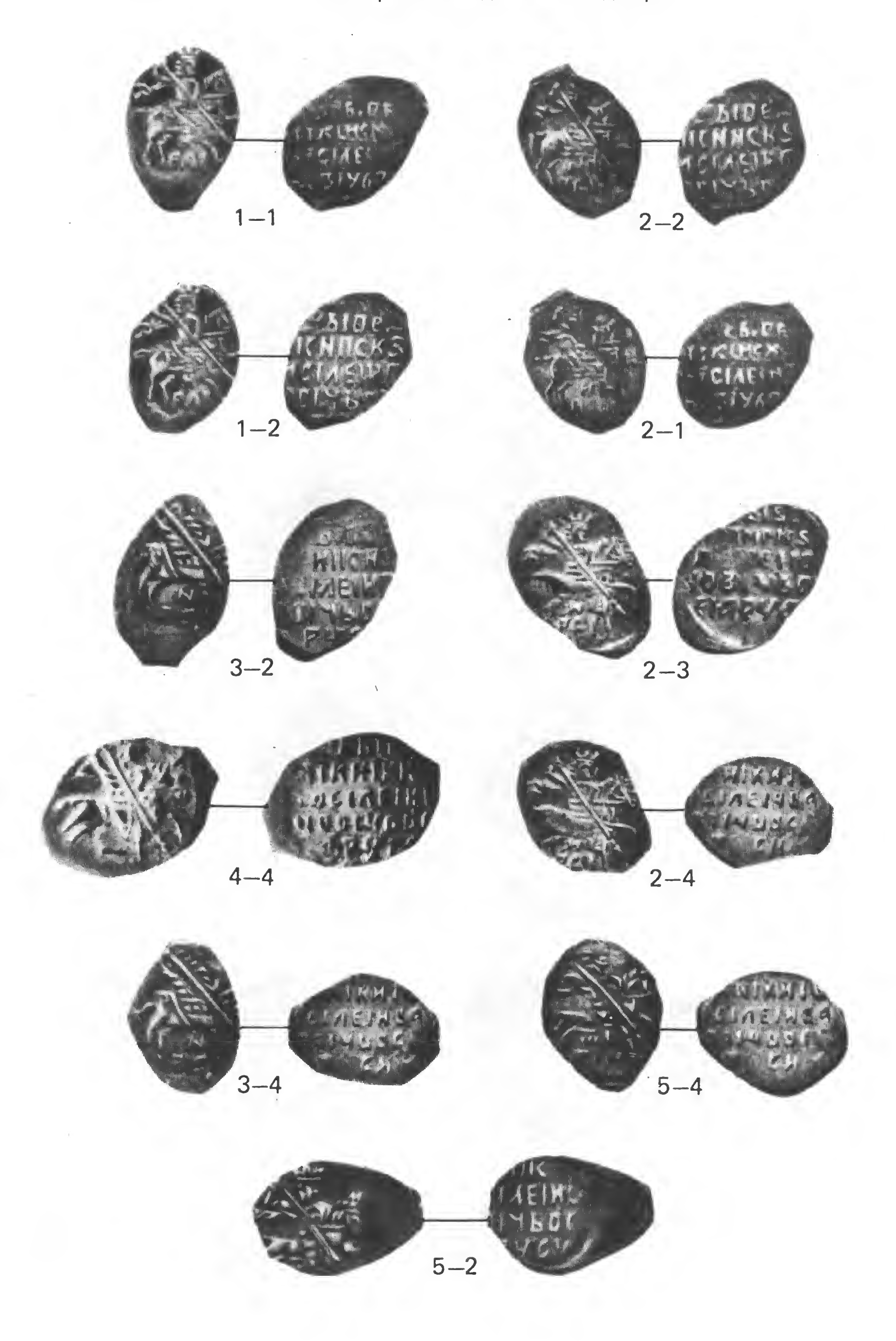

Таблица 20. ВЛАДИСЛАВ ЖИГИМОНТОВИЧ (1610–1612)

Московский денежный двор

1–1

2–2

2–1

1–2

3–2

3–3

Новгородский денежный двор

1–1

Таблица 21. ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ (1612–1613)
Ярославский денежный двор

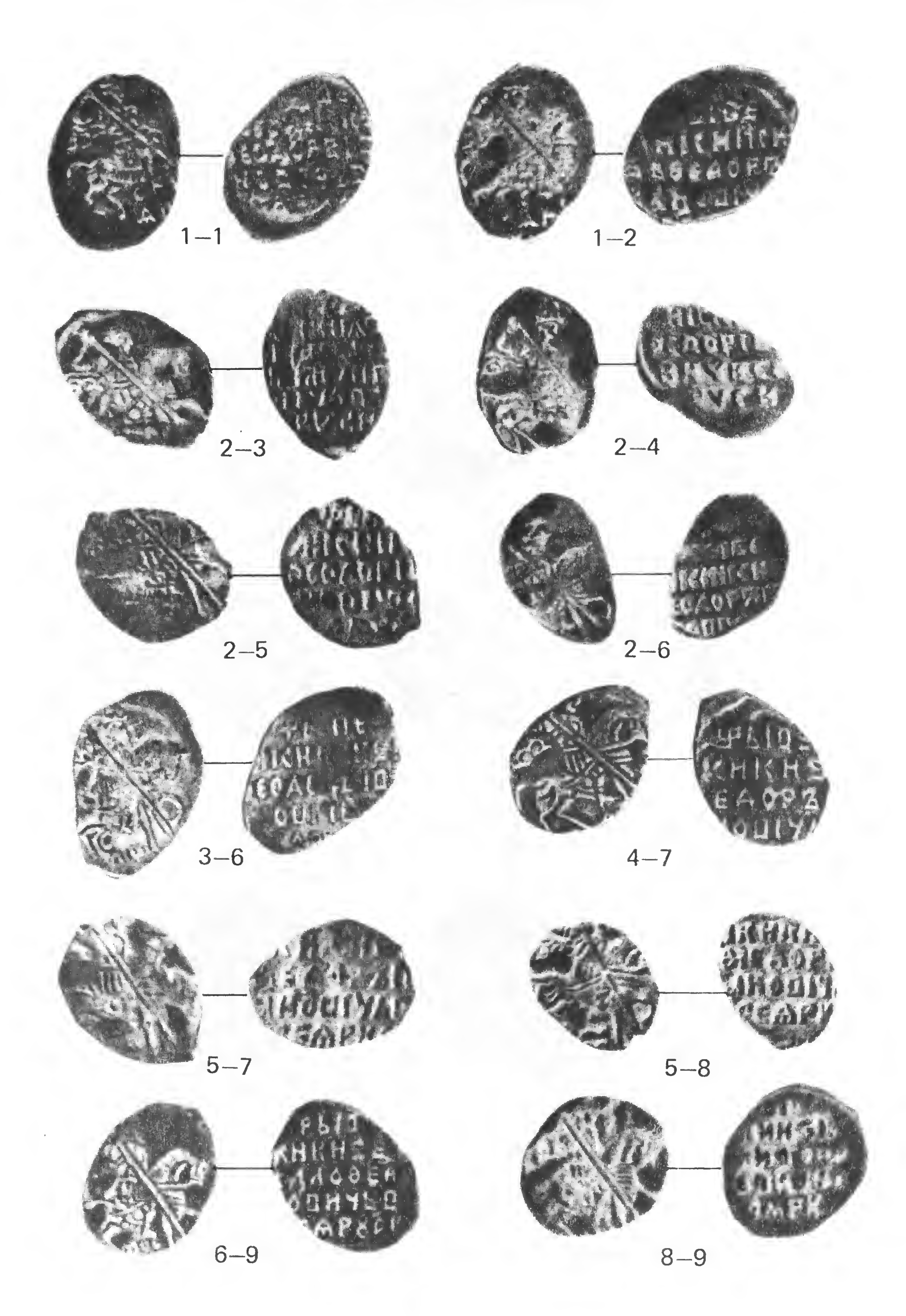

Таблица 22. ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ (1612–1613)
Ярославский денежный двор, окончание

8–10 3–10

Псковский денежный двор (1611–1613)

А–А Б–Б

Временный Московский денежный двор

1–1 1–2

2–2 2–3

3–2 3–3

Таблица 23. МОНЕТЫ ШВЕДСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ (1611–1617), (1617 – ?)

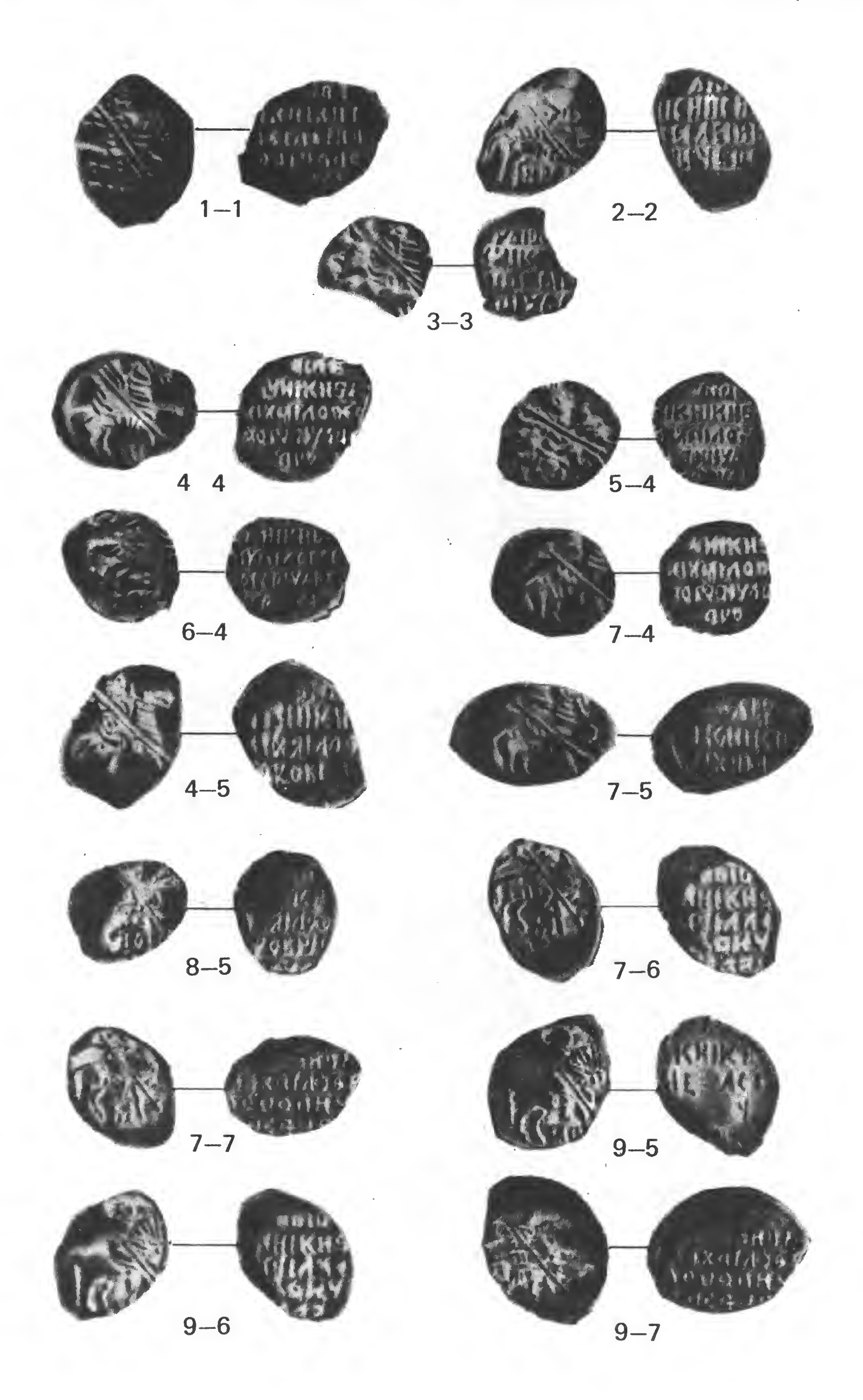

Таблица 24. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор

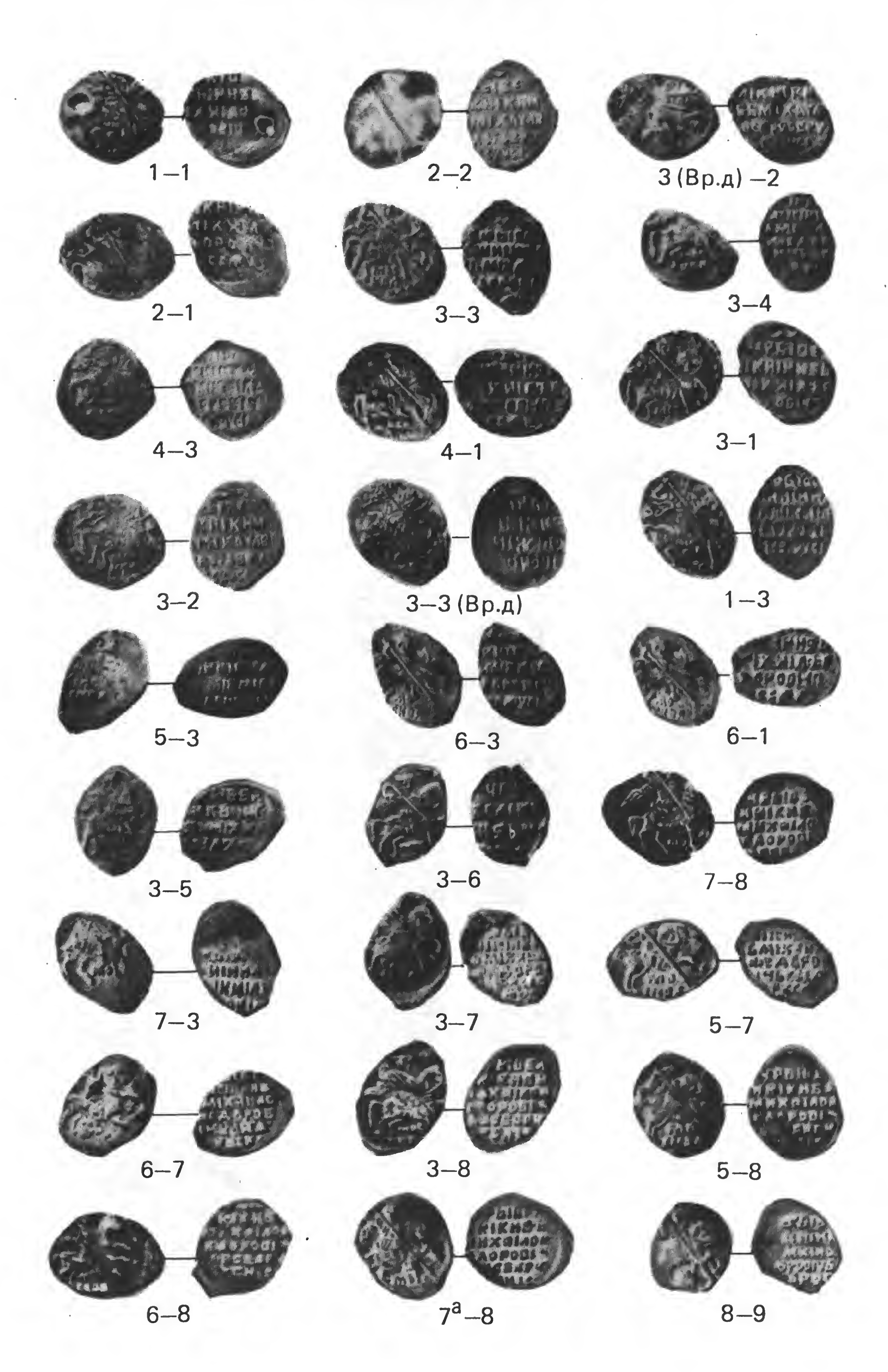

Таблица 25. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, продолжение

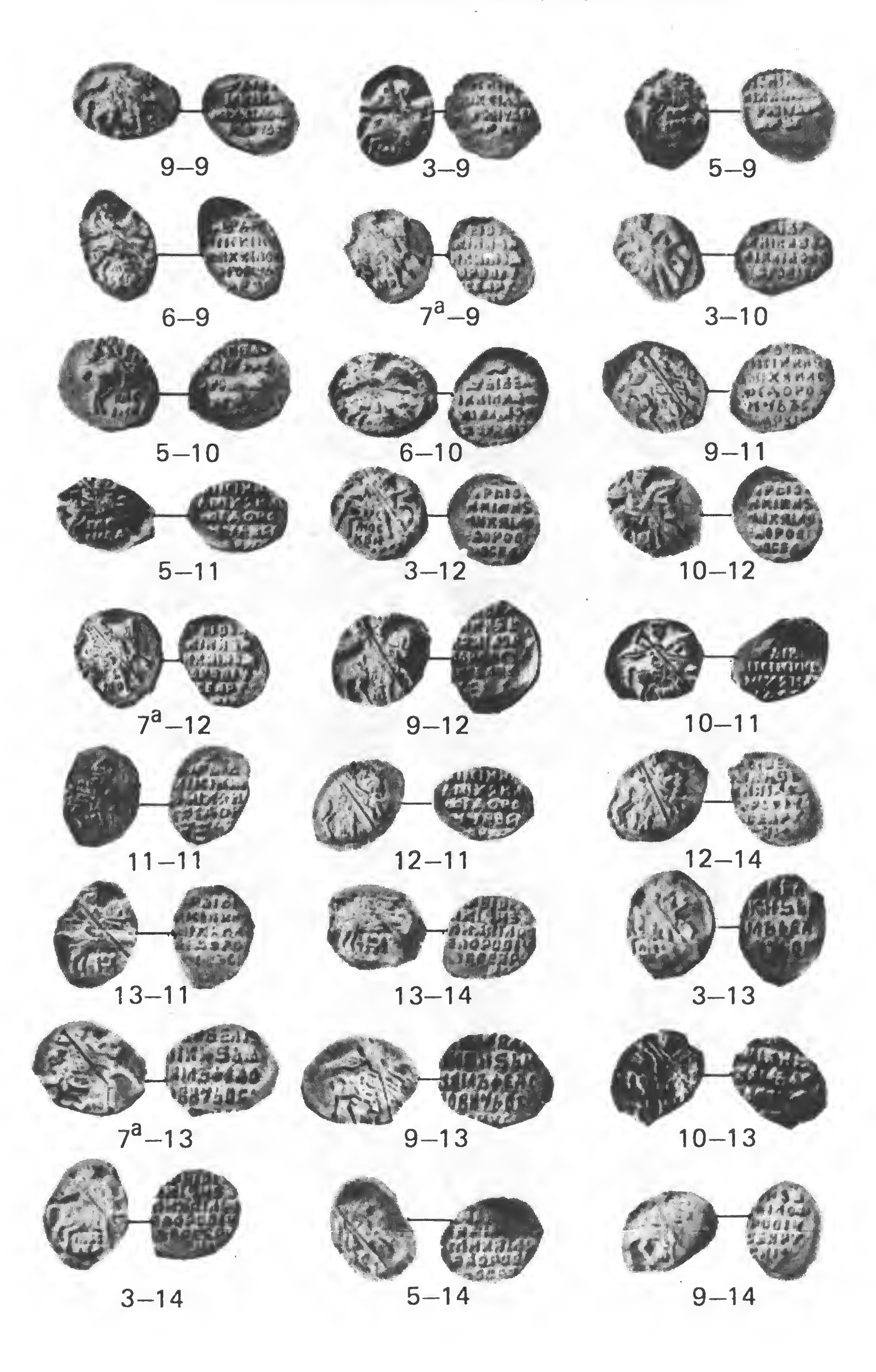

9–9 3–9 5–9
6–9 7ª–9 3–10
5–10 6–10 9–11
5–11 3–12 10–12
7ª–12 9–12 10–11
11–11 12–11 12–14
13–11 13–14 3–13
7ª–13 9–13 10–13
3–14 5–14 9–14

Таблица 26. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, продолжение

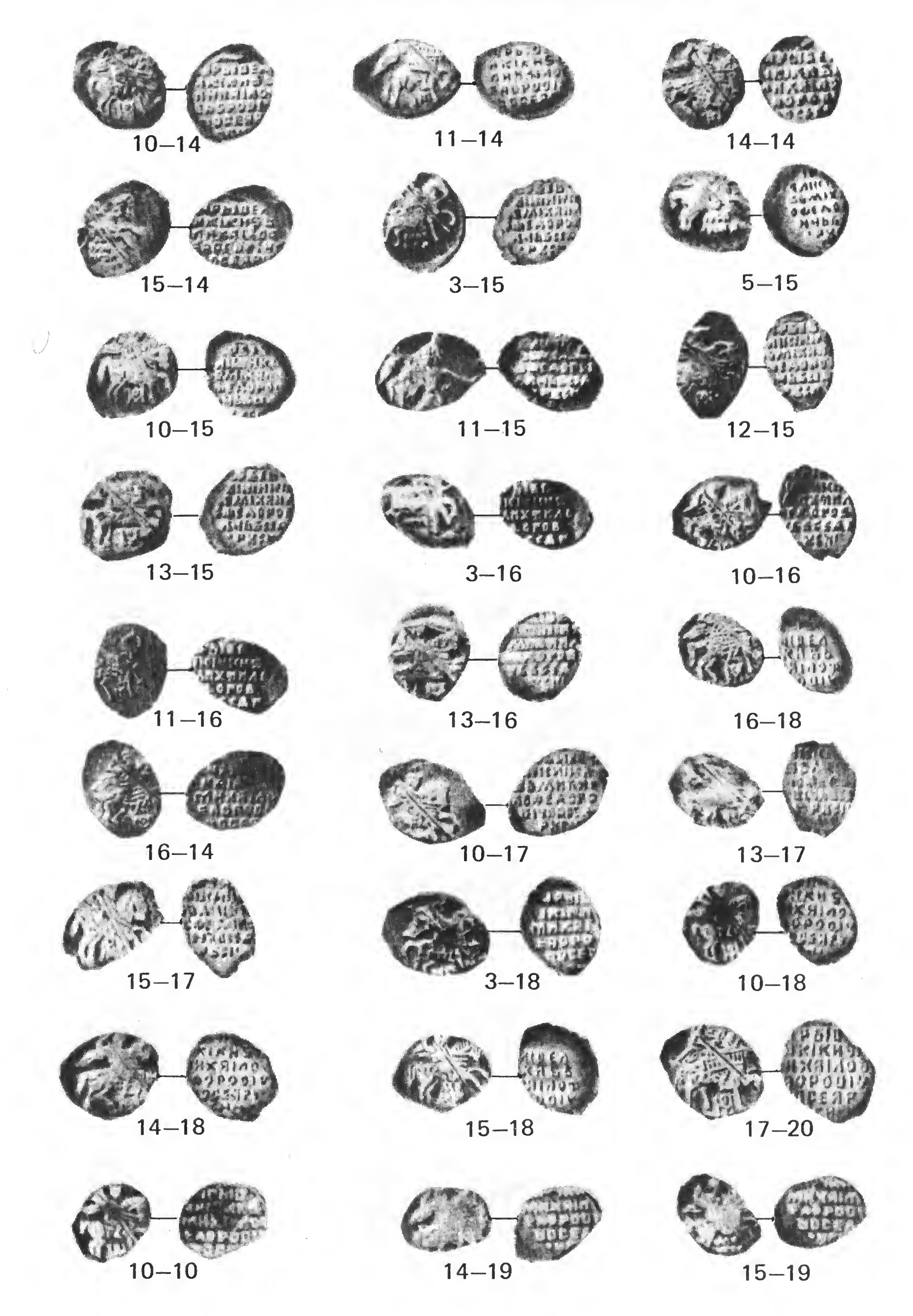
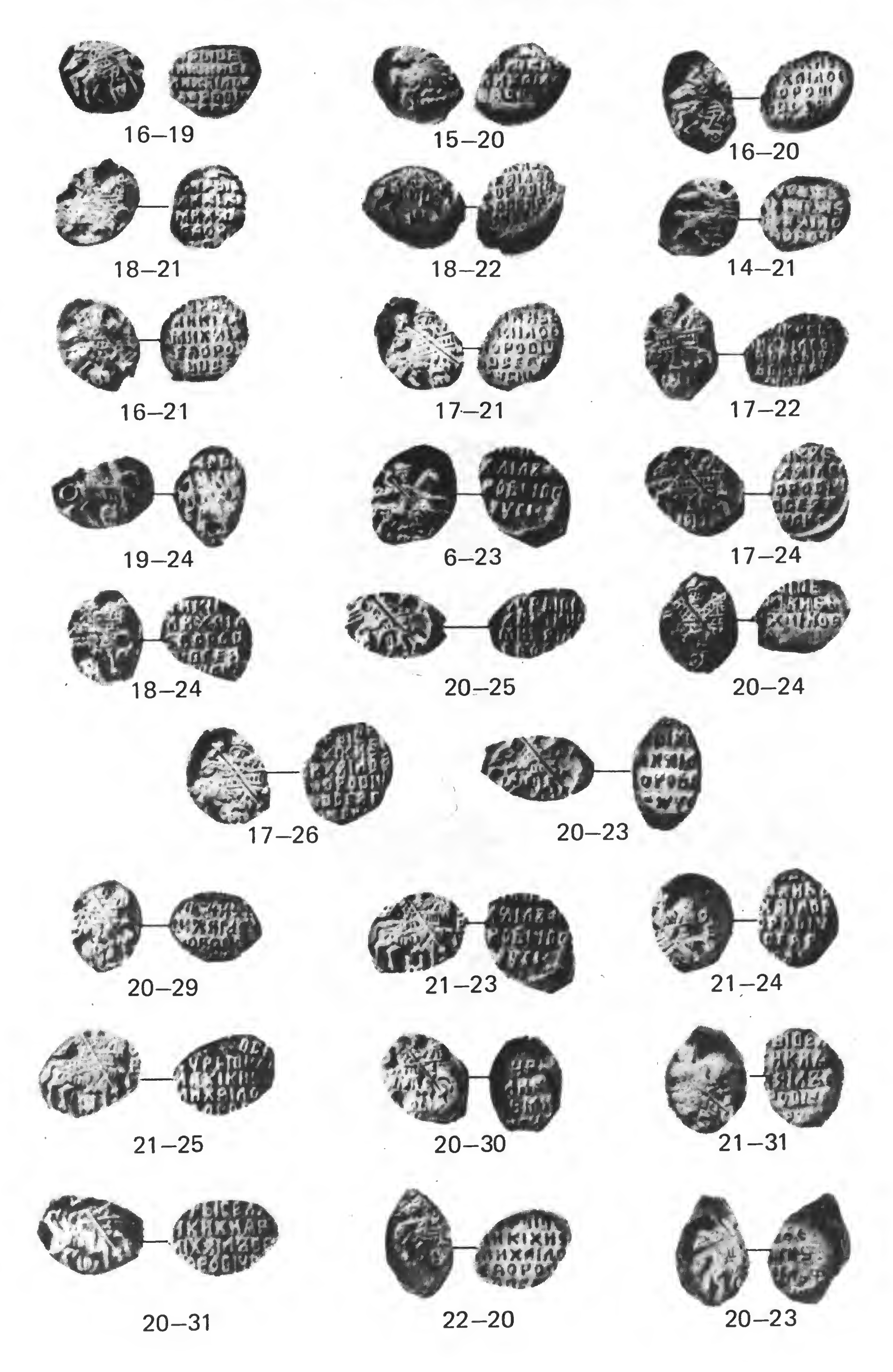
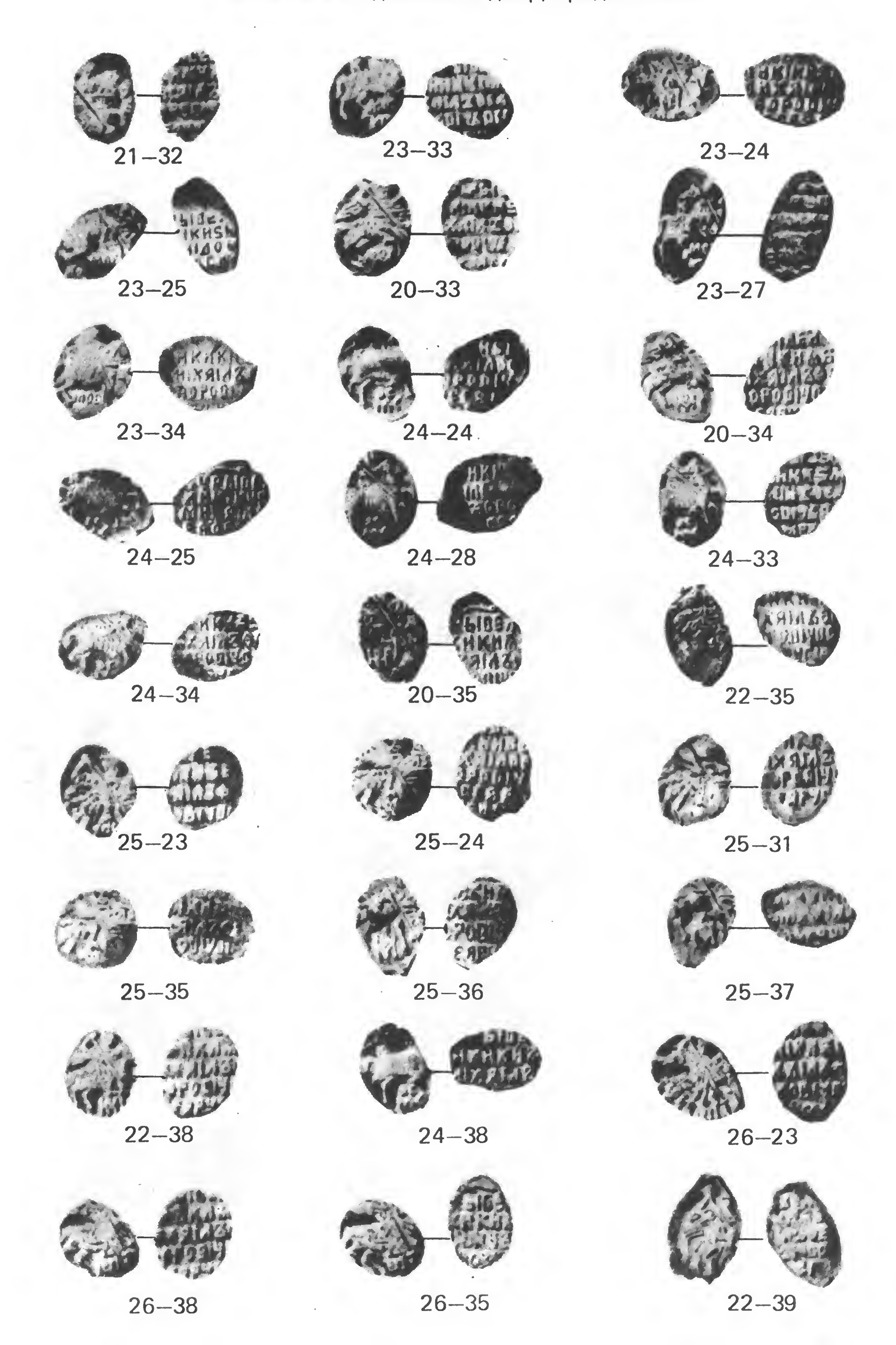

Таблица 27. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, продолжение

16–19 15–20 16–20
18–21 18–22 14–21
16–21 17–21 17–22
19–24 6–23 17–24
18–24 20–25 20–24
17–26 20–23
20–29 21–23 21–24
21–25 20–30 21–31
20–31 22–20 20–23

Таблица 28. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, продолжение

21–32 23–33 23–24
23–25 20–33 23–27
23–34 24–24 20–34
24–25 24–28 24–33
24–34 20–35 22–35
25–23 25–24 25–31
25–35 25–36 25–37
22–38 24–38 26–23
26–38 26–35 22–39

Таблица 29. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, продолжение

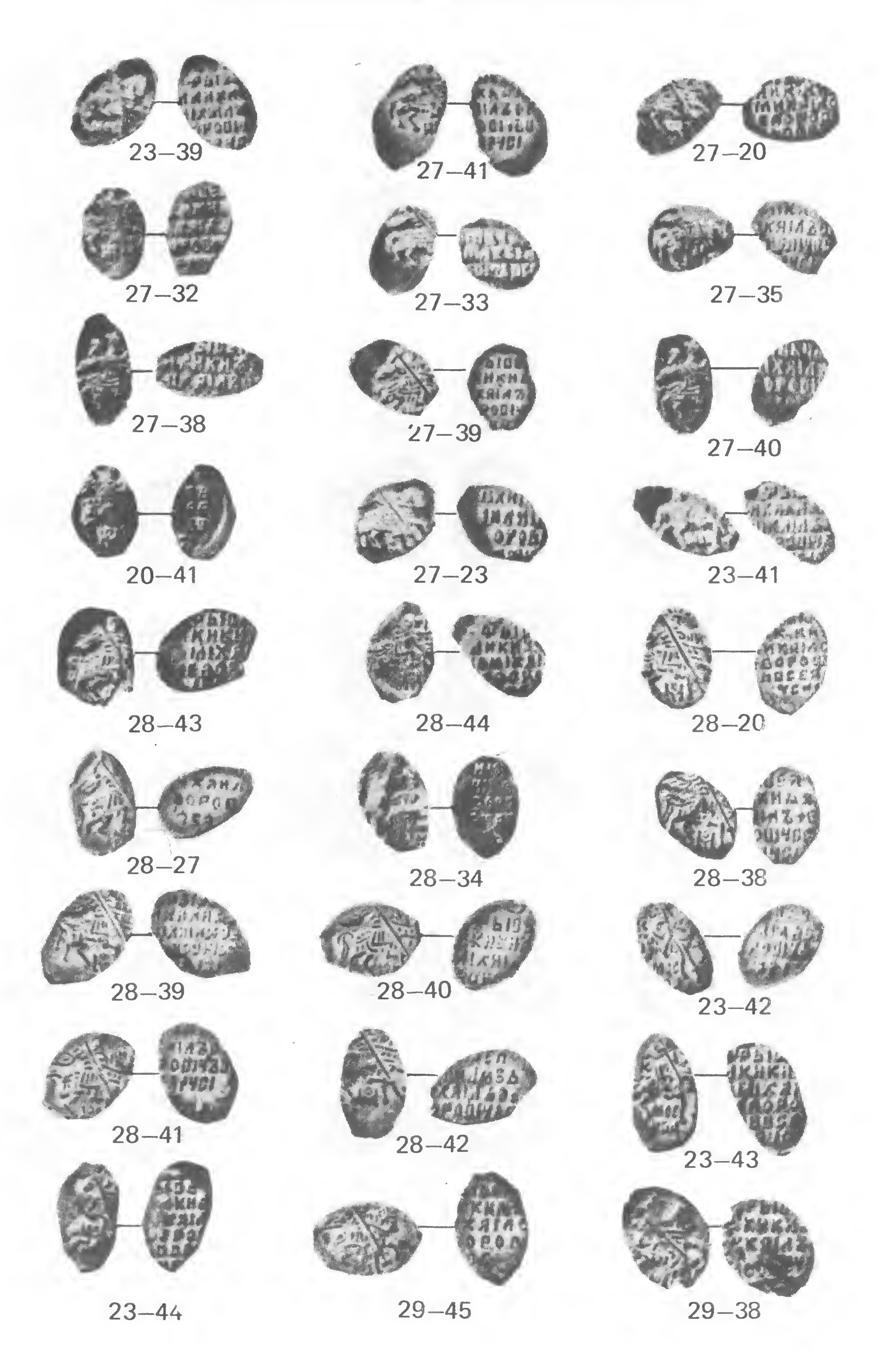

Таблица 30. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Московский денежный двор, окончание

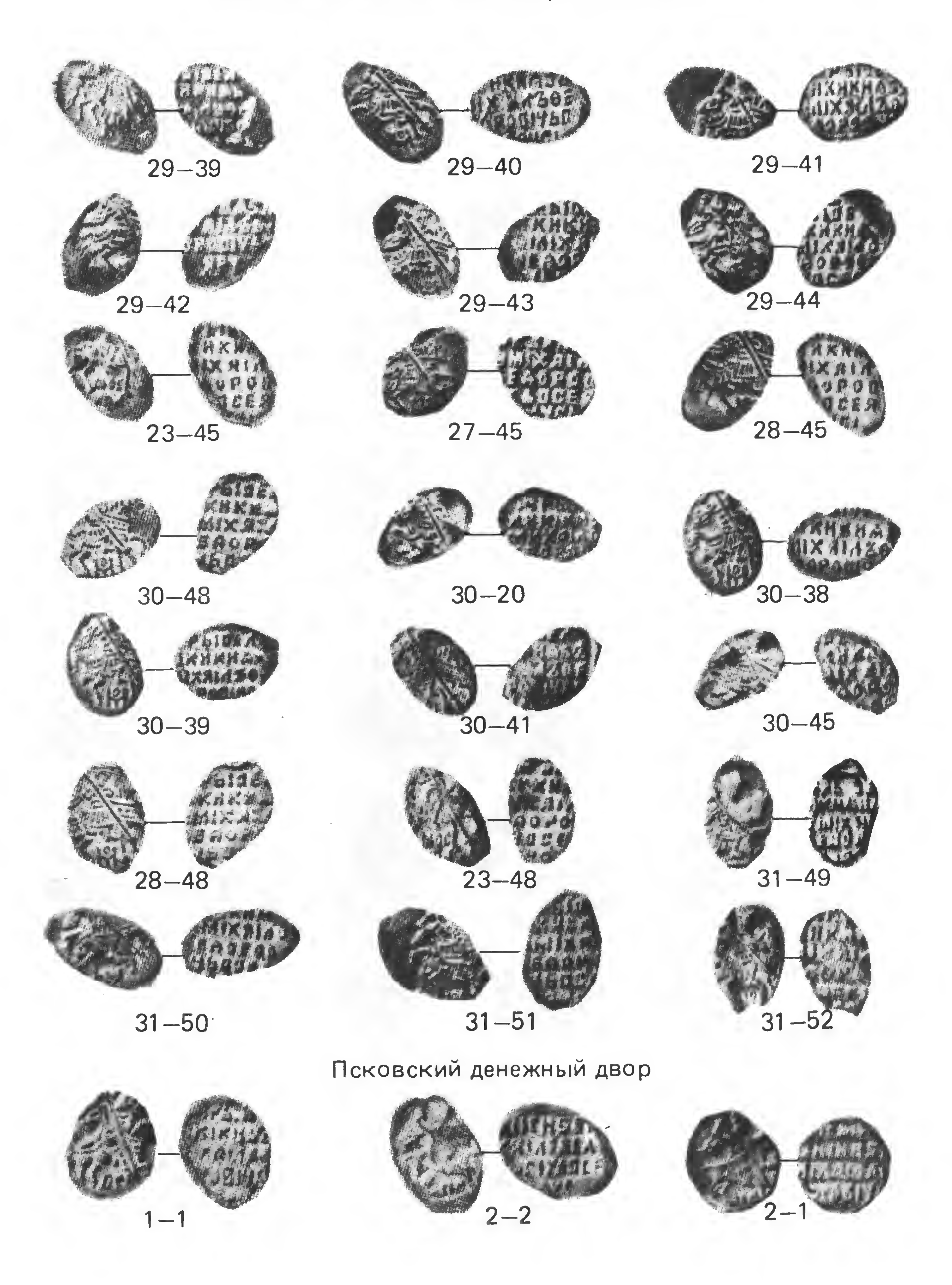

Таблица 31. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Новгородский денежный двор

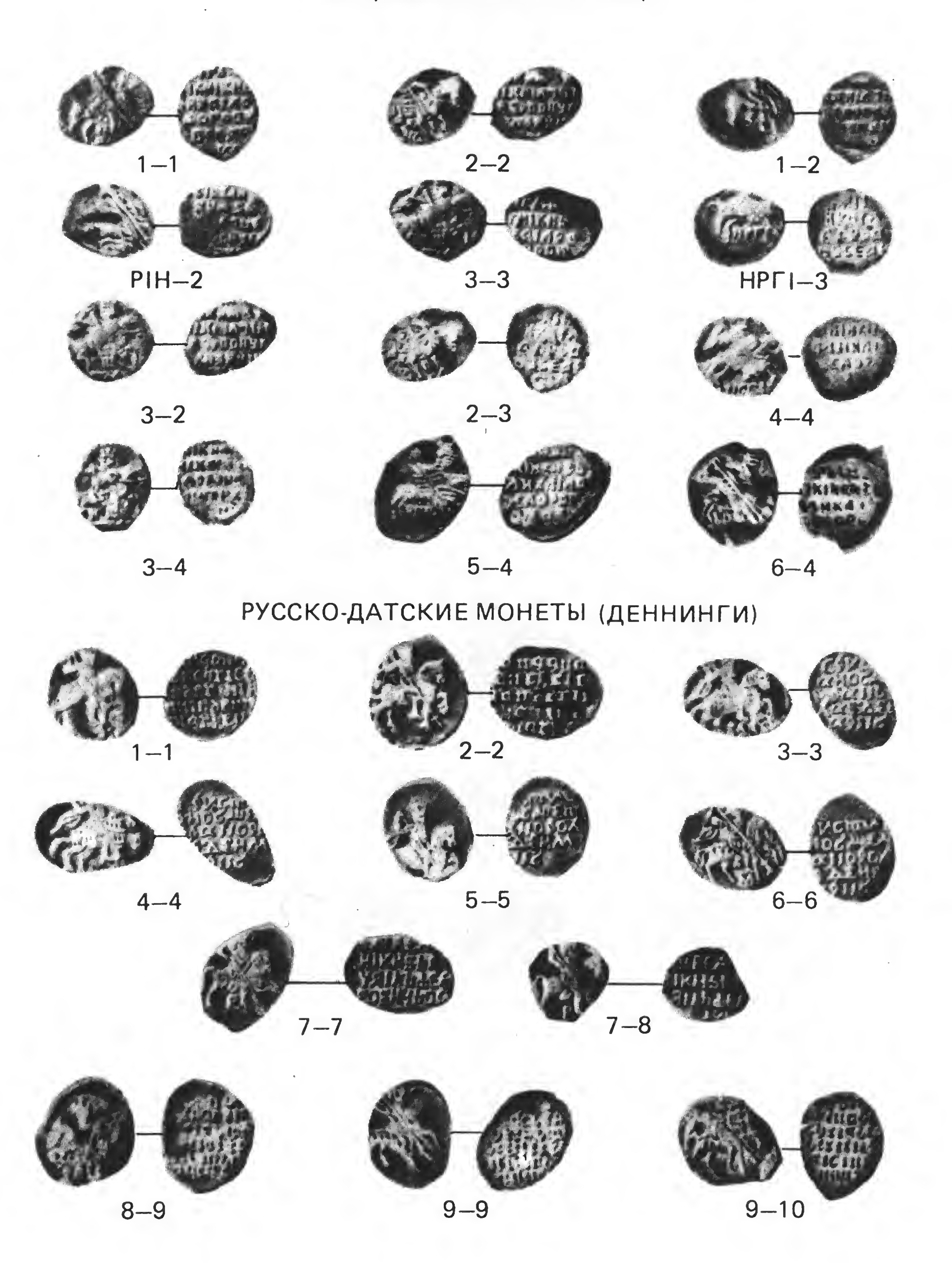

Таблица 32. РУССКО-ДАТСКИЕ МОНЕТЫ (ДЕННИНГИ), окончание

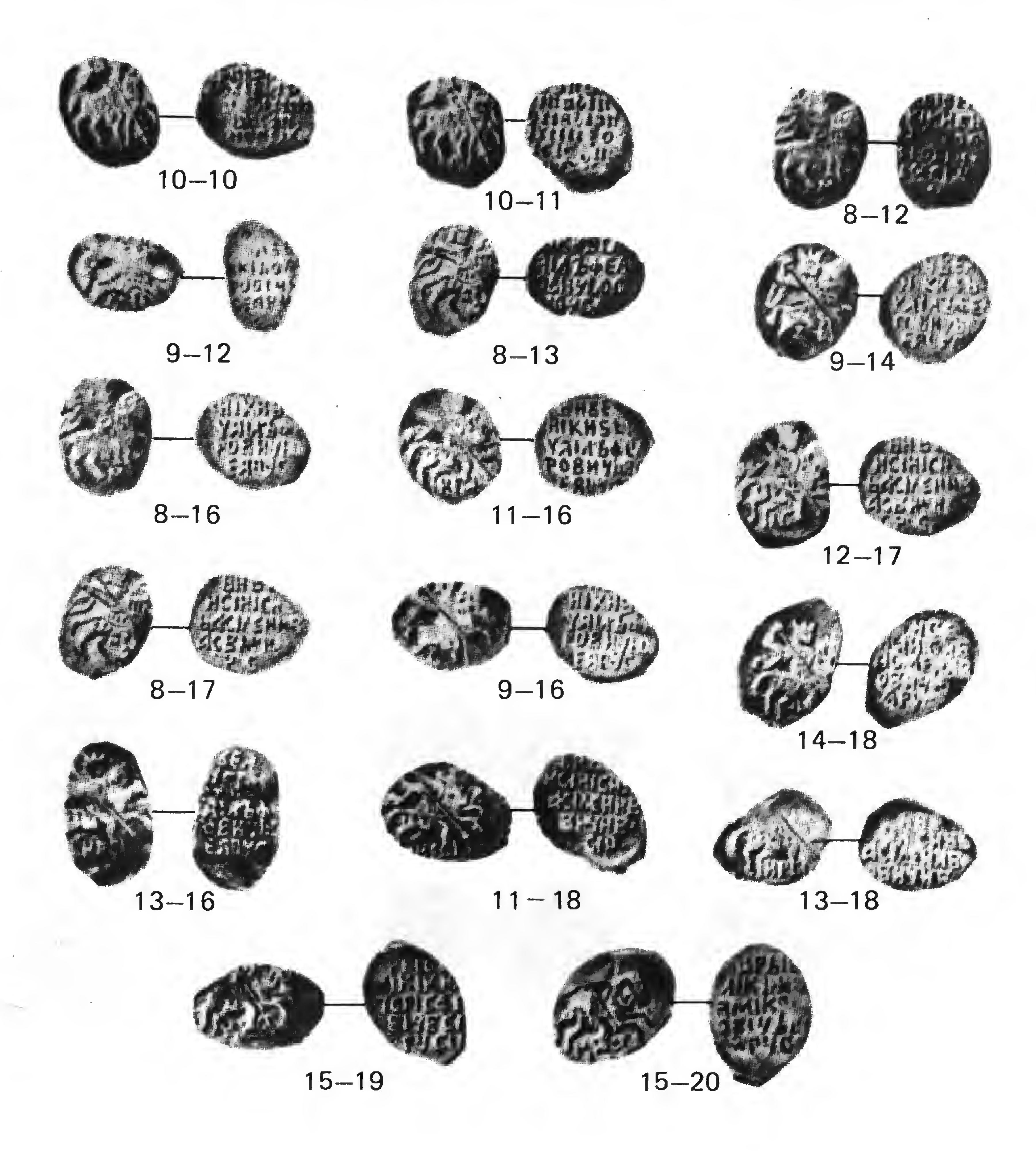
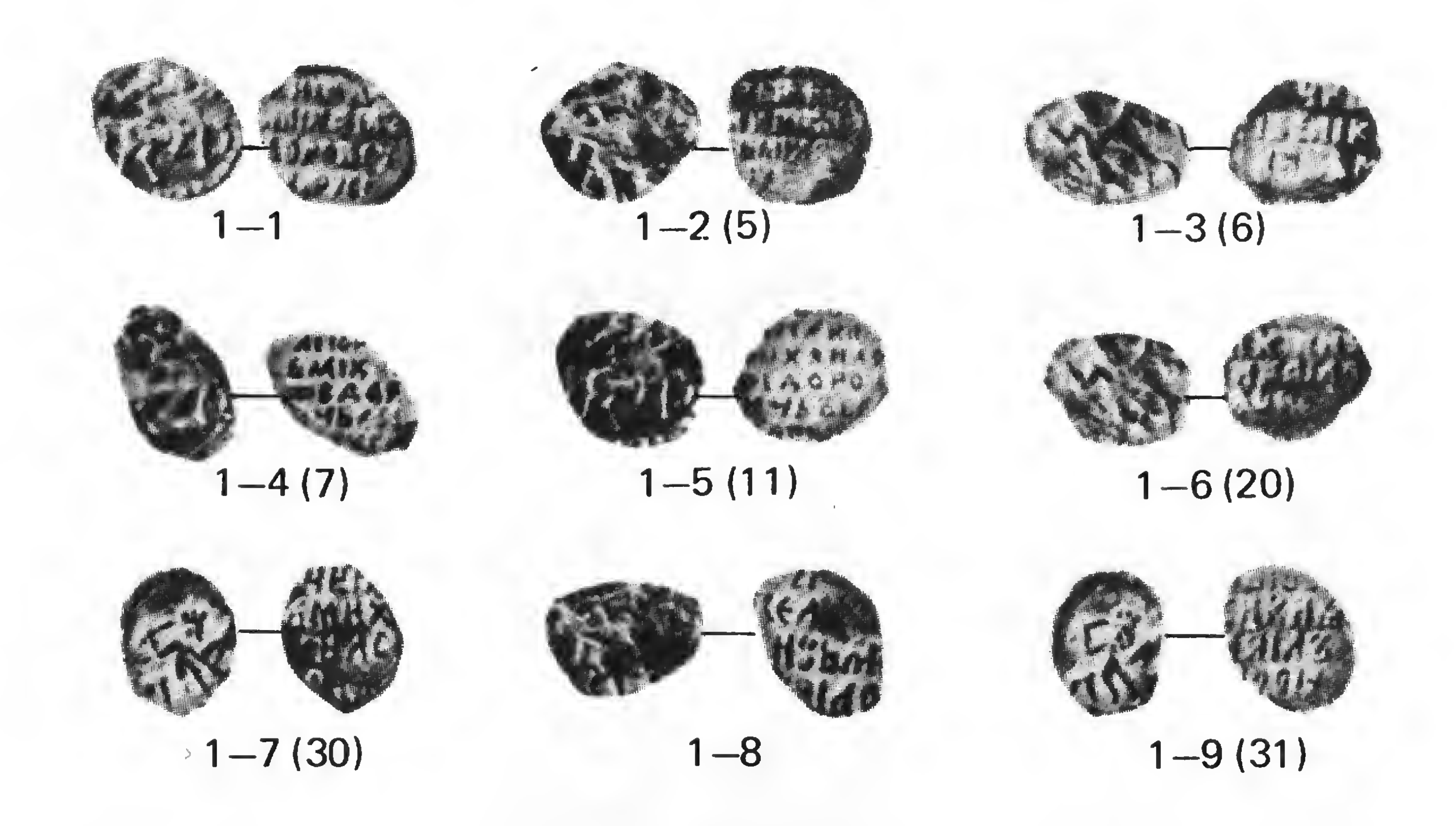

Таблица 33. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645). ДЕНГИ
Московский денежный двор

ОБРАЗЦЫ ФАЛЬШИВЫХ КОПЕЕК С ИМЕНЕМ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА

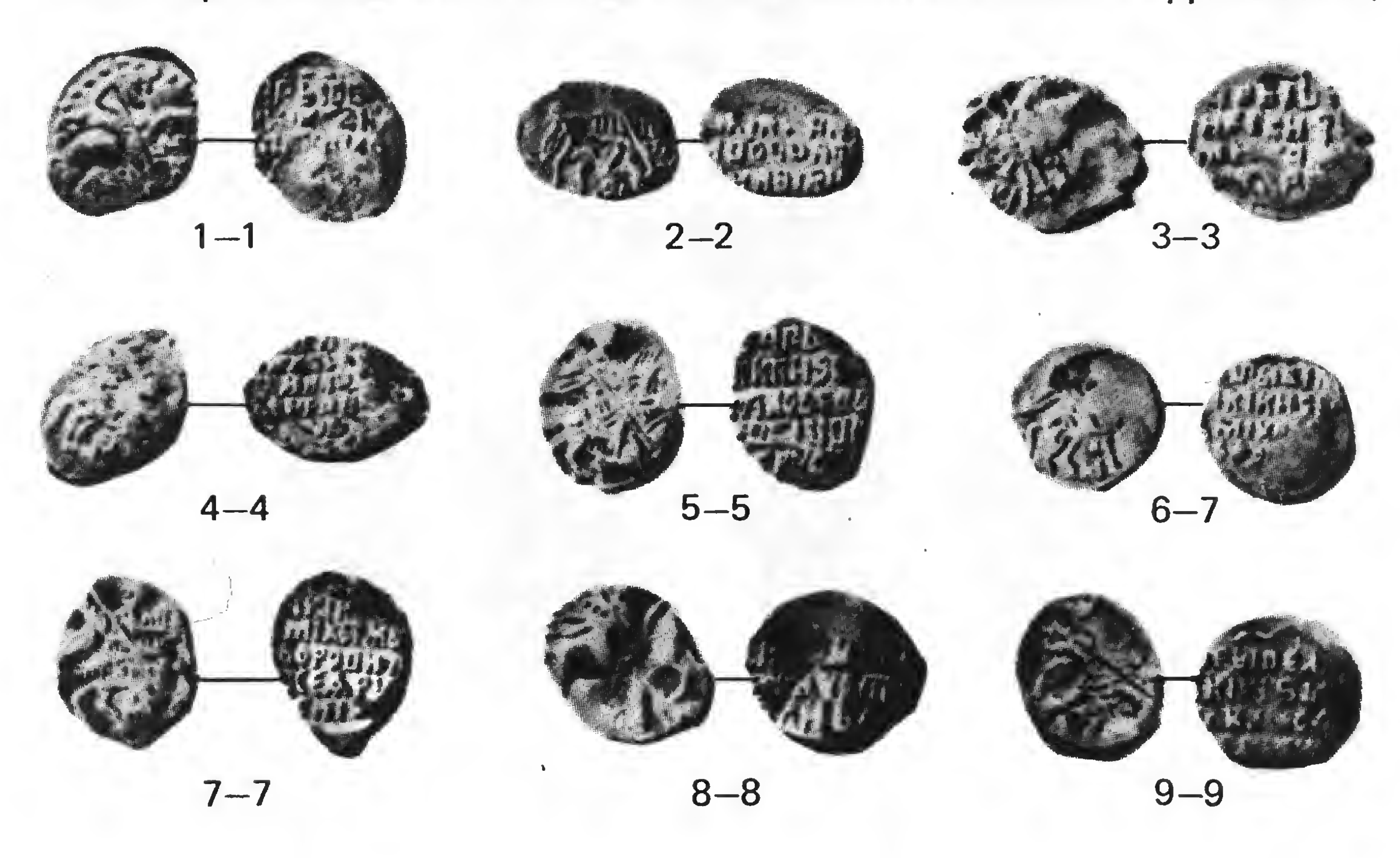
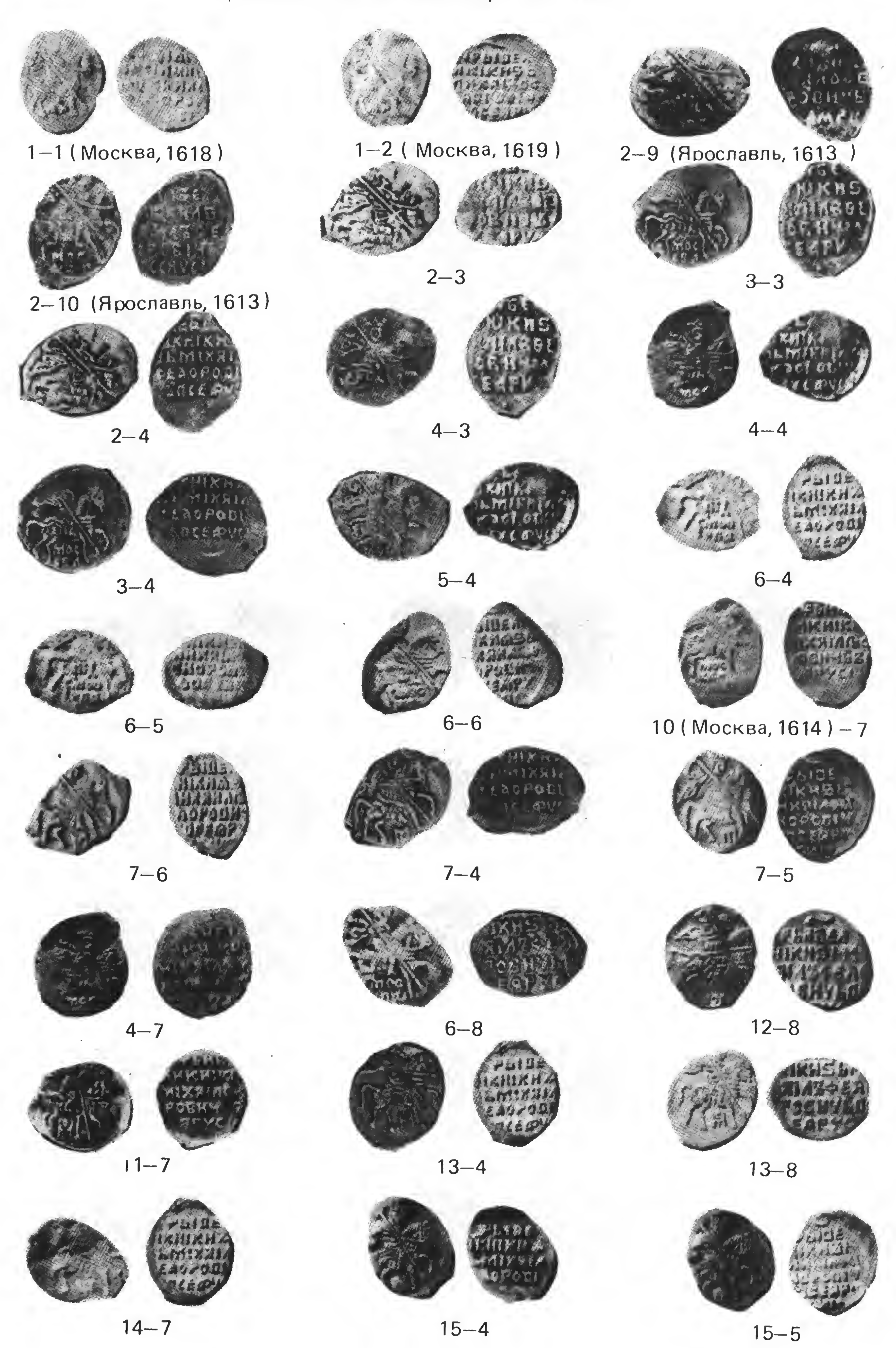

Таблица 34 . МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Ярославский денежный двор после 1618 г.

ПРОРИСОВКИ С ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ таблицы 34.

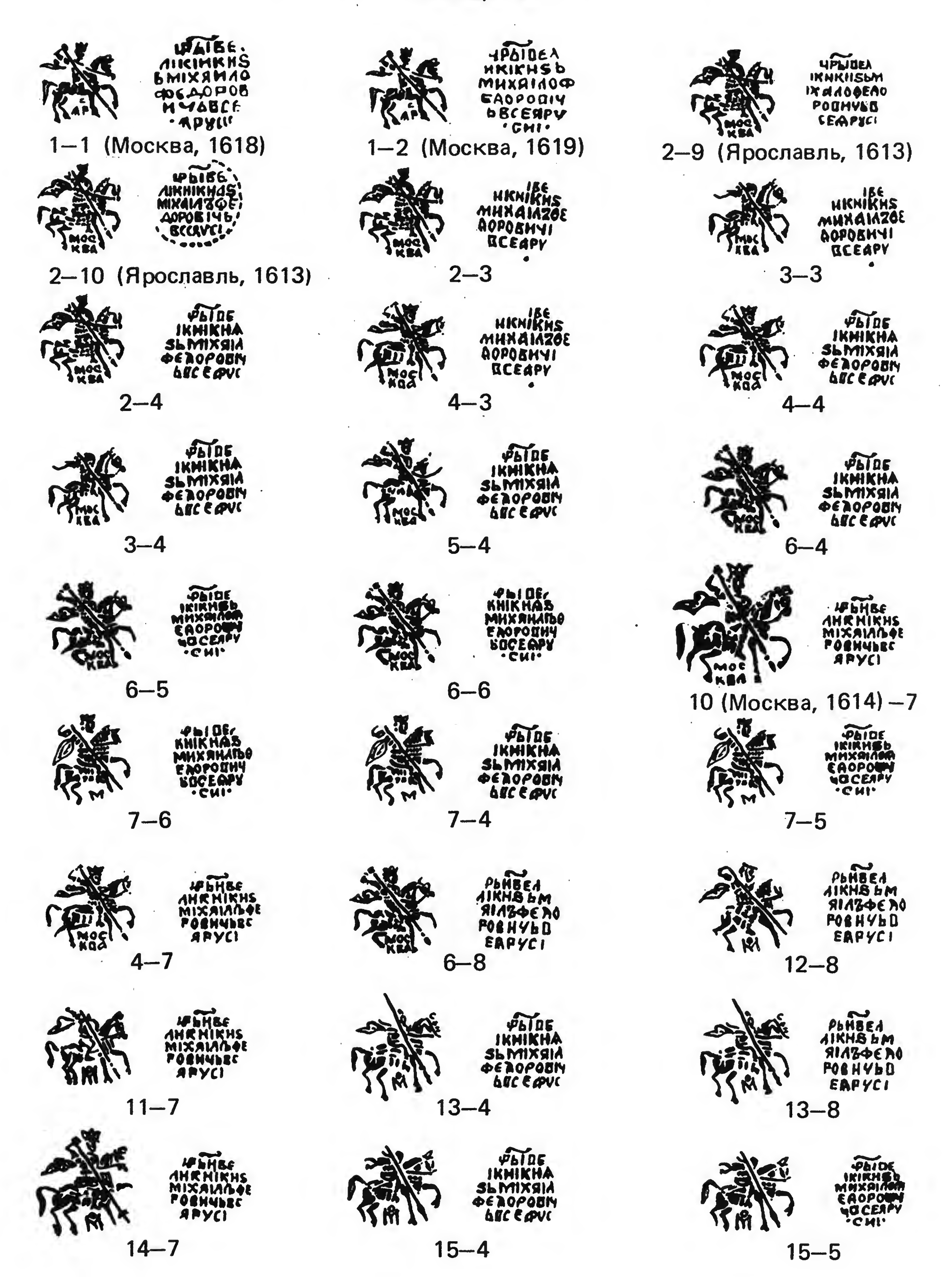
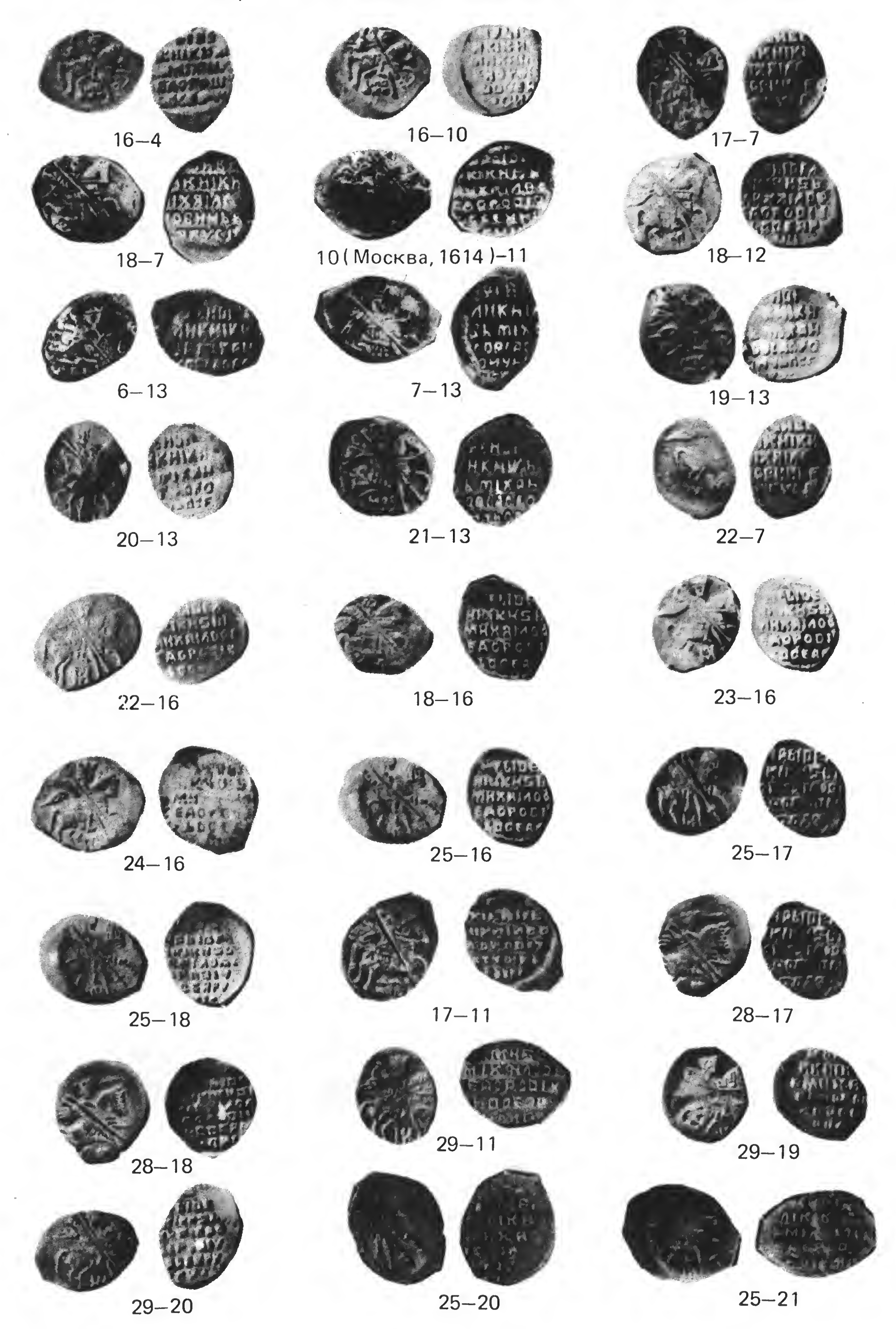

Таблица 35. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613–1645)
Ярославский денежный двор после 1618 г.

ПРОРИСОВКИ С ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ
таблицы 35

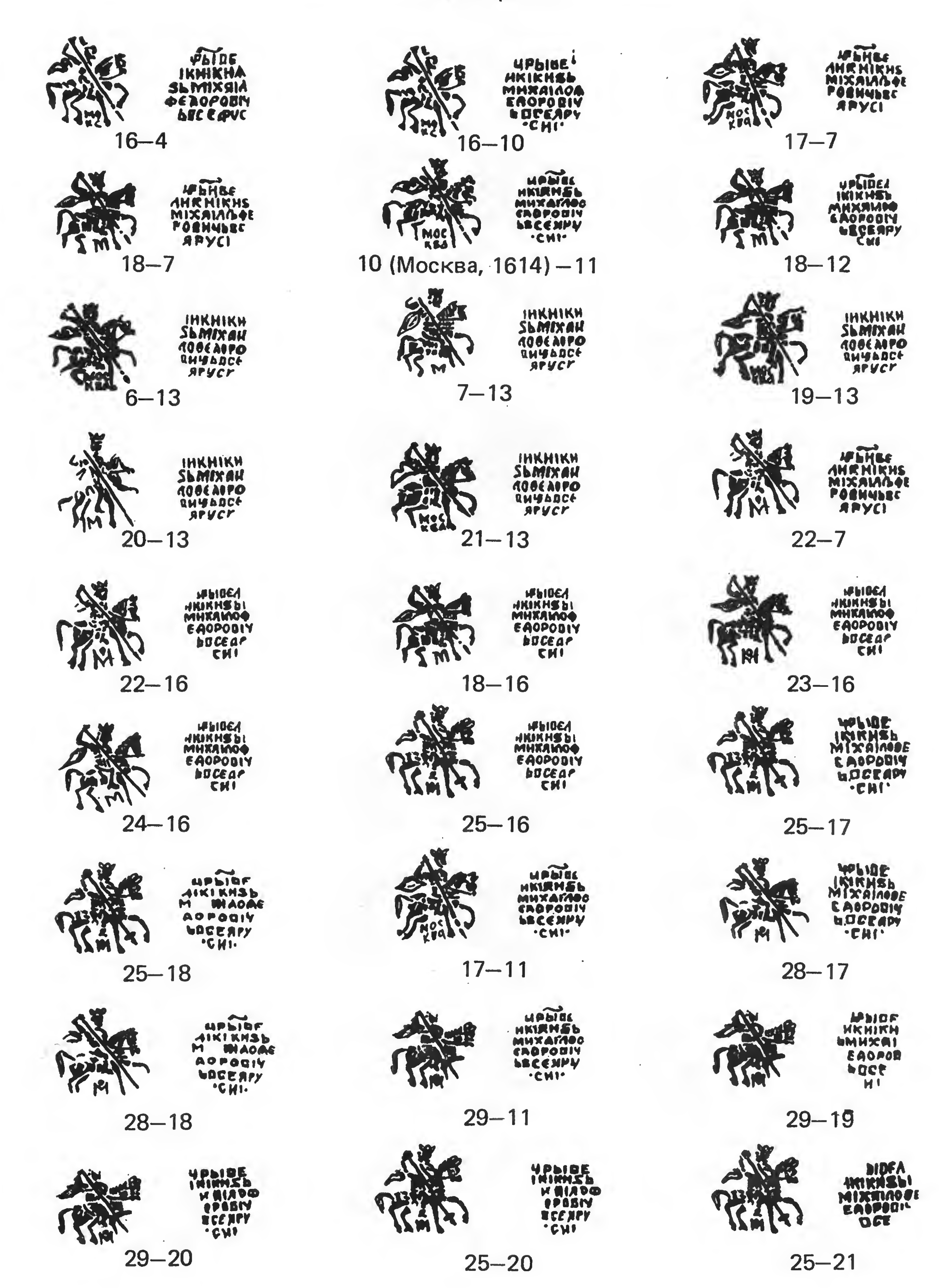
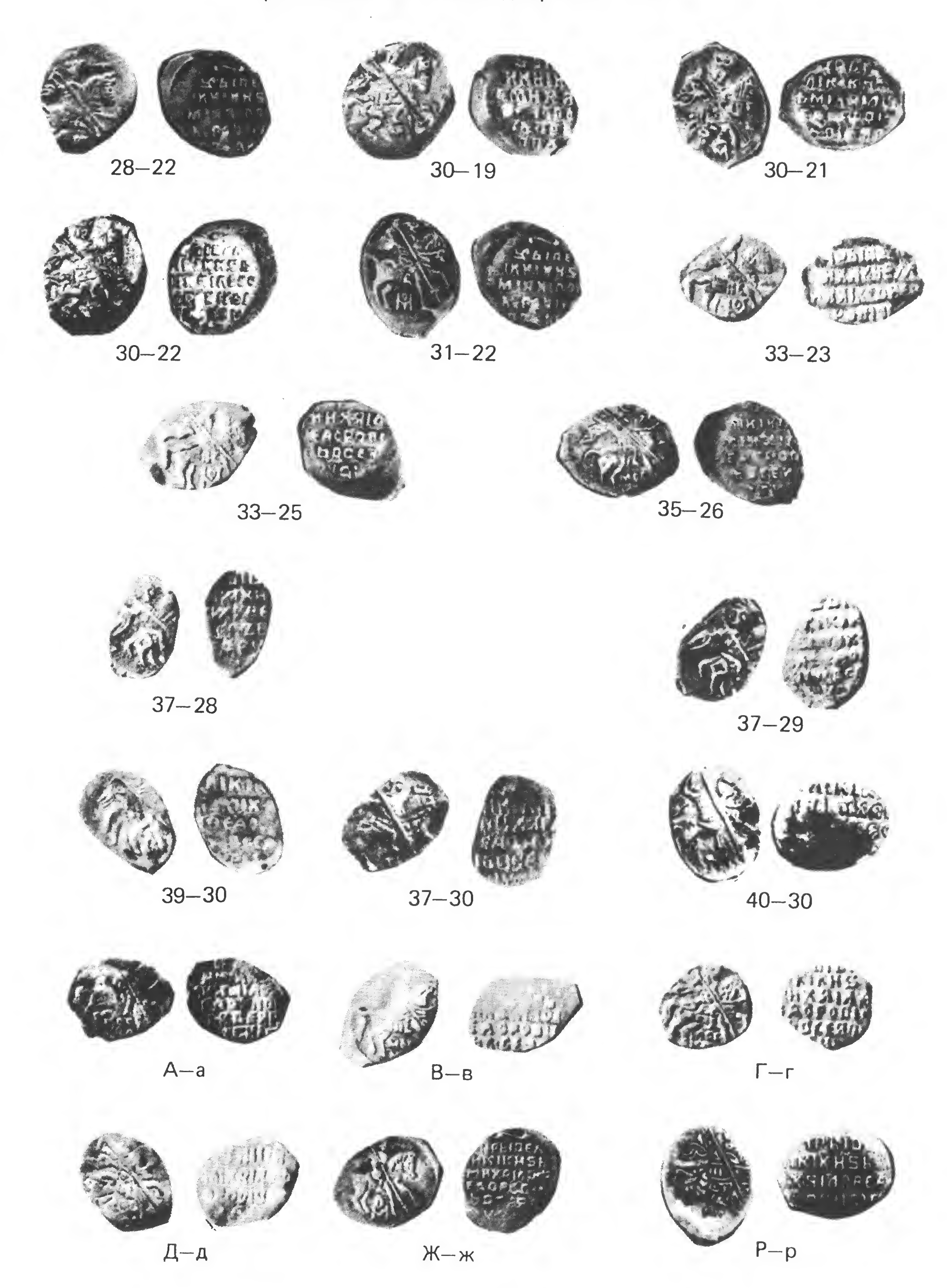

Таблица 35ª МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1613—1645)
Ярославский денежный двор после 1618 г.

ПРОРИСОВКИ С ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ
таблицы 35[а]

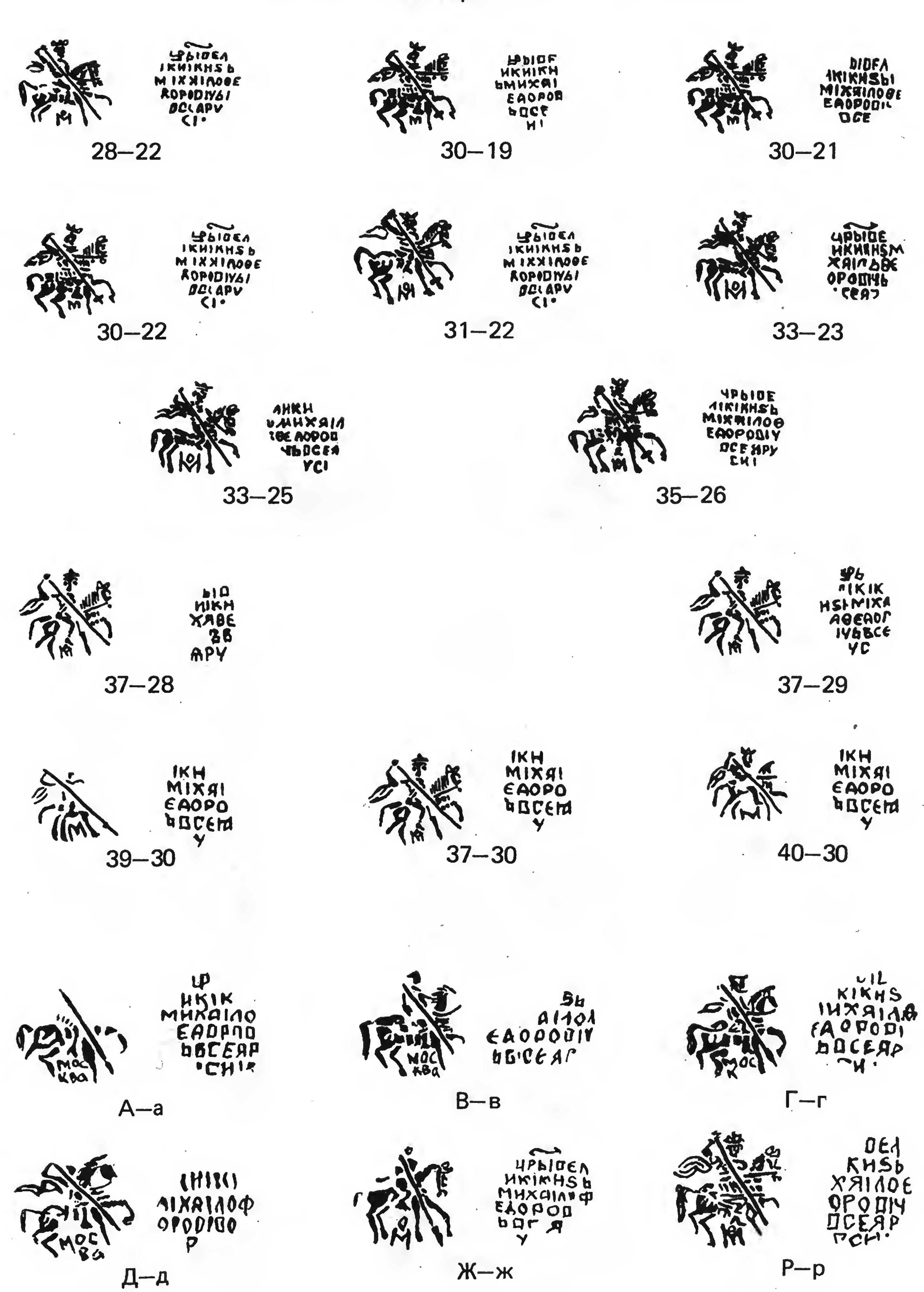

Таблица 36. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1645–1676) СЕРЕБРЯНЫЕ КОПЕЙКИ

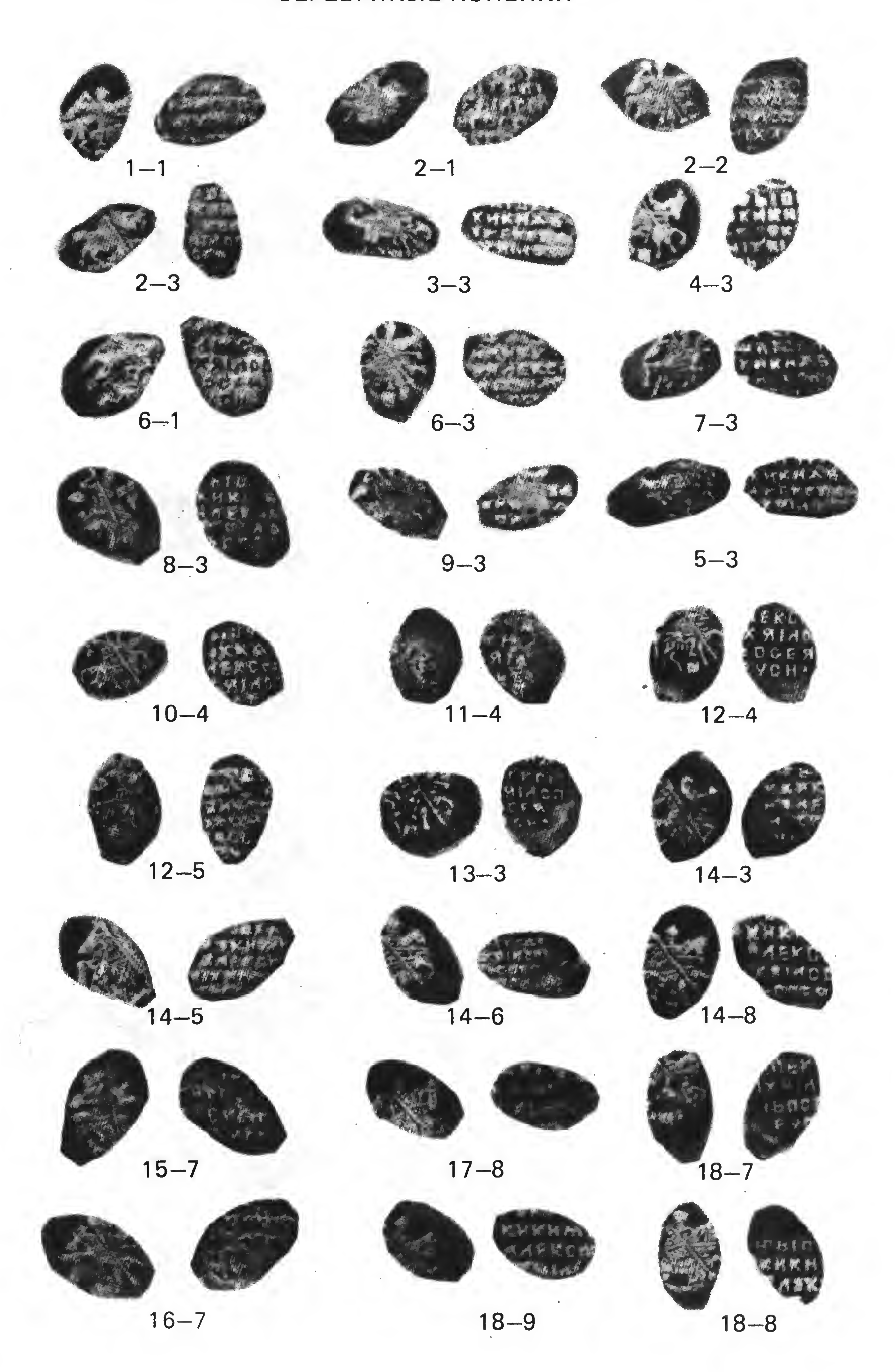

Таблица 37. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1645–1676)
СЕРЕБРЯНЫЕ КОПЕЙКИ, продолжение

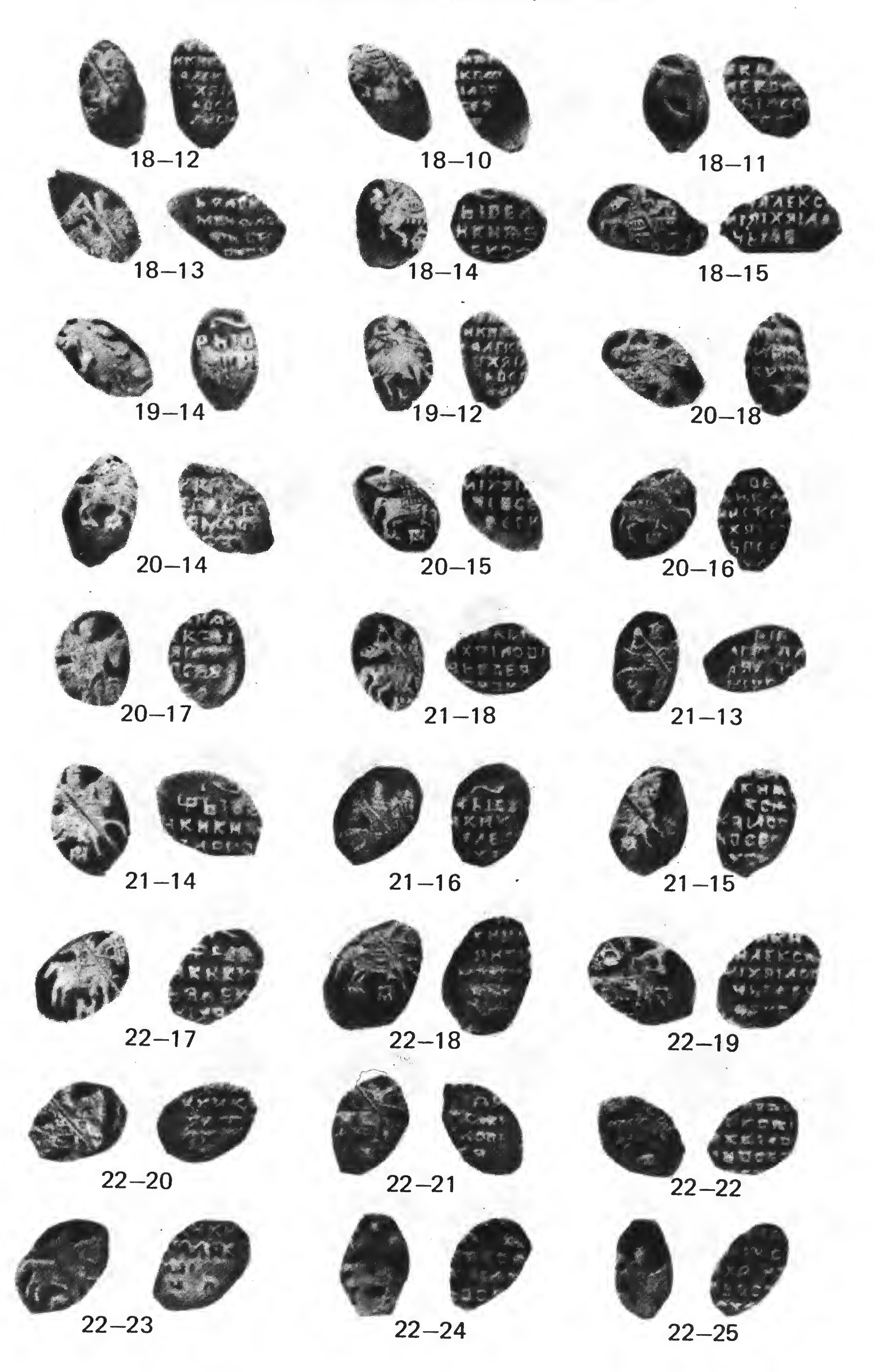

Таблица 38. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1645–1676) СЕРЕБРЯНЫЕ КОПЕЙКИ, продолжение

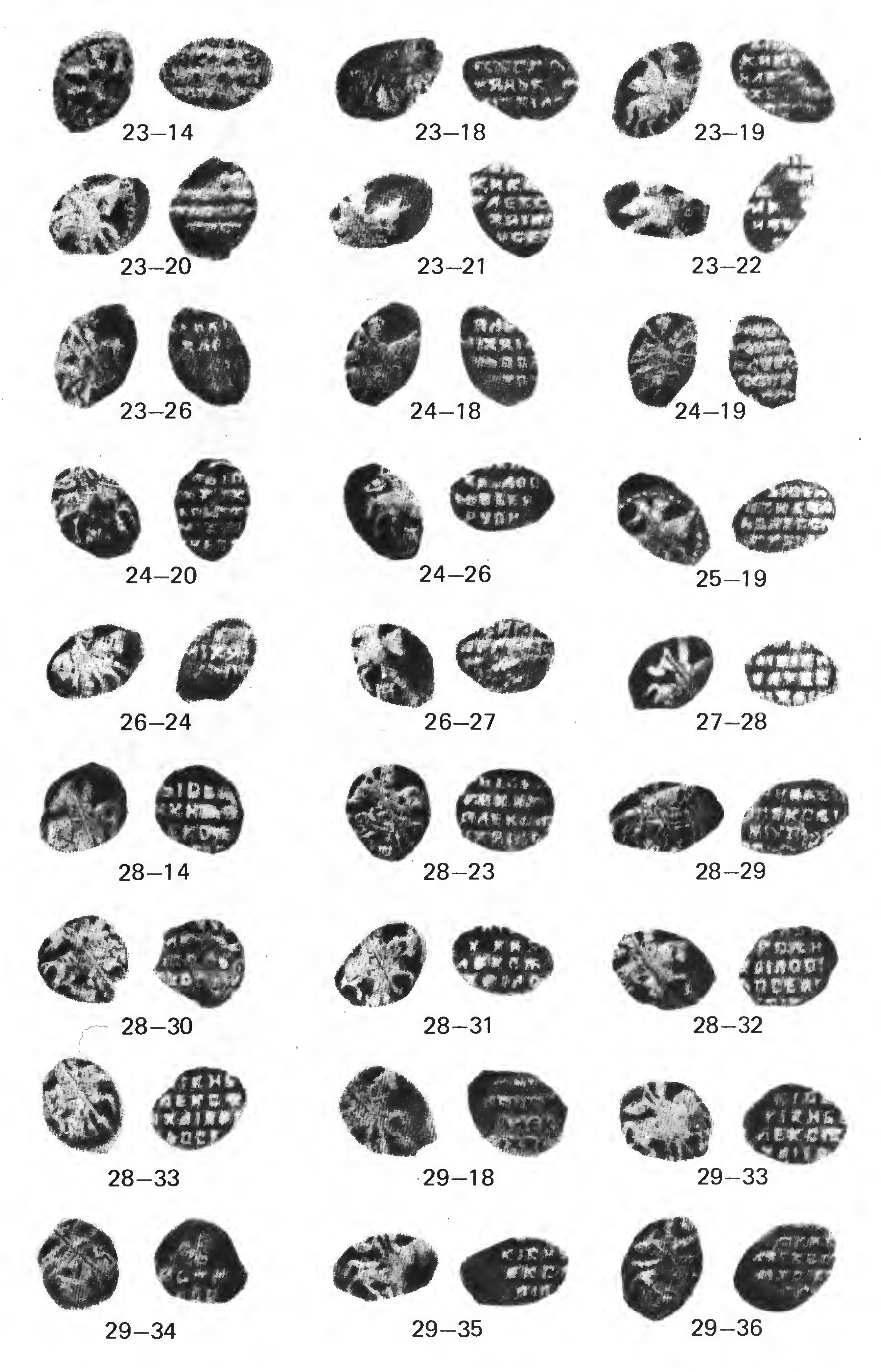

Таблица 39. АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1645–1676)
СЕРЕБРЯНЫЕ КОПЕЙКИ, окончание. ДЕНГИ, ПОЛУШКИ

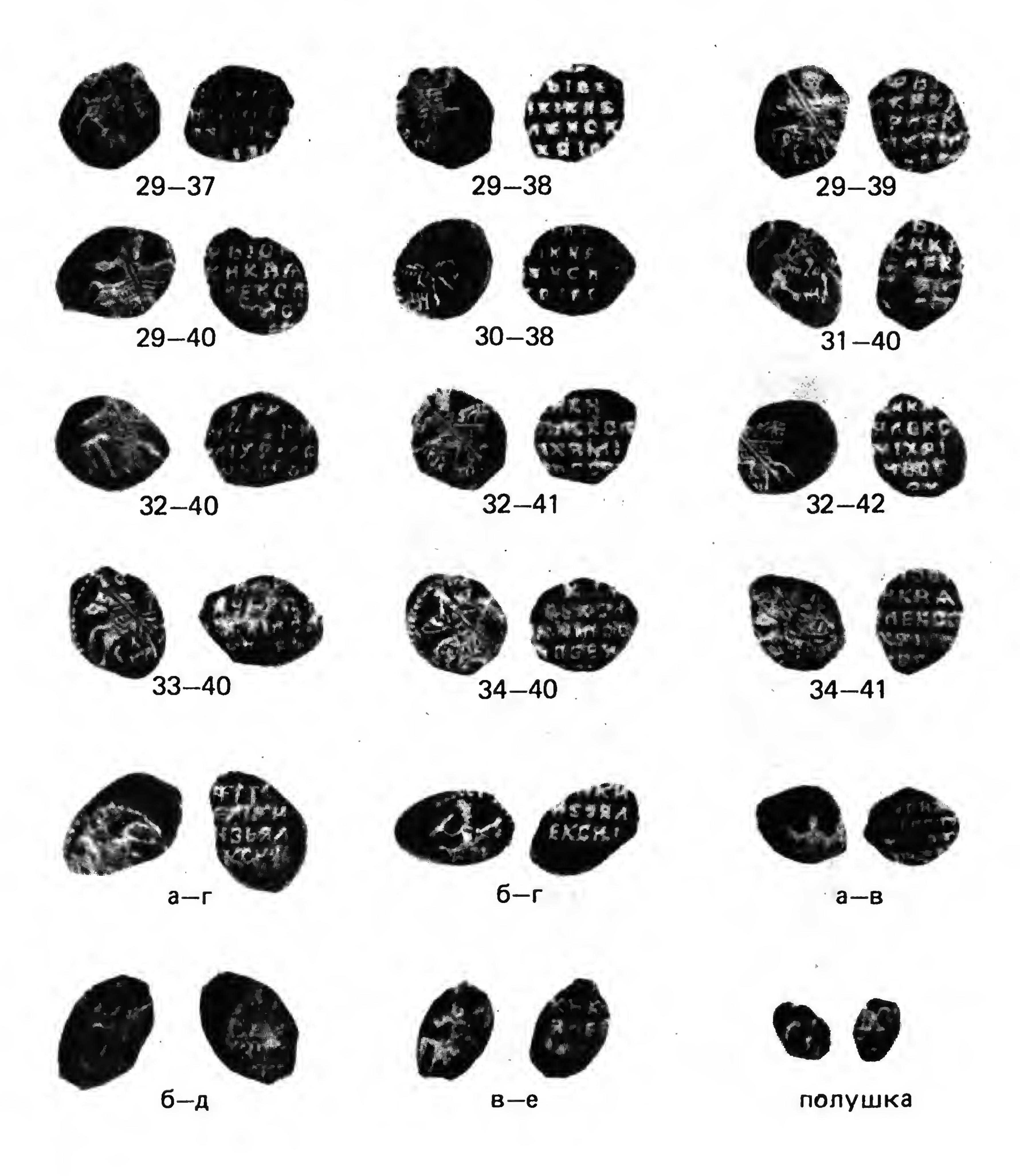

Таблица 40. ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (1676–1682). КОПЕЙКИ

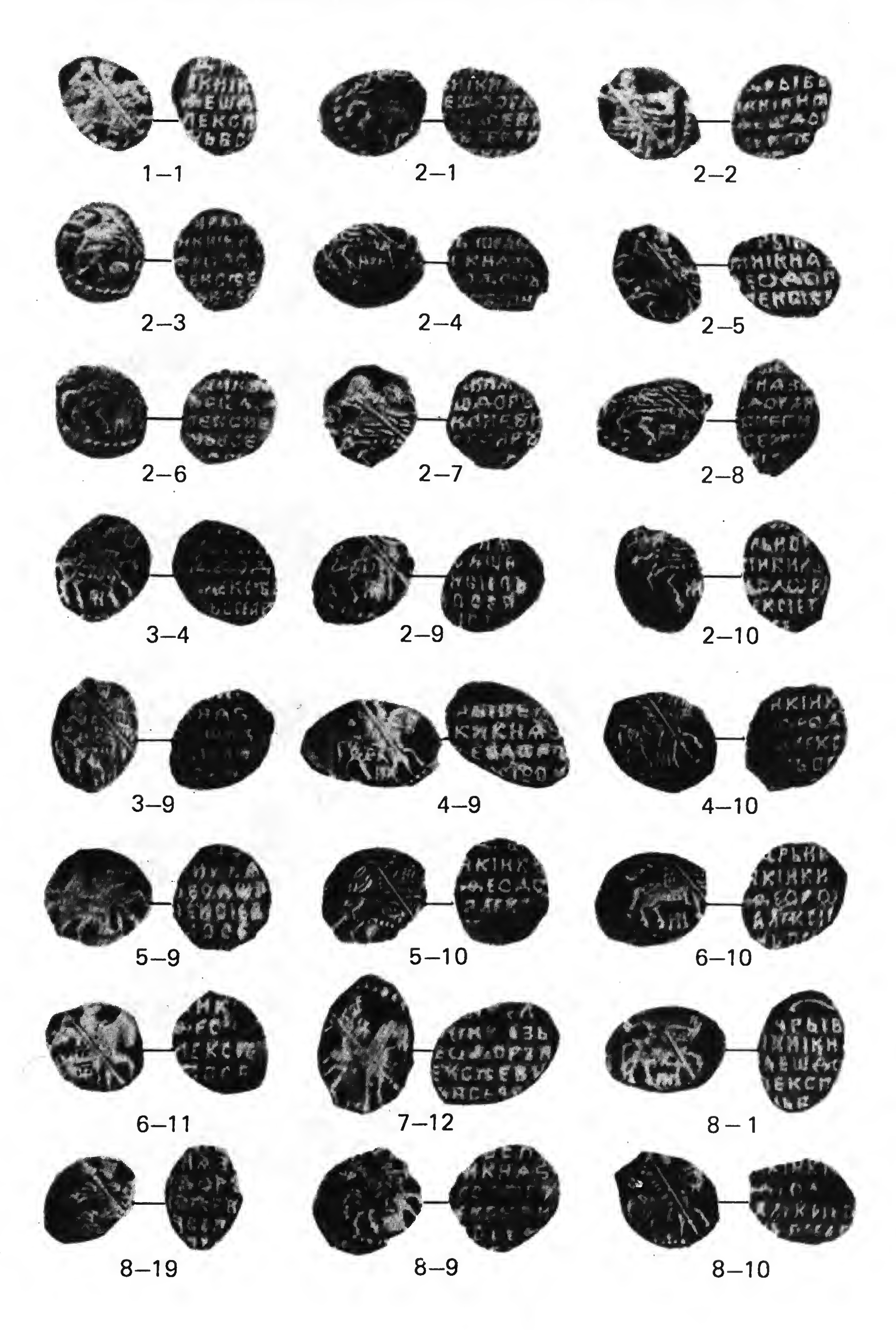

Таблица 41. ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (1676–1682). КОПЕЙКИ, окончание. ДЕНГИ.

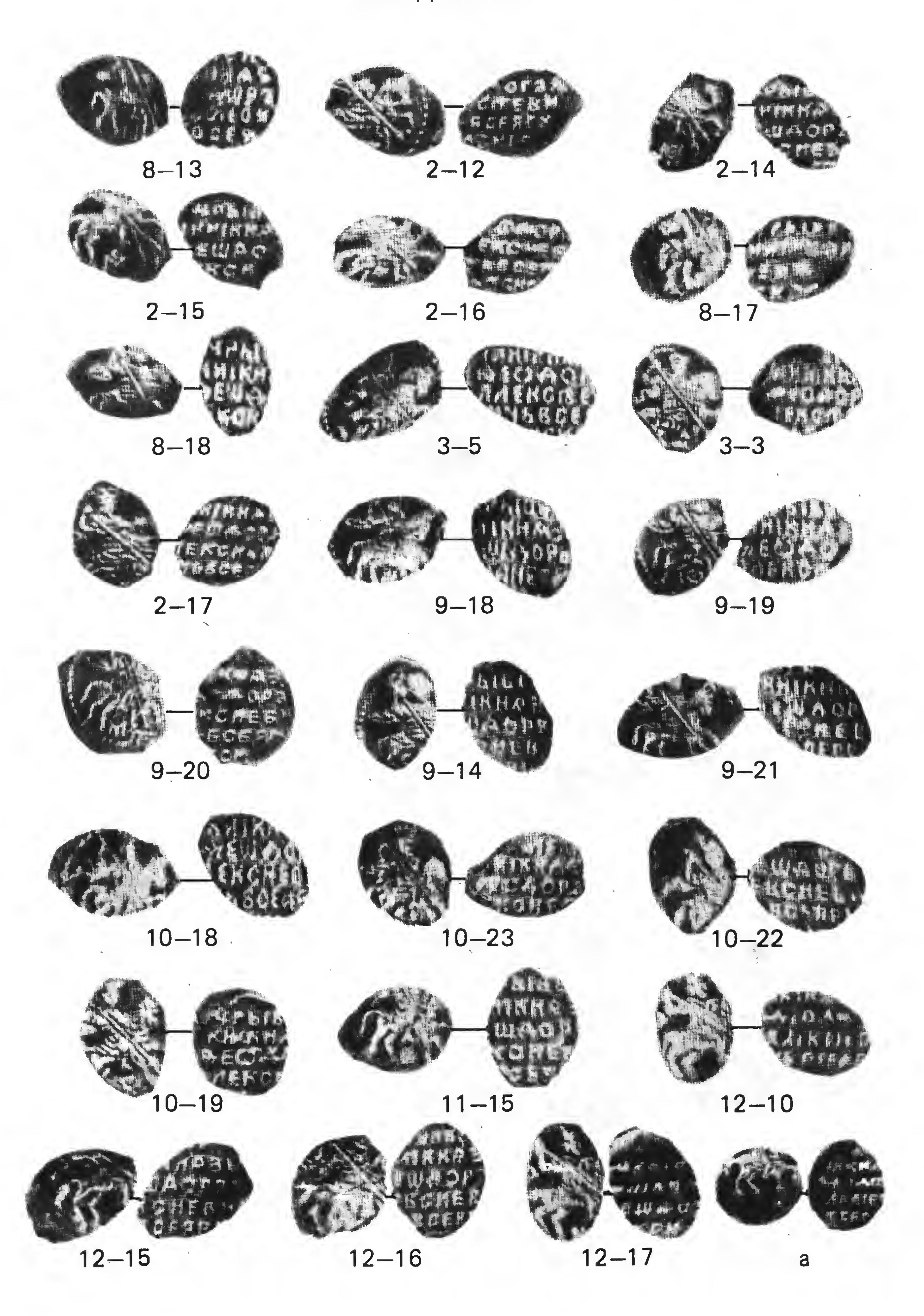

Таблица 42. ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЫ С ИМЕНЕМ ИВАНА IV

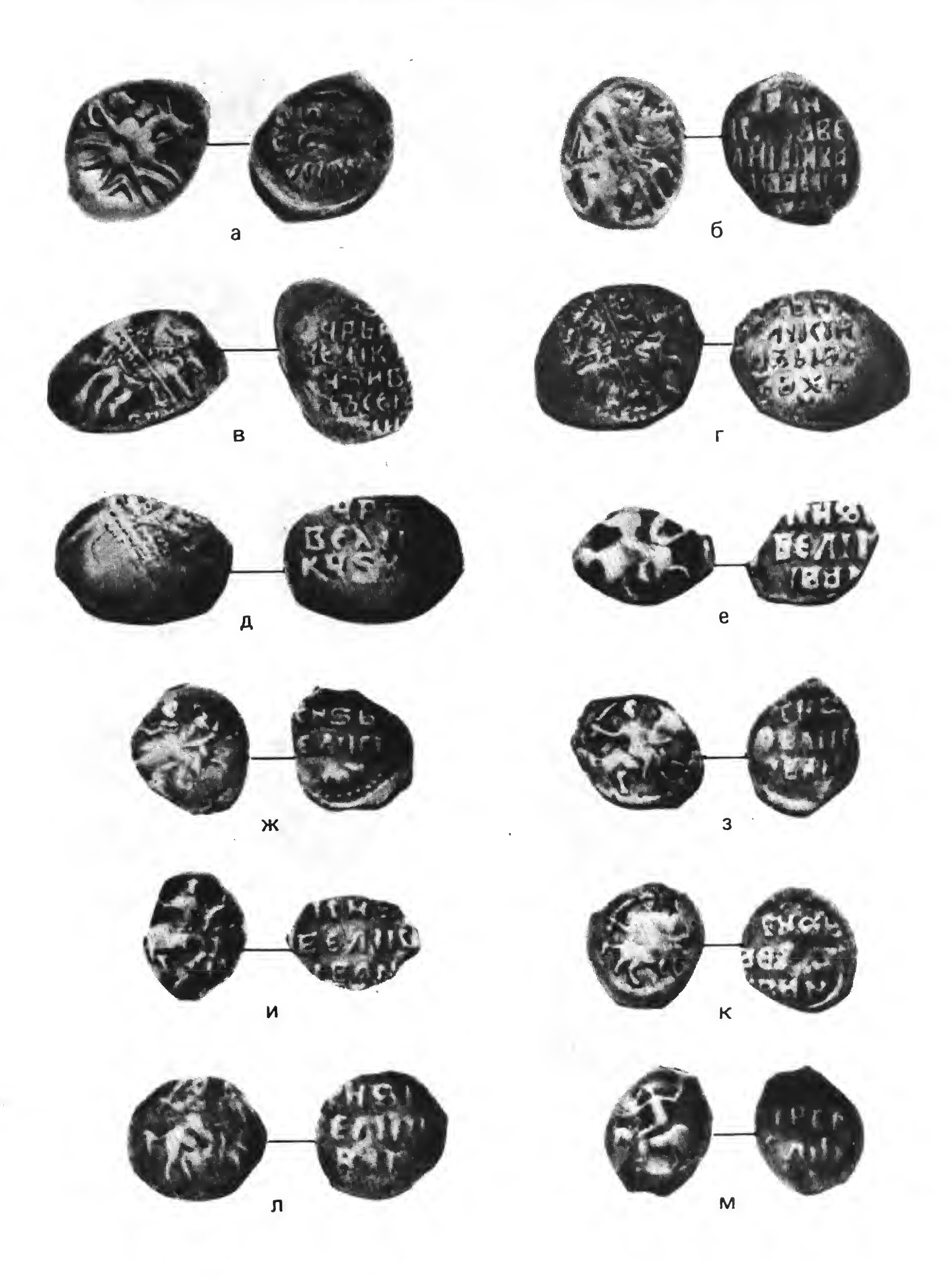
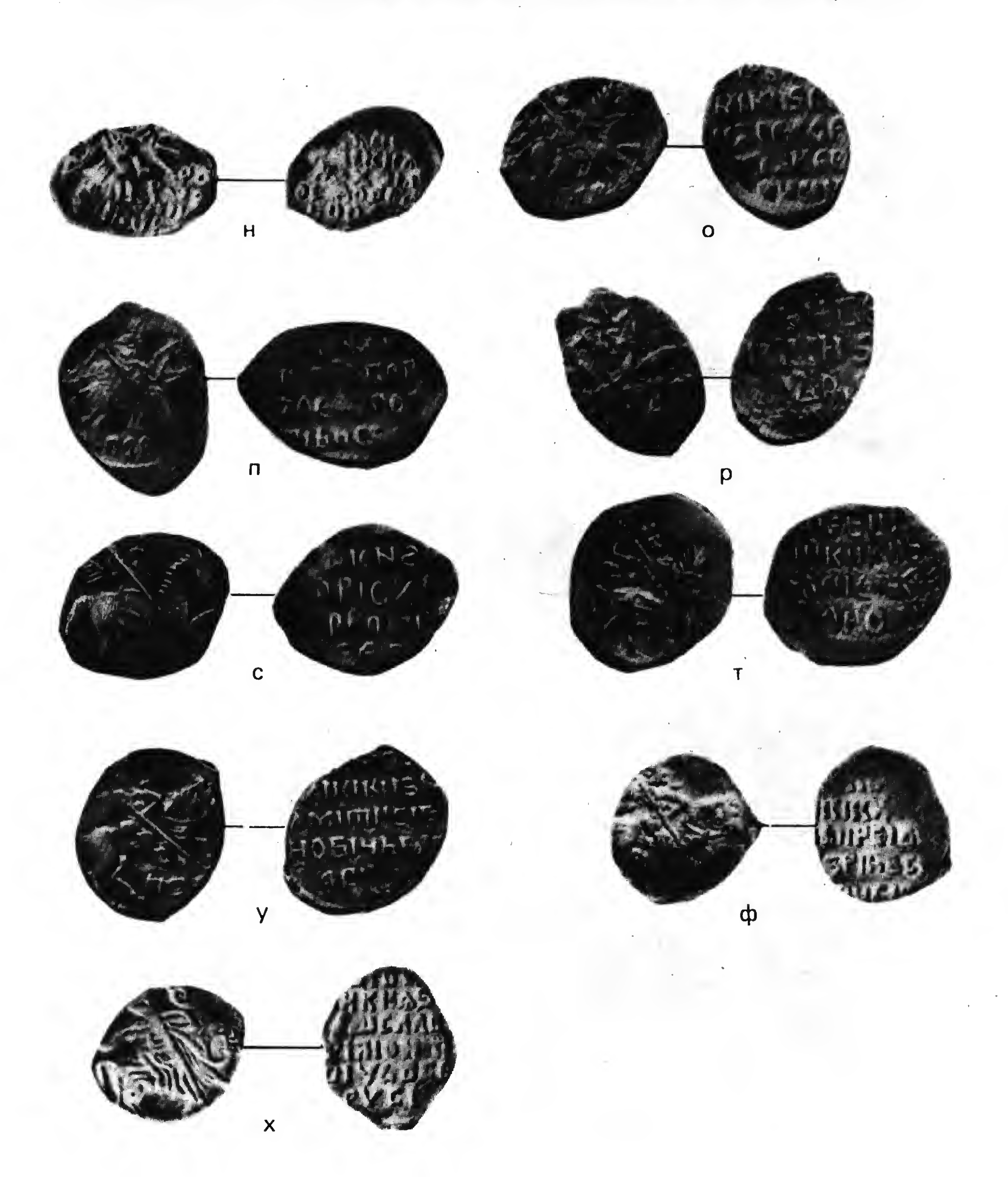
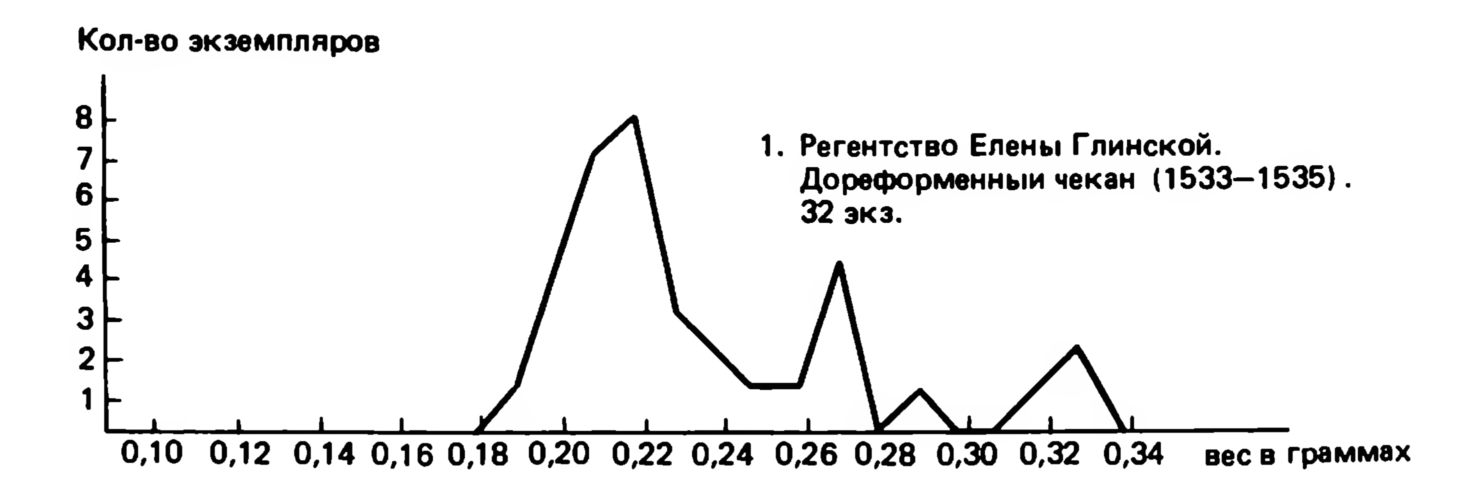

Таблица 43. ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЫ С ИМЕНАМИ РУССКИХ ЦАРЕЙ

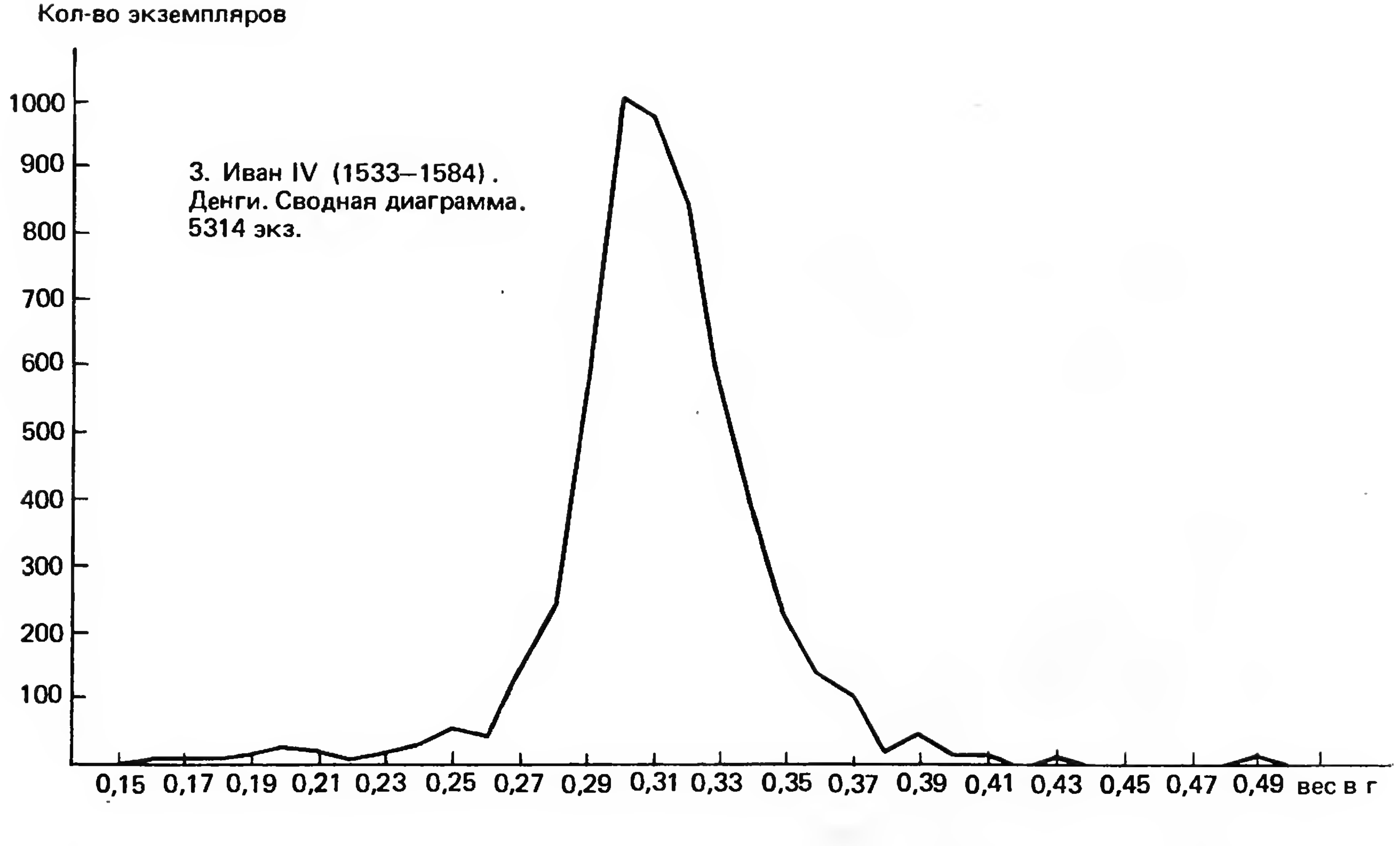

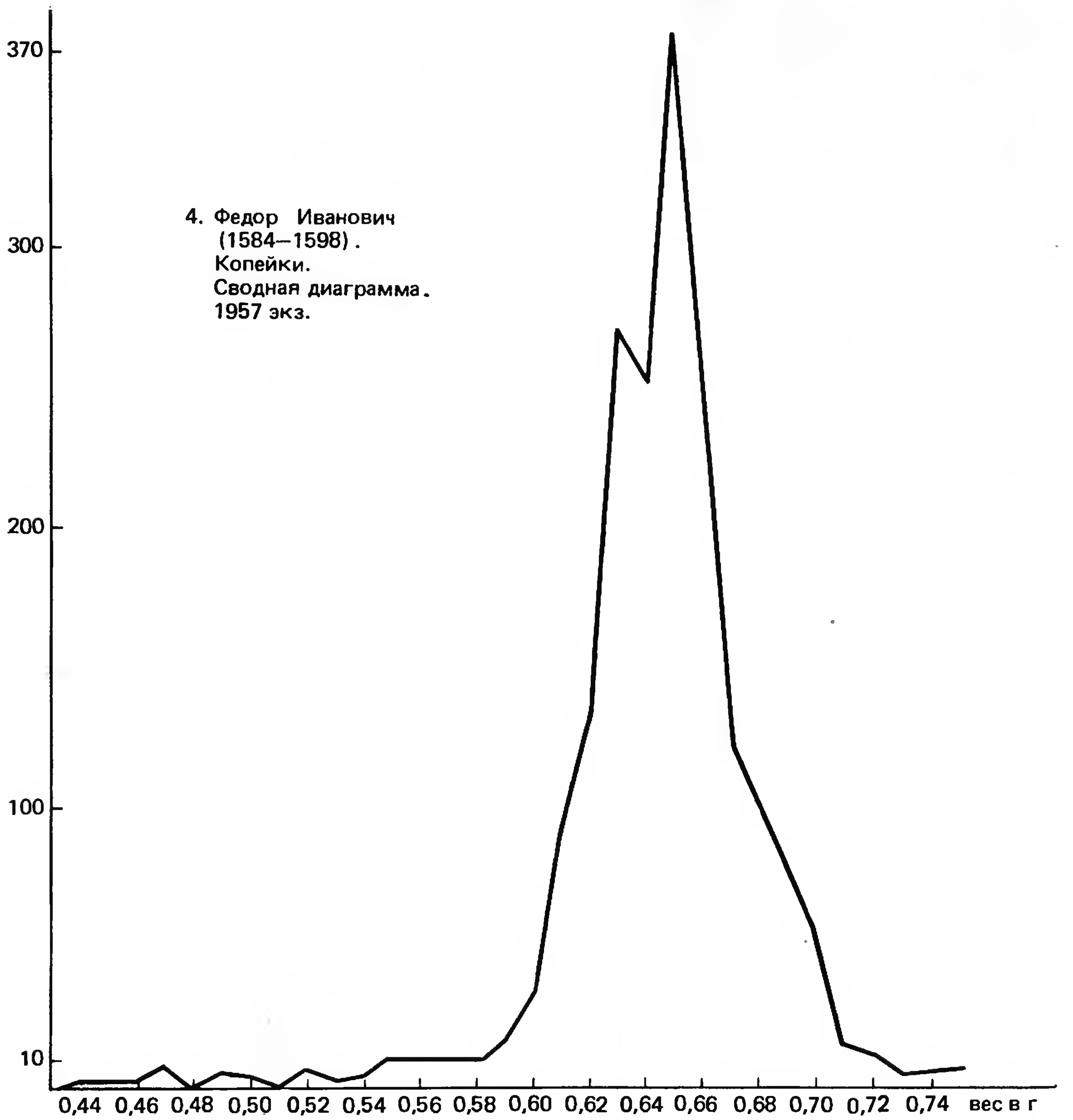
800
700
600
500
400
300
200
100

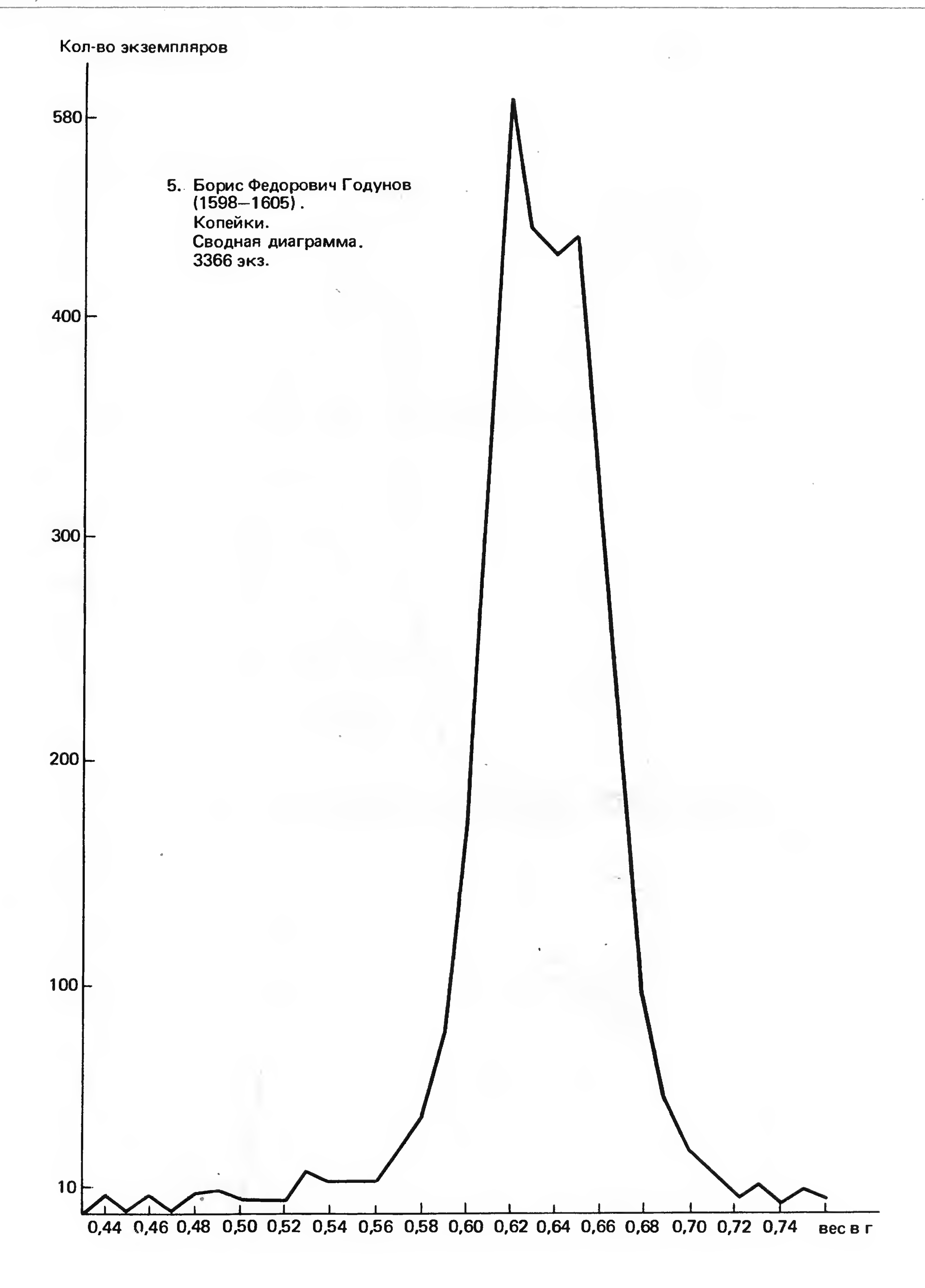
2. Иван IV (1533–1584).
Копейки. Сводная диаграмма.
4858 экз.

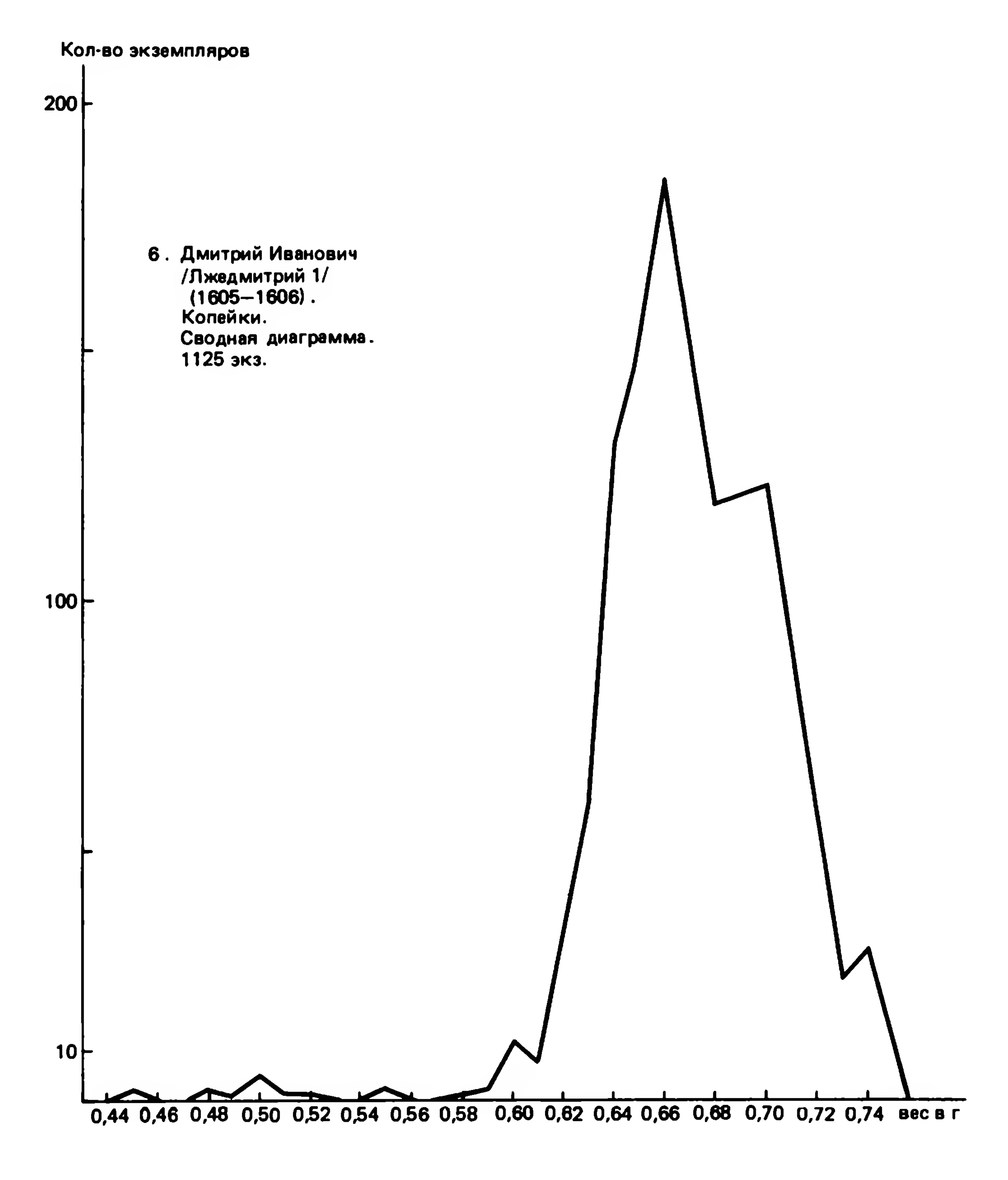
0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72

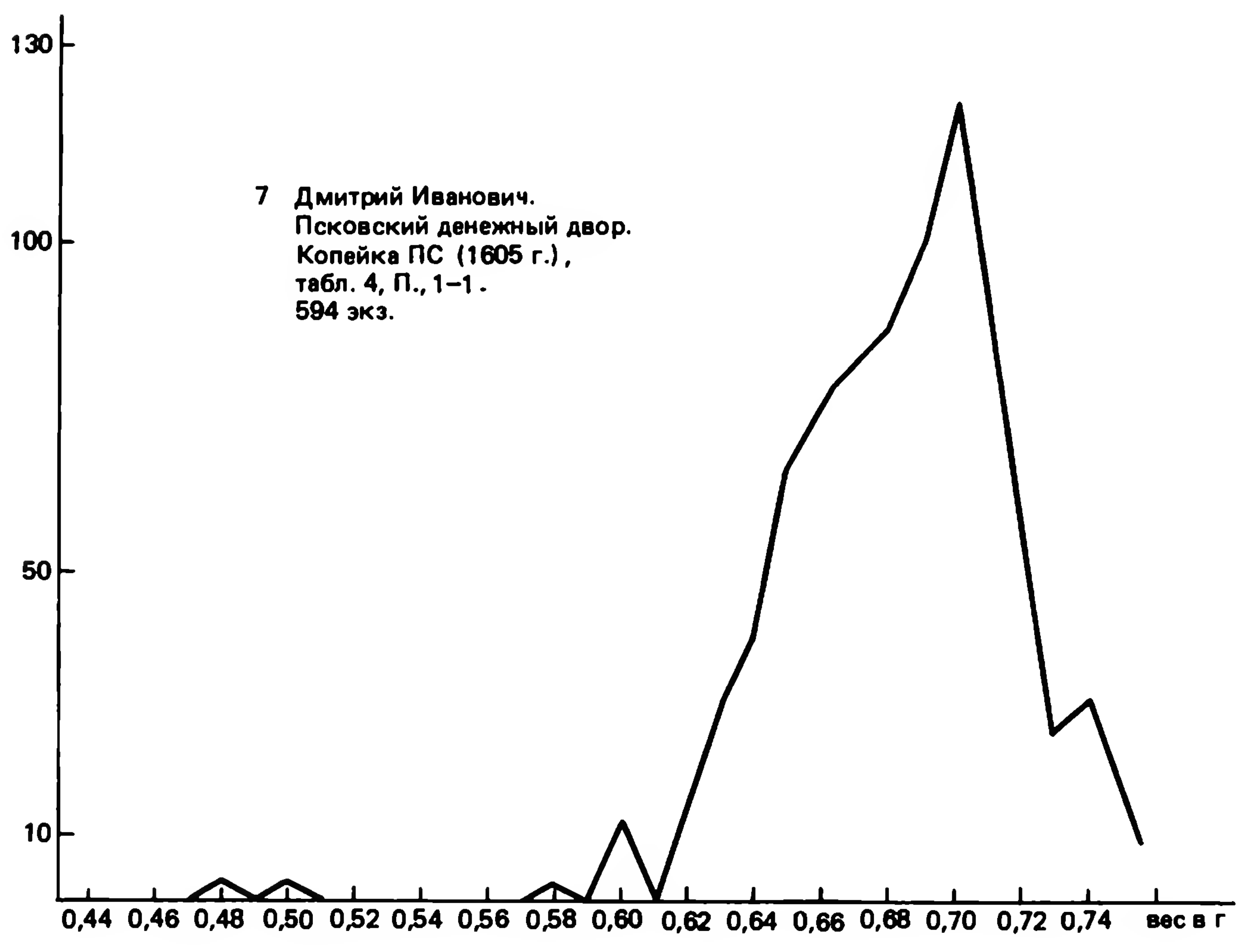
вес в г

Кол-во экземпляров
1000
900
800
700
600
500
400
300
200
100
3. Иван IV (1533—1584).
Денги. Сводная диаграмма.
5314 экз.
0,15 0,17 0,19 0,21 0,23 0,25 0,27 0,29 0,31 0,33 0,35 0,37 0,39 0,41 0,43 0,45 0,47 0,49 вес в г

370
300
200
100
10
4. Федор Иванович
(1584—1598).
Копейки.
Сводная диаграмма.
1957 экз.
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

Кол-во экземпляров
580
400
300
200
100
10
5. Борис Федорович Годунов
(1598—1605).
Копейки.
Сводная диаграмма.
3366 экз.
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74
вес в г

Кол-во экземпляров
200
100
10
6. Дмитрий Иванович
/Лжедмитрий 1/
(1605–1606).
Копейки.
Сводная диаграмма.
1125 экз.
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

130
100
50
10
7 Дмитрий Иванович.
Псковский денежный двор.
Копейка ПС (1605 г.),
табл. 4, П., 1–1.
594 экз.
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

160

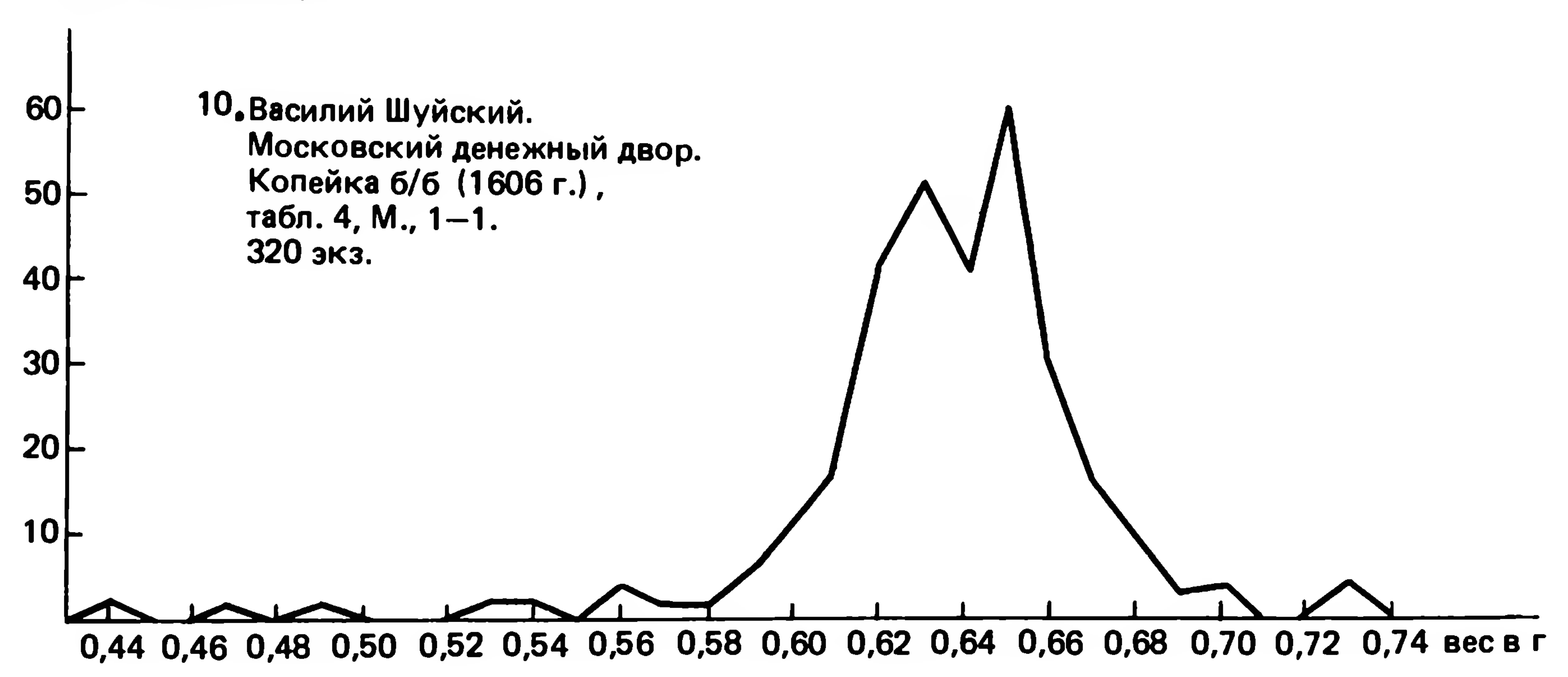
100

10

9. Василий Иванович Шуйский
(1606–1610).
Копейки.
Сводная диаграмма.
1241 экз.

0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

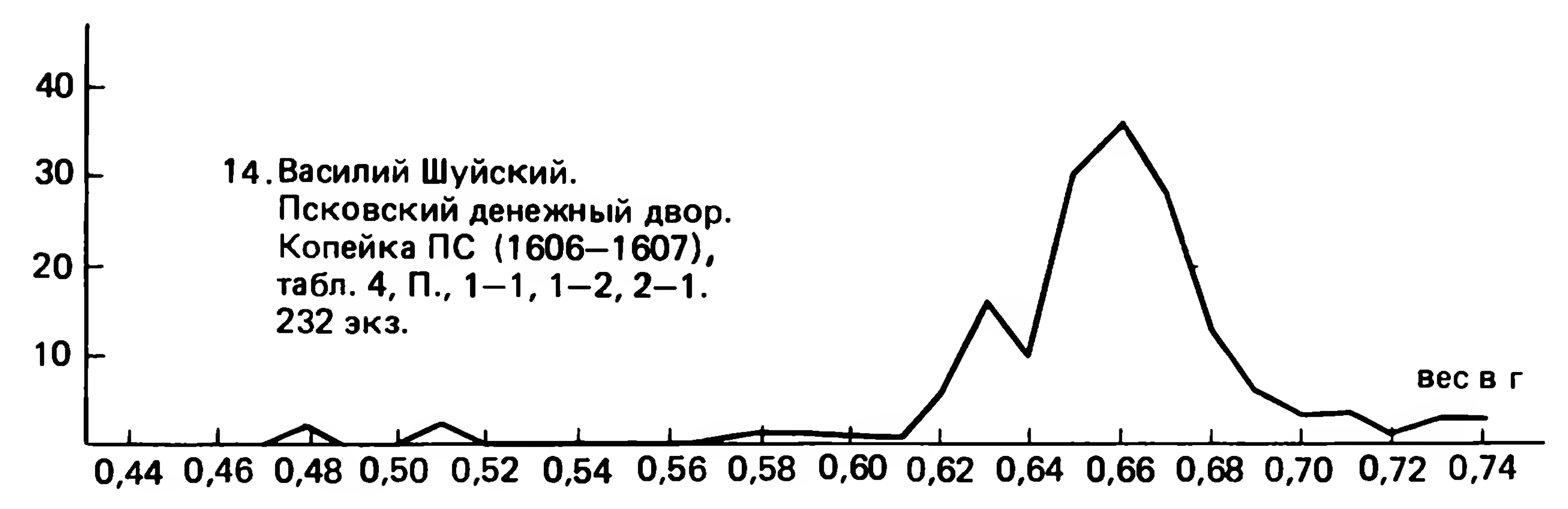

Кол-во экземпляров
10. Василий Шуйский.
Московский денежный двор.
Копейка б/б (1606 г.),
табл. 4, М., 1–1.
320 экз.
60
50
40
30
20
10
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

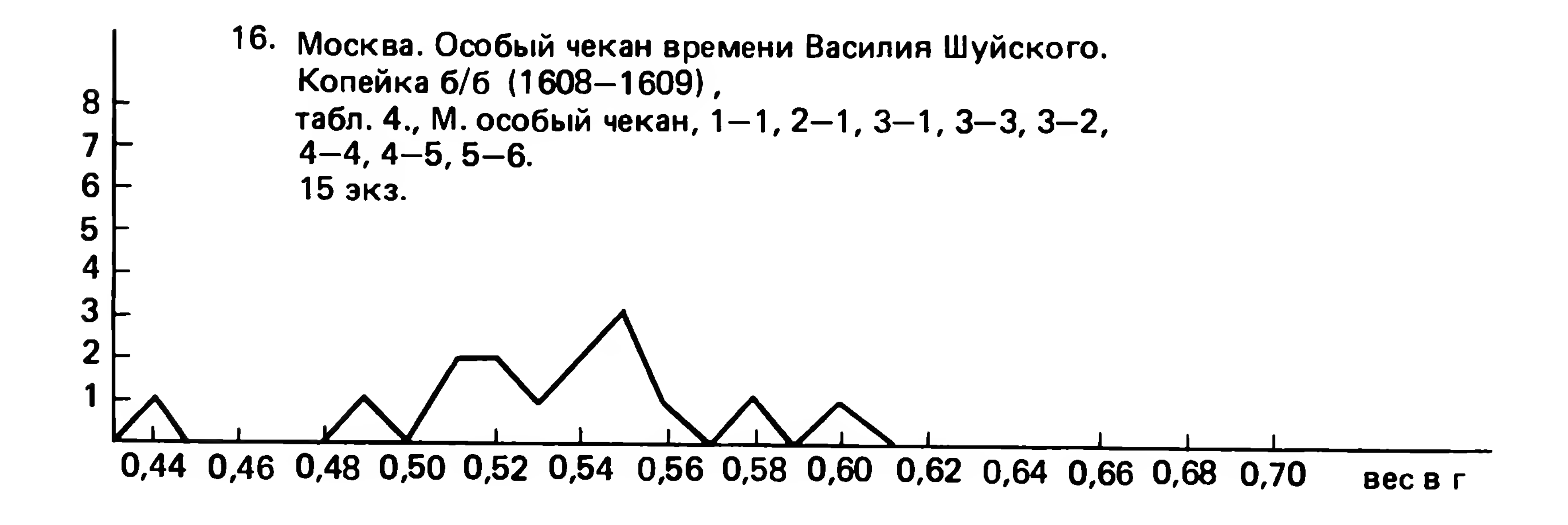

11. Василий Шуйский.
Московский денежный двор.
Копейка б/б (1607 г.),
табл. 4, М., 1–2, 1–3.
78 экз.
20
15
10
5
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

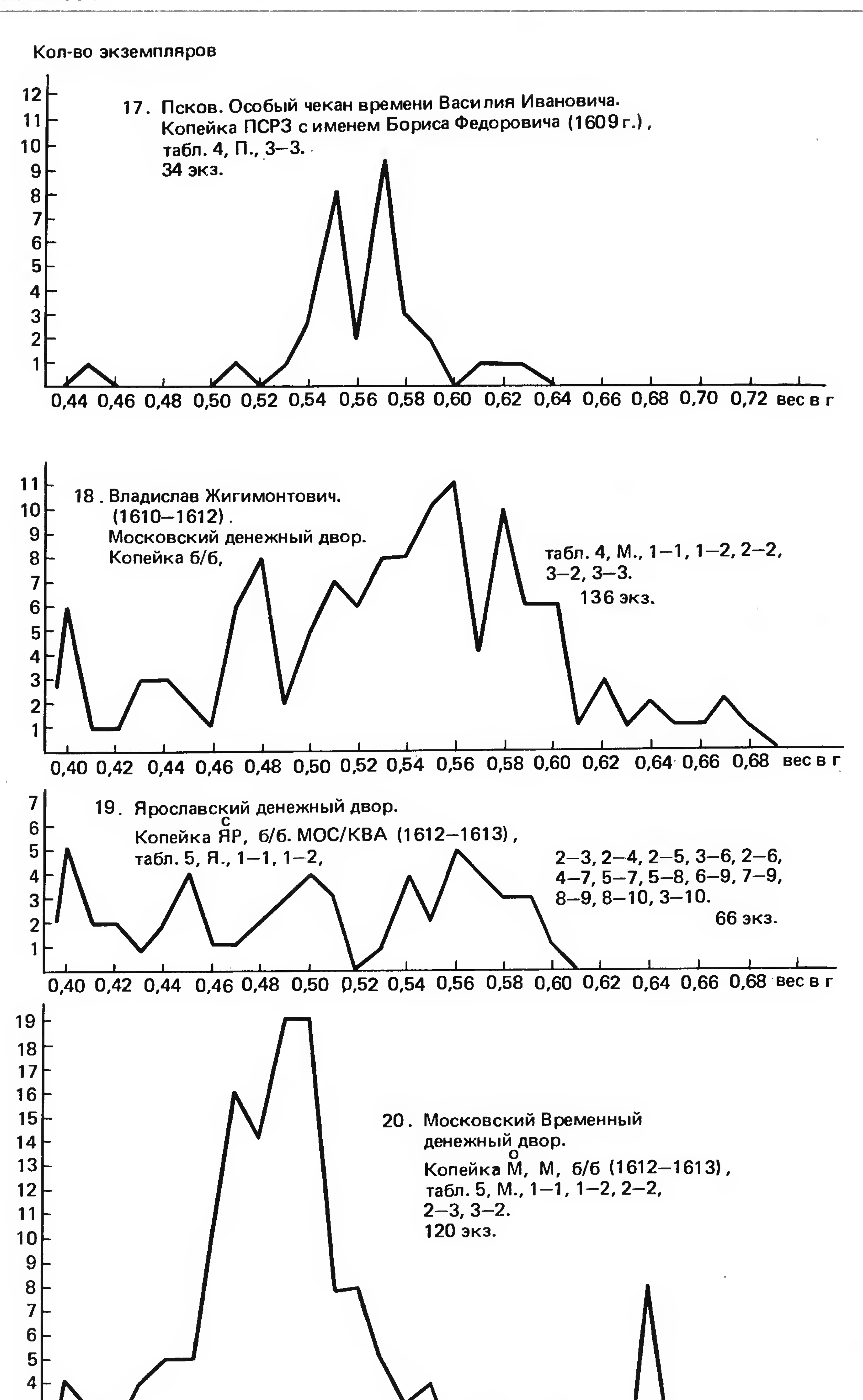

12. Василий Шуйский.
Московский денежный двор.
Копейка б/б (1607 г.),
табл. 4, М., 1–4.
338 экз.
50
40
30
20
10
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74 вес в г

Кол-во экземпляров
13. Василий Шуйский.
Московский денежный двор.
Копейка б/б, МО (1607 г.),
табл. 4, М., 1–5.
100 экз.
20
10
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 вес в г

14. Василий Шуйский.
Псковский денежный двор.
Копейка ПС (1606–1607),
табл. 4, П., 1–1, 1–2, 2–1.
232 экз.
40
30
20
10
вес в г
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 0,74

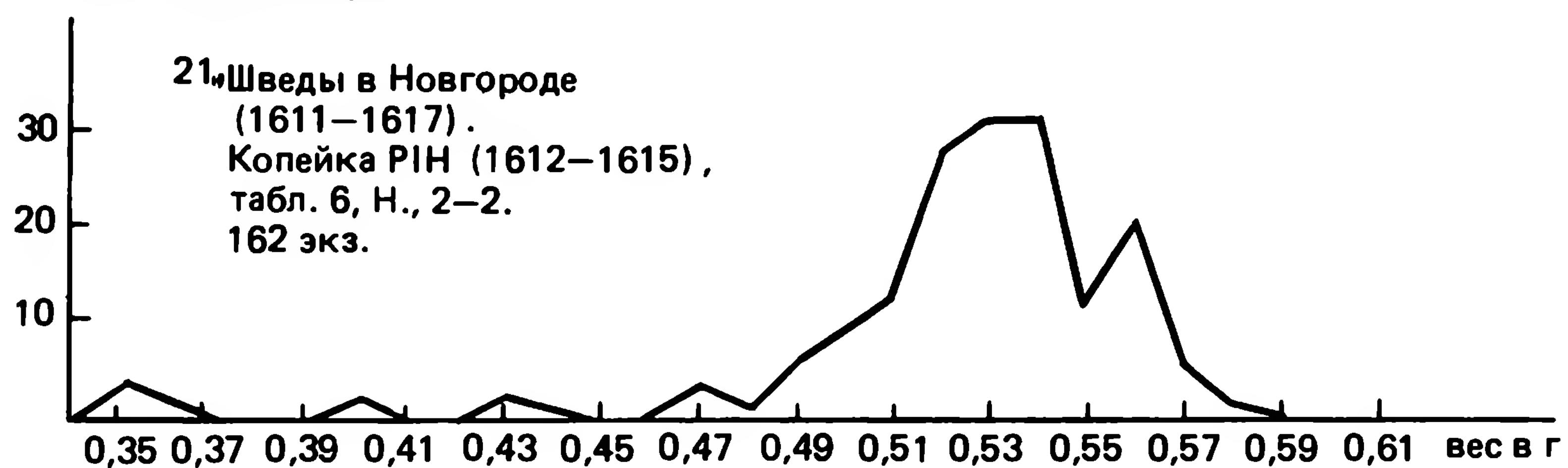

15. Василий Шуйский.
Новгородский денежный двор.
Копейка РДI = 1606 г., табл. 4, Н., 1–1, 49 экз.:
Копейка РЕI = 1607 г., табл. 4, Н., 2–2, 2–3, 53 экз.:
Копейка РIS = 1608 г., табл. 4, Н., 3–3,
Копейка НРД = 1609 г., табл. 4, Н., 4–4,
22 экз.:
40
30
20
10
вес в г
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72

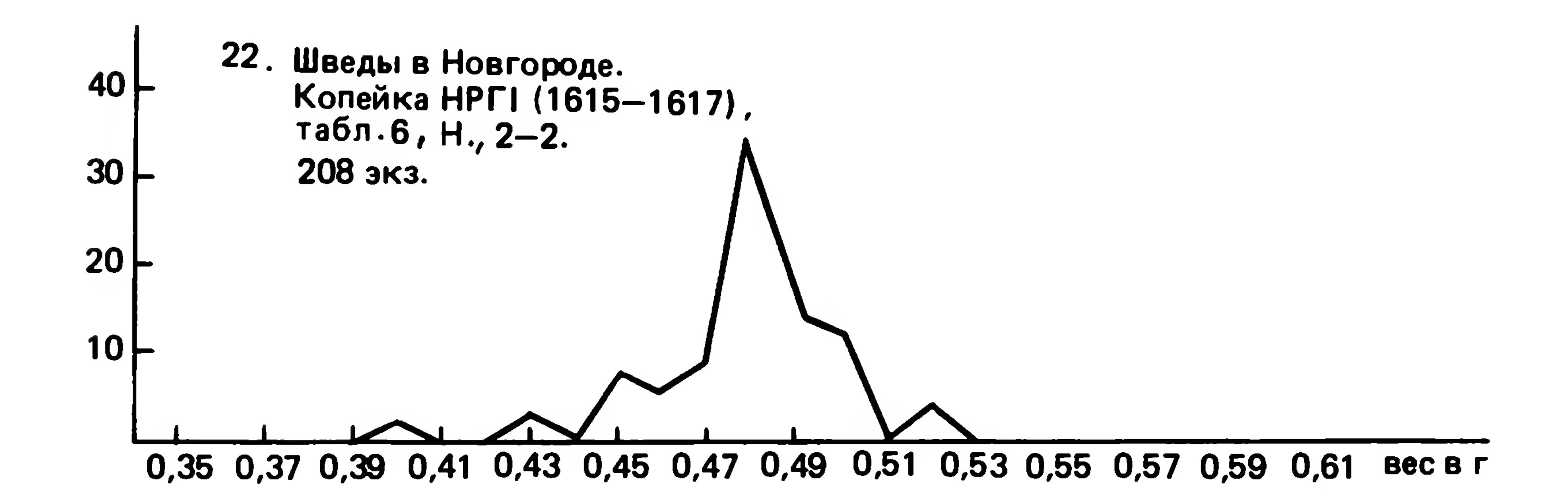

16. Москва. Особый чекан времени Василия Шуйского.
Копейка б/б (1608–1609),
табл. 4., М. особый чекан, 1–1, 2–1, 3–1, 3–3, 3–2,
4–4, 4–5, 5–6.
15 экз.
8
7
6
5
4
3
2
1
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 вес в г

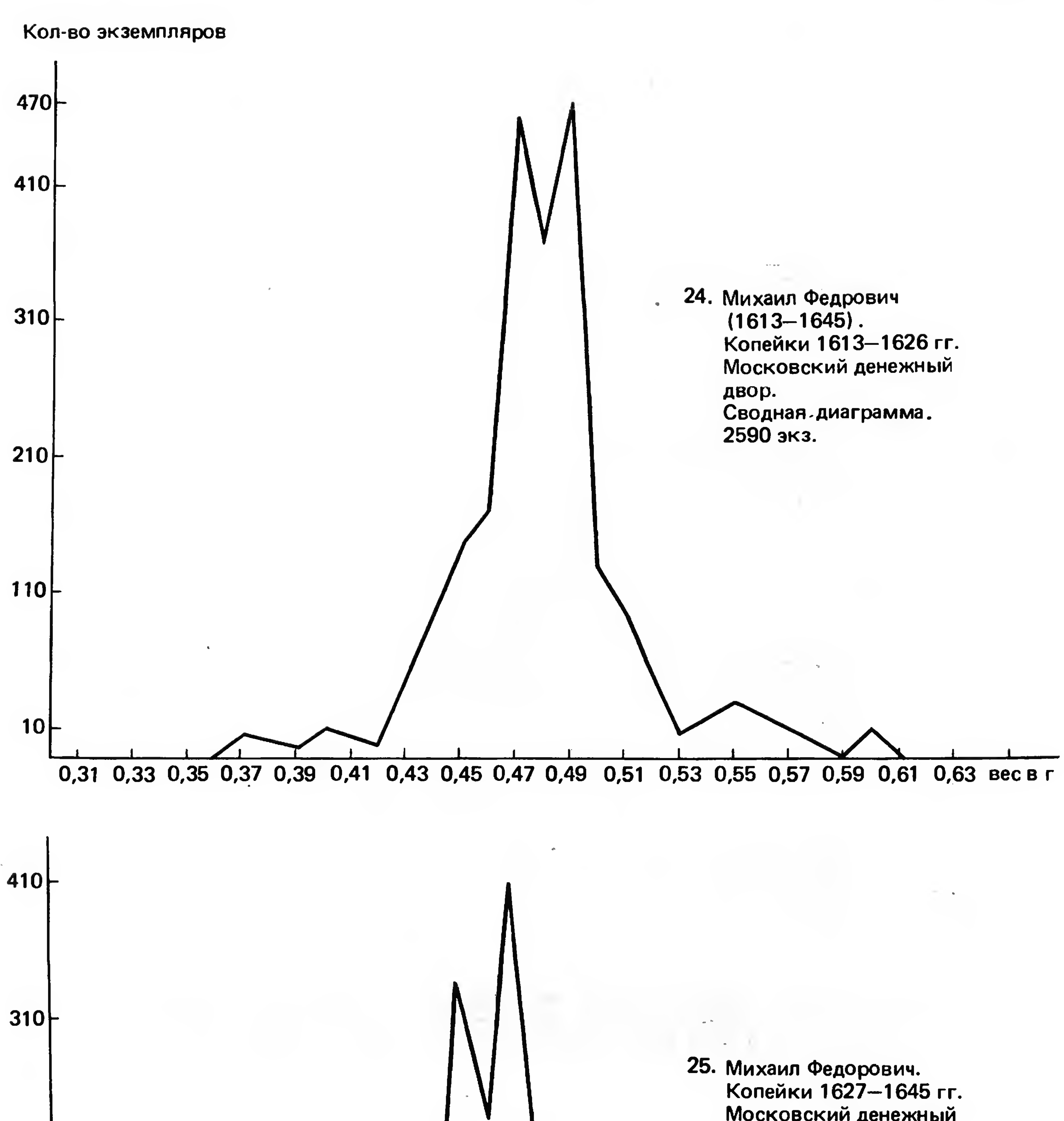
Кол-во экземпляров
17. Псков. Особый чекан времени Василия Ивановича.
Копейка ПСРЗ с именем Бориса Федоровича (1609 г.),
табл. 4, П., 3–3.
34 экз.
0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 0,70 0,72 вес в г
18. Владислав Жигимонтович.
(1610–1612).
Московский денежный двор.
Копейка б/б,
табл. 4, М., 1–1, 1–2, 2–2,
3–2, 3–3.
136 экз.
0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 вес в г
19. Ярославский денежный двор.
Копейка ЯР с, б/б. МОС/КВА (1612–1613),
табл. 5, Я., 1–1, 1–2,
2–3, 2–4, 2–5, 3–6, 2–6,
4–7, 5–7, 5–8, 6–9, 7–9,
8–9, 8–10, 3–10.
66 экз.
0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 вес в г
20. Московский Временный
денежный двор.
Копейка М о, М, б/б (1612–1613),
табл. 5, М., 1–1, 1–2, 2–2,
2–3, 3–2.
120 экз.
0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 0,62 0,64 0,66 0,68 вес в г

Кол-во экземпляров

21. Шведы в Новгороде
(1611–1617).
Копейка PIH (1612–1615),
табл. 6, Н., 2–2.
162 экз.
30
20
10
0,35 0,37 0,39 0,41 0,43 0,45 0,47 0,49 0,51 0,53 0,55 0,57 0,59 0,61 вес в г

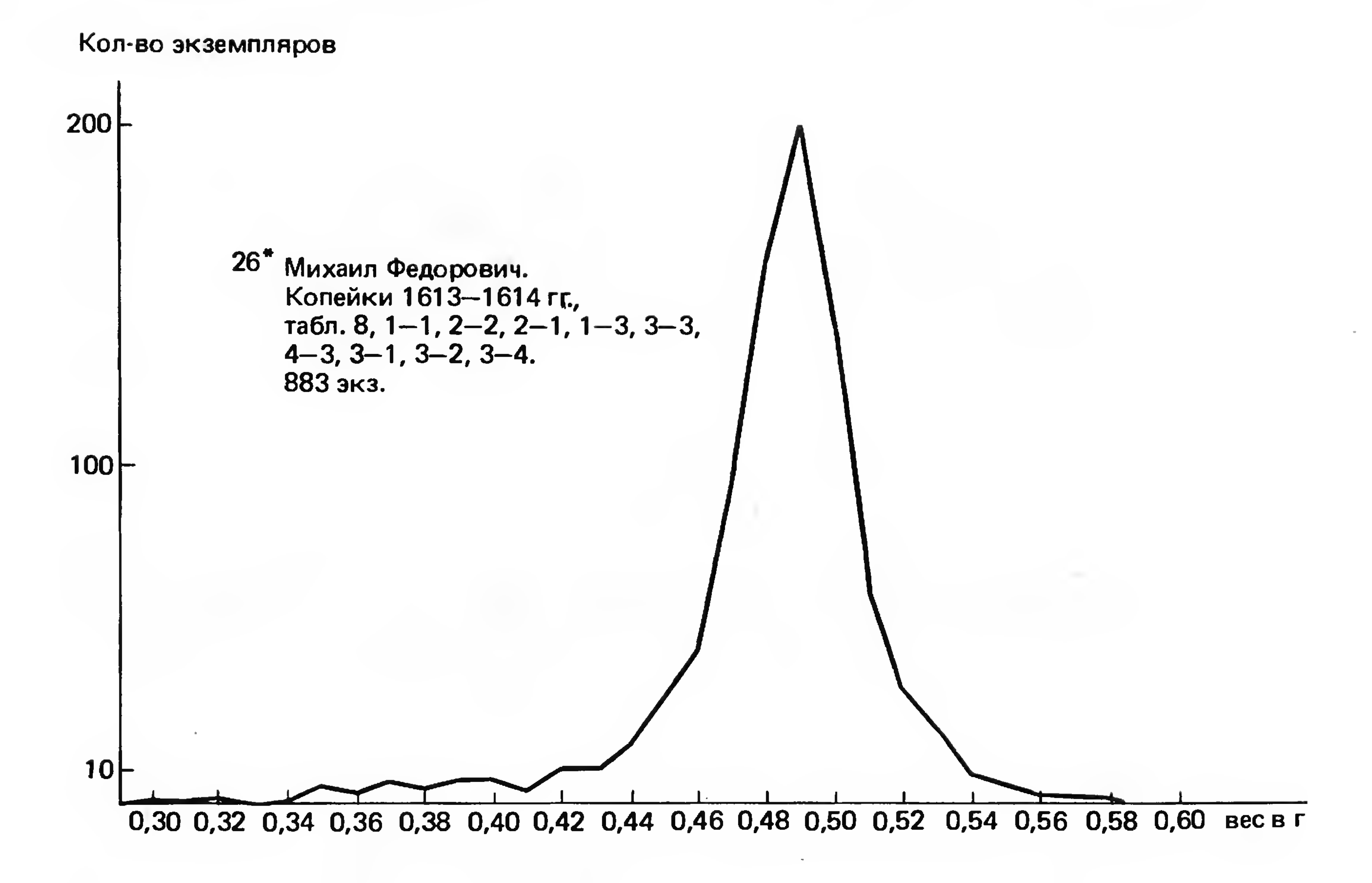

22. Шведы в Новгороде.
Копейка НРГI (1615–1617),
табл. 6, Н., 2–2.
208 экз.
40
30
20
10
0,35 0,37 0,39 0,41 0,43 0,45 0,47 0,49 0,51 0,53 0,55 0,57 0,59 0,61 вес в г

23. Шведы в Новгороде. Шведские подделки после 1617 г.,
табл. 6, чекан Нефедки, 4–4, 5–4, 6–4, 7–4, 4–5, 7–5,
7–6, 8–5, 9–5, 9–6, 9–7, 7–7.
69 экз.
20
15
10
5
0,35 0,37 0,39 0,41 0,43 0,45 0,47 0,49 0,51 0,53 0,55 0,57 0,59 0,61 вес в г

24. Михаил Федрович (1613–1645). Копейки 1613–1626 гг. Московский денежный двор. Сводная диаграмма. 2590 экз.

25. Михаил Федорович. Копейки 1627–1645 гг. Московский денежный двор. Сводная диаграмма. 1708 экз.

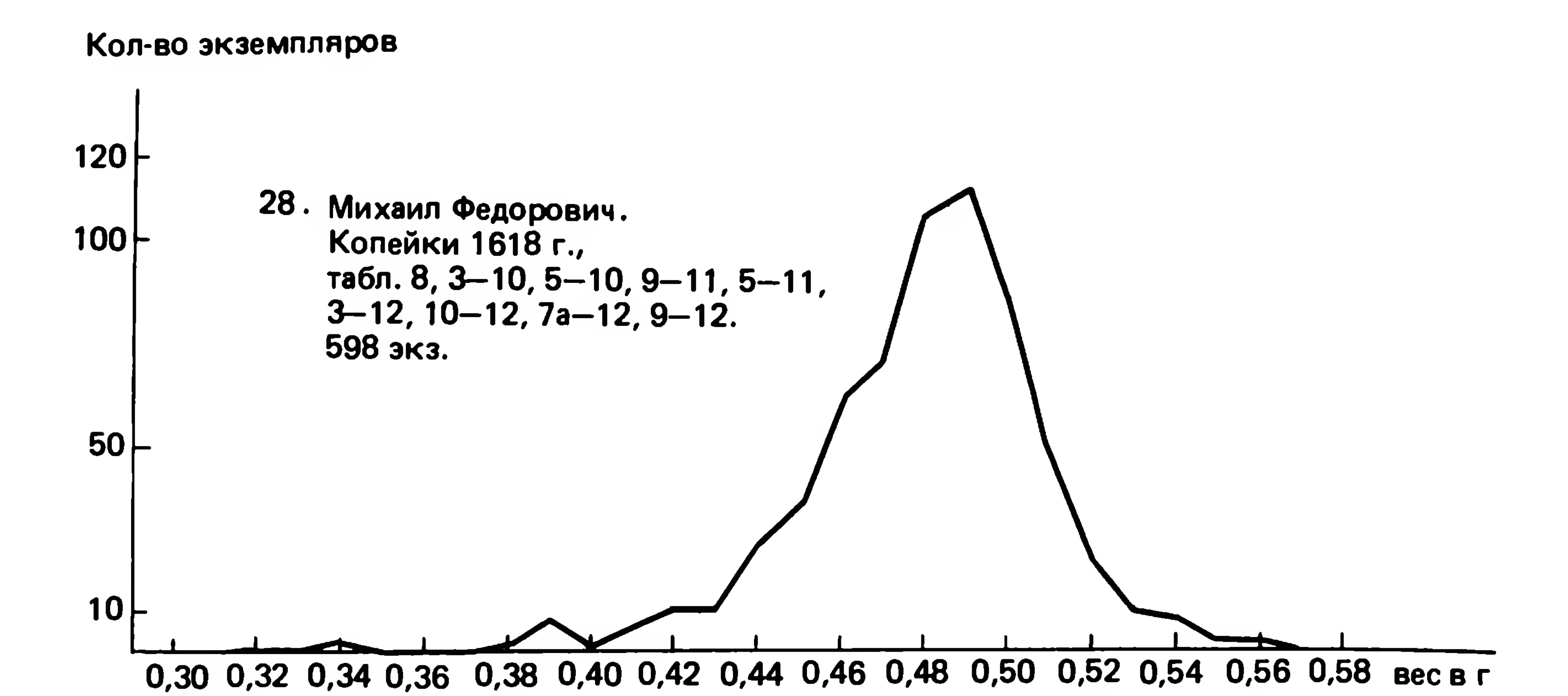

300
200
100
10

27. Михаил Федорович.
Копейки 1615–1617 гг.,
табл. 8, 5–3, 6–3, 6–1, 3–5, 3–6,
5–7, 3–7, 7–7, 3–8, 5–8,
6–8, 7–8, 7а–8, 7–3, 8–9,
3–9, 5–9, 6–9, 7а–9, 6–10,
9–9.
1959 экз.

0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

* Диаграммы 26–31, 35–37 относятся к чекану Московского денежного двора.

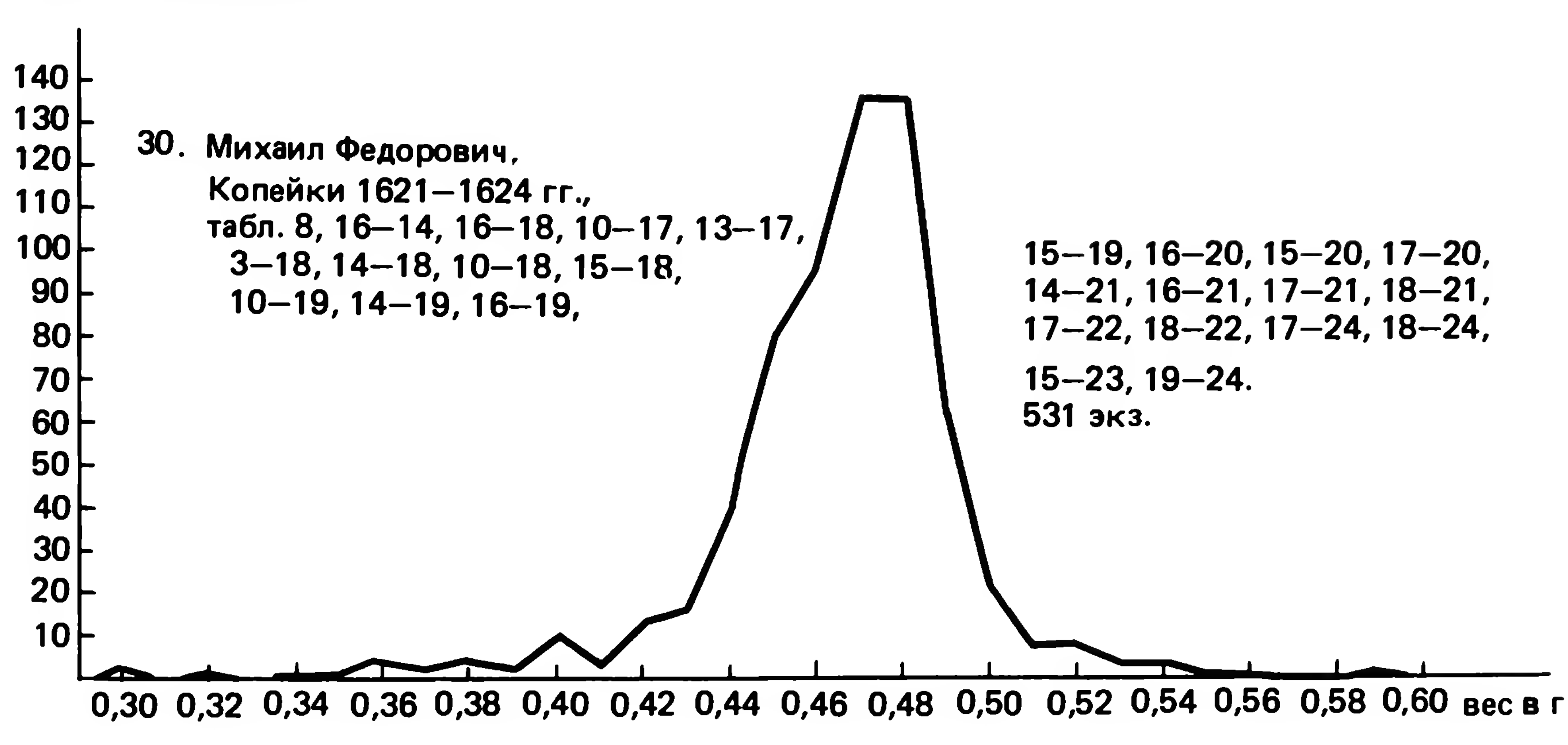

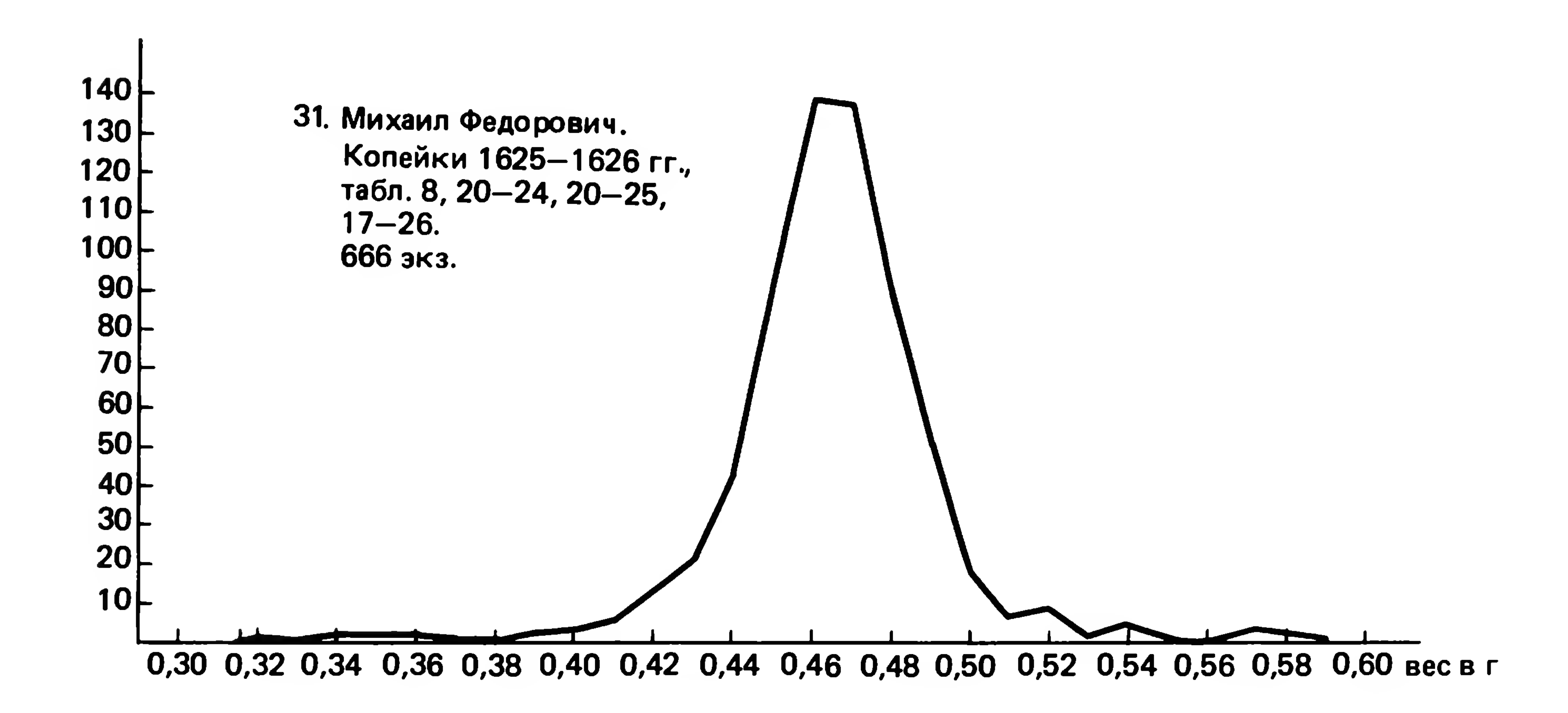
330
300
200
100

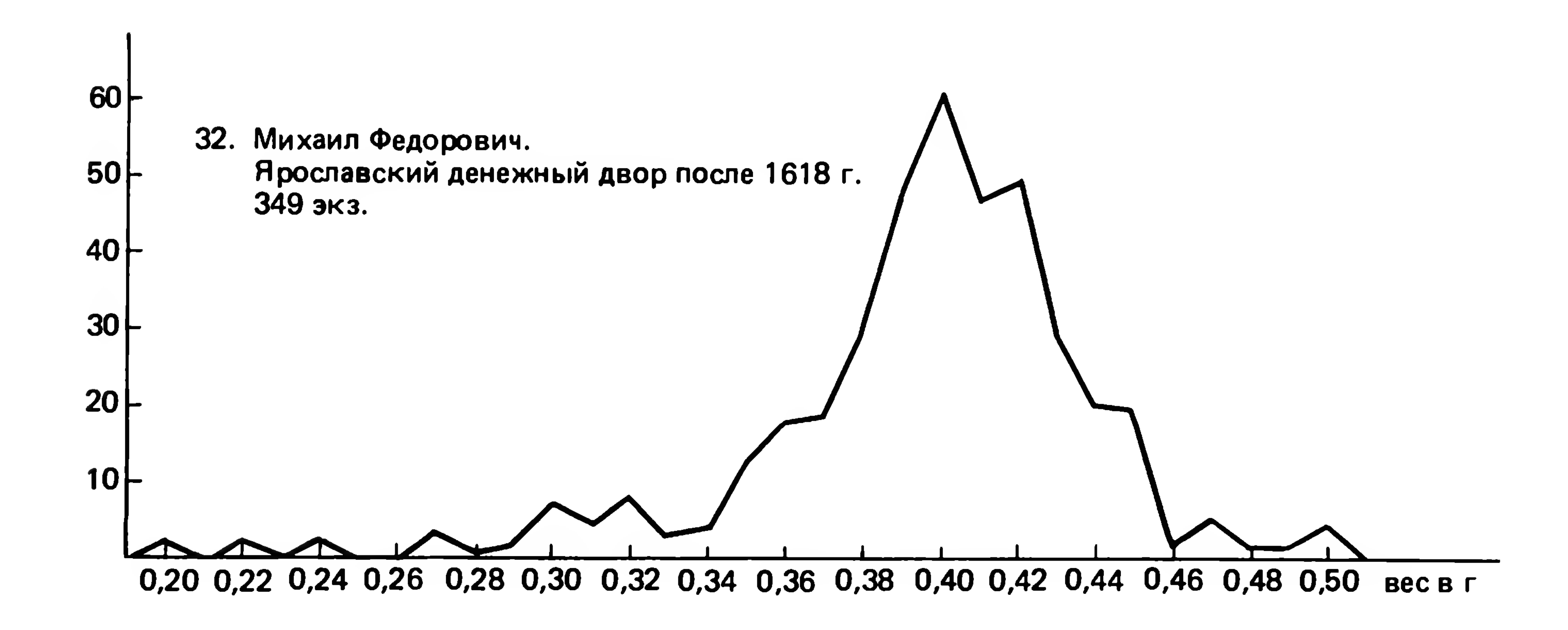
29. Михаил Федорович.
Копейки 1619–1620 гг.,
табл. 8, 10–11, 11–11, 12–11,
7а–13, 3–13, 9–13, 10–13,
3–14, 5–14, 11–14, 9–14,
10–14, 12–14, 13–11, 13–14,
12–15, 3–15, 14–14, 5–15,
10–15, 11–15, 13–15, 3–16,
10–16, 13–16, 11–16, 15–14,
15–17.
2445 экз.

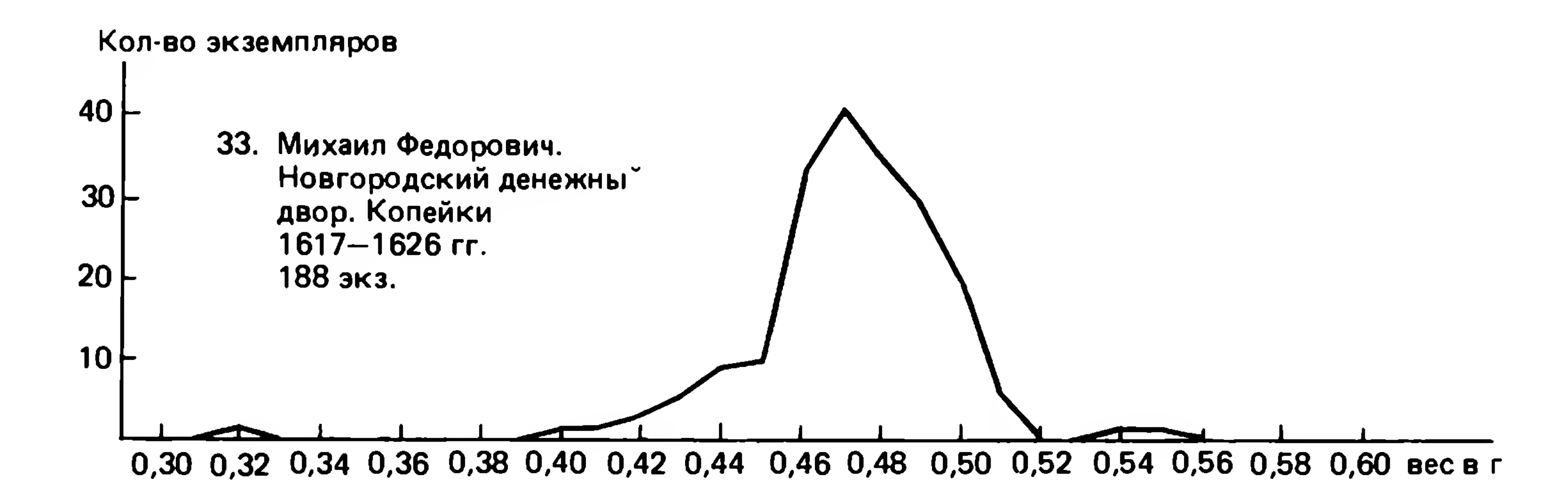
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 вес в г

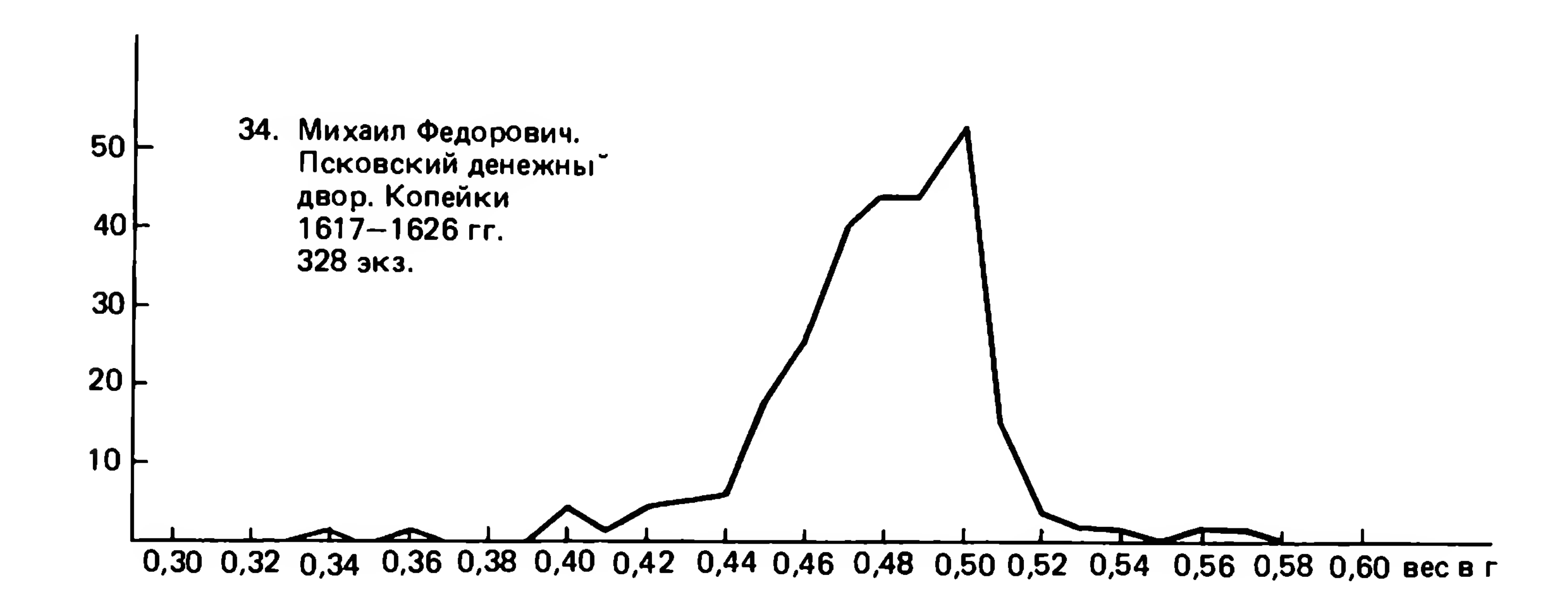

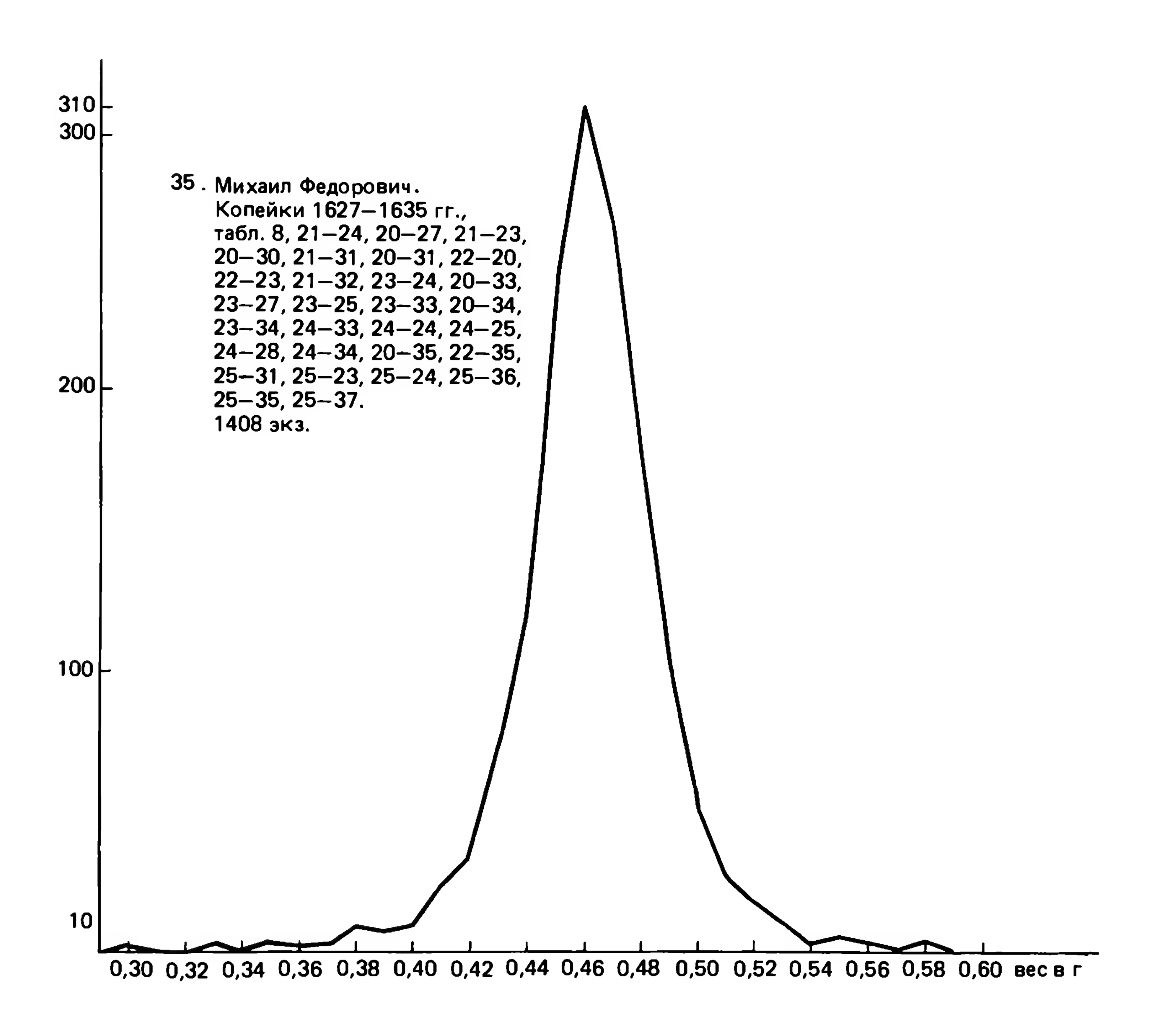

Кол-во экземпляров
140
130
120
110
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
30. Михаил Федорович,
Копейки 1621—1624 гг.,
табл. 8, 16—14, 16—18, 10—17, 13—17,
3—18, 14—18, 10—18, 15—18,
10—19, 14—19, 16—19,
15—19, 16—20, 15—20, 17—20,
14—21, 16—21, 17—21, 18—21,
17—22, 18—22, 17—24, 18—24,
15—23, 19—24.
531 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

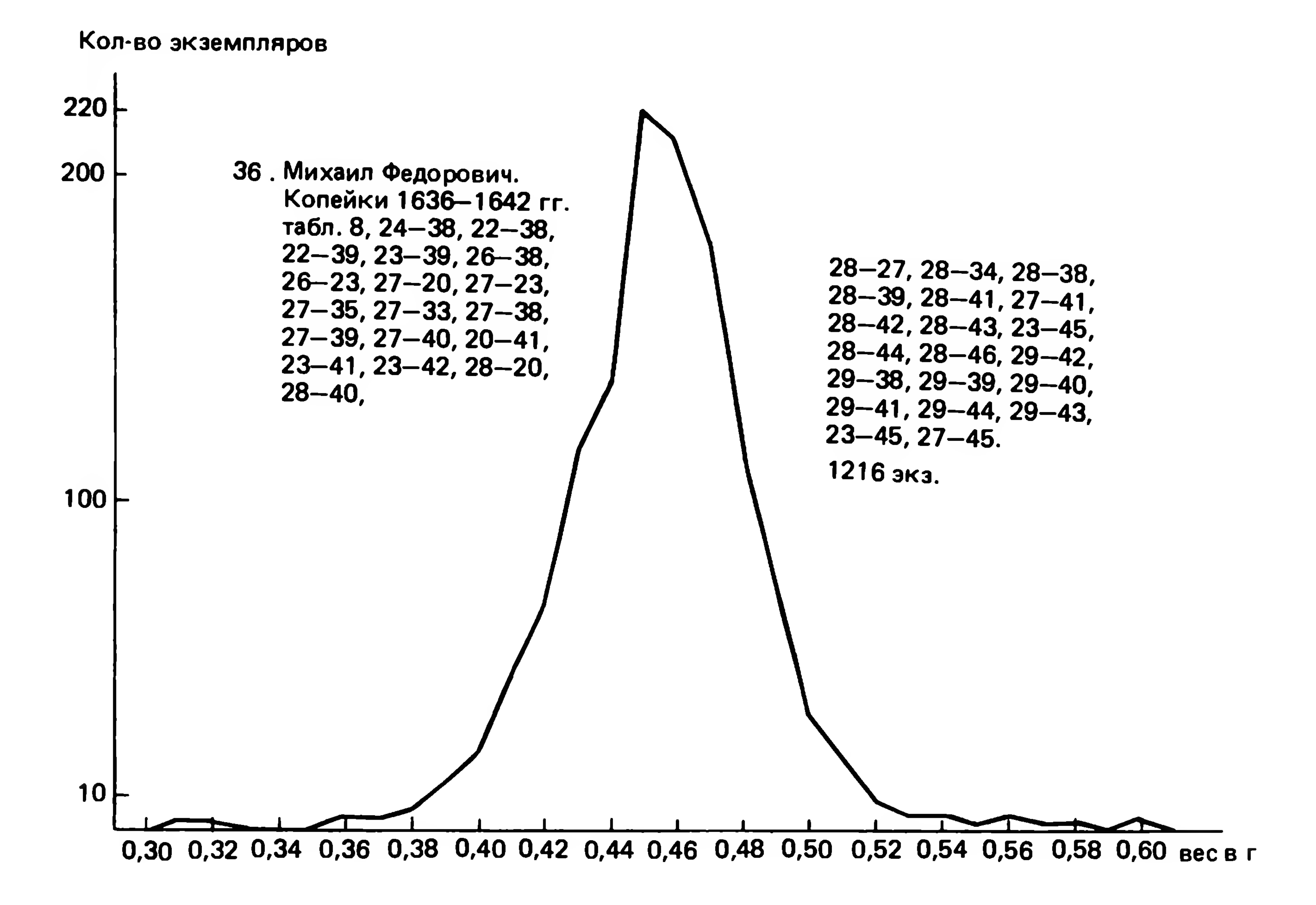

140
130
120
110
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
31. Михаил Федорович.
Копейки 1625—1626 гг.,
табл. 8, 20—24, 20—25,
17—26.
666 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

60
50
40
30
20
10
32. Михаил Федорович.
Ярославский денежный двор после 1618 г.
349 экз.
0,20 0,22 0,24 0,26 0,28 0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 вес в г

Кол-во экземпляров
40
30
20
10
33. Михаил Федорович.
Новгородский денежный
двор. Копейки
1617–1626 гг.
188 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

50
40
30
20
10
34. Михаил Федорович.
Псковский денежный
двор. Копейки
1617–1626 гг.
328 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

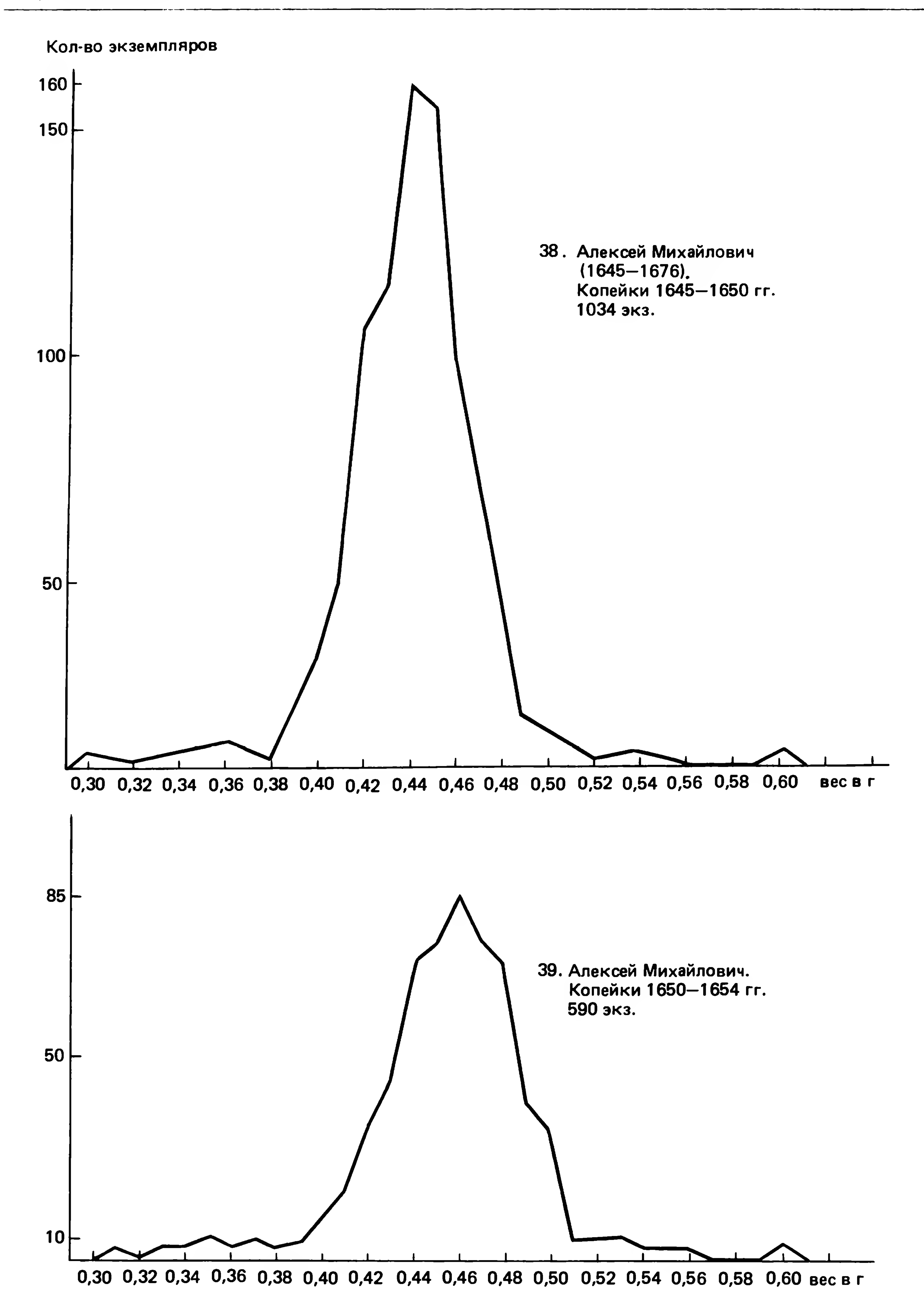

310
300
200
100
10
35. Михаил Федорович.
Копейки 1627–1635 гг.,
табл. 8, 21–24, 20–27, 21–23,
20–30, 21–31, 20–31, 22–20,
22–23, 21–32, 23–24, 20–33,
23–27, 23–25, 23–33, 20–34,
23–34, 24–33, 24–24, 24–25,
24–28, 24–34, 20–35, 22–35,
25–31, 25–23, 25–24, 25–36,
25–35, 25–37.
1408 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

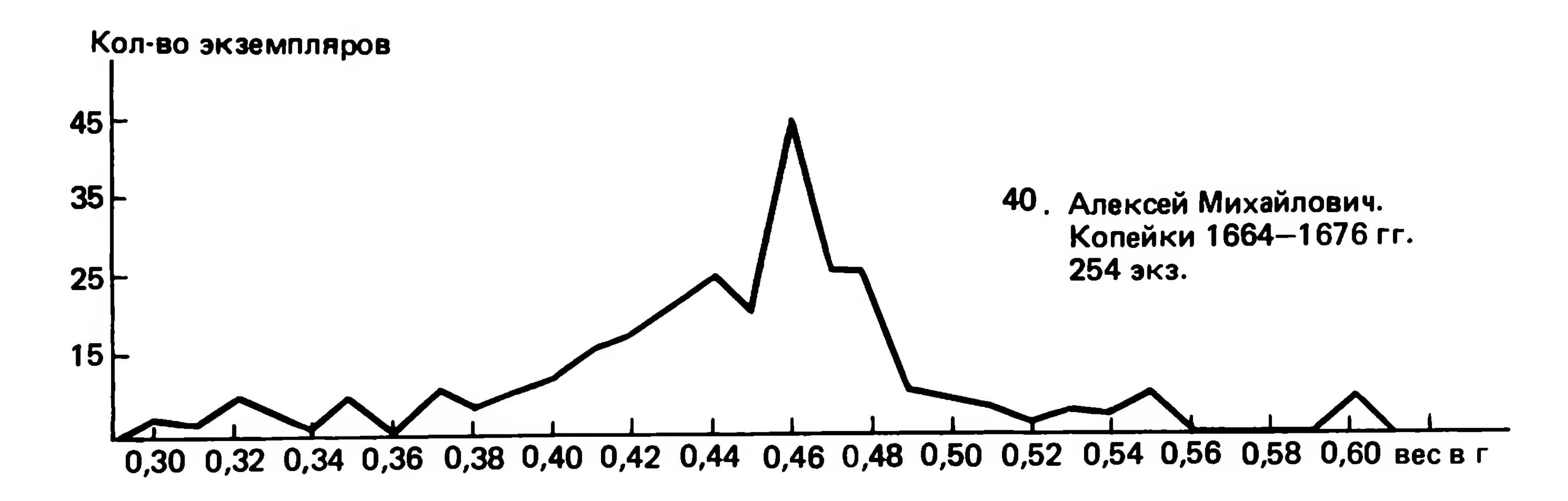

250
200
100
10

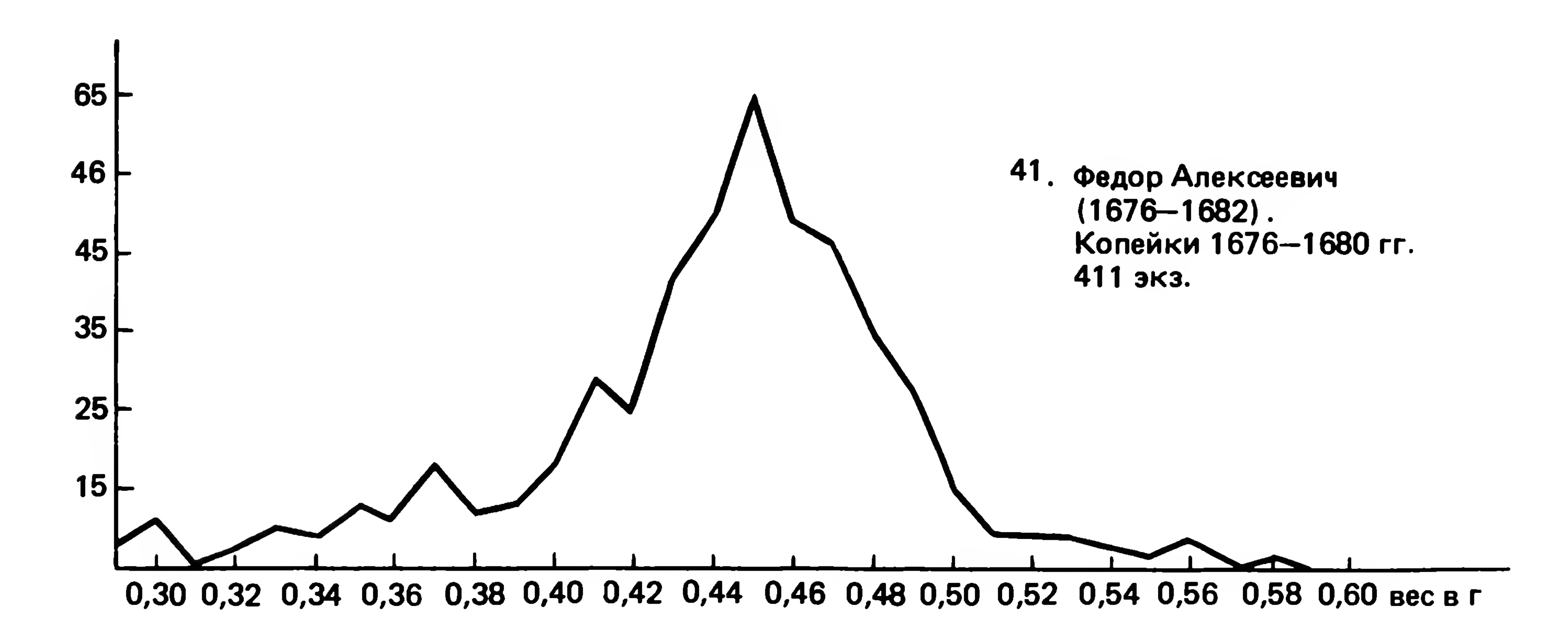
37. Михаил Федорович.
Копейки 1642–1645 гг.
табл. 8, 28–45, 29–45,
30–38, 30–39, 30–45,
23–48, 28–48, 23–47,
29–48, 30–20, 31–49,
31–50, 31–51, 31–52.
1378 экз.

0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

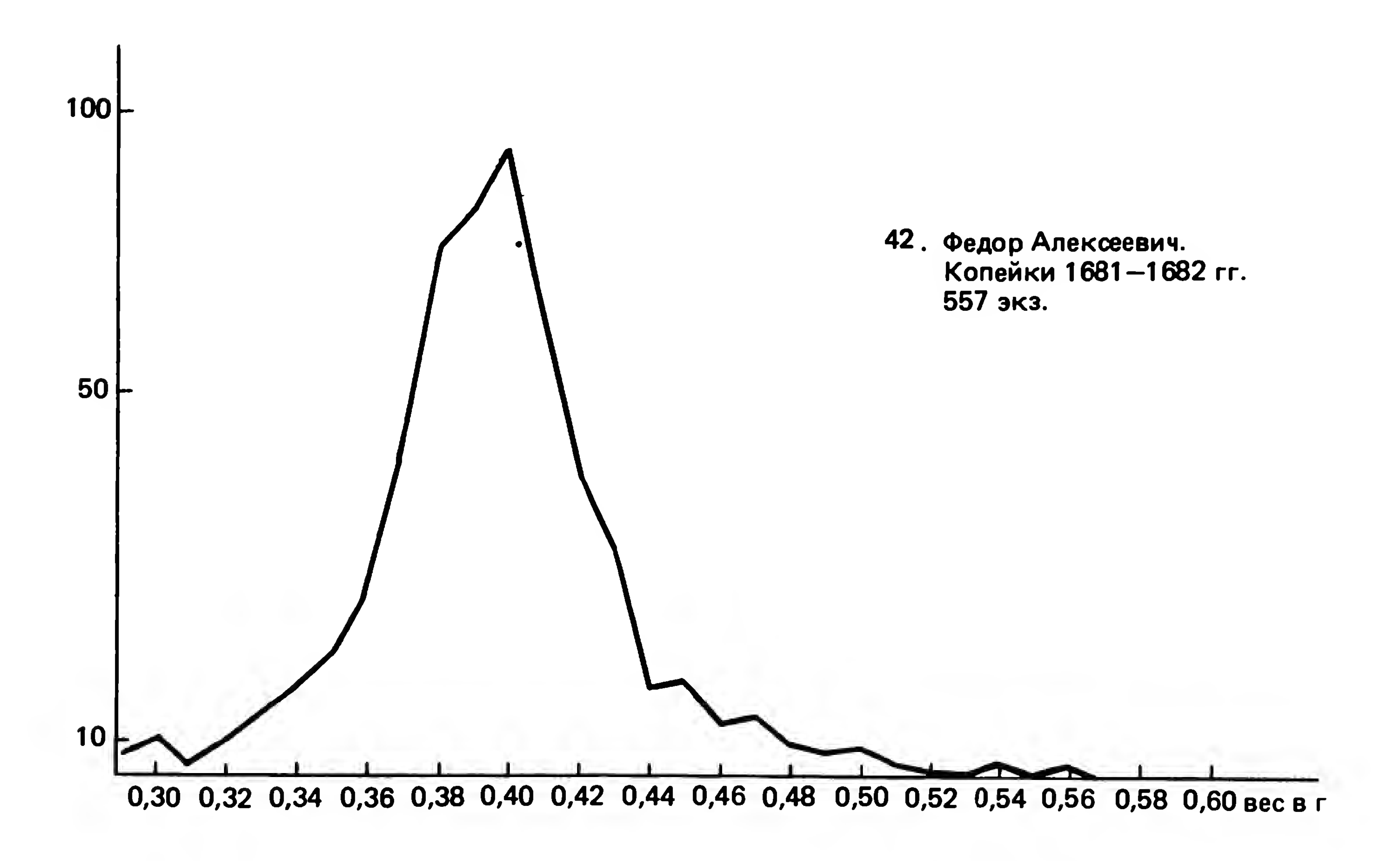

Кол-во экземпляров
160
150
100
50
38. Алексей Михайлович
(1645–1676).
Копейки 1645–1650 гг.
1034 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г
85
50
10
39. Алексей Михайлович.
Копейки 1650–1654 гг.
590 экз.
0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 0,54 0,56 0,58 0,60 вес в г

40. Алексей Михайлович. Копейки 1664–1676 гг. 254 экз.

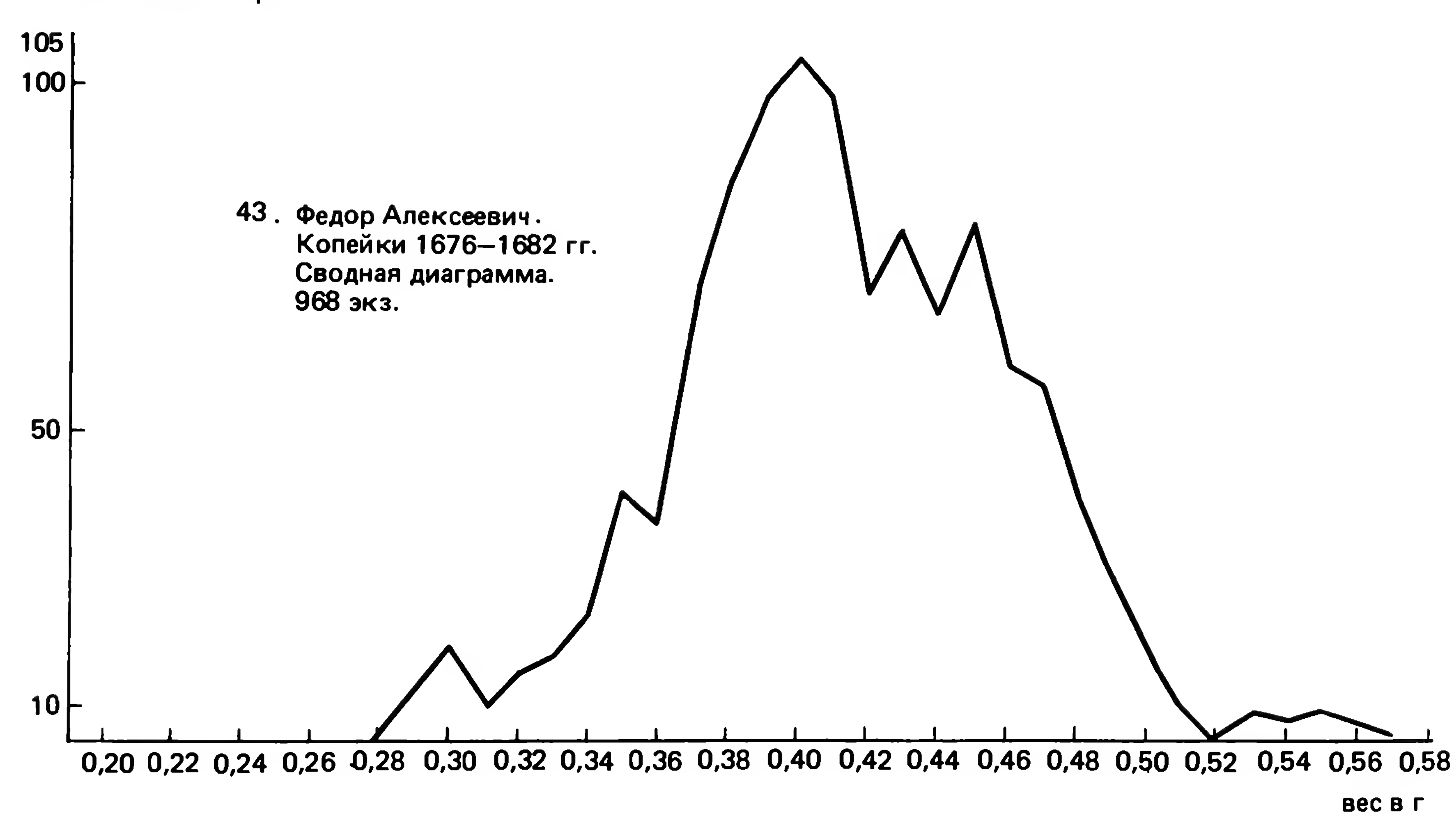

41. Федор Алексеевич (1676–1682). Копейки 1676–1680 гг. 411 экз.

42. Федор Алексеевич. Копейки 1681–1682 гг. 557 экз.

135
100
50
10

44. Монеты Иоанна и Петра
Алексеевичей (1682–1696).
Сводная диаграмма.
864 экз.

0,20 0,22 0,24 0,26 0,28 0,30 0,32 0,34 0,36 0,38 0,40 0,42 0,44 0,46 0,48 0,50 0,52 вес в г

Содержание

РАЗДЕЛ II

Мельникова А. С.

М48 Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год) М.: Финансы и статистика, 1989. — 318 с.: ил.
ISBN 5-279-00195-3.

Книга посвящена истории русской монеты XVI—XVII вв. — серебряной проволочной копейке. Рассматриваются этапы развития русской денежной системы. Основу работы составляют справочник-определитель монет 1533—1682 гг. в форме фотоизображений с точной атрибуцией каждого типа, прорисовки этих монет, таблицы соотношения штемпелей, диаграммы веса.

Для научных и музейных работников и нумизматов, читателей, интересующихся историей денежного обращения в России.

М $\frac{0502000000—107}{010(01)—89}$ 24—89 ББК 63.2

Научное издание
(с иллюстрированным каталогом)

Мельникова Алла Сергеевна

РУССКИЕ МОНЕТЫ ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО ДО ПЕТРА ПЕРВОГО
(история русской денежной системы с 1533 по 1682 год)

Зав. редакцией *Е. А. Хмелинина*
Редактор *Л. А. Чистякова*
Мл. редактор *Ф. Е. Медведовская*
Техн. редактор *Л. Г Челышева*
Корректоры *С. Г Мазурина, Г В. Хлопцева, Е. Ю. Потапкина*
Оформление художника *Ю. И Артюхова*

ИБ № 2097

Сдано в набор 22.11.88. Подписано в печать 24.07.89. А 09341.
Формат 70 × 100 1/16. Бум. офсетная № 1. Гарнитура «Литературная».
Печать офсетная. Усл. п. л. 28,6 (в т. ч. вкл. 2,6). Усл. кр.-отт. 55,25
(в т. ч. вкл. 2,6). Уч.-изд. л. 29,23 (в т. ч. вкл. 2,41).
Тираж 250 000 экз. 1-й завод 1—50 000. Заказ 977 Цена 4 руб.

Издательство «Финансы и статистика»,
101000, Москва, ул. Чернышевского, 7
Отпечатано в типографии им. Котлякова издательства «Финансы и статистика»
Государственного комитета СССР по печати.
195273, Ленинград, ул. Руставели, 13.

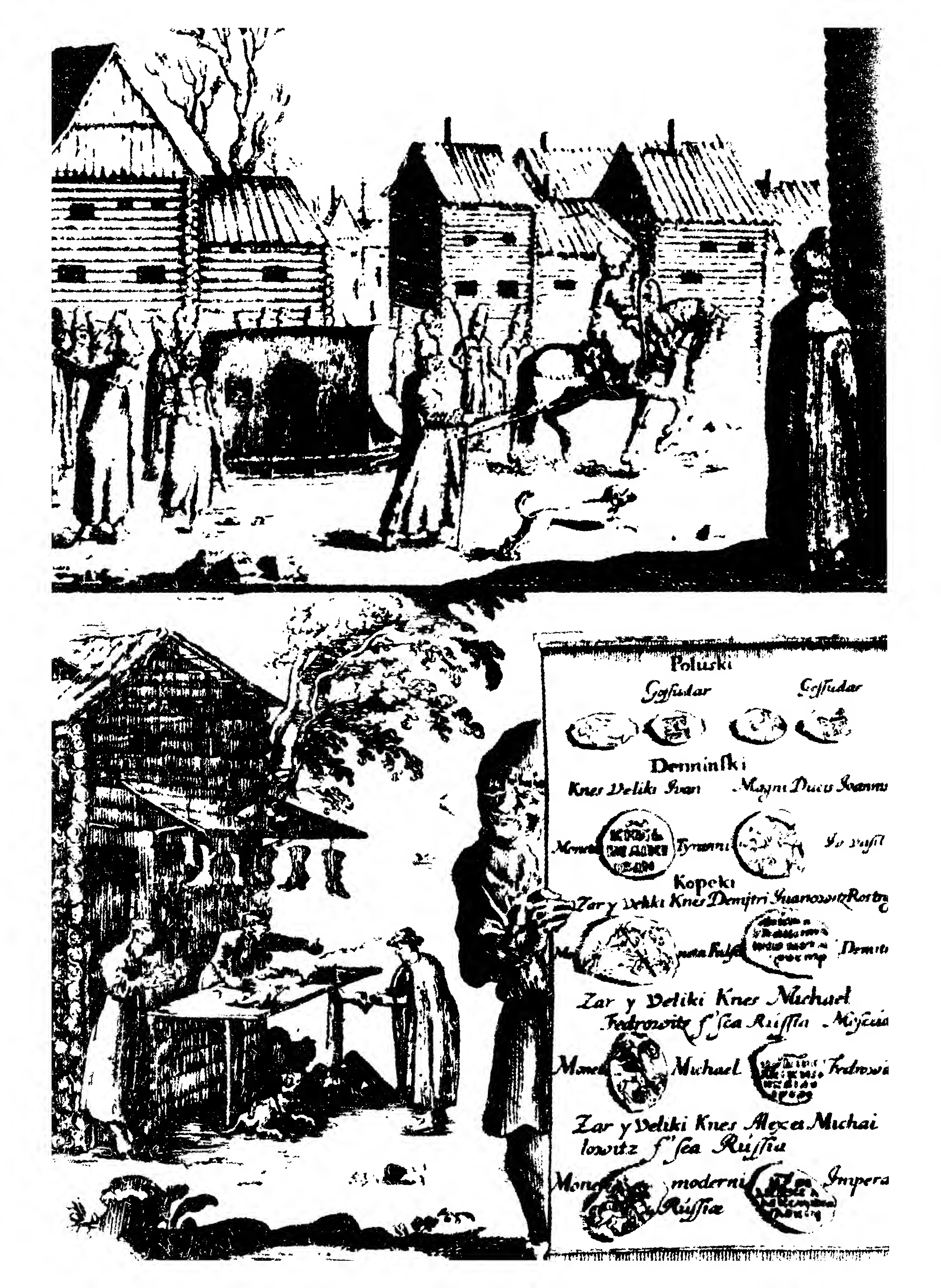

Poluski
Gossudar
Gossudar
Denninski
Knes Veliki Ivan
Magni Ducis Ioannis
Tyranni
Kopeki
Zar y Veliki Knes Demitri Ivanowitz Rostow
Demitri
Zar y Veliki Knes Michael
Fedrowitz f'sea Russia
Michael
Fedrowi
Zar y Veliki Knes Alexei Michai
lowitz f'sea Russia
moderni
Russiae
Impera

Таблица 1. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ ИВАНА IV (1533–1584)

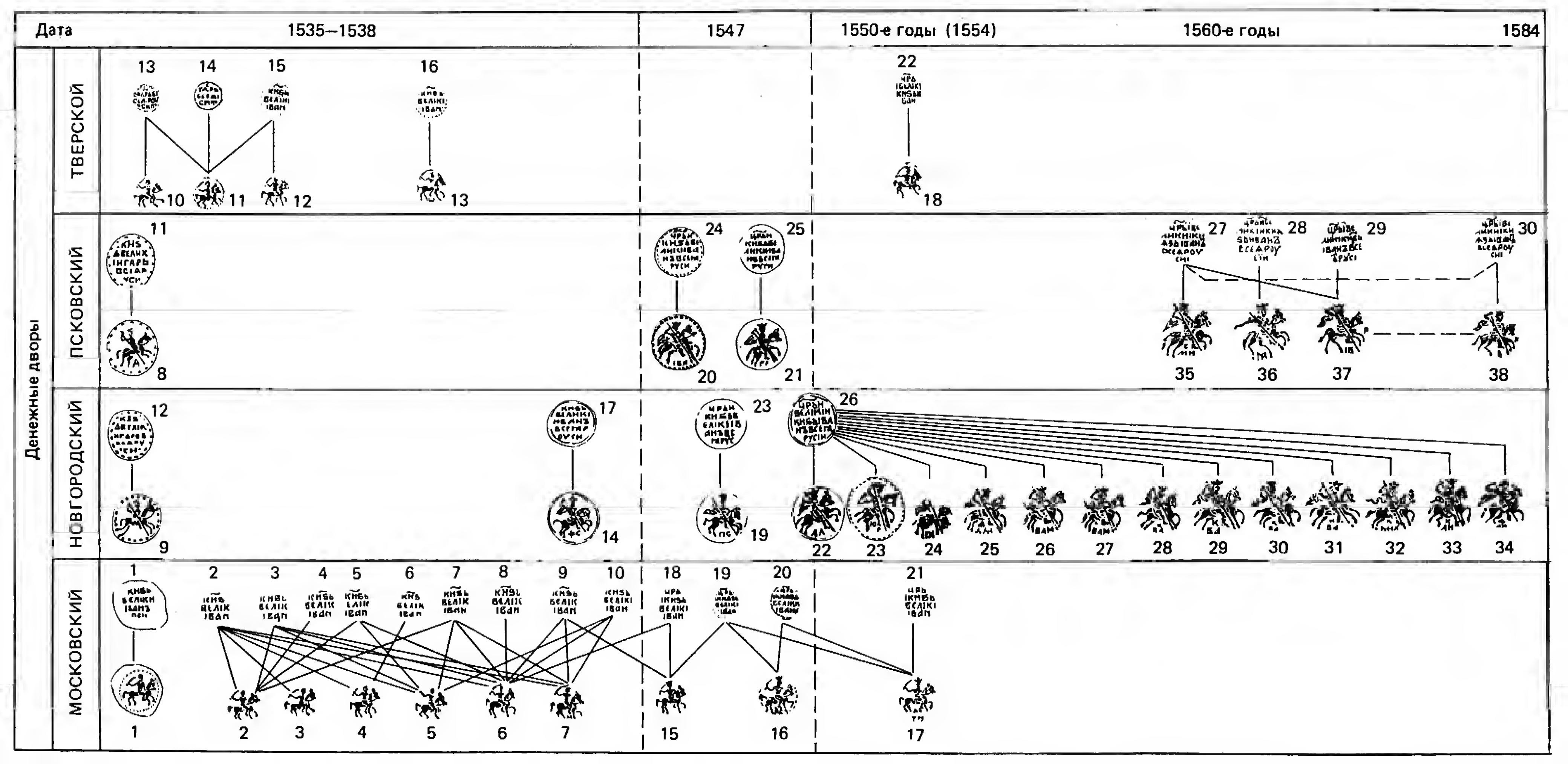

Таблица 2. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА (1584–1598)

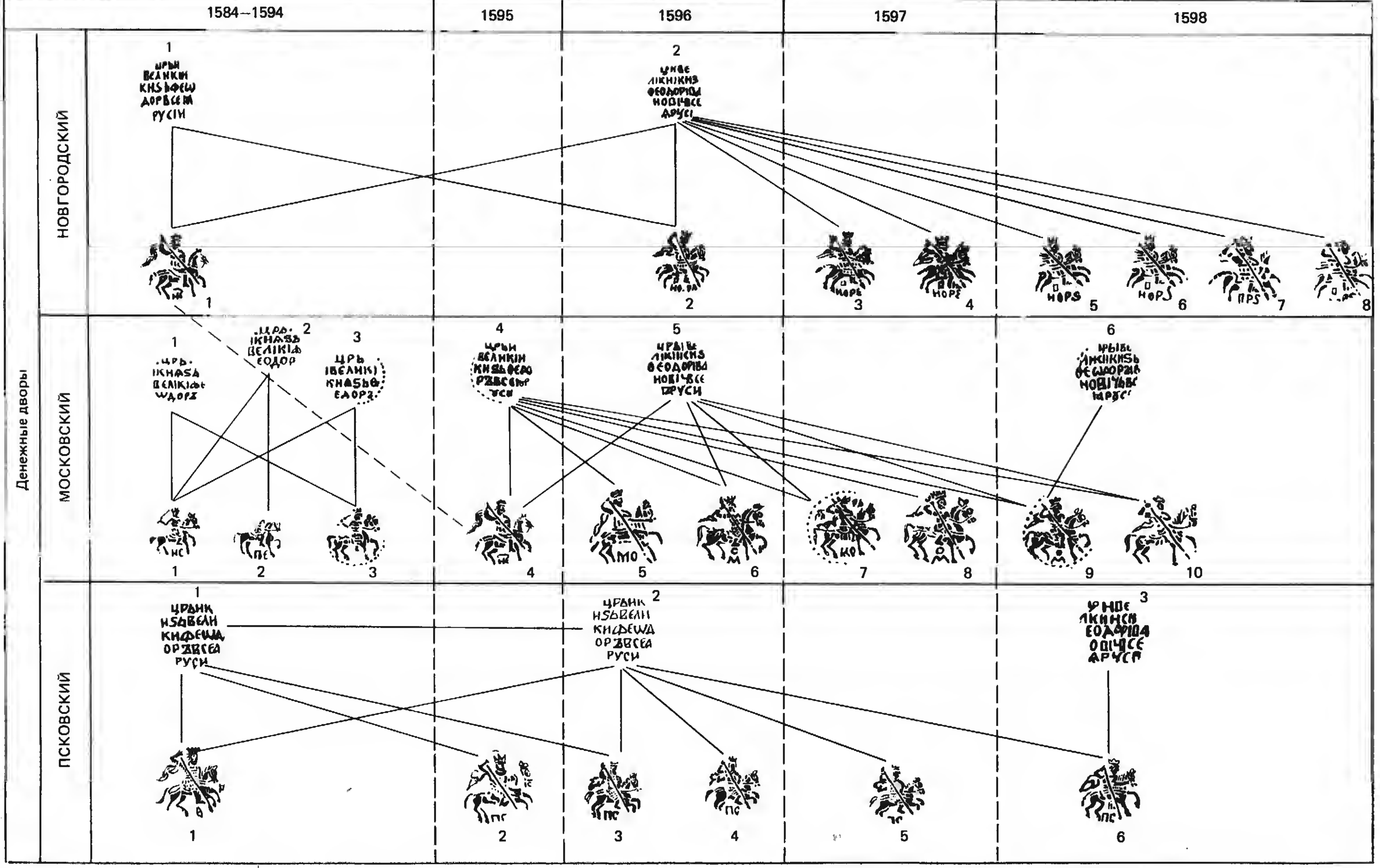

Таблица 3. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА (1598–1605)

		IX.1598	XII.1598	1599	1600	1801	1602	1803	1804	1805
Денежные дворы	МОСКОВСКИЙ	а	б	1; 1, 2, 3	2; 4	3; 5	4; 6, 7	5; 8	6	
	ПСКОВСКИЙ	в		1; 1	2; 2	3; 3		4; 4	5; 5	
	НОВГОРОДСКИЙ	г		1; 1	2, 3; 2, 3	4; 4, 5	5, 6; 6, 7	7, 8, 9; 8, 9, 10, 11	10; 12	11; 13

Таблица 4. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА (1605–1606); ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО (1606–1610); ВЛАДИСЛАВА ЖИГИМОНТОВИЧА (1610–1612)

Денежные дворы	Дмитрий Иванович		Василий Шуйский					Владислав Жигимонтович	
	VII.1605	1605–1606 (до V)	1606	1607	1608	1609	1610 (до VIII)	1611	1612 (до XII)
МОСКОВСКИЙ	1; 1, 2 (МО)	3 (МО), 4	1, 2, 3; 1	4, 5; 2	6, 7; 3, 4, 5 (МО)		8, 9; 6	1, 2; 1, 2	3; 3 (МО)
ОСОБЫЙ ЧЕКАН						1, 2, 3; 1, 2, 3	4, 5, 6; 4, 5		
ПСКОВСКИЙ	1; 1	2 (ПСК)	1, 2; 1 (ПС)	2		3; 3 (ПСК)		А; А	Б; Б
НОВГОРОДСКИЙ	1; 1	2; 2	1, 2; 1, 2		3; 3	4; 4	5	1, 2; 1	

Таблица 5. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ ВТОРОГО ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ (1612—1613)

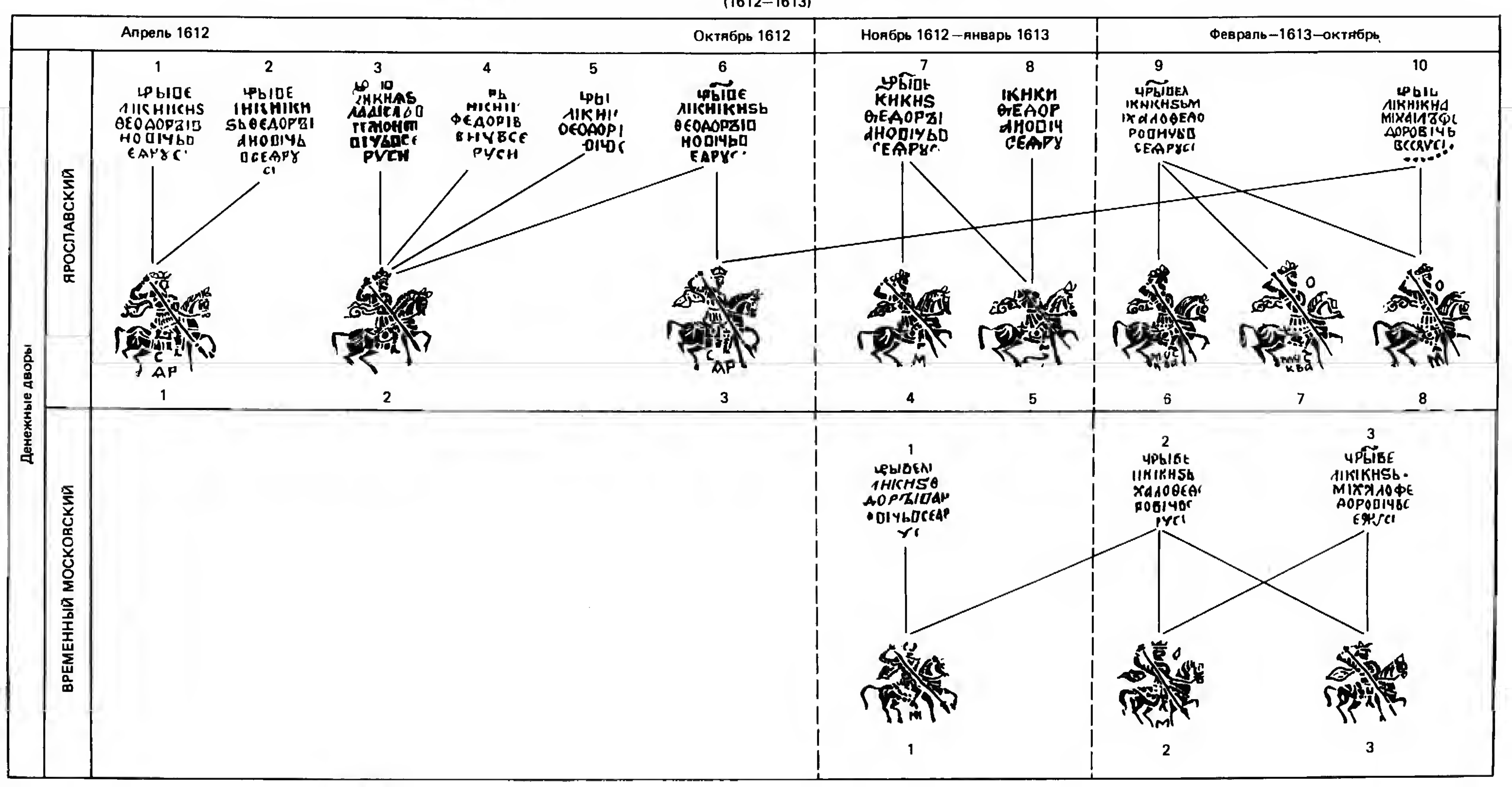

Таблица 6. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ НОВГОРОДСКОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА ВРЕМЕНИ ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ (1611–1617); МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1617–1627); ШВЕДСКИХ ПОДДЕЛОК (1617–?)

	Шведская оккупация		Михаил Федорович
	1611–1615	Март 1615 – февраль 1617 7123–7125	Сентябрь 1617 — 1627 7126 — 7135
НОВГОРОДСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР	1 1	2 3 2 3	1 2 3 4 1 2 3 4 5 6
ЧЕКАН НЕФЕДКИ С ТОВАРИЩАМИ „В СВЕЕ"			4 5 6 7 4 5 6 7 8 9

Таблица 7. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ АНГЛИЙСКОЙ КОМПАНИИ

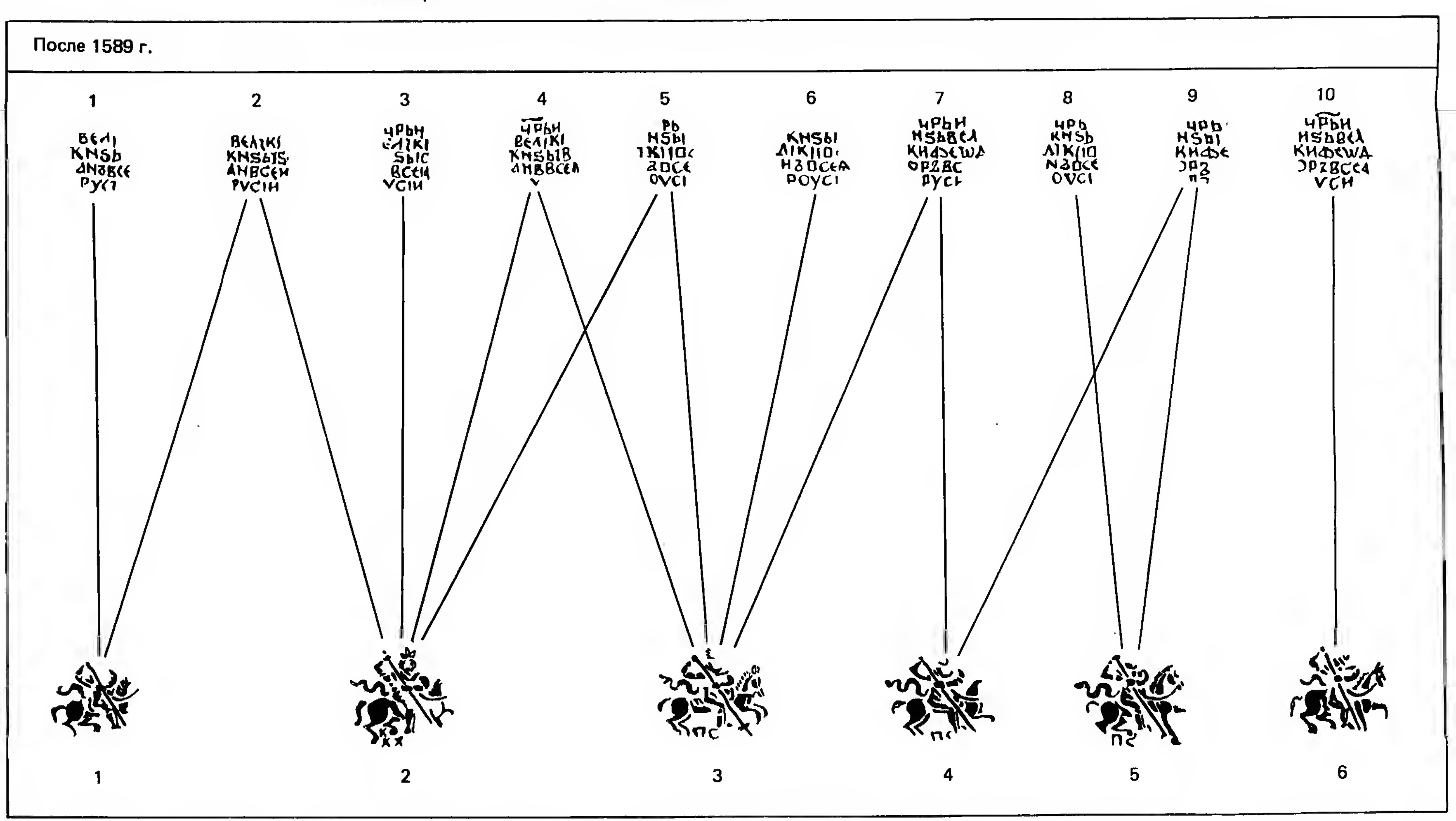

Таблица 8. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ КОПЕЕК МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613–1645). МОСКОВСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР

1613	1614	1615	1616	1617	1618	1619	1620	1621	1622
1, 2	3, 4	5, 6	7, 8	9, 10	11, 12	13, 14	15, 16	17, 18	19, 20
1, 2	3, 4	5, 6	7, 7A	8, 9	10, 11	12, 13	14, 15	16	17

A B C D E F G H I J K

Таблица 8.1

1623		1624		1625		1626		1627	1628	1629	1630	1631	1632	1633	1634	1635	1636	1637	1638
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
18		19		20				21		22		23		24		25		26	

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

Таблица 8.2

1639	1640	1641		1642		1643		1644		1645	
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52
27		28		29		30		31			

1
2
3
6
5
4
7
8
9
10
12
11
13
14
16
17
15
18
20
19
22
21
23
24
25
26
27

Таблица 9. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ ДЕНЕЖЕК И ПОЛУШЕК МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613–1645). МОСКОВСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР

1614	Денежки	1645	Полушки
1 (3), 2 (5), 3 (6), 4 (7), 5 (11), 6 (20), 7 (30), В, 9 (31), 10			А
1			А

Таблица 10. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ КОПЕЕК МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613–1645). ПСКОВСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ ДВОР

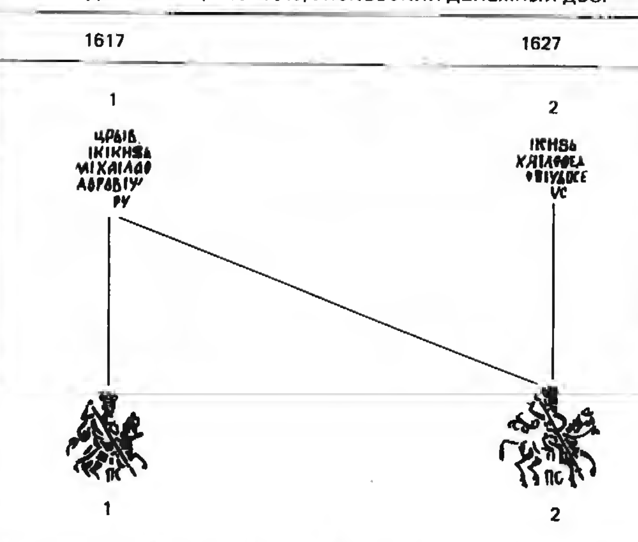

Таблица 11. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ РУССКО-ДАТСКИХ МОНЕТ (ДЕННИНГОВ)

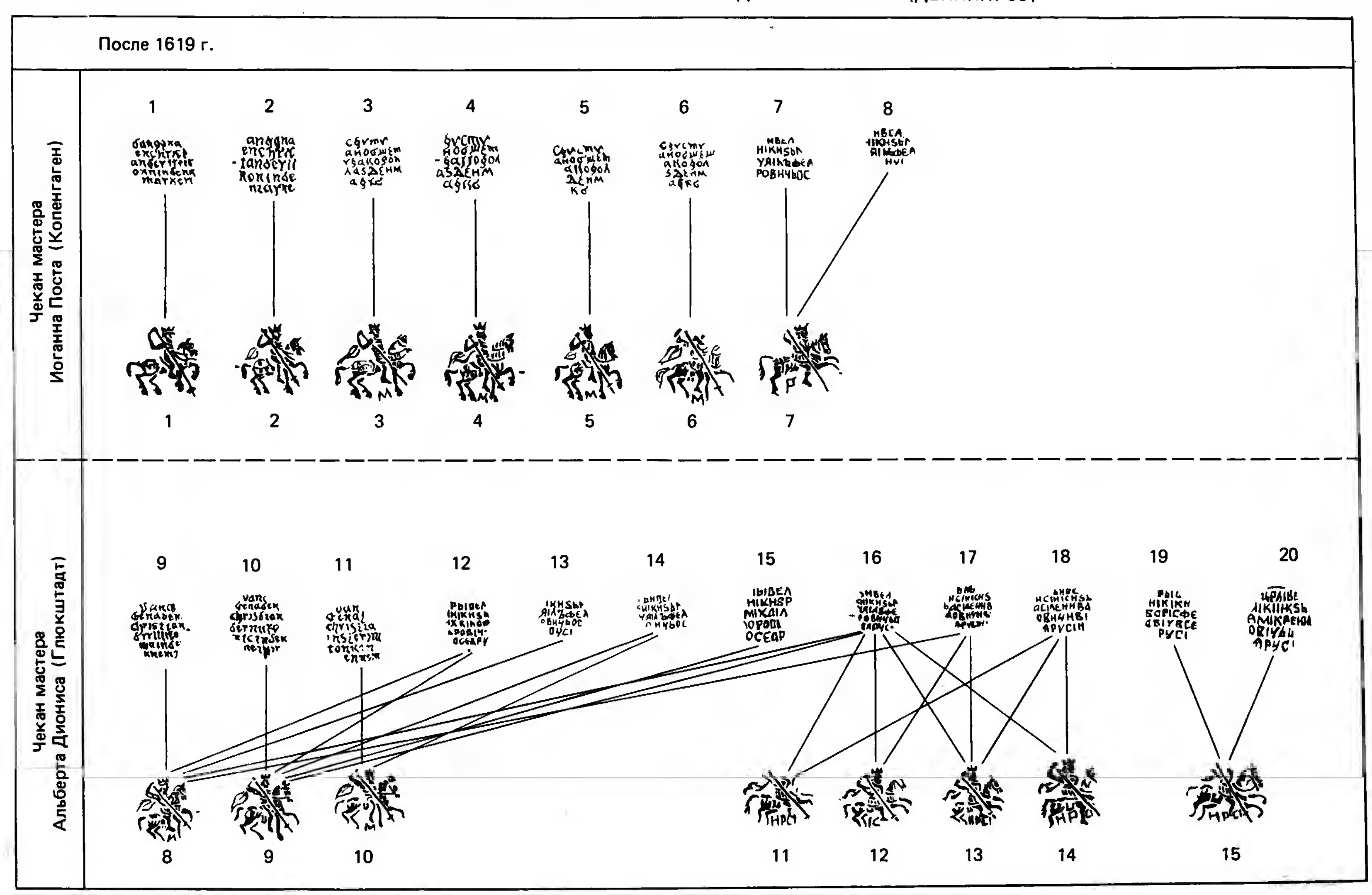

Таблица 12. Соотношение штемпелей серебряных копеек Алексея Михайловича /1645 – 1676/

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

A B C D E F G H I J K L

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16

1645

а б в г д е

ж

а б в ж

Таблица 12.1

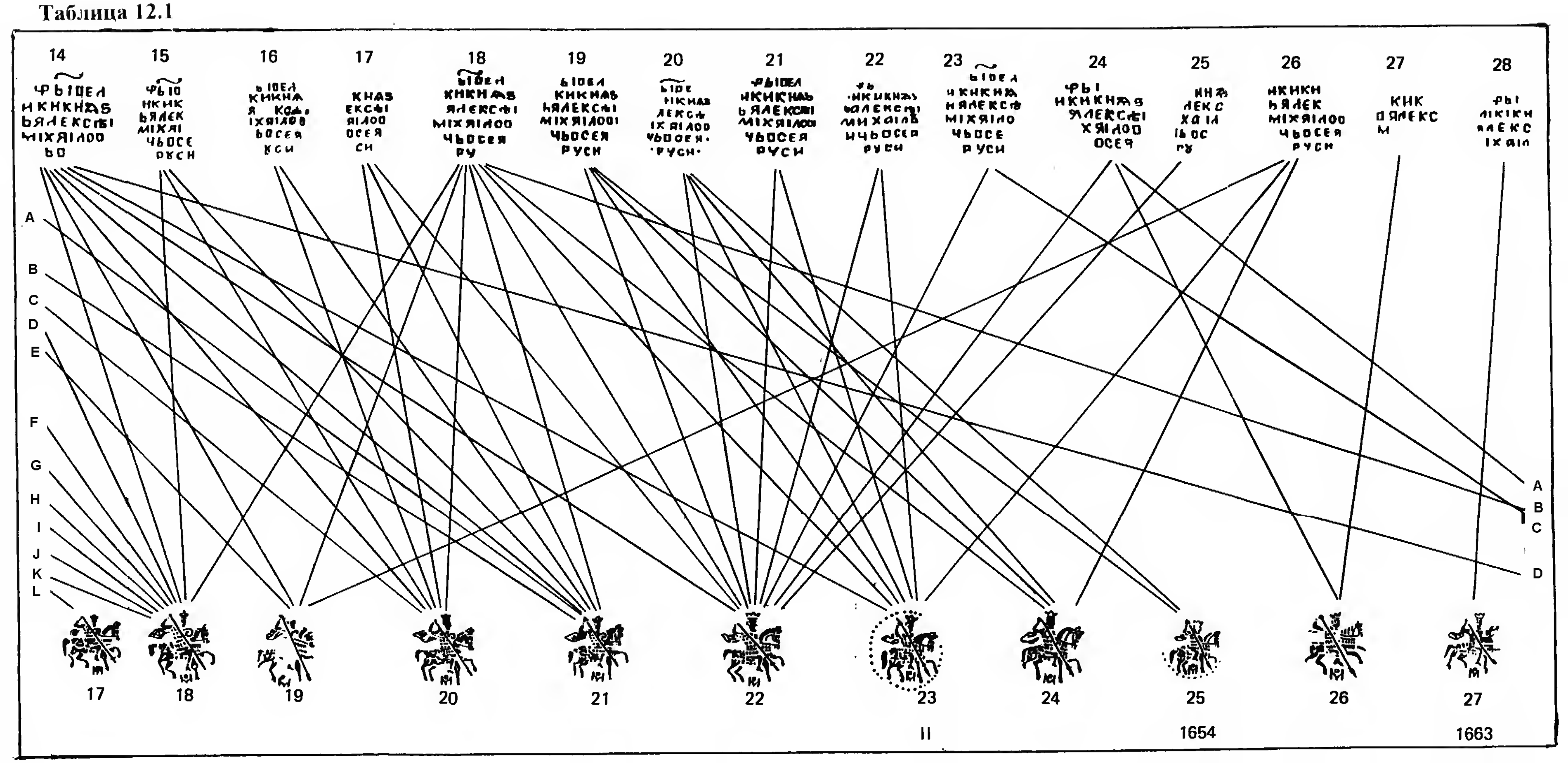
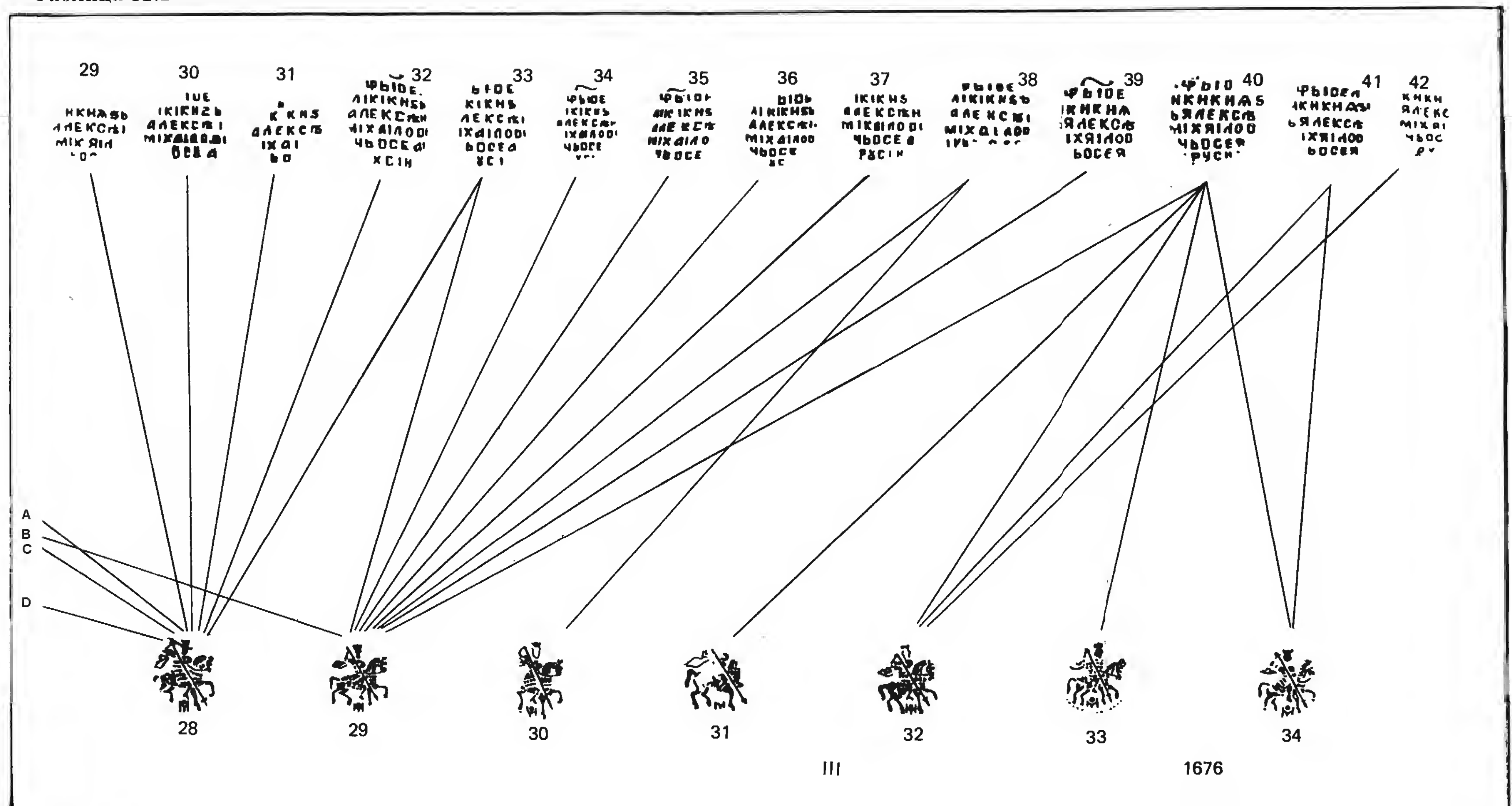
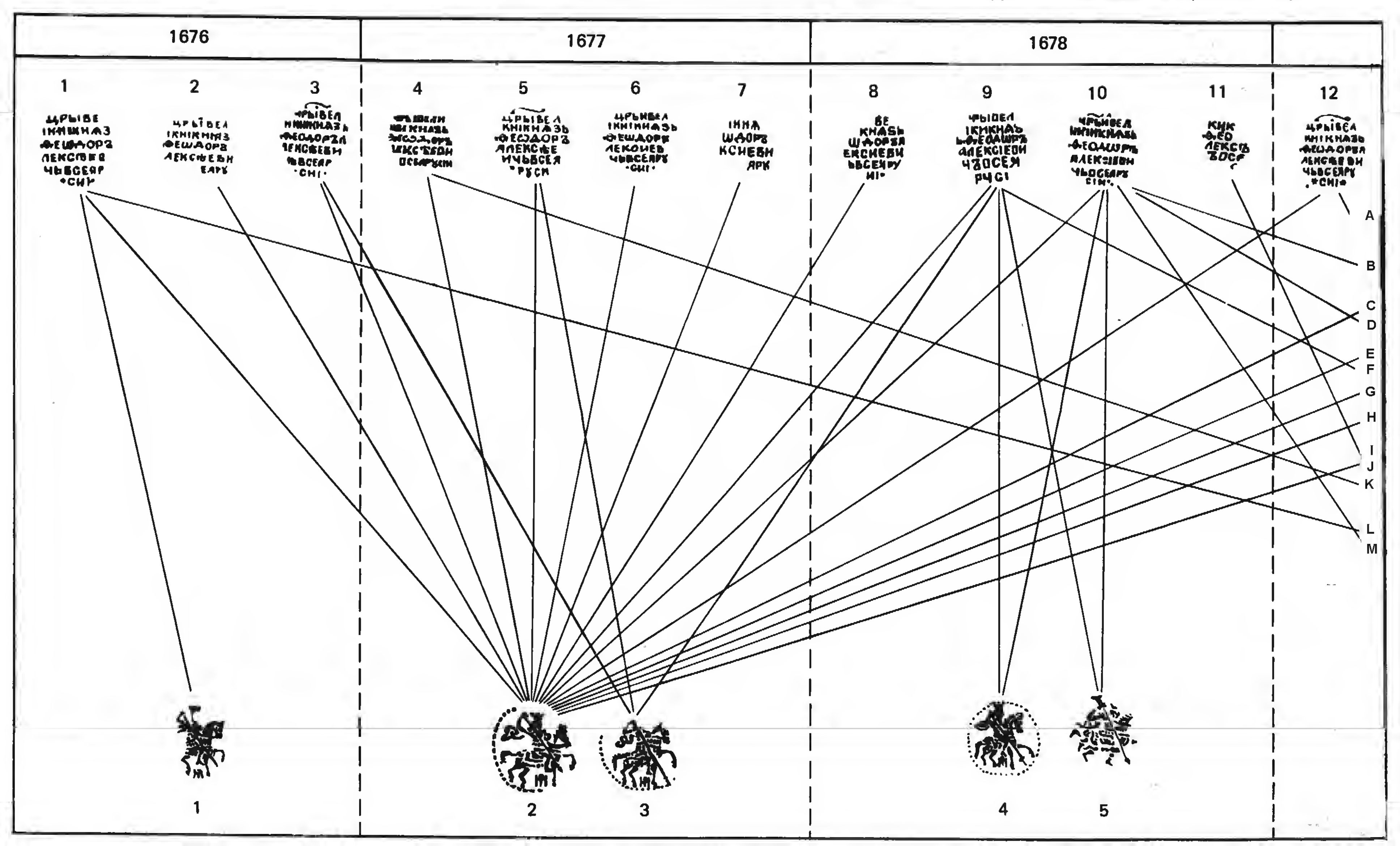

14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
A
B
C
D
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
II
1654
1663

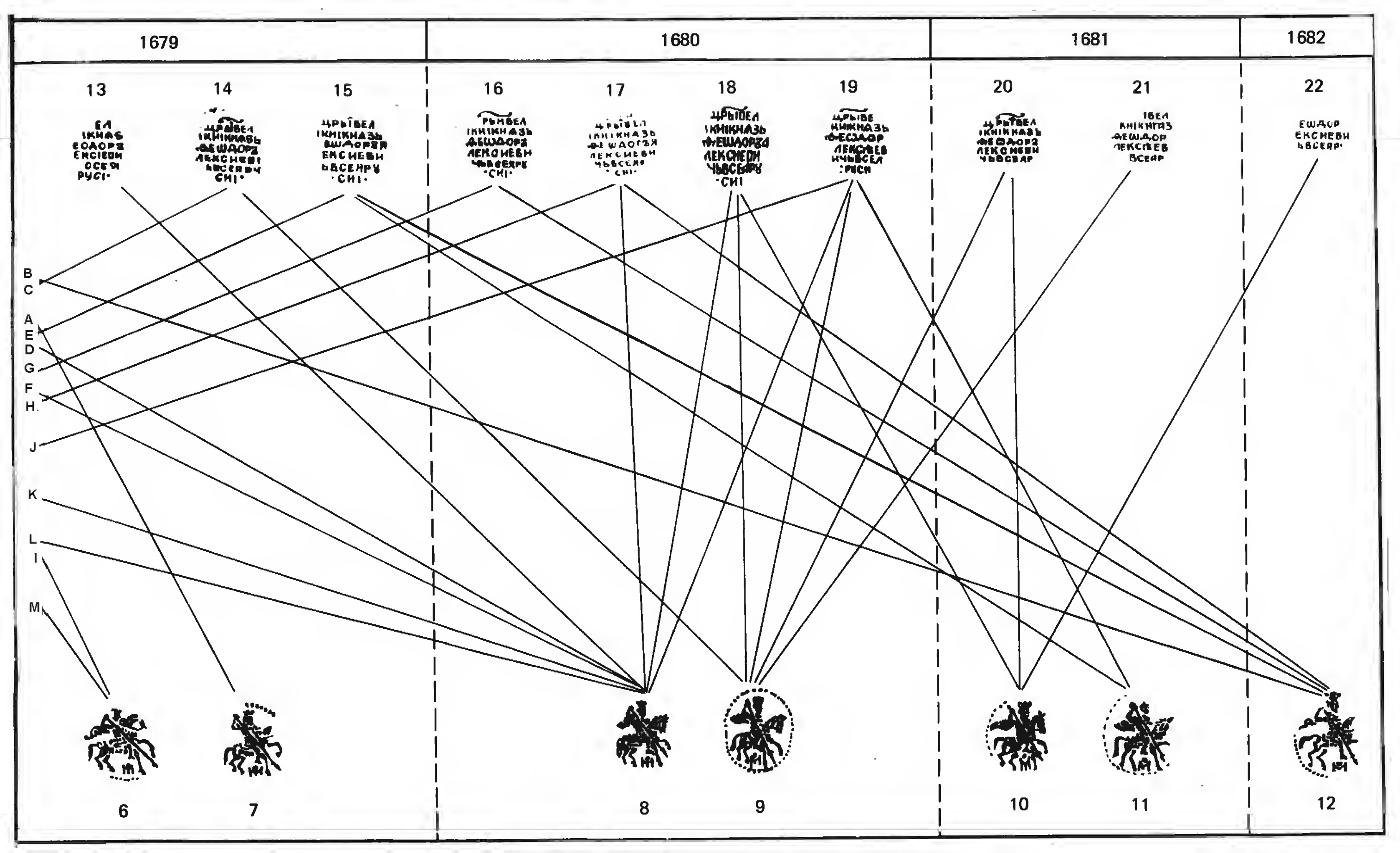
Таблица 12.2

29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
A
B
C
D
28
29
30
31
32
33
34
III
1676

Таблица 13. СООТНОШЕНИЕ ШТЕМПЕЛЕЙ МОНЕТ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676–1682)

1679
1680
1681
1682
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
B
C
A
E
D
G
F
H
J
K
L
I
M
6
7
8
9
10
11
12